

61
Л 64
103599

МЕДИЦИНА И МЕДИКИ

Э. ЛИТТРЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ

М. ЦЕБРИКОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1873.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	I—VII
Великія эпідемії.	1
Виразительность лошадинаго сана	32
О риахъ нанесенныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ	56
Сыттели чумы	67
Сократъ и Паскаль	80
Говорящіе столы. Стучащіе духи.	105
Гигіена	135
Наслѣдственность	180
Первія система.	190
Анатомія.	203
Електричество въ примѣненіи къ фізіологии и терапіи	218
Лапін-Влазъ и архіепископъ гренадскій	231
Холера въ Парижѣ въ 1832 г.	245
О медицинскомъ учениі, извѣстномъ подъ названіемъ ученія объ организаціяхъ	257
О токсикологіи въ исторіи. Смерть Александра	268
Была ли отравлена герцогиня орлеанская невѣстка Людовика XIV.	298
О политическомъ самоубійствѣ.	335
Цельсій	350
Маженди.	363

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.

Стран. 12 стр. 9 св. въ Примѣч.

дыхательный

13 стр. 15 сн. Вотъ въ чѣмъ

33 стр. 7 сн. кровяные

72 стр. 5 сн. Овечья болѣзнь
въ схибахъ

отран. 119 стр. 10 сн. чувствуютъ онѣ-
мѣніе руки

134 стр. 5 сн. но ни что имъ

149 стр. 6 сн. (intoxication)

156 стр. 19 св. современи

180 стр. 4 сн. одіока

192 стр. 13 сн. оброзомъ

195 стр. 3 сн. *se j'en*

Слѣдуетъ читать.

дыхательные.

Вотъ чѣмъ.

кровяные.

Овечья болѣзнь
(clavelleē).

чувствуютъ наступле-
тиоса (тетаническое
кращеніе мышцъ) рѣ-
дорожнаго онѣмѣнія
ноничто.
(intoxication).
со времени.
зодіака.
образомъ.
si j'en

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта, какъ и «Исторія французскаго языка» и «Этюды о варвалахъ и среднихъ вѣкахъ», опять то же, что я называю полу-книгой, т.-е. сборникъ статей относящихся къ одному предмету. Предлагаемый читателю томъ посвященъ медицинѣ. Мое намѣреніе не заканчивать это короткое предисловіе, не указавъ вкратцѣ на тѣ общія идеи, которыя легли въ основаніе каждой изъ статей. Мое намѣреніе не ограничиваться и тѣмъ, и подъ вліяніемъ порыва овладѣвшаго мною, въ то время какъ я держу перо, и которому я отдаюсь, я начинаю *нинѣ* воспоминаніями,—старикъ, у котораго впереди не много *часовъ*, употребляетъ ихъ на то, чтобы бросить взглядъ на *свою прошлую*.

Но ~~ш~~о писалъ о медицинѣ: статьи въ журналы, статьи въ *Слонири*, монографіи о холерѣ; я провелъ десять лѣтъ въ *Госпиталѣ* и какъ приходящій, и какъ жилецъ ихъ, въ качествѣ *приложнаго* ученика въ отдѣлѣніи г. Райэ и однако я не сдалъ *ни одного* экзамена, не имѣю ни одного медицинскаго титула, *и я не врачъ.*

Это можетъ показаться страннымъ, я сознаюсь, но это имѣть свое объясненіе. Въ 1827 г. я имѣлъ необходимыя шестнадцать записей и готовился держать экзаменъ (нужно было имѣть это число записей, чтобы быть допущеннымъ къ экзаменамъ), когда мой отецъ умеръ. Эта смерть, говоря языкомъ латинскаго поэта —

Semper acerbum
Semper honoratum, sic dii voluistis, habebo

измѣнила совершенно мое положеніе и принудила меня заботиться не только о моемъ существованіи, но и о моей матери; послѣдняя забота, впрочемъ, была раздѣлена моимъ братомъ. Тогда я разсудилъ, что карьера медицины закрывалась передо мной, и я не рѣшился дѣлать въ настоящемъ затраты на то, чтобы устроиться какъ докторъ — устройство, которое въ Парижѣ стоитъ всегда дорого и всегда невѣрно. Было бы излишнимъ говорить читателю чѣмъ я сдѣлался; но упорство ума не допустило меня потерять плоды начатаго изученія и, заработавая свой хлѣбъ инымъ путемъ, я принялъ посѣщать добровольнымъ ученикомъ клинику г. Райэ въ Шарите. Тамъ я сошелся съ нимъ. Эта клиника прекрасная школа; я воспользовался ею и такимъ образомъ, удаляясь отъ практики, я не переставалъ сближаться съ наукой.

Эта жизнь невѣрнаго заработка и прилежнаго изученія велась нѣсколько времени, когда г. Райэ, не знаю какимъ образомъ, узналъ о ней и предложилъ мнѣ въ долгъ значительную сумму денегъ, для того чтобы я могъ получить званіе врача. Искренно благодарный за это неожиданное предложеніе, я однако отказался отъ него. Черезъ нѣсколько времени книгопродавецъ Гашетъ (мы были съ нимъ товарищами по коллегіи и друзьями) предложилъ мнѣ давать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ фондъ необходимый на устройство карьеры

брата. Я еще разъ отказался, изъ снасія что не буду въ состояніи возвратить данныхя миѣ въ долгъ суммы, хотя несомнѣнно ни г. Райо, ни г. Гашетъ не потребовали бы отъ меня ничего, если бы я не быть въ состояніи уплатить.

Вотъ какимъ образомъ, прилежно изучая медицину, я не сдѣлался врачемъ. Годы проходили; я не переставалъ посѣщать лабораторію г. Райо и следить за работами его; я въ то же время началъ съ г. Гашетъ значительное предпріятіе составленія и изданія словаря французскаго языка. Этотъ старый другъ не увидѣлъ конца его; я, быть можетъ, увижу его; быть можетъ... Кто же въ семидесять одинъ годъ жизни можетъ лѣстить себѣ надеждой окончить что-либо?

Я упомянуль о товарищахъ по коллѣгіи; были тоже товарищи по госпиталю. Молодые люди, которые допускаются интернами, избранными экзаменами, вообще прилежно занимаются наукой и отличаются желаніемъ употребить съ пользой четыре года жизни, которые они должны тамъ провести. Они сходятся, изучаютъ вмѣстѣ, обсуждаютъ случаи болѣзней и методы, судить учителей и, такъ какъ медицина представляетъ такъ много случаевъ для философствованія, то философствуютъ. Тамъ я свелъ искреннюю дружбу съ тремя людьми; всѣ трое умерли, и я съ печальнымъ удовольствіемъ соединилъ ихъ теперь въ моихъ воспоминаніяхъ: Мишонъ, Наталисъ Бильо и Консталля изъ Баньера въ Бигорѣ. Первый способный писать, но еще болѣе желавшій дѣлать, считавшійся за свое искусство и ~~издѣліе~~ однимъ изъ первыхъ хирурговъ въ Парижѣ и заслужившій общее уваженіе и привязанность своей честной профессіи; второй извѣстный профессоръ, умъ оригинальный, стремившійся къ изысканіямъ по части анатоміи и патологіи, и полный уточненнаго очарованія для тѣхъ, кто близко зналъ его; третій, наконецъ, горячо

преданный общественному благу, постоянно заботившійся о томъ чтобы улучшить службу госпиталей, быть полезнымъ своему городу, своимъ согражданамъ и известный своими работами о пеллагрѣ и своими еще неиспытанными предложеніями мѣръ, чтобы искоренить ее. Наша дружба, родившаяся въ госпиталѣ и дежурной комнатѣ, выдержала всѣ испытанія, даже испытанія смерти и живетъ еще въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ — въ сердцѣ того, кто скоро въ свою очередь исчезнетъ.

Я очень мало практиковалъ въ медицинѣ; однако въ деревнѣ около двадцати лѣтъ я лечилъ моихъ сосѣдей крестьянъ. Зная достаточно дѣло и соблюдая осторожность, я былъ имъ, разумѣется, полезенъ; за эту полезность я получилъ лучшую изъ наградъ — благодарность ихъ, выказанную постояннымъ доброжелательствомъ и, когда нужно было, услугами. Тогда я тоже на свою долю испыталъ какъ много тревогъ приносить медицина, когда въ серьезномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, неувѣренность въ діагнозѣ, или въ выборѣ леченія и страхъ ошибки возбуждаютъ мучительныя сожалѣнія, которыя похожи на упреки совѣсти. Нѣтъ равенства между отвѣтственностью врача и его властью; одна велика, другая мала; и именно вслѣдствіе границъ сжимающихъ эту власть, вслѣдствіе того что такъ легко потерять и крошечную частицу ея, малѣйшая потеряянная частица причиняетъ мучительную тревогу.

Есть другая сторона, вслѣдствіе которой практика медицины мучительна — это предвѣдѣніе. Оно страшно не для себя: я видѣлъ какъ многіе доктора чувствовали въ самихъ себѣ признаки неизлечимой болѣзни и, задолго еще до срока съ покорностью судьбы, произносили себѣ смертный приговоръ, который другіе узнали бы только въ послѣдней крайности; не за себя страшно это предвѣдѣніе, но за тѣхъ чья жизнь дорога, когда смертельная болѣзнь грозитъ жизни ихъ. Тогда предвѣдѣніе мука,

отъ которой избавленъ тотъ, кто можетъ долго сохранять надежду незнанія; но какъ долги недѣли, мѣсяцы, года тому, кто не можетъ утѣшить себя никакой иллюзіей. Не смотря на все и какъ дорого ни стоила мнѣ медицина, я не желалъ бы, чтобы ее недоставало для моего общаго образованія. И въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи она хорошая школа, суровая, трудная, но укрѣпляющая. Въ нравственномъ— я не буду говорить о томъ какъ она полезна, потому что полезенъ и трудъ крестьянина пашущаго землю, каменщика обтесывающаго камни, кузнеца кующаго желѣзо и всѣхъ общественныхъ работниковъ; но я скажу что, ставя человѣка постояннымъ свидѣтелемъ страданій и смерти, она внушаетъ глубокое состраданіе къ положенію человѣчества. Въ умственномъ отношеніи полезно видѣть анатомическій театръ и больницу, и знать какими органическими путями зарождается болѣзнь въ живомъ тѣлѣ, какія разрушенія производить она и въ немъ и какъ она ведетъ къ выздоровленію, или смерти.

Медицина, въ то время когда я началъ изученіе ея, вступила въ періодъ значительного усовершенствованія. До этого времени патологію рассматривали какъ явленіе, въ самомъ себѣ заключавшее причину своего существованія, полагали что всякая болѣзнь, лихорадка, воспаленіе, ракъ, было нечто независимое отъ общихъ законовъ, управлявшееся собственными законами. Вслѣдствіе этого заключали «что не было никакой связи между патологическимъ состояніемъ и физіологическимъ»; первое просто противополагалось второму, и не было перехода отъ втораго къ первому. Этотъ взглядъ неизбѣжно долженъ былъ держаться до той поры, пока физіология не сдѣлалась позитивной наукой. Она сдѣлалась ею въ началѣ нынѣшняго столѣтія; по истеченіи срока необходимаго на то, чтобы вліяніе великихъ методовъ стало ощутительно, она обновила всю доктрину Медицины. Было дознано, что въ болѣзни не проявляется ни-

какой особенный и новый законъ, что патологія ни что иное какъ нарушенная физіология, и что переходятъ отъ одной въ другой, не выходя изъ одной и той же области явленій и дѣйствій. Ничто не могло болѣе этого существенного попытія способствовать утвержденію и прогрессу медицины.

Этотъ существенный взглядъ, и ясно высказанный подразумѣваемый, преобладаетъ въ настоящемъ сочиненіи. Теперь благодаря скрытому вліянію системы философіи, введенной Огюстомъ Контомъ, свѣтлые умы не удовлетворяются знаніемъ внутренняго содержанія извѣстной науки, они хотятъ знать какимъ образомъ она связывается съ наукой въ ея цѣломъ или общемъ смыслѣ. Дѣйствительно, одна позитивная философія, которую я упомянулъ, можетъ удовлетворить этому желанію. Теологическая философія не занимается подобными вопросами; она предоставляетъ методамъ человѣческаго знанія колебаться въ какое угодно направлениѣ, подъ единственнымъ условиемъ непремѣнного и полнаго подчиненія вѣрѣ. Метафизическая философія, съ своей стороны, представила только чисто произвольныя и систематическая согласованія опредѣленій; въ ней связь всегда и исключительно субъективна, и этой субъективный характеръ лишаетъ ее способности пайти общий методъ объективной науки. Не такъ позитивная философія; она именно въ выполненіи этой великой задачи и проявляетъ свою существенную функцию. Для нея наука вообще представляетъ длинное сцѣненіе, въ которой каждая особенная наука занимаетъ своественное ей по сущности ея и положительно опредѣленное мѣсто. Съ этой точки зрењія, сущность, родъ и опредѣленіе какой бы то ни было науки зависить отъ большей или меньшей степени присущей ей сложности. Самая простая наука есть математика, самая сложная соціологія. Физіология есть родственной ею медициной предшествуетъ соціологіи и слѣдуетъ за химіей. При одномъ этомъ опредѣленіи мѣста е

въ ієрархії наукъ, изучаюцій ее видить, что ей необходимо, чтобы вполнѣ сложиться, занять свѣдѣнія у пізшихъ и менѣе сложныхъ наукъ, въ особенности у химіи и физики, и что она необходимое пособіе для образованія науки соціологіи. Этотъ непрерывающійся свѣтъ, освѣтившій методы и отдельныя науки, привель меня къ доктринаамъ позитивной философіи и удержать меня въ чистѣ послѣдователей ихъ.

ВЕЛИКІЯ ЭПІДЕМІЯ.

Въ числѣ болѣзней есть многія, которыхъ такъ же индивидуальны, какъ раны и переломы, и которыхъ существуютъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстностяхъ; есть и другія, которыхъ исключительно свойственны извѣстнымъ странамъ, хотя невозможно объяснить, вслѣдствіе какого соединенія мѣстныхъ условій, они порождаются въ той или другой мѣстности и почему они укореняются въ ней; таковъ алеїскій прыщъ, который заражаетъ только жителей этого города и иностранцевъ, которые проводятъ тамъ нѣкоторое время.

Наконецъ третій родъ болѣзней отличается свойствомъ захватывать огромныя пространства различныхъ странъ и, что всего замѣчательнѣе, эти болѣзни имѣютъ извѣстный опредѣленный срокъ существованія; я хочу сказать, что они не такъ древни, какъ человѣческія расы, что наши историки знаютъ времена появленія ихъ, что одни изъ нихъ уже исчезли и не передались намъ, а что другие, смѣнившія ихъ, не были извѣстны нашимъ предкамъ и обречены, быть можетъ, исчезнуть въ свою очередь. Это важныя и замѣчательныя явленія. Порой приходится видѣть, какъ почва внезапно колеблется подъ мирными и счастливыми городами, и зданія рушатся на головы жителей; такъ же внезапно и смертельная зараза имѣетъ изъ неизвѣстной глубины, своимъ губительнымъ дуновеніемъ положить человѣческія поколѣнія, какъ колосья въ бороздахъ. Причины неизвѣстны, дѣйствіе ужасно, распространеніе неизмѣримо,

ничто не можетъ внести болѣе ужаса среди людей; ничто не можетъ кинуть болѣе сильную тревогу въ сердце народовъ; ничто не можетъ возбуждать въ невѣжественныхъ умахъ болѣе черныхъ подозрѣній. Въ такія эпохи чудится, что смертность будетъ безгранично быстра; что опустошеніе будетъ безконечно, и что пожаръ, разъ вспыхнувъ, прекратится только за недостаткомъ пищи. На дѣлѣ не бываетъ такъ; запасъ стрѣлъ невидимаго стрѣлка истощается; великія эпидеміи не переступаютъ никогда извѣстныя границы; сила ихъ не достигаетъ никогда той степени, которая угрожала бы человѣческому роду конечнымъ уничтоженіемъ. Я сказалъ никогда, я бы долженъ былъ прибавить: въ продолженіи пяти или шести тысячъ лѣтъ, которые заключаются въ себѣ цѣлую исторію нашу, или, если хотите, не сколько тысячъ вѣковъ, въ которыхъ жилъ доисторическій человѣкъ; кто же можетъ отвѣтить за то, что несетъ въ себѣ будущее. Нороды животныхъ исчезли съ земного шара; открытія Кювье исконаемыхъ костей доказали это неопровергимо. Играли ли патологія какую-нибудь роль при этихъ исчезновеніяхъ?

Эпидеміи возбуждаютъ тотъ же интересъ, какъ и великія событія. Медикъ изучаетъ признаки ихъ и отношенія къ другимъ болѣзнямъ и стремится въ то же время отыскать мѣсто, занимаемое имъ въ послѣдовательной связи явлений, и связь которую человѣческое существованіе и планета, которая носить его, держится вмѣстѣ.

Въ разрядъ наиболѣе значительныхъ вліяній, которыя дѣйствовали на судьбы обществъ, стѣдуетъ помѣстить, такъ то ни показывается страннымъ съ первого взгляда, патологію, или, вѣрнѣе говоря, ту часть патологіи, которая объясняетъ великія и всеобщія эпидеміи. Что значитъ двадцать битвъ, что значитъ двадцать лѣтъ войны самой ожесточеннѣй рядомъ съ опустошеніями навесенными этими страшными бичами? Холера погубила въ продолженіи немногихъ годовъ столько же людей, сколько погубили ихъ всѣ войны революціи; считаются, что черная чума четырнадцатаго вѣка унесла въ одной Европѣ двадцать пять миллионовъ человѣкъ; болѣзнь, которая опустошила свѣтъ, въ царствованіе Юстиніана, была еще болѣе губительна. Сверхъ того никакая война не можетъ быть такъ упiverсална, какъ эпидемія. Что можно сравнить, приводя

Примѣръ хорошо знакомый всѣмъ намъ, съ холерой, которая, родясь въ Индіи, перешла на востокъ до Китая, перенеслась на западъ въ Европу и, пройдя почти по всѣмъ частямъ ея, дошла даже до Америки?

Первая великая эпидемія, о которой упоминаетъ исторія, эпидемія, известная подъ именемъ афинской чумы, знаменитое описание которой далъ шатъ Фукидидъ. Сильно ошибаются, когда думаютъ, что зараза эта ограничилась исключительно столицей Аттики и была причиной скученіемъ населенія, которое искало тамъ убежища отъ вторженія лакедемонянскіхъ войскъ. Этотъ бичъ пришель съ востоки. Фукидидъ говоритъ, что чума, выйдя изъ Малої Азіи, прошла Египетъ и Персію; письма Гиппократа, хотя и считаются подложными, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ объ опустошенніяхъ, которые нанесла чума въ остальной Греціи, и историки неизгладимо изображаютъ ее въ войскахъ, которая въ то время были заняты осадой некоторыхъ городовъ во Фракіи. Если невозможно привлечь ее въ Италию или въ Галлію, то единственно потому, что въ такую отдаленную эпоху, какъ пелопонесяская война, на западѣ и передѣ, за исключениемъ Греціи не было писателей. Никто не измѣнилъ въ то время не сохранилъ воспоминанія о другой подобной смертности; не доставало врачей для ухода за больными, и къ тому же они первые подверглись заразѣ. Болѣзнь сначала появилась въ Пиреѣ, и жители утверждали, что пелопонецы отравили всѣ воловьи; такъ и парижане въ 1832 г. уверяли, что хлодѣи отравляли мясо у мясниковъ и воду изъ колодцахъ. Затѣмъ эпидемія охватила городъ съ удвоенной яростью.

Приступъ болѣзни былъ внезапенъ: сначала паляцій жаръ охватывалъ голову, глаза краснѣли и воспалялись, языкъ и горло становились кровавыми; начиналось чиханье и охриплость. Вскорѣ болѣзнь переходила въ грудь и производила сильнѣйший кашель; затѣмъ, когда она поражала желудокъ, она вызывала рвоту съ страшной болью, частую икоту и сильные спазмы; кожа не была ни особыно желтая, ни особенно горяча на ощупь; она была слегка красна, синевата и покрыта маленькими пузырчатыми прыщами и язвинами. Но внутренний жаръ былъ такъ силенъ, что больные не могли выносить никакой одежды; они хотѣли ходить нагими, и многие изъ нихъ, мучимые неутолимой жаждой, бросались въ колодцы.

Смерть наступала на седьмой или девятый день; многие теряли ноги и руки от гангрены, другие—глаза; некоторые подвергались совершенному уничтожению памяти и не узнавали ни себя, ни близкихъ людей.

Разматривая внимательно эту картину и въ частностяхъ и въ цѣломъ, невозможно отыскать въ этой болѣзни подобіе тѣхъ, которые теперь удручаютъ человѣчество. Аѳинская чума принадлежитъ къ болѣзнямъ исчезнувшимъ для нашего времени.

Но эта страшная эпидемическая горячка появилась въ первый разъ не для того, чтобы исчезнуть навсегда; ее можно встрѣтить въ позднѣйшія вѣка, съ прежнимъ отличавшимъ ее характеромъ всеобщности и силы, которая внесла ужасъ въ цѣлую Грецію. Правление Марка-Аврелія, между прочимъ, было отмѣчено возвратомъ этой губительной эпидеміи. На этотъ разъ историческія свидѣтельства указываютъ на развитіе ея почти во всѣхъ мѣстностяхъ Римской имперіи. Востокъ былъ мѣстомъ возникновенія ея. Она начала заражать римскую армію при осадѣ Селевкіи; всюду, куда ни шли отряды Луція Вера, брата императора Марка Аврелія, она появлялась съ новой силой и, когда оба брата вошли триумфаторами въ Римъ, зараза начала свирѣпствовать съ такой силой, что пришлось отказаться отъ обычныхъ обрядовъ погребенія и отвозить тѣла возами на телѣгахъ въ могилу. Въ короткое время эпидемія дошла отъ береговъ Тибра до Альпъ и оттуда, перейдя черезъ горы, проникла въ Галлію и даже за Рейнъ. Здѣсь не мѣсто входить въ исключительно медицинское описание признаковъ, которыми отличалась аѳинская чума, повторявшаяся такъ часто въ послѣдующіе вѣка; я ограничусь замѣчаніемъ, что она принадлежала къ высыпнымъ лихорадкамъ, т. е. что она проявлялась, какъ осна или корь, характеристической сыпью.

У древнихъ писателей находять описание особенной болѣзни, которую они обозначаютъ названіемъ *болѣзни сердца* (*morbis cardiacus*); ее звали тоже потницеей, потому что она сопровождалась обильной испариной. Въ сочиненіяхъ Гиппократа не сохранилось никакихъ слѣдовъ упоминанія объ этой болѣзни. Память о ней слаживается все болѣе и болѣе послѣ Гиппократа; эта болѣзнь должна была появиться при преемникахъ Александра и прекратиться около втораго вѣка христіанской эры.

Она пачиналась ощущениемъ холода и опѣмѣости въ членахъ, и иногда и во всѣмъ тѣлѣ; пульсъ принималъ самый дурной характеръ, становился мелкимъ, слабымъ, неполнымъ, частымъ, позже перовнымъ и прерывистымъ и даже, по временамъ, совершенно прекращался; въ тоже время страдали всѣ чувства больныхъ; безсонница, которую испытывало было прекратить никакими средствами, томила ихъ, они отчаялись въ своемъ выздоровлѣніи; въ большинствѣ случаевъ, ипакъ потъ выступалъ ручьями изо всего тѣла и текъ по краючи, такъ что больные, казалось, должны были умереть; дыханіе было коротко и стѣснено до обморока, и они каждую минуту опасались задохнуться; они метались изъ стороны на сторону изъ трохъ и очень слабымъ и дрожащимъ голосомъ произносили несколько прерывистыхъ словъ. Больные постоянно чувствовали въ лѣвомъ боку и даже во всей груди нестерпимое страданіе и въ припадкахъ, которые начинались или оканчивались обморокомъ, сердце сильно билось, лицо было покрыто смертной блѣднотой, глаза уходили глубоко въ свои впадины. Если исходить изъ смысла смертеленъ, зрѣніе больныхъ все болѣе и болѣе слабѣло, руки и ноги принимали синеватые оттѣнки, сердце, не смотря на изнѣженіе всего тѣла, продолжало сильно биться; большая часть больныхъ сохраняли сознаніе до послѣдней минуты, очень немногіе теряли его передъ смертью. Наконецъ руки холодѣли, ногти загибались, кожа морщилась, и больные испускали послѣднее дыханіе, не испытавъ ни малѣйшаго облегченія своимъ страданіямъ. Можно искать въ описаніи этой болѣзни много сходства съ извѣстной английской болѣзни, которая преобладала въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ, и о которой я буду говорить далѣе.

Но беру на себя представить полную картину преданий оставшихъ намъ древними вѣками о многихъ другихъ болѣзняхъ, которыхъ въ то время имѣли совершенно другое развитіе нежели въ наше время; я хотѣлъ только взять два выдающіеся примѣра болѣзней, исчезнувшихъ въ наше время. Припоминая индійскую чуму и *morbus cardiacus*, я хотѣлъ доказать слѣдующую истиину, что болѣзни измѣняются съ вѣками, что неизвѣстный законъ управляетъ преемственностью подобныхъ явлений въ жизни человѣчества, и что онъ заслуживаетъ полѣйшаго вниманія врача, равно какъ философа и историка. Большая ошибка думать, что

исчезновение бича эпидемии есть, если можно такъ выразиться, свободный даръ природы. Человѣческія расы, переживая известный родъ болѣзни, не замедлять встрѣтить новую на своемъ пути.

Въ то время какъ эпидемія, которая свирѣпствовала въ древніе вѣка, по неизвѣстной причинѣ, покидала человѣчество, ее смѣнялъ новый бичъ—чума востока, та которая и теперь царитъ въ Египтѣ и которая отличается опухолью въ паху. Хотя по свидѣтельству древнихъ писателей, сохранившемуся Орибазомъ, чума существовала и въ древніе вѣка въ Египтѣ и Сиріи, однако ни историки, ни врачи того времени не упоминаютъ о великой эпидеміи чумы, и только въ правлѣніе Юстиніана болѣзнь эта приняла въ первый разъ характеръ эпидеміи. Ничто не могло быть ужаснѣе опустошений, которыя она произвела тогда въ мірѣ.

Она пришла съ востока и распространилась на западъ съ неизвѣроятной быстротой; всюду она опустошила города и деревни, и некоторые историки опредѣляли до ста миллионовъ число жертвъ, которыхъ она унесла. Эта болѣзнь имѣла тѣ же признаки—чумные бубоны, какъ и тѣ, которые теперь можно наблюдать въ азіатской чумѣ; со временемъ Юстиніана чума не переставала появляться отъ времени до времени въ разныхъ странахъ. Въ извѣстную эпоху она была такимъ же обыкновеннымъ явлѣніемъ, какимъ она теперь въ Египтѣ. Парижъ и Лондонъ были такъ же часто опустошаемы ею, какъ теперь Константинополь или Каиръ; но уже прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ она перестала и показываться у насъ. Марсельская чума была послѣднимъ и пріимѣромъ появленія чумы во Франціи. Москва и большая часть Россіи ужасно пострадали отъ чумы около середины прошедшаго вѣка, и еще теперь Австрія защищается отъ нея кроатскія деревни, пограничныя съ оттоманской имперіей.

Историкъ Прокопъ даетъ намъ много свѣдѣній обѣ этой страшной эпидеміи. Я предпошутою привести здѣсь нѣсколько менѣе извѣстныхъ подробностей о бѣдствіяхъ, которыхъ она нанесла Западу.

Съ 540 г. по р. Х. чума дошла до Парижа. Въ книгѣ чудесъ св. Іоанна можно прочесть слѣдующее: «Въ то время какъ чума опустошила населеніе нашего отечества, я почувствовалъ при отѣзданіи моемъ изъ Парижа, что и я заразился этой страшной бо-

днило. Всёмъ известно, я подлагаю, какая страшная болѣзнь опустошила въ это время нашу родину».

Иногда историки этого времени очень часто упоминаютъ объ ~~этой~~ эпидеміи. Марсель подвергся страшнѣмъ опустошенимъ въ 618 г. Она была занесена кораблемъ привлѣкшимъ съ товарами изъ Биреговъ Испании. Многое граждане сдѣлали иѣсколько покупокъ, одно семейство, состоявшее изъ восьми членовъ, погибло внезапно, лихорадка не распространялась по остальной части города; пропали известный срокъ времени, пока она не разлилась по всему городу, и въ рѣдѣ того когда огонь известное время скрыто пробиралася внутрь строений, пока не вспыхнетъ пожаромъ; потомъ пожаръ, вдругъ охвативъ съ страшной силой, охватилъ весь Марсель. Быстро. Оподоръ находился въ продолженіе всей эпидеміи въ отрадѣ близости св. Виктора, предаваясь ночнымъ бдѣніямъ и заботамъ побѣдившою чумосердіе. Чума прекратилась на конецъ по истечении двадцати лѣтъ; народъ, виолѣ увѣренный въ безопасности, возвращался въ городъ; но онъ сдѣлался жертвой возврата болѣзни и опять опустошило города погибло. Съ этого времени чума иѣсколько разъ появлялась въ Миланѣ. Можно думать, что въ этомъ описаніи, поданнымъ Григоріемъ Турскимъ, мы читаемъ современный разсказъ о распространеніи эпидеміи чумы въ Александріи или Гиппополѣ.

Около этого времени чума опустошила Римъ. Папа Пелагій былъ первою жертвой ся, и одинъ очевидецъ передалъ Григорію Турскому, что онъ видѣлъ какъ во время приема прошений, въ продолженіи одного часа, восемьдесятъ человѣкъ упали и немедля испустили душу.

Въ Клермонѣ въ 571 г. тотъ же авторъ видѣлъ въ одно воскресеніе въ одной базиликѣ св. Петра триста труповъ людей, умершихъ отъ чумы. Въ паху и подъ мышками появлялась язва и болѣемы умирали по прошествіи двухъ или трехъ дней.

Почти около этого времени, когда восточная чума появилась въ ~~Южной~~ разъ въ Европѣ, развилась и другая болѣзнь не менѣе страшная, которая не прекращается и до сихъ поръ, хотя значительно ослабленная открытиями современной медицины,— я говорю обѣ болѣ.

» помилуяще еще Мариемъ, епископомъ въ Авашѣ, въ хроникѣ

570 г., она описана очень ясно Григорием Турскимъ, подъ именемъ болѣзни дисентеричной (*morbus dysentericus*) или слабой чумы (*lues valetudinaria*). Въ слѣдующемъ описаніи, которое онъ намъ дасть, книга IV 580 г., ни одинъ врачъ не можетъ не признать оспу: «Болѣзнь дисентеричная заразила почти цѣлую Галлію. Зарожденіе ею сначала чувствовали сильную лихорадку съ рвотой, сильную боль въ пояснице и тяжесть въ головѣ; затѣмъ появлялись гнойные прыщи. Банки приставленныя къ плечамъ или ладьевымъ вызывали значительное истеченіе матеріи и, вмѣстѣ съ развитіемъ сыпи и прыщей, спасли большую часть больныхъ; тоже травы, употреблявшіяся въ то время какъ противоядіе, употребленныя противъ оспы какъ питье, принесли значительную пользу. Эпидемія эта, начавшись въ августѣ мѣсяцѣ, губила всего болѣе дѣтей. Король Хильперикъ заразился ею; вскорѣ младшій изъ сыновей его, который былъ только что окрещенъ, заболѣлъ оспой, за нимъ старшій братъ его, котораго звали Хлодоберъ, занемогъ въ свою очередь. Фредегонда была повержена въ глубокую печаль при видѣ больныхъ дѣтей и, приписывая опасность, въ которой они находились, прѣисполненіемъ, вынесеннымъ народомъ во время ся правленія п мужа ея, бросила въ огонь росписи новыхъ налоговъ, которыми былъ отягощенъ народъ». Это однако не помѣшало дѣтямъ ея умереть одному вслѣдъ за другимъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что ошибочно приписывать появленіе осипи нашествію арабовъ на Западъ. Эта болѣзнь поселилась въ нашихъ страпахъ около конца шестнадцатаго столѣтія христіанской эры; она почти одновременна съ эпидеміей восточной чумы.

Средиѣ вѣка, болѣе чѣмъ какая бы то ни было эпоха, были жертвой бѣдствій этого рода. Нѣкоторыя болѣзни, уже известныя въ древности, достигли ужасающаго развитія. Такова зараза элефантіазиса, обыкновенно известная подъ именемъ проказы, которая въ продолженіи многихъ вѣковъ доводила до отчаянія народы запада Европы. Не входя въ подробности всѣхъ тѣлесныхъ страданій нашихъ предковъ, я припомню читателю нѣкоторыя изъ нихъ.

Болѣзнь огня прежде другихъ выступаетъ передъ нами въ такомъ ужасающемъ характерѣ, который вполнѣ согласуется съ мрачной и суровой эпохой, когда она свирѣпствовала. Самый древній документъ, упоминающій о пей, есть хроника Фродоарда за 945 г. Онъ

говорить: «Множество народа въ Парижѣ какъ и въ провинціи по-
грабило отъ болѣзни, извѣстной подъ именемъ священнаго огня. Эта
болѣзнь сжигая больныхъ мало по малу, паконецъ сжигала совершен-
но, и не было средствъ спасти ихъ. Чтобы избѣгнуть болѣзни или
излечиться отъ нея, жители Парижа покидали городъ, чтобы ды-
шать воздухомъ полей, жители деревень искали убѣжища въ Па-
рижѣ. Въ то время Гюгъ Волинскій выказалъ все свое милосердіе, да-
вшемъ пищу несчастнымъ больнымъ, хотя иногда ихъ собирались бо-
льше шести сотъ. Такъ какъ всѣ средства оказывались бесполезны-
ми, то прибѣгли къ св. Дѣвиѣ въ церкви Нотръ-дамъ, служившей
и то время больницей».

Авторы эти не упоминаютъ ип о какомъ особенномъ обстоя-
тельствѣ относительно пищи, воздуха, или воды. Извѣстно только,
что болѣзнь эта появилась въ то время, когда Гюгъ графъ Париж-
скій вѣль войну съ Людовикомъ Заморскімъ, и послѣ набѣговъ
норманновъ, которые нѣсколько разъ грабили и разоряли обругъ
Парижа.

Въ ту же эпоху Фелибіенъ упоминаетъ о древней хартии париж-
ской церкви, которую постановляется въ память этого события
зажигать каждую ночь шесть лампадъ передъ алтаремъ Дѣви.

Родулифусъ Глаберъ, въ своей «Книгѣ повѣствованій», II т.
помѣстилъ главу подъ заглавиемъ «De incendiis et mortibus nobilium»,
въ которой онъ упоминаетъ что въ 993 свирѣпствовала «смертоносная
болѣзнь посреди людей» (clades pessima). «То былъ, говорить онъ,
скрытый огонь, который, разъ онъ зажегъ какой-нибудь членъ,
пожиралъ его, пока членъ не отѣлялся отъ тѣла. Многіе больные
испытали страшное дѣйствіе этого огня даже въ продолженіи одной
ночи».

Самые сильные приступы этой эпидеміи были замѣчены во Франціи
отъ конца одиннадцатаго вѣка, т.-е. съ 1090 г. до начала двѣнад-
цатаго вѣка. Извѣстно, что то было время самаго сильнаго разгара
рингія къ крестовыи походамъ; крестоносцы покидали все, для
того чтобы отличиться подвигами въ святой землѣ; въ то время
непрерывныи феодальныи войны и набѣги герцоговъ Нормандіи
дѣлали съверную и среднюю часть Франціи театромъ бѣскоичныхъ
дѣствій всякаго рода, въ числѣ которыхъ упомянутая болѣзнь,
пить можетъ, одно изъ наименѣшихъ золъ. Франція замѣтнымъ об-

разомъ обезлюдѣла; поля, земледѣліе были покинуты. Почти вся Франція и, главнымъ образомъ, Дофине пострадали отъ болѣзни, о которой я говорю. Это заставило папу Урбана II основать духовный орденъ св. Антонія, съ цѣлью помощи зараженнымъ этой страшной болѣзни, и избрать Виенну въ Дофине главнымъ мѣстомъ управлѣнія этого ордена. Основаніе ордена совершилось въ 1093. Двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ тѣло святаго Антонія было перенесено изъ Константинополя въ Дофине, Жосселиномъ, сеньоромъ де-ла-Мотъ-сень-Дидье.

Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ вѣрили, что больные, которыхъ приводили въ аббатство св. Антонія, гдѣ покоятся кости этого святаго, исцѣлялись въ продолженіи семи или девяти дней. Слухъ объ этомъ распространился въ Европѣ и привлекалъ въ Виенну множество больныхъ, большая часть которыхъ оставили тамъ какои-либо членъ. Въ истории монашескихъ орденовъ можно найти свѣдѣнія о томъ, что въ 1702 г. еще можно было видѣть въ этомъ аббатствѣ высохшіе и почернѣвшіе члены, которые хранились тамъ со времени этой эпидеміи.

Авторъ «Жизни Гюга», епископа Линкольна, упоминаетъ о томъ, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку па горѣ св. Антонія, въ Дофине, нѣсколько лицъ обоихъ половъ, молодыхъ и старыхъ, излеченныхъ отъ священнаго огня, и которые повидимому пользовались совершеннымъ здоровьемъ, хотя мясо ихъ было отчасти сожжено и часть костей истлѣла; что въ эту мѣстность стекалось со всѣхъ сторонъ множество больныхъ, которые всѣ излѣчивались въ продолженіи, семи дней, тѣ же, которые не излѣчивались въ этотъ срокъ умирали; что кожа, мясо и кости членовъ пораженныхъ этой болѣзни никогда не возстановлялись, но что части тѣла, избѣжавшія пораженія оставались совершенно здоровыми и рубцы были такъ хорошо заживлены, что можно было видѣть людей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, однихъ лишенныхъ передней части руки до локтя, другихъ всей руки до плеча; наконецъ—третихъ лишенныхъ ноги по колѣно, или колѣна и лядине до самаго паха, и эти люди наслаждались здоровьемъ и веселымъ расположениемъ духа, какъ и тѣ, которые никогда не знали ни этой и никакой другой болѣзни.

Когда мы видимъ, какъ въ разныя времена появляются новые болѣзни, то кажется, что человѣчество занятое движеніемъ и раз-

нствиемъ своей жизни вызываетъ, само того не зная, враждебные и
убийственные агенты, которые несутъ смерть и скорбь. Народы,
въ этой глухой и слѣпой заботѣ развитія подобны рудокопамъ,
которые отыскивая жилу руды, разработать которую они обязаны,
расковываютъ подземные воды, которые потопляютъ ихъ, то
открываютъ исходъ зловреднымъ газамъ, которые удушаютъ или
жигаютъ ихъ, то бываютъ причиной обваловъ, которые погребаютъ
ихъ подъ обломками камней.

Другая эпидемія, всеобщность и характеръ которой напоминаетъ
ту, которая опустошила міръ въ правление Юстиніана, внесла ужасъ
въ четырнадцатое столѣтіе и оставила долгій слѣдъ въ памяти
людей. Эта эпидемія была настоящей чумой, въ медицинскомъ
смыслѣ этого слова, т.-е. болѣзнью имѣвшейъ отличительнымъ при-
знакомъ гангренозную опухоль подъ мышками и въ паху. Ей дали
то время название черной чумы, потому что она покрывала тѣло
шиими пятнами; въ Италии название великой смертности (*mortalega grande*) за неслыханныя опустошения, которыхъ она нанесла повсюду,
гдѣ ни появлялась она. Императорскій историкъ Кантокузень, сынъ
втораго Андроніка погибъ отъ этой болѣзни, буквально описываетъ
опухоли свойственные этой эпидеміи; онъ отличаетъ небольшія,
которые показываются па рукахъ, лицѣ и другихъ частяхъ тѣла.
Въ многихъ больныхъ на всемъ тѣлѣ появлялись черные пятна, ко-
торые оставались отдельными, или сливались вмѣстѣ. Не у всѣхъ
больныхъ встречались всѣ эти признаки вмѣстѣ; у нѣкоторыхъ до-
вольно было одного признака, чтобы воспослѣдовала смерть; нѣко-
торые же, страдавшіе всѣми признаками, выздоравливали, не смотря
на то что не было ни малѣйшей надежды. Были часты случаи пора-
женія мозга, многіе больные впадали въ состояніе безчувственности
или въ глубокій сонъ; они въ то же время лишались языка; другіе мучи-
лись беспомощностью или сильнымъ страхомъ. Языкъ и горло чернѣли
и казались окрашенными кровью; никакое питье не могло утолить
гажду и страданія продолжались безъ малѣйшаго облегченія до
смерти, которую многіе ускоряли отъ отчаянія. Зараза была такъ
чевидна и сильна, что тѣ, которые ходили за больными родствен-
никами или друзьями заболѣвали, и во многихъ домахъ столицы
греческой имперіи вымерли всѣ жильцы до одного.

До сихъ поръ мы видимъ только признаки обыкновенной чумы;

но въ чумѣ четырнадцатаго вѣка появился особый симптомъ—гангренозное воспаленіе дыхательныхъ органовъ, больные чувствовали страшную боль въ груди, харкали кровью и дыханіе ихъ распиро-страняло заражающее зловоніе¹⁾.

Хотя намъ и неизвѣстна причина, порождающая въ человѣческомъ организмѣ такія глубокія и многочисленныя разстройства, но мы

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ послѣ появленія этой статьи, я нашелъ въ манускриптахъ императорской библіотеки неизданную поэму о черной чумѣ; поэма была напечатана въ *Bibliothèque des Chartes 1-е série*, Т. 1. р. 201. Авторъ ея Симонъ Ковино былъ свидѣтелемъ того, что онъ описываетъ. Название *pestis inguinaria*, которое онъ даетъ этой эпидеміи, показываетъ что то была дѣйствительно чума бубоновъ, настоящая чума Востока. «Жгучая боль, говорить онъ, появляется то въ паху, то подъ мышками и распространяется въ предсердечной части тѣла. Смертоносная лихорадка охватываетъ всѣ органы жизни; сердце и легкія заражены ею; дыхательныи органы съ отвращеніемъ вдыхаютъ этотъ гной; силы быстро упадаютъ и больной можетъ только очень немногіе дни сносить этотъ бичъ. Всего страшнѣе то, что по свидѣтельству этого автора, чума отмѣчала свой следъ на цѣломъ населеніи: «Лица блѣднѣли, лицо принимало темнокрасный цвѣтъ; едва ли можно было найти хоть одно живое существо, которое бы блѣдность не отмѣтила своей печатью. Довольно взглянуть разъ на лица мужчинъ и женщинъ чтобы прочесть на нихъ зловѣщій приговоръ угрожающей имъ участіи; эта страшная блѣдность предѣщаетъ приближающуюся смерть и еще наканунѣ рокового дня смерть, кажется, поселилась на этихъ лицахъ». Авторъ этого небоѣщаго сочиненія, считалъ чуму въ высшей степени заразительной: «Было испытано, говорить онъ, что когда, чума заражаетъ какой-либо домъ, то изъ жильцовъ его едва одинъ уцѣлѣтъ. Заразительность такъ сильна, что одинъ больной заражаетъ всѣхъ. Тѣ, которые хотятъ подать больнымъ обычную помощь, обыкновенно дѣлаются жертвами заразы. Тоже бываетъ и съ священниками, святыми врачами душъ, которые бывали поражены чумой въ то время, когда они подавали больнымъ духовную помощь; часто отъ одного прикосновенія, или отъ одного дуновенія чумы, они погибали еще ранѣе больныхъ, утѣшать которыхъ они приходили. Одежда больныхъ считалась зараженной, а равно и вся домашняя утварь». Смертность поражала преимущественно бѣднѣйшія сословія: «Тотъ, говорить авторъ, кто былъ мало питательную ишту, падаль пораженный первымъ дуновеніемъ заразы иростонародье, голпа очень бѣдна, умирала смертью, которая была желанной го стѣй—для нея жить значило медленно умирать. Но жестокая Парка щадила принцевъ, рыцарей, судей: очень немногіе умирали изъ числа ихъ, потому что имъ удѣлоши въ мірѣ пріятная жизнь. «Симонъ де Ковино поднимаетъ высоко число смертности... Число похороненныхъ людей, говорить онъ, превышало число живущихъ города обезлюдѣли; тысячи домовъ были заперты на ключъ, у тысячи другихъ открыты двери, въ нихъ не видно жильцовъ и они полны гнилости.»

димъ что эти разстройства, такъ сказать, материальныя и физи-
ческія; это доказываетъ что одно тѣло поражено болѣзнью. Но есть
болѣзни менѣе грубыя, если я могу такъ выразиться, дѣйствіе ко-
торыхъ направляется на умъ и порождаетъ душевныя страданія
много страннаго свойства. Средніе вѣка, въ особенности, отличаются
многими страданіями этого рода; одни распространеныя подража-
тельностью, другія развитыя подъ вліяніемъ идей, преобладавшихъ
то время. Я беру у г. Геккера, у котораго я бралъ многія
рѣзанія и для прежнихъ страницъ, описание болѣзни, которую онъ
зоветъ хореей или эпидемической пляской св. Витта и которая была
характеризована непреодолимой потребностью дѣлать прыжки и
неупорядочнаго движенія.

Эти явленія заставляютъ насъ глубоко проникнуть взглядомъ въ
правственную область человѣческаго общества; они принадлежать
сторонѣ и не повторяются никогда въ томъ видѣ, въ какомъ они про-
ходили; но они указываютъ на уязвимую сторону человѣчества,
иа его склонность къ подражанію и, слѣдовательно, очень близко
прикасаются съ соціальной жизнью. Болѣзни этого рода распространя-
ются съ быстротой мысли, они занимаютъ среднее мѣсто
между заразами, которая отличаясь болѣе грубымъ происхожденіемъ
изрѣшаютъ болѣе тѣло нежели душу, и страстями, которая, колеб-
аясь на границѣ болѣзни, всегда готовы переступить ее.

Вотъ въ чѣмъ была пляска св. Витта: толпы мужчинъ и женщинъ,
единенныя общимъ изступленіемъ, бѣгали по улицамъ и церквамъ
и они дѣлали изъ себя самыя странныя зрѣлища. Они составляли
шаги, держась за руки; они, повидимому, были виѣ себѣ и плясали
вѣщено, безъ стыда передъ всѣмъ народомъ, пока не надали отъ
неноженія. Тогда они начинали жаловаться на сильный страхъ и
переставали стонать, пока имъ не перетягивали натуго животъ
плотномъ; тогда они приходили въ себя и оставались спокойны
новаго припадка болѣзни. Это стягиваніе живота имѣло цѣлью
вратить вздутие, которое обыкновенно слѣдовало за этими страш-
ими конвульсіями; иногда также цѣль достигалась ударами ногъ и
руковъ въ животъ. Они не слышали и не видѣли ничего
продолженія этой конвульсивной пляски; однимъ чудились ви-
зінія дьяволовъ, другіе видѣли ангеловъ и эмпирей. Когда болѣзнь
достигала полнаго развитія, припадокъ начинался конвульсіями

падучей болѣзни; больные съ иѣной у рта падали безъ чувствъ, потомъ вставали и начинали свою бѣшеную пляску. Красный цвѣтъ имѣлъ свойство раздражать больныхъ и усиливать припадки ихъ. Тоже дѣйствіе производили и звуки шумной музыки, которою сопровождали больныхъ во многихъ городахъ и которая, кажется, не сколько разъ вызывала появленіе болѣзни у многихъ зрителей. Чтобы сократить продолжительность припадковъ, употребляли одно средство, ставили передъ больными скамьи и стулья, что заставляло ихъ дѣлать такие огромные прыжки, что они вскорѣ падали изнуренные усталостью.

Эта странная болѣзнь появилась въ первый разъ въ Германии около 1374, когда послѣдніе приступы черной чумы едва прекратились. Не слѣдуетъ полагать что болѣзнь поражала только отдельные личности; она поражала одинаковымъ изступленіемъ значительные массы; образовались толпы изъ не сколькихъ сотенъ, иногда изъ не сколькихъ тысячъ этихъ изступленныхъ, которые переходили изъ города въ городъ, давая повсюду зрѣлище своей неистовой пляски. Появленіе ихъ распространяло зло, которое передавалось отъ однихъ другимъ. Тарентизмъ, болѣзнь родственная съ эпидемической пляской св. Вита, господствовала въ Италии въ продолженіи не сколькихъ вѣковъ и такъ же какъ и она исчезла, покрайней мѣрѣ, въ своей первобытной формѣ. Мѣстомъ рожденія ея была Альбія, и оттуда она распространилась почти на весь полуостровъ. Въ эту приписывали въ этой странѣ ужаленію паука, называемаго тарантуломъ; но ядовитое ужаленіе паука, равно и страхъ, который естественно овладѣвалъ ужаленнымъ, были только случайной причиной этой нервной болѣзни, которая появилась тоже въ Германии съ весьма сходными симптомами, и причина которой лежала глубоко въ положеніи народовъ.

Лица, которые были или считали себя ужаленными тарантулой, впадали въ глубокую уныніе и безчувственность; они не владѣли болѣе сознаніемъ; только флейта или гитара могла помочь имъ. Услыхавъ звуки, они пробуждались какъ бы по волшебству, глаза ихъ открывались и движенія ихъ, которая медленно слѣдовали за музыкой, оживлялись постепенно и вскорѣ обращались въ неистовую пляску. Прекращеніе звуки имѣло неирѣятнаго послѣдствія, больные снова впадали въ прежнюю безчувственность; необходимо было

Продолжать музыку, пока они не изнемогали совершенно отъ усталости. Необыкновенное явленіе, сопровождавшее эту болѣзнь, была страсть къ морю; больные требовали чтобы ихъ несли къ берегу моря, или чтобы ихъ, покрайней мѣрѣ, окружали изображеніями воды, разительная противоположность съ другой первой болѣзнью—водобоязнью.

Въ сочиненіяхъ многихъ греческихъ врачей и въ томъ числѣ у Марцелла де Сида, который жилъ при Адріанѣ и Антонинѣ, находить описание странной нервной болѣзни. Вотъ картина ея, которую изобразилъ Орибазъ, врачъ императора Юліана: «Пораженные этой болѣзнью выходятъ изъ жилищъ своихъ въ часы ночи, подражаютъ движеньямъ волка и блуждаютъ до разсвѣта около могиль. Этихъ больныхъ можно легко отличить; они блѣдны, глаза ихъ блѣдны, сухи и глубоко впали, языки очень сухъ, во рту и тѣ слюны; кажда ножираетъ ихъ; ноги ихъ, вслѣдствіе частыхъ падений ночью, покрыты неизлечимыми язвами». Греческие медики называли этихъ больныхъ дикантропами, а невѣжескенная толпа въ нашихъ странахъ называла ихъ волками-оборотнями. Эти болѣзни действительно кишили въ средніе вѣка; несчастные, которыхъ, страшное извращеніе умственныхъ способностей заставляло блуждать въ пустынныя мѣста, блуждать по ночамъ, часто ходить на четверенькахъ и даже предаваться ужаснѣйшимъ повѣданіямъ,—этихъ несчастныхъ, которыхъ не менѣе страшное суевѣріе отдавало въ жертву дьяволу, было очень много въ извѣстная эпохи. Быть эпохи, когда извѣстные роды умственного помѣшательства появляются какъ реакція противъ господствующихъ пѣдагоговъ и тѣмъ ильнѣе распространяются, чѣмъ болѣе они считаются обыкновенными. Люди, которые находились подъ неблагопріятными вліяніями и подъ вліяніемъ приближающагося умственного расстройства, и которые слышали, что вокругъ нихъ только и говорили что о превращеніяхъ человѣческихъ существъ въ дикихъ звѣрей.. бывало незадолго поражаемы господствовавшей болѣзнью и шли увеличивать толпу этихъ несчастныхъ сумасшедшихъ, которые считали себя действительно превращенными въ волковъ. Леже изъ Іерсали, который недавно уѣхжалъ въ лѣсъ, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ пустынникомъ и кончилъ тѣмъ что, зарѣзанъ дѣврочку и ножралъ часть ея,

быть боленъ помѣшательствомъ подобнаго же рода и быть бы въ прежніе вѣка сочтеть за оборотня.

Въ эту же категорію запишутъ и колдуновъ, которые такъ занимали собой общество несолько вѣковъ тому назадъ. Большая часть изъ нихъ не были ни злодѣями находившимися въ сообщеніи съ дьяволомъ, какъ думали слѣпые суды осуждавшіе ихъ, ни обманщиками, которые хотѣли обманывать чернь, какъ то расположены думать въ наше время; то были сумасшедшие изъ разряда тѣхъ, которыхъ называютъ на technicalскомъ языке—подверженными галлюцинаціямъ. Они воображали, что видѣли дьявола, говорили съ нимъ, что были перенесены на шабашъ, плясали по вереску съ демонами и колдуньями. Они разсказывали обо всемъ этомъ съ вполнѣющимъ убѣженіемъ и искренностью, они утверждали что, закованные въ тяжелыя цѣпи и запертые въ тюрьмы, откуда невозможно было выйти, они каждую ночь отправлялись на эти почные сходбища. Все это было, разумѣется, ложно, но они утверждали это и умирали утверждая. Они утверждали, потому что эти видѣнія имѣли для нихъ всю реальность, какую видѣнія имѣются для помѣшанныхъ. Колдовство было дѣйствительной и долгой галлюцинацией, которая въ продолженіе многихъ вѣковъ мучила человѣчество, и можно сказать, что она была вдвойнѣ источникомъ бѣдствій; во-первыхъ, извращая умственныя способности множества людей, во-вторыхъ, вызывая въ современномъ ей обществѣ самыя безчеловѣчныя преслѣдованія противъ несчастныхъ, которымъ нуженъ быть медицинскій уходъ, и которыхъ повсюду предавали пыткамъ и кострамъ.

Нужно упомянуть еще обѣ одной странной болѣзни, которая овладѣла некоторыми дѣтьми въ 1458 г. По характеру своему она болѣе принадлежитъ великой эпохѣ крестовыхъ походовъ, нежели послѣдней половинѣ пятнадцатаго вѣка. Въ этомъ году, во многихъ мѣстностяхъ Германіи, дѣти были охвачены такимъ страстнымъ стремленіемъ идти на богоомолье и толпами на гору Сенъ-Мишелъ въ Нормандіи, что многіе изъ тѣхъ, кому запрещали отправиться въ это путешествіе, умирали отъ тоски и досады. Вслѣдствіе этого перестали останавливать этихъ дѣтей св. Михаила, какъ ихъ называли; имъ позволяли предаться непреодолимому стремленію, которою евлекло ихъ къ дальней скалѣ, и позаботились о томъ,

чтобы дать имъ средства для путешествія. Изъ Эльвагена, Швабишигаль и другихъ мѣстностей дѣти уходили сотнями. Въ Галль имъ дали надзирателя и осла, чтобы нести больныхъ. Отрядъ дѣтей дошелъ до берега моря, гдѣ остановился дожидать время отива, чтобы перейти по суху до желаннаго мѣста. Эти несчастные пилигримы не встрѣтили въ населеніи Франціи такое же дружеское гостепріимство, которое дало имъ возможность дойти такъ далеко, и вынесли всевозможныя бѣдствія. Старая германская хроника, на своеемъ безискусственномъ и научномъ языке, говоритъ. «Многія дѣти умерли съ голода, многія дѣти умерли съ холода; одни были схвачены во Франціи и проданы; ни одинъ изъ нихъ не вернулся».

Невозможно не признать въ этихъ нервныхъ болѣзняхъ вліянія преобладавшихъ идей той эпохи. Умы взросліе въ мистическихъ вѣрованіяхъ, окруженные видѣніями, чудесами, колдунами, были легко потрясены и малѣйшее обстоятельство вызывало болѣзненное расстройство въ мозгу, наклонномъ къ сверхъ естественнымъ волненіямъ. Люди тѣго времени, если судить о нихъ по дѣйствіямъ ихъ, начиная съ крестовыхъ походовъ и кончая хоть бы этими пилигримствами дѣтей, предавались всей простотѣ своихъ потребностей, познаній и средствъ всѣмъ своимъ стремленіямъ совершенно иначе нежели мы, и проявляли свои, дурно направленныя цивилизацией, силы образомъ совершенно различнымъ отъ нашего, что подобный явленія кажутся странными въ нашъ вѣкъ. Конвульсіонеры прошедшаго вѣка были одержимы нервной болѣзнью, которую невозможно оспаривать, и митинги па поляхъ (camp meetings) американцевъ, собранія, на которыхъ предаются разнымъ сумасбродствамъ извращеннаго религіознаго чувства, стоять на той узкой чертѣ, гдѣ разумъ граничитъ съ сумасшествіемъ. Но идеи настоящаго вѣка такъ мало благопріятствуютъ развитию этихъ страдающихъ, которая теперь несравненно болѣе изолированные факты, нежели то было въ болѣе суевѣрные вѣки.

Необходимо сдѣлать важное различіе въ болѣзняхъ, которыя истребляютъ отъ времени до времени населеніе. Нужно отличать болѣзни, которые можно вызвать искусственно, отъ тѣхъ, которые пораждаются исключительно силами природы и которыхъ никакая комбинація условій съ нашей стороны не можетъ породить. Такъ

напр. скорбутъ—болѣзнь, которую можно вызвать по произволу. Заприте многочисленный экипажъ въ грязное, сырое судно, гдѣ пренебрегаютъ всѣми условиями гигиены, дайте людямъ недостаточную и нездоровую пищу, отправьте это судно съ этимъ экипажемъ въ дальнюю экспедицію и скорбутъ не замедлитъ развиться. Въ прежнее время болѣзнь эта была бичемъ мореплавателей; не возможно было предпринять ни одного дальняго плаванія, ни собрать флота для далекой экспедиціи, безъ того чтобы эта страшная болѣзнь не появилась губить экипажъ. Въ наше время она появляется рѣже и только въ тѣхъ случаяхъ, когда неблагопріятныя обстоятельства заставили моряковъ вынести необыкновенныя лишенія и страданія.

Про лагерный тифъ должно сказать тоже самое. Представьте себѣ больницу переполненную больными и ранеными, испорченный воздухъ тѣсныхъ палатъ, сырость проникающую всюду, недостатокъ бѣлля, грязь и нечистоты въ постеляхъ, на стѣнахъ и полахъ, упадокъ духа, страхъ, тоска осплившіе умы всѣхъ несчастныхъ запертыхъ въ подобномъ убѣжищѣ, и вы вскорѣ увидите развитие самыхъ злокачественныхъ горячекъ. Если подобный порядокъ вещей существуетъ въ безчисленныхъ госпиталяхъ, которые принадлежать арміямъ такъ же многочисленнымъ какъ арміи Наполеона и коалиціи въ 1813 г., если арміи эти занимаютъ огромныя пространства и быстро передвигаются съ мѣста на мѣсто, тогда тифъ, развиваясь въ громадныхъ размѣрахъ, будетъ переходить изъ города въ городъ, какъ пламя пожара, и нанесетъ столько же опустошениія какъ и великая эпидемія, появлявшаяся внезапно, и однако онъ будетъ всецѣло порожденъ условиями, соединеніе которыхъ можно вызвать по произволу.

Дѣло другое болѣзни, которыхъ порождаются исключительно и неизвѣстно какъ природою. Никакая произвольная комбинація условій не породить ихъ; что бы ни дѣлали невозможно вызвать, напр., оспу въ томъ или другомъ человѣкѣ по произволу. Чума и холера порождаются условиями, которыхъ ни знаніе, ни искусство человѣческое не могутъ подготовить. Тамъ все, по крайней мѣрѣ для настоящаго, неизвѣстно, таинственно; тамъ все порожденіе силь, одни дѣйствія которыхъ открываются намъ.

Здѣсь нужно замѣтить и другое: въ числѣ эпидемическихъ

болѣзней однѣ распространены въ цѣломъ свѣтѣ и вносятъ опустошеніе почти во всѣ части его, другія заключены въ границы большаго или меньшаго пространства. Происхожденіе послѣднихъ можетъ быть отыскано или въ климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, въ сырости, болотахъ, сколеніи животныхъ или растительныхъ веществъ находящихся въ разложеніи, или въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходятъ въ образѣ жизни людей. Въ древности было въ употребленіи множество различныхъ яствъ, которыхъ неизвѣстны въ наше время; мы, въ свою очередь, употребляемъ различные роды пищи, которыхъ не знали наши предки. Не все равно употреблять хорошую или дурную пищу, хорошую или дурную одежду, жить въ чисто содержимыхъ городахъ, гдѣ очищаются воздухъ, или въ душныхъ, сырыхъ и грязныхъ улицахъ. И, такъ какъ все это измѣняется въ разныхъ странахъ, и даже въ той же самой странѣ и въ томъ же самомъ мѣстечкѣ въ разные вѣка, то неудивительно что происходить измѣненія въ здоровьѣ людей.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ подобныхъ мѣстныхъ болѣзней, происходящихъ отъ мѣстныхъ условій и не смотря на то остающихся часто неизвѣстными, есть болѣзнь ногъ и рукъ, которая господствовала въ Парижѣ въ 1828 г. и которая въ медицинѣ получила греческое название *acrodynie*. Странное зрѣлище представляла въ то время, стекавшаяся совсѣхъ сторонъ въ больницы, толпа больныхъ, страдавшихъ болѣе или менѣе сильною болью рукъ и въ особенности ногъ. Эти члены принимали красноватый оттѣнокъ; больные не могли владѣть ими, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть слѣдовала за этими страданіями. Въ нѣсколькихъ казармахъ, между прочимъ, было очень много больныхъ. Болѣзнь эта, неизвѣстная до этого времени и не походившая ни на одну изъ тѣхъ, которыхъ врачи видятъ ежедневно или авторы когда либо описывали, исчезла такъ же внезапно какъ и появилась, и съ тѣхъ поръ о ней не было и слуха. Одинъ медикъ, который занимался съ большимъ успѣхомъ накожными болѣзнями, г. Райе, съ большой смѣтливостью нашелъ въ ней сходство съ *pellagra*, другою странной болѣзнью, и которую я не могу пройти молчаниемъ.

Пеллагра болѣзнь свойственная сѣверной Италии¹⁾). Она пора-

¹⁾ Послѣ появленія этой статьи открыли пеллагру на югозападѣ Франціи, въ Испаніи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ.

жаеть исключительно деревенскихъ жителей; начинаясь болѣзнью кожи она оканчивается пораженіемъ важнѣйшихъ органовъ въ особенности мозга, кишечъ и органовъ служащихъ пищеваренію; понятно, что дойдя до этой степени, она становится очень серьезной болѣзнью, и въ такомъ случаѣ, часто причиняетъ смерть. Эта болѣзнь не переходитъ изъ одной мѣстности въ другую и какъ кажется, происходитъ единственно отъ извѣстныхъ условій нездоровости воздуха, которая замѣчена въ горной Италии¹⁾.

Въ эпидемическихъ болѣзняхъ замѣчаются измѣненія, перерожденія, если можно такъ выразиться, скачки, которыхъ не поддаются никакому точному опредѣленію. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, послѣ того какъ онѣ очень долго сохраняли характеръ исключительно мѣстныхъ болѣзней, внезапно пріобрѣтаютъ большую силу и неожиданно разливаются по сосѣднимъ странамъ. Англійская потница принадлежитъ къ числу этихъ эпидемій; прежде она ограничивалась исключительно Англіей; позже она перешла на материкъ; въ послѣднее появленіе свое она опустошила весь сѣверъ Европы. Эта болѣзнь до того удивительна, что заслуживаетъ подробное описание; я занимаю его у г. Геккера.

Англійская потница — болѣзнь необыкновенно острая, исходъ которой опредѣляется въ одни сутки. Она представляла въ своеі быстромъ развитіи самыя различныя степени и виды. Наблюдатели замѣтили одинъ пзъ видовъ ея, въ которомъ не было отличительного признака ея — пота, а жизнь, истощаясь подъ сильными приступами болѣзни, угасала въ нѣсколько часовъ.

Болѣзнь наступала внезапно и никакой признакъ не предвѣщалъ ее. У большей части больныхъ потница какъ и вѣсъ лихорадки начиналась легкимъ ознобомъ и дрожью, которые при неблагопріятномъ исходѣ, переходили въ судороги; у другихъ въ началѣ появлялся умѣренный, но постоянно усилившійся жаръ; онъ появлялся безъ малѣйшей видимой причины: часто посреди работы, часто утромъ при восходѣ солнца, даже почью во время сна, такъ что больные просыпались всѣ въ поту.

¹⁾ Эта нездоровость воздуха ничто иное какъ зеленый ядовитый паразитъ маиса. Г. Балардини италіанскій врачъ открылъ причину целлагры; доктора Констала и Русель во Франціи сильно способствовали преобладанію во Франціи идей г. Балардини.

По мѣрѣ развитія болѣзни въ мозгу происходили опасныя явленія. Многіе больныя впадали въ бредъ и бѣшенство и большая часть изъ нихъ умирали. Всѣ жаловались на глухую боль въ головѣ; въ неизрѣдолжительномъ времени наступалъ страшный сонъ, который чаще всего оканчивался смертью. Ужасный страхъ терзалъ больныхъ пока они сохраняли сознаніе. У многихъ лицо синѣло и вздувалось, или по крайней мѣрѣ губы и подглазицы синѣли. Дыханіе становилось затруднительно; сверхъ того сердце безпрестанно билось и трепетало; этотъ симптомъ сопровождался томительнымъ ощущеніемъ внутренняго жара, который при неблагопріятномъ исходѣ переходилъ въ голову и вызывалъ смертельный бредъ.

Послѣ извѣстнаго времени, а у нѣкоторыхъ и съ самаго начала, на всемъ тѣлѣ выступалъ потъ и текъ въ изобиліи, принося съ собою спасеніе или смерть, смотря по тому было ли въ жизни довольно силъ, чтобы выдержать такие страшные приступы болѣзни.

Англійская потница появлялась пѣсколько разъ и проходила по населенію какъ ураганъ. Она сдѣлала пять нашествій, отдѣленныхъ одно отъ другого довольно долиами промежутками, измѣнявшимися сообразно съ пространствомъ опустошенныхъ ею странъ.

Потница когда она появилась въ первый разъ, была совершенно неизвѣстной болѣзни для своихъ жертвъ. Срокъ первого ея появленія въ Англіи опредѣляютъ въ началѣ августа 1483 г. Въ томъ же мѣсяцѣ она начала свирѣпствовать въ Оксфордѣ и такъ великъ былъ ужасъ распространенный ею въ этомъ университетѣ, что учителя и ученики разбрѣжались и знаменитая школа въ продолженій шести недѣль оставалась пустой. Въ сентябрѣ она перешла опустошать Лондонъ, который лишился большей части своихъ жителей; но это быстрая и страшная болѣзнь не продолжалась долго; она внезапно прекратилась въ первыхъ числахъ января 1486 г., строго заключившись на этотъ разъ въ границы Англіи.

Послѣ первого появленія своего, потница, показалась еще четыре раза въ Англіи, щадя постоянно Шотландію и Ирландію, разливъ во Франціи однѣ Кале, занятый тогда англичанами и всего разъ проникнувъ въ Германію и сѣверъ Европы. Съ тѣхъ поръ потница не появлялась болѣе въ Англіи и теперь неизвѣстна тамъ такъ же, какъ она была неизвѣстна до 1485 г. Читатель замѣтить что она имѣть большое сходство съ болѣзни сердца

древняго міра, которая отличалась тоже обильнымъ истечениемъ пота.

Въ обществѣ, съ течениемъ времени и съ развитиемъ цивилизаций, происходятъ важныя измѣненія привычекъ, правовъ, образа жизни, которые должны неизбѣжно въ свою очередь повліять на общественную гигіену. Гипнократъ замѣчаетъ, что въ его время женщины не были подвержены иодагрѣ, а Сенека, пораженный этимъ замѣчаніемъ, свидѣтельствуетъ о частыхъ случаяхъ этой болѣзни у женщинъ своего времени, приписывая эту разницу расищеннности римскихъ нравовъ. Первые путешественники, которые посѣтили различные архипелаги Тихаго океана, утверждаютъ, что катарры были неизвѣстны этимъ народамъ до появленія европейцевъ. Платонъ говорить тоже самое о грекахъ жившихъ до Сенеки. Это любопытный но трудный для рѣшенія вопросъ, узнать, по мѣрѣ развитія и усовершенствованія цивилизаций, размножаются ли и усложняются ли болѣзни. Нужно прослѣдить его съ многихъ сторонъ, прежде нежели дать на него прямой отвѣтъ.

Когда мы прежде всего бросимъ взглядъ на происхожденіе общества, то самые древніе памятники покажутъ намъ уже основанныя общества, съ очень развитой цивилизацией, въ Египтѣ, Вавилонѣ, Ассирии; изъ этихъ источниковъ вышли всѣ ручьи, которые то съуживаясь, то расширяясь, слились въ наше время въ потокъ цивилизаций несравненно болѣе значительный, нежели источники тѣхъ временъ, съ которыхъ для насъ начинается исторія. Невозможно восстановить исторію медицины этихъ древнихъ обществъ хотя довольно усовершенствованная культура дѣлала ихъ во многихъ отношеніяхъ очень схожими съ обществомъ нашего времени. Намъ приходится искать въ другомъ мѣстѣ матеріалъ для нашего сравненія.

Мы должны разматривать бытъ древнихъ германцевъ, галловъ, скиескихъ племенъ, разсѣянныхъ въ Европѣ и Азіи, и въ наше время—дикихъ Америки, архипелаговъ Тихаго Океана и Австраліи. Эти народы были и теперь еще стоять ближе къ намъ, нежели къ тому что называется природнымъ состояніемъ человѣка, потому что природное состояніе человѣка есть жалкая и кочующая жизнь безъ ремесль, безъ искусствъ и безъ науки. Итакъ, чтобы въ немногихъ словахъ опредѣлить гигіеническое состояніе этихъ

народовъ въ сравненіи съ нашимъ, нужно признать, оставя въ сторонѣ точное опредѣленіе числа больныхъ, которое невозможно, что они имѣютъ не только менѣе средствъ бороться противъ страданій, удручающихъ человѣческій родъ, но еще и менѣе силы сопротивленія въ самихъ себѣ, чтобы противостоять смертоноснымъ вліяніямъ, когда они имъ подвергаются.

Вся древность признала, что германцы и галлы, какъ они ни были пылки и стремительны при нападкѣ, не могли выдерживать усталость, работу, жаръ, въ то время какъ римскій солдатъ въ впечатлительной степени имѣлъ перевѣсъ своими физическими качествами надъ рослымъ и блокурымъ воиномъ Галліи или Германіи. Въ наше время это же явленіе было подтверждено инымъ способомъ; мускульная сила цивилизованного человѣка, измѣренная динамометромъ, значительно превосходитъ силу дикихъ Америки. Больней былъ пораженъ, увидѣвъ многихъ дикихъ Соединенныхъ Штатовъ, страдавшихъ ревматизмомъ, а Гиппократъ, который путешествовалъ даже въ Скиої, дѣлаетъ то же замѣчаніе объ ордахъ, которая въ его время жили верхомъ или въ телѣгахъ. Отецъ медицины на этомъ наблюденіи основалъ ученіе о вліяніи климата на природу человѣка, ученіе которое кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ болѣе восходятъ къ происхожденію народовъ. Вліяніе почвы и атмосферы чувствительнѣе и сильнѣе на племена подверженныя постоянному дѣйствію воздуха, воды и земли, нежели на народы нашего времени, когда наука и индустрия дали человѣку такъ много средствъ защищать себя отъ дѣйствія стихій. Взгляды Гиппократа, на этотъ предметъ, несомнѣнно, обширны и глубоки, и Монтескье, принявший и повторивший ихъ, долженъ бы быть сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя ограниченія, которая сдѣлались необходимы вслѣдствіе вѣковъ прогресса и усиленіе могущества человѣка.

Невозможно не признать, что измѣненія, которымъ подвергается жизнь человѣческая отъ всѣхъ тѣхъ условій, изъ какихъ слагается цивилизациѣ, имѣютъ свою долю въ порожденіи извѣстныхъ болѣзней и патологическихъ измѣненіяхъ человѣческаго организма, которые приносятъ вѣка въ своеемъ теченіи. Но полагаю, что невозможно приписать единственно этой причинѣ всѣ великия эпидеміи, которая указываетъ намъ исторія и слѣдуетъ искать другихъ

вліяющихъ причинъ, или признать, что многія эпидеміи имѣютъ свое опредѣленное мѣсто происхожденія, гдѣ онѣ пріобрѣтаютъ гибельное свойство разливаться повсюду. Это заключеніе справедливо относительно чумы, холеры, желтой лихорадки. Такимъ образомъ приходится снова обратиться къ мѣстнымъ причинамъ, совершенно неизвѣстнымъ, которые создаютъ зародыши чумы, холеры, желтой лихорадки въ Египтѣ, Индіи, Америкѣ.

Вліяніе этихъ великихъ эпидемій на нравы очевидно; оно далеко неблагопріятно. Жизнь кажется тогда такъ невѣрной, что люди спѣшатъ насладиться часами, которые должны, быть можетъ, скоро прекратиться. Великія бѣдствія, вообще, вызываютъ преобладаніе эгоизма и чувства самосохраненія до той степени, которая изглаживаетъ всѣ другія чувства и превращаетъ человѣка въ хищнаго звѣра. Припомнимъ кораблекрушенія, голодъ, бѣдствія въ родѣ отступленія изъ Москвы; тогда одна мысль царить надъ всѣмъ — мысль о собственномъ спасеніи, и чтобы спасти себя совершаютъ самыя жестокія дѣла. Во время эпидемій преобладаетъ тотъ же инстинктъ, выказывается тотъ же эгоизмъ; съ одной стороны онъ ведетъ къ разрыву самыхъ дорогихъ привязанностей, съ другой къ торопливому наслажденію всѣми удовольствіями; пренебреженіе нашихъ обязанностей въ отношеніи другихъ и необузданное стремленіе къ наслажденію — вотъ характерическая черты эгоизма, во всѣ времена, но которая становятся еще болѣе поразительны во время чумы. Это зрѣлище было дано Аѳинами міру за четыре вѣка до Р. Х. Еще болѣе ужасающее зрѣлище было дано во время черной чумы четырнадцатаго вѣка; въ эту чуму, съ одной стороны, духъ показанія овладѣлъ народомъ, съ другой самыя страшныя злодѣянія были совершены по нелѣпѣйшимъ подозрѣніямъ. Это странное смыщеніе и чувствъ и поступковъ заслуживаетъ, чтобы о немъ рассказать читателю, и я зайду въ книгу г. Геккера, о черной чумѣ: главныя черты разсказа.

Несчастіе суевѣрно. Воображеніе людей среднихъ вѣковъ было потрясено видомъ бѣдствій, которые нанесла черная чума. Би-чующіеся фанатики, которые появлялись уже въ продолженіи предшествовавшаго вѣка, снова появились сначала въ Венгріи, и вскорѣ потомъ въ цѣлой Германіи. Толпы ихъ, сначала очень немногочисленныя, выростали и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ по городамъ

■ деревнямъ выступили многочисленныи процессы людей, которые чѣли покаянныи гимны и стремились петиціями плоти отвратить гневъ Божій. Всюду пхъ встрѣчали съ восторгомъ, и часто этотъ порывъ внезапно похищалъ у города большую часть жителей его, которые начинали странствованіе по богоизбраннымъ съ сопровождавшими имъ жестокими самоистязаніями. Казалось, большая часть умовъ въ Европѣ была охвачена порывомъ покаянія и скорби; то былъ результатъ соединенного вліянія средневѣковыхъ идей и ужасовъ настоящаго

По дѣйствію чумы на умы не остановилось на этихъ безумныхъ самоистязаніяхъ. Порывъ кровожадной жестокости сопровождалъ порывъ суевѣрія. Мы знаемъ по опыту, какъ невѣжественная толпа объясняетъ скоропостижную, таинственную, неизбѣжную смертность эпидеміи. Четырнадцатый вѣкъ, какъ и девятнадцатый вѣкъ, отравленіямъ. Занерли городскія ворота, поставили часо-выхъ у колодцевъ, обвинили евреевъ въ страшной смертности. Въ то время цѣлая Европа представляла одно изъ самыхъ ужасающихъ зрелищъ, какія только можно себѣ вообразить. Въ то время какъ невидимая рука чумы опустошала города и села и дѣлала кладбища слишкомъ тѣсными для множества мертвцевъ, адскія страсти, разнуданныя бѣдствіемъ, приносили новыя страданія къ общимъ страданіямъ и всю ярость человѣка къ ярости природы. Въ Швейцаріи началось избіеніе евреевъ. Ихъ обвинили въ спошненіяхъ съ испанскими маврами и въ заговорѣ съ ними для отравленія христіанъ. Подверженные пыткѣ, многіе изъ нихъ сознались; и до сихъ поръ еще сохраняются меморіалы этихъ, такъ называемыхъ, приговоровъ правосудія. Приговоренные были сожжены, но народная ярость никогда не ждала совершенія этихъ юридическихъ убийствъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ защищали евреевъ въ синагоги и сжигали ихъ; въ другихъ многія тысячи этихъ несчастныхъ, мужчины, женщины, дети, погромождались на громадные костры. Въ Майнцѣ они пытались сопротивляться; побѣжденные, они занерлись въ свои кварталы и сожгли себя. Хотѣли обратить ихъ, фанатизмъ ихъ раздражилъ и матери бросали, чтобы не отдать христіанамъ, дѣтей въ пламя, и сами бросались въ него вслѣдъ за ними. Эти убийства имѣли повсюду средство уплачивать долги этимъ богатымъ и промышленнымъ чужеземцамъ; потомъ шли рыться въ сожженныхъ кибиткахъ и собирать золото и серебро, пощаженные огнемъ. Цѣ-

лая Европа дала миру безчеловѣчное зрѣлище этихъ сожжений; села и были болѣе городовъ безопасными убѣжищемъ для несчастныхъ крестьяне преслѣдовали со всѣхъ сторонъ бѣглецовъ, народъ убивалъ ихъ, суды предавали ихъ мукамъ, князья и дворяне свое военной стражѣ, и безпощадно преслѣдуемые евреи нашли убѣжище только въ одной отдаленной Лифляндіи, гдѣ король Казимиръ Великій принялъ ихъ подъ свое покровительство. Вотъ почему въ наше время евреи такъ многочисленны въ Польшѣ.

Посреди столькихъ бѣдствій и ужасовъ, всѣ общественные связи порвались: суды и чиновники утратили свою власть; семейства привязанности замерли; больные умирали въ одиночествѣ, близко не окружали ихъ смертный одръ; мертвыхъ относили на кладбище безъ похоронной процессіи друзей и знакомыхъ, безъ свѣчей, безъ молитвъ. Страхъ заразы отогналъ священника какъ и роднаго Гюп-де-Шолакъ, врачъ въ Авиньонѣ, поведеніе котораго былъ честнымъ исключеніемъ, говоритъ на своемъ простомъ и энергическомъ латынскомъ языке: «Умирали безъ прислуги, погребались безъ священниковъ; отецъ не посѣщалъ сына, ни сынъ отца; милосердіе умерло, надежда была уничтожена.»

Мы имѣемъ право сказать, что въ наше время замѣтно улучшеніе въ общественныхъ нравахъ. Мы тоже были свидѣтелями смертносной эпидеміи, которая распространила въ нашихъ городахъ деревняхъ ужасъ и скорбь; мы тоже видѣли, какъ скоплялись первые съ такой страшной быстротой, что порой затруднялись найти средства похоронить всѣхъ; мы то же видѣли нечальныя телы медленно разѣзжающими по улицамъ нашей столицы, чтобы обѣрать у каждой двери жертвы этого дня. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ тифъ, такъ же убийственный какъ и войны, опустошилъ нашъ арміи и наши больницы, и мы имѣемъ право говорить о томъ чѣмъ былъ нашъ вѣкъ въ числѣ бѣдственныхъ вѣковъ для человѣчества. И нигдѣ врачи не покидали своихъ мѣстъ; напротивъ мужество ихъ и рвение удвоивались съ усиленіемъ болѣзни; администраторы, равнымъ образомъ, не покидали мѣстности опустошенной эпидеміей; нѣсколько человѣкъ невѣжественныхъ классовъ придались гибельнымъ заблужденіямъ; но тѣ, на кого были наложены общественные обязанности исполнили ихъ. Наши врачи подали тоже памятный примѣръ во время чумы недавно опустошившемъ

Гищель. Какъ ни казалась имъ опасна зараза, они боролись противъ нее съ мужествомъ, которое изумило самого Ибрагима; и если мы захотимъ искать причины этого различія, которое все въ пользу нашего вѣка, мы найдемъ ее въ большемъ распространеніи про-фіціенія и въ томъ чувствѣ чести, которое заставляетъ каждого человѣка, по крайней мѣрѣ, для вида бодро держаться на томъ постѣ, куда его бросить судьба. Я не говорю, что не можетъ быть такихъ бѣдствій, которыя осилиять даже это чувство; я признаю что чума четырнадцатаго вѣка превзошла все, что мы видѣли въ тифѣ и холерѣ; но неизвѣстно еще, была ли чума въ Аеннахъ болѣе смертельна нежели холера въ Парижѣ; и испытанія, черезъ которыхъ мы прошли, были настолько сильны, чтобы оправдать то, что я говорю.

Медицинскій факультетъ въ Парижѣ, одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, былъ обязанъ представить свое мнѣніе о причинахъ, породившихъ черную чуму, и о діэтѣ, которую следовало соблюдать. Это мнѣніе самая дикая нелѣпость. Вотъ начало его: «Мы, члены комиссіи врачей въ Парижѣ, послѣ зреѣшихъ размышленій о настоящей смертности, испросили совѣта у нашихъ древнихъ учителей медицинскаго искусства и вамъреваемся теперь изложить причины этой чумы болѣе ясно, нежели то возможно сдѣлать по правиламъ и принципамъ астрологіи. Вслѣдствіе чего мы утверждаемъ, что навѣстно что въ Индіи, въ области великихъ морей, звѣзды, которыя борются съ лучами солнца и теплотой не беснаго огня, повліяли своей силой противъ моря и боролись ежес точено съ волнами его. Это имѣло послѣдствіемъ рожденіе паровъ, которые скрываютъ солнце и превращаютъ свѣтъ во мракъ. Эти пары поднимаются и опускаются въ продолженіи двадцати восеми дній сряду; по наконецъ солнце и огонь подѣйствовали такъ сильно на моря, что привлекли къ себѣ большую часть ихъ, и вода морская поднялась въ образѣ паровъ. Этимъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, воды были до того измѣнены, что большая часть рыбъ изгнила. Но эта испорченная вода не могла поглотить жаръ солнечный и то же не было возможно, чтобы другая здоровая вода вышла изъ сиѣга или града. Сверхъ того эти пары распространялись въ воздухѣ во многихъ частяхъ свѣта и покрыли ихъ облакомъ. Такъ произошло въ цѣлой Аравіи, въ части Индіи, въ Критѣ, въ доли-

нахъ и равнинахъ Македонії, Венгрії, Албанії и Сицилії. Если они дойдутъ до Сардинії, ни одинъ человѣкъ не останется тамъ въ живыхъ, тоже будетъ съ островами и странамисосѣдними, куди проникнетъ отравленный вѣтеръ Индіи, или проникъ уже, во все продолжение времени, пока солнце останется въ знакѣ льва. Если жители этихъ странъ не будутъ слѣдоватъ указанной діетѣ, или другой сходной съ нею, мы предвѣщаемъ имъ неизбѣжную смерть развѣ что милость Христа сохранитъ имъ жизнь».

Далѣе были предписанныя правила, которыя я опускаю, потому что документъ этотъ дѣлаетъ очень мало чести медицинской корпораціи, которая составила ихъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Однакъ мы ошибемся, если будемъ судить о разумѣ четырнадцатаго вѣка по подобному образчику ложной науки и педантической болтовни. Внѣ этихъ установленныхъ корпорацій было нѣсколько человѣкъ мнѣнія которыхъ вполнѣ заслуживаютъ вниманія и которые оставили намъ въ своихъ сочиненіяхъ плоды своего опыта и своихъ размышлений.

Я представилъ читателю факты, которые обыкновенно не вносятся въ исторію человѣчества. Все это вмѣстѣ составляетъ мрачную картину. Великія эпидеміи, опустошая міръ, озnamеновываются самыми разнообразными явленіями: однѣ исчезаютъ и, иовидимому время никогда болѣе не должно привести ихъ снова; другія смыняютъ ихъ; человѣкъ борется, умираетъ, или иногда побѣждаетъ ихъ, какъ въ оспѣ, отъ которой опѣ защищаетъ себя прививаніемъ какъ въ чумѣ, отъ которой онъ спасается карантинами. Этотъ дикий разгуль разизвѣстныхъ страшныхъ силъ, одни дѣйствія которыхъ проявляются намъ, бурь возмущающихъ гармонію силъ дающихъ жизнь, смертоносныхъ ядовъ, для которыхъ человѣческій родъ если можно такъ выражаться, есть единственный реактивъ. Эти явленія, въ какомъ направленіи идутъ они? Отъ какого порядка условій зависятъ они?

Эпидеміческія болѣзни такъ рѣзко отличаются своими видами, что можно въ медицинскомъ отношеніи раздѣлить исторію человѣчества на періоды, которые будутъ отмѣчать судьбы смертныхъ ихъ тѣлесными страданіями.

Первая эпоха принадлежитъ древней чумѣ, происхожденіе которой неизвѣстно, но о которой въ первый разъ упоминается въ не-

монголо-татарской войны, и которая часто истребляла народы даже до конца четвертого века христианской эры. Съ тѣхъ поръ, послѣ такого долгаго опустошения, она исчезла съ лица земли съ своею сильною прищѣй, бѣшенымъ бредомъ, воспаленiemъ глазъ и дыхательныхъ путей, съ гангреной, искалѣчившей столько же жертвъ.

Когда въ концѣ пятаго века дикия орды съ сѣвера и изъ Азии нахлынули на римскую имперію и положили мечомъ конецъ древнему соціальному устройству міра, появилась не новая болѣзнь, но новая эпидемія—восточная чума, первое пашество которой было, быть можетъ, самыи губительнымъ изо всѣхъ, какія были до нея и всѣхъ, какія были послѣ нея. Оспа, кажется, появилась въ одно время съ нею. Желтая лихорадка, вышедшая изъ Америки, отмѣчасть другой фазисъ патологической исторіи. Наконецъ холера, напесенная въ нашъ векъ изъ Индіи, — новый видъ страданій человѣчества. Наша планета, занимая опредѣленное мѣсто въ системѣ вселенной, получая свѣтъ и часть теплоты отъ солнца, есть не болѣе какъ крошечная частица великаго цѣлаго, проникнутая могущественными силами, которыя придаютъ ей тяготѣніе и притяженіе. Но самая чудесная изъ этихъ силъ, безъ сомнѣнія, есть жизнь развертывающаяся на поверхности ея подъ тысячами формъ. Подобно электричеству, которое по теоріи физиковъ, находится только на поверхности электризованныхъ тѣлъ и не проникаетъ никогда во внутренность ихъ, и жизнь распространена на всей поверхности земного шара и проявляется растительностью и животными. Она щедрой рукой развертываетъ это роскошное и блестящее зрѣлище и однако всѣ эти яркія картины произведены, если я могу такъ выразиться, съ очень малыми издержками. Ей нужно сочетать нештого красокъ, чтобы произвести столько оттѣнковъ, она бросаетъ на свой гориѣ только кислородъ, водородъ, азотъ, углекислоту и несколько родовъ земли, чтобы породить безконечное разнообразіе существъ, которыя появляются на мигъ одинъ насладиться лучами солнца, и потомъ отдать свой составъ вѣчной химіи.

Элементарныя соединенія такъ близки одни къ другимъ, что можно отличить растительное вещество отъ животнаго только различными пропорціями, и природа такъ легко играть этими соединеніями, что самыи легкими и простыми измѣненіемъ превращаетъ ~~таку~~ четвероногаго въ крыло или плавательное перо, такъ что

глазъ можетъ тотчасъ угадать полную тождественность организмовъ повидимому такъ различныхъ. Это не все еще: жпзы въ эпохи, которыхъ ни одна раса человѣческая не сохранила воспоминанія потому что онѣ протекли задолго до появленія человѣка, разсѣянія по лицу земли, въ то время совершенно иному нежели теперь, растенія и животныхъ, которыхъ не сохранили представителей своихъ посреди живущихъ теперь видовъ. Всѣ эти существа исчезли ог҃ь дѣйствія болѣе или менѣе общихъ причинъ, которыхъ доказываютъ тѣсную связь между условіями земли и силою жизненности организмовъ.

Въ разрядѣ этихъ существованій, распространенныхъ въ такомъ изобилии на нашей планѣтѣ, жизнь человѣческая, или человѣчество занимаетъ первое мѣсто. Людской муравейникъ кишитъ надѣль всѣми климатами, онъ произвелъ на поверхности почвы измѣненія уже теперь значительныя, но которыхъ со временемъ будутъ еще значительнѣе. Нѣть ничего удивительного, если этотъ муравейникъ по временамъ испытываетъ сильное потрясеніе, напоминающее ему всѣ связи его съ землей, которая носитъ его, и стихіи которой — стихіи создавшіе его. Эта точка зреянія, съ которой можно рассматривать происхожденіе вообще всѣхъ болѣзней. Многіе германскіе медики разрабатывали этотъ тезисъ и подтверждали его разными изслѣдованіями, чтобы доказать, что великие атмосферические перевороты, изверженія вулкановъ и землетрясенія всегда предшествовали появлению эпидемій и сопровождали ихъ; какъ будто родъ лихорадочнаго состоянія земли породилъ тѣ бичи, которые должны были поражать родъ человѣческій, какъ будто природа, не довольствуясь болѣе обычной смѣшной жизни и смерти, приѣгала внезапно къ болѣе быстрымъ средствамъ разрушенія. Это только одна гипотеза и, должно сказать, гипотеза очень мало вѣроятная, потому что мы не знаемъ никакого телурическаго отношенія поражающаго міазмы эпидемій и заражающихъ ядовъ.

Если сказать правду, то при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, это происхожденіе можетъ быть отыскиваемо только въ органическихъ веществахъ, живыхъ или мертвыхъ. Они одни имѣютъ гибельное свойство превращаться въ яды, какъ сокъ ядовитыхъ растеній; въ животные яды — какъ жидкость ядовитыхъ змѣй въ заразные яды — какъ слону бѣшеной собаки. Яды раститель-

ищ и животный утрачиваютъ свою силу произведя то зло, которое свойственно имъ произвести и не воспроизводятся болѣе въ тѣлѣ своихъ жертвъ. Но заразные яды и мѣазмы воспроизводятся и передаются. Для медика и физіолога иначе такъ не темно какъ эти тайныя и зловредныя соединенія органическихъ элементовъ, гдѣ лабораторія зла и смерти, и туда нужно попытаться проникнуть.

ЗАРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЛОШАДИНАГО САПА.

І.

Заражение человѣка отъ лошади.

Хотя покупка многихъ тысячъ лошадей, о которой говорятьъ такъ много, вѣроятно не состоится, однако я нахожу, что будетъ неизлишнимъ вывести наконецъ вопросъ о заразительности сапа изъ круга споровъ, въ которомъ онъ волиуется уже нѣсколько времени. Важные интересы затронуты этимъ вопросомъ: дѣло идетъ заразъ о жизни людей и о сохраненіи частнаго и общественнаго достоянія. Уже нѣсколько лѣтъ медики начали утверждать, что сапъ передается отъ лошади человѣку. Большая часть ветеринаровъ оспариваетъ это; съ другой стороны, вопросъ о заразѣ сапомъ одной лошади другою, составляетъ предметъ спора между самими ветеринарами, большая часть которыхъ, особенно въ арміи, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Я имѣю намѣреніе раскрыть передъ глазами читателей положеніе слѣдующихъ двухъ вопросовъ:

- 1) Передается ли сапъ отъ лошади человѣку?
- 2) Хроническій сапъ передается ли отъ лошади къ лошади?

Передача заразы сапомъ человѣку была предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, оставшихся правда безъ общаго вывода и разсѣянныхъ въ медицинскихъ сборникахъ, когда въ 1837 г. въ отдѣленіе доктора Райнѣ въ госпиталь Шарите, былъ принятъ больной

представлявшій соединеніе многихъ очень важныхъ симптомовъ, но въ то же время очень странныхъ, и діагнозъ которыхъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Г. Райз, послѣ нѣкотораго колебанія, сравнивъ эти симптомы съ тѣми, которые были замѣчены въ наблюденіяхъ упомянутыхъ выше, призналъ тождественность ихъ, и, спросивъ о жизни больного, узналъ что несчастный былъ конюхомъ и прикасался къ лошадямъ зараженнымъ сапомъ. Этотъ новый фактъ не остался отрывочнымъ фактомъ, какъ прежнія наблюденія. Г. Райз написалъ мемуаръ, который былъ, можно смѣло сказать, образцовый мемуаръ, порѣшившій вопросъ; онъ свелъ вмѣстѣ всѣ наблюденія случаевъ сапа у человѣка, которые были опубликованы, и вывелъ слѣдующее заключеніе: болѣзнь порожденная у людей вслѣдствіе заразительного влиянія лошадинаго сапа, представляетъ рядъ явлений тождественныхъ въ сущности своей и рядъ симптомовъ, которые столько же отличаются отъ симптомовъ какой бы то ни было извѣстной болѣзни, сколько они схожи между собой. И важная услуга была оказана медицинской обществу этимъ мемуаромъ.

Г. Райз представилъ свои замѣчанія медицинской академіи и они вызвало сильные споры въ средѣ этого общества. Возраженія, которые были сдѣланы противниками заразительности сапа, должны быть приведены здѣсь въ короткихъ словахъ.

Первое заключается въ томъ, что симптомы замѣченные у человѣка, зараженнаго сапомъ, не совершенно схожи съ тѣми, которые представляетъ сапъ у лошадей. Не входя въ безполезныя подробности объ этомъ пункѣ, я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что и у человѣка, какъ и у лошади носовая полость покрыты кровяными подтеками и поражены гангреной, или сыпью небольшихъ прыщей отдѣльныхъ или слившихся, что у человѣка, какъ и у лошади образуются прыщи на кожѣ и скопленіе гноя въ подкожной вѣтчаткѣ; что у человѣка, какъ и лошади на легкихъ появляются кровяныя подтеки и гнойные фокусы. Это сходство признаковъ характеристично какъ нельзя болѣе и вполнѣ даетъ достаточный поддѣлъ для того, чтобы счесть болѣзнь человѣка однородной съ болѣзнию лошади.

Другіе предполагали, что болѣзнь, получившая въ послѣднее время название остраго сапа у человѣка, болѣзнь, совершенно специальный характеръ которой невозможно было оспорить, была но-

вой болѣзнью, какъ холера, напр., и порождалась неизвѣстными причинами, но совершенно независимыми отъ зараженія. Ничто не можетъ быть менѣе точно какъ это утверждение. Прежде всего первыя наблюденія, доказавшія отношенія между болѣзнью лошади и человѣка, были сдѣланы въ 1813 г. Затѣмъ находять въ медицинскихъ сборникахъ, появлявшихся до этого года, исторіи болѣзней остававшихся непонятными медиками, которые запесли ихъ въ сборники, но не смотря на то, главные симптомы сапа разсказаны тамъ такъ обстоятельно, что невозможно не признать ихъ. Одно что могло такъ долго скрывать настоящій характеръ этихъ болѣзней, то, что врачи, которымъ случалось встрѣчать ихъ, не имѣли понятія о лошадиномъ сапѣ и могли приписать аномальныи видамъ рожи сапъ у человѣка.

Были сдѣланы еще слѣдующія возраженія: что еслибы передача сапа отъ лошади человѣку была дѣйствительно возможна, то это не могло бы оставаться неизвѣстнымъ до сихъ поръ, и что встрѣтилось бы навѣрно безчисленное множество примѣровъ передачи. Говорили, что свѣдѣнія собраныя о живодерахъ столицы показали, что никогда ни они, ни мальчики ихъ не схватывали никакой болѣзни послѣ того какъ сдирали кожу, разрѣзали на куски лошадей съ сапомъ и вскрывали имъ полости носа; говорили, что въ ветеринарной школѣ Альфора насчитываютъ отъ 250 до 300 молодыхъ людей, что всеѣ они вскрываютъ лошадей павшихъ отъ сапа, трогаютъ руками и разрѣзаютъ части тѣла ихъ какъ здоровыя такъ и больныя, что многіе изъ нихъ оцарапываютъ или порѣзываютъ себѣ кожу во время этихъ вскрытий, и никогда не произошло ни одного случая зараженія. Наконецъ говорили, что изъ числа пятнадцати наблюдений надъ заразой острымъ сапомъ переданной отъ лошади человѣку, которая засвидѣтельствованы г. Райз, четырнадцать принадлежать нѣмецкимъ и англійскимъ медикамъ, тогда какъ ни въ одной странѣ Европы нѣть такого множества лошадей съ сапомъ какъ во Франціи; что больницы кавалерійскихъ полковъ переполнены такими лошадьми, что ветеринары, которыхъ полагается по два на каждый полкъ ежедневно ходятъ за этими лошадьми и ни у одного изъ нихъ не было замѣчено сапа.

Прошло пе болѣе трехъ лѣтъ со времени появленія замѣтокъ г. Райз. и уже факты опровергли всѣ эти возраженія одно за другимъ.

Конюхи, живодеры ученики альфорской школы, наездники умерли отъ сапа переданного лошадьми. Такъ какъ особенно важно вполнѣ решить этотъ вопросъ и внести убѣжденіе въ умы читателей, то и решаюсь привести именный списокъ жертвъ этой ужасной забади, начиная со времени наблюдений г. Райэ.

1) Простъ, конюхъ, ходившій за лошадьми зараженными сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ больницѣ Шарите 13 февраля 1837 г. въ отдѣлении г. Райэ. (Бюллетень королевской медицинской академіи 21 февраля 1837 г., Райэ, «О сапѣ и лихомъ у человѣка. Стр. 19).

2) Монжо, извозчикъ одного заведенія гдѣ были лошади съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 12 іюня 1837 г. въ больницѣ Шарите, въ отдѣлении г. Бульо (Бюллетень и пр. Засѣданіе 15 февраля 1839 г., Бульо «Клиническій трактатъ о ревматизмѣ въ сочлененіяхъ» стр. 117).

3. Лимозель, конюхъ, ходившій за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, 31 августа 1838 г. въ отдѣлении г. Бреше, въ больницѣ Отель-Дье. (Бюллетень и пр. Засѣданіе 9 октября 1838 г., *L'Experience*, т. II, стр. 421).

4) Гниедоръ, бочаръ, сѣлавъ перевязку лошади съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ, 10 сентября 1838 г., у себя дома, пробывъ три мѣсяца въ Отель-Дье въ отдѣлении г. Бреше; свѣдѣніе сообщенное королевской медицинской академіи г. Девилемъ. (Бюллетень 2 октября. *Archives g  n  rales de m  decine*, ноября 1832, стр. 365).

5) Дондагиньеръ, конюхъ, дѣлавшій перевязки лошадямъ съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ Отель-Дье въ отдѣлении г. Гюсона. (Бюллетень и пр. 16 октября 1838 г. *Gazette des H  pitaux*, 1838, стр. 491).

6) Пэна, конюхъ, дѣлавшій перевязки лошадямъ съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ 20 декабря 1838 г. въ больницѣ св. Людовика, въ отдѣлении г. Жобера. (Бюллетень и пр. 3 января 1839 г., *L'Esp  rience* т. III, стр. 25).

7) Конюхъ Эмери, чистя лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 1-го января 1839 г. въ больницѣ Шарите, въ отдѣлении г. Мальи (Bulletin et etc. 3 Janvier 1838 г.).

8) Кучеръ Девинеъ, чистя лошадей, больныхъ сапомъ, умеръ отъ острого сапа въ той-же больницѣ, въ отдѣлѣніи г. Андраля 1-го февраля 1839 г. (Bulletin et etc. 5 Fevrier 1839 г. — Gazette m dicales de Paris 1839, p. 38).

9) Землекопъ Паймсъ, прославши въ одной конюшнѣ, гдѣ была больная сапомъ лошадь, умеръ отъ острого сапа 22 февраля 1839 года въ Отель-Дѣ, въ отдѣлѣніи Нопато. (Bulletin et etc. 29 Fevrier 1839—L'Experiance, t. III p. 354).

10) Бенуа, ветеринарный ученикъ, ухаживая за одною лошадью, больною сапомъ, умеръ отъ острого сапа 11 июня 1839 г. въ Альфорской школѣ, въ отдѣлѣніи г. Племы, врача этого заведенія. (Bulletin et etc. du 25 Juin 1839 — Gazette medicale de Paris 1839 p. 416).

11) Негръ Н., конюхъ, при уходѣ за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ хронического сапа 23-го июня 1839 г. въ больницѣ Бажу въ отдѣлѣніи г. Логье (Bulletin et etc. du 9 Juillet 1839).

12) Извощикъ Деморье, державшій лошадей съ сапомъ ухаживая за ними, умеръ отъ острого сапа 20-го июля 1839 г. въ Отель-Дѣ въ отдѣлѣніи г. Пети. (Bulletin et etc. du 23 Juillet 1839—L'Experiance t. V, 1840 p. 373).

13) Кучеръ Н. г. М., ходившій за одною лошадью зараженной сапомъ, умеръ отъ острого сапа у себя дома. (Случай, сообщенный Андралемъ г. Райе).

14) Берто, ученикъ ветеринарной школы въ Альфорѣ, присматривая за лошадьми, больными сапомъ, умеръ у себя дома отъ острого сапа, послѣдовавшаго послѣ хронического лихаго. (Случай, сообщенный г. Райе).

15) Перонъ, ветеринарный ученикъ альфорской школы, ухаживая за одною лошадью съ сапомъ, умеръ отъ острого сапа 16-го сентября 1839 г. въ отдѣлѣніи г. Блены. (Главный медицинскій Архивъ въ ноябрѣ 1839, стр. 347).

16) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Лефлокъ исполняя съ прочими солдатами служебныя обязанности въ лазаретѣ лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ острого сапа 1-го июля 1839 года. (Veyssierte, De la morve aigue consider e sous le rapport de sa transmission   l'esp ce humaine, p. 20 Paris 1840).

17) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Гпльоре, два раза состоявъ

иа службѣ въ лазаретѣ лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сана 20-го августа 1839 г. (Ib. p. 21).

18) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Жаденъ, состоявшій в продолженіе шести недѣль на службѣ въ лазаретѣ лошадей съ сапомъ, или съ опухшими желѣзами, умеръ отъ остраго сана 31-го января 1840 года. (Ib. p. 26).

19) С.... одинъ драгунъ, состоявшій въ продолженіе пяти мѣсяцевъ при лошадяхъ съ сапомъ, умеръ отъ сана. (Наблюденіе, представленное докторомъ Фугнія въ королевскую медицинскую академію въ 1840 г.).

20) Конюхъ Маріонъ, ухаживая, за больными сапомъ лошадьми, умеръ отъ остраго сана 8-го декабря 1839 г. въ Отель-Дѣ въ отдѣленіи г. Гуссона. (Bulletin et etc. du 10 decembre 1839—L'Expérience t. V, 1840, p. 386).

21) Конюхъ Дельваль, чистя лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сана, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ въ больницѣ Неккера, въ отдѣленіи г. Берарда. (Bulletin et etc. du 11 fevrier 1840—L'Expérience t. V, 1840, p. 119, 149).

22) Извощикъ Бруне изъ Монфукона, разрѣзывая на части лошадь, зараженную сапомъ, укололся и умеръ отъ зараженія сапомъ; ~~умеръ~~ прежде отъ хронического лихаго въ Отель-Дѣ въ отдѣленіи г. Ру, а и потомъ г. Гризалия, гдѣ и умеръ 20-го марта 1840 года. (Bulletin et etc. du 20 novembre 1840 — L'Expérience, t. V, 1840 p. 292).

23) Конюхъ Робертъ, ухаживая за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ остраго сана, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ 31-го ~~иа~~ въ 1840 г. въ больницѣ св. Людовика, въ отдѣленіи, г. Дииле (Bulletin).

24) Извощикъ II, ходя за больными сапомъ лошадьми, умеръ отъ остраго сана, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ въ октябрѣ 1840 г. въ больницѣ св. Людовика въ отдѣленіи г. Жибера, (Bulletin etc. du 21 octobre 1840 г. — Gazette medicale de Paris 1840, p. 686).

Вотъ, скорбный листъ человѣческихъ жертвъ зараженій сапомъ. Оно доказываетъ, что санъ не есть, какъ то предполагали прежде, рѣдкое явленіе между людьми, находящимися по какимъ-нибудь обстоятельствамъ въ близости лошадей, пораженныхъ этою бо-

лѣзнью. Изъ предыдущаго видно, что всѣ тѣ, которые подвергались этой ужасной болѣзни, стояли именно въ такихъ условіяхъ. Эти случаи, а также и характеристическая сходства между такъ-называемымъ сапомъ людей и сапомъ лошадей, несомнѣнно рождаютъ убѣжденіе возможности заразы.

Но это еще не все; гной, взятый отъ человѣка, зараженнаго этой болѣзнью и привитый къ какому-нибудь однокопытному животному, пораждалъ у него сапъ.

Г. Райе заставилъ г. Леблана привить одной разбитой на ноги кобылѣ гной, взятый съ Проста (№ 1-й списка) и въ первое время не замѣчалось никакихъ слѣдовъ болѣзни. Но на 21-й день послѣ прививки у животнаго оказались всѣ симптомы гноинаго сапа и остраго лихаго и оно пало жертвой этого опыта. Найденнымъ измѣненіемъ въ тѣлѣ этого животнаго доказывали присутствіе этихъ двухъ заразъ (записки о лихомъ и сапѣ стр. 19). Этотъ опытъ можно назвать замѣчательнымъ и г. Райе увѣничалъ имъ свое доказательство.

Однажды ветеринаръ Лебланъ привилъ къ шестимѣсячной олицѣ гной, взятый съ мальчика, занимавшагося сдираниемъ кожи со скота, и умершаго отъ сапа. Вскорѣ та же самая болѣзнь развилаась и у ослицы и она окончала. (Лебланъ, сравнительное и опытоное учение о прививкѣ сапинаго гноя и слизи стр. 42).

Одной десяти, или одинадцатилѣтней кобылѣ, раненой въ заднюю часть лѣваго подколѣнника, привили сукровицу взятую изъ правой ноздри Донделиньера (№ 5 списка). Двадцать дней спустя, животное пало отъ сапа и лихаго. (Leblanc, ib., p. 21).

Лошадь, которой была привита матерія, взятая съ пары одного человѣка, умершаго отъ сапа, четырнадцать дней спустя умерла отъ той же болѣзни.

Матерія, взятая изъ ноздри того-же самаго больнаго, была привита другой лошади, которая во время напечатанія сочиненія г. Леблана, имѣла симптомы одного только лихаго. (Leblanc, ib., p. 55).

Одной здоровой шестимѣсячной ослицѣ было привить гной сапа и лихаго, взятый съ поименованнаго выше Девиника (8-й номеръ списка), умершаго отъ остраго сапа и лихаго. Однадцать дней спустя животное окончала отъ лихаго и сапа. (Leblanc, ib., p. 50).

Английские ветеринары Колеманъ и Соуэль рассказываютъ, что однажды оселъ, искусственно зараженный матеріей, взятой съ нарыва одного человѣка, къ которому какъ-то случайно была привита жидкость изъ ноздри одной лошади съ саномъ, умеръ отъ сапа. Г-нъ Уайлъ передаетъ точно такой же случай. (Leblanc, Ib., p. 18).

Г-нъ Ренальдъ, директоръ Альфорской школы, первое время не раздѣлялъ мнѣнія о зараженіи саномъ людей, но теперь онъ, благодаря спорамъ и многимъ вѣрнѣмъ замѣчаніямъ по этому вопросу, несолько измѣнилъ свой взглядъ и въ своемъ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ школою отъ 1839 до 1840 г., говоритъ: «Ученіе о передачѣ остраго сапа людямъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтверждается». (Сборникъ практической ветеринарной медицины 17-й годъ, 2-я серія, по 9, сентября 1840 г., стр. 537).

Но новые изслѣдованія показали, что возможность зараженія саномъ не ограничивается людьми. Г-нъ Ренальдъ и Булѣ доказали, что острый сапъ можетъ передаваться прививаніемъ, и отъ барана къ собакѣ. Въ некоторыхъ случаяхъ передача сапа совершается очень медленно — фактъ чрезвычайно важный, на который не обращено до сихъ поръ достаточнаго вниманія въ вопросѣ о зараженіи хроническимъ саномъ. Это обстоятельство сначала заставляло этихъ двухъ ученыхъ отвергать возможность передачи остраго сапа животнымъ, различнымъ по виду отъ лошади. «Въ то время, говорятъ они, когда отчетъ былъ напечатанъ, два искусственно зараженныхъ барана, казалось, избѣжали дѣйствія яда и были на видъ совсѣмъ здоровы. Однако, тотъ ошибка кто повѣрилъ бы этимъ первымъ признакамъ. Оба барана околѣли въ продолженіе того же года, пять или шесть мѣсяцевъ послѣ прививки яда, въ высшей степени исхудалы, со всѣми признаками остраго сапа и при вскрытии ихъ труновъ оказалось, что въ носовыхъ полостяхъ были точно такія же язвы, какія бываютъ въ носу у лошадей, павшихъ отъ сапа. Поэтому поводу былъ предпринятъ цѣлый рядъ опытовъ, надъ собакой, бараномъ и свиньей и нѣкоторые изъ этихъ опытовъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что острый сапъ можетъ привиться животнымъ не одного вида съ лошадью. Острый сапъ развился у собаки вслѣдствіе прививки сап-

наго яда; онъ оказался также и у барапа; одна только свинья уцѣлѣла. Эти доказанные положительными опытами факты передачи сапа отъ человѣка лошади дѣлаютъ очевидною ту истину, что острый сапъ не есть исключительно болѣзнь одиѣхъ лошадей. (Ib. p. 538).

И такъ, болѣзнь, называемая человѣческимъ сапомъ представляеть поразительное сходство съ лошадинымъ сапомъ; она проявлялась покуда только у тѣхъ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ лошадьми, пораженными сапомъ, и изъ всѣхъ обнародованныхъ фактовъ не видно, чтобы эта болѣзнь могла передаваться безъ разы; наконецъ, эта болѣзнь передается также и отъ человѣка лошади, представляя и въ этомъ случаѣ всѣ признаки сапа. Всё это вмѣстѣ составляетъ очень вѣское доказательство заразительности сана. Незнакомство съ этимъ фактомъ стоило жизни двадцати четыремъ лицамъ, переименованнымъ въ предшествующемъ спискѣ и которые, безъ сомнѣнія, могли бы быть предохраниены отъ такой преждевременной и ужасной смерти, потому что достаточно было принять нѣсколько очень простыхъ и легкихъ средствъ чтобы отвратить столько страданій и такой бѣдственный исходъ.

II.

Передача хронического сапа отъ одной лошади другой.

Передача хронического сапа отъ одной лошади другой служитъ предметомъ споровъ между ветеринарами, большая часть которыхъ до сихъ поръ придерживается еще того мнѣнія, что болѣзнь эта не заразительна, и только не многія защищаютъ господствовавшее когда то мнѣніе о заразительности сапа. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ въ политico-экономическомъ отношеніи; хронический сапъ есть обыкновенная болѣзнь, въ особенности часто посѣщающая войска, гдѣ она причиняетъ иногда громадныя потери. Если, какъ это вообще предполагали, сапъ не заразителенъ, то нѣть надобности предпринимать нѣкоторыя предосторожности, которыя въ этомъ случаѣ будутъ бесполезны; если же наоборотъ онъ заразителенъ, то понятно, при ихъ помощи очень возможно уменьшити

ого гибельное действие и охранить такимъ образомъ отъ зла громадное количество лошадей.

Поэтому мы разсмотримъ акты, касающіеся этого вопроса, и аргументы, которые приводятся по поводу его.

Болѣзни, которая извѣстны, какъ заразительныя, передаются двумя путями, а именно: черезъ прививаніе и черезъ посредственное и непосредственное соприкосновеніе. Чтобы подтвердить это положеніе примѣрами, я напомню, что осна приличива обоими путями, а бѣшенство однимъ только — прививкою. Спрашивается передается ли хронический сапъ этими обоими путями, или только однимъ? Опыты и наблюденія показываютъ, что онъ можетъ передаваться обоими.

Зарожденіе посредствомъ прививки. 4-го Декабря 1838 г. одинъ кудошавый меринъ, отлично откормленный, былъ искусственно зараженъ гноемъ жидкостью, взятою изъ ноздри, а также и матеріею лихаго, снятою съ ценарвавшагося вполнѣ нарыва одной лошади, которая была уже шесть мѣсяцевъ въ хроническомъ сапѣ. Зарожденное животное околѣло черезъ три недѣли, страдая отъ болѣзни, и при вскрытии его трупа найдены раны, которые показали присутствіе сапа и хронического лихаго (Leblanc, *Recherches expérimentales etc.* p. 2).

15 января 1839 г. одному черному мерину неслишкомъ здоровому, но и безъ признаковъ опредѣленной болѣзни, ювішему вообще мало и проранному живодеру, была искусственно привита слизь взятая изъ ноздри одной восьмилѣтней лошади, больной хроническимъ сапомъ. 31-го Января обрекли животное на смерть и на трупѣ его были найдены раны лихаго. (Leblanc. p. 12).

Въ протоколѣ ветеринарной школы въ Ліонѣ, за май 1811 г. на стр. 16 мы читаемъ: „Изъ всѣхъ опытовъ, которые мы дѣлали, можно заключить слѣдующее: во-первыхъ, если привить лошади лихой посредствомъ простаго прикосновенія гноя къ кожѣ, то въ концѣ третьаго мѣсяца показывался лихой въ тѣхъ мѣстахъ, где былъ приложенъ ядъ, во-вторыхъ,—прививка той же матеріи посредствомъ трехъ уколовъ на шеѣ той же лошади на 44-й день вызывала сильный лихой, который вылечивали только спустя нѣсколько мѣсяцевъ“. (Leblanc, ib. p. 13).

„Шесть лошадей, говорить бывшій артиллерійскій ветеринаръ,

г-нъ Жераръ, находились въ одной конюшнѣ, отстоящей въ пяти десяти саженяхъ отъ лазарета. У четырехъ изъ нихъ были всимптомы сапа, остальный же двѣ были покрыты нарывами лихаго и отдали мотерю изъ обѣихъ ноздрей, несмотря на то что на слизистой оболочкѣ не было видно ранъ. Въ этомъ случаѣ никто не надѣялся на выздоровленіе. Я помѣстилъ къ этимъ больнымъ еще четырехъ лошадей шести и восьмилѣтнаго возраста, изъ которыхъ три были нѣмецкой породы и одна нормандской: одна была слѣпа вслѣдствіе периодической простудной опухоли, у другихъ двухъ была давнишняя хромота, а четвертая совсѣмъ не годилася дляѣзды, вслѣдствіе поврежденія въ подколѣнномъ составѣ отъ раны огнестрѣльнымъ оружіемъ. Два солдата были приставлены исключительно для ухода за ними. Роберъ, ветеринаръ, и я нѣсколько разъ въ день намазывали кисточкой сапный ядъ на слизистую оболочку каждому изъ этихъ четырехъ животныхъ, предназначенныхъ для опыта. На 7-й день желѣзы у слѣпой лошади слегка вспухли, и появились нѣкоторые симптомы сапа, въ началѣ медленно, а потомъ такъ быстро, что на 12-й день болѣзнь достигла до той степени, какая была у животныхъ, съ которыхъ сняли заразительную матерію. Остальные двѣ лошади заболѣли сапомъ въ болѣе продолжительное время; одна изъ хромыхъ покрылась лихимъ, безъ опухоли желѣзъ; на 32-й день послѣ начала этого опыта всѣ они околѣли п труни ихъ были вскрыты въ присутствіи двухъ гражданскихъ ветеринаровъ, нарочно приглашенныхъ по этому случаю. Всѣ эти лошади были призпаны больными сапомъ и лихимъ". (Leblanc, ib, p. 14).

„Сборникъ практической ветеринарной медицины“ за октябрь 1838 г. въ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ въ ліонской школѣ, упоминаетъ о фактѣ передачи лихаго одной рабочей шестимѣсячной лошади посредствомъ привитія гноя, взятаго съ нарывовъ лошади, у которой былъ лихой въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. (Leblanc, ib, p. 15).

Предсѣдатель ветеринарнаго общества Герольдскаго округа, г-нъ Микель, отдавалъ однажды отчетъ въ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ прививкою сапа и лихаго. Исходя изъ того, что сапъ бываетъ заразителенъ только въ первое время, въ острый periodъ болѣзни, а не тогда, когда онъ переходить уже во вто-

рой фазисъ, г-нъ Микель не взялъ слизи изъ носовой полости ящно заболѣвшей лошади, а снялъ для прививки матерію съ нарыва только что заболѣвшей, что вполнѣ расходилось съ понятиями ветеринаровъ, которые придерживаются того мнѣнія, что чѣмъ дольѣ болѣзнь развивается, тѣмъ болѣе она дѣлается заразительна. Въ первомъ опытѣ прививка гноя произвела лихой; правда съ 12-го по 15-й день всѣ нарыва зажили и только подчелюстные желѣзы оставались немного опухшими. Во второмъ опыте, прививка на слизистую оболочку вызвала язвы, которая снова черезъ 2 недѣли зажили безъ леченія. Въ третій разъ прививка одному мулу вызвала въ одно и то же время сапъ и лихой, и когда животное было убито, то нашли въ немъ язвы, болѣчки и нарыва лихаго. Эти опыты, хотя и немногочисленны, говорить г. Микель, но они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сапъ заразителенъ. Правда, они не открываютъ памъ дѣйствительныхъ путей, которыми природа распространяетъ эту болѣзнь, но за то они остерегаютъ насъ отъ нея, и указываютъ на возможность во время предотвратить ее. «Близко то время, продолжаетъ г. Микель, когда всѣ эти разнорѣчивыя понятія соединятся въ одно, а именно въ то, что сапъ и лихой дѣйствительно заразительны. Напрасно послѣдователи теорій незаразительности сапа желаютъ защищать себя какими то химерическими подраздѣленіями этой болѣзни на острый и хронический сапъ, называя въ то же самое время, что послѣдній видъ этой болѣзни вызываетъ такие пароксизмы и возвраты болѣзни, что заразительность въ этомъ случаѣ дѣлается очевидною. (Journal des vétérinaires du midi t. II 6 numero, juin 1839, p. 187).

Передача сапа и лихого черезъ посредственное и непосредственное прикосновеніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1836 г. г. Д... купилъ для каретной упряжи двухъ лошадей, изъ которыхъ одной было шесть, а другой пять лѣтъ. Одна изъ этихъ лошадей была заражена хроническимъ сапомъ, и въ конюшнѣ, гдѣ она помѣщалась, по одну сторону стояла лошадь, купленная вмѣстѣ съ нею, а по другую очень дорогая, здоровая англійской породы лошадь 7 или 8 лѣтъ. Конюшня, въ которой стояли эти три лошади, представляла во всѣхъ отношеніяхъ здоровое помѣщеніе, уходъ за ними былъ тщательный и кормъ вполнѣ отборный. Въ продолженіе почти цѣлаго

мѣсяца ихъ проѣзжали исключительно для ихъ собственнаго здравья, и то только въ хорошую погоду. Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ эти лошади были поставлены вмѣстѣ, ту, которая была съ сапомъ, взяли прочь и, слѣдовательно, она имѣла съ первыми сообщеніе только во время выѣздовъ въ экипажной упряжи. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца заболѣла лошадь англійской породы и въ первые дни юля была отведена въ альфорскую школу, гдѣ и была убита, какъ больная хроническимъ сапомъ. Немногого позднѣе по той же причинѣ и третья лошадь была убита.

Ветеринаръ Вашель передавалъ одинъ замѣчательный случай о заразительности хронического лихаго. Г. Р... парижскій барышникъ купилъ изъ разныхъ рукъ на одной ярмаркѣ въ Нормандіи нѣсколько лошадей. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ была въ лихомъ. Тогда онъ обратился къ Вашелю, который увидѣлъ, что семь лошадей купца были всѣ до одной въ лихомъ. Теперь спрашивается, если лихой развелся между лошадьми, купленными въ разныхъ мѣстахъ, между лошадьми, которыхъ не знали тяжелой работы, которыхъ хорошо содержали, холили и кормили и которыхъ до продажи были совершенно здоровыми и безъ всякихъ гнойныхъ ранъ на тѣлѣ,—спрашивается, повторяю я, какая можетъ быть тому причина, какъ не заразительность лихаго? (Leblanc).

«Вотъ, говорить Лебланъ, другой случай, который графъ Бела занѣ былъ на столько любезенъ, что передавалъ въ письмѣ. Въ Моденѣ стоялъ 7-й драгунскій полкъ. Въ началѣ 1823 г. изъ этого полка отправились на границу Испаніи четыре эскадрона, изъ которыхъ во второмъ находилось нѣсколько лошадей, больныхъ сапомъ. Онѣ черезъ нѣсколько времени пали и, чтобы сравнить этотъ эскадронъ съ другими, ему дали нѣсколько лошадей, взятыхъ изъ остальныхъ трехъ эскадроновъ; но когда полкъ дошелъ до береговъ Гавле и разставленъ былъ по квартирамъ, то полковой командиръ принужденъ былъ снова сдѣлать то же самое со вторымъ эскадрономъ, который снова потерялъ во время похода нѣсколько лошадей отъ сала. Мало того, пройдя Мадридъ, полкъ остановился на нѣсколько дней въ Новаль-Карниро въ Испаніи; санъ снова поѣтилъ тотъ же эскадронъ и снова ему должны были дать нѣсколько лошадей, взятыхъ изъ другихъ эскадроновъ. Наконецъ, полкъ прошелъ Эстрамадуру и, во время довольно долгаго пребыванія въ

Севиллѣ, опять та же самая необходимость, вызванная тѣми же причинами, заставила командинра принять тѣ же самыя мѣры. Здѣсь я обращаю ваше вниманіе на то, что не только однѣ взятыя изъ моденскаго эскадрона лошади пали отъ сапа, но пали отъ него безразлично какъ эти, такъ и тѣ, которыхъ позднѣе были присоединены, изъ другихъ эскадроновъ, гдѣ не было этой болѣзни. Наконецъ, походъ былъ конченъ и полкъ вернулся во Францію, гдѣ въ Пуатье къ нему присоединили два новые резервные эскадрона, состоящіе изъ рекрутовъ и ремонтныхъ лошадей. Такъ какъ эти два эскадрона были полноѣ тѣхъ четырехъ, которые вернулись съ компаніи, то рѣшили смыть ихъ вмѣстѣ и снова раздѣлить на шесть эскадроновъ, равныхъ по числу молодыхъ и старыхъ солдатъ. Несколько времени послѣ такого преобразованія, во всѣхъ шести эскадронахъ разомъ обнаружился сапъ, такъ какъ солдаты, мѣняясь ротами, ввели въ нихъ съ собою и своихъ лошадей; второй же эскадронъ, гдѣ я былъ капитаномъ, сохранилъ у себя только около десяти лошадей послѣ похода въ Испанію. (Leblanc, ib. p. 87). Одинъ очень ученый ветеринаръ, г. Барталеми въ своихъ лекціяхъ часто рассказывалъ своимъ ученикамъ объ одномъ случаѣ, который вполнѣ можетъ убѣдить самыхъ невѣрующихъ людей въ заразительности этой болѣзни. Во время германскихъ войнъ, 3-й полкъ стрѣлковъ размѣстилъ однажды по разнымъ эскадронамъ лошадей, больныхъ сапомъ. Вскорѣ послѣ этого сапъ распространился по всему полку, тогда какъ не смотря на то, что этотъ полкъ стоялъ весьма долго въ одной бригадѣ съ первымъ полкомъ, въ которомъ лошади были подвержены тѣмъ же лишеніямъ и имѣли ту же пищу, въ этомъ послѣднемъ не было сапа. (Leblanc, ib. p. 90).

Г. Делафондъ представивъ всѣ доводы, какими оспариваются заразительность хронического сапа, говоритъ: (*Traité sur la police sanitaire des animaux domestiques*, p. 618, Paris 1838). Я попробую теперь представить только одни факты, которые, можетъ быть, помогутъ доказать, что хроническій сапъ заразителенъ, потому что въ нихъ мы находимъ тѣ же таѣ хорошо опредѣлившіеся признаки, которые сопровождаютъ эту болѣзнь. Такихъ фактовъ три и сообщены они парижскимъ ветеринаромъ г. Доибромъ. Г. Л... покупаетъ себѣ лошадь; пять дней послѣ покупки у животнаго окончательной нижней челости показалась прилежащая къ ней онухлая

желѣзка величиною съ большой орѣхъ, не причинявшая вначалѣ осо-
бенной боли. У отверстія лѣвой же ноздри показались желто-зеленія
корки матеріи. Матерія эта, хотя и была желтаго цвѣта, по не было
видно никакихъ слѣдовъ язвъ. Послѣ цѣлаго мѣсяца леченія, слизистая
оболочки носа приняла сначала блѣдныи цвѣтъ и затѣмъ покрылась язв-
ами съ неправильными зубчатыми, краями, сначала небольшими и рѣд-
кими, впослѣдствіи многочисленными, широкими и глубокими. Лошадь,
не смотря на здоровый видъ ея, была обречена на смерть, какъ заражен-
ная сапомъ. Въ этой же конюшнѣ стояли двѣ другія молодыя и здор-
вые лошади, одна англійской породы, а другая кобыла—мекленбург-
ской. Въ ту же конюшню была помѣщена еще одна, приведенная недав-
но лошадь нормандской породы, у которой на пятый день послѣ этого
появились всѣ признаки сапа, а черезъ пять недѣль она была
убита, какъ зараженная сапомъ. Четыре мѣсяца спустя оставшія
двѣ лошади заболѣли тою же болѣзнью и также точно, какъ и онѣ,
были убиты. Конюшня, въ которой помѣщались эти животныя, не
представляла, правда, особенно здороваго помѣщенія, но все-таки
въ ней ни разу не было случая заболѣванія лошадей сапомъ. При-
чину же развитія этой болѣзни нельзѧ было приписать ни работѣ,
ни пищѣ.

1-го ноября 1835 г. С... одинъ извощикъ въ Фонтене ле-Контѣ
въ Вандеѣ, купилъ лошадь, продававшуюся затѣмъ, что у ней
былъ хроническій катарръ легкихъ (а также и желѣзы съ лѣвой
сторонѣ были опухши и она во время работы выдѣляла слизь); въ
первый же день, она была помѣщена въ обширной и хорошо венти-
лированной конюшнѣ, съ восемнадцатью другими совершенно здо-
ровыми лошадьми. Около двадцати дней послѣ помѣщенія этой ло-
шади, у двухъ изъ этихъ лошадей обнаружились всѣ симптомы са-
па въ первомъ фазисѣ, а черезъ полтора года вся конюшня была
заражена и бѣдный извощикъ потерялъ всѣхъ своихъ лошадей (Замѣтки г. Дитрейля, главнаго ветеринара въ депо лошадей въ
Геретѣ; *Journal des Haras*, t. XXIII, p. 185; *Recueil de mѣdѣcine
veterinaire* 1839 p. 614).

Я узналъ по слухамъ, говорить г. Варейръ, что у г. Саразина,
торговца лѣсомъ въ Роѣ-Тимбо, были двѣ зараженные сапомъ ло-
шади. Я пошелъ осмотрѣть его лошадей и, въ числѣ ихъ, нашелъ
двухъ или трехъ, зараженныхъ этою болѣзнью, а одна изъ нихъ

была заражена уже въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, и слѣдовательно болѣзнь эта была хроническою. Это была маленькая и очень красивая лошадь бретонской породы, вороной масти. Она выдѣляла мокроту, хотя и въ небольшомъ количествѣ, изъ лѣвой ноздри; желѣзы на той же лѣвой сторонѣ опухли, вмѣстѣ съ тѣмъ были тверды и прилегали къ кости; въ ноздрѣ съ той же стороны на носовой перегородкѣ были язвы и кромѣ того еще застарѣлныя шрамы, блѣдно-матоваго цвѣта и нѣсколько твердые на ощупь. Эта затвердѣлость и блѣдность матовая происходили, конечно, отъ болѣзненнаго измѣненія хряща носовой перегородки, отъ рода язвы, наконецъ отъ бѣдности кровяныхъ шариковъ въ волосныхъ сосудахъ. За исключеніемъ этихъ признаковъ лошадь эта была повидимому совсѣмъ здорова. Другая лошадь имѣла также всѣ признаки хронического сапа и только язвы казались менѣе застарѣлыми. Эти животныя по моему совѣту были убиты, но я не вскрывалъ ихъ труповъ. Третья же лошадь въ продолженіе долгаго времени стоявшая и щѣвшая вмѣстѣ съ двумя первыми, не заразилась сапомъ. За мѣсяцъ до убиенія тѣхъ двухъ лошадей, г. Сарразинъ купилъ у жандармовъ одну кобылу забракованную за дурной бѣгъ; она ходила иноходью, была вполнѣ здорова и имѣла девять лѣтъ отъ роду. Уходъ за ней былъ хороший, а также и кормъ. Въ жандармской казармѣ, откуда она была взята, не было ни одного случая заболѣванія сапомъ или лихимъ. Кобыла эта была помѣщена вмѣстѣ съ тремя вышеупомянутыми лошадьми, и прошло около двадцати дней, когда замѣтили, что у нея съ правой стороны была опухоль, желѣзы увеличивались все больше и больше, пока изъ правой ноздри не стала выдѣляться слизь. Наконецъ, немного выше носовой перегородки появились три небольшія язвы, въ началѣ увеличивавшіяся, а потомъ оставшіяся въ томъ же видѣ. Выдѣленіе слизи все усиливалось, а также увеличивалась и опухоль, все болѣе прилегавшая къ кости. Между тѣмъ животное, повидимому, казалось здорово. Кобыла эта была продана безъ моего вѣдома, но въ послѣдній разъ, какъ я видѣлъ это животное, у него были всѣ признаки сапа.

Вотъ случай хронического сапа, который, какъ мнѣ кажется, произошелъ единственно отъ зараженія, и я не думаю, чтобы противъ него можно было сдѣлать какое-нибудь серьезное возраженіе. Дѣйствительно кобыла эта еще въ то время, когда она находилась

у жандармовъ, была здорова и хорошо содержалась; когда она перешла къ г. Сарразину, ее тоже хорошо содержали и кормили и она была помѣщена въ сухой и хорошо провѣтреной конюшнѣ; посему же вдругъ, не смотря на все это, послѣ того, какъ она три недѣли простояла въ одной конюшнѣ съ зараженными лошадьми, у ней открывается хронический сапъ? Какое бы сужденіе ни вызывалъ этотъ случай, онъ долженъ привести къ заключенію, что сапъ былъ переданъ этой кобылѣ посредствомъ зараженія. Но отчего именно она заразилась сапомъ и въ такое непродолжительное время, и не та изъ трехъ лошадей, принадлежавшихъ тому же владѣльцу, которая прожила годъ вмѣстѣ съ двумя зараженными сапомъ? На это я отвѣчу, что для передачи заразы нужны извѣстныя обстоятельства, которыхъ мы еще не знаемъ, а также, можетъ быть и предрасположеніе къ приштию заразы у того животнаго, на которого могли бы дѣйствовать испаренія зараженныхъ сапомъ, и наконецъ, можетъ быть, тутъ играетъ роль и порча крови.. (О сапѣ... *Journal des Vétérinaires du Midi*; т. III, 3 пунтого, 1840 р. 79)

Но вотъ еще два факта, достовѣрность которыхъ подтверждается г. Дамуазо, ветеринаръ одного изъ конныхъ заводовъ. У одного пяти или шести-лѣтняго мерина было, должно быть, послѣ катарра сдѣлавшагося впослѣдствіи хроническимъ, сильное выдѣленіе слизи со всѣми признаками хронического сана. При тщательномъ осмотрѣ поздней у этой лошади на слизистой оболочкѣ не замѣчено ни язвъ ни нарывовъ и только подъ нижнею челюстью была найдена четкообразная припухлость лимфатическихъ железъ. Такъ какъ болѣзнь не развивалась дальше, то спустя нѣсколько мѣсяцевъ, стѣзюю лошадью помѣстили другую, четырехъ-лѣтнюю, очень красивую, бойкую, по имени Девкаліонъ, которая черезъ нѣсколько времени заразилась острѣмъ сапомъ, перешедшимъ потомъ въ хронический; чрезъ три мѣсяца, когда достовѣрно узнали о ея состояніи, ее убили. Вскрытие трупа, а въ особенности перерожденіе ткани, найденное на многихъ мѣстахъ слизистой оболочки не оставили никакого сомнѣнія въ вѣрности сдѣланнаго раньше предположенія. Другой случай былъ съ одной кобылой бретонской породы, стоявшей около Девкаліона, совершенно здоровой, которая однако чрезъ два мѣсяца заразилась сапомъ, вслѣдствіе того, что стояла вмѣстѣ съ упомянутой лошадью. Во время болѣзни ее, для того чтобы избавить отъ ра-

боты, замѣняли другою кобылою, тоже бретонской породы, чрезвычайно здоровой, на которую надѣвалась сбруя, принадлежавшая первой лошади. Не успѣла она въ десятый разъ надѣть эту сбрую, какъ къ концу втораго мѣсяца у нея появился подъ нижнею челюстью опухшія железы, причинившія ощущеніе неловкости, а пять мѣсяцевъ спустя она была окончательно признана зараженною сапомъ, вслѣдствіе чего и была убита. Нужно при этомъ замѣтить, что у владѣльца въ то же самое время было еще восемь лошадей, не имѣвшихъ съ вышеупомянутыми тремя ни прямыхъ, ни посредственныхъ соприкосновеній и съ этими послѣдними ничего особеннаго не случилось. (Hurtrel d'Arboval, *Dictionnaire de chirurgie, de mѣdѣcine et d'hygiene vѣterinaires*, t. IV, p. 158, 2-e édit.).

Что возражаютъ противъ этихъ фактовъ и наблюдений противниковъ заразительности хронического сапа? Они возражаютъ противоположными фактами и опытами. Въ книгахъ ветеринарной медицины мы читаемъ, что были опыты, при которыхъ прививка, взятой съ зараженныхъ сапомъ матеріи, не производила никакихъ измѣненій въ тѣхъ животныхъ; при которыхъ здоровыя лошади, помѣщенные имѣющіе съ зараженными сапомъ, оставались не тронутыми этою болѣзнью. Но прежде, чѣмъ сдѣлать оценку этихъ фактовъ, отрицающихъ заразительность, мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе, которое не нужно терять изъ виду, а именно, что многочисленности подобныхъ фактовъ способствуютъ разныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, случаи заразительности отвергаются, слѣдовательно ихъ и не знаютъ, а отвергаются они вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ, примѣшивающихъ сюда; напр. иногда не убивается большая сапомъ лошадь, потому что хотятъ ее еще употребить для работы, а такъ какъ подобный фактъ считается преступленіемъ, то и отрицаютъ болѣзнь ея. Опасеніе, что она заразитъ другихъ лошадей по согѣдству, заставляетъ еще болѣе скрывать ея болѣзнь и, такимъ образомъ, знакомство съ настоящею сущностью дѣла дѣлается труднымъ и даже невозможнымъ. Многіе случаи заразительности сапа остаются неизвѣстны еще потому, что весьма часто передача заразы обнаруживается очень медленно и иногда не бываетъ видна цѣлыми мѣсяцами. Это имѣеть слѣдствіемъ, что иногда не подозрѣваютъ ораженіи извѣстной лошади сапомъ, между тѣмъ, какъ она всюду разноситъ это зло и когда обнаруживается зараза, то сапъ этотъ

называютъ произвольнымъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ не дался посредствомъ зараженія. Случается еще, что въ началѣ болѣзни проявляется въ видѣ лихаго, который не такъ серъезенъ, и который часто не мѣшаетъ животному работать. Переданная болѣзнь проходит не замѣчено, но зараженіе совершилось и когда впослѣдствіи сапъ разовьется въ такомъ видѣ, который невозможно не признать онъ разматривается, какъ произвольный.

Этими предварительными разсужденіями я вовсе не желаю отвергать возможность произвольного сапа, но я ими только хотѣю уменьшить число случаевъ, отрицающихъ заразительность. Эти случаи дѣйствительны, но они не уничтожаютъ и тѣхъ, въ которыхъ хроническій сапъ обнаруживаетъ заразительные свойства. Слѣдовательно, нужно принимать къ свѣдѣнію какъ тѣ, такъ и другія прийти къ такому заключенію, что не при всѣхъ обстоятельствахъ и не во всякое время сапъ можетъ быть заразителенъ, а также не во всѣхъ видахъ этой болѣзни и не для всякой лошади. И дѣйствительно, взгляните, что бываетъ при остромъ сапѣ: противъ заразительности этой болѣзни уже никто не спорить, но въ то же самое время ея дѣйствіе не всегда бываетъ неотразимымъ и безуловнымъ. Прочтемъ, что пишетъ г. Ренольдъ, директоръ альфорской школы: «Надо замѣтить, что заразительные свойства острого сапа скоро обнаруживаются при прививаніи, чѣмъ при нахожденіи зараженныхъ лошадей вмѣстѣ; вообще немного такихъ лошадей, которые уцѣльѣли противъ прививки сапа, тогда какъ больше, чѣмъ половина животныхъ осталась жива и здорова послѣ опытовъ съ общеніемъ съ зараженными, начиная съ самаго начала болѣзни животнаго съ сапомъ — и кончая смертью его (Сборникъ ветеринарной практической медицины, 17-й годъ, 2-й выпускъ № 1 сентябрь 1840, стр. 538).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что болѣзнь, обладающая въ высшемъ степени свойствомъ передаваться, щадитъ однако подъ извѣстными условіями болѣе, чѣмъ половину животныхъ, которыхъ были подвергены опыту. Но если на основаніи того, что сообщеніе съ зараженными лошадьми въ половинѣ случаевъ не производить никакого дѣйствія, начнуть отвергать заразительность острого сапа, то это будетъ опровергнуто ветеринарами. Впрочемъ, эти свойства присущи всѣмъ заразительнымъ болѣзнямъ и нѣть ни одной, заразительной

свойство которой было бы такъ сильно, что она не оставляла бы и одного человѣка не зараженнымъ. Напр. оспа, которая такъ заразительна, передается подобно острому сапу, какъ прививаніемъ, такъ и простымъ сообщеніемъ. Хотя дѣйствіе прививки почти всегда достигаетъ своей цѣли, но не смотря на то, встрѣчались случаи, на которыхъ она не дѣйствовала. Что касается до втораго случая, то число лицъ, не расположенныхъ къ этой болѣзни умножается значительно. Какъ до введенія прививанія оспы нѣкоторыхъ лицъ, у которыхъ еще не было ея, не поражала эпидемія, такъ и въ наше время изъ числа людей, которымъ была привита оспа и между тѣми, которымъ она не была привита, или не привита вторично, только небольшое количество заболѣваетъ въ каждую эпидемію. Нужно было очень немного для того, чтобы произвести зараженіе: одна капля оспенной матеріи, взятой на кончикъ ланцета, послѣ прививанія вызываетъ сильную лихорадку, нарушаетъ дѣятельность органовъ, покрываетъ всю поверхность тѣла громаднымъ количествомъ нарывовъ и наконецъ даже причинить смерть больному. Но чтобы предохранить какое-нибудь живое существо отъ этого мертельного вліянія, требуется иногда очень немногое: одна капля синенной матеріи, введенная подъ кожу, достаточна для того, чтобы предохранить человѣка отъ заразы, или по крайней мѣрѣ, сдѣлать то менѣе доступнымъ дѣйствію ея. Между тѣмъ, какъ до прививки оспы, такъ и послѣ нея органы, твердые и жидкая части организма служатся один и тѣ же, не смотря на самое тщательное наблюденіе. Слѣдовательно, произошло какое-нибудь серьезное измѣненіе въ такой сфере, которая нашему наблюденію не доступна.

Противники заразительности сапа представляютъ еще одинъ аргументъ для того, чтобы уничтожить результаты наблюденій, приведенныхъ мною выше. Хронический сапъ, говорятъ они, есть болѣзнь такого рода, которая развивается внезапно у лошадей; и потому, развѣ не можетъ случиться, что въ то время, когда прививаются лошади сапъ, или когда ставятъ здоровую лошадь вмѣстѣ съ больными мою болѣзнью, эти подверженныя опыту животные могутъ заболѣть независимо отъ всякой заразы, и такое простое стеченіе обстоятельствъ принимаютъ за фактъ зараженія. Этотъ аргументъ могъ бы быть также сдѣланъ и противъ зараженія острымъ сапомъ; эта болѣзнь внезапно появляется у лошади, и несмотря на то они въ то же вре-

мя соглашаются съ тѣмъ, что если во время прививки сапна гноя, или въ то время, когда ставить лошадь въ одну конюшн съ зараженными этой болѣзнью, обнаружится острый сапъ, то ! этомъ случаѣ не было простаго совпаденія случаевъ болѣзни, а бла настоящая зараза. Отчего это такъ? А оттого, что нужно пр знать такое стеченіе обстоятельствъ, какое ни одна логика не пр знаетъ.

Дѣлали еще такого рода замѣчаніе, что хроническій сапъ обладаетъ свойствомъ передаваться еще потому, что онъ хроническая болѣзнь. Дѣлали еще вопросъ: есть ли между другими болѣзнями такія, у которыхъ съ свойствами хронической болѣзни была бы казана и заразительность? На это г. Лебланъ отвѣчаетъ (ib. p. 1 напоминаніемъ шелудей, настоящей хронической болѣзни и вмѣсъ тѣмъ очень заразительной. При этомъ надо замѣтить, что постоянно сифилисъ есть хроническая и вмѣстѣ съ тѣмъ заразительная болѣзнь.

Противники заразительности сапа приписываютъ во всѣхъ счаяхъ развитіе этой болѣзни противуигигиенической жизни; но и предыдущихъ фактовъ мы видимъ, что некоторые случаи заболеванія сапомъ не подходятъ подъ это объясненіе и должны бы приписаны заразительности. Если произвольное появленіе болѣзни зараженіе не исключаютъ другъ друга, то заразительность болаго животнаго и невосприимчивость здороваго еще менѣе могутъ исключить другъ друга. Сила заразительности не можетъ быть равнодѣйствительна во всѣхъ обстоятельствахъ, а также и невосприимчивою къ ней не можетъ быть ни одинакова, ни неизмѣнна. Это то колебаніе между заразительностью и невосприимчивостью къ ней и можетъ служить объясненіемъ трудныхъ вопросовъ въ этомъ дѣлѣ и разрѣшіе въ теоріяхъ. Зараженная сапомъ лошадь, не передавшая заразы, вѣруга можетъ ее передать; одна лошадь можетъ заразить при тѣхъ условіяхъ, при какихъ не можетъ заразиться другая. Ранько не замѣчалъ, какъ оспа по неизвѣстнымъ для нась причинамъ очень часто щадить дѣтей въ первые мѣсяцы ихъ жизни?

„До срединъ вѣковъ, говорить г. Гуртрель Арбоваль, ко говорили о сапѣ, то опредѣляли эту болѣзнь, какъ чрезвычайно раззительную во всѣхъ видахъ. Еще того же миѣнія держалъ вилотъ до того времени, когда появилась въ первый разъ эта к

и, и вотъ почему, представляя примѣры о заразительности, мы не считали себя обязанными выдѣлять примѣры только относящіеся къ хроническому сапу. Впрочемъ, всѣ ветеринары поймутъ это при простомъ чтеніи. Въ настоящее время воображаютъ, что знаютъ болѣе; знаютъ, что острый сапъ сильно заразителенъ, а хронический вовсе не заразителенъ. Мы понимаемъ, что какая нибудь болѣзнь не можетъ въ одинъ изъ своихъ periodовъ быть заразительна, а въ другой можетъ, но мы не можемъ съ этимъ согласиться по отношенію къ ея видамъ; что нибудь одно, или болѣзнь заразительна во всѣхъ ся видахъ, или совсѣмъ не заразительна, иначе эти виды—не виды одной и той же болѣзни. Защитники заразы и противники ся отлично поняли это и чтобы выпутаться изъ этого затруднительного положенія они установили два, даже три рода сапа: хронический, острый и гангренозный. (Ів. р. 176).

И дѣйствительно, этотъ аргументъ можетъ только исходить отъ противниковъ этой теоріи; они признаютъ различіе между острымъ и хроническимъ сапомъ и, исходя отсюда, они отрицаютъ заразительное свойство послѣдняго, тогда какъ признаютъ его въ первомъ. Противъ этой новой теоріи приводятъ множество фактовъ. Острый сапъ переходитъ въ хронический, хронический въ острый, острый лихой переходитъ въ хронический, хронический въ острый и аконецъ лихой переходитъ въ сапъ, а сапъ въ лихой. Слѣдовательно, если между острымъ и хроническимъ сапомъ существуетъ различіе только въ однихъ видахъ, то не должно казаться удивительнымъ, что могутъ быть только степени въ заразительности обѣихъ и другой болѣзни.

Есть одинъ фактъ, который можетъ рассматриваться, какъ большое количество опытовъ, это громадная потеря лошадей во французскихъ арміяхъ вслѣдствіе зараженія хроническимъ сапомъ, тогда какъ въ нѣмецкихъ тотъ же самый бичъ уничтожаетъ гораздо меньшее количество лошадей. Чѣмъ же въ этомъ случаѣ руководится въ томъ и другомъ государствѣ? А тѣмъ, что въ Германіи предпринимаются самыя строгія мѣры противъ заразы, которой все боятся, что убиваютъ здоровыхъ лошадей, имѣвшихъ только цио сообщеніе съ больными, тогда какъ во Франціи, гдѣ преобладаетъ теорія незаразительности этой болѣзни, очень естествен-

но, что не такъ строго слѣдять за выполнениемъ предписаній синтарной полиціи.

Хронический лошадиный сапъ посредствомъ заразы можетъ развить ту же самую болѣзнь и у человѣка. Этотъ фактъ, доказанный кажется однимъ случаемъ хронического лихаго, перешедшаго потомъ въ острый сапъ, былъ переданъ хирургомъ въ Неккера ской больницѣ, г. Герардомъ, въ королевскую медицинскую академію 1840 г. 12 февраля. Этотъ случай былъ замѣченъ у одной конюха, имѣвшаго сообщеніе только съ однѣми зараженными сапомъ или хроническимъ лихимъ лошадьми. Этотъ фактъ подтвержденъ также и г. Лебланомъ; этотъ ученый ветеринаръ представилъ г. Герарду описание болѣзни четырехъ лошадей, находившихся въ той конюшнѣ, гдѣ служилъ этотъ конюхъ. Въ такомъ случаѣ, если хронический сапъ передается отъ лошади человѣку, то какъ же не передаться ему отъ лошади лошади?

Происхожденіе произвольнаго сапа—вопросъ очень темный. Ветеринары имѣютъ обыкновеніе приписывать эту болѣзнь нездоровому помѣщенію конюшень, дурной пищи, чрезмѣрной работѣ, пристудамъ, словомъ всѣмъ нарушеніямъ правильнаго гигіиены; но нужно согласиться съ тѣмъ, что приписывать одну и ту же болѣзнь столькимъ различнымъ причинамъ, тинъ которой такъ вѣрно определенъ, значить набросить сомнѣніе на дѣйствительность этихъ причинъ. Наконецъ, возраженіе, окончательно разбивающее это воззрѣніе о причинахъ болѣзни, заключается въ томъ, что вы можете встрѣтить сапъ въ великолѣпныхъ конюшняхъ, у отлично откормленныхъ животныхъ и при такихъ условіяхъ, при которыхъ не бываетъ усиленной работы. Повидимому, этіологія сапа стоитъ въ медицинѣ на той же степени, на какой стояла двадцать лѣтъ тому назадъ этіологія тифозной горячки. Если вы поэтому повод обратитесь къ предшествующей медицинской литературѣ, то вы увидите, что ничто не можетъ быть менѣе ясно и въ то же время ничто не можетъ быть такъ разнообразно, какъ причины болѣзней то при чюю бываетъ сырость, холодъ, то дурная пища, или дурное помѣщеніе, то горе, словомъ всевозможный антигигіеническій условія; попробуйте точнѣе разъяснить эти указанія и отдать въ нихъ себѣ отчетъ и вы увидите, что тифозная горячка встрѣчается, какъ въ роскоши, такъ и въ нищетѣ, какъ подъ вліяніемъ хо-

юда, такъ и подъ вліяніемъ жары, при хорошей пищѣ, такъ и при дурной.

Послѣ такого строгаго изслѣдованія одной изъ лучшихъ работъ медицинской школы въ Парижѣ всѣ гипотетическая теоріи этиологии упали и установилось такое мнѣніе, что причины тифозной горячки неизвѣстны. Ученые, занимающіеся физикой и химіей, при изслѣдованіи какогонибудь патологического явленія съ трудомъ привыкаютъ къ мысли, недопускающей какой-нибудь извѣстной причины и безпрерывно стремятся приписать его вліянію сре-
и обстановки. Но въ такихъ вопросахъ лучше сознаться въ незнаніи причинъ, чѣмъ предпочтеть гипотезу дѣйствительности. Тоже самое можетъ случиться съ произвольнымъ сапомъ, что съ тифозной горячкой. Но крайней мѣрѣ важно съ этими воззрѣніями взять назадъ ученіе о происхожденіи произвольнаго сапа. Желательно, чтобы на это обратилось вниманіе военныхъ ветеринаровъ, мнѣніе которыхъ по ихъ исключительному положенію имѣло бы большой вѣсъ.

Въ концѣ концовъ очевидно, что сапъ можетъ передаваться отъ лошади человѣку, а также и то, что онъ передается отъ одной лошади другой. Но дѣйствіе ни того, ни другого можетъ быть инсизмѣнно, ни постоянно; есть обстоятельства, при которыхъ и то и другое невозможно или очень затруднительно, но тѣмъ не менѣе подобные факты существуютъ и тамъ, гдѣ одинъ остается въ безопасности отъ заразы, другой будетъ смертельно пораженъ ею. Установление этихъ бѣдственныхъ случайностей требуетъ, чтобы предпринимались необходимыя мѣры для предохраненія жизни человѣка отъ этой опасности, и чтобы придавали необходимую силу административнымъ распоряженіямъ противъ заразы сапа, которую теорія о незаразительности сапа стремиться все болѣе и болѣе слабить. Г. Райе прославился тѣмъ, что освѣтилъ вполнѣ темный и запутанный патологический вопросъ и тѣмъ оказалъ большую услугу общественной гигіенѣ, этой важной отрасли медицины, изслѣдованія которой требуютъ столько труда, которая такъ неизменна въ своихъ дѣйствіяхъ и приводить къ яснымъ заключеніямъ.

О РАНАХЪ НАНЕСЕННЫХЪ ОГНЕСТРѢЛЬНЫМЪ ОРУЖИЕМЪ.

Военная хирургія измѣнилась вмѣстѣ со способомъ веденія воіы. Все то, что было пригодно для лечения ранъ, нанесенныхъ копьями, стрѣлами и шпагами, оказалось недостаточнымъ при раненіи ружейною пулею, пушечнымъ ядромъ, или осколкомъ кашечи.

Цельсій, въ книгѣ своей, достойной, по слогу, стать на рядъ съ наилучшимъ образцовымъ произведеніями вѣка Августа, и съставляющей прекрасный сводъ медицінскихъ знаній его времеи, сообщаетъ указанія относительно извлечения остроконечностей постороннихъ тѣлъ, относительно надрѣзовъ подъ раною для впуска гноя (контрѣ-пунктура) и расширения ранъ, которыя и сихъ поръ служатъ основными правилами лечения раненыхъ. И съ изобрѣтеніемъ пороха, съ введеніемъ въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ начали являться случаи излома костей большихъ размѣръ, переломы съ раздробленіемъ, отрывы чновъ, перфорація черепа, груди и живота. И странное, однако же дѣло, въ наше время бытвы менѣе кровопролитны, чѣмъ въ днѣности, когда дрались лицомъ къ лицу холоднымъ оружіемъ; мы видимъ уже, чтобы одно сраженіе стоило такихъ громадныхъ и теперь убитыми, сравнивая $\%$ убыли съ числомъ сражавшихся, жиынѣшніе раны тяжелѣе, опаснѣе и чаще ведутъ за собою по рю членовъ.

Военные хирурги очутились при упомянутой реформѣ войны безъ руководства въ дѣлѣ лечения ранъ, причиненныхъ огнестрѣльными оружіями и были вынуждены создать вполнѣ новую школу, которая не могла быть заимствована ни отъ древнихъ, ни отъ ярдовъ; нельзя не сказать, что странное впечатлѣніе выносится изъ зрелища тѣхъ ошибокъ и заблужденій, черезъ которыхъ прошли они, прежде чѣмъ установить, хоть до извѣстной степени, вѣрныя правила лечения. Первоначальное предположеніе врачей было, что раны эти отравлены. Брауншвейгъ, страсбургскій хирургъ, жившій въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, подобно, впрочемъ, всѣмъ остальнымъ современнымъ ему хирургамъ, лечилъ ихъ совершенно такъ, какъ еслибы они были причинены отравленіемъ оружиемъ. Онъ вводилъ въ рану кусокъ свинаго сала и давалъ внутрь періакъ (извѣстное противуядіе) для удаленія яда. Іоаннъ-де-Віго приписываетъ злоказчественность этихъ ранъ, круглой формѣ пуль, действію пораженія на раненія части и ядовитымъ свойствамъ, какъ самаго смертоноснаго оружія, такъ и пороха. На основаніи этого онъ приходитъ къ двумъ слѣдующимъ совѣтамъ: во первыхъ прикладывать увлажняющія вещества для исцѣленія обжога; во вторыхъ—для уничтоженія яда. Съ этой цѣлью онъ и рекомендуется употребленіе раскаленного желѣза или горячаго масла. Мысль о присутствіи яда въ ранахъ, происшедшихъ отъ огнестрѣльного оружія, преобладала между хирургами того времени и было внушено имъ отчасти черноватымъ цвѣтомъ самыхъ ранъ, отчасти цѣпѣненіемъ, въ которое нерѣдко впадали раненые и наконецъ неоднократнымъ тяжелымъ исходомъ, слѣдующимъ за этими по-прежденіями. Къ несчастью, они заблуждались; и какъ случается почти всегда, что плохая теорія ведетъ неизбѣжно за собою плохие практическіе результаты, такъ и въ этомъ случаѣ прижиганіе ранъ раскаленнымъ желѣзомъ, кипящимъ масломъ и Ѣдкими химическими веществами увеличивало страданія, и опасность пациентовъ.

Амвросію Царе обязано человѣчество измѣненіемъ къ лучшему этого безобразнаго положенія вещей и установленіемъ разумнаго и полезнаго способа лечения. Это гибельное заблужденіе было уничтожено благодаря случайности, которую съумѣлъ сдѣлать плодотворный наблюдательный умъ великаго хирурга.

Послѣ одной схватки, гдѣ было много раненыхъ, у Наре остался недостатокъ въ кипящемъ маслѣ для прижиганія ранъ. Стать прочитать въ книгѣ самого Наре разсказъ о безпокойствѣ, которомъ онъ находился, вслѣдствіе этого невольнаго уклоненія съ хирургическихъ принциповъ. Онъ провелъ ночь въ страшномъ вспышкѣ; онъ боялся, что на другой день раны больныхъ значительны и ухудшатся, что ядъ проникнетъ во всѣ органы тѣла и что найдется большинство своихъ пациентовъ умирающими или умершими; онъ былъ пріятно изумленъ, когда нашелъ ихъ въ лучшемъ положеніи нежели тѣхъ, которые были подвергнуты обычному членію. Этотъ случайный и чисто непроизвольный опытъ убедилъ его въ томъ, что раны отъ огнестрѣльного оружія слѣдуетъ вичевать на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ это дѣжалось той поры, и что онъ не представляютъ вичего общаго съ отравами. Эта реформа, со временемъ А. Наре, спасла жизнь не одному раненому; такъ какъ раны отъ огнестрѣльного оружія гораздо чаcтѣрѣчаются другихъ видовъ ранъ. Возьмемъ для примѣра раненыхъ въ юльскіе дни, на 425 ч.ользовавшихся въ госпита Сенъ-Клу, 354 были ранены огнестрѣльнымъ оружіемъ, а только холодными оружіемъ, 33 страдали контузіями и 14 отъ неизвѣданныхъ причинъ.

Изъ этого частнаго примѣра можно заключить вообще о ходѣ человѣческаго ума на пути приобрѣтенія знаній. Поставленный цемъ къ лицу съ незнакомыми явленіями, происходящими отъ съ рядовъ, движимыхъ порохомъ, хирургъ опредѣляетъ ихъ невѣрно; ошибочное толкованіе имѣть слѣдствіемъ своимъ ошибочную практику. Затѣмъ онъ возвращается къ исходному пункту, отыскивая незамѣченную имъ сначала иницію, и исправляетъ одновременно какъ теоретическія воззрѣнія свое такъ и практическія примѣнія первыхъ. Такимъ-то путемъ цивилизація постоянно изощряя способность человѣка къ изобрѣтательности. Послѣдствіе и причиня, орудіе и рычагъ, она безпрерывно порождаетъ новые условия заставляетъ приспекивать новыя приспособленія. Исторія мореплаванія представляется намъ новыи примѣръ въ той же области индустрии, изъ которой мы и не будемъ удаляться. Человѣчество древнаго міра, не предвидевшее продолжительныхъ нутренствій, мало удалявшееся отъ береговъ и часто высаживавшееся

гнедую землю, не знало скорбута, этого бича новѣйшихъ мореплавателей. Когда моряки, извѣряясь компасу, стали отваживаться на далекія плаванія, по необозримымъ морскимъ пространствамъ, когда они стали пускаться въ кругосвѣтныя путешествія и оставаться по чѣсколько мѣсяцевъ сряду на водѣ, не выходя ни разу на берегъ, тогда пришлося имъ впервые испытать неслыханныя и страшныя болѣзни.

Жизнь въ тѣсномъ помѣщениі, пища, состоявшая изъ соленыхъ и часто разлагавшихся припасовъ, нечистота развивавшаяся отъ неряшливости, о вредѣ которой не имѣли правильнаго понятія, испорченность воздуха, возобновленіе котораго было еще неизвѣстно, все эти условія взятія вмѣстѣ губили цѣлые флоты и были въ теченіи XVI, XVII, а частью и XVIII вѣковъ, грозой мореплавателей. Но, наконецъ, гений науки принялъся за изслѣдованіе и, раскрывъ причины зла, онъ такъ дѣятельно боролся противъ нихъ, что въ настоящее время скорбутъ рѣдкое явленіе въ хорошо организованномъ флотѣ.

Природа, невзирая на все что говорить на этотъ счетъ, не всегда можетъ найти въ самой себѣ силы противодѣйствія болѣзнямъ. Помощь человѣческаго разсудка бываетъ ей часто необходима, для направленія работы ея и исправленія ея уклоненій. Природа награждаетъ осною, но не она предохраняетъ отъ неи; природа убиваетъ посредствомъ злокачественной лихорадки того, кого спасло-бы своевременное и разумное лечение хининомъ. Жизненная экономія представляетъ почву, находящуюся до извѣстной степени во власти науки, подобно тому какъ агропомія имѣетъ въ своемъ распоряженіи землю, воздѣлываемую усилиями ея; въ этомъ и заключается значеніе и величіе медицины.

Военные хирурги, опираясь на свои специальные опыты, склонны отрицать компетентность гражданскихъ хирурговъ въ вопросѣ о ранахъ; но этотъ упрекъ не можетъ быть отнесенъ къ Г. Дююи-тиу: въ 1814, въ юль 1830 и юнь 1832 г. знаменитый хирургъ госпиталя Отель-Дѣ многое видѣлъ лично и много сдѣлалъ собственными руками, и могъ слѣдовательно бросить и на этотъ отдель хирургіи тотъ трезвый взглядъ, который очевидно составляетъ характеристическую принадлежность его гениальнаго ума. Когда профессоръ, въ амфитеатрѣ наполненномъ слушателями

начиналь тихимъ голосомъ свою лекцію и мало по малу оживлялся когда точнымъ и яснымъ своимъ словомъ онъ излагалъ всѣ обстоятельства наиважнѣйшихъ случаевъ, встрѣченныхъ имъ въ среде его многочисленныхъ пациентовъ; когда онъ объяснялъ то что онъ дѣлалъ, или сообщалъ значеніе того, что намѣревался предпринять тогда не было ни на одной скамьѣ студента, который бы не понялъ мощи и ясности преподаваемаго, и въ которомъ не проснуло бы желаніе такого-же обширнаго знанія и такого же умѣнія вѣрно оперировать. Это образцовое преподаваніе продолжалось въ теченьи нѣсколькихъ лѣтъ, и рядомъ съ нимъ шли и плодотворныя дѣяния юношества практическія работы; зданіе Отель-Дѣе было свидѣтельствомъ, упорной дѣятельности великаго хирурга; ежедневно въ шесть часовъ утра являлся онъ къ постели своихъ больныхъ, осмотромъ шалекція обѣ операций, а по вечерамъ онъ повторялъ свое посѣщеніе къ наиболѣе опаснымъ субъектамъ.

Многочисленныя занятія д. Дююнтрена, конечно, не позволяли ему употреблять много времени на кабинетную работу, и онъ печаталъ рѣдко и мало; но его лекціи были собраны не разъ; они заключаютъ въ себѣ основные пункты и сущность его доктрины и его практическихъ приемовъ. Этотъ трудъ еще недавно былъ возобновленъ въ учениками гг. Марксомъ и Пайльяромъ; они издали лекціи, читанные д. Дююнтреномъ о раненыхъ въ юльскіе и юнѣскіе дни.

Дѣятельность хирурга относительно лечения ранъ можно определить такъ, съ общей точки зрѣнія: на обязанности его лежитъ поставить поврежденныя части въ тѣ условія, въ которыхъ природа могло бы заживить ихъ. Для каждой раны, которую хотя довести до заживленія существуютъ два врачующихъ элемента: природа и искусство; первая подготовлять излеченіе, второе совершаеть его. Искусство, безъ содѣйствія природы всегда бессильно: природа, безъ помощи искусства часто неспособна исправить беспорядки, нарушившіе цѣлость частей. Нѣтъ ничего легче какъ указать границы этихъ двухъ сферъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Если не сближать края раны,—заживленіе немыслимо; но самый процессъ заживленія ни что иное какъ дѣйствіе организма. Если двѣ оконности сломанной кости не содержать въ ихъ естественномъ сближеніи, то сращенія не будетъ, а если даже сращеніе и будетъ неправильное; тѣмъ не менѣе образование костяной мозоли есть

продуктъ усиленной работы организма. Когда разрѣзана большая артерія, дѣло хирурга перевязать ее, безъ этого большой умретъ отъ кровотечения; но разобщеніе общей системы кровообращенія съ поврежденной частью и восстановленіе кровообращенія побочными кровеносными путями принадлежитъ всецѣло самодѣятельности животной экономіи.

Когда подъ черепными костями накапляется вслѣдствіе пролома, оказывается скопленіе крови или гноя, то необходимо съ помощью трепана сдѣлать отверстіе для истока накопившихся жидкостей, иначе больной впадаетъ въ параличъ, коматозное состояніе, и умираетъ. Словомъ, исключительная и постоянная задача хирургіи состоітъ въ отстраненіи препятствій, мѣшающихъ природѣ въ восстановительной дѣятельности ея.

Для многихъ случаевъ путь вполнѣ начертанъ, и то что называется въ научной терминологіи діагнозомъ, ясно установлена и доступна всякому мало-мальски свѣдущему хирургу. Но бываютъ и такие затруднительные случаи, при которыхъ самый опытный практикъ и самый наблюдательный умъ останавливается въ первоимѣстности, и совершенно не знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Отвѣтственность врача становится тогда тяжелой обязанностью, о которой сдѣлали могутъ судить тѣ, кому не приходилось решать вопросовъ жизни и смерти человѣка. Эта глубокая и серьезная мысль написана на заглавіи одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ медицины: Гиппократъ поставилъ эпиграфомъ одного изъ замѣчательнѣшихъ своихъ сочиненій слѣдующее изрѣченіе:

«Жизнь коротка, искусство медлительно, случай быстръ, а пониманіе—дѣло трудное». Въ этомъ глубокомъ изреченіи, на которомъ отразился гений Греціи и гений востока, древній современникъ Сократа и Фукидида, указываетъ одновременно на все что есть непоправимаго въ потерянномъ случаѣ, или въ дурно введенной системѣ леченія, а равно и на все, что есть невѣрнаго и неосновательнаго въ сужденіяхъ наиболѣе знающаго человѣка. Впрочемъ, эта общая участъ всѣхъ прикладныхъ наукъ, въ которыхъ одна половина принадлежитъ области положительного знанія, а другая чисто гипотетична. Но нигдѣ человѣческая отвѣтственность не подвергается такому жестокому испытанію какъ въ важныхъ и сомнительныхъ фактахъ медицинской практики. Таковы, напри-

мѣръ, приводимые въ книгѣ г. Дююнтрена случаи раздробленія костей, послѣдовавшіе отъ выстрѣла изъ огнестрѣльного оружія. Въ прошломъ столѣтіи было поднято безконечный споръ по по воду вопроса, слѣдуетъ ли отнимать немедленно поврежденный членъ или нужно приступать къ этой операциѣ лишь послѣ обнаруженія какихъ-нибудь опасныхъ симптомовъ, и только въ томъ случаѣ когда иѣтъ уже надежды сохранить раненый членъ. Окончательный приговоръ, въ пользу котораго склоняется и д. Дююнтренъ, былъ тотъ что слѣдуетъ принять за общее правило: «ампутировать»; онъ говоритъ что конечно существуютъ въ видѣ исключенія иѣкоторые чудесные примѣры выздоровленія члена и въ упомянутомъ случаѣ раздробленія кости, но эти исключенія не могутъ служить руководствомъ для хирурга, на томъ основаніи, что если ампутація и губитъ безвозвратно иѣсколько членовъ, которые бытъ можетъ и представили бы случаи сращенія раздробленныхъ частей за то съ другой стороны этимъ жестокимъ но необходимымъ изувѣченіемъ спасается громадное количество людей, которымъ немногимъ предстояло бы умереть безъ нея или отъ немедленного воспаленія, или отъ послѣдующаго нагноенія и которыхъ пришлось бы въ концѣ концовъ подвергнуть ампутаціи, но позднѣе, т. е. при состояніи истощенія и слабости, представляющихъ условія горазд худшіе, нежели тѣ, въ какихъ находится пациентъ непосредственно послѣ получения раны. Необходимость немедленной ампутаціи становится еще неотразимѣе на полѣ битвы, тамъ гдѣ въ распоряженіи хирурга существуютъ лишь очень неудовлетворительныя способы передвиженія. Пусть только читатель представитъ себѣ положеніе человѣка съ раздробленной ногой или ляшкой въ телѣ безъ рессоръ; острые оконечности надломленной кости врѣзываются въ мускулы и не только причиняютъ невыразимыя страданія, но порождаютъ безконечный рядъ опасныхъ явлений, и ему станетъ понятно сколько раненыхъ должна счасти отъ смерти немедленная ампутація.

Трудъ гг. Маркса и Палльяра заслуживаетъ большую благодарность, изданныя ими лекціи д. Дююнтрена собраны вполнѣ добросовѣстно и подъ ихъ первомъ слова учителя сохранили всю ту силу которой отличалась рѣчь знаменитаго профессора. Тамъ и сямъ прибавили они результаты своихъ личныхъ изысканій и наблюде-

ий. Я позволю себѣ цитировать, между прочимъ, сообщенный иными
обобщенный опытъ, который былъ произведенъ надъ пулями изъ
воска и изъ папье-маше. Пуля изъ желтаго воска, вложенная въ
кабинъ съ патрономъ, изъ которого была предварительно вынута
винцовая пуля, пробиваетъ насквозь дубовую доску въ 14 — 16
милл. толщины; она пробиваетъ отверстіе съ неровными краями и
изубринами со стороны вылета, точь въ точь какъ это бываетъ
при употреблении свинцовой пули. На прострѣленной доскѣ, слу-
шившей для опыта, было невозможно примѣтить ни малѣйшей раз-
ницы между пробоиной, сдѣланной обыкновенной пулею и пробои-
ной, сдѣланной восковой. Пуля изъ папье маше въ сыромъ состоя-
нии, или скатанная изъ мягкой массы или тѣста въ даниомъ
лучаѣ произвела тѣ же результаты. Изъ этихъ, неоднократно
повторенныхъ опытовъ очевидно, что подобныя пули должны про-
извести и на человѣческомъ тѣлѣ тѣ же дѣйствія, какія происходятъ
отъ свинцовыхъ пуль. Слѣдуетъ однако же оговориться: восковыя,
пумажныя пули и пули изъ тѣста оказываютъ дѣйствіе равное
и пулями свинцовыми только на близкомъ разстояніи, но дѣйствіе
ихъ ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ цѣли. Соль которую иногда
употребляютъ въ видѣ ружейнаго заряда и которою стрѣляютъ по
шародерамъ, если можно такъ выразиться, ради шутки, могла бы
причинить значительныя раны при выстрѣлѣ на близкомъ разстояніи.

Эта замѣтка весьма важна для судебной медицины; не мень-
шую важность имѣетъ и слѣдующая: шерстяныя, льняныя ткани и
войлокъ растягиваются подъ давленіемъ пули, прежде чѣмъ она
пробьетъ въ нихъ отверстіе и затѣмъ разорванныя края скручива-
ются такъ, что объемъ пробоины не соотвѣтствуетъ объему
пробившаго снаряда. Напримеръ пуля, прострѣливающая войлоч-
ную шапку, сначала растягиваетъ ткань, затѣмъ разрываетъ ее и
всаживается въ черепъ уже послѣ того, какъ пробьетъ сдѣланное
ю углубленіе въ шляпѣ. При осмотрѣ отверстія въ войлокѣ не-
изнано оказывается, что дыра на шапкѣ значительно меныше въ
объемѣ, чѣмъ та которая окажется на черепѣ. Незнаніе этого
факта дало поводъ къ мнѣнію что Карлъ XII, шведскій король,
былъ убитъ измѣннически, 11-го декабря, 1718 года, при осадѣ
Фридрихштадта, король былъ раненъ въ голову пулею. Предполо-
жили что онъ палъ жертвой преступленія совершенаго кѣмъ-ни-

будь изъ лицъ составлявшихъ его свиту. Шляпа его, храпящая до сихъ поръ въ Стокгольмѣ и кромечное отверстіе, находящееся на ней послужили ложнымъ свидѣтельствомъ и подтверждениемъ неосновательныхъ догадокъ. Отверстіе, на черепѣ было сравнительно больше нежели отверстіе на шляпѣ. Такимъ-то образомъ на блюденіе сдѣланное въ области хирургіи проливаетъ свѣтъ на историческія задачи.

Довольно общимъ и распространеннымъ фактомъ, является вѣрѣ въ предразсудокъ, будто напоръ воздуха отъ летящаго ядра причиняетъ контузіи и даже смерть. Это заблужденіе произошло отъ того, что бывали на полѣ сраженія странные случаи смерти людей на тѣлѣ которыхъ не было найдено никакихъ наружныхъ слѣдовъ поврежденія. Однакоже не трудно догадаться что это объясненіе было невѣрное. На самомъ дѣлѣ еслибы давленіе воздуха было вполнѣ допосно, то какъ же объяснить то, что часто солдаты и офицеръ испытываютъ на себѣ, какъ и птицы срываютъ съ головъ ихъ шляпы, вѣроятно изъ рукъ оружіе и даже убиваютъ подъ ними лошадей оставляя ихъ самихъ при этомъ невредимыми? Случается также, что ядра отрываютъ члены и куски мяса, не повреждая сосѣднихъ частей. Бывали примѣры съ военными что у нихъ отрывало кончикъ носа безъ малѣйшаго измѣненія въ дыханіи, или что отрывалась часть уха безъ ущерба для слуховой дѣятельности. Дѣло въ томъ, что въ случаяхъ предполагаемыхъ контузій, причиненныхъ будто бы сотрясеніемъ воздуха, ядро на самомъ дѣлѣ касается тѣла; въ упругость кожи, эластичность подкожныхъ тканей, кривизна линіи полета снаряда, обусловливаютъ то, что несмотря на силу удара кожа не разрывается. Часто въ подобныхъ случаяхъ, кости бываютъ переломаны, кѣлѣтчатыя органы оконтузены; послѣдствиемъ являются крайне опасные поврежденія а иногда и смерть раненаго. Вѣроятнѣе всего, что подобныя странныя явленія могутъ имѣть мѣсто тогда лишь когда полетъ ядра уже ослабѣваетъ, илжъ когда оно касается тѣла подъ очень острымъ угломъ. Хирургическія сочиненія переполнены замѣтками въ этомъ смыслѣ. Мы приведемъ одинъ изъ подобныхъ фактовъ, замѣченный въ время осады Антверпена. «Одинъ инженерный офицеръ, находившійся въ траншеи по долгу службы получилъ ударъ ядромъ большаго калибра въ нижнюю боковую часть груди. Онь упалъ, пор

шенній силою удара, и съ трудомъ произнесъ нѣсколько словъ, тутъ же умеръ. Его перенесли въ запасную амбулаторію, находившуюся въ Берлемѣ. По снятіи съ него пласти, которое нигдѣ не оказалось поврежденнымъ, ни па груди, ни на остальныхъ частяхъ тѣла не найдено было ни малѣйшей раны, ни даже кровенаго подтека. Всѣ военные порѣшили тогда единогласно, что онъ умеръ отъ контузіи ядромъ, но г. Форже, внимательно изслѣдовавъ грудь, нашелъ четыре или пять вдавшихся, изломанныхъ на множество осколковъ реберъ и мягкой прилежащей части, превращенная въ кашу, что и позволило ему ввести руку, съ помощью растяжимости кожи въ самую грудную полость. Изслѣдованіе это дало настоящее объясненіе причины смерти офицера».

Весьма замѣчательно то, что сопротивленія оказываемаго не только костями, по мускуламъ и сухожильямъ бываетъ часто достаточно на то, чтобы остановить пулю на лету. Нерѣдко пуля ударившись объ грудь или черепъ скользитъ кругомъ по названнымъ частямъ, не проникая въ ихъ полости. Бывали случаи, что снаряды, ударившись о кость или вѣнчніе покровы проходили, не ломая кости и не разрывая ткани вдоль всего члена. Англійскій хирургъ докторъ Генштѣнъ разсказываетъ объ одномъ солдатѣ, раненномъ въ руку, въ ту минуту, когда тотъ шелъ на приступъ, слѣдующее: пуля попавъ приблизительно около середины плечевой кости, проскользила вдоль члена, задней части грудной клѣтки, проникла черезъ брюшные мускулы и засѣла наконецъ въ средне-передней части противуположной ляшки.

Относительная численность смертныхъ случаевъ между ранеными въ іюнѣ 1832 г. и въ юлѣ 1830 оказывается гораздо значительнѣе для іюньскихъ жертвъ. Къ этому выводу приводятъ наблюденія сдѣланныя во всѣхъ парижскихъ госпиталяхъ. Причину этой разницы мы можемъ искать развѣ только въ нравственныхъ словіяхъ больныхъ, такъ какъ за исключеніемъ этого пункта все остальное было тождественно: тѣ же госпитали, тѣ же доктора, та же система лечения. И въ самомъ дѣлѣ, раненый іюньскихъ дней былъ побѣжденный — его ждали судъ военный трибуналъ и осужденіе; подѣлъ себя опѣ видѣть часоваго, стерегшаго его даже на болѣзненномъ одрѣ; ему, казалось, все говорило, что ждутъ только минуты его выздоровленія, чтобы предать его въ руки человѣче-

скаго правосудія. Больной, изъ среды побѣдителей, имѣлъ малъ причинъ радоваться своей побѣдѣ, онъ не находилъ въ самомъ себѣ внутренней опоры противъ страдавій и страха. И мы видимъ, что въ 1832 г. всѣ больные безразлично, къ какому бы лагерю они ни принадлежали, испытывали упадокъ духа, и потому подвергались большей опасности и встрѣтили больше препятствій на пути къ выздоровленію, нежели юльскія жертвы.

Послѣдніе имѣли въ себѣ гораздо болѣе силы противостоять страданіямъ. Побѣдленные, изъ рядовъ королевской гвардіи, и равно и рапеные солдаты швейцарского пѣхотнаго полка, не имѣли причинъ трепетать передъ местью побѣдителей велиководныхъ упомянутыхъ торжествомъ побѣды и неспособныхъ къ мысли о меести Ихъ не ждали ни тюрьма, ни военный судъ. Побѣдители горды тѣмъ что пролили кровь за великое дѣло были укрѣплены вѣяніемъ свободы и мужества, которое подняло народныя волны. Мощныя чувства одушевляли всѣ сердца, и мысль вдохновлявшая великій народъ была такъ же свѣтла какъ и лучи яркаго солнца, освѣтившаго на нѣсколько дней Парижъ и Францію.

СЪЯТЕЛИ ЧУМЫ.

Въ XVI-мъ столѣтіи было распространено мнѣніе, что можно сѣять чуму, т.-е. распространять ее носредствомъ пзвѣстныхъ сопствовъ, и что, слѣдовательно, существуютъ съятели чумы. И оно не ограничивалось сферою умозрѣнія; суды решали процессы по виненіямъ подобнаго рода и подвергали дѣйствительныхъ или минимыхъ преступниковъ тѣмъ жестокимъ карамъ, которыя были въ мысахъ тогдашняго времени.

Было ли это мнѣніе основательно, т. е. возможно ли сѣять чуму? Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разбору этого вопроса, слѣдуетъ обратиться къ фактамъ, изъ которыхъ онъ возникъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ хроникѣ Боннивара о городѣ Женевѣ. Вотъ что говоритъ этотъ лѣтописецъ:

«Въ этомъ году (1530) чума свирѣпствовала въ Женевѣ, и людимъ повидимому, недостаточно было наказанія посланнаго Господомъ за ихъ грѣхи; злоба человѣческая, не удовлетворяясь страданіями ниспосланными свыше на человѣческій родъ, старалась еще усугубить ихъ; и фактъ этотъ показался мнѣ столь достойнымъ сопранія въ памяти, что я рѣшился занести его въ эту лѣтопись».

«Необходимо упомянуть, что въ Женевѣ существовала и еще существуетъ больница для зачумленныхъ во время эпидеміи; въ этомъ госпиталѣ есть надзиратель, который вмѣстѣ съ тѣмъ и хирургъ, чтобы перевязывать больныхъ, духовное лицо чтобы исповѣдывать и утѣшать больныхъ, и прислужники, получающіе хорошее

вознаграждение за опасность, которой они подвергаются, въ томъ числѣ и женщины для ухода за больными и для содержания помѣщений въ чистотѣ. Этихъ женщинъ называютъ спѣлками, (sureresses), но не потому чтобы онъ оказывали помощь изъ милосердія, напротивъ того, онъ получаютъ хорошее содержание, и еще пользуются незаконными барышами, которыми дѣлятся съ надзирателемъ и священникомъ.

«Однако, по милости божией, чума стала ослабѣвать, что пришлось не по сердцу этимъ лицамъ, ибо люди, извлекающіе пользу изъ зла, не могутъ желать добра, и всегда предпочутъ поддержать первое. Тутъ они вспомнили объ одномъ юношѣ изъ хорошей фамиліи, который занимался всякаго рода плутнями; онъ даже хвастался ими и гордился прозвищемъ злого, если его въ то же время считали умнымъ; по онъ еще не совершилъ такого поступка, за который подвергался бы тѣлесному наказанію. Имя его было Михаилъ Каддо. Наконецъ, онъ до того довелъ себя своимъ плутовствомъ, что очутился безъ пристанища, и никто изъ родныхъ и знакомыхъ не хотѣлъ пускать его къ себѣ въ домъ; тогда ему пришлось прибѣгнуть къ отчаянной штукѣ, чтобы выпутаться изъ затрудненія, и онъ притворился заболевшимъ чумою, чтобы найти себѣ убѣжище и пропитаніе. Его немедленно отправили въ больницу, съ приказаніемъ имѣть за нимъ хороший уходъ, что было исполнено, и его лечили даже больше виномъ, чѣмъ микстурами. Тутъ онъ сообразилъ, что эта жизнь дароваго угощенія не можетъ продлиться болѣе сорока дней, по истечении которыхъ его спровадятъ изъ больницы, и онъ придумалъ средство, продлить ее. Съ этой цѣлью онъ сталъ убѣждать надзирателя де-Фосизи, поддерживать чуму, которая вредя другимъ, была имъ столь выгодна.

«Во первыхъ, они положили отравлять, или инымъ образомъ ускорять смерть привозимыхъ въ госпиталь пациентовъ, въ случаѣ еслибы они выказывали расположение къ выздоровлению.

«Потомъ они стали вырывать нарды съ тѣлъ покойниковъ, превращали ихъ въ порошокъ, и смѣшавъ его съ другими составами, давали принимать больнымъ подъ видомъ лекарства. Этого мало; они посыпали такимъ порошкомъ вышитые посовые платки, красивыя подвязки, и тому подобные вещи, а Михаилъ Каддо раз-

носиль и разбрасывалъ ихъ ночью по городу, выбирай преимущественно дома, где предвидѣлась богатая на�ива, и даже натиралъ порошкомъ замки дверей. Утромъ, когда слуга или служанка выходили изъ дома, имъ бросались въ глаза эти красивые платки и подвязки; они радовались своей находкѣ, а вечеромъ запирали на замокъ натертая двери дома или лавки, и не рѣдко прикасались къ своимъ господамъ. Такъ попадали они въ сѣти, болѣзнь кѣ приносила выгоды Каддо, надзирателямъ, священникамъ, фельдшерамъ и сидѣлкамъ.

Это оставалось скрытымъ нѣкоторое время, но дьяволъ болѣе радѣеть обѣ увеличеніи числа грѣховъ, нежели о сокрытии ихъ. Когда Каддо достаточно поработалъ ночью, то онъ не утерпѣлъ, чтобы не продолжать свое дѣло днемъ, и однажды, въ постный день слѣдующаго года, винулъ свертокъ съ порошкомъ посреди Констанцкой улицы, воображая что никто его не замѣтить. Однако, нашелся человѣкъ, который это увидѣлъ, и не помышляя что тутъ можетъ быть опасность, а предполагая скорѣе шутку, сказалъ: «Этотъ котъ Михаиль Каддо, что-то бросилъ сюда, чтобы подтрупить наѣдъ народомъ,» и хотѣлъ поднять свертокъ. Но другой, болѣе разсудительный человѣкъ сказалъ: «Не годится въ нынѣшнее время дотрогиваться до неизвѣстной вещи, подними ее чѣмъ-нибудь, но не руками, и посмотримъ что это такое. Они достали щенки, и съ ихъ помощью подняли и открыли свертокъ, изъ котораго немедля распространилась страшная вонь. Всѣ были въ изумлѣніи и не могли постичь въ чѣмъ дѣло, за исключеніемъ одной бѣдной женщины, которая не за долго передъ тѣмъ выписалась изъ больницы, и она сказала: «Навѣрно господа, это сдѣлано пѣтъ чумнаго нарива». И всѣ крайне изумились, и пошли извѣстить о томъ синдиковъ, которыми въ то время были Іоганнъ Базлардъ, Іоганнъ Ами, Богемеръ, Перринъ Вильметъ и Іоганнъ Лерье; и они созвали совѣтъ, обсудили дѣло и дали приказаніе немедленно схватить Михаила Каддо. Сольте, нолицейскій агентъ, поймалъ его въ ту самую минуту, когда онъ думалъ укрыться въ домѣ Рива.

«Онъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму, где синдики вмѣстѣ съ другими делегатами совѣта, учинили ему допросъ, и требовали его сознанія. И на первыхъ порахъ, онъ представлялъ изъ себя шута, говоря синдикамъ: «Вы напрасно, господа, такъ

утруждасте мою голову и мѣшааете мнѣ какъ слѣдуетъ, пригот виться къ исповѣди¹); подождите до пасхи, и я все расскажу вам Синдики отвѣчали ему: «Вы должны прежде всего сознаться намъ и видя что онъ виляетъ, поднесли къ нему веревку. Тогда онъ сталъ объяснять, что въ брошенномъ сверткѣ была матерія и раки, бывшей у него на ногѣ. Когда же у него спросили съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ, то онъ отвѣтилъ: «Надъ моею раною насмѣхались и я хотѣлъ наказать насмѣшниковъ». Синдики, удовлетворясь этимъ отвѣтомъ, подвергли его пыткѣ, и тогда у него развязался языкъ; онъ обличилъ надзирателя, сидѣлока и фельшеровъ, и открылъ съ помощью какого предохранительного средства они могли прикасаться къ чумѣ, не подвергая себя опасности; о этомъ средствѣ уже было публиковано, такъ что не стонѣтъ упоминать о немъ здѣсь.

«Немедленно, правительство распорядилось арестовать его сообщниковъ, которымъ дѣлали допросы, очные ставки, и которыхъ изъвергали пыткѣ. Они всеѣ говорили на одинъ ладъ, за исключеніемъ одного прислужника, по имени Лентиль, которому удалось счастливо вирочемъ не придавали особаго значенія и не давали се труда отыскивать его. Заключенные въ тюрьмѣ, дожидали до пасхи по прошествію которой ихъ казнили, но не всѣхъ за разъ и одинъ день. Ихъ возили на телѣгѣ по всему городу, привязанныхъ къ столбу и обнаженныхъ до пояса. И палачъ держалъ на телѣ готовый огонь, въ которомъ онъ раскашивалъ свои щипцы, и когда они накалиялись, то на каждомъ перекресткѣ вырывалъ у нихъ кусок мяса. Послѣ того, ихъ привезли на площадь Молярь, где имъ срубили головы на эшафотѣ; тѣла же ихъ четвертовали и части разнесли, чтобы выставить въ различныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ сына надзирателя, которому, во вниманіе къ его молодости, только отрубили голову; онъ признался что умѣетъ составлять микстуру отца, и его лишили жизни не ради мести, но чтобы и мѣшать распространенію зла.» (Хроника Женевы, Т. II, с. 395 — 401).

Не въ одной Женевѣ вѣрили въ посѣвъ чумы, и казнили

¹ Здѣсь игра словъ, Confesser имѣе сознаться въ преступленіи и исповѣдь здѣ.

иого смертью. Мы читаемъ въ сочиненіяхъ Ларошъ-Флавіанія, *Bibliothèque toulousaine*, кн. III, буква Р, слѣдующее: «Люди изъ чумакства или обмана съящіе чуму подложать смертной казни; вслѣдствіе чего, иѣкоторые лица, виновныя въ такихъ поступкахъ въ Керси, въ 1559 году, были приговорены къ смерти; и въ Тулузѣ, судъ приговорилъ такихъ преступниковъ къ сожженію медленнымъ огнемъ».

Въ 1563 году, къ королю представилось иѣсколько итальянцевъ, которые обѣщали извести всѣхъ гугенотовъ чумою, и дѣйствительно, въ скоромъ временіи Монпелье, Нимъ, Эгмонтъ и другіе протестантскіе города, видя что они одни подвержены чумѣ, распространили слухъ, что итальянцы исполнили свое обѣщаніе... Въ 1581 году, парижане, замѣтивъ что чума увеличивается отъ злопаменниковъ, съящихъ чуму разною гипплю и заразительными генцествами, получили позволеніе отъ короля на мѣстѣ убивать всѣхъ тѣхъ, кто будетъ уличенъ въ подобныхъ преступленіяхъ, чтобы они служили примѣромъ другимъ».

Чума — болѣзнь совсѣмъ особаго рода, проявляющаяся нарывами, язвами. Долго думали, что она не существовала въ древности, и основывали это ошибочное мнѣніе на отрицательныхъ доказательствахъ, на томъ, что ни одинъ изъ древнихъ писателей не упоминалъ о ней; однако, недавно, открытые и обнародованные кардиналомъ Маемъ, греческіе тексты показываютъ, что она проявлялась въ это время съ своими нарывами и язвами, и именно въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ она теперь появляется въ Египтѣ и Спрѣ. Это также служитъ опроверженіемъ мнѣнію, объяснявшему позднѣйшее появленіе чумы разложеніемъ бальзамированныхъ тѣлъ въ Египтѣ, и погребеніемъ ихъ въ теплой землѣ, периодически наводняемой Ниломъ.

Мѣсторожденіе чумы дѣйствительно находится въ Египтѣ и Спрѣ, такъ точно какъ холера происходитъ изъ Индіи, желтая лихорадка съ западныхъ береговъ Америки, и какъ потница родилась въ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Эта болѣзнь не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ можно произвести искусственно, однимъ нарушениемъ гигієническихъ правилъ, какъ напримѣръ, скорбутъ, тифъ, болѣничные міазмы и пюмеро (гнойное зараженіе).

Всѣ эти болѣзни неизбѣжно появляются при данныхъ условiяхъ вполнѣ изслѣдованныхъ и опредѣленныхъ нынѣ наукою.

Прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ чума не свирѣпство вала въ Египтѣ и Сиріи, что приписывается гигієническимъ мѣрамъ принятымъ правительствомъ этихъ странъ подъ вліяніемъ западно медицины. Не подлежитъ сомнѣнію, что правильныя гигієническі мѣры могутъ успѣшно бороться съ этими страшными бичами бѣднаго человѣчества, но было бы слишкомъ преждевременно считатъ что старинный врагъ окончательно уничтоженъ, и неспособенъ къ новому нападенію.

Послѣдствiемъ этихъ мѣръ было избавленіе Европы отъ чумы продолженіе того же периода. Впрочемъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, эта болѣзнь давно уже не пропикаетъ въ наши страш послѣднее появленіе ея во Франціи извѣстно подъ названіемъ маѣ сельской чумы; иѣсколько позже она показывалась въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ прибрежьяхъ Италии. Однимъ словомъ, уже болѣе ста лѣтія, какъ Западъ оградилъ себя отъ вторженія грознаго врага но не то было прежде, въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ. Франція Англія, Голландія, Германія часто становились жертвами его. Существованіе чумы въ Египтѣ и Сиріи и прекращеніе ея на запад послѣ предохранительныхъ мѣръ, принятыхъ противъ нея, ясно указываютъ, что предыдущія эпидеміи были перенесены въ то время, когда еще не помышляли препятствовать распространенію ея.

Чума, подобно желтой горячкѣ, и въ противоположность холода, не принимаетъ повсемѣстно-эпидемической формы, и какъ въ ужасно ея дѣйствiе, она не распространяется на весь земной шаръ Но и на это утѣшительное свойство пельзя полагаться безусловно и какъ кажется, черная смерть, свирѣпствовавшая въ XIV-мъ столѣтіи, была въ то же время и чумою и повсемѣстной эпидеміей.

Чума не принадлежитъ къ болѣзнямъ, допускающимъ вакцинацію, какъ напримѣръ гноевые ирыщи овечья болѣзнь въ скобахъ и коровья осна, что подтверждено было опытами, произведенными въ Каепиѣ надъ преступниками, приговоренными къ смертной казни и тѣми, которымъ подвергали сами себя Кло-Бей, и Бюларъ ¹⁾).

Опыты Дейдье, врача въ Монпелье, не могутъ опровергнуть эти

¹⁾ De la peste observee en Egypte, par Clot-Bey, Paris, 1840, p. 353.

циоды: во время марсельской чумы, этотъ искусственный естествоиспытатель вынималъ желчь у покойниковъ и впускалъ ее въ кровь сони, вслѣдствіе чего на послѣднихъ образовывались нарыва и язвы, отъ которыхъ онѣ околѣвали, и которые онъ сравнивалъ съ язвами чумы, хотя они были ни что иное какъ результатъ всякой прививки гноя.

Если чума не прививается, то она тѣмъ не менѣе заразительна передается легко. Доказывать это частными случаями излишне, и достаточно упомянуть объ общемъ и рѣшающемъ фактѣ появленія чумы въ Египтѣ и Сиріи и распространеніе ся оттуда по Европѣ. Ихъ холерѣ, отравляющіе міазмы преимущественно находятся въ выраженіяхъ; въ чумѣ, они кроются въ рубашкахъ, платьяхъ, простыняхъ, постеляхъ, служившихъ больному, вслѣдствіе чего люди, прислуживавшіе подобнымъ больнымъ, становились часто оружиемъ передачи чумы. «Не слѣдуетъ, пишетъ г. Дююонъ Додару ¹⁾, поддамъ, которые ходили за зачумленными, имѣть сообщеніе съ публикою, послѣ простаго обкуривания. Мы всякий день видимъ, что они переносятъ болѣзнь къ здоровымъ людямъ; ихъ слѣдуетъ заставлять менять одежду, обмывать головы до ногъ уксусомъ... тотъ совѣтъ былъ результатомъ наблюдений, сдѣлаанныхъ во время чумы въ Марселе.

Кромѣ этихъ главныхъ путей зараженія холерой и чумой, и сама атмосфера больного бываетъ заразительной въ извѣстной степени; вирочемъ, каковы бы ни были способы распространенія заразы, она далеко не всегда обнаруживается, и даже случаи полной невосприимчивости къ ней такъ часто повторяются, что нашлись врачи утверждавшіе, что заразительности нѣтъ ни въ холерѣ, ни въ чумѣ. Это заблужденіе—заразительность этихъ болѣзней теперь вполнѣ доказана. Необходимо знать, что извѣстная доля опасности существуетъ, чтобы принимать противъ нея должная предосторожность, и также, чтобы не бояться подвергать себя ей разумно и съ мужествомъ во всѣхъ случаяхъ, когда того требуютъ гражданскій или семейный долгъ. Всякий врачъ будетъ дѣйствовать тогда по примѣру Шиконъ во время чумы въ Марселе. Въ числѣ десантниковъ врачей посланныхъ на помощь къ страдавшему городу,

¹⁾ *Traité des causes, des accidents et de la cure de la peste.* Paris, 1742, p. 193:

знаменитый Шиконъ отличался своимъ рвениемъ и мужествомъ въ то время какъ всѣ врачи и хирурги были поражены страхомъ, опь появился въ городѣ и входилъ въ каждую больницу; кровати зачумленныхъ не внушили ему страха; онъ спокойно подходилъ къ нимъ, осматривалъ ихъ, какъ бы онъ имѣлъ дѣло съ простой лихорадкою, дышалъ воздухомъ, выходящимъ изъ устъ умирающихъ, утѣшалъ ихъ, самъ подавалъ бульонъ этимъ несчастнымъ, не видѣвшимъ вокругъ себя ничего иного кромѣ образа смерти. Онъ дотрогивался до нарывовъ, до открытыхъ язвъ; въ крайнемъ своемъ рвении, онъ открывалъ тѣла умершихъ чумою, разрѣзывалъ ихъ раны и много разъ изслѣдовалъ ихъ». (*Traité des causes, des accid. dents et de la cure de la peste*, p. 117). Постѣ Шиконъ не было недостатка ни въ заразительныхъ эпидеміяхъ, ни въ подобномъ самоотвержении медиковъ.

Было дознано, что лица разъ испытавши чуму застрахованы отъ вторичного заболѣванья ею. Эти люди, извѣстные на Востокѣ подъ названіемъ *mortis*, преимущественно употребляются для ухода за больными чумою; они не берутъ никакихъ предосторожностей, ухаживая за больными, погребая мертвыхъ и обращаясь съ ихъ вещами; они даже Ѣдятъ и спятъ въ ихъ сосѣдствѣ. Первый принципъ чумы служить для нихъ предохраняющимъ средствомъ на будущее время. Большинство *mortis* совершенно избѣгаютъ ея, нѣкоторые чувствуютъ боль въ иржнихъ язвахъ, безъ иныхъ симптомовъ, и только самый малый процентъ заболѣваетъ серьозно чумой.

Такова медицинская сторона чумы; а вотъ одна изъ ея нравственныхъ сторонъ проявившаяся въ Женевѣ въ 1530 году: «Я жилъ въ этой странѣ, пишетъ Бонниваръ въ своемъ сочиненіи *des Déformes Réformateurs* стр. 152, въ то время какъ чума свирѣпствовала съ такою силою, что въ иныхъ домахъ, гдѣ было болѣе шестнадцати и восемнадцати жильцовъ, не оставалось въ живыхъ ни одного. Мимо оконъ безизрѣвно проносили мертвыхъ, иногда по шести и семи заразъ. Не смотря на это, дѣвушки продолжали плясать и пѣть пѣсни, даже въ началѣ поста; и случалось, что въ это самое время, которую ныбуть изъ нихъ начинала тристи лихорадка, и ее уносили въ домъ, на другое утро — на кладбище, а подруги все таки не прекращали плясокъ. И это напомнило мнѣ

шдо свиней, которое гонять на рынокъ; передъ ними ясли съ ясомъ и ячменемъ, и онъ ёдятъ, а тутъ приходитъ мясникъ, беть самую жирную и, увѣрившись что она здорова, закалываетъ а подруги ея преспокойно продолжаютъ питаться.

Послѣ всего сказаннаго, является вопросъ можно ли сѣять чуму? конечно можно: стоитъ только перенести больнаго въ здоровый имъ, или ту одежду и постельныя принадлежности, которыя онъ употреблялъ; этого достаточно, чтобы зараза была занесена, если не во всѣма, то по крайней мѣрѣ въ иѣкоторые изъ нихъ; это ли дѣлали ятели чумы, какъ оказывается изъ ихъ процессовъ? Нисколько. они употребляли матерію изъ чумныхъ нарывовъ и, какъ показываетъ обвиненіе, двояко употребляли ее—внутреннимъ и вѣнчнѣмъ разомъ.

Въ первомъ случаѣ, вынувъ матерію изъ язвы умершаго, они ращали ее въ порошокъ, и смѣшавъ съ другими снадобьями, дающими привимать больнымъ, смерти которыхъ они желали. Но, положительно извѣстно, что если гной, прямо введенныи въ кровь и подъ кожу, влечетъ за собою чрезвычайно опасныи послѣдствія, опѣ напротивъ вполнѣ безвреденъ, когда проходитъ черезъ желудокъ, что и было доказано Дейнѣ, на котораго я уже ссыпался, во время марсельской чумы, собаками, постоянно питавшимися гатками пищи больныхъ и не заразившимися чумою.

Во второмъ случаѣ, отправители этимъ порошкомъ посыпали атки, подвязки, наполняли имъ свертки и разбрасывали ихъ по щамъ, или натирали имъ замки отъ дверей. По словамъ ихъ обитателей, горе тому, кто поднималъ платокъ или подвязку, кто трогивался до замка или вредоноснаго свертка. Онъ немедленно болѣвалъ чумою. Не говоря уже о томъ, что и при дѣйствительности способѣ зараженія, чума не передается съ такою быстротою неминуемостью, достовѣрно извѣстно, что зараза заключается не въ матеріи, находящейся въ язвахъ, а въ атмосфѣрѣ больнаго и обѣлья. И такъ, сѣятели чумы должны быть оправданы, если не намѣреніяхъ, то по крайней мѣрѣ, въ нанесеніи дѣйствительного вреда общественному здравію.

Господствовавшему мнѣнію о передачѣ чумы посредствомъ осѣкотъ чумнаго нарява, можно противопоставить другой интересный фактъ, взятый изъ причудной исторіи человѣческихъ суевѣрій.

Во время чумы, свирепствовавшей въ Греции въ 1827 и 1828 го-
дахъ, распространился обычай прибѣгать къ талисманамъ и носить
въ видѣ предохраняющаго средства кусочекъ чумного нарыва^{1).}

Если эти талисманы не принесли ожидаемой пользы, то они не сдѣлали вреда прибѣгавшимъ къ нимъ, несмотря на суровы
приговоры парламентовъ XVI столѣтія.

Изъ этого разногласія оказывается, что носить чумы, нарави-
сь колдовствомъ, принадлежитъ къ разряду мнимыхъ преступленій
значеніе которыхъ невозможно строго опредѣлить. Подъ вліяніемъ
настроения изъѣстнымъ образомъ воображения, страхъ заразы
или зла, пронстекающаго изъ сношений съ злыми духами, могъ ра-
ростаться до безконтроля, равно и требование болѣе и болѣе ж-
стокихъ каръ для преступниковъ. И потому не мало прибѣгали въ
сожиганію, и быстрому, и медленному, къ раскаленнымъ щипцамъ
и самимъ мучительнымъ пыткамъ... Бѣдное человѣчество!

Однако, если нельзя сѣять чуму, существовали ли сѣятели въ
подобно тому, какъ были колдуны, хотя и не было колдовства? Эта
иной вопросъ. Правда ли, что были злоумышленники, дѣлавщи
мнимыя, конечно, но тѣмъ не менѣе фактическія попытки для ра-
пространенія заразы? Я не довѣряю пыткѣ, вымогавшей у жертвы
и ложь, и правду, и также мало довѣряю народнымъ слухамъ. Тотъ
ошибся бы жестоко, кто новѣрилъ бы на основаніи криковъ толпъ
и объявленій префекта полиціи, неопровергавшихъ эти крики, чѣ-
въ парижскую холеру 1832 года, доктора отравили больныхъ. И
менѣе ошибочно было бы давать безусловную вѣру народнымъ с-
вінченіямъ и приговорамъ парламентовъ относительно сѣятелей чу-
мы. Очевидно, что натирание замковъ чумнымъ порошкомъ, и
разбрасываніе платковъ и подвязокъ, носынаний имъ, принад-
лежитъ къ такому роду поступковъ, положительная новѣрка кото-
рыхъ вѣдь всякой возможности. Наоборотъ, подкидываніе свертковъ
съ остатками язвъ, также какъ и составленіе заразительныхъ па-
стырей, входитъ въ область фактовъ, которые возможно подтвер-
дить положительными доказательствами и слѣдуетъ полагать, чѣ-
парламенты обращали на нихъ должное вниманіе, такъ какъ не-

¹⁾ Gosse, *Relation de le peste en Grece* p. 189.

и не сознаться, что они преслѣдовали съ крайнею жестокостью, въ сущности, мнимое преступленіе.

Самая вѣра въ иосѣвъ чумы могла породить въ нѣкоторыхъ умахъ болѣзненное желаніе испытать свою власть и употребить ее во зло, подобно тому, какъ народная вѣра въ колдовство породила множество мнимыхъ колдуновъ.

Здѣсь можно упомянуть о странномъ фактѣ, приведенномъ у Іона Кассія, и имѣющемъ нѣкоторое отношеніе къ сѣятелямъ чумы. Пространный разсказъ этотъ находился, къ сожалѣнію, въ утраченныхъ книгахъ названного писателя, и сохранился лишь въ извлеченіи въ Эпитомѣ Ксифилина, относящейся къ правленію Коммода: «Появилась самая сильная, изо всѣхъ мнѣ известныхъ, болѣзней и часто умирали въ Римѣ по двѣ тысячи людей въ день. Къ тому же многіе, не только въ столицѣ, но и во всей имперіи, были жертвами преступныхъ дѣяній; ибо злоумышленники натправили иголки ядомъ и такимъ путемъ распространяли заразу, дѣляя то за деньги, что случалось также въ правленіе Доміціана». Вотъ что говоритъ тотъ же писатель о правленіи послѣдняго монарха: «Нѣкоторые люди стали колоть ядовитыми иголками кого попало, и много умирало отъ этихъ уколовъ, даже не чувствуя ихъ; то съ другой стороны, многіе изъ виновныхъ были уличены и назнаны. Это преступленіе совершалось не въ одномъ Римѣ, а можно сказать во всей вселенной».

Трудно добраться до настоящаго смысла этихъ выписокъ. Во времена Коммода дѣйствительно свирѣпствовала жестокая эпидемія, а такъ какъ то былъ родъ горячкѣ съ пятнами, то можно было умѣтъ, что ее привили посредствомъ иголокъ, опущенныхъ въ ядовитое вещество. Но это предположеніе никакимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ преступленіямъ въ царствование Доміціана, такъ какъ въ это время совсѣмъ не упоминается объ эпидеміяхъ. Это тѣмъ болѣе трудно, что здѣсь говорится о людяхъ, имѣющихъ отъ уколовъ иголокъ, не чувствуя его. Изъ ядовъ, которыми могутъ быть натерты иголки, чтобы причинить быструю смерть, безъ всякаго ощущенія уколовъ, мы знаемъ одинъ только кураре, но тотъ послѣдній, ядовитое свойство котораго открыто дикими племенами Южной Америки, не былъ извѣстенъ древнему миру. Обладаль

ли онъ въ замѣть тайною столь же разрушительного состава. Этого мы никакъ рѣшить не можемъ.

Вѣря въ посѣвъ чумы, общественное мнѣніе занялось вопросомъ, какимъ образомъ, несмотря на легкость передачи ея, самъ распространители могли уберечься отъ заразы. Вотъ какъ объясняли это кажущееся противорѣчіе: «И надо замѣтить, говорить Маронъ Флавицъ, что мастера этого искусства, какъ то было до насъ, для предохраненія себя отъ чумы, открываютъ себѣ пакощи на руки въ полости сердца посредствомъ Ѣдкихъ травъ, и такимъ способомъ выпускаютъ ядъ, всегда прямо падающій на сердце, и я слышалъ отъ врачей, что это вѣрное и цѣлебное средство предохраненія отъ чумы!»

Нужно ли говорить, что ядъ не падаетъ прямо на сердце¹⁾, что открытие ранъ въ сердечной полости, было бы совершенно опасно, и что единственное, до сихъ поръ известное средство предохраненія отъ чумы, состоитъ въ удаленіи отъ мѣстъ, где она свирѣпствуетъ?

Астрюкъ, вѣрившій въ съятелей чумы, и упоминающій о томъ, что они мѣсили и приготавляли заразительныя снадобья, не испытывая сами ихъ вредоноснаго дѣйствія, вѣроятно, не полагалъ (хотя такъ думать къ чести его медицинскихъ познаній), что Ѣдкія травы, приложенные къ сердечной полости, могли предотвратить чуму.

Я указалъ читателю на этотъ эпизодъ чумы, неважный, конечно изобилующій ложными взглядами и причинившей много зла. Человѣкъ не виноватъ, если природа неожиданно посыпаетъ въ него страшные недуги, жертвы которыхъ считаются тысячами, и которые опустошаютъ города и селенія, населяютъ кладбища и по всюду распространяютъ плачъ и отчаяніе. Не его вина также, если пораженный этими непривычными явленіями, принужденный вскоро составлять планъ дѣйствій, принять какое-нибудь рѣшеніе и привести его въ исполненіе, онъ часто и много ошибается. Ещевечальная причина, порождающая его ошибки, влечетъ за собою вмѣстѣ съ тѣмъ далекія и плачевныя послѣдствія его заблужденій.

¹⁾ Этотъ ложный взглядъ существовалъ еще во времена Боссюэта, который поминается о немъ по поводу слуховъ объ отравленіи герцогини Орлеанской.

Въ этомъ случаѣ, напримѣръ, они создаютъ неправый судъ, пыжигаютъ костры медленнымъ огнемъ и раскаливаютъ горячіе шинцы. Какъ относиться къ этимъ явленіямъ? Негодовать ли на роковыя заблужденія прошлаго? Самое выраженіе «роковыя» указываетъ на свойство этого негодованія. Оно обращается въ твердое намѣреніе изучать на основаніи положительной науки всѣ наши тѣлесные и нравственные недуги. Такъ какъ благодаря нашимъ преданіямъ, мы обладаемъ болѣе усовершенствованными научными оружиеми и яснѣе сознаемъ пути изслѣдованія, то будемъ выводить изъ положительныхъ фактовъ положительныя ученія, и построимъ на этомъ прочномъ основаніи осторожную и гуманную систему дѣятвій; осторожную потому, что наше сегодняшнее знаніе дополнится завтра; гуманную для того, чтобы наши потомки, въ свою очередь, не вознегодовали на наши роковыя заблужденія.

СОКРАТЬ И ПАСКАЛЬ.

НЕРВНАЯ ПАТОЛОГИЯ.

I.

О демонѣ Сократа¹⁾.

Сократъ не разъ говорилъ, что слышитъ голосъ какого-то геили демона, направлявшаго всѣ его дѣйствія; и весь древній мѣврій этому. Если и возникали сомнѣнія, то по отношенію тому, что слѣдуетъ понимать подъ этими сношеніями философа сверхъестественнымъ существомъ. Лэлю подробно разбираетъ этотъ вопросъ въ изданіи имъ книгѣ, и, обсуждая его съ помощью съдѣній, доставляемыхъ медициної, единственной науки, комитетомъ при подобномъ изслѣдованіи, прямо объявляется, что Сократъ былъ подверженъ умопомѣшательству особаго рода, которое въ техническомъ языке носитъ название *галлюцинаціи*. Галлюцинація есть особаго рода обманъ чувствъ, при которомъ впечатлѣнія чувѣка обращаются для него какъ бы въ дѣйствительность, и онъ видитъ, слышитъ или ощущаетъ предметы, существующіе только въ его воображеніи.

¹⁾ Лэлю, Парижъ, 1836 г.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, разберемъ прежде всего душевное состояніе Сократа, насколько мы можемъ судить о немъ по описаніямъ Ксенофона, Платона и другихъ писателей. Эти свѣдѣнія, сообщаемыя учениками философа, которые часто были сами очевидцами, передаваемыхъ ими происшествій, не могутъ возбуждать какихъ бы то ни было сомнѣній относительно ихъ достовѣрности. Скорѣе можно сказать, что они посятъ на себѣ несомнѣнныи характеръ истины, такъ какъ вполнѣ согласуются со всѣмъ тѣмъ, что ежедневно наблюдаетъ медицина; и образъ выраженій Сократа и его учениковъ, повторившихъ эти выраженія, представляеть такое близкое сходство съ обычнымъ языкомъ людей, подверженныхъ галлюцинаціямъ, что все это ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться одной только выдумкой.

«Небесная благость, говорить Сократъ въ сочиненіи Платона неагесъ, даровала мнѣ удивительный даръ, не покидавшій меня съ самаго дѣтства: это голосъ, который слышится мнѣ по временамъ и отговариваетъ отъ исполненія моего намѣренія, по никогда не понуждаетъ къ нему. Если случалось, что кто изъ моихъ друзей сообщалъ мнѣ о какомънибудь намѣреніи, и я слышалъ голосъ, то это служило вѣрнымъ знакомъ, что онъ не одобряетъ этого намѣренія и предостерегаетъ отъ него. Въ доказательство я могу привести свидѣтелей: вы зпавали красавца Харміда, сына Главкова; однажды онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы сообщить о своемъ намѣреніи отправиться на состязаніе въ бѣгъ на Немейскихъ играхъ. Тинь только онъ заговорилъ со мною, какъ мнѣ послышался голосъ. Я отклонилъ его отъ этого намѣренія словами: «Въ то время, какъ я говорю съ тобою, я слышу божественный голосъ, и потому совсѣмъ тебѣ не пдти въ Немею».

Затѣмъ Сократъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Когда Тимаркъ всталъ изъ-за стола съ Филемономъ, сыномъ Филоменида, только они двое и знали о заговорѣ; поднимаясь съ мѣста, онъ обратился ко мнѣ словами: что съ тобою, ты перемѣнился въ лицѣ. Вы все оставайтесь на своихъ мѣстахъ, попрежнему; я долженъ уйти по тотчасъ же вернусь, если будетъ малѣйшая возможность. Тутъ я услышалъ голосъ и сказалъ ему: Останься, мнѣ поданъ обычный знакъ. Онъ остановился, по вскорѣ опять всталъ, говоря: «Сократъ я пойду». Снова послышался голосъ, и я снова остановилъ

его. Наконецъ въ третій разъ, желая уйти, во чтобы то ни стало онъ поднялся съ своего мѣста, не сказавъ мнѣ ни одного слова заѣмъ улучивъ минуту, когда умъ мой былъ занятъ чѣмъ-то другимъ, вышелъ изъ комнаты и совершилъ то дѣло, за которое я платилъ жизнью. Вотъ почему онъ и сказалъ своему брату, и повторю здѣсь сказанное имъ, что ему приходится умирать за то что не повѣрилъ моимъ словамъ».

Изъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ мѣстъ, которыя мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь, видно, что Сократъ слышалъ голосъ, который говорилъ съ нимъ, давалъ совѣты и даже при случайнѣ, предостерегалъ его. Замѣтьте, что онъ употребляетъ при этомъ слово *голосъ*. Онъ не употребилъ бы такого выраженія говоря о своихъ собственныхъ мысляхъ; онъ въ дѣйствительности слышалъ звуки, это былъ голосъ существа, отдѣльного отъ него или другими словами это былъ обманъ слуха, принимаемый Сократомъ за дѣйствительность. Онъ называлъ этотъ голосъ богомъ гениемъ, и гордился имъ, какъ рѣдкимъ даромъ, который даете немногимъ изъ людей. Сократъ безусловно вѣрилъ ему и Ксеніс фонъ прямо утверждаетъ, что ничто на свѣтѣ не могло бы заставить Сократа дѣлать то, что запрещалъ ему голосъ.

По помимо этого, Сократъ былъ подверженъ еще другимъ приступамъ: это былъ родъ экстаза или изступленія, которое находилъ иногда на него среди бесѣды съ друзьями. До насъ дошло описание такого припадка, продолжавшагося болѣе обыкновенного: это слушалось при осадѣ Потидеи. Осада длилась три года. Еще зимой его друзья и товарищи по оружію удивлялись ему, видя, что онъ ходитъ босой по льду, въ своей обыкновенной легкой одеждѣ. На ступило лѣто, и вотъ однажды застаютъ его стоящимъ среди поля съ глазами пристально устремленными на солнце, какъ это случается съ некоторыми помѣшанными. Вокругъ него ходятъ взадъ и впередъ люди, на него указываютъ другъ другу пальцами; Сократъ не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія. Такъ пропшелъ цѣлый день; съ наступленіемъ вечера юнійскіе солдаты, изъ воинственства принесли на это мѣсто свои походныя постели, чтобы посмотреть не прорвѣтъ ли онъ и ночь въ такомъ положеніи. Тогда они ожидали случилось на самомъ дѣлѣ; и только на друго утро, съ восходомъ солнца, Сократъ, низко поклонившись солнцу

медленно удалился въ свою палатку, не говоря ни слова, и не обращая вниманія на тѣхъ, которые шли за нимъ слѣдомъ, удивляясь всему видѣнному.

Вполнѣ доказано, что Сократъ слышалъ голосъ и приписывалъ это существу, находящемуся въ его самого, называлъ это существо божомъ или геніемъ, постоянно получалъ отъ него сообщенія, которыми вѣрилъ безусловно, и съ которыми сообразовались всѣ свои поступки; это существо имѣло для него дѣйствительное бытіе и онъ въ самомъ дѣлѣ слышалъ голосъ, который произносилъ слова, вполнѣ явственныя для его уха. Я обращаю особенное вниманіе на всѣ эти подробности, потому что считаю ихъ чрезвычайно характеристичными. Сократъ не признавалъ своими тѣ мысли, которые были внушаемы ему подобнымъ образомъ; онъ приписывалъ ихъ демону, говорившему съ нимъ громкимъ и явственнымъ голосомъ. Онъ не думалъ, что ему слышится голосъ, потому что въ такомъ случаѣ это была бы галлюцинація разсудка; онъ положительно слышалъ слова и говоръ; но при этомъ не было никакого колебанія въ воздухѣ и онъ не чувствовалъ приближенія рта къ своему уху,— это была чисто болѣзненная галлюцинація.

Разсмотримъ теперь эти факты и подумаемъ о способахъ истолкованія ихъ. Разумѣется, никто не предположить тутъ вмѣшательства сверхъестественного существа; такого рода предразсудки давно уже потеряли всякое значеніе; остается допустить или, что Сократъ былъ обманщикъ, хваставшійся сообщеніемъ свыше, съ божественными существами, или что онъ былъ подверженъ галлюцинаціи. Предположеніе объ обманѣ не выдерживаетъ серьезной критики. Сократъ, въ продолженіе всей своей жизни, отличался самою строгою нравственностью и былъ въ такой степени преданъ тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ, что согласился лучше умереть принявъ ядъ, чѣмъ отказаться отъ своихъ убѣждений. Онъ самъ наложилъ на себя своего рода апостольство въ Лопинахъ. Отличаясь всегда нѣкоторыми странностями въ поведеніи, которые были очевидно прямымъ слѣдствіемъ его галлюцинацій, по которымъ вполнѣ согласовались съ его возвышеннымъ образомъ мысли и твердостью воли, онъ до глубокой старости неуклонно преслѣдовалъ цѣль своей миссіи, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался только благородными побужденіями, любовью къ добру и всему прекрас-

ному. Такой долгий обманъ не могъ не обнаружиться рано или поздно; членовѣсь, игравшій подобную роль, при всемъ своемъ искусствѣ, не могъ не выдать самого себя. Но и помимо этого только убѣжденіе можетъ придать могущество мысли; и Сократъ не имѣть бы такого вліянія на умы людей, если бы онъ былъ жакимъ шарлатаномъ, злоупотреблявшимъ довѣріемъ своихъ современниковъ. Такимъ образомъ, мы волей неволей приходимъ къ тому убѣждѣнію, что Сократъ на самомъ дѣлѣ слышалъ голосъ о чѣмъ говорить; но такъ какъ никто не могъ говорить съ нимъ и голоса этого не могло быть въ дѣйствительности, то изъ этой слѣдуетъ, что онъ въ такой степени былъ введенъ въ обманъ иллюзіей, что самъ не сознавалъ этого и невольно приписывалъ себѣ существу слова, которымъ слышались въ немъ самомъ и до него одного. Это уже была положительная галлюцинація, а всяка галлюцинація считается психическимъ недугомъ и принадлежитъ области медицины.

Относительно этого пункта у насъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, если мы сравнимъ душевное состояніе Сократа со множествомъ другихъ сходныхъ съ этимъ случаевъ, которые ежедневно представляются наблюденію врачей. Формы галлюцинацій бываютъ крайне разнообразны: больной то видитъ видѣнія, то ощущаетъ прикосновенія; иногда эти различныя галлюцинаціи перемѣшиваются и одновременно преслѣдуютъ больного.

Изъ разнаго рода галлюцинацій всего чаще встречается та, которой былъ подверженъ Сократъ. Формы умопомѣшательства, при которыхъ больной слышитъ голосъ, получаетъ советы отъ сверхъестественного существа, видимаго или невидимаго, разговариваетъ съ ангелами, демономъ и Богомъ,—всего ближе знакомы врачамъ и встречаются всегда чаще.

Врачи древнаго міра еще не настолько изучили признаки психическихъ недуговъ, чтобы определить съ точностью все формы этого рода болѣзни. Успѣхи же, сдѣланные въ медицинѣ, благодаря трудамъ различныхъ ученыхъ, дали возможность повѣйшимъ врачамъ произнести рѣшительное сужденіе относительно признаковъ различныхъ умопомѣшательствъ; и въ настоящее время основанія диагностики въ подобныхъ случаяхъ такъ строго определены, что можно, обратившись къ давно минувшимъ временамъ, произнѣ

ти по дошедшемъ къ намъ биографіямъ безошибочное суждение о душевномъ состояніи извѣстныъ личностей и подвергнуть ихъ, такъ сказать, медицинскому осмотру. Это иримѣніе медицины къ исторіи бросаетъ свѣтъ на многіе неизвѣстные намъ мотивы, поднявшіе родъ человѣческій въ различныхъ направленияхъ. Демонология всегда играла важную роль на свѣтѣ, и въ настоящее время для всякаго человѣка чуждаго предразсудковъ сдѣлалось вопросомъ решеннымъ, что демонология есть результатъ галлюцинацій, или другими словами, оно есть умопомѣшательство, присущее извѣстному историческому моменту. Весь періодъ господства колдуновъ и концѣ среднихъ вѣковъ,—когда огонь зажженныхъ костровъ пожиралъ тысячи безумцевъ, когда звѣрство и сумасшествіе шли рука объ руку,—представляетъ собою стечениес уловій, которыхъ только и могутъ быть выяснены съ помощью исторической медицины. Лѣре въ своихъ «Fragments de psychologie» подробно развилъ этотъ вопросъ и разсѣялъ всѣ сомнѣнія, относительно того рода умопомѣшательства, которому были подвержены мнимые колдуны. Этимъ самымъ решается также вопросъ о появленіи мертвыхъ, видѣній, духовъ, демоновъ и геніевъ, о сообщеніи съ сверхъестественными существами, вдохновеніи мнимыхъ пророковъ и откровеніяхъ древнихъ языческихъ религій. Пока люди вѣрили, что небо повисло надъ ихъ головами, что громъ катится по небесному жилищу, а земля находится въ центрѣ вселенной и покрыта какъ бы шатромъ фердью небесною, до тѣхъ поръ они постоянно видѣли вокругъ себя только проявленія материальныхъ силъ и могущества; но какъ только глазамъ ихъ раскрылась безконечность міра и фантазія уже не могла постичь границъ его, земля обратилась въ неизначительную планету солнечной системы; солнечная система стала точкой среди миллиона видимыхъ звѣздъ, а эти миллионы звѣздъ не болѣе, какъ туманнымъ, едва замѣтнымъ пятномъ въ безконечномъ пространствѣ небесъ. Съ этихъ поръ исчезаютъ мнимые призраки; толиа иродолжаетъ вѣрить имъ, не видя ихъ; но бываютъ люди, которые въ дѣйствительности видятъ эти призраки, слышать ихъ, ощущаютъ дыханіе ихъ, руководствуются ихъ совѣтами и даже передаютъ слышанныя отъ нихъ слова и приказанія; — это все люди подверженные галлюцинацій, они остаются тѣмъ болѣе непоколебимы въ своемъ вѣрованіи, что оно у нихъ облекается въ плоть.

Не подлежит сомнению, что умопомышлательство оказалось более влияние на судьбы народовъ; не вѣрить этому можетъ только человѣкъ совершенно незнакомый съ той близкой аналогіей, какая существуетъ между умопомышлательствомъ и разумомъ. Если сумасшествіе не представляетъ противорѣчій съ господствующими воззрѣніями оно можетъ оставаться для всѣхъ незамѣтнымъ; влияние его на другихъ бываетъ тѣмъ сильнѣе, что оно непреодолимымъ образомъ действуетъ на волю и совмѣщается иногда съ самыми высокими и сильными способностями: доказательствомъ этому можетъ служить Сократъ, преобразователь греческой философіи, а также Тассъ, обращавшій свою великотѣпную рѣчъ къ генію, вызванномъ его галлюцинаціями. Одинъ врачъ, пользуясь въ свое время извѣстностью, пѣкто Ванъ Гельмонтъ, будучи самъ подверженъ этого рода умопомышлательству, увидѣлъ однажды свою душу въ образѣ огонька; это видѣніе подало ему мысль къ созданию системы медицины, которая долго пользовалась извѣстностью; на нее написали комментаріи разумные люди, между тѣмъ, какъ въ сущности даже въ моментъ своего появленія она заключала въ себѣ только какихъ нибудь два три полезныхъ замѣчанія.

Въ подтверждение моихъ словъ приведу здѣсь нѣсколько случаевъ сумасшествія, описанныхъ въ книгѣ Лэлю.

«Н., очень бѣдный старикъ, сильного сложенія, сангвиническая темперамента уже пять-шесть лѣтъ содержится въ домѣ ума лишенныхъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль и даже быть можетъ мѣсяцъ, въ продолженіе которыхъ онъ иногда впадалъ въ состояніе легкаго экстаза, не проявлявшаго никакими видимыми признаками онъ въ первый разъ увидѣлъ Господа во всей Его славѣ, 6 февраля 1813, и Господь возвѣстилъ ему, что онъ Его сынъ и посланникъ, что на него возлагается обязанность возвѣщать Божью волю людямъ, и что онъ долженъ своими увиѣніями произвести реформу въ соціальномъ порядке. Однако этотъ случай не помышдалъ П. заниматься по прежнему сапожнымъ ремесломъ и вести себя по видимости какъ человѣкъ вполнѣ разумный. Только два мѣсяца пе редъ тѣмъ какъ онъ былъ отвезенъ въ Биссертъ, П. прекратилъ работу по особому повелѣнію Бога, посѣтившаго его въ этотъ день и провелъ около шести недѣль добровольно запершись въ своей комнатаѣ, полунагой, вовсе отказываясь отъ пищи, или принимая

се въ весьма маломъ количествѣ, и послѣ нѣсколькихъ своихъ предполагаемыхъ бесѣдъ съ Богомъ, дошелъ наконецъ до крайняго изгнанія. Это и побудило помѣстить его въ домъ умалишенныхъ въ октябрѣ 1829. Въ то время онъ казался совершенно спокойнымъ.

«Съ этихъ поръ въ его положеніи не произошло никакихъ видимыхъ перемѣнъ. П. думаетъ, что онъ находится въ сношеніи съ Богомъ и называетъ себя Его возлюбленнымъ сыномъ. Ложныя понятія, на которыхъ основано его вѣрованіе, образовались у него вслѣдствіе обмана слуха, съ которымъ они имѣютъ почти прямое соотношеніе, но это не сопровождается у него общую безсвязностью идей, особенномъ возбужденіемъ, или странностями въ поведении. Независимо отъ двухъ видѣній или галлюцинацій слуха, о которыхъ было говорено выше у него было еще два три видѣнія. Въ одномъ изъ нихъ, онъ вознесся духомъ до престола Божія, въ сообществѣ Іѣзы Маріи, и возсѣлъ по правую руку Бога Отца. Что же касается до его обычнаго обмана чувствъ, т.-е. до его галлюцинацій слуха, то онѣ бываютъ такого рода, что или самъ Богъ бесѣдуетъ съ нимъ, или вместо себя посылаетъ къ нему архангела Рафаила, подобно тому, какъ нѣкогда посыпалъ ангела Гавриила къ Магомету для сообщенія ему различныхъ пунктовъ мусульманскаго закона. Божественный иосланикъ часто даетъ ему очень длинныя и точныя предписанія, которая П. старательно записываетъ и которая успѣль передать мнѣ въ большомъ количествѣ. При чтеніи этихъ замѣтокъ, самъ невольно представляется, что вы читаете главу изъ Корана; разница только во времени, мѣстахъ и лицахъ и еще разиѣ въ томъ, что Коранъ отличается большою связностью изложенія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаются довольно дѣланныя вещи о значеніи врачебнаго искусства, и гдѣ, относительпо божественной помощи въ излеченіи больныхъ, вы встрѣчаете мысли напоминающія добрая Наре: Je le pansay, Dieu le guarit.

«Случается иногда, что въ продолженіе долгаго времени, голосъ выше, вдохновеніе,—все покидаетъ П. и онъ возвращается мыслью къ своему прошедшему. Но онъ при этомъ остается по прежнему убѣжденнымъ въ дѣйствительности своихъ минимыхъ ощущеній и терпѣливо выжидаетъ, чтобы они появились снова, въ полной увѣренности, что иначе и быть не можетъ. Одинъ изъ подобныхъ проме-

жутковъ длился на монхъ глазахъ около тринадцати мѣсяцевъ вѣра пророка отъ этого не поколебалась ни на волосъ.

«Съ годъ или два тому назадъ на обоихъ глазахъ его образовались катараакты. П. уже почти ничего не видить и принужденъ былъ обратиться къ одному изъ своихъ товарищъ по помѣщеннѣ для записыванія божественныхъ сообщеній. Форма отъ этого и сколько утратилась, но содержаніе этихъ замѣтокъ осталось одѣ и тоже. П. однако упорно отказывается отъ предложенія сдѣлать операцию глазъ: «Господь, говоритъ онъ, возвратить мнѣ зрѣніе свое время». Я старался обратить его вниманіе на необходимость хирургической операции, въ той надеждѣ, что какое-нибудь божественное сообщеніе, явившись ему во снѣ, какъ отраженіе моихъ словъ, посовѣтуетъ ему согласиться на операцию. Результатъ однако вышелъ противоположный тому, котораго я ожидалъ: «Господь во-противился операции».

«П. въ настоящую минуту пораженъ скорбутомъ, болѣзнью сердца, и въ высшей степени разслабляющей организмъ. Обстоятельство это не произвело никакой перемѣны въ его галлюцинаціяхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, и не придало болѣе общаго характера египетскому. У него осталось теперь только то, что съ нимъ всегда бывала именно ложная ощущенія слуха и они продолжаются въ такомъ видѣ уже двадцать три года. Видѣнія же въ родѣ видѣній Магомета разумѣя только тѣ, которыхъ были у пророка по выходѣ изъ грота Гара, продолжались повидимому несравненно меньшее».

Преедемъ теперь еще одинъ случай такого же рода; Лэль описавъ предварительно ирежнюю жизнь больнаго, говоритъ ниже следующее:

«Праздновался юбилей 1825 года. Р. принимаетъ въ немъ самое горячее участіе, ходить по церквамъ, слушаетъ проповѣди самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Въ это время его посѣтили первыи откровенія. Ему казалось, что въ желудкѣ его слышатся слова, совершенно явственные, но не тѣ, какія мы слышимъ ухомъ и легкѣ различаемыя отъ послѣднихъ. Слова эти, заключавшія въ себѣ разныя иорочества и притчи, сопровождались неизѣяснимымъ чувствомъ удовольствія и теплотою, разливавшемуся по всему тѣлу; они повергли Р. въ удивленіе, крайний восторгъ и заставили его удвоить благочестивыя упражненія. Аппетитъ у него уменьшился, сов

нечезъ, ночь проходила въ молитвахъ. Въ одну изъ подобныхъ ночей, когда все небо было покрыто тучами, онъ видѣлъ, во время молитвы, звездарный кругъ, выступившій изъ облаковъ, величиною въ солнце но не такой блестящій; изъ этого круга раздался голосъ и произнесъ: «Благо дѣтамъ, которыхъ будутъ благословлены мною, а тѣ на которыхъ я снизошло проклятие, будутъ прокляты до третьяго и четвертаго колѣна». Р. узнать гласъ Божій, вступаетъ въ сообщеніе съ всевѣдущимъ Существомъ, и задаетъ ему много разныхъ вопросовъ, изъ которыхъ однако иные остаются безъ отвѣта. Бесѣда продолжается три четверти часа. Р. узнать тутъ о предначертаніяхъ Божіихъ относительно его самого. Наконецъ, Предвѣдчій повелѣваетъ ему отойти ко сну. Это видѣніе было единственное, такое имѣлъ Р. Послѣ этого, откровенія усилились и уже не прерывались; но слышанныя имъ слова отличались огъ словъ видѣнія. Слова видѣнія были совершенно схожи съ тѣми, какія различаются яхомъ; между тѣмъ какъ слова откровеній (желудочныя) носили совершенно особый характеръ. Видѣніе опредѣлило призваніе Р., имъ есть тотъ Мессія, который долженъ явиться въ концѣ вѣковъ, чтобы привести всѣ народы къ единой вѣрѣ и подготовить ихъ къ страшному суду. Убѣдившись въ этомъ окончательно, онъ началъ сообщать свои пророчества своимъ товарищамъ по ремеслу, сталъ побиваться свиданія съ аббатомъ М., бывшимъ въ то время священникомъ при дворѣ Карла X, и съ парижскимъ архіепископомъ. Видя, что ему не добраться до послѣдняго, онъ отправился въ церковь и во время служенія обѣдни перелѣзъ черезъ рѣшетку, отдѣлявшую хоры, съ тою цѣлью, какъ онъ потомъ объяснялъ, чтобы заставить себя схватить и такимъ образомъ получить возможность сообщить о своихъ намѣреніяхъ, такъ какъ это ему не удалось инымъ способомъ. Планъ Р. удался: его схватили и отвели въ префектуру полиціи, а оттуда въ отвѣление умалишенныхъ 12 декабря 1827.

«Р. представляетъ собою самый рѣзкій примѣръ сенсоріальной¹⁾ мономаніи чистой, безъ примѣси малѣйшаго бреда, какъ въ мысляхъ такъ и въ дѣйствіяхъ. Обратите только въ дѣйствительность его

¹⁾ Sensorium (sensoriom), общее мозговое чувствилице та часть головнаго мозга, которая считается центромъ всѣхъ ощущеній.

откровенія и видѣнія и онъ не только не окажется сумасшедшіи но будетъ тѣмъ, чѣмъ себя называетъ, т.-е. пророкомъ какъ Мімѣтъ.

До своего видѣнія и важнѣйшихъ откровеній, онъ былъ до знакомъ съ священными книгами, но потомъ изучилъ и искусно примѣняетъ къ своимъ вѣрованіямъ, равно какъ Апокалипсисъ, въ которомъ находитъ ясный смыслъ. «Иисусъ Христосъ, говоритъ онъ, есть дѣйствительно Сынъ Божій, сходилъ на землю, чтобы приготовить пути, но онъ не Мессия. Когда Р. говоритъ о несчастіяхъ, которыхъ ожидаются неправеди въ день судный, на глазахъ его навертываются слезы; онъ оплакиваетъ будущія страданія; и только въ эти минуты на лицахъ его является что-то восторженное и странное».

«Въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ, проведенныхъ Р. въ дѣлѣніи умалишенніяхъ, въ положеніи его не произошло никакихъ перемѣнъ и незамѣтно было никакого усиленія болѣзни. Помѣтъство его проявлялось только тогда, когда почувствовавъ къ кому нибудь довѣріе, онъ принимался говорить о своихъ галлюцинаціяхъ. Помимо этого пункта онъ былъ самымъ разсудительнымъ и добушинѣмъ человѣкомъ, какого только мнѣ удавалось встрѣтить. Съ только изрѣдка просилъ позволенія выходить изъ больницы вѣроятно совсѣмъ бы отказался отъ выхода, еслибы ему пришелъ для того жертвовать своими вѣрованіями. Къ концу 1828 года, уговорили взять на себя должность прислужника въ сумасшедшемъ домѣ и онъ исполнялъ эту обязанность съ любовью и самоотвѣженіемъ».

Умопомѣшательство Сократа скрывалось за предразсудками суевѣріями времени, среди котораго онъ жилъ. Сношенія боговъ геніевъ съ людьми, вдохновеніе, находившее на сивилль и присовѣщаніе съ оракулами, вѣра въ сны, вѣрованіе въ сверхъестественные явленія, сообщеніе съ тѣнями героевъ, чтимыми въ вѣстныхъ мѣстностяхъ, — все это вмѣстѣ составляло совокупно такихъ убѣждений и понятій, при которыхъ демонъ Сократа могъ говорить, не возбуждая ничьего удивленія. Когда философъ говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ демономъ, онъ не говорилъничтакого, что могло бы поразить умъ его современниковъ. Ни въ голову не приходило обвинить его въ обманѣ, или заподозрить сумашествіе. Его соотечественники не относились съ скептицизмомъ

и фактамъ сверхъестественного свойства; и галлюцинаціи больнаго ума безъ особенныхъ усилий вмѣщались въ рамки того, что считается разумомъ въ тѣ времена.

Но еслибы Сократъ жилъ въ другую эпоху, хотя бы напримѣръ въ наши дни, то ему вѣроятно бы не удалось избѣжать приговора медицины. Онъ бы сталъ толковать о слышаниемъ имъ голосъ, о геніи, который говоритъ съ нимъ; сообщилъ бы намъ втайне о полученныхъ этимъ путемъ советахъ и съ упорствомъ сумасшедшаго который дѣйствительно ощущаетъ то, что ему кажется, увѣрился бы наше въ существованіи сверхъестественного существа, руководившаго его поступками; и друзья его, не допускавши возможности, чтобы онъ былъ обманщикомъ или дѣйствительно получалъ советы генія, обратились бы къ медику, и тотъ подвергнувъ его осмотру, рѣшилъ бы безъ особеннаго затрудненія, что онъ подверженъ галлюцинаціямъ. Такимъ образомъ умопомѣшательство Сократа, скрытое благодѣтельнымъ для него покровомъ суевѣрій, среди которыхъ онъ жилъ, было бы обнаружено въ вѣкѣ, менѣе зараженномъ всякаго рода предразсудками; и мыслитель, великий хотя и поврежденный умственno, давшій дѣйствительно новый толчекъ философіи, въ наши дни вѣроятно бы подвергся безславному заключенію вмѣстѣ съ другими помѣшанными. Изъ этого можно видѣть на сколько судьба и слава смертныхъ поставлена въ зависимость отъ всего, что окружаетъ ихъ; что они не болѣе, какъ игрушка самыхъ незначительныхъ, какъ равно и важныхъ обстоятельствъ; что нѣть ничего измѣнчивѣе того мнѣнія, какое люди составляютъ сами о себѣ и того какое составляеть о нихъ потомство. Чѣмъ болѣе прощаемъ мы въ отдаленнѣйшія времена исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что и тутъ существуютъ тѣ же условия, какъ и для явленій материальнаго міра, и истина, скрытая виѣнностью, должна постоянно отыскиваться путемъ усиленнаго труда.

II.

Талисманъ Паскаля ¹⁾.

Почти десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лэлю издали свою книгу подъ заглавиемъ: *Le démon de Socrate*, гдѣ онъ старается доказать слѣдующій тезисъ: Сократъ, по свидѣтельству Платона и Ксенофона постоянно утверждалъ, что время отъ време слышитъ голосъ, который даетъ ему различные совѣты. Сократъ былъ человѣкъ на столько честный, что тутъ не можетъ быть рѣчи объ обманѣ; съ другой стороны фактъ этотъ передается людьми свидѣтельство которыхъ также не можетъ быть подвержено сомнѣнію; следовательно, Сократъ действительно былъ подверженъ галлюцинаціи слуха, которую онъ приписывалъ демону, согласно понятіямъ того времени. Гавинымъ образомъ прошло почти десять лѣтъ, какъ я прочелъ книгу Лэлю и написалъ о ней отчетъ одномъ изъ журналовъ. Дѣло прямо относилось къ медицинскому диагностики и случай былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы возбудилъ какая бы то ни было сомнѣнія. Еслибы въ наше время какой-нибудь человѣкъ, хотя бы даже Сократъ, рассказалъ двумъ врачамъ что явственно слышитъ голосъ, который даетъ ему совѣты въ труднительныхъ случаяхъ и сталъ бы приписывать его сверхъестественному существу, то консультатія присутствующихъ врачей не должна была бы очень не долго и слово «галлюцинація» было бы тотчасъ произнесено.

Съ этого времени Лэлю не оставлялъ занимавшаго его научного вопроса, сущность котораго состоять въ томъ, что галлюцинація, отражаясь на нравственной сторонѣ человѣка, играла въистинѣ важную и неизбѣжную роль, которая только что кончилась наиболѣе развитыхъ обществахъ, а у нѣкоторыхъ отсталыхъ народовъ продолжается и до сихъ поръ. Разрешеніе этого вопроса не будило Лэлю написать новое сочиненіе «Талисманъ Паскаля»; и этотъ разъ мнѣ опять пришлось согласиться съ положеніями въ сказанными Лэлю. Въ настоящее время физиологамъ и медикамъ утратившимъ вѣру во все сверхъестественное остается, на выбо-

только два способа объясненія безчисленныхъ фактовъ, передавающихся исторіей, а именно что это было или обманъ, или галлюцинація, и въ большинствѣ случаевъ выборъ не можетъ быть сомнительнымъ.

Прежде всего объяснимъ въ чемъ состоялъ талисманъ Паскаля; послѣ смерти этого великаго человѣка найдена была бумага, вшитая въ его платье, которою онъ очень дорожилъ и, перемѣнявъ платье, собственноручно вшивалъ заново. Бумага эта, писанная рукою Паскаля, заключаетъ въ себѣ торжественное обѣщаніе перемѣнить образъ жизни и всецѣло отданіе Богу. Странная форма, приданная этой запискѣ Паскалемъ, прямо показываетъ что это обѣщаніе было простымъ обѣтомъ, какой иногда человѣкъ можетъ дать самому себѣ. Всякій, кому удавалось читать бумаги, писанныя подъми, подверженными галлюцинаціи, сразу увидитъ, что бумага Паскаля относится къ той же категоріи. Впрочемъ въ ней встрѣчается даже выраженія, которыя можно прямо считать памекомъ на видѣніе, какъ напр: «Вечеромъ отъ половины одиннадцатаго и почти до половины первого ночью, огонь». Слѣдовательно въ этотъ день, т. е. въ понедѣльникъ, 23 ноября, 1654, Паскалю привидѣлся огонь который былъ принять имъ за сверхъестественное явленіе, и это видѣніе было настолько сильно, что побудило его предаться еще большему мистицизму и фанатизму якесинистовъ.

Извѣстно, что Паскаль постоянно видѣлъ передъ собою открытую пропасть съ того самого момента, какъ она не была сброшена въ Сену, возлѣ Нельи. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали люди, лично зпавшіе Паскаля, и его потомки. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Паскаль не предавался никакимъ иллюзіямъ; онъ вполнѣ сознавалъ, что пропасть, отъ которой онъ не могъ отѣшиться при всѣхъ усиленіяхъ воли, не существовала въ дѣйствительности, а была только продуктомъ его разстроеннаго воображенія Паскаль, какъ справедливо замѣчаетъ Лолю, хорошо понималъ, что передъ нимъ не могло быть постоянно открытой пропасти, такъ какъ немыслимо было предположить чудо въ настоящемъ случаѣ; и разсудокъ его естественно отнесъ это явленіе къ обману зреінія, отъ котораго онъ не могъ избавиться. Но не такъ было относительно видѣнія, когда Паскалю казалось, что онъ видѣть и слышать Бога: тутъ умъ вводилъ его въ обманъ наравнѣ съ чувства-

ми; Паскаль былъ, какъ известно, ясенистъ, онъ вѣрилъ сверхъ естественному, видѣніямъ, вдохновенію, и, не колеблясь допустилъ возможность того, что считалъ выпавшимъ ему на долю.

«Люди подверженные галлюцинаціи, говоритъ Лэлю, всего чащ и всего легче обманываются насчетъ своихъ ложныхъ ощущенійъ тѣхъ случаюхъ какъ напр. Сократъ, когда идя, переставая бы чисто личнымъ, являются идеями известной эпохи и находятся въ связи съ вѣрованіями, допускавшими дѣйствіе сверхъ естественныхъ силъ на чувства. Такимъ образомъ въ вѣка соціального обновленія и наибольшаго религіознаго увлеченія, во времена, когда бѣдствія постигающія людей, побуждаютъ ихъ испрашивать небесной помошъ или взывать къ силамъ ада, умъ человѣка, наиболѣе способна къ искреннему увлеченію, первая система котораго болѣе болѣе непрерывно возбуждена искаженіемъ системы окружающихъ его, естественно невольно обращаетъ всѣ свои помыслы къ высшему существу и къ подчиненнымъ духовнымъ существамъ, вмѣшательство, котрыхъ какъ благотворное, такъ и гибельное, уже известно пѣзъ самой истории его религіи. Мозгъ начинаетъ работать, воспламеняясь въ болѣе и болѣе; дѣятельность его, при образованіи представлена доведенная до высшей степени напряженія, переходитъ отъ мыслей ощущенію. Добрые и злые духи, которые до известной поры существовали только въ представленіяхъ и возбуждали страх или желаніе видѣть ихъ, при этомъ напряженія дѣятельности являются ему во всей осозаемости ихъ, какъ бы въ дѣятельносѣ иронизовать слова утѣшения или угрозы. Однако галлюцинаціи всегда бываютъ вѣнчанія и могутъ въ иныхъ случаяхъ ощущать и внутреннимъ первымъ центромъ, слѣдовательно и разныя внутреннія ощущенія, болѣе неопределеннаго и разнообразнаго свойства, будуть равнымъ образомъ приписываться сверхъ естественно покровительству или враждебному отношенію сверхъ естественныхъ силъ. Будутъ даже раздаваться слова, но уже не въ ушахъ, а главныхъ центрахъ органической жизни, какъ напримѣръ, въ язудѣ. Наконецъ, къ довериенію всѣхъ этихъ превращений мысля наступитъ такое общее состояніе организма, въ которомъ тѣ тѣ же болѣе, какъ и душа, будетъ смысливать свои самые материальные побужденія съ самыми возвышенными стремленіями, и это будетъ относимо болѣніемъ субъектомъ дѣятелью небесной силы.

и которою онъ считаетъ себя въ сношениі, и которая признается имъ выше всѣхъ другихъ.» (стр. 105.)

Такимъ способомъ лучше всего объясняется почему люди, подвергнутые галлюцинація, отличаясь во всѣхъ другихъ случаяхъ яснымъ и сильнымъ умомъ, совершенно неспособны понять свое заблуждение. Они твердо убѣждены въ существованіи сверхъ-естественнѣхъ факторовъ; и въ этомъ отношеніи въ умѣ ихъ не возникаетъ никакого сомнѣнія. При подобномъ умственномъ настроеніи, которое находитъ сочувствіе во всѣхъ окружающихъ, эти факторы становятся доступны осознанію, зрѣнію, слуху. Такимъ образомъ условія такого рода приводятъ къ одному и тому же послѣдствію: несомнѣжимый авторитетъ утверждаетъ то, въ чемъ они неожиданно обѣдились свидѣльствомъ собственныхъ чувствъ. Какой умъ можетъ устоять противъ совпаденія подобныхъ доказательствъ? И на самомъ дѣлѣ исторія показываетъ намъ, что ни одинъ умъ не устоялъ противъ этого во времена господства суевѣрій.

Съ другой стороны, легко себѣ представить положеніе людей, подвергнутыхъ галлюцинаціи, среди предшествовавшихъ имъ народовъ. Тогдашнія условія не представляютъ ничего общаго съ нынѣшними. Новѣйшее общество исключительно полагается относительно галлюцинацій на слова врача, и медицина уже составила окончательное мнѣніе насчетъ видѣній, слышащихся голосовъ, и тому подобныхъ ложныхъ ощущеній. Въ былыя времена медицина оказывалась здѣсь безсильною; люди, подвергнутые галлюцинаціи, были вполнѣ застрахованы отъ малѣйшаго подозрѣнія въ умопомѣшательствѣ народными вѣрованіями, а эти вѣрованія подтверждали галлюцинаціи ихъ. Смотря по тому, сносился ли такой человѣкъ съ благодѣтельными или пагубными сверхъ-естественнѣми силами, онъ лужилъ предметомъ благоговѣнія или ужаса; но онъ никогда не былъ предметомъ состраданія со стороны врачей. Отсюда слѣдуетъ, что умственное состояніе его не только не уменьшало, а напротивъ того увеличивало его влияніе на окружающихъ; въ то же время вѣренность, что онъ находится въ сообщеніи съ высшимъ міромъ, сливала его стойкость и рѣшимость; и если это былъ человѣкъ синая и инициативы, то его роль въ обществѣ получала тѣмъ большее значеніе.

«Галлюцинаціи», пишетъ Лэлю, ограничены такимъ образомъ

известного рода идеями, могутъ совмѣщаться съ поступками, доказывающими полное присутствіе всѣхъ остальныхъ способностей не имѣть никакого вліянія на умъ, который въ подобныхъ случаяхъ часто бываетъ весьма замѣчательнымъ; это уже было достаточно доказано въ продолженіе десяти лѣтъ антропологическимъ анализомъ, который можетъ ежедневно прибавлять къ известному упомянутому наблюденію. Теперь уже никто не станетъ оспаривать, чѣ подобного рода галлюцинаціи преимущественно господствовали въ времена наиболѣе жаркихъ религіозныхъ вѣрованій, которыми увлекались лучшіе представители известной религіи въ известныя эпохи въ справедливости такого положенія убѣдится всякий, кто возьметъ на себя трудъ прочесть съ нѣкоторымъ вниманіемъ, хотя нѣсколькихъ страницъ изъ хроники мистицизма. Въ умѣ человѣка, убѣжденаго въ обманчивой силѣ фантазіи, и сколько нибудь размышлявшаго велѣніи безчисленныхъ теогоній древняго міра такъ сходныхъ несмотря на все различіе свое, которая съ незапамятныхъ временъ дѣлили между собою небо и землю, не можетъ возникать никакихъ сомнѣній относительно того, что галлюцинаціи играли большую роль въ странныхъ символахъ религіи древнихъ народовъ и въ удивительныхъ воплощеніяхъ ихъ великихъ и малыхъ боговъ.» (Стр. 111.

Сверхъ-естественный элементъ, который служилъ основаніемъ этихъ религій, имѣетъ двоякій источникъ: прежде всего онъ возникалъ изъ стремленія ума человѣческаго видѣть вездѣ волю, сходную съ его собственной: такимъ образомъ были нѣкогда олицетворены всѣ явленія природы; во вторыхъ галлюцинаціи т. е. всякаго рода видѣнія, осаждавшия человѣческую фантазію, играли большую роль въ образованіи теогоній. Отсюда возникаютъ въ обществѣ корни различныхъ религій, подавлявшихъ его одна за другою. Первопачальныя вонятія получаютъ большую уточненность путемъ постепенного развитія изъ вѣка въ вѣкъ. Отъ фетишизма, въ которыѣ были погружены первобытные народы, люди переходятъ замѣтнымъ степенемъ къ культу звѣздъ, къ различнымъ формамъ политеизма, который сосредоточиваясь все болѣе и болѣе, доходитъ наконецъ до монотеизма. Такимъ образомъ основой всего являются мнѣнія, которыхъ первоначально составили себѣ люди о природѣ вещей.

Въ тѣ времена люди слышали и видѣли тоже самое, чѣ и теперь слышимъ и видимъ; но они объясняли себѣ все это со

вершенно иначе. Это медленное понимание вещей составляетъ са-
мую сущность истории: между идеей божества, метавшаго огненныхъ
огрѣмъ съ высоты небесъ, и знаніемъ явленій электричества, между
видѣніями, дававшими людямъ возможность сношенія съ сверхъ-
естественнymi существами и медицинскимъ приговоромъ, относя-
щимъ эти явленія къ патологическому состоянію мозга, мы встрѣ-
чаемъ всѣ соціальные фазисы, развитіе которыхъ представляютъ
имъ лѣтописи. Человѣчество—это непрерывная цѣнь, по которой
умъ человѣческій все болѣе и болѣе доходитъ до реальнаго зна-
нія вещей, послѣдній фазисъ является прямымъ слѣдствіемъ пер-
ваго, это своего рода приведеніе къ уравненію, въ которомъ по-
нятія все болѣе и болѣе точныя замѣняютъ старинныя понятія;
и такъ идетъ до самаго монотеизма...

Мы и въ самомъ дѣлѣ не можемъ себѣ представить другаго
порядка вещей: изученіе интеллектуального развитія человѣчества
показываетъ это съ достаточнou ясностью. Первоначальное поня-
тие, какъ бы грубо и ошибочно оно ни было, является въ сущно-
сти только примѣненіемъ тѣхъ же самыхъ способностей, которыя
приводятъ насъ теперь къ результатамъ гораздо болѣе близкимъ
къ дѣйствительности. Приписывать идолу людскія радости и бѣд-
ствія, думать что какой то гений распоряжается теченіемъ небес-
ныхъ свѣтиль, вѣрить, что солнце ночью отдыхаетъ въ волнахъ
или воображать, что формы, возникающія въ разстроеніемъ мозгу,
существуютъ въ дѣйствительности,—не значить ли это прибѣгать
къ первой попавшейся гипотезѣ, дѣлать первый опытъ объясненія
и именно такой, который могъ всего естественнѣе представиться
уму. Эти первоначальные гипотезы были мало по малу оставлены
по мѣрѣ того, какъ опытъ и размышеніе доказали ихъ несостоя-
тельность и были постепенно замѣнены другими, болѣе подходя-
щими гипотезами. Впрочемъ это первоначальное заблужденіе человѣ-
ческаго ума было тѣмъ неизбѣжнѣе, что многія вещи въ при-
родѣ представляются намъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ ка-
кой имѣютъ въ дѣйствительности. Земля кажется неподвижной,
и между тѣмъ она движется по двумъ направлѣніямъ съ неувѣ-
роятною скоростью, солнце отличается громадной величиной и ка-
жется намъ очень небольшимъ; звѣзды неподвижны, а на нашъ
глазъ въ двадцать четыре часа обходятъ землю; различные пред-

меты представляются нашему взору, мы слышимъ голоса, а между тѣмъ ничего этого не бѣть въ дѣйствительности; это только галлюцинаціи. Сколько тутъ поводовъ къ заблужденіямъ въ древнемъ мірѣ! Сколько проповѣдокъ требовали подобныхъ понятія въ теченіи вѣковъ!

Въ книжѣ Лэлю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на тѣ изъ его выводовъ, которыми онъ доказываетъ, что сильныя ощущенія, экзальтированныя идеи припримаютъ иаконецъ характеръ дѣйствительныхъ галлюцинацій. «Галлюцинація, говоритъ онъ», т.-е. сильное ощущеніе, принятое за дѣйствительное, есть почти ничтожное, какъ иѣсколько усиленный результатъ нормального акта нашей умственной способности, высшая степень сенсоріального превращенія мысли, слѣдствіе возбужденіаго восприятія впечатлѣй дошедшее до высшей степени силы, слѣдствіе перепесенія сновъ въ дѣйствительность, причемъ къ обопимъ состояніямъ, какъ сны такъ и бодрствовашія, примѣниваются и дѣйствительныя ощущенія, вызванныя впечатлѣніями вѣнчанаго міра.

Мы не должны удивляться, если явленіе, имѣющее такое тѣсное неизбѣжное соотношеніе къ правильной дѣятельности мысли, будетъ продолжать примѣниваться къ ней, когда дѣятельность эта примѣтъ совершенно противоположный характеръ. Мы не должны удивляться, если извѣстнаго рода материализація образовъ, вполнѣ совмѣстимая съ правильнымъ мышленіемъ при тѣхъ галлюцинаціяхъ, гдѣ все опредѣляется словомъ я, можетъ сама по себѣ въ большинствѣ случаевъ считаться признакомъ разстройства ума служить поводомъ къ нему, и продолжаться всю жизнь, безъ примиѳенія какихъ-либо другихъ болѣзнейшихъ проявлений, не оказывая при этомъ почти никакого вліянія на правильность сужденія, з исключеніемъ развѣ того, что доставляетъ ему линий матеріалъ ощущеніями особаго рода». (Стр. 82).

Изучая явленія галлюцинацій, мы видимъ, что они съ сдва замѣтною постепенностью, смиѳниваются съ правильнымъ ходомъ мысли. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всякой другой болѣзни, патологическое состояніе есть только форма, видоизмѣненіе здороваго состоянія и не представляетъ съ нимъ никакого существеннаго различія. Тутъ дѣйствуютъ тѣ же силы и тѣ же свойства. Галлюцинаціи есть не болѣе, какъ сонъ съ открытыми глазами; во снѣ люд-

также видять предметы, слышать голоса, и все происходит точно также, какъ и въ состояніи бодрствованія; недостаетъ только, чтобы это было дѣйствительностью. Галлюцинація напоминаетъ собою также тѣ мысли, которые являются какъ бы сами собою въ глубинѣ нашего существа и осаждаются умъ нашъ помимо насы са-мыхъ; нокрайней мѣрѣ эти докучливыя мысли уже тѣмъ похожи на галлюцинацію, что стоятъ совершенно виѣ областіи нашей воли. Если эти мысли облекаются въ плоть, то онѣ становятся настоящими галлюцинаціями; если болѣй при этомъ отдастся имъ, вѣ-рить въ дѣйствительность ихъ, то это уже перестаетъ быть про-стой галлюцинаціей и еще усложняется умственнымъ разстрои-ствомъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ насколько важно, чтобы мы, при свободномъ пользованіи умственныхъ способностей, справлялись, откуда являются къ намъ извѣстныя мысли и взвѣ-шивали бы ихъ настоящее значеніе и свойства.

Это, равно какъ и всякое другое изслѣдованіе болѣзней, прямо ведетъ насъ къ примѣненію гигиены мозга, на которую обращается вообще еще меньшее вниманіе, чѣмъ на гигиену тѣла. Мы не ви-димъ, чтобы она гдѣ либо входила въ воспитаніе юношества. Кто же собственно завѣдуетъ учебною частью и опредѣляетъ умствен-ныя занятія юношества? Литераторы, метафизики или математики — все люди не способные ни въ какомъ отношеніи, за исключе-ніемъ развѣ узкаго эмпиризма, къ возложеній на нихъ задачѣ; и эта неспособность прямо истекаетъ изъ того, что подготовка ихъ не-даетъ имъ знанія условій развитія и здороваго состоянія ума, и равнымъ образомъ, не научаетъ ихъ, какія причины всего легче способствуютъ умственнымъ поврежденіямъ всякаго рода. Пока изу-ченія человѣка, которымъ теперь исключительно занимается физио-логія, не будетъ играть никакой роли въ этомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ оно будетъ подвержено всѣмъ случайностямъ, или же будетъ управляемо слѣпой рутиной.

Правда, ближайшее изслѣдованіе галлюцинацій показываетъ намъ, что многія идеи, вызванныя прошлыми впечатлѣніями или состояніемъ внутренностей, иногда овладѣваютъ нами помимо насы са-мыхъ, быва-ютъ причиной самыхъ упорныхъ предразсудковъ, извращаютъ умъ и даже ведутъ къ помѣшательству. Разумѣется, никогда не дойдетъ до того, чтобы стало возможнымъ совершение предупреждать всѣ

роды умственного разстройства вообще, не можно предупредить его въ значительномъ числѣ случаевъ, если противъ него будутъ принимаемы необходимыя мѣры съ самого же начала. Въ этомъ отношении всего полезнѣе спрашивать себя о причинѣ, вызвавшѣ известную мысль въ данный моментъ. Мы такимъ образомъ будемъ бороться съ ложными понятіями, пока они не окончательно всплыли въ нась и, следовательно, еще будемъ имѣть возможность избавиться отъ нихъ. Впослѣдствіе, подобная попытка уже ни къ чему не поведетъ; они обратятся во вторую натуру и вы даже не въ состояніи будете разобрать, что именно заставило васъ думать и действовать известнымъ образомъ. Вамъ кажется, что вы приписываете свободный и произвольный рѣшенія, а между тѣмъ вы и болѣе какъ автоматъ. Дѣйствующій подъ импульсомъ мнѣній и на кличностяхъ, скрытыхъ въ глубинѣ вашего существа. Такимъ образомъ, приводя сице одинъ примѣръ изъ области медицины, мы скажемъ, что ипохондрия, поражавшая столькихъ людей, во многихъ случаяхъ могла бы быть устранена съ самого же начала. Ипохондрия есть ничто иное, какъ галлюцинація, касающаяся внутреннихъ ощущеній. При известномъ состояніи нервной системы, образуются известныя мучительныя ощущенія, которые больной приписываетъ пораженію различныхъ внутреннихъ органовъ, и, сразу отдавшись ложному впечатлѣнію, начинаетъ считать себя жертвою самыхъ ужасныхъ болѣзней. Съ этой поры жизнь его, хотя и не подвергается опасности отъ этого чисто нервного разстройства, но проходитъ посреди самой печальной тревоги и вполнѣ дѣйствительныхъ страданій. А между тѣмъ, во многихъ случаяхъ внимательный медицинскій осмотръ, произведенный своевременно, могъ бы уничтожить эти чисто субъективныя явленія, или покрайней мѣрѣ извести ихъ до настоящаго значенія, что разумѣется помѣшало субъекту отдаваться имъ въ такой сильной степени.

Принимая во вспоминаніе умственное состояніе древнихъ людей, признававшихъ сверхъестественное, мы не должны удивляться тому, что галлюцинація играла такую важную роль въ обществѣ; и на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что она самымъ страннымъ и любопытнымъ образомъ привѣщивалась къ дѣламъ политическимъ и окаменѣвшему на судьбу государствъ и частныхъ лицъ. Пророки и исконидающіе сообщали людямъ волю боговъ и оказывали такимъ

способомъ вліяніе на рѣшенія народовъ и государей. Тутъ писія на священномъ треножникѣ стихами изрекала пророчество, и не было ни одного сколько нибудь важнаго дѣла, но поводу которого тогдашніе люди не пожелали бы узнать воли бога, говорившаго ея устами. Тамъ изступленіе жрецы, дошедшиѣ почти до состоянія икстатического бреда, доставляли толпѣ зрѣлище самыхъ сумасбродныхъ обрядовъ. Въ соотвѣтствіе со всѣмъ этимъ существовалъ цѣлый рядъ постановлений и обрядовъ, основанныхъ по на галлюцинаціи, а на чисто химерическомъ изученіи естественныхъ явлений. Люди вопрошали судьбу, сообразовались съ полетомъ итицъ, рассматривали внутренности принесенныхъ въ жертву животныхъ, изучали раскаты грома и небесные метеоры; они дѣлали все это въполномъ убѣжденіи, что этими путями сверхъестественный міръ приходитъ въ сообщеніе съ смертными и научаетъ ихъ что дѣлать, чего избѣгать. Галлюцинація естественно занимала важное мѣсто среди всѣхъ этихъ способовъ сообщенія съ другимъ міромъ, и слова, произносимыя подъ ея вліяніемъ, имѣли такое же значеніе, какъ *tripudia* курь, истолкованіе сновъ, или ангуры итицъ. Въ настоящее время мы на столько отдалились отъ всѣхъ этихъ понятій, что намъ бываетъ иногда крайне трудно представить себѣ все то значеніе, какое они нѣкогда имѣли, и ту непреодолимую силу, съ какою они управляли поступками людей. Этотъ странный для нась міръ былъ когда то дѣйствительнымъ міромъ; и побужденія, исчезнувшія въ настоящее время, имѣли тогда большой вѣсъ.

Мы часто бываемъ склонны относиться съ презрѣніемъ къ подобнымъ заблужденіямъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ и стараться, по возможности, привить себѣ привычку къ справедливой оцѣнкѣ древнаго міра. Прежде всего мы должны разумно поставить себя на точку зрѣнія извѣстнаго момента въ человѣческомъ развитіи. Правда, человѣчество древнаго міра глубоко заблуждалось: но развѣ могло быть иначе? Гдѣ тотъ свѣтъ, который бы могъ вывести его на настоящую дорогу? Вся эта система вѣрованій, учрежденій и обычаевъ также самопроизвольно приняла свою форму, какъ кристаллизациія осадка на днѣ стоячей воды. Все согласовалось и гармонировалось между собою, какъ понятія людей, такъ и проявленія виѣннаго міра. Люди древнаго міра со-

образовались подобно тому, какъ мы сообразуемся и теперь, съ понятиями, завѣщанными прошлымъ временемъ и ихъ предками; наши идеи, которыми мы по справедливости гордимся истекаютъ изъ ихъ идей, которыми они также когда то гордились, сравнивъ ихъ съ грубыми понятиями варваровъ.

Древніе вѣка прошли и за ними наступилъ для человѣчества новый фазисъ развитія, при которомъ, какъ говоритъ Шиллеръ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній: «Монахъ бичевалъ себя въ своей келіи, а закованный въ желѣзо рыцарь ломалъ кош на турнирахъ». Тогда новый міръ вышелъ изъ развалинъ стараго Монотеизмъ, понятіе несравненно болѣе философское, чѣмъ всѣ остальные, естественно долженъ быть привести къ ниспроверженію всѣхъ тѣхъ обрядовъ, которыми вопрошалось будущее. Умъ помѣшательство, присущее эпохамъ религіознаго увлечения, проявилось и здѣсь во всей силѣ и съ тѣмъ характеристическимъ признакомъ, что и въ древніе вѣка, признакомъ, заключавшимся въ томъ, что умопомѣшательство принималось совсѣмъ не за то, чѣмъ было въ дѣйствительности... Монотеизмъ, установившись во всѣй философской исключительности, допускалъ материальное вмѣшательство дьявола, который по тогдашнимъ понятиямъ являлъ какъ бы слабой копіей дурнаго начала, допускаемаго восточнѣ философіей и восточными культурами. Въ средніе вѣка олицетворенный образъ нечистой силы тревожилъ умы и игралъ важную роль въ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ людей. Въ то время безчисленѣ множество людей, подвергненныхъ галлюцинаціи съ полнымъ убѣденіемъ сознавалось въ своихъ спошенихъ съ чортомъ и суды, менѣе ихъ убѣжденные, приговаривали несчастныхъ къ смертной казни. Тутъ примѣщался какой-то жестокій и неизбѣжный фатализмъ: суды и колдуны одинаково вѣрили въ возможность спошенія съ чортомъ; когда колдуны, подъ влияніемъ галлюцинаціи сознавались, что видѣли его, слышали, вѣрестъ съ нимъ были на бѣсовской ночной сборищѣ, судья встрѣчали въ этихъ словахъ и разсказывавшихъ событияхъ то, что запечатлѣли въ немъ его самыя твердѣ убѣжденія: онъ съ спокойною совѣстью осуждалъ на смерть лиг заподозрѣнныхъ въ тѣснѣхъ спошенихъ съ врагомъ рода человѣческаго. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ и даже до времени, въ которое можно назвать довольно близкимъ отъ нашего, огни ко-

ровъ безпрерывно горѣли въ различныхъ мѣстностяхъ Европы и пожирали безостановочно безумцевъ, которые, при настоящемъ разумномъ взглѣдѣ на этотъ предметъ, были бы только подвергнуты правильному леченію. Наука стала между судьями и приговоренными, и сбросивъ, наконецъ, покрывало заслонявшее истину, указала обществу на жестокое заблужденіе, въ которомъ оно находилось, и, такимъ образомъ, сразу уничтожила цѣлый классъ преступлений, цѣлый рядъ приговоровъ и казней.

Таковъ былъ исторический ходъ человѣческаго развитія. Чѣмъ болѣе цивилизуются общества, тѣмъ болѣе освобождаются они отъ ложныхъ понятій, тѣмъ правильнѣе становится общая точка зрѣнія. Самымъ дѣятельнымъ факторомъ этихъ преобразованій является наука. Она одна замѣняетъ гипотетическія понятія положительными, но не такими произвольными, какъ тѣ понятія, какія создались человѣчествомъ древняго міра и послужили подготовкой для человѣчества послѣдующихъ вѣковъ. Принять настоящія явленія за дѣйствительныя было первымъ зачаткомъ науки; зачатокъ этотъ носить тотъ же характеръ, какъ и болѣе сложныя работы, означеновавшія теченіе вѣковъ; и тотъ самый умъ, который въ своемъ первомъ самопроизвольномъ движеніи высказалъ ясно способность набросать первыя черты науки, тѣмъ самымъ доказалъ таиншуюся въ немъ способность, вносящую развиваюсь, создать тѣ великия произведенія, которыя по справедливости возбуждаютъ наше удивленіе. Между ребяческими понятіями дикаря, олицетворявшаго все, что угодно въ своемъ фетишѣ и объяснявшемъ по своему причину вещей, и между идеями Аристотелей, Декартона и Ньютона, существуетъ непрерывная цѣпь впечатлѣній и традицій, связывающихъ ихъ одни съ другими. По мѣрѣ того, какъ мы ближе изучаемъ человѣчество, намъ становится все болѣе и болѣе яснымъ, что корни развитія его проникаютъ какъ въ почву, такъ глубину тѣхъ условій, которыя опредѣляютъ явленія жизни.

Астрономія, какъ всѣмъ известно, оказала величайшую услугу положительной наукѣ открытиемъ настоящей системы мірозданія. Никакое мановеніе волшебника не могло бы произвести болѣе полнаго превращенія; перемѣна декорацій совершилась мгновенно; неподвижная до той поры земля начала обращаться съ поразительной быстротою, едва уловимою для нашего ума. Съ этой ми-

вуты мѣсто отведенное человѣку опредѣлилось; онъ пересталъ быть привилегированнымъ дѣтищемъ мірозданія, онъ созналъ събѣ тѣмъ, чѣмъ былъ на дѣлѣ, т. е. невольнымъ путникомъ, ищущимъ въ безконечное пространство вмѣстѣ съ его землею, едѣ замѣтнымъ атомомъ среди необъятныхъ міровъ.

Не менѣе важною представляется намъ услуга, оказанная человѣчеству, физиологіей. Примѣнивъ къ дѣлу свои свѣдѣнія относительно галлюцинацій, она показала намъ на сколько ошибали люди прошлыхъ временъ, принимая галлюцинаціи за неопровергнутое доказательство чего то сверхъестественного. Съ этого времени видѣнія всякаго рода могли быть объяснены; предъидущія вѣка озарились новымъ свѣтомъ, и было открыто тѣсное соотнесеніе между различными эпохами религіозныхъ движений. Открытие это имѣетъ особенно важное значеніе для исторіи, потому что мы только тогда будемъ въ состояніи понять, вслѣдствіе чего умственное развитіе новѣйшихъ временъ стало несовмѣстнымъ со многими прежними понятіями, когда поимемъ, почему эти понятія были въ полной гармоніи съ умственнымъ развитіемъ древнихъ народовъ.

ГОВОРЯЩИЕ СТОЛЫ. СТУЧАЩИЕ ДУХИ.

Древніе историки говорять, что императоръ Неронъ желалъ получить познанія въ искусствѣ чернокнижія. Магія въ то время проявляла свои дѣйствія носредствомъ воды, шариковъ, желѣза, фонарей, ковшей, топоровъ и другихъ разныхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ она предрекала будущее; болѣе же всего она сулила любопытнымъ возможность поставить ихъ въ сношенія и переговоры съ тѣнями усопшихъ и съ божествами ада: это то и прельщало императора Нерона. Судьба возвела его на высоту земныхъ благъ. Повелитель обширной доли міра, онъ хотѣлъ повелѣвать богами и перенести за предѣлы земнаго міра необузданность души, которую, и при врожденныхъ дурныхъ наклонностяхъ ся, обуяла страсть къ всемогуществу. Ни музыка, ни ораторское искусство не возбуждали болѣе въ немъ сочувствія; ни къ одному искусству онъ не имѣлъ такого пристрастія и не оказывалъ такое покровительство какъ магіи.

При томъ же чего ему недоставало? Онъ обладалъ богатствомъ, могуществомъ, способностями къ наукамъ и всѣми излишествами, которыя, наконецъ, наскучаютъ людямъ. Магіки того времени имѣли всегда отговорки на случай неудачи своихъ опытовъ: если вызывающій божества одержимъ былъ какимъ либодѣй недугомъ, тѣлеснымъ недостаткомъ, духи ему неповиновались или оставались для него невидимы; но подобного препятствія не могло быть для Нерона, ко-

торый былъ превосходнаго сложенія. Онъ могъ выбратъ бѣ пріятные дни; онъ могъ приносить жертвы, которыя всѣ были чернаго цвѣта. Тиридать прибылъ къ нему изъ Армении съ макомъ откававшись плыть моремъ, такъ какъ онъ считалъ непозволитъ имъ осквернить море слюною и другими изверженіями. Одно-ничто не подѣствовало, и Неронъ, давшій Тиридату Армянскіе царство, не могъ получить отъ него обладаніе магіей, власть на темнымъ царствомъ и тѣнями усопшихъ. Чтобы объяснить подобный неуспѣхъ, надо предположить, что натура Нерона была слишкомъ первозна, и что опыты, которыми его подвергнули армянскій магъ, не могли развить въ немъ чувствительности, галлюцинаціи, которыя аденты очень часто принимаютъ за окончательное посвященіе въ таинства магіи.

Грамматикъ Апіонъ, котораго Плиний видѣлъ въ своей мѣдости, говорить въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что онъ вывалъ тѣни, чтобы допросить Гомера о его родинѣ и родителяхъ, кажется, отвѣтъ былъ не болѣе удовлетворителенъ какъ въ отвѣты говорящихъ духовъ, столовъ и стучащихъ духовъ, которыя ничего нового не отвѣчаютъ своимъ вопросителямъ; какъ бы то было, а Апіонъ, послѣ бесѣды съ тѣнями, зналъ столько же и до того времени о спорномъ вопросѣ касательно мѣста рожденія великаго поэта, стоящаго во главѣ элленическаго просвѣщенія. И первыхъ императорахъ, въ Римѣ былъ знаменитый домъ Аспирада. Изъ двухъ братьевъ этой семьи, жившихъ во времена Цезаря, одинъ исцѣлился отъ колики съѣвшіи жаворонка и нося серу этой птицы въ золотомъ браслете; другой, принеся известную же ву въ часовниѣ изъ сырого кирпича въ видѣ печки, которую по совершеніи обряда, замуровали. Магія, какъ видно изъ цвѣтала въ то время въ различныхъ проявленіяхъ, и говоря о столы, если только они тогда были известны—г. Шевроль крыль старинный подлиннѣсть, конечно весьма темный, указываю на нихъ—говорящіе столы, утверждаю я, не произвели бы такого дѣйствія, какое они произвели у насъ. Можетъ, слыша вопли женщинъ, восклицаетъ: «Было время, что я оѣщелъ бы отъ ужа если бы до меня дошли стоны ночью, и голосы мои какъ оживленные стали бы дыбомъ, какъ при какомънибудь страшномъ рѣкѣ; но я пресыщенъ ужасами». Мы были подобны Макбету

Макбету до появления въдьмъ; малъйшее диво волновало въ. Люди древняго міра были какъ Макбетъ закаленный и пріимный, и я не думаю, чтобы наши столы и духи имѣли бы больше значеніе для людей, которые могли вызывать трехголовую Гену, парушать сонъ смерти и низводить луну со свода небесного.

Однако состояніе магіи, чернокнижія въ древняя времена вовсе не похоже на то положеніе, въ которомъ они находились въ средніе вѣка и преимущественно при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Люди древняго міра преслѣдовали магиковъ, значительное исключение было сдѣлано могивъ друидовъ, толпы предвѣщателей и знахарей, (я употребляю разрѣшительное выраженіе, не раздѣляя мнѣнія латинскаго писателя); императоръ Тиверій изгналъ ихъ изъ Галліи и они нашли убѣжище въ Бретаніи. Впрочемъ, кажется, ихъ уставы допускали разныя жестокости и людоѣдство, потому что тотъ же авторъ прибавляетъ: «Нельзя достаточно благодарить римлянъ за уничтоженіе ужасовъ, при которыхъ людей убивали въ доказательство приверженности къ религіи иѣли человѣческое мясо для укрѣпленія здоровья. (Шоній).» Фактъ тѣмъ не менѣе въ общемъ смыслѣ существуетъ, и законныя власти безпрестанно розыскивали колдуновъ, чтобы отнемъ и мечомъ искоренить этихъ нечестивыхъ исчадій. Такая жатительная разница проходила отъ понятія, какое древніе со-ставляли себѣ о вселеній и божествахъ ю управляемыхъ. Были, правда, и злые божества; но эти божества тѣмъ не менѣе пользовались уваженіемъ, они тѣмъ не менѣе принимали участіе въ божественной природѣ и были необходимы для управленія вселенію. Если существовали подземные боги, которые не видѣли дневнаго свѣта, которые держали въ своемъ темномъ царствѣ души умершихъ, и которые управляли вещами заключенными въ преисподней земли и во тьмѣ кромѣшной, гес *alla terra et caligine mersas*, такъ это былъ только отдельъ того управленія міромъ, которое человѣчество древняго міра представило въ своемъ воображеніи. Трепетъ овладѣвалъ каждымъ, кто приближался къ грознымъ божествамъ; но, несмотря на то, что они были страшны какъ и жилища и дѣйствія ихъ, мысль о преступленіи, о покушеніи на злодѣяніе, о воз-

мущений противъ неизмѣнного порядка, не примѣшивалась къ культу.

Вотъ почему тѣ, которые входили въ спошнія съ ними были за то отмѣчаемы клеймомъ отверженія.

Если же къ этимъ мрачнымъ божествамъ обращались чаше жили къ лучезарнымъ божествамъ въ тѣхъ обрядахъ, посредствъ которыхъ узнавалось будущее и исполнялись желанія, то потому томъ что они управляли царствомъ смерти, а вызывать умершихъ и сѣдовать съ ними было всегда пламеніемъ домогательствомъ мы и тѣхъ кто къ ней прибѣгалъ. Посмотрите какую перемѣну дѣлъ въ стремленияхъ пытливости произвѣль прогрессъ въ положительныхъ знаніяхъ. Въ былыхъ времена нѣдра земли занимали мы людей; тамъ разстипался иной міръ, населенный божествами тѣнями, слабый отсвѣтъ той жизни, которую въ Гомерѣ, вои презирали смерть, все-таки не могъ покинуть безъ сожалѣнія о свѣтѣ молодости и доблести. Нынѣ же безконечнія пространства заываютъ воображеніе, и путешествіе въ бездны земнаго шара было развлечениемъ для геолога; геологъ посредствомъ наблюденій и водовъ старается, въ свою очередь, изслѣдовывать предметы, заключенные въ глубинѣ земли и мрака.

Бываетъ однако время, когда относительный миръ между маги и правительствомъ нарушаются, и преслѣдованія противъ маговъ начищаются. Такъ было, когда слово дьяволъ перемѣнило значеніе у язычниковъ демоны или дьяволы были духи, божества, нарицанные существовавшими людьми и исполнѣніе въ себѣ ничего обходимо рокового; но когда вѣра въ этихъ дьяволовъ пронесла подъ этимъ именемъ стали понимать испокорныхъ ангеловъ, проповѣдниковъ Бога, виновниковъ зла, искушителей людей, виновавшихъ злодѣяния, презиравшихъ добро, тогда тѣ, которые утверждали, посылали такое опасное и дурное общество, возбудили тревогу. Прибавьте еще, что воображеніе представляло этихъ дьяволовъ, охно блуждающихъ по нашимъ жилищамъ, въ фантастическомъ видѣ столько же отвратительномъ сколько и смѣшиломъ, бывшимъ и знакомъ испорченности ихъ собственной природы и природы создателей ихъ; прибавьте, что воображеніе присоединяло къ видѣ, разумѣется, худо опредѣленную и несообразную съ порядкомъ божескимъ и человѣческимъ строемъ міра, во всякомъ случаѣ.

иметь высшую и располагавшую стихіями. Прибавьте еще, что ~~иные~~ изъ чернокнижниковъ были люди разстроеннаго ума, под-
вражданные галлюцинаціямъ, которые признавались, что бывали
на бѣсовскихъ ночныхъ сборищахъ и тамъ совершили сами и
или какъ другіе совершали величайшіе ужасы. Въ такомъ по-
ложеніи, гдѣ могли эти люди искать опору, которая могла бы
помѣстить ихъ отъ рукъ безпощаднаго правосудія? Не слѣдовало ли,
что бы ни стало, прервать эти преступныя связи между землею
и адомъ, и отлучить отъ общества массу людей, которые находи-
лись только въ обществѣ духовъ безнравственныхъ и нечестивыхъ?
Несли бы люди, имѣвшіе сообщенія съ дьяволомъ, были бы ви-
довны только въ этомъ преступленіи, нѣтъ, они сознавались въ
ноемъ участіи въ обрядахъ, которымъ не было имени и въ зло-
выихъ поступкахъ? Нельзя не сознаться, что человѣческое право-
удіе находилось въ такомъ настроеніи, что все, признаваемое имъ
за правду и истину, склоняло его ко злу и жестокости, и тогда по-
ходу загорались костры, печальное пламя которыхъ отразилось на
ходѣ среднихъ вѣковъ.

По изъ того, что правительство, въ древности, не считало себя
обязаннымъ искоренять колдовство, или считало себя обязаннымъ
платить это въ послѣдующемъ вѣкѣ, я нисколько не желаю дѣлать
исключенія, что въ историческомъ смыслѣ первая система лучше
второй.

Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые думаютъ и утверждаютъ,
что взвѣшивъ всѣ обстоятельства, эпоха, называемая средними вѣ-
ками, есть переходъ къ греко-римскому періоду, конечно, не такой
правильный какимъ бы онъ могъ быть, если бы римская имперія,
шла отъ заключавшихся въ ней самой задатковъ наденія, а не отъ
имѣшательства варваровъ; во всякомъ случаѣ это переходъ, кото-
рый, въ сущности есть конецъ первого періода и начало втораго,
и новаго времени. Исторія есть долговременное развитіе пере-
пачинъ, связанныхъ одна съ другою, которыя, посредствомъ разум-
ного двигателя—рода человѣческаго, не могутъ неклониться, въ
началѣ безсознательно, а впослѣдствіе времени и сознательно къ
ропрессивному усовершенствованію; но въ этомъ естественномъ
законѣ, подчиненномъ множеству сложныхъ причинъ, встречаются
спирерывно разстройства, разгромъ, которые задерживаются, оста-

навливаютъ и парушаютъ ходъ дѣлъ, и эта двойная причина страняетъ въ одно и то же время фатализмъ и оптимизмъ.

Доказательствомъ служатъ чернокнижники и ихъ исторія: ихъ осудили почти въ покоѣ въ эпоху язычества, и преслѣдовали до крайности во времена христіанства. Впрочемъ, чернокнижие или колдовство есть что то весьма несложное, занимающее мѣсто въ исторіи въ начальникающихъ обществъ, устоявшее даже и гораздо позже и извѣшившее разглагольства суждений. Не говоря уже о таинственности которою оно себя окружало, особенно когда оно сдѣлалось неизменіемъ, не говоря объ плутняхъ, которыя къ нему примѣщивали не говоря о преступленіяхъ, которыя оно укрывало когда какъ нибудь чернокнижникъ въ нихъ участвовалъ, оно въ своемъ осуждении состоитъ изъ вѣрованія во власть надъ природою при средствѣ сверхъестественныхъ существъ или стихійныхъ силъ, и изъ сумазбродныхъ выдумокъ и галлюцинацій, которыя доводятъ изступленія чернокнижника или вѣрилье, пациента, сообщающаго съ дьяволами. Первая часть, та, которую я назову разумною, предполагаетъ изслѣдованіями подчинить себѣ силы природы; она дѣлаетъ время имѣла точки соприкосновенія съ реальною наукой. Вторая часть подлежитъ совершенно вѣдѣнію врача и философа-монахиста, такъ какъ она въ одно и то же время разстрагиваетъ судовъ отдѣльныхъ личностей и производить общественное волненіе умовъ.

Не распространяясь далѣе, необходимо напомнить здѣсь о въ которыхъ явленіяхъ, бывшихъ во время древнихъ эпидемій колдовства и демонопатіи.

Въ Италии, въ царствованіе папы Юлія II-го, инквизиція наказывала казнью не сколько тысячъ человѣкъ, которые, по своему собственному признанію, виновны были въ смерти множества дѣтей. Люди эти получали отъ самаго дьявола, которому они отдавали душу и тѣломъ, щепоть порошка, который они, въ продолженіи всей своей жизни, носили въ сокровенномъ мѣстѣ своей одежды. Одного атома этого порошка достаточно было чтобы причинить смерть тому въ кого онъ попадалъ. Обыкновенно колдуны этого рода превращались въ кошекъ, и въ видѣ животныхъ строили козы новорожденнымъ. Обладая проворствомъ и гибкостью кошекъ они могли пробираться сквозь слуховые окна, легко вскачивать

постили, съ жадностью сосать кровь своихъ жертвъ и проворно пречезать сквозь малѣйшіе лазейки. Преимущественно они приглашали свой кровожадный ротъ къ пальцамъ ногъ, рукъ и къ губамъ. Такимъ образомъ каждая изъ нихъ должна была умертвить, по крайней мѣрѣ, двухъ младенцевъ въ теченіе мѣсяца посредствомъ ногтя и иглы, которую вѣдьмы носили съ собою; онѣ дѣлали незамѣтный проколъ въ жилахъ маленькихъ дѣтей. Между тѣмъ не одна мать пробужденная крикомъ и плачомъ своего дитя, узнавала, по краснотѣ кожи и кровянистому пятнамъ на неленящихъ новорожденнаго, что у несчастнаго высосана кровь. Эти последователи сатаны съ величайшою радостью присутствовали въ сборищахъ надшихъ духовъ, гдѣ предсѣдательствовала родь чертюшки, названной ими *мудрая богиня*. Собравшись въ назначенное мѣсто, поклонники сатаны не имѣли другаго занятія какъ только плясать, пировать и прислушиваться къ звукамъ музыки. Однако иногда случалось, что сатана омрачалъ зрѣніе собесѣдниковъ представляя имъ мнимыя яства, и тѣ изъ собесѣдниковъ, которые ихъ попусту жевали, возвращались къ утру домой болѣе голодными тѣмъ они были наканунѣ. Въ иные дни, столы дѣйствительно бывали заставлены мясомъ и превосходными винами, цѣлые быки, которыхъ съ предосторожностью уводили изъ хлѣвовъ богачей, служили для утоленія аппетита колдуновъ. Этихъ покражъ хозяева не могли и подозрѣвать. Мудрая богиня знала средство наполнять опорожненныя бочки, и ей стоило только собрать кости сѣденныхъ быковъ, разложить ихъ одну подлѣ другой на кожѣ, помахать своимъ жезломъ, для того чтобы эти быки снова получили жизнь и были отведены въ свои хлѣва. Въ этомъ фактѣ, по поводу которого, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пылали костры, надо замѣтить на первомъ пункѣ запоминающее явленіе: это коллективный характеръ. Всѣ вѣдьмы или колдуны, по ихъ собственнымъ словамъ, обращаются въ кошечки, и ихъ убѣждение до того непоколебимо, что онѣ это говорятъ въ виду ожидающихъ ихъ казней. Въ подтвержденіе же, иныя матери увѣряютъ, что онѣ видѣли на своихъ дѣтяхъ слѣды крови; онѣ жалуются на докучливость нѣкоторыхъ кошечекъ, вкрадывающихся въ ихъ жилища, а мужья рассказываютъ какого труда имъ стоило поймать ихъ, чтобы выгнать изъ дома. Во всей этой трагедіи, подтвержденной со

всѣхъ сторопъ, скрѣпленной признаніями колдуновъ и засвидѣтельствованной торжественнымъ судомъ инквизиціи, всего замѣчательнѣе одно, именно то, что, не смотря, на такое множества умерщвленныхъ дѣтей, смертность не увеличилась и число жителей не уменьшилось.

Изъ многихъ подобныхъ случаевъ, я указываю только на тѣ, которые были замѣчены одновременно у иѣсколькоихъ лицъ, то есть на тѣ, которые имѣли колективный характеръ, чтобы читателю приписывать бы, какую бы то ни было причину этихъ случаевъ, не исключительно личнымъ обстоятельствамъ, но и общественнымъ условіямъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ одномъ монастырѣ, монахини вскакивали со сна, пробужденныя, какъ имъ казалось, жалобными стонами страдающаго человѣка. Затѣмъ полагая, что подруги ихъ зовутъ къ себѣ на помощь, они вставали одна за другою и весьма изумляясь, сознавая свою ошибку. Иногда имъ представлялось, что имъ щекочутъ подошвы ногъ и тогда па нихъ падалъ неудержимый хохотъ. Имъ также представлялось, что ихъ тащутъ съ постели, и они падали на полъ, какъ будто кто то тянулъ ихъ за ноги. У многихъ па тѣлѣ были слѣды ударовъ, но ни кто не зналъ откуда они происходили. Исходъ этихъ явлений былъ самый трагический. Личности, страдавшія такимъ образомъ, приписывали свои страданія зараженіе составленному договору съ чортомъ; обвиненія ихъ пали на одну бѣдную женщину, которую свѣтскія власти задержали и привели къ допросу; но она решительно отрицала обвиненія, однако она изнемогла подъ тяжестью перенесенныхъ ею истязаній. Замѣчательно, что весьма часто сосуды, которые они держали въ рукахъ, были вырываемы у нихъ съ такою сплою, что у иныхъ даже отрывались куски мяса, а у иѣкоторыхъ, съ такою же сплою были выворачиваемы руки, ноги и лицо; что одна изъ нихъ была поднята на воздухъ, не смотря на усилия присутствующихъ удержать ее руками; потомъ она была брошена на полъ и оказалась мертвую, но вскорѣ за тѣмъ встала, какъ посль крѣпкаго сна и вышла въ столовую, не чувствуя никакой боли. Все это было дѣйствиемъ невидимыхъ существъ, стучащихъ духовъ.

Угодно видѣть какъ являются мертвые и смиѳшаются съ толпою живыхъ?

Въ 1594 г., въ Бранденбургскомъ маркграфствѣ, явилось болѣе
чишестидесяти бѣсноватыхъ, рѣчи которыхъ приводили всѣхъ въ
изумленіе. Они знали, называли по имени людей, которыхъ они
никогда не видали, и въ ихъ толпѣ встрѣчались лица давно умер-
шихъ, которыхъ ходили по дорогамъ, взывая къ покаянію и прекра-
щенію беззаконій, возвѣщаю судь Божій и объявляя, что имъ дано
новелѣніе не смотря ни на что говорить всенародно объ исправ-
леніи и объ обращеніи на путь истинный.

Въ Лотарингіи отъ 1580 до 1595 года были подобныя же явле-
нія, за которыхъ болѣе девяти сотъ человѣкъ были, по приговору
судей, преданы смерти. Подсудимые видѣли дьявола, блуждающаго
вокругъ нихъ, не только въ уединеніи и мракѣ темницы, они его
видѣли, чувствовали, слышали даже въ судѣ и даже въ то время,
какъ имъ дѣлали допросъ. Одна женщина находилась въ застѣнкѣ,
а сатана, помѣстясь въ ея волосахъ, старался ободрить ее, повтор-
я, что пытка приходитъ къ концу. Подлѣ нѣкоторыхъ осужден-
ныхъ дьяволъ оставался до конца допросовъ и нытокъ, и они слы-
шали его рѣчъ такъ ясно, какъ будто бы онъ находился у нихъ
въ ухѣ. Другая, рѣшившись разсказать малѣйшія подробности сво-
ей исторіи, приготовилась къ этому разсказу молитвою къ Госпо-
ду; вдругъ она откинулась назадъ и упала навзничь. Сначала ее
считали мертвую, но лишь только она очнулась: «Неужели вы не
видите, сказала она, дьявола, который повалилъ меня на землю и
спрятался подъ эту мебель?»

Лабуръ, небольшой округъ въ древней провинціи Гесиніѣ, въ
началѣ семнадцатаго столѣтія имѣлъ тоже своихъ колдуновъ, и
судьи, которымъ поручено было ихъ дѣло, употребили всѣ усилия,
чтобы истребить ихъ пытками и огнёмъ. Истязанія, соединенные
съ видѣніями дьявола, доводили обвиняемыхъ до такого состоянія
духа, что они пламенно желали смерти. Многіе въ страстныхъ вы-
раженіяхъ разсказывали объ ощущеніи, испытаннымъ ими на ноч-
ныхъ дьявольскихъ собрищахъ; они съ наглымъ увлеченіемъ опи-
сывали свой восторгъ, увѣряли, что видѣли па этихъ собранияхъ,
личности, принадлежащія къ разнымъ странамъ свѣта, и утвер-
ждали, что поклонниковъ дьявола такъ же много какъ звѣздъ не-
бесныхъ. Многіе говорили, что они до такой степени смыклись съ
обществомъ дьявола, что не страшатся мученій ада, въ полномъ

убѣжденіи, что огонь, пылающій въ подземномъ мірѣ, не отнимается отъ огней на адскихъ сборищахъ.

Женщины, привлеченные къ суду, не плакали, не проливали ни одной слезы, и даже страданія пытки или висѣлицы были для нихъ такъ забавны (употребляя выраженіе того, кто осуждалъ ихъ на эти страданія), что онѣ съ нетерпѣніемъ ждали смертной казни, первоначально съ радостью допросы, такъ онѣ спѣшили соединиться съ дѣвствомъ. Въ своемъ заключеніи, онѣ выходили изъ терпѣнія потому только, что не могли доказать ему желанія своего страдать за него и онѣ удивлялись, что за такое прекрасное дѣло заслуживали никакія казнія. Но этимъ не прекращались эти странныя явленія, и лишь только прахъ вѣдьмъ разсыпался вѣтромъ, какъ уже начинались новые сцены. Дочери погибшихъ женщинъ обращались къ дьяволу, съ горькими упреками: «Ты обѣщалъ намъ, кричали онѣ плачевно, что матери наши, бывшия въ заключеніи, будутъ спасены; не смотря на то, они сожжены». Тогда дьяволъ оправдывался и смеяло уверялъ, что матери ихъ не умерли, не сожжены, но покоятся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имъ гораздо лучше нежели въ здѣшнемъ мірѣ. А чтобы лучшее ихъ обольстить опять имъ говорилъ: «Зовите ихъ, и вы услышите, что они вамъ на то скажутъ». Тогда эти несчастныя дочери кричали одна послѣ другой, какъ бы кто вызывалъ эхо, и каждая изъ нихъ звала свою мать, спрашивая умерла ли она, и гдѣ теперь находится. Матери, говоря, каждая своимъ голосомъ, отвѣчали, что они въ болѣе лучшемъ и болѣе спокойномъ состояніи чѣмъ прежде.

Дьяволъ также давалъ своимъ поклонникамъ способность на далекомъ разстояніи ощущать впечатлѣнія и узнавать мысли другихъ, какъ это было въ Испаніи въ одномъ монастырѣ, гдѣ почти все монахини были бѣсноватыя. Одна изъ нихъ одержима была главнымъ бѣсомъ, и ей стоило только пожелать видѣть одну изъ своихъ подругъ, кисть та, не смотря на то, что находилась въ отдаленіи и на такомъ разстояніи, что звуки голоса не могли до нее доходить, внутренно чувствовала, что ее зовутъ, приходила, говоря заранѣе о предметѣ разговора, котораго она не слыхала. То же было и въ монастырѣ въ Оксеніи. Тамъ одинъ епископъ разсказывалъ, что вѣн. восемьнадцать дѣвушекъ находившіяся въ этомъ монастырѣ, бывши въ заключенія, мірянки какъ и монахини, были одарены, по его мнѣнію, способностью къ языкамъ, потому что онѣ всегда вѣрно

отибчали на латынь, съ которой къ нимъ обращались заклинатели, и которая не была заимствована изъ требниковъ, и еще менѣе уловлена между ними; часто онѣ сами говорили по латыни, иногда цѣлые періоды, а иногда и цѣлый рѣчи. Всѣ или почти всѣ увѣряли, что знаютъ сердечная сокровенныя помышленія, что видно было изъ повелѣній, которыя имъ часто въ разныхъ случаяхъ мысленно отдавали заклинатели, и онѣ болѣею частию выполняли въ точности эти повелѣнія, не выражавшіяся обыкновенно ни словомъ, ни какимъ либо виѣннимъ знакомъ. Много подобныхъ опытовъ дѣлалъ епископъ преимущественно надъ одною монахинею, которой онъ мысленно приказалъ прійти къ нему, чтобы подвергнуться заключенію, и она немедленно явилась къ нему, хоть жила въ довольно отдаленной части города и сказала ему, что она получила отъ него приказаніе прийти къ нему. Другая, по изгнаніи изъ нея бѣса, рассказала епископу, какія новелѣнія онъ въ умѣ своемъ отдавалъ злому духу во время заклинанія. Еще одной, во время сильнѣйшаго съ нею припадка, онъ тоже мысленно приказалъ прийти повергнуться лицемъ внизъ и съ распостертыми руками предъ святыми дарами, и монахиня съ необычайною послѣдностью исполнила это приказаніе въ ту же минуту, какъ оно было отдано.

До сихъ порѣ, въ представленныхъ здѣсь читателю отрывкахъ, дьяволъ игралъ главную роль; а какъ дьяволъ есть отецъ зла, онъ — типъ безобразія, онъ находитъ удовольствіе въ гибельныхъ дѣлахъ, всѣ проявленія его носили отпечатокъ его характера. Странныя и чудныя, конечно, они происходили въ мерзостяхъ дьявольскихъ сборищъ, въ нечестіи, злодѣяніяхъ различного рода; воображеніе тѣхъ, кто находился подъ его внушениемъ и его вліяніемъ, искало только отвратительныхъ, нечестивыхъ сценъ, и настроивъ инквизиторъ и судей на этотъ ужасный діапазонъ, еще болѣе помрачало сцену. Суды, показывая столько жестокости, сколько было зла въ дьяволѣ, предавали смерти приверженцевъ князя тьмы, и пламя пожирающихъ костровъ соотвѣтствовало пламени ада и ночнымъ огнямъ дьявольскихъ сборищъ въ уединенныхъ и печальныхъ пустыряхъ.

Впрочемъ проявленія эти имѣли не только одинъ бѣсовскій характеръ, случалось много разъ, что онѣ впущены были вліяніемъ которое считали исходившимъ съ небесъ. Такъ было съ камизарами. Въ то время какъ религіозныя страсти поутихли, и въ отрезвленномъ

обществѣ преслѣдованія были уже неумѣстны, вдругъ началось жесточайшее, изъ когда либо видѣнныхъ гоненій противъ мирныхъ жителей Севенскихъ горъ, къ неизгладимому стыду Лудовика XIV и агентовъ служившихъ ему въ этихъ непростительныхъ жестокостяхъ. Внезапно дома были захвачены, бѣгство и изгнаніе разъединили семейства; дѣти отняты были у родителей; непокорные приговорены были къ висѣлицѣ, колесованію, галерамъ; имущество были конфискованы; необузданнѣмъ войскамъ поручена была система исправленія, сохранившая историческое наименованіе *dragonades*. При этихъ чрезмѣрныхъ бѣдствіяхъ, небесный видѣнія являлись для облегченія страданій угнетенныхъ; уже не дьяволъ съ своимъ гнуснымъ кортежемъ представлялся воображенію, но упованіе на помощь Божію, териеніе въ страданіяхъ овладѣли сердцами. Тогда послѣдовалъ рядъ явленій безпримѣрныхъ въ исторіи. Даръ пророчества распространился между людьми самыми неучеными; даже уста дѣтей разверзлись чтобы пророчествовать, и съ нихъ сходили вдохновенные слова, которыхъ посыпали инсургентовъ подъ нули тѣхъ, кто обращалъ ихъ въ католицизмъ. Пятнадцатимѣсячный мальчикъ, заключенный съ своею матерью въ темницу, пророчествовалъ; онъ говорилъ плача навзрыдъ, внятно, громко, но съ перерывами, такъ что иногда надо было вслушиваться въ нынѣ слова; онъ говорилъ такъ, какъ будто Богъ говорилъ его устами, подтверждая слова свои выражениемъ: «Я говорю тебѣ, мое дитя». Несколько камизардовъ были вмѣстѣ въ одномъ домѣ, когда пришла дѣвушка этого же дома, вызвала свою мать и сказала ей: «Матушка, подите посмотрѣть на ребенка». Затѣмъ мать ся пригласила и другихъ пойти взглянуть на ребенка пророчествующаго, и сказала, что не слѣдуетъ приходить отъ этого въ ужасъ, потому что чудо это уже не первое. Всѣ бросились къ ребенку. Малютка тринадцати—или четырнадцати мѣсячный лежалъ спленатый въ колыбелькѣ; онъ говорилъ ясно и громко для своего возраста, такъ что голосъ его слышенъ былъ по все комнатѣ; онъ увѣщевалъ, какъ и всѣ, обратиться къ покаянію. Но этимъ не ограничивались чудеса. Къ этому пророческому дару присоединилась еще удивительная способность видѣть и слышать на такихъ разстояніяхъ, куда ни слухъ, ни зрѣніе не достигаютъ. Такимъ образомъ пророчество проявлялось въ мистическихъ рѣ-

чахъ, исходящихъ изъ вдохновенныхъ устъ, и въ дѣяніяхъ, слу-
жащихъ подтверждениемъ рѣчей. Тѣмъ не менѣе надо замѣтить,
что чудеса, которыхъ такъ сильно волновали протестантовъ, кото-
рыя подкрепляли ихъ въ несчастіи и воодушевляли ихъ противово-
борствѣ, считались недѣйствительными въ глазахъ ихъ противни-
ковъ, имѣвшихъ, по выражению протестанского поэта глаза, чтобы
не видѣть и уши чтобы не слышать.

Подобное же невѣріе въ чудеса, не менѣе необычайныя, встрѣ-
тило янсенистовъ, когда съ ними дѣлались конвульсіи на могилѣ
дѣякона Париса. А между тѣмъ и въ этомъ случаѣ не было недо-
статка въ чудесахъ. Одинъ вельможа, сильно возстававший про-
тивъ янсенистовъ, былъ приглашенъ къ обѣду въ домѣ, где было
многочисленное общество. Вдругъ онъ почувствовалъ, что невиди-
мая сила заставляетъ его вертѣться на одной ногѣ съ необычай-
ною быстротою, такъ что онъ не могъ остановиться и это продол-
жалось цѣлый часъ безъ отдыха. Замѣтьте, что онъ дѣлалъ шесть-
десять поворотовъ въ одну минуту. Фанатики янсенистскіе, какъ
и камизарды, имѣя даръ вдохновеннаго слова и импровизировали,
говоря о религіозныхъ матеріяхъ. Севенскіе протестанты предъ-
щали отмѣненіе панства; янсенисты Сентъ-Медарскіе громогласно
говорили противъ испорченности нравовъ духовенства и римскаго
двора. Дѣйствіе конвульсій было обыкновенно таково, что оно ос-
вѣщало душу и сообщало ей энергію, а людей неученыхъ и ни-
зкихъ духовъ возвышало и давало такую плодовитость въ рѣчахъ,
что люди наиболѣе увѣренные въ себѣ умолкали предъ ними. Это
еще не все: и могила дѣякона Париса ознаменовалась особынѣмъ
чуднымъ свойствомъ, она сообщала родъ неуязвимости тѣмъ, кто по-
лучалъ отъ ея необычайное вліяніе. Ни растягиваніе, ни сдавливаніе
членовъ сильными палачами, ни дыба не могли повредить, запибить
или изувѣчить добровольныхъ жертвъ. Мускулы слабыхъ женщинъ
представляли отпоръ этимъ безмѣрнымъ пыткамъ, тѣло ихъ пере-
носило сильнѣйшіе ушибы, чтобы никто не сомнѣвался въ томъ,
что тайной силѣ, дѣйствующей въ нихъ, нетрудно сообщать не-
уязвимость тѣламъ слабымъ и нѣжнымъ.

Я взялъ на выдержку нѣсколько примѣровъ изъ множества ис-
торій этого рода. Вы видите, что въ прежнія времена, были вол-
ненія, вызванныя чудесами, такъ называемыми сверхъестественны-
ми.

ми, что эти чудеса имѣли характеръ въ высшей степени коллективный, всегда овладѣвавая большимъ числомъ лицъ и подчиняя ~~ихъ~~ однинаковому роду ощущеній и дѣятельности, что чудеса эти были различно объясняемы въ обществѣ, где они проявлялись: то ~~ихъ~~ считали гиусиѣшими преступлениями и преслѣдовали какъ таки, то вхѣ оспаривали, отрицали и они имѣли такъ же мало дѣйствія на вѣрующихъ въ нихъ, какъ и на невѣрующихъ, и на конецъ они прекратились, не оставивъ никакого другого следа, какъ только воспоминаніе объ ихъ странности и невозможности въности ихъ въ теорію, и не имѣя на современное или будущее общество того вліянія, которое, навидимому, имѣ обѣщали свойства ихъ агентовъ и ихъ дѣйствій.

Въ течениіи многихъ лѣтъ, въ новѣйшія времена, не произошло ни одного подобнаго факта. Все ограничивалось отдѣльными слу-чаями не значительными и неизмѣнными отголоска, какъ вдругъ, вслѣдствіе стучащей мебели и вертѣящихся столовъ, снова появляется, въ другомъ видѣ, волненіе подобно предшествующимъ вѣкамъ. Всѣмъ извѣстна исторія вертиящихся столовъ: сначала они, иѣкоторое время, вертѣлись, затѣмъ начали подниматься на нож-кахъ и производить ударъ; потомъ говоря и бесѣдуя съ ними по-средствомъ азбуки, узнано было, что они одушевлены душою умер-шихъ, духами, дьяволами, и, съ помощью этихъ посредниковъ, полу-чены были свѣдѣнія о прошломъ и будущемъ частныхъ лицъ, и общества, и обѣ образѣ существованія безплотныхъ существъ, съ которыми сообщались. Что же касается до треска мебели, то ого слышали впервые лѣтъ 6 или 7 тому назадъ въ домѣ въ Hyde's ville (нынѣ Нью-Йоркѣ). Въ этомъ домѣ, какъ говорили, слышимъ было до того времени странный шумъ, и двѣ молодыя дѣвушки первыя вошли въ сношенія съ новыми чудесами. Эти постукивашія, въ отличіе отъ прежнихъ постукиваній, которыхъ затихли, не найдя благоприятной среды, распространились въ сосѣдствѣ и, мало по малу, разошлись по всему пространству Соединенныхъ Штатовъ. Посредствомъ ударовъ, невидимые духи достигли того, что стали подавать утвердительные или отрицательные знаки, считать, пи-сать фразы и цѣлые страницы. Не только они бываютъ такъ, слѣ-домъ риммѣру арій, которая имѣ назначаютъ, или поютъ вмѣстѣ съ ~~ними~~ и подражаютъ различного рода звукамъ; но они играютъ

ции на инструментахъ, звонять въ колокольчики, и разыгрывать военные марши. Иной разъ можно видѣть, какъ мебель и различные предметы приходятъ въ движение, тогда какъ другие, напротивъ, такъ прикрепляются къ полу, что нѣсколько человѣкъ имѣтъ не въ состояніи ихъ сдвинуть. Иногда показываются или даютъ себя чувствовать руки отдѣльные отъ тѣла и невидимо подпираются пачеркомъ умершихъ людей. Здѣсь являются прозрачныя человѣческія фигуры, которыхъ даже голосъ подчасъ слышенъ; датѣ же фарфоровыя вещи сами собою блюются, ткани рвутся, стекла въ окнахъ разбиваются отъ брошенныхъ въ нихъ камней, причемъ женщины приводятся въ беспорядокъ. Читатель сравнить эти явлѣнія съ тѣмъ, на который я указалъ выше, гдѣ сосуды были вырываемы изъ рукъ монахинь, одержимыхъ бесомъ. Опять сравнить съ монахинями, бывшими жертвою чудесъ, людей, которые, при американскихъ чудесахъ, переносились вдругъ изъ одного конца на другой конецъ комнаты, или поднимались къ верху и оставались нѣсколько минутъ на воздухѣ.

Для подобныхъ явлѣній необходимо одно условіе: именно присутствіе извѣстныхъ личностей, которые суть неизрѣвнѣнны. проводники и которые вслѣдствіе того называются *mediumами*. *Rapping mediumis*, т. е. тѣ, посредничество которыхъ проявляется стукомъ и звуками; иодь вліяніемъ духовъ, они приходятъ въ первое состояніе, при которомъ они дѣлаются настоящими автоматами, и тогда на предлагаемые имъ вопросы, они отвѣчаютъ судорожными непроизвольными движеніями, производя удары рукою или дѣлая знаки головою или всѣмъ тѣломъ, или же проводя пальцемъ по буквамъ азбуки. *Writing mediumis*, медіумы, которые пишутъ, они вдругъ чувствуютъ опѣмѣніе руки и, вооружась перомъ или карандашемъ, они служатъ страдательнымъ орудіемъ, чтобы писать страницы и цѣлые томы безъ всякаго участія ихъ мыслей. Любопытно, что одна только рука страдаетъ, по пріимѣръ подобной локализации (и прошу извинить за этотъ медицинскій терминъ) можно найти лаѣ основатыхъ женщинъ въ Аму близъ Дакса, бывшаго въ семнадцатомъ столѣтіи; къ этому присоединилось сильное дерганіе руки съ такимъ движениемъ кисти и пальцевъ, что ни одинъ музыкантъ не могъ бы передвигать ихъ съ такою быстротою и ловкостью, какъ будто рука эта становилась членомъ или частью чуждою ту-

ловину и не была въ зависимости у одержимой духомъ. *Speaking mediums*, говорящіе медіумы. Это настоящіе вѣшуны, говорящіе голосомъ, часто вовсе не похожимъ на ихъ собственный голосъ, и произносятъ слова, которыхъ имъ внушены или прямо вложены въ устѣ. Та пассивность замѣчена была и у шекэрвъ или трепѣтателей (семи родственія англійскихъ квакерамъ). Многіе изъ нихъ говорили такъ, какъ будто губы, языкъ, всѣ голосовые органы приведены были въ движение постороннею силою; въ избыткѣ ихъ краснорѣчія, имъ зашло, что они выражали мысли вовсе имъ не принадлежащія и которыхъ они узнавали только въ ту минуту, когда звукъ словъ доходилъ до ихъ слуха. Они съ усилиемъ произносили большую часть съзаній рѣчей, чувствуя, что вынужденная сила двигала ихъ губы и слагала слова безъ содѣйствія ихъ собственной воли. Они слушали съ себѣ какъ присутствующіе. Такъ было и у камизаровъ. Одна изъ пророчицъ говорила: «Я чувствую, что божественный духъ составляется въ моихъ устахъ слова, которыхъ онъ желаетъ и ставить меня говорить. Случается, что первое слово, которое мѣлѣдуетъ произнести уже сложилось въ умѣ моемъ; но часто бываетъ такъ, что я не знаю, какъ кончится слово, которое духъ меня заставилъ начать. Въ моемъ изступленіи, я вполнѣ предоставлю ангелу Божию управлѣніе моимъ языккомъ. Я сознаю, что меня заставляетъ говорить посторонняя и высшая сила. Я не обдумываю и не знаю заранѣе, что я должна сказать. Въ то время какъ я говорю, мой умъ внимаетъ тому, что произносить мой языкъ какъ бы къ рѣчи, произносимой другими».

Въ наше время медіумы пишутъ цѣлые томы о томъ, что у камизаровъ были цѣлые томы проповѣдей. Между севенскими пророками и некоторыми произносили по семи импровизацій въ день. Существуетъ собрание рѣчей одного изъ нихъ; мистическая мысли тамъ были множествомъ за исключеніемъ всѣхъ прочихъ, и личность оратѣ была въ нихъ постоянно забыта.

Чудесная музыка, которая безъ музыкантовъ и инструментовъ раздавалась въ Америкѣ бывала прежде и въ Севенскихъ горахъ Шане. псалмы слышно было во многихъ мѣстахъ у камизаровъ, и не было исходящее съ пѣба. Такая божественная мелодія гремѣла тридцать шестью дніями, въ присутствіи пѣсколькихъ человѣкъ, въ мѣстѣ обитанияхъ отъ жилья, гдѣ не было ни лѣса, ни пустынныхъ склоновъ.

однимъ словомъ, рѣшительно невозможно было что бы кто ни-
то спрятался. Небесные голоса были такъ прелестны, что конечно
голос сенесинскихъ крестьянъ не могли составить подобнаго концерта,
Грина, говорятъ, что по волѣ небесной, тѣ которые приходили
слушать не все слышали, и иные увѣрили, что вовсе ничего не
имели, между тѣмъ какъ другіе восхищались этой ангельскою
голосю. Подъ вліяніемъ, которому подчинены извѣстные медіумы
и съ поразительнымъ искусствомъ подражаютъ лицу, голосу,
шарикѣ, тѣлодвиженіямъ особъ, которыхъ они никогда не знали, и
представляютъ приключенія изъ ихъ жизни съ такою точностью,
что нельзя не узнать личности, которую они изображаютъ. Такимъ
образомъ, въ нихъ развивается удивительная способность къ мимикѣ,
и развивается способность сочинять и писать. Въ другомъ мѣстѣ
изрѣчались подобные примѣры, и Іосифъ Акоста, долго жившій въ
Бору во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія, говорить, что
въ то время существовали еще колдуны, которые успѣли произ-
вить принимать всевозможные образы или, по крайней мѣрѣ, по-
ражать имъ.

Камизары, которые жили среди чудесъ, для которыхъ младенцы
говорили слова благочестія и утѣшеннія, которымъ пророки возвѣщали
лучшее, которые слышали музыку въ воздушныхъ пространствахъ,
или увѣрены, что такія славныя чудеса тронутъ ожесточенныхъ
человѣкѣ; они ожидали, что войска драгунъ удалятся, что великий ко-
нунъ умилостивится, и что римскій первосвященникъ преклонить
предъ божественною волею свою тройственную корону. Шекеры
(англійскіе квакеры) основывали другаго рода надежды на посѣщеніе
ихъ, которыхъ они были предметомъ; Парижъ — пріютъ дѣль,
јеты, и распущенности, Парижъ въ пѣдрахъ котораго совершались
чархъественные дѣла, вскорѣ долженъ быть исправиться, и
имскій дворъ, въ свою очередь, подчинясь дѣйствію неизодолимыхъ
мечій, преобразоваться. Ничего изъ этого не сбылось; и, хотя
надежды обезнечены были чудесами, но они оказались тщетными.
Грина, благодаря одушевлявшей ихъ восторженности, горѣть
камизаровъ долго противостояла драгунамъ Лудовика XIV и добилась
лучшей капитуляціи, нежели какую могла ожидать такая незначи-
мая толпа; но сильное гоненіе не прекратилось и протестанство
тѣхъ не приняло большихъ размѣровъ. Такъ было и съ яисенізмомъ;

онъ тоже не извлекъ никакой выгody изъ чудесъ Сенъ-Медскіхъ, а если орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ, такъ это вслѣдствіе историческихъ условій, которыя ничего не имѣютъ общаго съ чудесами консультаніонеровъ. Въ наше время, американу которыхъ силы мистическая выбрали свое мѣсто пребыва, которые признаютъ что невѣдомая сила передвигаетъ, подвѣситъ, удерживаетъ, носитъ въ воздухѣ и перемѣщаетъ разные лады множества тяжелыхъ тѣлъ, совершило противорѣчиемъ законамъ природы, которые видятъ сіяніе и свѣтъ различного вида и различныхъ оттенковъ, показывающійся въ темнотѣ комнатахъ, гдѣ не существуетъ никакого вещества, могущаго и известіи химическое или фосфорическое дѣйствіе, и при отсутствіи всякаго апарату или орудія способнаго вызвать электричество, причинить горѣніе, которые слышать удивительные разнообразные звуки производимые невидимыми силами, какъ напримѣръ тона и шумъ пилы или стукъ молота, ревъ вѣтра или бури, иные человѣческихъ голосовъ или игру музыкальныхъ инструментовъ — оговорю я, думаютъ какъ камизарды и яисенисты, что они имѣютъ откровеніе небесной силы и что это будетъ имѣть огромное послѣдствіе для рода человѣческаго. Только, какъ въ наше время быть рѣчи объ особыхъ гоненіяхъ противъ кальвинистовъ и яисенистовъ, въ виду имѣется другая цѣль и дѣло состоитъ только томъ чтобы измѣнить условія нашего существованія, богоспасеніе и философию нашего вѣка, равно какъ и правленіе міра.

Нѣготиши черноокинжія, бѣспованія, бредней, изступленій, къ вульсій весьма многочисленны, и я хотѣлъ взять изъ нихъ только несколько примѣровъ, чтобы показать послѣдовательность между чудесами. Нѣтъ ничего новаго въ нынѣшихъ чудесахъ. Съ самыми отдаленіи временіемъ, въ исторіи видны многочисленные случаи, показывающіе, что ни одинъ вѣкъ не былъ избавленъ отъ подобныхъ недуговъ. Они возрождаются чтобы уничтожиться, и уничтожаютъ чтобы снова возродиться; они подобны болѣзнямъ никогда не изгнаннымъ родъ человѣческій и которыя встрѣчаются и въ другихъ и въ новѣйшихъ обществахъ, имѣя одну и ту же основу и называемомъ видѣ, не только смотря по мѣстности и географии, но и по времени и хронологіи. Такъ же и между частными случаями общаго явленія, меня здѣсь занимающаго, существу-

ионная аналогия, которая не мѣшаетъ измѣненіямъ согласнымъ мѣстомъ и временемъ: такъ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не то указано, какъ только въ современныхъ явленіяхъ, на вертящіеся оны, передвиженіе мебели и стукъ.

И не имѣю надобности напоминать, что дѣятели и страдательныя дѣла въ этомъ перемѣщеніи мебели и въ тональи, приписываютъ, это и все прочее, съерхъестественной дѣйствующей силѣ; нѣть добности прибавлять, что таково было мнѣніе и въ древности, и среднія вѣка касательно подобныхъ явленій бывшихъ въ то время. Тако, была эпоха, когда мнѣніе основанное съ одной стороны на томъ ясномъ, повидимому, доказательствѣ чувствъ, а съ другой стороны на доводахъ достойныхъ уваженія, было потрясено, чти такъ же какъ и увѣренность въ движении солнца вокругъ илл и въ неподвижности нашей планеты, и уступило мѣсто совершенно иному поясненію, не смотря на то, что говорили чувства подтверждали авторитеты, основываясь на преданіяхъ. Это было поводу чернокнижія. Дѣйствительно, тутъ было что-то несомнѣнное съ сверхъестественностью и что заставляло задумываться. Чернокнижники привлеченные къ суду признавались, что колдовствомъ причиняли смерть такимъ и такимъ личностямъ, а между тѣмъ эти личности въ глазахъ всѣхъ оставались въ живыхъ и были живодимы на очную ставку съ людьми, которые утверждали что въ нихъ лишили жизни. Случалось, что зорко слѣдили за колдуномъ, не теряли его изъ виду во время его сна, а когда онъ пробуждался, то разсказывалъ сцены бывшія на дьявольскихъ сборищахъ, которыхъ онъ присутствовалъ, хотя, конечно, онъ и не двигался мѣста. Но это было ничто въ сравненіи съ еще большею странностью. Эти самые колдуны, которые пользовались благосклонностью тьмы, которымъ онъ удѣлялъ часть своего могущества, которые произвольно измѣняли свой видъ, которые вызывали бури и одни мали волны, эти самые колдуны, говорю я, не имѣли ни блага, ни славы, ни величія, и сверхъ того они не могли изорониться отъ эшафота и костра.

Медики занялись вопросомъ и дали поворотъ преобладающему мнѣнію. Нѣть сомнѣнія, что никогда не было недостатка въ умахъ свѣршавшихъ въ колдовство, или одержаніе бѣсомъ; но отрицать объяснять — двѣ разныя вещи, изъ которыхъ одна никог-

да не замѣщаетъ другую: отрицаніе — индивидуально и фактъ возстаетъ противъ него и не сходится съ нимъ; толкованіе — коллективно и подводитъ фактъ подъ всеобщую систему положительной науки. А здѣсь, въ этомъ щекотливомъ и трудномъ вопросѣ я хочу заставить читателя коснуться закона сродства, который вызываетъ историческія явленія одно съ другимъ и который, по закону послѣдовательности, есть самый важный въ исторіи. Последовательность есть свойство, по которому одинъ фактъ порождаетъ другой, а прошедшее — настоящее; сродство — это свойство, которому одни явленія цивилизаций сближаются и сливавливаются другія же отталкиваются и исключаютъ одно другое. Рѣшивъ такъ какимъ образомъ случилось, что въ теченіе семнадцатаго столѣтія медицина захватила въ свою область чернокнижіе, бѣсноватость изступленіе, создала объ нихъ ученіе, и отвергла прежде существовавшее ученіе, которое все это приписывало духамъ чистымъ или нечистымъ, добрымъ или злымъ? Ничего подобнаго не было ни въ древности, ни въ среднія вѣка: все что было сказано, таѣ это то, что всѣ болѣзни естественны, по никто не говорилъ, чѣ состояніе бѣсноватыхъ есть болѣзнь. Успѣхи, сдѣланные въ патологіи, со временемъ возрожденія науки, несмотря на свою реальность не допустили бы медицину положительно отвергать укоренившее мнѣніе, и тѣмъ болѣе не допустили бы ее замѣнить это мнѣніе собственнымъ, если бы тому не содѣствовало другое обстоятельство.

Въ области науки совершились важныя событія: астрономы, физики, положительные опыты въ химіи глубоко измѣнили совокупность понятий о состояніи и порядкѣ вещей, и стремились отвергнуть дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ. Это совпаденіе благоприятствовало смѣлой попыткѣ медицины. Когда люди просвѣщеніе увидѣли съ одной стороны, что колдовство не въ состояніи исполнить своихъ обѣщаній и охранить своихъ адентовъ, а съ другой стороны, что представляемыя имъ толкованія не только удивительны, но даже согласны съ наукой, они отбросили и прежней науки, и костры болѣе не зажигались.

Великая и блестательная услуга, которую не слѣдуетъ забывать между всѣми услугами, оказанными и оказываемыми безпрестанно медициною!

Въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ доказывается на чёмъ она шоюется. Всякій разъ какъ происходили феномены, о которыхъ идеть рѣчь, въ людяхъ бывшихъ, въ этихъ случаяхъ, активными или пассивными субъектами, проявлялись первыя разстройства вполнѣ определенные, такъ что слѣдовало бы сказать, еслибы нести до конца учение о духахъ или бѣсахъ, что существа эти могли иначе дѣйствовать какъ посредствомъ первовъ, совершенно такъ какъ дѣйствуютъ причины болѣзней. Всякій разъ какъ ухъ или бѣсъ вселялся въ тѣло человѣка, или сверхъестественныя явленія, проистекающія отъ ада или небесъ, давали себя чувствовать, происходила дрожь, судороги, столбнякъ, помраченіе ума, истощество чувствъ, разслабленіе; но всѣ эти случаи, если такъ можно выразиться, понятны для медика: во всемъ этомъ для него есть ничего сверхъестественного. Онъ не знаетъ, что такое жизнь ма по себѣ (отличимъ родъ знаній доступныхъ положительной наукѣ), но какимъ образомъ въ этой жизни, которая дана и существуетъ, происходить и проявляются различныя дѣйствія; онъ знаетъ дѣйствіе желудка на мозгъ, и мозга на желудокъ; ему известна сѣть кровеносныхъ сосудовъ, соединяющихъ центръ съ труженностью и окружность съ центромъ; при постели больныхъ онъ знакомился съ подобными разстройствами, и если онъ встрѣчаетъ парализованный или сокращенный мускуль, онъ тотчасъ ищетъ въ рвѣ ли, въ позвонкахъ или въ мозгу гнѣздится причина болѣзни.

Сверхъ того, тѣсная связь соединяетъ эти болѣзни съ природой съ виѣшимъ міромъ, въ средѣ котораго вращается человѣкъ. Чудное сходство существуетъ между нашей нервной системой и дѣйствующими силами, которая природа разсѣяла повсюду, празительное явленіе допускающее умъ глубоко вдаваться въ торію жизни, указывая на точкѣ, новидимому самой неуловимой независимой, неизбѣжной подчиненности, которую доказываетъ дѣятельность элементовъ, кислорода, водорода, азота, углерода въ строеніи живущихъ существъ. Многія вещества способны разропить движеніе, чувствительность, разсудокъ. Желаетъ ли кто пропасти безконечный рядъ унонительныхъ видѣній, доставляющихъ ладительные минуты и заставляющихъ забыть жизненные тревоги, заботы, дѣла, стоитъ только покурить опіуму или напиться

гашину, чтобы измѣнить центръ ощущеній, и дѣйствительность мѣнить разнообразными призраками. Въ настоящее даже время, или вѣриѣ, миллионы людей ищутъ въ этихъ средствахъ податливое наслажденіе пріятными сновидѣніями. Другіе напускаютъ на себя конвульсіи, которыхъ ничто не въ состояніи остановить предпишите нѣсколько капель стрихнина, и вы увидите, какъ скелеты придутъ въ движеніе будто отъ раздражающаго ихъ жала и тошноты, спущенный на свободу, убѣгутъ отъ обычнаго контволи. Хотите ли вы чтобы въ ушахъ раздавался продолжительный сильный гулъ, безъ всякаго звука извнѣ, дайте достаточное количество сѣро-кислой соли хинина, и тому кто ее приметъ, буде казаться, что его оглушаетъ водопадъ шумомъ волнъ безостановочно иадающихъ вдали. Желаете ли вы дѣйствовать на глаза и мутить зрѣніе, белладона къ вашимъ услугамъ, чтобы произвести временнуу слѣпоту.

Я останавливаюсь; эти вещества и многія другія—тѣ же оны, которые приводятъ въ движение клавиши и вызываютъ струнъ звуки. Все составляетъ отдѣль, специальность, локализуетъ все имѣеть организацію и отдѣльное отправленіе и на эти-то личные органы, имѣющіе различное назначеніе вліяютъ дѣятъ случайные и вредные (что образуетъ болѣзнь и патологію) полезные и избранные (что составляетъ медицину). Въ тѣлѣ, залъ Гиппократъ, все содѣйствуетъ одно другому.

Къ этой общей истинѣ, которая въ началѣ бросилась въ г. возникающей наукѣ, надо прибавить, что тамъ все имѣеть съ специальность, истина, которая была не замѣчена и которую крыла подвинувшаяся впередъ наука.

Независимо отъ столькихъ веществъ, производящихъ самыя разнообразныя разстройства, есть другія условія, которыя нарушаютъ измѣненія въ систему нервныхъ отправленій. Чувства, движение, нравъ, умъ не имѣютъ надобности во вѣнчанихъ физическихъ двигателяхъ, во вѣнчанихъ дѣятеляхъ введенныхъ въ экономику чтобы произвести дѣйствіе, которое имъ всѣмъ вообще определено. Достаточно чтобы органы, которымъ определены эти личныя дѣятельности, возбуждены были какою нибудь внутреннею или вѣнчаною причиной, чтобы тотчасъ ихъ дѣятельность явилась. Другими словами, глазъ можетъ видѣть свѣтъ, хот-

действительности и не будетъ свѣта; ухо можетъ слышать звукъ, которого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Человѣкъ, получившій ударъ по головѣ въ темпомъ мѣстѣ, вдругъ увидѣлъ яркій свѣтъ, и когда приведенъ былъ на очную ставку съ обвиненіемъ въ нанесеніи этого удара, онъ утверждалъ, что узналъ его при свѣтѣ, внезапно мѣверкавшемъ въ его глазахъ и въ темнотѣ; тогда медикъ приглашенный къ разбирательству дѣла, далъ замѣтить, что свѣтъ, о которомъ говорилось, ограничивался зрительнымъ первомъ, несуществовалъ въ дѣйствительности и никакъ не могъ ни блестѣть въ темнотѣ, ни способствовать къ распознанію кого бы то ни было. Раздражая нервы вкуса посредствомъ электрическаго тока, можно произвести во рту вкусъ, независимо отъ тѣла содержащаго въ себѣ какой либо вкусъ. Такимъ же образомъ, подъ вліяніемъ патологического состоянія, чувства испытываютъ ощущенія, глаза видѣть, уши слышать, ноздри обоплють, языкъ вкушаетъ, мускулы шигаются, видѣнія представляются, чувствованія, возбужденія появляются, умъ создаетъ странное сдѣлѣніе мыслей, и пациентъ, отдаленный отъ дѣйствительного и видимаго міра, принадлежитъ между міру фантастическому и невидимому, въ который онъ не въ состояніи не вѣрить.

При такихъ разстройствахъ проявляются разныя степени, разныя соображенія; и медикъ, который ихъ рассматриваетъ, относить ихъ безъ затрудненія къ сверхъестественной или демонической патологіи, которая такъ же не болѣе странна, ни болѣе сложна.

Въ числѣ бѣсовскихъ явлений, преобладаетъ галлюцинація или болѣщеніе чувствъ; она то измѣняетъ наружный видъ предметовъ прививаясь къ существованію страждущаго галлюцинацией рядъ призрачныхъ явлений. Она имѣетъ чудную возможность придавать видъ, свѣтъ, звукъ, вкусъ, запахъ тамъ гдѣ этого ничего нѣтъ. Дѣйствительность не болѣе дѣйствительна нежели явленія, которыя она производитъ, и надо чтобы прочія способности были въ полной силѣ; иначе можетъ произойти разстройство. Нѣмецкій ученый юстиціального столѣтія, Гледичъ, ясно видѣлъ въ три часа пополудни, въ углу залы берлинской академіи, Мопертюи, умершаго не задолго до того въ Базелѣ; онъ прописалъ это видѣніе минутному разстройству своихъ органовъ; но говоря о немъ, онъ утверждалъ, что призракъ былъ такъ вѣренъ какъ будто Мопертюи былъ живой и

стоять передъ нимъ. Въ медицинскихъ сборникахъ находится множество подобныхъ наблюдений; въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ встречается наблюденіе одного медика, который въ совершилъ сознаніи, внимательно наблюдая за собою, не могъ отѣдѣтъ отъ галлюцинацій его преслѣдовавшихъ, особенно отъ галлюцинаціи слуха; и часто, не смотря на то, что былъ предупрежденъ, не оставлялъ свои занятія, чтобы отвѣтить на голосъ его замѣтнаго и существовавшаго только въ его слуховомъ нервѣ. Но случается нерѣдко, что разсудокъ не можетъ такъ неусыпно слѣдить за ложными ощущеніями его осаждающими. Онъ, наконецъ, или падается имъ, оставаясь здравымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти ложныя ощущенія такъ живы и становятся для него до тѣхъ вѣроятными, что онъ замѣняютъ действительныя ощущенія; съ тѣхъ минутъ міръ совершенно измѣняется, и между тѣмъ какъ маши видѣть и слышать все, что видимо и слышимо, иѣкоторые видятъ и слышать то чего не видно и не слышно. Или же разсудокъ самъ участвуетъ въ разстройствѣ, и тогда къ ряду галлюцинацій при соединяется рядъ другихъ призраковъ, смотря по степени разстройства.

Междуд различными видами, подъ которыми является галлюцинація, одинъ видъ въ особенности долженъ быть отмѣченъ по пропорціи значенія, которое онъ иногда имѣть: это колективная галлюцинація. Галлюцинація, вмѣсто того чтобы поражать одну отдельную личность, можетъ поражать разомъ нѣсколько личностей и вмѣсто того чтобы производить въ нихъ различныя ощущенія, подвергаетъ ихъ одной массѣ ощущеній. Отличительное ея свойство состоять не въ томъ, чтобы захватить разомъ нѣсколько человѣкъ и чтобы породить въ ихъ умѣ однородное ясное пониманіе и приводить ихъ призракамъ извѣстную однообразность. При этомъ нельзя представить болѣе замѣчательного примѣра какъ колдовство; на этомъ обширномъ и продолжительномъ феноменѣ, занимавшемъ столько странъ и вѣковъ, основные виды его постоянно воспроизводились; колдунъ, колдунья переносились въ шабашъ, и тамъ вѣдти дьяволы, говорили съ нимъ, осязали его; никто не избѣжалъ этого рода призраковъ, происходящихъ отъ поврежденія умственнаго, соединеннаго съ преобладаніемъ идей, бывшихъ тогда въ модѣ. Но вѣдь, хотя и есть нарушеніе естественнаго и правильнаго

порядка, но она не произвольна; она тоже подчинена правиламъ которыхъ ограничиваютъ разстройство и побуждаютъ къ новымъ, послѣдствіямъ; она зависитъ отъ причинъ, которыхъ производятъ и отъ живыхъ элементовъ, которыхъ она поражаетъ. Такъ точно и галлюцинація подчиняется условіямъ, которыхъ налагаются на нее свою печать; колеблясь между уклоненіями, имѣющими границы, она зависитъ отъ чувства, на которое она дѣйствуетъ и отъ среды, въ которой она порождается: отъ чувства, т. е. слышатся голоса, звуки, представляются формы, свѣтъ, чувствуются запахи и т. д., отъ среды — общественныя и могучія миція опредѣляютъ характеръ и придаютъ тѣло и жизнь этимъ впечатлѣніямъ. Получивъ такимъ образомъ начало и распространеніе, галлюцинація дѣлается историческимъ событиемъ, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтоисяхъ рода человѣческаго. Если болѣзнь не можетъ быть изъята изъ исторіи индивидуального человѣка, она также не можетъ быть исключена и изъ исторіи общества. Въ жизни ежеминутно встрѣчается болѣзнь отдельная. Одинъ чувствуетъ вдругъ острую боль между ребрами, начинается кашель и воспаленіе развивается; у другого съ болью шухнутъ суставы; у третьаго блокъ глаза желтѣетъ и вскорѣ вся кожа принимаетъ такой же цвѣтъ; и такъ далѣе представляется множество видовъ страданій, которыхъ медики обстоятельно описывали и для которыхъ они, смотря по болѣзни, имѣютъ лекарства сильныя, слабыя, сомнительныя, недѣйствительныя. Этимъ однако не ограничивается патологія: болѣзнь часто минуетъ отдельную личность и превращаясь, какъ говорятъ, въ эпидемическую, поражаетъ одинаковыми страданіями цѣлые массы. Иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляются болѣзни, которыхъ дѣлаются общими и въ кругу, болѣе или менѣе обширномъ, разнообразность припадковъ исчезаетъ и устанавливается однообразіе. Наконецъ кругъ можетъ увеличиться и охватить обширныя области, какъ было съ проказою въ средніе вѣка, съ чумою въ четырнадцатомъ столѣтіи, съ нотницею въ пятнадцатомъ и съ холерою въ наше время. Что происходитъ въ области растительной жизни — такъ какъ всѣ болѣзни, о которыхъ я говорилъ теперь и тѣ которыхъ съ ними связаны, принадлежать къ поврежденію крови, покротъ, илевы, органовъ, ихъ функций и реакціи на нихъ среды — что происходитъ въ области растительной жизни, то самое

происходить и въ области интелектуальной и нравственной жизни и въ области первыхъ отправлений. Разстройства, которые въ нихъ происходятъ, не проявляются въ отдельныхъ только видахъ видъ эпидемической тоже имѣеть въ нихъ мѣсто; но вмѣсто того чтобы происходить отъ вліяній пищи, воздуха, тепла, холода, міровъ и смертоносныхъ дѣйствующихъ силъ явныхъ или тайныхъ, которые разстраиваютъ живущее существо, они происходятъ отъ нравственныхъ вліяній, отъ мнѣній, отъ вѣрованій, отъ опасеній. Такимъ образомъ порождаются наклонности, которые непреодолимо овладѣваютъ массою умовъ, какъ напримѣръ, потребность въ покуплениі грѣховъ и великая эпидемія бичующихъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ; отъ этого происходятъ экстазы и мистическая видѣнія, какова эпидемія, которая была между угнетенными камизардами. Какъ у отдельныхъ личностей страсти доходятъ до разстройства разсудка, такъ и въ обществѣ моральныя и интелектуальныя разстройства, становясь общими, доходятъ до коллективныхъ увлечений до господствующихъ волненій.

Въ наукахъ и преимущественно въ наукахъ жизни и исторіи весьма дѣйствительно и полезно сличать факты, о которыхъ идетъ споръ и которые, взятые отдельно, оставляютъ умъ въ сомнѣніи. Одно уже сгруппированіе ихъ проливаетъ свѣтъ; оно исключаетъ все чисто случайно, указываетъ на постоянныя явленія и представляетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ наше время многие могли бы быть удивлены, слыша разговоры о духахъ, которые стучатъ, о стенахъ одушевленныхъ, о являющемся свѣтѣ, о звукахъ чудно производимыхъ. Но пускай они обратятся назадъ и тогда они найдутъ все это или подобное въ историческихъ разсказахъ. Я скажу, что если бы могло остатся какое-либо сомнѣніе на счетъ основательности этихъ разсказовъ, факты настоящаго времени даютъ имъ вѣру, какъ, въ свою очередь, эти разсказы ставятъ на ихъ мѣстѣ настоящіе факты. Совокупность этихъ болѣзнейныхъ явленій ограничивается весьма тѣснымъ кругомъ. Дѣло идетъ всегда о разстройствѣ чувствъ, которые заставляютъ видѣть, слышать, осязать, о возбужденіяхъ, которые ставятъ первную систему въ весьма странныя условія, о важныхъ измѣненіяхъ чувствительности, ужаса и болѣзней конвульсіяхъ придающихъ мускульной системѣ неограниченную силу. Далѣе къ этимъ общимъ подробностямъ присоединяетъ

и то, что представляютъ современныя идеи и вѣрованія. Въ одномъ мѣсѣ Циоія получаетъ вдохновеніе отъ Аполлона и волшебница за-мѣняетъ Гекату посредствомъ вызыванія духовъ; въ другомъ вѣкѣ безобразный и смѣшной средневѣковой чортъ представляется во-ображенію. Подъ инымъ вліяніемъ ангелы божіи посылаютъ помошь несчастнымъ угнетеннымъ. Подъ другимъ вліяніемъ еще къ этому видѣнію ангеловъ, присоединяются мистический идеи о магнитиче-скомъ токѣ, который наука пустила въ ходъ.

Вотъ что произошло въ наше время и не могло произойти иначе какъ въ эту эпоху. Въ наше время тоже можно замѣтить иѣкоторыя причины, сходныя съ тѣми которыя иѣкогда дѣйствовали коллективно на умы. Наше время есть эпоха переворотовъ. Значи-тельный потрясенія въ короткіе промежутки времени возмутили общество, внушили однимъ неслыханный страхъ, другимъ безграничныя на-дежды. Въ этомъ состояніи нервная система сдѣлалась чувствительне тѣмъ она была до того времени. Съ другой стороны, когда каза-лось что общественная почва ослабѣваетъ, многія души съ сокру-шеніемъ обратились къ сверхъ естественному какъ къ убѣжину, и это обращеніе было не совсѣмъ чистосердечно; оно совершилось въ виду идей противоположныхъ, имѣющихъ свою долю пре-имуществъ и въ виду идей научныхъ, внушившихъ большое почте-ніе даже тѣмъ, которые страшились ихъ вліяній. Вотъ стеченіе обстоятельствъ, которое должно было благопріятствовать современ-ной вспышкѣ. Я говорю благопріятствовать, а не произнести вспыш-ку, потому что, я полагаю, коллективная страсти ума существуютъ какъ существуютъ коллективные страсти тѣла; весьма часто из-вѣстно что именно содѣйствуетъ ихъ развитію; рѣдко извѣстно что его подлинно производитъ. Впрочемъ, весь предметъ, вполнѣ за-служивающій обсужденія, отмѣченный въ исторіи рядомъ принадковъ бѣснующихся, до сихъ поръ едва очерченъ.

Въ деревняхъ, особенно въ болотистыхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя безопасно ступить ногою, иногда бываетъ видѣніе ночной свѣтъ по-ражающій и привлекающій взоръ запоздалаго путешественника. Огни эти не горятъ, и если прийти въ то мѣсто, то не видно чтобы они обозначили слѣдъ свой пепломъ или угольемъ. Огни эти не освѣщаются, они носятся во мракѣ и не разсѣваются его: истинные блудящіе огни, по простонародному выраженію, не имѣющіе ни

силы, ни жибу. Подобно этимъ блудящимъ огиямъ показываются на историческихъ поляхъ эти проявления демоновъ, душъ усопшихъ, духовъ и сверхъестественныхъ дѣятелей. Весьма часто они показываются чтобы вскорѣ исчезнуть и, какъ ихъ появление ничего не означаетъ, то также ничто и не омрачается отъ ихъ исчезновения. Свѣтъ ихъ болѣзненный ц, кто слѣдить за его неправильными движениями, тотъ только вертится и не подвигается впередъ. Вирочемъ, не смотря на чудныя обѣщанія, которыя они расточаютъ, не смотря на чрезвычайности, которыя они, повидимому, открываютъ, ихъ окончательное безсиліе остается явнымъ. Все въ исторіи идетъ своимъ путемъ, какъ будто они и не существовали. Они держать волшебный жезлъ, но онъ въ рукахъ не дѣйствуетъ. Они повелѣваютъ тайнымъ силамъ вещей, а вещи слѣдуютъ направлению свойственному и подчиненному совсѣмъ другимъ условіямъ. Однимъ словомъ, въ исторіи эти проявленія представляютъ сходство съ соавторомъ Виргилия, который во снѣ хочетъ тщетно вскочить и бѣжать: онъ изнемогаетъ отъ своихъ усилий, языкъ его сму не повинуется, силы ему измѣняютъ и изъ устъ его, которыя отказываются ему служить, не выходить ни слова, ни звука.

Самопроизвольная теорія (надо соединить эти два слова), которую соединялъ и представлялъ умъ феномены, о которыхъ идетъ рѣчь, указана исторію: сверхъестественная сила, которая, была нѣдѣ признана, ихъ опредѣляла. Конечно, въ этой теоріи не было ничего что было бы противно фактамъ или разсудку: фактамъ,— вмѣшательство демоновъ и душъ вполнѣ объясняло ее, разсудку— это вмѣшательство казалось ему болѣе правдоподобнымъ, нежели показалось бы дѣйствіе естественныхъ причинъ, которыя тогда не были объяснены. Предметы являлись въ такомъ видѣ до сдѣланныхъ опытовъ и тогда умъ относился къ этимъ феноменамъ, какъ глазъ относится къ сугубому движению звѣздъ, которая онъ видѣлъ, постараюсь, что онъ вертится вокругъ земли; но настало время когда пришли пересматривать самопроизвольные поясненія полученные отъ предковъ, чтобы подтвердить нѣкоторыя и отвергнуть другія, что собственно и составляетъ отвлеченнную науку. Въ началѣ, очевидно изслѣдованіе желало скорѣе найти результаты сообразные съ предположеніемъ, нежели новости всегда сомнительныя. Не смотря на это направление, надо было мало по малу отбросить что было пере-

дно касательно колдовства, бѣсноватыхъ, изстуленій, конвульсій. Эти факты не могли объясняться теоріею о духахъ, ихъ должно было объяснить иначе. Скажутъ, конечно, что по временамъ факты эти возобновлялись и что убѣжденія попѣйшаго времени ихъ не отвергаютъ. Да, конечно, они возобновляются, потому что условия, которыхъ ихъ вызываютъ, т. с. различная потрясія первої системы сохраняютъ всегда свою дѣятельность. Впрочемъ, къ чему продолжать споръ? Вы сообщаетесь съ духами, которые проникаютъ сквозь непроницаемую матерію, съ княземъ лда, для которого величайшія чудеса составляютъ игрушку, съ душами умершихъ, которыхъ обитаютъ мѣста недоступныя слабымъ людямъ, однимъ словомъ, со всѣми этими существами безилотными и могущественными, для которыхъ нѣтъ ничего скрытаго и невозможнаго, следовательно вы имѣете силу и знаніе. И такъ дайте доказательства этой силы и знанія. Но нѣтъ. Все ограничивается жалкими явленіями, и только передвигается мебель, хлопаютъ двери и окна, производятся звуки и свѣтъ и ведется разговоръ, въ которомъ истрѣчаются только мистическая повторенія того, что сто разъ было сказано гораздо лучше.

Но мнѣнію другихъ, въ магическихъ чудесахъ вступаютъ въ соотношенія не съ безконечною толпою духовъ, а съ стихійными силами природы. И если возможно, чтобы человѣкъ посредствомъ различныхъ пріемовъ, производилъ въ первої системѣ другого весьма странныя явленія, почему же было бы невозможно, чтобы подобное дѣйствіе, зависящее отъ воли, произведено было надъ животными, первая система которыхъ тоже доступна впечатлѣнію? Почему оно не могло бы простираться и на растенія, которыхъ если не имѣютъ чувствительности, то, по крайней мѣрѣ имѣютъ жизнь? Почему оно не перешло бы и на вещества составленные какъ человѣкъ изъ кислорода, водорода, углерода и азота и имѣющія съ этой стороны нѣкоторое сходство съ нимъ? Почему наконецъ, преодолѣвъ преграду, не можетъ оно простираться на гѣла грубыя, каковы бы они ни были, въ силу извѣстной, всеобъемлющей жизненности, которая проникаетъ во все, т. е. почему, коли, которая мгновенно проходитъ до конечностей нальцевъ, не прошла бы мгновенно до вѣнчанихъ предметовъ и не сообщила бы имъ движеніе? Почему?.. Но къ чему послужить повтореніе этихъ

почему, которые остались бы правдоподобными до тѣхъ поръ по-
куда ошѣть не дать бы на нихъ отвѣта.

Если поли и, черезъ нее, магическое слово имѣютъ силу, пусть
они это докажутъ; пускай они замѣнять паръ, электричество и
всѣхъ двигателей, которыхъ наука отдала въ распоряженіе труду
и промышленности. Однако ничто не движется, и чтобы корабль
покинулъ берегъ, надо непремѣнно чтобы вѣтеръ вздулъ его из-
руса или чтобы каменный уголь заставилъ вертѣться его колеса.

Знать и мочь суть два великия термины коллективнаго ума, ко-
тораго прогрессивное развитіе составляетъ нить въ исторіи. Въ на-
чалѣ происхожденія лѣтонисей человѣческихъ находится магія съ
одной стороны тѣсно связанныя и смѣшанная съ начинающейся
наукою, съ другой стороны съ болѣзнью, такъ что невозможнѣ
было выбратьъ исходный пунктъ между ими тремя. Магія, какъ
наука, старалась изслѣдоватъ вещи и употреблять ихъ въ свою
пользу, и, неѣть сомнѣнія, что она въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ
внослѣдствіи алхіміи, много разъ встрѣчала любопытныя и важ-
ныя явленія. Въ свою очередь, наука неувѣренная въ своей док-
тринѣ, не богатая фактами, не отвергала союза, который гречес-
кіе мыслители первые осмѣлились отвергнуть. Наконецъ болѣзнь
предомъ сообразнымъ со всѣми принятыми вѣрованіями, видимо
подтверждала тайныя знанія. Все это, съ содѣйствіемъ временъ
все раскрывающимъ и поучающимъ отдалилось и распозналось. На-
ука, богатая фактами и увѣренная въ своей доктринѣ, знаетъ, что
она дѣйствуетъ только носредствомъ свойства веществъ, свойства, въ
которыхъ она проникаетъ мало по малу, созиная рукою послѣдо-
вательныхъ поколѣній теоріи отвлеченные и глубокія. Магія отдали-
лась отъ науки, и отдаленная отъ болѣзни, тщетно взывая къ без-
плоднымъ духамъ или къ стихійнымъ силамъ природы, имѣть чары
и формулы, но ни что имъ не повинуется. Болѣзнь, которая такъ
долго подтверждала ея существованіе, признанное подъ странными
формами ее скрывающими, прибавляясь къ медицинѣ страшицу, ко-
торую исторія съ своей стороны, не должна оставить безъ вни-
манія.

ГИГІЕНА.

I.

Частная гигіена.

Явленія въ области астрономіи и физики, призанныя современной наукой, мало понятны для людей непосвященныхъ въ эту науку и объясненіе ихъ представляется дѣломъ весьма не легкимъ, хотя и не невозможнымъ, если ограничиться просто передачей конечныхъ выводовъ науки, не прибѣгая къ научнымъ доказательствамъ какого бы то ни было рода. Дѣйствительно, разработка этихъ доказательствъ дѣло трудное, здѣсь приходится сказать: *oc labor, hic labor est*; по можно всегда представить читателю конечные выводы въ такомъ видѣ, что они сдѣлаютъ впечатлѣніе на его умъ и убѣдятъ его. Человѣкъ давно уже привыкъ къ тому, что наука опредѣляетъ ходъ небесныхъ свѣтилъ, направляетъ путь кораблей, заставляетъ электричество передавать слова его, а паръ переносить его и по суши и по морю; этотъ фактъ такъ очевидный для всѣхъ глазъ служить ручательствомъ вѣрности той теоріи, которая во всѣхъ подробностяхъ ея доступна только немногимъ, которая понятна только посвященнымъ въ нее.

Мы можемъ говорить возбуждая живѣйший интересъ, напримѣръ, о звѣздахъ, о безчисленномъ множествѣ солицъ, о величинѣ нашего солнца, о всѣхъ земляхъ, и о тѣхъ высокихъ познаніяхъ, о которыхъ Ляфонтенъ еще сказалъ, что онъ не довѣрился своимъ глазамъ въ

виду величия механизма вселенной. Но какъ ни велики и прекрасны эти предметы, попробуйте объяснить ихъ научными доказательствами и вы потеряете слушателей. И не потому, что науки ведущія къ познанію ихъ отвлечены и начало ихъ скрыто въ какой нибудь недоступной высотѣ, или въ какомъ нибудь таинственномъ убѣжищѣ, удаленномъ отъ шаговъ простыхъ смертныхъ; оно лежитъ въ простомъ астрономѣ смыслѣ, въ тѣхъ истинахъ, которыя онъ воспринимаетъ самъ собой. Но изъ этихъ истинъ, изъ этихъ аксиомъ, какъ ихъ называютъ математики, путемъ дедукціи развиваются длинную серію положеній. Послѣднее связано съ первымъ длинною непрерывной цѣнью, но тѣмъ не менѣе первое далеко отстоитъ отъ послѣдняго; отсюда невозможность для ума неподготовленного уловить отдаленую истину, которую никакая сила пониманія не усвоитъ себѣ безъ связующихъ звеньевъ. Съ тѣхъ поръ какъ математика, приложенная къ задачамъ астрономіи и физики, тѣмъ самымъ дала человѣческому уму значительную силу для решенія вопросовъ, которые иначе остались бы неразрѣшими, необходимо предварительное посвященіе въ тайны науки, для того чтобы вполнѣ понять то, что весь сеять допускаеть, напр., что земля обращается вокругъ солнца и что притяжение, действуя по известнымъ опредѣленнымъ законамъ есть причина этого круговращенія.

Еще труднѣе объяснить публикѣ, даже образованной, то, что составляетъ предметъ науки о жизни. Съ первого взгляда кажется, что легко говорить о нихъ и понять ихъ. Дѣло идетъ о томъ, что всего ближе касается насъ, что намъ всего знакомѣе. Какъ мы дышимъ? Какъ обращается кровь въ нашихъ сосудахъ? Какимъ образомъ только известная часть кислорода воздуха проникаетъ сквозь легочныя ткани, чтобы придавать яркую краску и животворящую силу крови. Какимъ образомъ хлѣбъ и пища, ежедневное внеденіе которыхъ въ организмъ необходимо, превращаются въ желудочный сокъ, затѣмъ въ кровь, въ мускулы, въ нервы и въ кости? Объяснить все это, значитъ объяснить, что происходитъ внутри насъ, что заставляетъ насъ двигаться, думать, наконецъ жить. Тутъ какъ нельзя болѣе приложимо изреченіе Гораций: *De te fabula narratur*. Прибавимъ къ этому, что наука о жизни не такъ непонятна, ибо она опирается на математику, какъ астрономія и физика. Математика неспособна разрѣшить задачи этого рода. Не

и потому, чтобы сущность этихъ вопросовъ не допускала анализа распространяться и на область жизни; еще съ того времени, какъ Гекартъ открылъ чудесный способъ объяснять направление движений посредствомъ алгебраическихъ уравнений и такимъ образомъ изменять количество въ качестве, умъ человѣческий постигъ, что ни одна вполнѣ выясненная проблема изъ сущности своей не можетъ быть поставлена въ области математики; но онъ въ то же время призвалъ, что безпредѣльная сложность вещества положила границы стремлѣніямъ этого рода. Простой вопросъ о тяготѣніи между тремя тѣлами, объ уравненіи истечения жидкостей вполнѣ исчерпываютъ всю область геометріи. Что же будетъ, если прилагать этотъ методъ къ разрѣшенію вопросовъ химіи, а тѣмъ болѣе физиологии; наѣтъ остановить здѣсь не математическій приступъ къ дѣлу, но малое знаніе механизма жизни, того, что на техническомъ языке называется тканями, органами. Что такое нервъ? Не тотъ нервъ, который наобыкновенномъ языке въ древности (такъ говорилъ и Гиппократъ) принимался за сухожиліе, но тотъ, который передаетъ импульсъ волнѣ мускуламъ, передаетъ ощущенія мозгу и сообщаетъ, оническую силу сосудамъ. Что такое корешки нервовъ, изъ которыхъ одни служатъ исключительно передачѣ ощущеній, другие движения, такъ что если болѣзнь поразить первую часть происходящаго отъ соединенія обѣихъ нитей нерва, чувствительность будетъ парализована, если вторую—то движеніе. Что такое эти кровяные варики, которые, если они уменьшатся значительно подъ какимъ-либо неблагопріятнымъ вліяніемъ, вызываютъ цѣлую совокупность мертвыхъ симптомовъ. Что такое эти клапаны сердца, которыхъ дѣйствіе правильное и неправильное можетъ быть слышимо простымъ ухомъ, благодаря изобрѣтенію Леннека? Всѣ эти вопросы остаются обыкновенно безъ отвѣта. Возьмите же за руку человѣка, котораго вы захотите вести по этимъ неосищеннымъ путямъ. Къ очевидной трудности объяснить всѣ эти законы присоединяется еще другая, болѣе глубокая и скрытая, а именно: что дѣйствительное начало жизни требуетъ и знанія всѣхъ законовъ неорганическаго мира.

Каждое животное, каждое растеніе прежде чѣмъ разсматриваться какъ живое существо составляетъ агрегатъ разныхъ веществъ, въ которыхъ химическое сродство играетъ постоянную роль, въ кото-

рихъ сиять, теплота, электричество, тяжесть действуютъ непрерывно. И такъ: иѣть физиологического вопроса, который бы могъ быть усложненъ всѣми, этими хотя и второстепенными условіями. Однако, несмотря на очевидныя трудности, я попробую сказать исконико словъ о гигиенѣ, руководствуясь книгой¹) Мишеля Леви. Трудно найти лучшее руководство. Авторъ слѣдилъ за всѣмъ членится по части этой науки. онъ владѣетъ громадной опытностью, которая не только ручается за достоинство собранныхъ имъ материаловъ, но что существенно важно, за умѣніе его оцѣнивать ихъ, потому что критический анализъ подобнаго рода есть чрезвычайно полезный помощникъ науки. Основываясь на ней, авторъ стремится вывести изъ всѣхъ методовъ действительную пользу. Онъ привыкъ давать отвѣты на вопросы, касающіеся гигиени, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что до нея касается въ разныхъ мѣстностяхъ и подъ вліяніемъ разныхъ климатовъ. Еслибы его трудъ только что появился въ свѣтѣ, то и тогда всѣ эти данные служили бы достаточнымъ, ручательствомъ его достоинства; теперь же и подавно, когда онъ достигъ уже третьаго изданія. Мишель Леви очень наглядно представилъ то постоянное усовершенствованіе, котораго достигла гигиена, благодаря успѣхамъ медицины и ея возрастающему вліянію на условія общественной жизни. «Что можетъ быть, говоритъ онъ, менѣ гигиеническихъ нашихъ обычаевъ? Пища, одежда, увеселенія, обицаний образъ жизни, обязанности общественные—всѧ наша жизнь, полная треволненій, заставляетъ предполагать какъ будтъ бы мы побились обѣ закладъ, что несмотря на самыя неблагопріятныя условія, мы все-таки какъ нибудь выживемъ. Мода настѣль по рабоцаетъ такъ, что каждые шесть мѣсяцевъ заставляетъ переносить форму одежды, къ которой мы уже привыкли. Столъ наши обставляетъ такъ, что благодаря испорченности вкуса и фальсификаціи продуктовъ, наши органы лишены самыхъ существенныхъ элементовъ пищи. Учрежденія древнихъ какъ-то: термы, форумы, театры, устроиваемые на чистомъ воздухѣ и дававшіе возможность поддерживать въ надлежащемъ равновѣсіи способности физическая и умственная, смѣнились системой жизни, которая бы

тѣло сожигаетъ жизнь, или сосредоточиваютъ ее въ области безплодныхъ страстей. Развитіе промышленности ставитъ огромный массы народа въ условія губительно вліяющія на здоровье и дѣлаетъ наши города разсадникомъ болѣзней. Но параллельно съ иной мрачной картиной нельзя не сопоставить обстоятельство, примѣрноющее съ настоящимъ; это постепенное возышеніе средняго уровня продолжительности жизни. Въ наши тяжелые дни, люди живутъ дольше нежели въ славные дни цивилизациіи древнаго міра, въ дни гладиаторъ и атлетовъ. Изъ этого видно, что гигіена вовсе не такъ непримѣнна къ нашему строю жизни, какъ это кажется съ первого взгляда. Она не умерла вмѣстѣ съ учрежденіями Афинъ и Спарты. Каждый изъ насъ имѣеть болѣе вѣроятія на долговѣчность, чѣмъ сограждане Ликурга; однако наши законы не занимаются опредѣленіемъ числа блюдъ за нашимъ столомъ, мы не убиваемъ нашихъ дѣтей-кальѣкъ; напротивъ тутъ-то наука медицина и показываетъ свою изобрѣтательность чтобы сохранять здоровье и жизнь. Однимъ словомъ, несмотря на то, что мы развиваемъ сами элементы сокращающіе жизнь, сумма дней, которые намъ сочтены, увеличилась».

Фактъ продолженія средняго уровня жизни, заявленный Миншемъ Леви, очень знаменателенъ. Надо конечно понимать средний уровень жизни массы, а не каждого лица въ отдельности. По принципамъ старости, начинающейся между пятидесятию и шестидесятию годами, приблизительный предѣлъ жизни составляютъ семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ. Долговѣчность, превышающая этотъ срокъ есть исключеніе и удѣль приуилегированныхъ натура. Подобная долговѣчность достигается вслѣдствіе особенно счастливой организаціи. Ей нельзя создать по заказу, какъ нельзя создать по своему желанію особое существо или геній. Но средний уровень жизни отчасти въ нашихъ рукахъ. Удаляя вредныя вліянія, мы можемъ продлить его. Идеаль этого стремленія состоитъ въ томъ, чтобы по возможности избавить себя отъ всякихъ болѣзней и дойти до смерти естественнымъ путемъ, то-есть, если можно такъ выражаться, постепеннымъ изнашиваніемъ своего организма. Не нужно говорить, что какой бы высокой степени ни достигло развитіе человѣка, онъ этого идеала никогда виолицъ не достигнеть. Но и то уже немалая награда за всю работу смигнующихъ поколѣній, если они ослаблять силу условій сокращающихъ жизнь человѣка и со-

хранять то, что было пріобрѣто. Надо заботиться о томъ, чтобы сберечь пріобрѣтенное, потому что тутъ всякое упущеніе опасно сдерживаемыя силы зла могутъ снова вырваться изъ границъ и подобно гребду, который поднявшись вверхъ по рѣкѣ, вдругъ оставилъ весла и былъ отнесенъ назадъ быстротою течения, мы можемъ также быстро вернуться къ прежнимъ побѣжденымъ уже нами и благопріятнымъ условіямъ. На техническомъ языке зовутъ средою всю обстановку, въ которой живетъ всякое живое существо, и преимущественно человѣкъ. Его окружаетъ со всѣхъ сторонъ воздухъ и проникаетъ въ его легкія. Вода утоляетъ его жажду. Различны вещества вводятся внутрь его организма, чтобы питать его. Земляноситъ его и сила притяженія дѣйствуетъ на него. Свѣтъ, теплота, электричество, входятъ въ составъ его существованія. Одѣжда и жилища ему необходимы.

Человѣкъ живетъ въ обществѣ и оно постоянно вліяетъ на его жизнь. Все это составляетъ извѣстную сферу. Съ другой стороны человѣкъ имѣетъ свои потребности, свои страсти, свои понятія, которыхъ должны согласоваться между собою. Познать влияніе этой сферы, дѣйствие и воздействиѣ ея на человѣка, вотъ что и составляетъ предметъ гигіиена. Слѣдовательно, въ составѣ входятъ дѣйтели: изученіе человѣка и сферы, въ которой онъ вращается. Изученіе человѣка, т. е. его сложенія и состава, это анатомія, его организма — физіология, и его страданій — патологія. Для изученія его сферы нужны до извѣстной степени, и физика, и химія, и соціология. Гигіена, въ зависимости отъ всѣхъ этихъ тѣмеченныхъ наукъ, можетъ развиться только если развиваются онѣ. Тому, кто не привыкъ вглядываться въ живой организмъ, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ въ немъ при здоровье на видъ состояніи, проявляются болѣзни, лихорадки, воспаленія. А въ сущности еще страннѣе то, что живущіе организмы не болѣютъ часто, такъ трудно поддержать необходимое для нихъ равновѣсіе. И дѣйствительно, вѣчноколеблющееся равновѣсіе есть составляеть жизнь. Равновѣсіе это зависитъ отъ питанія. Питаніе въ научномъ смыслѣ имѣетъ не то значеніе, которое оно имѣетъ въ общежитіи, т. е. введеніе пищи и ея перевареніе. Это есть только начальный процессъ. Питаніе производится не въ кишечномъ каналѣ, а внутри самыхъ органовъ. Оно состоитъ изъ двой-

што дѣйствія: всасыванія и выдѣленія. Первое вводитъ питательные молекулы, второе выноситъ ненужные и испорченные. Какъ то, такъ и другое важно. Для дѣйствія механизма нужно и приносить и уносить. Ткань нашихъ органовъ безпрестанно измѣняется, то возобновляется, то разрушается: возобновляется, чтобы разрушиться, разрушается, чтобы возобновиться. Путь, которымъ вводятся вещества питанія въ организмъ, есть кишечный каналъ; путь, которымъ они уносятся, преимущественно почки и легкія. Если пройдимъ мысленно за этимъ любопытнымъ процессомъ, то можно подмѣтить безпрестанный обмѣнъ тамъ, где повидимому все неподвижно. Ничто не остается въ спокойномъ состояніи: все или приходитъ или уходитъ; въ этомъ постоянномъ обмѣнѣ и состоитъ жизнь и здоровье. Изъ этого обмѣна составляется правильная ткань нашихъ органовъ.

Объяснивъ питаніе, я сдѣлалъ опредѣленіе сущности жизни; но крайней мѣрѣ не много еще остается добавить, чтобы опредѣленіе было полно. Жизнь есть двойной процессъ возобновленія и разложенія, который представляетъ каждый организмъ. Питаніе при-
туше только веществу организованному, но не всякое организованное вещество имѣеть питаніе. Животное, которое только что умерло организовано, но въ немъ уже не происходитъ питаніе. Однако питаніе не есть единственное условіе жизни; но такъ какъ оно есть одно изъ главныхъ свойствъ общихъ всѣмъ живымъ существамъ, свойство, безъ котораго немыслима жизнь, — то въ немъ и заключается главное опредѣленіе жизни. По мѣрѣ того, какъ органическая жизнь усложняется и продолжается, къ процессу питанія присоединяется процессъ развитія, произрожденія, и у некоторыхъ организмовъ сократимость мускуловъ и явлений первой системы, отъ которыхъ зависитъ движеніе, чувствительность и умъ.

Итакъ, органическое вещество, завися отъ частицъ или молекулъ, которыя, прибывають или убывають, не можетъ не подвергаться изменениямъ, происходящимъ отъ болѣзни. Кровь доставляетъ всѣ материалы. Каждый органъ береть изъ нея то, что ему нужно. Для этого служатъ артеріи. Кровь уноситъ материалы; каждая капль выдѣляетъ изъ себя то, что для нея не годится. Для этого служатъ вены. Артеріи и вены соединены между собою колющими сосудами, довольно просторными для того, чтобы пропускать

кровяные шарики, диаметр которыхъ равняется семитысячной части миллиметра. Въ волокнистыхъ сосудахъ производится процесс питанія. Ихъ стѣники, посредствомъ просачиванія, выдѣляютъ и приимаютъ въ себя собранія и разложенные жидкія вещества.

Стоитъ только составу крови немного измѣниться, и органы не найдутъ уже въ пей все то, что имъ необходимо и въ нихъ произойдутъ болѣзниенія измѣненія. Стоитъ только органамъ подвергнуться этимъ измѣненіямъ и они будутъ доставлять испорченные материалы для крови, которые испортятъ ея составъ. Изъ всего этого видно, какое дѣйствіе имѣть питательный сокъ и на все прочія части и наоборотъ.

Здоровье зависитъ не только отъ причинъ вѣнчанихъ, т. е. отъ воздуха, пищи и отъ всего наса окружавшаго, но и отъ причинъ внутреннихъ. Человѣкъ, въ себѣ самомъ заключающій центръ дѣятельности, который хотя и подверженъ писанимъ отправляніямъ животной и растительной жизни, но тѣмъ не менѣе, разъ приведеніе въ движеніе, дѣйствуетъ во всѣхъ направленіяхъ. Этотъ центръ есть первая система, мозгъ спинной и головной, первые узлы нервовъ, дѣятельность которыхъ обусловливаетъ и совершающую въ человѣкѣ его душевную жизнь, какъ-то: страсти, потребности стремленія, нравственныя и умственныя свойства, органомъ которой она служить. Несомнѣнно первая система, какъ и органы зависятъ отъ питания, которое поддерживаетъ, какъ се такъ же остальное, это доказано самыми простыми опытами: немного алчнаго, нѣсколько капель опіума, или беладонны, проходя посередствомъ желудка въ кровь, производятъ всегда извѣстное разстройство, вполнѣ опредѣленное и неизмѣнно одинаковое для извѣстнаго агента. Но первая система имѣетъ свойственное ей дѣйствіе. Когда страсти, печаль, злоупотребленіе силъ сердца или ума, чрезмѣрное утомленіе, тревоги или другія, ускользнувшія отъ нашего наблюденія причины, вносятъ разстройство въ организмъ, мы видимъ два явленія: или питаніе дѣлается неправильнымъ, вслѣдствіе вліянія на него нервной системы, которая сама находится въ зависимости отъ него, и въ такомъ случаѣ страдаетъ здоровыя тѣла; или развивается цѣлый рядъ первыхъ болѣзней, разнѣхъ припадковъ, галлюцинацій, наконецъ ипохондрія и разные виды номінантельства, и здоровье души разрушено.

Есть еще третье условіе, которое надо принять во вниманіе. Человѣкъ имѣеть передъ собой потомковъ и за собой предковъ. Это цѣлая цѣпь, привязывающая его къ прошедшему и посредствомъ которой онъ въ свою очередь повліяеть на будущее. Онъ получаетъ черезъ своихъ родителей не только известную долю наслѣдства физическихъ и нравственныхъ свойствъ, какъ ихъ собственныхъ, такъ и предковъ ихъ, пои предрасположеніе къ разнымъ болѣзнямъ. Счастливы тѣ, которые получили въ наслѣдство крѣпкое сложеніе, и какъ несчастливы тѣ, которые получили испорченную плоть и кровь. Однако наслѣдственность не есть всемогущая сила, которая всеподъ силы передаетъ дѣтямъ свойства родителей. Она уравновѣшивается тѣмъ, что физиологи по примѣру доктора Люка называютъ врожденностью. Врожденные свойства вслѣдствіе какой либо особенности въ худомъ, какъ и въ хорошемъ, въ физическомъ какъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, заставляютъ известныхъ индивидуумовъ отклоняться какой либо особенностью отъ своихъ родителей. Врожденность кладетъ начало всѣмъ уклоненіямъ, которые вскорѣ поглощаются общимъ типомъ, если они будутъ предоставлены самимъ себѣ, или укрѣпляясь, порождаютъ новые виды, если тому способствуетъ человѣческая изобрѣтательность. Мы часто видимъ, что цѣлые поколѣнія, слѣдя одно за другимъ, колеблются между двумя силами, изъ которыхъ одна удаляеть ихъ отъ типа, другая возвращаетъ къ нему. Сила наслѣдственности такъ велика, что можно, посредствомъ нея установить известные свойства, наложенія, расположенія. Слѣдовательно она неизрѣдѣно должна быть принята въ соображеніе при вопросѣ о здоровыи. Во многихъ случаяхъ, намъ необходимо порыться въ нашей генеалогии и разобрать, что такое были не только нашъ отецъ или мать, но и предки нашихъ, для того чтобы принять мѣры для охраненія себя отъ наслѣдованнаго нами зла, и развить въ насъ то добро, которое мы наслѣдовали. Необходимо не только обратить внимание на прошедшее, но и на будущее, чтобы предохранить потомковъ нашихъ отъ страданій, которыхъ могутъ отравить имъ всю жизнь.

Итакъ, съ точки зреінія здоровья или гигіиіи, надо обратить внимание на три группы, на которые дѣлается условія гигіиіи и по нимъ распределить три рода знанія, которые обнимаютъ относящіеся къ ней факты: 1) Знаніе вліяніе, которое среда имѣеть

на организмъ; 2) знаніе воздѣйствія организма на вліяніе среды; 3) знаніе вліянія наслѣдственности. Этими тремя рядами фактою поддерживается здоровье; черезъ нихъ же является и болѣзнь. Человѣкъ, (то, что я говорю о человѣкѣ, относится и къ другимъ живымъ существамъ, но выказывается всего очевиднѣе на человѣкѣ: человѣкъ живеть растительной жизнью посредствомъ питанія, животной, низшими свойствами своего организма, разумной высшими) находясь подъ вліяніемъ окружающей его среды, въ то же время вліяетъ на нее, и иоставленъ вслѣдствіе своего преносходства въ исключительныя условія. Ничто здѣсь не предоставлено случаю. Случай—это слово не имѣетъ даже смысла при научномъ изслѣдованіи. Въ абсолютномъ смыслѣ и съ общей точки зрѣнія мы не знаемъ, существуетъ ли даже случай; такъ какъ намъ известна только одна частичка безконечнаго. Въ относительномъ смыслѣ и съ точки зрѣнія нашего разума, случай можетъ быть понимаемъ только какъ дѣйствіе письмей области существованія на высшую. Въ соціологіи дѣйствіе біологическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ: болѣзнь и смерть, похищающія замѣчательнаго человѣка, играющаго роль въ исторіи. Въ біологии дѣйствіе химическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ, ядъ, который разрушаетъ ткани и правильность функцій организма. Въ химіи дѣйствіе физическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ, — электричество, которое разстрагиваетъ какую нибудь комбинацію. Всѣ эти случаи въ свою очередь подчинены каждый своему закону. Но я не намѣренъ развивать теорію случая, я говорю только, что измѣненія живаго тѣла, происходящія или отъ собственнаго его дѣйствія на среду, или отъ вліянія на него постороннихъ агентовъ, правильно опредѣлены и представляютъ характеръ всѣхъ прочихъ естественныхъ явлений.

Наука о гигіенѣ очень обширна, если взять въ соображеніе разнородность предметовъ, которые она должна обніять. Разъ повѣтая въ общемъ смыслѣ, она раздѣляется еще на множество специальныхъ отраслей, то по отношенію къ возрасту, то по отношенію къ полу, накопецъ по отношенію къ образу жизни и занятіямъ. Мужчина и женщина, дитя и старикъ, крестьяне, живущіе на сибирскомъ воздухѣ, ученый, проводящій жизнь въ своемъ кабинетѣ, всѣ они пуждаются въ совершенно различной діетѣ. За-

мача гигієны, изслѣдоватъ при помощи физіологии, а иногда физики и химіи наши обычаи, пищу, нитье, жилище, одежду, отопленіе, освѣщеніе, способъ упражненія нашихъ членовъ, чувствъ, мозга, прастей. Сколько подробностей! Сколько нужно вниманія, чтобы разбирать сложныя вліянія! Сколько наблюденій и опыта, чтобы упрочить то, что хорошо, устранить то, что вредно, и ввести въ употребленіе то, что намъ указываютъ практика все болѣе и болѣе просвѣщаемая наукой. Все безъ исключения, должно пройти черезъ наблюденія гигієниста.

Я хочу дать нѣсколько примѣровъ. Какъ нужно одѣвать ребенка въ первомъ возрастѣ? Прежде употребляли свицальникъ, который служилъ ребенку цѣніемъ справедливо изгнать изъ употребленія. Одна изъ главныхъ причинъ смертности новорожденныхъ, говоритъ Мишель Леви, недостаточность одѣжды, первое вліяніе на нихъ холода. Потерявъ естественную теплоту, получаемую отъ матери, дѣти нуждаются въ искусственномъ согрѣваніи, доставляемомъ пеленаніемъ и колыбелью. Неправильное примѣненіе пеленанія, будо и есть источникъ страшныхъ страданій, болѣзней и убѣчий манькихъ существъ, которыхъ еще до сихъ поръ не избавили отъ этихъ мученій ни краснорѣчіе Ж. Ж. Руссо, ни советы гигієнитовъ.

«Несчастныхъ дѣтей съ ногъ до головы окутывали полосами перекрещенными на груди и на животѣ и превращали ихъ въ какой-то обрубокъ, неспособный къ движению, насильственно вытягивали имъ руки и ноги, которыхъ естественное положеніе полусогнутое. Мучительная неподвижность, которой бы не переносъ взрослый навязывалась самому живому возрасту почти до кончины недѣль. Продолжительное растяженіе членовъ, насильственная неподвижность мускуловъ, неестественное положеніе костей еще мягкихъ, давливаніе груди и живота, удерживание испражненій въ пеленахъ, страданія отъ подопрѣлости, таковы сѣдѣстія веленія, которое поддерживается невѣжествомъ даже до нашего просвѣщеніаго времени. Въ болѣе образованныхъ семействахъ, дѣти завертывались въ мягкия пеленки безъ швовъ, подложенные одѣяломъ, которые подвертывались и слабо завязывались широкими тесемками, такъ чтобы не препятствовать наполненію желудка и свободному движению членовъ. И даже отъ этого свободнаго пеленанія надо

почище освобождать ребенка, чтобы перемѣнить спершійся въ пеленкахъ воздухъ, и дать членамъ еще большую свободу движений.

«Около трехъ мѣсяцевъ, а лѣтомъ еще ранѣе, и это пеленаніе должно прекратиться, такъ какъ продолжительное его употребленіе мѣшаетъ развитию кожи, поражаетъ въ ней чрезмѣрную чувствительность и задерживаетъ развитіе природной теплоты. Не рѣдко встрѣчается злоупотребленіе фланели, какъ предохраненія отъ простуды.

«Совершенно лишнее слишкомъ тщательно оберегать дѣтей отъ вліянія атмосферы, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ развиваетъ ихъ собственную теплоту. Если только дѣти слабы и лимфатичны, это укутываніе поддерживаетъ ихъ тѣло въ постоянной влажности и способствуетъ испаренію при каждомъ лишнемъ движеніи, черезъ то и ослабляетъ ихъ.

«Фланель дѣлаетъ дѣтей склонными къ простудѣ, изнѣженными вялыми. Прибавимъ, что вовсе не такъ опасно, какъ думаютъ, оставить фланель даже послѣ продолжительного ея употребленія. Единственная предосторожность, которую можно рекомендовать, какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, это воспользоваться жаркимъ временемъ года, чтобы сдѣлать подобную перемѣну».

Рекомендуя взрослому человѣку быть умѣреннымъ въ удовольствіяхъ и скорѣе чувствовать въ нихъ лишеніе, чѣмъ избытокъ, совѣтуя примѣняться къ климату, въ которомъ человѣкъ живетъ Мишель Леви прибавляетъ: Старикъ, вслѣдствіе уменьшенія въ немъ теплоты и замедленія кровообращенія, обязанъ прибѣгать къ теплой одеждѣ всякаго рода. Онъ, по необходимости, долженъ отѣваться отъ борьбы съ превратностями климата, его спасеніе въ однообразии температуры; по мѣрѣ увеличенія теплоты, въ одеждѣ должна быть соблюдена строгая постепенность, такъ какъ принятую разъ одежду, старикъ безъ вреда для себя измѣнить не можетъ. Пусть онъ пользуется мѣхами, шерстью, ватой, пухомъ, но отнюдь не долженъ употреблять никакихъ бандажей, чтобы не сдавливать внутренности, легкихъ, печени, весьма склонной въ эти лѣта къ увеличенію. Есть однакоже старики, которые благодаря правильной жизни и мотиону, а часто и гидропатическому режиму, сохранили достаточно жизненной силы, чтобы не нуждаться

и, предосторожностяхъ необходимыхъ для большинства людей этого возраста. Мой товарищъ по академіи Дюваль, восьмидесяти-лѣтній старецъ, одѣвался очень легко въ жестокіе холода зимою. Въ восемьдесятъ лѣтъ, онъ восхвалилъ благотворное вліяніе холода Кануронъ носилъ во всякое время года одинъ и тотъ же сюртукъ. Воздержная жизнь — здоровая старость! Но это не общій удѣлъ Гигиена какъ и медицина замѣчасть исключенія, по руководствуясь ими не можетъ».

Тиверій (я съ сожалѣніемъ называю этого императора отвратительного по своей жестокости, но одареннаго натурою не дюжиной), Тиверій говорилъ, что въ тридцать лѣтъ, каждый долженъ быть самъ себѣ врачемъ. Есть нѣкоторая доля истины въ этихъ словахъ. Человѣкъ, который наблюдаетъ надъ собою и размышляетъ, можетъ съ годами, установить болѣе полезный для себя образъ жизни и тѣмъ избѣгнуть многихъ болѣзней. Но только если разъ болѣзнь развилась, докторъ необходимъ. Больной не способенъ, ни разгадать болѣзнь, ни выбрать средство для излеченія тя. Докторъ равно необходимъ и для гигиены, тѣмъ болѣе что въ отношеніи гигиены приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, съ чѣмъ не приходится въ медицинѣ, въ которую если и мѣшается непосвященное, то или употребляютъ пустыя средства, дѣлаютъ ошибки, или глѣдуютъ разнымъ предразсудкамъ. Въ гигиенѣ же мы имѣемъ дѣло съ обычаями системы извѣстнаго рода, которыи сами по себѣ оставляютъ правило; эти обычай — плодъ даниго эмпиризма, который мало по малу исправляется съ течениемъ времени; но эти обычай и системы далеко не совершенны и даютъ поводъ къ сомнѣнію и многимъ ошибкамъ. И тутъ совѣтъ опытнаго врача часто необходимъ, особенно для человѣка, на которомъ лежитъ ответственность за другое лицо, какъ-то: отца семейства, воспитателя, козяина, у котораго много прислуги фабриканта употребляющаго рабочихъ. Не довѣряйте себѣ безусловно, вы можете, обмануться; вѣрите, что есть много вещей недоступныхъ вашему пониманію и что не мѣшаетъ посовѣтоваться съ другимъ, болѣе опытнымъ лицомъ. Не обращайтесь къ его опыту только въ болѣзни, говорите съ нимъ о вашемъ образѣ жизни, о томъ, что вамъ полезно или вредно, о наклонностяхъ тѣлесныхъ или душевныхъ вашихъ дѣтей, положеніи, въ которомъ вы находитесь, и объ опасности, которая

можетъ представиться для вашего здравья и тѣхъ средствахъ помо-
щи, которыя вамъ доступны. Не примѣшивайте вашихъ собственныхъ
теорій къ вашимъ показаніямъ. Насколько ваши показанія необхо-
димы, настолько ваши теоріи о крови, жолчи, мокротахъ затем-
няютъ ваше пониманіе. Не воображайте, что достаточно говорить
объ этихъ вещахъ, чтобы понимать ихъ. Избѣгайте шарлатановъ.
Медицина не совершенна, я сознаю это болѣе, чѣмъ кто-либо дру-
гой; есть случаи гдѣ она бессильна, есть тайны, въ которыхъ она
еще не проникла, но со всѣми недостатками ея, она все-таки есть
драгоценная помощь для человѣка. Дочь опыта и времени, разрабо-
тываемая со временемъ Гиппократа людьми просвѣщенными, которые
записываютъ и дѣлаютъ достояніемъ общества свои открытія, наука
эта растетъ и крѣпнетъ, обогащаясь предыдущими открытиями,
которыя служать ручательствомъ ея дѣйствительной пользы.

Размышляйте почаще о здравьи. Вы не мало думаете о хлѣбѣ
насущномъ, о богатствѣ, о карьерѣ. Вы правы, но повѣрьте мнѣ,
обращайте также вниманіе на вашъ образъ жизни и отдавайте въ
немъ себѣ отчетъ; послѣ нравственной отвѣтственности, это самая
серьезная отвѣтственность.

Здѣсь я окончиваю свои разсужденія по этому предмету. Они
вызваны во мнѣ чтеніемъ книги Леви. Опираясь на интересъ и
полноту этого труда, я смѣло рѣшился совѣтовать принимать предо-
сторожности, не соблюдаемыя въ вихрѣ жизни, и развивать то на-
правленіе, которымъ дышетъ каждая страница его книги.

II.

Повальныя болѣзни.

Можно разсматривать, какъ вторую отрасль гигіиены, науку объ
эпидеміяхъ и эндеміяхъ. Онѣ для городовъ, деревень и народовъ
тоже, что спорадическая болѣзни для человѣка. Онѣ различаются
не только огромнымъ числомъ людей, которыхъ поражаютъ, но
также особынными свойственными имъ признаками. Дѣйствительно,
далеко не всѣ болѣзни принимаютъ эпидемическую форму; многія
никогда не принимаютъ ее и, напримѣръ, еще до сихъ поръ не
замѣчено эпидеміи рака. Нѣкоторыя болѣзни еще не опредѣлились;

индивидуальная въ настоящее время, онъ могутъ вслѣдствіе условій благопріятствующихъ развитію ихъ, получить силу распространенія, которой до сихъ поръ не имѣли, и сдѣлаться общими. Многія воспаленія, въ особенности воспаленія слизистой оболочки, находятся въ подобномъ условіи. Наконецъ другія болѣзни появляются только въ эпидемической формѣ, такова азіатская холера, дѣйствіе которой мы такъ страшно испытали; и если въ промежуткѣ двухъ эпидемій встрѣчаются отдѣльные случаи пораженія сю, то можно сказать, что это остающіеся слѣды вліянія эпидеміи, зародышіи, которые прервали ее и которые не существовали бы, если бы это вліяніе не было такъ сильно.

Изъ этого видно, что эпидеміческія болѣзни составляютъ отдельную *патологическую группу*, имѣющую свои особенности и которую невозможно причислить къ группѣ болѣзней спорадическихъ. Постараюсь объяснить, почему оно такъ должно быть. Болѣзни спорадическая или индивидуальная разнообразны, смотря по словіямъ каждого больного и каждой среды, и эти разновидности мы бы безконечны, еслибы организація живаго вещества и обвязь противудѣйствія его противъ причинъ порождающихъ болѣзни, не придавали извѣстнаго рода правильность уклоненіямъ отъ нормальной жизни, которая мы зовемъ болѣзнями. Но необходимо, чтобы множество частныхъ условій, порождающихъ болѣзни, имѣли общий характеръ для того, чтобы появилась болѣзнь, общая множеству людей—эпидемія. Изъ этого легко попытать, что эпидеміческія болѣзни должны зависѣть не отъ тѣхъ разнообразныхъ и осеннихъ для каждого человѣка условій, которыя порождаются таѣ многочисленные виды болѣзней, но отъ болѣе сильныхъ и общихъ причинъ, имѣющихъ свойство производить одинаковыя извѣненія въ организмѣ множества личностей всѣхъ возрастовъ, сѣхъ профессій, всякаго образа жизни и обоихъ половъ.

Чемъ болѣе мы изучаемъ эти вредоносныя вліянія, тѣмъ болѣе расположены мы причислить ихъ къ тому разряду, который едики называютъ отравленіемъ (intoxication), т. е. болѣзнями лемевтами, возрождающимися въ каждомъ больномъ, которымъ, слѣдовательно, передаются отъ одного другому и, такимъ образомъ, асептически распространяются въ населеніи и, поражая живой организмъ, обуславливаютъ въ немъ лихорадочные движения.

Эти явления вообще страшны своей силой. Когда большая река окончательно выступить изъ береговъ и прорвать плотины, которыми человѣкъ надѣялся удержать ее, всенизвергающая масса прибывающей воды и быстрота ея теченія поражаютъ ужасомъ и сознаніемъ безсилія прибрежныхъ жителей, которымъ не остается ничего болѣе, какъ только выжидать, когда ярость стремительна потока утихнетъ сама собой и когда дожди и сиѣга увеличивающіе его, изсякнувъ, позволятъ ему снова улечься въ своемъ руслѣ. Так же бываетъ и при сильной эпидеміи, и особенно съ тѣми заразами, которая проходятъ по лицу земли, опустошая ее. Такова холера, вышедшая изъ Индіи и перенесшая въ Америку; такова была въ XIV столѣтіи черная немочь, опустошеннія которой были еще ужаснѣе; таковъ былъ родъ тифа, свирѣпствовавшій въ древніемъ мірѣ (онъ имѣлъ свои бичи, какъ и мы имѣемъ свои), на который указываютъ обыкновенно подъ названіемъ античной чумы, потому что въ царствованіе Марка - Аврелія она произвела самыя жестокія опустошеннія, и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ поражала во время пелононезской войны народы Азіи, Египта, Аенінъ и, безъ сомнѣнія, многихъ другихъ странъ. Во времена этихъ страшныхъ бичей сила человѣчества изнемогаетъ, уступаетъ смерть учащаетъ свои удары; могильщики едва успѣваютъ исполнить свою печальную обязанность; смертность достигаетъ то быстрѣе, то медленнѣе до самой высшей точки; потомъ ослабѣваетъ и совершенно исчезаетъ, — я сказалъ бы что небо проясняется, если въ дѣйствительности можно было примѣтить на небѣ что либо, что могло бы потемнить прозрачность и чистоту воздуха. Удушливыя испаренія, приносящія собою смерть до сихъ поръ слишкомъ тонки, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, чтобы быть опредѣлены химіей; одни живые организмы служатъ имъ реагентами и своими страданіями свидѣтельствуютъ объ ихъ разрушительной силѣ. Но какъ бы ни была ужасна сила заразы, умываніи,лизованія человѣка, равно какъ героя или поэта не смущается и находить средства бороться со зломъ: *oblitusne sui est Ithaeus discrimine tanto.*

Докторъ идетъ повсюду съ опасностью жизни подавать помощь съ сомнѣніемъ, ограниченную и неполную въ сравненіи съ дѣйствиемъ такихъ могущественныхъ и разрушительныхъ силъ; но помощь

та успокаиваетъ, утѣшаетъ и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, нарываетъ не одну жертву у смерти. Этимъ не ограничивается то обязанность; онъ посреди свирѣпствующей эпидеміи, подвергшись по своему званію большей опасности нежели другіе, изучаетъ болѣзнь, отыскиваетъ причины ея въ организмѣ тѣхъ, которые погибли отъ нея и устанавливаетъ методы опасныхъ изслѣдований о заразительности ея. Сверхъ того возвратившись домой послѣ своего опаснаго похода противъ болѣзни, онъ сравниваетъ, анализируетъ, отыскиваетъ отношенія и обобщаетъ, стараясь вынести изъ того, что было изслѣдовано имъ съ такимъ мужествомъ, хладнокровіемъ, самоотверженіемъ, средства бороться съ менѣе неравными силами противъ бича эпидемій.

Лабрюэръ по поводу болѣзней говорить слѣдующее: «Если люди воздержны, опрятны и умѣрены, къ чему имъ служить таинственный жаргонъ медицины, который оказывается золотой рудой для тѣхъ, кто говорить имъ. Юристы, медики, лекаря, какая гибель грозила бы вамъ, если бы всѣ мы могли сговориться быть нудрыми!»

Миѣ не приходится говорить объ юристахъ по поводу этого воззванія, а только о медикахъ. Во времена Ля-Брюэра антагонизмъ между наукой и литературою былъ настолько великъ, что авторъ написавшій эти строки могъ дѣйствительно вообразить, что онъ ставитъ неоспоримую аксиому практической мудрости, когда вѣщности это не болѣе какъ важная ошибка въ патологіи. Хотя воздержность и вообще привычка обуздывать свои страсти принадлежитъ къ болѣе высокой области явленій, нежели здоровые и имѣютъ прямою цѣлью нравственность, я ни въ какомъ случаѣ не стану оспаривать приносимую ими второстепенную пользу, уклоненіе отъ излишествъ и сохраненіе правильнаго ухода за тѣломъ. Признавая это, мы остаемся въ предѣлахъ истины, для тѣхъ же кто не довольствуется высшей нравственной цѣлью можно представить другую писшую — санитарную какъ болѣе реальную. Но вообразить что добродѣтели могутъ уничтожить болѣзни въ органическомъ мірѣ, значитъ не имѣть ни малѣйшаго точнаго понятія, объ условіяхъ существованія организмовъ. Нужно ли прилагать все сказанное мною объ эпидеміяхъ къ данному случаю? Онѣ возникаютъ отъ причинъ далеко независящихъ отъ постули-

ковъ той или другой личности и нравственность не можетъ предохранить отъ нихъ. Когда холера свирѣпствовала въ нашихъ городахъ, жертвами ея дѣлались преимущественно бѣдняки, изнуренные отъ жизни въ сырыхъ помѣщенихъ и дурной пищи; она не губила тоже много богатыхъ, сильныхъ міра пользовавшихся всевозможными благами жизни; но поражая и тѣхъ и другихъ она не дѣлала ни малаго различія между людьми невоздержнаго образа жизни и умѣршаго; во время холеры какъ и всякой другой эпидеміи невоздержность и излишества подвергаютъ большей опасности, но и осторожность и благоразумная діэта не виновиша предохранять отъ нея, и если вами нуженъ еще аргументъ, посмотрите на растенія прикованные къ одному мѣсту, неспособныя принимать другое питаніе кромѣ того, которое доставляетъ имъ земля и небо; они тѣмъ не менѣ подвергаются многимъ болѣзнямъ, и если число болѣзней растеній менѣе нежели болѣзней животныхъ, и особенно человѣка, то это зависитъ отъ меньшей сложности организмовъ ихъ, лишенія мускуловъ и нервовъ. Мнѣніе Ла-Брюэра не принадлежащее вѣнчурѣ исключительно ему, но раздѣляемое многими моралистами, пристекаетъ изъ той ложной философіи, которая, разсматривая природу съ одной стороны и человѣка съ другой, предполагаетъ, что человѣкъ испортилъ первую; дѣло въ томъ, что съ человѣческой точки зрѣнія естественный порядокъ вещей несовершенъ, следовательно усилия человѣка направлены на то, чтобы усовершенствовать его, насколько то возможно для существа съ такими слабыми силами и ограниченнымъ умомъ, какъ человѣкъ. Онъ не только испортить и не искашаетъ природу, онъ исправляетъ ее. Воздержность, сохраняющая здоровье есть нравственная обязанность, которая не объясняется намъ причинъ и не указывается на средства противъ зла; одна только наука проливаетъ на нихъ свой свѣтъ, наука непрерывно развивающаяся, усердная помощница человѣка, но никогда не возвышающаяся до полнаго разрѣшенія своей задачи.

Цивилизациѣ ничто иное какъ борьба двухъ сторонъ: съ одной стороны, которая разъясняется все болѣе и болѣе, хотя не предвидится ей конца; съ другой—усилія человѣчества вѣчно возрастающіе, которая однажды не могутъ быть безграничными. Если меня спросятъ какимъ образомъ я говорю какъ, а не почему живые орга-

мы всюду встрѣчаютъ враговъ, отвѣтъ не будетъ затруднителенъ: живые организмы состоятъ изъ кислорода, водорода, азота и глерода. Эти газы прежде чѣмъ сдѣлаться составными частями организованнаго тѣла имѣютъ физическія и химическія свойства, тянящія ихъ въ соотношеніе со всѣми остальными веществами природы. Органическія соединенія образуемы ими не освобождаются по тѣму же закона. Изъ этихъ непрѣбѣжныхъ соотношеній одни будутъ благотворныя, другія вредныя, одни сохраняющія, другія разрушающія; сверхъ того, самыя органическія вещества въ своихъ многосложныхъ соединеніяхъ порождаютъ вещества вредоносныя, но такъ должно быть и такъ и есть въ дѣйствительности. Соки единились такимъ образомъ, чтобы произвести растительный ядъ цикуть, животный — въ змѣѣ, а заразный — въ бѣшеной собакѣ; этимъ не ограничивается вредоносная сила извѣстныхъ соединеній оказалось, что разложеніе веществъ гибельно для живыхъ существъ; оно отравляетъ болота, и порождаетъ разные виды переносящихся и другихъ лихорадокъ. Кислородъ, водородъ, азотъ и глеродъ въ своихъ соединеніяхъ, чтобы вы ни дѣлали, сохраняютъ въ живыхъ организмахъ тѣ же свойства соединенія и разложенія и приходится сказать съ поэтомъ, примѣняя слова его ко всему живущему: *documenta damus qua semus origine nati.*

Г. Мишель Леви, съ глубокимъ пониманіемъ и цѣлесообразностью, дѣлить эпидеміи на такія, причины которыхъ скрываются извѣстностію и на такія, причины которыхъ извѣстны. Первые — неизѣжимыя и сильныя, ускользающіе отъ всѣхъ нашихъ усилий разгадать ихъ. «Въ природѣ этихъ страшныхъ бичей человѣчества говоритъ г. Леви, разражаться внезапно и достигать высшей степени интенсивности во всѣ времена года; распространяться во всѣхъ климатахъ, охватывать и опустошать огромныя пространства земного шара, неотступая ни передъ какими предосторожностями, на то всѣмъ мѣрамъ предохраненія и самой бдительной санитарной полиціи». Холера можетъ служить имъ типомъ. Извѣстно только, что она зародилась въ Индіи и оттуда распространялась всюду, Изученіе симптомовъ и дѣйствія ея на организмъ было самое тщательное, но этимъ и ограничивается все что извѣстно о ней. Гдѣ же ея роковая причина? въ чёмъ она заключается? Какія свойства? Обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего. Предполагаютъ, съ иѣкото-

рииъ, простираемъ, руководясь аналогией явлений, что она происходит изъ вещества животнаго или растительнаго, свойства которыя можно сравнить съ заразнымъ ядомъ, или болотными испареніями и которое действуетъ подобно имъ съ роковою силою на живыи существа.

Восточная, чума проявляющаяся нарываами и огневиками, не слаби холеры и если теперь она, повидимому, не выходитъ изъ своей родины, то все-таки не должно забывать, что она посѣщала Западъ до XVII вѣка, не говоря о знаменитой марсельской эпидеміи, и началъ XVIII вѣка, и что въ XIV вѣкѣ она подъ названіемъ чёрной немочи распространилась въ Азіи, а затѣмъ и въ Европѣ съ та-кою силой, которой не достигала еще никакая другая эпидемія. Она, слѣдовательно, какъ и холера, имѣетъ страшное свойство дѣлаться повсемѣстною. Въ третьихъ, я назову желтую лихорадку, эта послѣдняя принадлежитъ Америкѣ въ особенности съверной и Антильскимъ островамъ. Однакоже она не такъ давно охватила Южную Америку и даже проникла въ Европу, въ Ливорно, Ка-дисъ, Барселону, Лиссабонъ, занесенная зараженіемъ, но не за-родившаяся, какъ некоторые полагаютъ, въ самыхъ этихъ горо-дахъ. Болѣзнь эта, однако, не такъ страшна какъ другія въ томъ отношеніи, и только въ томъ одномъ, что она никогда не прин-мала повсемѣстнаго характера и не распространялась по всей зем-ной поверхности. Такъ вотъ три страшныхъ лихорадки, (холеру нельзѧ считать ничѣмъ инымъ) которыя зарождаются въ пзвѣс-ныхъ мѣстностяхъ. Одна въ темныхъ и болотистыхъ частяхъ Индіи, другая въ долинахъ Нила и Сиріи. Третья на нездоровыхъ бер-егахъ Америки, во не на однихъ теплыхъ берегахъ; она развивается и въ Квебекѣ, гдѣ климатъ весьма суровъ. Разница въ происхож-дениіи ихъ очевидна; разница дѣйствія ихъ на тѣло тоже; всѣ эти три болѣзни оставляютъ на тѣлѣ слѣды, которыхъ нельзѧ не ра-личить. Приводя въ примѣръ Азію, Африку и Америку, я не же-малъ бы, чтобы изъ этого заключили, что Европа избавлена отъ этихъ бѣдствій. Правда, въ настоящее время и съ давнихъ поръ въ Европѣ не возникло ни одного подобнаго патоліческаго явле-нія, но въ ней тоже порождались губительныя заразы. Въ концѣ XV вѣка родилась въ Англіи страшная болѣзнь, названная поти-цией отъ сильнаго пота, въ которомъ умиралъ большої, она не огра-

ничивалась местомъ своего зарожденія, но проникла черезъ про-
ницу и охватила континентъ по не сколько разъ, губя при каждомъ
множествѣ множество жертвъ. Она можетъ быть причислена къ
однимъ страшнымъ бичамъ человѣчества; съ тѣхъ поръ она зна-
чительно уменьшилась и известна только въ видѣ незначительной
бѣстной эпидеміи; я не стану прибавлять, что причина болѣзни по-
разившей въ известный моментъ все населеніе Англіи и распро-
странившейся далѣе по Европѣ, неизвѣстна. Неизвѣстны даже при-
чины чумы, желтой лихорадки и холеры, зародившейся на нашихъ
пазахъ; тѣмъ менѣе могутъ они быть понятны относительно явле-
нія, о которомъ остались только историческіе памятники. Но если
когда нибудь удастся проникнуть тайну мынѣвшихъ эпидемій на-
шихъ, то этотъ свѣтъ пролавшись и на причинѣ эпидемій ис-
текшихъ вѣковъ и открывъ ихъ, освѣтитъ исторію общества. И
акъ въ настоящемъ какъ и въ прошломъ почва жизни колеблется.
подъ нашими ногами; земля, потому что она ничто иное какъ
тонкая кора, основаніемъ которой служить масса раскаленныхъ
веществъ, подвергающихся кипѣнью и всѣмъ результатамъ высо-
кой температуры; жизнь, потому что органическія вещества слу-
жащія ей опорой, основаны на измѣняющемся и сложномъ явленіи,
менно на химическихъ и физическихъ свойствахъ тѣла.

Оспа служитъ ободряющимъ примѣромъ того, что могутъ сдѣлать
вслѣдованія медицины руководимые проницательной индукціей; эта
сыпная лихорадка, всегда опасная, вооружающа иногда неудер-
жимою силою и могла быть поставлена на ряду съ самыми страш-
ными болѣзнями; она принадлежитъ къ числу болѣзней, которымъ
быковенно подвергаются только одинъ разъ, какъ тифозная го-
ячка, корь и т. п. Совершенно неизвѣстно какого рода измѣненіе
происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, вслѣдствіе котораго разъ
одержавшее эту болѣзнь тѣло становится въ извѣстномъ предѣлѣ
недоступнымъ вліянію ея. Вотъ основная причина всѣхъ предо-
ранительныхъ мѣръ, которые были изобрѣтены противъ нея. Въ
ислѣ заразныхъ ядовъ подобного рода, пообще несравненно болѣ-
редныхъ нежели полезныхъ, и происходящихъ отъ болѣзнишаго
измѣненія живаго вещества, нашелся одинъ ядъ на соскѣ коровы,
оторый, будучи привитъ къ человѣку, производилъ осину очень лег-
кую, почти безъ жара, безъ общей сини, стѣдовательно безъ опас-

ности смерти, безъ остающихся рубцовъ и пятенъ, безъ воспаленія глазъ, безъ порчи кожи на лицѣ; но именно потому, что корона осиа несъмь слабая степень болѣзни, она не можетъ имѣть всю же необходимую предохранительную силу.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы настоящая осиа вполнѣ предохраняла отъ вторичной заразы; ничего нѣть непреложнаго въ разрѣдѣ подобныхъ явлений природы и бывали примѣры, хотя и рѣдки, повторенія осиа. Послѣ прививанія случаи появленія осиа чаше, какъ послѣ настоящей осиа, это неоспоримо; появляется ли она въ болѣе слабомъ и менѣе опасномъ видѣ или со всею силою своейственною ей. Отсюда произошло периодическое прививаніе осиа весьма полезная предосторожность, которую слѣдуетъ вѣмъ совѣтовать. Я привожу слова г. Мишеля Леви одного изъ главныхъ защитниковъ осиопрививанія, по настоянію котораго оно введено въ армію: «1) послѣ введенія осиопрививанія осиа стала появляться гораздо рѣже, и сила ея значительно ослабѣла, такъ напримѣръ по выпискамъ изъ статистическихъ таблицъ европейскихъ государствъ видно, что до введенія осиопрививанія приходился одинъ умершій на 10 больныхъ; современіи же введенія этой предохранительной мѣры приходится по одному умершему на 2378; изобрѣтеніе привитія осиа тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣшій промежутокъ времени прошелъ послѣ первого прививанія; 3) если фактически не настолько убѣдительны, чтобы вторичное осиопрививаніе было узаконено какъ мѣра санитарной полиціи, тѣмъ не менѣе осторожность требуетъ, чтобы ее можно было болѣе совѣтовали и распространяли; 4) послѣ 30-ти лѣтияго возраста эта предосторожность теряетъ отчасти свое значеніе, такъ какъ расположение заразиться осиою сильно уменьшается въ этотъ періодъ жизни». Первую же эпидемію причины, которыя извѣстны. «Тѣснота, говоритъ г. Мишель Леви, ищетъ иное какъ распространеніе заразы. Онъ производитъ гиеніе въ госпиталяхъ, тифъ въ тюрьмахъ, на корабляхъ и въ больницахъ. Какъ только число больныхъ превышаетъ соответствующее количество воздуха въ больницахъ, въ ходѣ и видѣ болѣзней тотчасъ же происходятъ важныя измѣненія». Въ этомъ заключается главный узелъ вопроса объ эпидеміяхъ; узелъ, который с每一天 раздѣляется ихъ, но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ надежду, что когда нибудь ониъ будетъ развязанъ и придетъ день, когда все

ишидеміи, или почти всѣ будуть записаны въ классъ болѣзней, причины которыхъ извѣстны. Есть эпидеміи, которыхъ можно произвести почти внезапно и многими причинами. Стоитъ только помѣстить больныхъ или раненыхъ въ слишкомъ тѣсное помѣщеніе и, вскорѣ, воздухъ совершенно испортится, т. е. приметъ отвратительный запахъ и утратитъ нормальныя отношенія составныхъ частей воздуха — кислорода, азота и водорода. Была эта бы не такъ велика, еслибы все ограничивалось иѣкоторымъ стѣсненіемъ дыханія, но при этомъ зарождаются смертоносные микромы и является специфическая болѣзнь — тифъ съ его страшной лихорадкой, совершеннымъ упадкомъ силъ, бредомъ, пятыми на кожѣ и анатомическими поврежденіями, очень мало соотвѣтствующими по своей неизначительности важности вышнихъ симптомовъ. Сверхъ того этотъ ужасный плодъ человѣческой небрежности, безсплѣя или несчастнаго теченія обстоятельствъ не остается на мѣстѣ своего зарожденія, итъ, онъ преслѣдуется арміи, корабли, преслѣдуется больныхъ, перевозимыхъ пленныхъ, которыхъ увозятъ отъ него; онъ свирѣпствуетъ страшнѣе между побѣжденными нежели между побѣдителями и какъ въ 1813 и 1814 годахъ, появившись на берегахъ Вислы и Одера, онъ достигъ береговъ Сены, оставивши за собою цѣлую полосу опустошенній Европы. Ставъ на эту точку земли, мы можемъ представить себѣ какимъ сильнымъ агентомъ распространенія заразы былъ парижскій госпиталь Отель Дьё, прежде нежели Бальи, Тенанъ и Лавузье, представили свои отзывы о немъ. Въ залахъ было болѣе коекъ, нежели сколько можно было поставить; 1, 5, 6 больныхъ лежали на одной койкѣ; мертвые лежали съ живыми; узкіе коридоры, гдѣ воздухъ портился, по недостатку вентиляціи, и куда светъ могъ проникать только весьма слабо лежать съ вредными испареніями отъ сырости. Если бы имѣли въ виду создать ужасный разсадникъ болѣзни, заразы и смерти, самимъ лучшимъ средствомъ было бы устроить подобную больницу, однажды надо видѣть въ этомъ стеченіи шагубныхъ условій, только послѣдствія невѣжества и рутины. Тамъ принимались во всѣ часы дна и ночи больные, богомольцы и нищіе; въ тяжелые года населеніе отель Дьё не имѣло границъ; говорятъ что въ 1700 году число ихъ доходило до 9.000. Тогда не знали что недостаточно дать прютъ больному и что этотъ прютъ если онъ устроенъ не

такъ какъ учить медицинскій опытъ, быстро отравляется, дѣлается смертливымъ и для больныхъ и для ухаживающихъ за ними, и разрастается, вокругъ себя роковая сѣмена болѣзни и смерти. И по близинѣ великій городъ содержитъ подобный пріютъ, который неизѣстившія благодѣтельность наполнила несчастными.

Изъ возможности произвести такимъ образомъ тифъ истекающіе средства не излечить его, потому что болѣзнь эта весьма опасна и медицина имѣеть противъ нея только очень слабыя средства, но предупредить, удаляя причины зарожденія и даже положить ему конецъ, уничтоживъ эти причины. Замѣтьте притомъ, что даже и послѣ вѣриаго изученія условій зарожденія тифа, составъ тифозныхъ мазмовъ остается по прежнему неизвѣстенъ. До сихъ поръ его не постигли и не разложили на составныя части, тогда какъ относительно осмы легко было отыскать причину заразы; она кроется въ матеріи заключающейся въ характеризующихъ эту болѣзнь прыщахъ. Достаточно обмакнуть въ нее кончикъ ланцета и перенести ее подъ кожу и зараженіе совершиено; черезъ нѣсколько дней развитія зараза проникла въ тѣло, лихорадка и сыпь обнаруживаются; но за то нѣть другого средства произвести осму ~~кромѣ~~ зараженія. Незнающій дѣло можетъ вообразить, что жаръ или холода, пища или питье, причиняютъ эту болѣзнь, но это несправедливо. Болѣзнь эта специфическая и, чтобы ни случилось, въ какихъ бы вредоносныхъ условіяхъ человѣкъ ни находился, ось не зарождается. Правда, она возникла сразу безъ видимыхъ причинъ; происхожденіе ея относится къ сравнительно недавнему времени. Историки упоминаютъ о ея первомъ появленіи только въ XVI вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Но это произвольное зарожденіе уже не имѣеть мѣста теперь, и зло распространяется изъ оставленихъ ею зародышей. Причины лихорадокъ, которыя появляются эпидемически и даже эпидемически, извѣстны, что и выражается въ наименованиемъ ихъ — болотныхъ: вотъ почему противъ нихъ возможны только предохранительные средства, состоящіе или въ осушеніи нездоровыхъ мѣстностей, или въ избѣжаніи испареній и всего способствующаго къ распространенію и дѣйствію тифа болѣзней; кромѣ того по счастливой и весьма рѣдкой случайности, хинина оказывается цѣлительнымъ средствомъ въ большей

части случаевъ и особенно когда лихорадка принимаетъ злокачественный характеръ.

Въ новѣйшее время утверждали, будто одинъ иѣмецкій докторъ по имени Гумбольдтъ, нашелъ предохранительное средство отъ желтой лихорадки. То было вещество, которое онъ держалъ въ тайнѣ и которое прививалъ подобно осинѣ, всего болѣе, когда лихорадка принимала злокачественный характеръ. Онъ, кажется, даже унесъ свою тайну въ могилу. Докторъ Манцини, итальянскій врачъ практикующій въ Гаваннѣ, принималъ участіе въ многочисленныхъ опытахъ его и самостоятельно дѣлалъ многіе изъ нихъ. Одаренный наблюдательнымъ умомъ и свойственнымъ ему безпристрастіемъ, онъ можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтелемъ результатовъ этихъ опытовъ. По его свидѣтельству привитіе этого вещества производило лихорадочное состояніе и вѣкоторые симптомы желтой лихорадки, весьма скоротечные и лишенные всякой серьезной опасности. Это явленіе весьма странное и достойное вниманія; но тѣмъ и ограничивалось дѣйствіе этого средства; привитіе не предохраняло отъ болѣзни и послѣдствія его воине не походили на результаты оспопрививанія. Однако г. Манцини заключаетъ изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій, что между лицами подвергшимися этому прививанію, больныхъ и умершихъ отъ желтой лихорадки было меньше, чѣмъ у одинакового числа лицъ, пренебрегшихъ этой чѣрою.

И такъ противъ эпидемій открыты три пути: предохраненіе тѣла отъ вліянія ихъ, посредствомъ прививанія яда ихъ и леченія ихъ, напримѣръ, хинаю; предупрежденіе или уничтоженіе заразы, какъ противъ тифа и скорбута. Предупрежденіе и уничтоженіе заразы называется, выражаясь техническимъ языкомъ, профилаксіей, основаніемъ которой служитъ знаніе причинъ болѣзни.

Средства перенесенія и распространенія болѣзни должны быть тщательно изучаемы, чтобы узнать какія предосторожности слѣдуетъ принимать и въ какой мѣрѣ на нихъ можно положиться. Г. М. Леви былъ свидѣтелемъ во время кримской войны иѣсколькоихъ весьма интересныхъ фактовъ, относительно холеры; при немъ въ концѣ сентября 1854 г. корпussъ артиллерии, послѣ 70-ти дневнаго переѣзда, высадился въ Варнѣ съ нарусиныхъ судовъ, на которыхъ перевезена была и вся амуниція и военные снаряды. Выѣхавши

изъ Марселя, гдѣ свирѣпствовала холера, многіе изъ артиллеристовъ умерли на переходѣ въ Варну, гдѣ эта болѣзнь въ то время ~~вн~~ вершилъ прекратилась. Можно ли допустить въ этихъ людяхъ такое медленное дѣйствіе заразы, развивавшейся въ нихъ въ продолженіи 70 дней, или сопоставить этотъ случай съ другимъ явленіемъ и предположить, что скопище людей изъ отрядовъ, лагерей, больницъ, гдѣ свирѣпствовала холера, способно въ теченіе пѣнѣнаго времени по прекращенію ея передать эту болѣзнь прибывающимъ къ нимъ здоровымъ людямъ? Войско высадившееся въ 1854 г., заплативши дань этому страшному бичу, освободилось отъ него и въ 1855 г. не представляло никакихъ слѣдовъ этой болѣзни, между тѣмъ какъ войска, постепенно прибывавшія въ тотъ годъ изъ Франціи, подверглись заразѣ и исключительно поддерживали въ Крыму холерную эпидемію. Изъ Варны въ Крымъ отправлялись только люди здоровые и такова была благоразумная строгость выбора предписанного маршаломъ де-Сентъ-Арно, что онъ оставилъ за собою подъ надзоромъ г. Мишеля Леви около 4000 больныхъ и столько же слабыхъ и хворыхъ. Не смотря на эти предосторожности и это исключеніе больныхъ и слабыхъ изъ дѣйствующихъ войскъ, холерные случаи появились на пѣсколькихъ корабляхъ, затѣмъ на берегу Ольдъ-Фарта и на полѣ битвы Альмы—такъ происходило перенесеніе этой болѣзни въ Крымъ. Когда маршалъ Сентъ-Арно отправилъ, не смотря на предостереженія г. Мишеля Леви, три дивизіи въ Добруджу, холера въ Варнѣ была въ полномъ разгарѣ, и въ войскахъ, отправленныхъ повидимому здоровыми, оказалось нѣсколько трудныхъ холерныхъ случаевъ.

«Намъ пришлось, говорить г. Леви, присутствовать при постепенномъ зарожденіи источниковъ холерной эпидеміи, отъ Марселя до Севастополя и далѣе на пути чрезъ Чирей и берега Болгаріи. И дѣйствительно, мы видѣли какимъ образомъ подвигалась эта болѣзнь; она устраивала себѣ этапы, когда нужно было проходить чрезъ моря, а тамъ гдѣ населеніе было густо, обращала въ ничто всѣ санитарныя предосторожности и карантинныя мѣри, какъ то было въ 1831 г., не смотря на превосходную дисциплину прусскихъ и австрійскихъ войскъ, охранявшихъ свои границы отъ холеры. Въ виду огромнаго стеченія войскъ въ Крыму, страшнаго числа больныхъ и раненыхъ, тѣсноты породившей тифъ, скорбутъ,

провавый ипосъ, многіе ожидали появленія чумы. Г. Мишель Леви, изученный патологическими заблуждениями относительно чумы, не раздѣлялъ этихъ опасеній и, дѣйствительно, чума не появилась; потому что чума какъ оспа принадлежитъ къ числу болѣзней, которая не порождаются произвольно. Но если бы ей случилось зародиться въ это время въ Египтѣ отъ свойственныхъ ей причинъ, неѣтъ сомнѣнія, что такое стеченіе людей, уже пораженныхъ болѣзнями, вышло бы появление этого ужаснаго бича.

Опытъ доказываетъ, что лишь уничтожая притоны болѣзни, прерывая средства сообщенія патологическихъ вліяній и уединяя больныхъ, можно достигнуть лучшихъ результатовъ, иногда преѣдѣльно, иногда ослабить силу его, уступая только передъ не преодолимой силой зла. Уединеніе больныхъ одной болѣзнию отъ другихъ весьма полезно, даже для холеры обладающей свойствомъ такъ легко распространяться, не смотря на всѣ препятствія. Въ 1849 г., когда г. Мишель Леви, лечившій 1200 холерныхъ въ Вальдѣ-Грасѣ, успѣлъ отѣлить ихъ отъ прочихъ больныхъ, находившихся въ этомъ зицедепіи, между ними оказалось лишь самое незначительное число холерныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ въ больницахъ гражданскихъ, тѣ больные не были отѣлены, эти случаи считались сотнями. Благоразумное примѣненіе этихъ правилъ руководило распоряженіями присоединительно реформы карантиновъ и должно руководить и тѣми, которые остается еще сдѣлать. Когда возникаетъ опасная эпидемическая болѣзнь умы смущаются, распространяются слухи обѣй отравахъ, какъ это было въ 1832 году въ Парижѣ, совершаются даже возмущенія, чтобы схватить предполагаемыхъ отравителей, поди повинуются внушеніямъ страха и фантазіямъ разстроеннаго воображенія. Трудно, правда, и требовать чтобы въ такія времена преобладалъ разсудокъ, а между тѣмъ именно во время опасности слѣдуетъ знать, когда можно руководствоваться собственными воображеніями, когда слѣдуетъ довѣриться другому. Медицина въ это время должна сохранять хладнокропіе, твердость и предусмотрительность. Самое лучшее средство, доставленное онѣтому, кратко и ясно выражено г. Леви: «Всякій разъ когда населенію грозить эпидемія, санитарная полиція должна утвѣрдить бдительность свою, чтобы удалить причины могущія служить поводомъ къ распространению бѣдствія, наблюдать за продуктами употребляемыми въ пищу

и питье, за чистотою и вентиляціей жилищъ частныхъ или общественныхъ, за быстрымъ очищеніемъ нечистотъ, заботиться о чи-
дѣлениі бѣдныхъ нищей и одеждой, установить благоразумную дѣятъ-
и санитарныя условия во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ бываетъ сборище
людей, заботиться о нравственномъ спокойствіи гражданъ: вотъ
иѣкоторыя пѣтъ главныхъ обязанностей правительства. Что же
касается до частныхъ лицъ, то невозможно предписать предохра-
тельныя правила, дѣйствительныя для всѣхъ темпераментовъ при
различномъ состояніи здоровья, но можно ручаться что всѣмъ
будетъ полезно исполненіе слѣдующихъ правилъ: жить въ комнатахъ
просторныхъ, куда свѣтъ и воздухъ легко проникаютъ, дѣлать
мощіонъ на воздухъ преимущественно въ мѣстностяхъ возвышенныхъ,
не доводя его однако до степени усталости; носить теплую одежду,
предохраниющую тѣло отъ дѣйствія сырости и перемѣнъ темпера-
туры; употреблять питательную, укрѣпляющую и удобоваримую
пищу; не допускать никакихъ злоупотребленій силь или излишествъ—
они могутъ быть губительны; избѣгать всѣхъ причинъ, могущихъ
возбудить грусть, страданія, сильныя страсти, злобу; употреблять
на сонъ столько времени сколько нужно для возстановленія силъ, при
первыхъ признакахъ возникающей болѣзни, немедля прибѣгать
къ необходимому леченію,—вотъ правила, которыми должны руко-
водствоваться живущіе въ зараженныхъ мѣстностяхъ. Люди съ
средствами легко могутъ исполнить ихъ и между ними оказываетъ
всегда меньшее число жертъ эпидемій; ясно—что работать для
увеличенія благосостоянія народа значитъ принимать предохра-
тельныя мѣры противъ эпидемическихъ бичей, устрашающихъ прави-
телей и подданныхъ. Это медленная и прогрессивная задача цивили-
зации уже уменьшившей силу и частое появленіе этихъ болѣзней.
Нужно ли поощрять во время эпидемій частныхъ и коллективныхъ
эмиграцій, или противодѣйствовать имъ? Онѣ приносятъ пользу за-
раженному городу, уничтожая одну изъ причинъ поддерживающихъ
эпидемію, онѣ уменьшаютъ силу ея и продолжительность. Во всѣхъ
эпидеміяхъ тѣснота имѣетъ самое пагубное вліяніе: она способствуетъ
распространенію болѣзни посредствомъ постояннаго сближенія людей,
она усиливаетъ дѣятельность смертоносныхъ причинъ, распространяетъ
заразу и придаетъ еще болѣе губительный характеръ источ-
никамъ болѣзни и въ то же время переселяющіеся увеличиваются

тобистинные шансы на спасение; но переселение слѣдуетъ поощрять только когда угрожаетъ эпидемія; когда же она распространится и достигнетъ полной силы, бѣгство отъ нея становится менѣе вѣримъ средствомъ и возможность распространенія болѣзни увеличивается, потому что бѣглецы разносятъ ее далѣе. Поэтому члены лекцій народу тоже весьма полезны, доказывая заботливость администраціи, они разъясняютъ преувеличеннія опасенія, они призываютъ общественному разуму, размышлению, осторожности. Здѣсь необходимо замѣтить, что не слѣдуетъ въ этихъ лекціяхъ распространяться исключительно о продромахъ и симптомахъ угрожающей болѣзни и давать новую пищу страху и невѣжественнымъ толкамъ. Но при соблюденіи этого условія, советы народу подkreślляютъ его здравый смыслъ и нравственное мужество, и миръ всегда казалось, что вместо того чтобы скрывать отъ него грозящую ему отъ эпидеміи опасность, слѣдуетъ вполнѣ выяснить ему ее заранѣе. Свойства живаго вещества по отношенію къ себѣ и къ неорганическому миру такого рода, что изъ столкновенія элементами его неизбѣжно должны возникнуть роковые условія, далеко распространяющія болѣзнь и смерть. И эти условія возникаютъ и порождаются такъ называемыя эпидеміи. Разразившись надъ человѣчествомъ, они ниспрровергаютъ всѣ препятствія и сбиваютъ расчеты слабой человѣческой науки. Но увлекаемая двойнымъ стремлениемъ—каждою отвлеченного знанія и желаніемъ принести пользу человѣчеству, медицинская наука изучаетъ природу этихъ безоцѣнныхъ бичей, она отыскиваетъ слѣды ихъ и проникаетъ въ самые разсадники ихъ. Изъ каждого опыта она выходитъ болѣе сильной и искусной и наконецъ, сдѣлавшись признаннымъ авторитетомъ, она руководить правительствами, начертываетъ правила, которыя прогрессивно улучшаючись и опредѣляясь, уменьшаютъ силу этихъ бѣгствій и должны въ границахъ нашего разумѣнія и нашихъ силъ, уничтожить важныя недовершенства существующія въ настоящое время въ отношеніяхъ живаго существа къ его средѣ.

III.

Общественная гигиена.

Понятие о гигиенѣ будеть неполно, если рассматривать ее только въ отношеніяхъ ея къ здоровью частныхъ лицъ, или даже въ отношеніи вліянія эпидемій, зарождающихся то въ той то въ другой местности. Ей принадлежить болѣе широкое поле дѣятельности она сдѣлалась необходимаю совѣтницею администраціи.

Слѣдующее весьма краткое замѣчаніе докажетъ необходимость вмѣшательства ея. Общество, вышедшее изъ младенчества и достигшее самосознанія, убѣждается что съ развитіемъ его развивается промышленность, искусства, науки и нравственность, чтобы доставить посредствомъ воспитанія и политическихъ мѣръ всѣмъ своимъ членамъ слѣдующую имъ долю въ этихъ четырехъ благахъ. Не стану говорить на сколько она еще далека отъ высокой цѣли обратить свои порывистыя стремленія въ постоянную однообразную систему дѣятельности. Но одно неоспоримо, то что высшіе дѣятели соціального движенія могутъ существовать и благоденствовать только тогда, когда низшіе пользуются полною жизненностью и отправляютъ вполнѣ свои функции. О коллективномъ организмѣ можно сказать тоже, что въ обѣ индивидуальномъ. Развитіе высшихъ способностей—вотъ цѣль которой стремится, или должно стремиться каждое существо, сознающее цѣну жизни. Но чтобы достигнуть ее, нужно чтобы способности нисшия, тѣ, которая физиология называетъ растительнымъ, существовали еще прежде и дѣйствовали совсюю полнотою и правильностью; эта іерархія не должна быть нарушена. Тѣмъ менѣе можетъ быть она нарушена и въ общественномъ организмѣ; явленія, соответствующія растительнымъ способностямъ, не допускаются ни отсрочками, ни пренебреженіемъ, ни даже незнанія или непониманія ихъ; иначе возникаютъ беспорядки и страданія глубоко возмущающія весь общественный строй. Пища, жилище и одежда—первые условія отъ которыхъ зависитъ все. Но въ исполненіи этой трудной задачи случаются дѣйствія и противодѣйствія, сочетанія и раздѣленія, различные сложныя явленія, неожиданныя затрудненія, требующія постоянного и просвѣщенного наблюденія,—вотъ предметъ изученія общественной гигиены. Въ прошлое лѣто мы видѣли примѣръ по-

жизни заботливости требуемой для сохраненія жизни и здоровья чюдѣка; этотъ примѣръ мы приведемъ здѣсь. Городъ Лондонъ изливаетъ часть своихъ нечистотъ въ Темзу, теченіе и отливы уносятъ ихъ или, такъ предполагаютъ, по крайней мѣрѣ. Какъ бы действительно ни было теченія воды, чтобы унести попадающія въ нее нечистоты, но сила его имѣеть однакоже извѣстныя границы; ибо отъ нея потребуется слишкомъ большой работы очищенія, то она останется неисполненной. Вотъ что случилось съ Темзой: эта прекрасная рѣка, подъ вліяніемъ страшнаго юльскаго зноя, оказалась неспособною выносить долго очищающую работу, которую отъ нея требовали. Зло отъ этого нарушенія условій ея вскорѣ обнаружилось. Зловонныя испаренія поднялись отъ этихъ водъ, составлявшихихъ гордость и украшеніе Лондона, отъ этихъ водъ, которыхъ должны были охранять здоровье обитателей его. Жители смутились, видя что рѣка превратилась въ зловонную клоаку, губительную для народнаго здравія; они попяли наконецъ что рѣка можетъ принимать нечистоты только въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ уносить ихъ, не осаждая ихъ на свое русло и не распространяя удушливое зловоніе, вмѣсто благодѣтельной сиѣжести. Слѣдуетъ прибавить, что если дурно портить составъ водъ, до порожденія предоносныхъ испареній, то ничуть не лучше терять тѣ вещества, которыхъ она уноситъ своимъ теченіемъ. Тутъ двѣ ошибки: одна портить, другая расточаетъ. Какое бы отвращеніе не внушили намъ нечистоты, какая бы неудобства ни происходили отъ неправильнаго скопленія и разложенія ихъ, неоспоримо то, что они составляютъ зильное удобреніе, безъ котораго земля ничего не производить; почва питающая растенія одинъ тонкій слой, лежащий на поверхности земнаго шара (и то лишь въ тѣхъ мѣстахъ где песокъ, мѣль и скалы не покрываютъ поверхность почвы) не можетъ быть неистощимымъ источникомъ, откуда можно почерпнуть, не пополнивъ ничѣмъ взятое. Притомъ одинъ лишь родъ веществъ, именно вещества органическія, имѣютъ свойство поддерживать плодородіе полей. Чтобы растенія появились, чтобы слѣдовательно, травоядныя животныя могли питаться и наконецъ послужить пищей плотояднымъ животнымъ, нужно чтобы земля въ замѣнѣ получаемой съ нея жатвы, получала въ удобреніе разлагающіяся вещества, т.-е. тѣ нечистоты, которыхъ, накопившись въ одномъ мѣстѣ, заразили бы

воздухъ, разбросанные же по полямъ ежегодно, способствуютъ пропастию на нихъ сѣмянъ и плодовъ. Это явление замѣчательное, заставляя мысль восходить до первичныхъ условій жизни, склоняеть ее къ тому предположенію, что для нась по крайней мѣрѣ, вещества органическія и неорганическія одновременны, что первыя не происходятъ отъ вторыхъ и что они въ отношеніи одно другого имѣютъ одновременныя существованія, начальными концами которыхъ мы не въ состояніи уловить. Здѣсь человѣкъ только подражаетъ экономіи природы. До вмѣшательства его въ жизнь природы, растенія, умирая и сгнивая на питающей ихъ почвѣ, возвращали ей все что получили отъ нея; современи же его вмѣшательства этотъ простой размѣръ оказался недостаточенъ; чтобы земля доставляла пищу размножившемуся роду человѣческому и животнымъ помощникамъ его—необходимо удобрение. Слѣдовательно, потеря драгоцѣннаго материала, обращаемаго въ источникъ болѣзни и предметъ отвращенія, оказывается самою вредною расточительностью.

Дикарь долженъ менѣе нась бояться природы въ томъ смыслѣ, что онъ меныше борется съ силами ея, ни въ чемъ не поднимаясь надъ уровнемъ ихъ. Что можетъ грозить этимъ людямъ, разбросаннымъ какъ и другія породы животныхъ по огромнымъ пространствамъ земного шара, кроме нѣсколькихъ эпидемическихъ болѣзней поражающихъ ихъ, и недостатка дичи или рыбы, который поведетъ за собой голодную смерть? У нихъ иѣть ни засѣянныхъ полей неурожай которыхъ такъ тревожитъ нась, ни стадъ подверженныхъ падежамъ, ни городовъ, которые засыпались грудами пепла, имѣя не страшны ни разливы рекъ, ни застой ихъ. Они предоставляетъ всѣ вещи условіямъ природы, воды—течению ихъ, лѣсныя хижини непогодамъ, звѣрей лѣсамъ, растенія разбрасыванію сѣмени по волѣ вѣтра. Цивилизованный человѣкъ не можетъ подобно имъ положиться на произволъ силъ почвы и неба. Онъ принялъ на себя управление землею и это трудное управление требуетъ, по мѣрѣ усовершенствованія цивилизациіи, все болѣе и болѣе генія и работы. Хотя человѣкъ не можетъ ничего произвести безъ помощи природы, но въ то же время природа является страшнѣйшимъ его врагомъ, даже тѣмъ гдѣ онъ покорилъ ее—а онъ покорилъ ее во многихъ случаяхъ—она является постоянно возмущающимся работой. Въ области обще-

жизненої гигієни, возмущенія єя особено опасни и важни. Промисловість и торговля, или какъ я сказалъ выше, воздѣлываніе земли требуетъ смѣлости и предирпимчивости. Опираясь на физику, хімію и біологію, онъ развиваетъ одно, подавляетъ другое, сближаетъ то, что никогда не соединилось бы безъ него, создаетъ новыхъ производителей, доставляетъ новые продукты, открываетъ новые источники производства. Но и здѣсь также борьба, порождающая неожи-
денія и дѣйствія. Жизнь — сила воспріимчива, которую
каждое измѣненіе среды измѣняетъ и которая въ особенности подчинена разлагающему вліянію испорченыхъ и разсѣянныхъ органическихъ веществъ, жизнь страдаетъ отъ небрежности, ошибокъ и недосмотровъ и постоянно необходимо, чтобы искусство врачевать и — гигіена стремилась уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить зло, которое появилось роковымъ спутникомъ добра.

Незначительный, но характеристический примѣръ докажетъ при какихъ затруднительныхъ условіяхъ человѣкъ измѣняетъ то или другое въ общей жизни. Когда узнали, что изъ каменнаго угла можно добывать посредствомъ перегонки газъ, горящій очень сѣфто и способный освѣтить улицы, мастерскія и лавки гораздо лучше и дешевле сала и масла, поспѣшили воспользоваться этимъ полезнымъ открытиемъ. Въ городахъ проложили подземныя трубы, приносящія во всѣ кварталы горючій матеріаль для безчисленныхъ газопроводовъ. Успѣхъ увѣничалъ это предпріятіе, желанная цѣль была достигнута и ночной мракъ, былъ побѣжденъ, какъ будто его никогда не существовало. Съ другой стороны, за послѣдніе годы деревья на парижскихъ бульварахъ стали увядать, они видимо чахнутъ и умираютъ; многія аллеи окончательно опустошены неизвѣстной болѣзнью деревьевъ. Теперь увѣряютъ, что оба эти явленія, обращеніе газа подъ землей и болѣзнь деревьевъ находятся въ связи, и что углекислый водородъ испаряясь черезъ скважины и тверстія портитъ почву и заражаетъ корни. И такъ, изучая это явленіе оказывается, что въ то время какъ думали только освѣтить городъ, вызвали другое послѣдствіе неискомое и непредвидѣнное.

Въ то время, когда болѣзнь картофеля и винограда была въполномъ разгарѣ, крестьяне во многихъ мѣстностяхъ вообразили, видя рельсы распространявшиеся повсюду и машины испускающія чёрный дымъ, что въ нихъ-то и кроется причина раззоряю-

щаго ихъ бѣдствія. Я не говорю что такое предположеніе было бы
бесмысленно, я говорю только, что оно невѣрно, потому что болѣзни
растеній вачалась тамъ, гдѣ не было желѣзныхъ дорогъ и
уничтожается теперь, хотя тѣ же дороги все болѣе и болѣе расширяются. Но можетъ быть эти желѣзныя полосы, расходящіеся
по всѣмъ направлѣніямъ земной поверхности и будуть имѣть
какое нибудь дѣйствіе, важное или незначительное, вредное или
полезное, которое нужно будетъ опредѣлить и, смотря по его свой-
ству, опредѣлить мѣсто его въ извѣстномъ рядѣ явлѣній. Здѣсь мы
вступаемъ въ область живыхъ существъ. Соціальный организмъ, съ
принадлежностями его, живетъ точно также какъ живой организмы.
Невозможно измѣнить одну часть его безъ того, чтобы измѣненіе
это не вызвало гдѣ нибудь, иногда даже очень далеко, какихъ
нибудь другихъ второстепенныхъ измѣненій. Эта совокупность
сложныхъ задачъ и изучается общественной гигіеной, постепенно
и прогрессивно достигающей болѣе и болѣе удовлетворительныхъ
разрѣшеній своей задачи, ио мѣрѣ того какъ отвлеченнія біологии,
поставляющая принципы и разумный эмпіризмъ, представляющіе
дѣйствительные факты, все тѣснѣе соединяются между собою.

Хотя общественная гигіена имѣеть цѣлью только наилучшее
сохраненіе человѣческаго здоровья, но цивилизованный обществъ
держать въ своихъ рукахъ два обширныхъ царства населенныхъ тѣ-
живыми существами, здоровьемъ которыхъ нельзя безнаказанно пре-
небречь, именно: воздѣлываемыми растеніями и домашними живот-
ными. Производя большія расчистки въ первобытной растительности,
чтобы распространить питающія его растенія, измѣненія отношеній
животнаго царства въ пользу животныхъ доставляющіхъ ему пищу
или служащихъ ему, человѣкъ принялъ на себя управление надъ
обширною областью. Растенія, животные и человѣкъ составили
нераздѣльное цѣлосъ и болѣзни двухъ первыхъ непремѣнно отра-
зятся и на послѣднемъ. Правда, еще не замѣтили, чтобы существова-
вало что нибудь общее между причинами поражающими болѣзня-
у человѣка и у животныхъ. Въ эти послѣдніе годы болѣло множествъ
растеній, напр. картофель, виноградъ и почти всѣ плодовыя деревья
и между тѣмъ какъ зло свирѣпствовало, поражая корни и вѣтви
деревьевъ, отъ чего засыхали листья и портились плоды, незамѣчено
было, чтобы здоровье человѣка страдало одновременно съ здоровьемъ

гений. Но случается, что некоторые овощи заражены извѣстными болѣзнями дѣлаются вредными, покрываясь вредно дѣйствующими на здоровье паразитами. Такимъ образомъ не разъ случалось головня, развившаяся на хлѣбныхъ растеніяхъ, производила чумическую судорогу, или гапгрену. Теперь многие медики и изъ нихъ г. Костала приписываютъ съ полной справедливостью нашу въ Италии и Франціи грибу-паразиту, зараждающемуся въ верхней кожице кукурузы. Итакъ природа создаетъ въ этихъ спіяхъ посредствомъ болѣзни то, что она создаетъ въ другихъ миѳъ путемъ — вещества оказывающеся ядомъ для человѣка. Природа тѣмъ же путемъ болѣзни дѣлаетъ нашихъ домашнихъ животныхъ столь же ядовитыми какъ опаснѣйшій изъ змѣй; карбункуль, бѣшенство, санъ передаются человѣку. Кромѣ естественного рака, порождаемаго заразительностью этихъ болѣзней, нужно помнить еще во вниманіе, что эти животныя, наши питомцы, состоятъ въ нашихъ рукахъ огромное населеніе, состоящее здоровьяя старого для насы въ высшей степени важно. Быки, лошади, бараны, яки и др. подвержены всевозможнымъ болѣзнямъ. Натогорѣ ихъ комъ сложная, хотя и не на столько какъ птица. Виргилий, въ юношѣ знаменитомъ описаниемъ падежа, поэтически удивляется, что возможность питанія и жизни чуждала заботъ и тревогъ не предотвратила животныхъ отъ болѣзни.

*...Atqui non massica Bacchi
Munera non illis epuloe nocuere repostoe
Frandibus et victu pascuntur semplecis
Pocula sunt fontes liquidi atque exercita herbae сиаги
Flumina; nec somnos abrumpit ura salubres.*

Что же сказалъ бы онъ о растеніяхъ тоже подвергающихся болѣзнямъ. Болѣзнь врождения живому веществу; она учащается и множится по мѣрѣ большей его сложности и совершенства. Совершенство и сложность всегда находятся въ прямомъ отношеніи къ другому. Тѣмъ, чѣмъ частная гигиена оказывается для отдельной личности, тѣмъ же самимъ оказывается и общественная гигиена для общественного организма. Изъ четырехъ великихъ функций, составляющихъ всю жизнь общественного организма: поддержание жизни его, нравственность, искусства и науки, только одна, именно первая, подлежитъ гигиенѣ. Съ двумя послѣдними она не

имѣть никакого дѣла. Вторая состоить съ нею въ посредственныхъ отношеніяхъ, происходящихъ отъ неоспоримаго вліянія другихъ матеріальныхъ условій на поступки людей.

Дидеро, слова которого приводитъ г. Мишель Леви, сказали, что каждый вопросъ касающійся нравственности дѣлается вопросомъ гигіиены. Это неоспоримо. Подобно тому, какъ суду, что доказываютъ статистическія наблюденія, приходится карать болѣе случаевъ воровства въ годы голода и дороговизны, такъ и всегда когда общественная гигіена находится въ пренебреженіи намъ придется видѣть, какъ физическое и нравственное разложение царяетъ несчастныхъ поставленныхъ въ гибельныя условія. Нечистая плотность, пренебреженіе необходимыми удобствами жизни, дурнотища, нездоровое помѣщеніе, недостатокъ воздуха, дурно содѣживимъ клоаки, разложение нечистоты, скученность въ тѣснотѣ, все это взятое вмѣстѣ не только будетъ разрушать здоровье, изурить тѣло, распространять болѣзни, сокращать жизнь, но и повліяетъ губительно на сердце и умъ. При такихъ условіяхъ портятся и грубѣютъ. Напротивъ того, когда очищаются и дѣлаются здравымъ жилища, селы и города, когда уменьшаются силу вредоносны вліяній, въ результатахъ получается не только улучшеніе общественного здоровья, но оказывается что люди, менѣе подверженны вліяніямъ всего что гнететь, оскорбляетъ, заставляетъ ихъ страдать, научаются лучше владѣть собою и становятся болѣе достойными добрымъ чувствамъ и разуму. Такимъ образомъ общественная гигіена имѣть свою долю, хотя и косвенного, но вѣроятнаго вліянія на нравственность. Безъ сомнѣнія, подобные результаты и достижимы безъ извѣстной степени постоянно возрастающаго благостоянія, которое одно можетъ породить стремленія къ подобнымъ санитарнымъ улучшеніямъ и дать средства достигнуть ихъ; но на замѣтить, что общественная гигіена самая лучшая совѣтница благостоянія.

Содержаніе тѣла относится къ прямой обязанности гигіиены и требуетъ постоянного надзора ея. Въ то время какъ пиганіе и возстановленіе дѣлаютъ свое дѣло, доставляя и неглоща вещества, поддерживавшія существованіе, какъ человѣка такъ и животныхъ и растеній, необходимо чтобы бдительный надзоръ слѣдилъ за этимъ безконечнымъ обмѣномъ. Извѣстно, что одно изъ важнѣйшихъ правъ общественности

гигиены, есть право ея открывать и преслѣдовать поддѣлки и фальсификаціи продуктовъ, вводящіе потребителя въ заблужденіе и приводящіе болѣзnenные случаи разнаго рода. Безчестное корыстолюбіе, съ которымъ приходится соперничать въ изобрѣтательности, продаётъ за хорошия продукты такіе, которые или не имѣютъ никакой цѣни или даже просто вредны. Сама природа, если разсматривать ее съ точки зреінія относительной, человѣческой, по которой всѣ измѣненія проявляются въ полезныхъ или вредныхъ вліяніяхъ, а не съ общей точки зреінія міровыхъ законовъ, на которой всѣ вліянія безразличны,—сама природа, говорю я, во многихъ случаяхъ является агентомъ этихъ поддѣлокъ и фальсификацій, того что мы потребляемъ или потребляли прежде. Поддѣлка и фальсификація ея, если я могу обозначить этимъ выражениемъ явленія, столь же неотразимыя и необходимыя, какъ и тѣ которая поддѣлываютъ наше существованіе и удовлетворяютъ нашимъ нуждамъ, заключаются въ томъ, что органическія вещества, по несчастному для насъ стечению обстоятельствъ, не могутъ разлагаться, не порождая веществъ всегда вреднаго свойства. Когда мы глубже проникнемъ въ составъ сложныхъ веществъ, мы будемъ знать рационально то, о чёмъ мы имѣемъ теперь лишь эмпирическое понятіе, а именно почему разложеніе сопровождается действительной опасностью для всего живущаго. А покуда мы достигнемъ этого знанія, мы можемъ, такъ какъ въ настоящее время ничто не мѣнилось нами, мечтать о такомъ порядкѣ вещей, когда разложеніе будетъ безвредно и даже можетъ быть полезно и пріятно и будетъ очищать воздухъ, вместо того чтобы заражать его; когда міръ, среди которого мы живемъ, станетъ лучшимъ, по крайней мѣрѣ, для насъ, а какое же другое мѣрило добра можемъ мы имѣть? Но изъ сущности это далеко не такъ; броженіе и гниеніе, два великихъ дѣятеля во всякомъ разложеніи органическаго вещества, далеко не безвредны для нашего организма. Остается только смотрѣть прямо въ лицо врагу, если уже решено, что мы имѣемъ дѣло съ врагомъ, и отыскивать всевозможныя способствующія условія для пораженія его.

Движеніе населенія, общественное здоровье и селеніяхъ и городахъ, ремесла и профессіи составляютъ главный отрасли общественной гигиены, такъ сказать, предметы, на которые направлена

дѣятельность си. Определить какъ пародонаселеніе дѣлится по
носительно пола и возраста, затѣмъ изучать природу болѣзней, дѣ-
ствующихъ на жизнь и прекращающихъ ее, значитъ узнать
въ числѣ причинъ естественной смерти, которая ранѣе или позднѣе
должна унести въ могилу населеніе, какія именно причины застап-
ляютъ его преждевременно платить дань, которую всѣ мы должны
неизбѣжно отдать.

Чѣмъ глубже и точнѣе становится знаніе болѣзней, чѣмъ болѣ-
специализируются причины ихъ, тѣмъ сильнѣе и дѣйствительнѣе
становится влияніе медицины, чтобы ослабить ихъ. Селенія и го-
рода, первыя пользующіяся воздухомъ чистымъ, здоровымъ, вторыя
болѣе или менѣе смертныя и испорченныя, не должны быть пре-
доставлены однимъ силамъ природы, ни безнечности, всегда пре-
обладающей между жителями; водохранилища, мѣста для погре-
бания, жилища, климатъ, нечистоты, всѣ эти предметы были и должны
быть цѣлью ученыхъ изслѣдований потому, что все это принадле-
житъ къ области высокаго и труднаго искусства медицины. Реме-
сла, сдѣлавшіяся столь сложными, не могутъ обойтись безъ вы-
шаго контроля, который опредѣлить бы порождаемыя ими опас-
ности, оградилъ бы отъ нихъ соѣднѣе населеніе и не предостав-
лялъ бы выгодамъ одного лица, разрѣшать вопросы такой важности;
въ особенности тамъ, гдѣ химія обрабатываетъ въ большихъ раз-
мѣрахъ минеральные вещества, часто смертоносныя, и органиче-
сکія, которые во всяко время могутъ сдѣлаться вредоносными
общественная гигиена призвана вмѣшиваться тутъ съ полнымъ
авторитетомъ.

Иаконецъ, должно сознаться, что не всѣ профессіи и ремесла
ставляютъ человѣка въ столь разнообразныя условія, безвредны для
здоровья его. Я не говорю о тѣхъ, изъ нихъ, которыхъ напримѣръ
подвергаютъ его случайнымъ опасностямъ: напр., о профессіи и
ремеслахъ матросовъ, кровельщиковъ, плотниковъ, пожарныхъ, вра-
чей и проч., я говорю о тѣхъ, которыхъ порождаютъ болѣзни под-
вергая тѣло сгражданіямъ, параличу, трясенью и смерти. Между
самыми тяжелыми впечатлѣніями, навѣянными на меня медицин-
скою практикою, было впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ положе-
ния этихъ несчастныхъ, принужденныхъ бѣдностью избирать за-
щита медленно разрушающія организмъ. Желаніе прекратить

такой порядокъ вещей, далеко не новый, по остающійся нозорнымъ явлениемъ на нашей цивилизациі, должно быть самимъ сильнымъ побуждениемъ для дѣятельности гигієни. Во всѣ времена пользовались знаніемъ врачей для разныхъ специальныхъ явлений въ области общественного здоровья и просили у нихъ для этой цѣли предписаній, въ родѣ тѣхъ, которыхъ они давали частнымъ лицамъ. Но только съ недавнихъ поръ стали систематично прилагать къ совокупности соціальныхъ условій, съ точки зренія патологической, совокупность средствъ доставляемыхъ врачебнымъ искусствомъ. Администрація, болѣе просвѣщенная и ионечительная о благосостояніи управляемыхъ и медицина, болѣе способная проникать въ сложный составъ смертоносныхъ причинъ, произвели этотъ великий результатъ—первая обращаясь къ медицинской помощи для исполненія своихъ задачъ, вторая вслѣдствіе постепенного распространенія своего и своей возрастающей власти.

Общественная гигієна занимаетъ, какъ слѣдуетъ ожидать того, значительную часть сочиненія г. Мишеля Леви. Я желалъ бы, чтобы читатель составилъ себѣ общее понятіе о немъ, и узналъ какія причины породили его и какое важное значение имѣть оно для медика. Я остановился бы здѣсь, такъ какъ тѣль моя достигнута, еслибы мігъ не хотѣлось доказать мое мнѣніе посредствомъ примѣра. Г. Мишель Леви—военный докторъ, управлявшій медицинскою частью въ посточной арміи во время кримской войны; онъ въ тоже время директоръ медицинской школы въ Валь-де-Грасѣ. Никто, слѣдовательно, не имѣть большаго права говорить о здоровьѣ солдатъ, и я повредилъ бы самому себѣ, еслибы не привѣлъ изѣкоторіихъ или наблюдений его, и не воспользовался для подкрѣпленія моего изгнаніа тѣмъ интересомъ, который онъ, естественно, возбуждаетъ.

Смертность въ войскахъ, независимо отъ исключительной смертности въ военное время, значительна чѣмъ между мирными гражданами. „Между людьми отъ 20 до 30 лѣтъ, говоритъ г. Мишель Леви, ежегодное количество умирающихъ равняется 25 на 100; въ здоровыхъ же странахъ она едва достигаетъ 1 на 100, между тѣмъ какъ г. Бенуастонъ де-Шатоенефъ, учили, что въ арміи, оно равняется 2, 25. Эта цифра оказывается тѣмъ болѣе несоразмѣрной что армія пополняется людьми отборными; она не объясняется и

увеличениемъ смертности вслѣдствіе дуэлей, самоубійствъ, ностальгіи и излишествъ происходящихъ отъ холостой жизни. Это вліяніе второстепенныя. Смертность въ войскахъ въ мирное время имѣетъ главными причинами: ошибки ревизионныхъ комиссій, рѣзкія измененія климата и утомленіе, сопровождающее ежедневная учени, маневры, парады, недостаточный сонъ, т. е. трату силъ часто привыкающую средства организма для возстановленія убыли его имѣніемъ.

Итакъ какъ смертность эта тяготѣеть преимущественно въ первые годы надъ новоприбывшими, то слѣдуетъ признать, что переходъ отъ частной гражданской жизни къ военной службѣ состоіяетъ, подобно акклиматизаціи, физиологической и моральной кризисъ въ ноколѣніяхъ, ежегодно сменяющихъ другъ друга подъ воинскими знаменами. Свободная воля частнаго лица, естественное сообщество семьи, разнообразіе работъ и ремесль сменяется строгостью дисциплины, искусственнымъ и принужденнымъ сожительствомъ въ казармахъ, однообразнымъ рядомъ учени и гарнизонныхъ работъ. Организмъ совершасть такой рѣзкій переходъ, привыкается къ такой крутой перемѣнѣ, только благодаря глубокимъ и энергическимъ усиліямъ. Съ минуты первыхъ принужденій, первыхъ приступовъ ностальгіи до полнаго подведенія подъ одинъ уровень однообразія всѣхъ человѣческихъ личностей, случайно собранныхъ въ одинъ полкъ, въ нихъ происходятъ возмущенія, потрясенія, страданія, которыхъ можно сравнить съ переработкою, совершающейся въ душѣ колониста, со дня переселенія его въ тропическую страну до того времени, когда становится почти невозможнымъ отличить его по наружному виду отъ туземцевъ. Навѣрно органическій и физический переворотъ совершающейся въ годы акклиматизаціи военной жизни не менѣе буренъ и не менѣе глубокъ, нежели происходящее медленно привыкненіе къ атмосферическимъ условіямъ, различнымъ отъ климата родины.

Въ жизни военныхъ, какъ и мирныхъ гражданъ, благосостояніе имѣетъ огромное вліяніе уменьша болѣзни, а слѣдовательно и послѣдствія ея—смертность. Это настолько вѣрно, что смертность можно сказать, соразмѣряется съ жалованьемъ: она не такъ значительна между унтеръ-офицерами, какъ между солдатами, между офицерами какъ между унтеръ-офицерами. Въ Англіи смертность

всемъ войскѣ считается 17 на 1000 солдатъ и 12 на 1000 офицеровъ; во Франціи—19,4 на все войско, 10,8 на офицеровъ и 22,3 одинъ солдатъ. Надо замѣтить, что офицеры позволяютъ себѣ многое излишествъ и находять болѣе нравственной силы въ своемъ мнѣніи и разсудкѣ. Даже въ военное время благосостояніе выявляется тоже дѣйствіе въ гигієническомъ отношеніи. Г. Мишель говоритъ, что скорбутъ, свирѣпствовавшій въ восточныхъ мѣсяцахъ въ 1855 и 1856 годахъ, почти не касался офицеровъ. Генералы, интенданцкіе чиновники, старшіе офицеры пользовавшіеся многими удобствами, избалованы отъ смертоносныхъ вліяній, когда не происходятъ отъ эпидеміи, въ родѣ холеры и желтой лихорадки. Г. Мишель Леви рисуетъ ужасающую картину губительныхъ условій, окружающихъ войско во время похода: постоянный недомоганіе и утомленіе, частый недостатокъ пищи и спа, самое качество пищи состоящей обыкновенно изъ сухарей и дурно испеченного хлѣба, соленой говядины и изрѣдка свѣжей, самого низшаго сорта, сушеныхъ овощей, если они не замѣняются исключительно ежедневно однимъ рисомъ; отсутствіе пріюта ночью или способъ согреванія, при которомъ рискуешь задохнуться въ герметически закрытыхъ палаткахъ, потому что палатки заражаются также какъ платы въ казармахъ и въ больницахъ; отхожія мѣста въ лагеряхъ, дурно устроенные кладбища, грязь одежды, нечистоплотность тѣла; постоянно нравственное напряженіе, которымъ должно встрѣтить всѣ испытанія во время войны и поддерживать мужество, требуемое положеніемъ минуты постоянно въ уровень съ вынужденными неожиданностями; наконецъ, при различныхъ климатахъ переходы отъ дневной температуры къ ночной, смена временъ года и болѣе глубокое вліяніе метеорологическихъ условій на ослабленіи и иногда упавшихъ духомъ людей. Такимъ образомъ, не скрывая ни одного изъ губительныхъ условій, въ которыя поставлено войско во время войны, онъ прибавляетъ съ твердостью и увѣренностью, нравственными его знаніемъ, высокимъ постомъ и опытыностью: «Должно ли признать, что совокупность этихъ условій и ихъ последствій составляетъ несчастіе войска и похода? что страшная смертность, которую исторія человѣчества занесла въ свои списки и которую еще чаще проходятъ молчаниемъ, оказывается неизбѣжною данью, платимою солдатами войнѣ. Что мнѣніе есть мнѣніе

администраторовъ, слагающихъ съ себя отвѣтственность за будущее, военачальниковъ, запятыхъ преслѣдованиемъ стратегическихъ результатовъ, врачей, забывающихъ или не понимающихъ свою обязанности. Гигиена предстоитъ играть важную роль въ дѣлахъ охраненія войска во время походовъ, она можетъ успѣшно бороться съ сильными причинами, порождающими изнуреніе и уничтоженіе его, если она будетъ призвана на совѣтъ начальниковъ, ~~за~~ за нею признаютъ право инициативы и авторитета. Переимѣна ~~и~~ ста стоянки войска, лучшіе способы доставки провизіи, употребленіе иѣкоторыхъ мѣстныхъ средствъ для улучшенія условій, ~~сво~~ временные распоряженія при началѣ эпидеміи, удаленіе, уничтоженіе условій, производящихъ заразу, разумные призывы посредствомъ ежедневныхъ приказовъ, къ помощи офицеровъ и здравому смыслу солдатъ, хорошая организація походныхъ госпиталей, перевязочныхъ пунктовъ, удаленіе выздоравливающихъ оттуда въ хорошо устроенные для нихъ дено, быстрое и вѣрное распределеніе состава всего штата, назначенаго для ухода за больными. Всѣ мѣры которые были и будуть необходимы, чтобы предупредить и ослабить бѣдствіе, а совокупность этихъ предохранительныхъ мѣръ является вѣрнымъ средствомъ для уменьшения чудовищной и сжегшей невиной убыли войскъ. Въ походѣ полезна и дѣйствительна одногигиена; безъ нея медицина только печальная суетня, безъ нея хирургія видѣть какъ оказывается тщетною вся изобрѣтательность методовъ ея и приемовъ лечения; безъ нея администрація напрасно придумываетъ разныя средства одно за другимъ, и всѣ мѣры, которая она предписываетъ въ такомъ изобилии, не останавливаютъ развитія смертоносныхъ эпидемій.

Дѣйствительно, и это замѣчаніе принадлежитъ г. Министру Леви, даже въ войнахъ, въ которыхъ преобладаетъ артиллерія, какъ напримѣръ при осадахъ, медицина не можетъ болѣе постянной работой пожалѣ хирургія. «Прежде чѣмъ раздается первый выстрѣль, уже существуютъ больные. Болѣзни развиваются, эпидемія угрожають когда отряды на бивуакахъ, въ лагеряхъ, или въ походѣ. Сраженіе, приступъ, какъ бы кровавы они ни были, лишь на короткое время наполняютъ перевязочные пункты и госпитали; вскорѣ раненые умираютъ, вылечиваются или отсылаются на родину. Хирургія останавливается, отдыхаетъ послѣ періодовъ кровавой дѣ-

головности; врачу же достаются скромная дѣятельность, постоянное самопожертвование на задиеръ планѣ театра войны. Съ 6-го октября 1854 до 5 февраля 1855 года, английское войско на востокѣ считало 108 смертей отъ ранъ и 391 отъ болѣзней на 1000 человѣкъ. Въ теченіи 6 послѣднихъ мѣсяцевъ 1855 года, означенныхъ самыми рѣшительными военными дѣйствіями при осадѣ Севастополя, французская армія потеряла 21,957 раненыхъ огнемъ непріятеля и 101,128 заболѣвшихъ лихорадками разнаго рода.

Въ виду смертности большей и въ мирное время между военными нежели между гражданскими классами, несмотря на отборъ солдатъ изъ лучшей части населения и на смотры, черезъ каждые 3 мѣсяца очищающіе ихъ отъ больныхъ и слабыхъ,—г. Мишель Леви, естественно, стремится найти средство облегчить эту тяжелую дань смерти. Одна гигіена можетъ достигнуть этого; и онъ предлагаетъ многія полезныя мѣры по части управления войсками. Онъ совѣтуетъ, чтобы молодаго солдата заставили выдержать до поступленія въ войско извѣстную систему подготовки, имѣющей цѣлью способствовать его полному развитію, укрѣпить его члены и сдѣлать ихъ болѣе гибкими, словомъ, дать ему то, чего ему недостаетъ — силу, ловкость, проворство. Онъ совѣтуетъ, чтобы не пересыпали въ отдаленные гарнизоны за горами и долами, людей слишкомъ слабыхъ, и потому неспособныхъ вынести непрерывно сменяющіяся акклиматизаціи. Онъ совѣтуетъ, такъ какъ уроженцы юга легче переносятъ солнце Антильскихъ острововъ и Африки, чтобы ихъ и выбирали для экспедицій въ эти края, или чтобы по крайней мѣрѣ приготовляли войска къ этому переходу, предварительно продолжительной стоянкой въ южной Франціи и чтобы подражали англичанамъ, назначающимъ въ Индістанъ войска пробывшія нѣсколько времени въ Гибралтарѣ, на Мальтѣ, или въ Корфу. Онъ совѣтуетъ, чтобы при внутреннихъ передвиженіяхъ наблюдалась постепенность перехода отъ одного климата къ другому, гдѣ слѣдуетъ продержать нѣсколько времени отрядъ на промежуточныхъ ступеняхъ климатовъ, пройдя нежели перекинуть его изъ южнаго департамента въ холодную или сырую мѣстность на сѣверъ. Онъ совѣтуетъ вообще не производить движенія войскъ безъ совѣта врачей, относительно мѣста ихъ назначенія и времени передвиженія. Онъ совѣтуетъ, чтобы мясо вошло въ большемъ

количество въ составъ иници французского войска, чтобы инициа были разнообразище, смотря по средствамъ мѣстностей, что по по- вело бы за собою увеличения расходовъ, и чтобы перебродившиа ваникти правильно раздавались имъ для предупреждения болѣзни. Онъ совѣтуетъ, такъ какъ ружейные пріемы и военные упраж- ненія, недостаточны для укрѣпленія тѣла, постоянно ввести и въ войска рациональную систему гимнастики. Онъ совѣтуетъ, чтобы иѣніе и музыка, такъ полезныя для укрѣпленія дыхательныхъ ор- гановъ и такъ сильно дѣйствующія на душу, сдѣлались дополне- ниемъ военного образованія. Онъ совѣтуетъ, наконецъ, привѣт- яѣры, чтобы досуги солдата были употреблены съ большей поль- зой и для него и для государства, безъ ущерба для національного характера и воинского духа его.

Г. Мишель Леви исчисляя недостатки медицинской службы въ нашемъ отечествѣ говорить:

«Врачи для лечения эпидемій, служащіе даромъ, вознаграждае- мые и то весьма скучно лишь во время своей обязательной дѣя- тельности, приѣзжаютъ поздно, производятъ неполная изслѣдова- нія, не знаютъ хорошо своихъ правъ и обязанностей, лишенны инициативы. Окружные гигієническіе совѣты едва существуютъ; до- клады медицинской академіи доказываютъ недостаточность офици- альной профилакціи возобновленіемъ однихъ и тѣхъ же эпидемій въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ. И это будетъ продолжаться пока ме- дицина, лишенная инициативы, всюду подчиненная административ- ной бюрократіи, не получитъ своего мѣста, въ кругу властей страны».

Я не только соглашаюсь вполнѣ съ этой мыслью, но иду даль- ше. Я часто спрашивалъ у себя, возможно ли, чтобы въ цивили- зованномъ государствѣ, не было особенного министра обществен- наго здравія. Я стою слишкомъ далеко отъ всего, что дѣлается въ управлениі, чтобы предлагать это какъ мѣру: мнѣ кажется толь- ко, что идея эта настолько созрѣла, что могла возникнуть у дру- гихъ, какъ и у меня, и остановить вниманіе ихъ. Министерства, идущающія производствомъ и потребленіемъ, какъ министерство фи- нансовъ, торговли, промышленности, общественныхъ работъ, игра- ютъ въ общественномъ организмѣ ту же роль, какую органы пита- нія — въ организмѣ человѣка. Министерство народнаго просвѣще-

ии, завѣдующее учреждѣніями, посвященными литературѣ, искусствами, наукамъ, соотвѣтствуетъ высшимъ силамъ ума и нравственности и всюду оно оплачивается слишкомъ мало сравнительно съ расходами по военному министерству, чрезмѣрными для настоящаго положенія Европы, которое день ото дня становится все болѣе широкимъ и промышленнымъ. Между обоими министерствами есть пробѣлъ—недостаетъ вѣдомства для попеченій о тѣлѣ, т. е. о сохраненіи здоровья населенія, словомъ общественной гигіиеніи. Пробѣлъ этотъ оставался незамѣченіемъ, пока народъ не былъ способенъ заботиться о себѣ, пока администрація не знала, къ кому обратиться за указаніями, пока медицина не чувствовала себя папойко сильной, чтобы вмѣшаться въ это дѣло. Въ настоящемъ всѣ три условія соединены: народъ беретъ въ руки заботы о себѣ, администрація спѣшить помочь злу, а медицина сдѣлалась способна направить наиболѣе полезнымъ и для государства и для частнаго лица образомъ, великое движеніе здоровья и болѣзни жизни и смерти, которое вызываетъ на свѣтъ каждое поколѣніе для того, чтобы уложить его въ свою очередь въ могилу, когда оно свершить свое дѣло.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ¹⁾.

Во времена первобытного неизвестства, въ данный моментъ, когда явился умъ, одаренный большими мыслительными способностями, нежели современники его и принялъся чертить какие-то фигуры— вотъ, въ міръ брошены были первыя семена геометріи. Мало и малу эти отвлеченные понятія о простѣйшихъ предметахъ, доступныхъ каждому, значительно расширились; старикъ Архитей могъ уже измѣрять пятачка *сagentis arenae*. Наука эта дала человѣку познаніе относительно чиселъ, размѣровъ и движений.

Позднѣе, геометрическія фигуры перенеслись съ песка, на которомъ ихъ чертили трудолюбивыя руки, на небесный сводъ; ликующія божества, проливавшія на землю дневной свѣтъ и украшавшія ночью своимъ мерцаніемъ голубую твердь, оказались подчиненными въ своемъ движеніи законамъ кривой линіи и угловъ. Важность этого открытия была настолько очевидна древнему міру, что Пліний не поколебался сказать: «Дверь къ познаванію сущности вселенной растворилась, когда наклонность линій одіака была понята». Да, дверь къ знанію раслахнулась; благодаря геометріи человѣкъ въ настоящее время знаетъ свое мѣсто: онъ атомъ брошенный на планету, состоящую въ числѣ другихъ спутниковъ.

¹⁾ *Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle dans les états de santé et de maladie du système nerveux*, par le docteur Prosper Lucas.

мощи, теряющуюся въ свою очередь въ бесчисленномъ сонмѣ равныхъ сму свѣтиль.

Еще шагъ въ жизни человѣчества и оно поднялось на новую ступень знанія, ему стали извѣстны: вѣсъ, теплота, свѣтъ, электричество и звукъ. Обладая этими свѣдѣніями, человѣкъ могъ дать себѣ болѣе правильный отчетъ во всемъ что совершилось вокругъ него. Шаденіе тѣлъ, яркій блескъ молний, страшное стремлѣніе ма-тина къ сѣверу, быстрота луча свѣта соединяющаго міры, отстоящіе другъ отъ друга на неизмѣримыя пространства, эхо, перевившее быть плачущей нимфой, жалующейся на Нарцисса, все это необъятное цѣлое, сдѣлавшись достояніемъ человѣка, дало ключъ къ объясненію явлений, которыхъ можно назвать виѣннами. Но существуютъ и другія явленія, такъ сказать внутреннія, болѣе скрытныя, чѣмъ индивидуальные силы или свойства предметовъ, которыхъ полностью разлагаются и воспроизводятъ вещества; и потому естественная философія могла быть только сборникомъ отрывочныхъ фактовъ, пока химія не довела насъ до глубокаго изслѣдованія молекулярныхъ соединеній. По этой нити мы дошли уже до великой науки о живомъ организмѣ; животный организмъ имѣеть необходи-мой основой своей непрерывный обмѣнъ химическихъ соединеній, которыхъ одни могутъ объяснить намъ, почему одни и тѣ же элементы переходятъ изъ земли, воды и воздуха въ клѣтчатку растеній и животныхъ. Изученіе процессовъ соединенія и питания, передачъ и произрѣденій, аналогіи органическихъ видовъ, іерархіи органи-зованныхъ существъ, дѣятельности мускульной силы, чувствительности и ума, изученіе жизни въ настоящемъ смыслѣ слова, вотъ что движаетъ впередъ развитіе человѣческаго ума и ведетъ его къ побѣдамъ въ области мышленія.

Что же въ настоящую минуту предстоитъ изучать еще изъ того, что доступно человѣку, для того чтобы сдѣть окончательно въ архивѣ сверхъестественные и метафизические понятія, которыми питался разумъ человѣчества, въ періодъ своего младенчества? Остается еще изучить, что и человѣческія группы общества стоять на ряду естественныхъ явлений и не подчинены ни произволіемъ сверхъестественнымъ силамъ, ни слѣпой случайности.

Признавъ неизмѣнность законовъ, управляющихъ органической и неорганической природою, признанъ что общества основаны на

совокупности действий ихъ, можно съвѣло прийти къ заключенію, что общества подчинены определенному ходу. И действительная история, же достаточно длинный периодъ, свидѣтельствуетъ об одномъ неизмѣнномъ стремлении цивилизаций впередъ. Изъ этого сълѣдуетъ, что общества подлежатъ естественному закону, должны становиться предметомъ отдельной науки; наука эта, присоединяя свои результаты къ предшествовавшимъ ей отраслямъ знанія, о которыхъ мы говорили выше, пополняетъ собою реальную философию и даетъ ей право замѣнить собою спекулативную (субъективную) философию предшествовавшихъ периодовъ.

Я набросалъ только очеркъ исторіи наукъ и въ то же время начерталъ тѣмъ и схему соціальныхъ переворотовъ; потому что общества видоизмѣнялись только посредствомъ развитія идей, и идѣи въ свою очередь развивались вслѣдствіе прогресса наукъ. И все это было бы невозможно и исторія представляла бы намъ совершенно иное, или точнѣе, исторіи не существовала бы вовсе безъ наследственности, безъ того особенаго свойства, присущаго всѣмъ животнымъ — передавать своимъ потомкамъ приобрѣтенные ими обособляющіе признаки. При отсутствіи этого свойства, первобытный человѣкъ, воспроизводясь въ своемъ потомствѣ, безъ передачи яркихъ слѣдовъ, приобрѣтенныхъ имъ подвлияниемъ различныхъ впечатлѣній, не могъ бы пройти тутъ видоизмѣненій и пройти его въ томъ определенномъ направлѣніи, которое мы называемъ цивилизацией. Конечно, человѣчество, въ силу прирожденной ему энергіи, могло бы, какъ то и случается постоянно, производить умы болѣе пытливые, болѣе дѣятельныя, болѣе изобрѣтательные чѣмъ окружающій ихъ средний уровень; и нововведенія вносимы этиими благодѣтельными особами, не создавали бы умственныхъ привычекъ и человѣкъ оставался бы, по прежнему, неукротимъ, дикимъ, враждебнымъ, неспособнымъ на осмысленному труду, всегда готовымъ бросить начатое дѣло осѣдлости и возвратиться къ охотническому кочевью въ своихъ неспрѣходимыхъ лѣсахъ. Въ промежутокъ времени, около ста пятидесяти лѣтъ, английскіе скотоводы, разумно пользуясь закономъ наследственности, создали расу лошадей, замѣчательную какъ по физическому сложенію, такъ и по своимъ способностямъ. И цивилизациія должна быть рассматриваема какъ подобный, хотя совершенно

непосредственный опытъ, создавшій, путемъ наследственности, цивилизованнаго человѣка, въ такой степени отличнаго отъ человѣка, живущаго по пустынамъ Америки и Новой-Голландіи. Наслѣдственность составляетъ физиологическое условіе исторіи, оно служитъ ручательствомъ си дальнѣйшаго хода и указываетъ возможнія границы колебаній между известными крайностями.

Въ каждомъ отдельномъ случаѣ воспроизведенія, новый пришелецъ на жизненное поприще приносить съ собой извѣстную долю индивидуальности, то что Г. Люка называлъ *прирожденностью* — (*innéité*) и такую же долю наследственности, приобрѣтенну имъ отъ обоихъ своихъ родителей. Г. Люка открыть и простѣдѣлъ этотъ двойной принципъ или, какъ можно еще назвать его, двойной первичный фактъ съ необыкновенной проницательностью. Всегда и вездѣ кишатъ безконечныя разновидности; всегда и вездѣ родители кладутъ свою печать на физическій и нравственный складъ своего отпрыска. Эти два условія воспроизведенія идутъ постоянно рука объ руку и никогда не исключаютъ одно другое. Такъ, мы видимъ, что даже въ случаѣ рожденія двухъ близнецовъ, гдѣ наследственность, если бы наследственность была единственнымъ факторомъ, должна бы оказать въ наисильнѣйшей степени свое влияніе и дойти до полной тождественности обоихъ близнецовъ, существуютъ однакоже глубокія различія на ряду съ поравнительными сходствомъ. Врожденность создаетъ во всѣхъ семьяхъ геніальныхъ людей, специальные способности и рѣзко опредѣленныя наклонности; но наследственность обеспечиваетъ за расами характеръ ихъ, за кистами ихъ правы, за поколѣніями каждой исторической эпохи стремленія ихъ вѣка; врожденность при воздѣлываніи растений и разводѣ скота производитъ разновидности, а наследственность сохраняетъ и передаетъ ихъ, когда онѣ дѣйствительно цѣнны.

Слѣдовательно, чтобы составить ясное понятіе о наследственности, необходимо отстранить все то, что не принадлежитъ ей; но настолько же важно умѣть распознавать присутствіе ея тамъ, гдѣ она есть на самомъ дѣлѣ. Обыкновенно она дѣйствуетъ прямымъ путемъ отъ отца и матери на дѣтей; но случается также (и эта особенность не изъ наименѣе замѣчательныхъ свойствъ животнаго организма) что она дѣйствуетъ и посредствомъ возврата, т. е. передачи свойствъ предковъ дальнѣйшимъ потомкамъ, минуя прямыхъ

потомковъ. Г. Люка приводитъ не сколько весьма любопытныхъ прімѣровъ этого явленія: одна охотничья лягавая собака, произошедшая отъ матери изъ породы лягавыхъ, и отъ отца изъ породы болонокъ имѣла дѣдомъ съ материнской стороны лягаваго кобеля и бабку по отцу болонку; къ какой породѣ принадлежали дѣдъ по отцу и бабка по матери неизвѣстно. Эта собака — кобель, совокупленыи съ сукою изъ породы лягавыхъ далъ въ приплодъ щенятъ самцовъ испанской породы (болонокъ), непохожихъ ни по масти, ни по характеру на него, но имѣвшихъ и шерсть и характеръ *его* отца; отъ тѣхъ же производителей рождались въ другое время лягавыя суки, которымъ отецъ передавалъ и свое добродушіе и рѣвость, и кромѣ того, лягавые щенята — самцы, которые наслѣдовали отъ него характеръ, а отъ матери цвѣтъ шерсти.

Часто удивляются рождению бѣлыхъ ягнятъ отъ черныхъ, или пестрыхъ овецъ и барановъ; но если потрудиться изучить происходеніе ихъ по восходящей линіи, то объясненіе будетъ навѣрное отыскано въ масти предковъ. Это свойство далекой наслѣдственности, называемое атавизмомъ. Оно равнымъ образомъ существуетъ и у растеній. Изъ человѣческихъ породъ, мы возьмемъ въ качествѣ примѣра мулатовъ: въ ихъ средѣ постоянно встречаются рожденія, то черныхъ, то бѣлыхъ младенцовъ, служащихъ повтореніемъ особенностей кого нибудь изъ предковъ. У мулатовъ присутствіе атавизма изобличается цвѣтомъ кожи; въ другихъ случаяхъ различны неправильности въ тѣлосложеніи служатъ указаніемъ на него. Шесть палые отецъ и мать могутъ произвести всѣхъ дѣтей своихъ безъ этого недостатка; но если можетъ случиться, что дѣти ихъ въ свою очередь породятъ дѣтей вполнѣ правильно сложенныхъ, то бываетъ и обратно, иногда на дѣтяхъ ихъ отражается тотъ недостатокъ, который миновалъ ихъ. Въ медицинскихъ книгахъ занесены подобныя генеалогіи, не оставляющія места ни малѣйшему сомнѣнію на этотъ счетъ.

Рядомъ съ атавизмомъ встрѣчаемъ и наслѣдственность косвенную, существование которой тоже безспорно. Бываетъ нерѣдко, что не оказывается ни сходства съ отцемъ, ни сходства съ матерью, но за то является сходство съ другими родственниками. Дѣйствительно, замѣчены были не разъ поразительныя сходства въ сложеніи, въ чертахъ лица, въ наклонностяхъ, страстиахъ, характерахъ,

пособностяхъ и даже въ уродливостяхъ и въ болѣзняхъ у особъ, состоящихъ въ дальнемъ родствѣ и находящихся даже въ различныхъ развѣтвленіяхъ одной и той же главной линіи; напримѣръ: между дядями и племянниками, племянницами и тетками, двоюродными братьями и сестрами, троюродными племянниками и наконецъ даже между троюродными братьями и т. д. Вотъ примѣръ подобной боковой наследственности: одинъ мужчина правильно сложеній, между родственниками котораго было два случая зрячей губы, имѣлъ отъ первой жены одиннадцать членовъ дѣтей, изъ которыхъ двое съ зяячей губой; отъ второй жены двоихъ дѣтей родившихся съ тѣмъ же недостаткомъ. Извѣстно также существование этого глухо-нѣмаго отъ рожденія въ семействѣ, где остальные четверо дѣтей, какъ мальчики такъ и девочки, были вполнѣ здоровы, но у отца котораго былъ глухо-нѣмой братъ и одержимая также же недостаткомъ тетка.

Приводить въ примѣръ одного глухо-нѣмаго мальчика, у котораго было шесть тоже глухо-нѣмыхъ братьевъ и затѣмъ два брата съ нормальнымъ слухомъ — его тетка была глухо-нѣмая. Очевидно предшествующаго, что для опредѣленія патологическихъ унаслѣдований въ данной семье, приходится принимать въ расчетъ не только отцовъ и матерей, но и восходящую линію предковъ, а равно и боковыя линіи.

Однакоже наследственность преимущественно действуетъ, какъ слѣдовало того ожидать, по прямой линіи, т. е. отъ отцовъ и матерей на дѣтей. Г. Люка прослѣдилъ ходъ ея, какъ въ физическомъ строеніи такъ и въ нравственномъ складѣ индивидуумовъ.

Трудъ его есть настоящая и богатая коллекція фактовъ подобного рода, систематически классифицированныхъ. И замѣтую полью то что, относится до продолжительности жизни.

Нѣкоторыя семьи въ такой степени отмѣчены ранней смертью своихъ членовъ, что только небольшему количеству изъ нихъ удается избѣгнуть общей участи, посредствомъ различныхъ предосторожностей. Въ семействѣ Тюрга, никто не переживалъ пятидесятиѣтнаго возраста; когда членъ этой семьи, составившій славу своего рода, приблизился къ роковому сроку, то несмотря на всѣ признаки цвѣтущаго здоровья и свое монцное тѣлосложеніе, онъ заѣтилъ однажды, что ему пора приняться за приведеніе въ норму

докъ скончъ дѣль и окончаніе предпринятаго имъ труда, потомъ что подходитъ для него то время, которое въ его семье составлять предѣлы жизни. Онъ скончался дѣйствительно вскорѣ—пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду.

Сколько разъ врачамъ приходилось видѣть подобные примѣры и сколько разъ испытывали они все безсиліе искусства продолжать существованіе въ тѣхъ семействахъ, гдѣ жизнь имѣетъ свой избѣжный предѣлъ.

Долговѣчность тоже наслѣдственна. 5-го юня 1724 г. въ Венгрии, въ Темешварскомъ баниатѣ умеръ одинъ земледѣлецъ, по имени Петръ Кезортанъ на 186-мъ году отъ рожденія, онъ видѣлъ слѣдовательно, на своемъ вѣку три смысли цифры обозначающей стольтія нашего лѣтосчисленія. Во время его кончины младшему сыну его было 97 лѣтъ, а старшему 155. Въ Норвегіи, въ окрестностяхъ Бергема, умеръ 160-ти лѣтній земледѣлецъ Иванъ Сурингтотъ старшій сынъ его былъ тогда 103 лѣтъ, младшій 9, послѣдній родился когда отцу было 151 годъ. Въ Англіи Томасъ Парръ, умерший 4 ноября 1635 года, имѣлъ по словамъ однихъ 153 года, по мнѣнію другихъ 168; въ теченіе своей жизни онъ видѣлъ на престолѣ Англіи, десять различныхъ королей и королевъ; сынъ его умеръ 127 лѣтъ. Іоганна Форстеръ, изъ Кумберланскаго графства, до стигла 138 лѣтъ, оставивъ единственную dochь 103 лѣтъ. Въ 182 году, въ Римѣ умеръ одинъ пѣвецъ, Гавини, на 139 году жизни недавно, въ томъ же городѣ скончался сынъ его 113 лѣтъ. 17 февраля 1711 года, Генрихъ, по прозванію, мясникъ, уроженецъ го рода Кана, умеръ 115 лѣтъ; отецъ его жилъ 108. 23 марта 1715 г. Жанъ Фильель, земледѣлецъ деревни Боаль, принадлежащей къ округу города Эvre, умеръ 108 лѣтъ лѣтъ; отецъ его прожилъ 104 года, а дѣдъ 113, онъ оставилъ по себѣ 80-ти лѣтнюю dochь Въ Гаврѣ женщина по имени Анна Ненель дожила до 110 лѣтъ сохранивъ всѣ свои зубы; волосы ся были черны и густы, а умственная способности совершенно нормальны; только за 25 лѣтъ дѣмрти она потеряла отца, бывшаго земледѣльца въ окрестностяхъ Аизье, умершаго 105-ти лѣтъ. Въ 1772 году, въ г. Діенпѣ жилъ еще 104 лѣтнія старуха, въ совершенно здравомъ разсудкѣ, Анна Конні, отецъ которой жилъ 124 года, а дядя 153.

Таки поразительные примѣры долговѣчности, какъ то явствуетъ

но только что приведенныхъ примѣровъ, взяты изъ разныхъ странъ; они служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что намъ неѣть при-
чинъ завидовать самымъ отдаленнымъ временемъ. Пліній гово-
ритъ, и г. Люка воспользовался его указаниемъ для срвнитель-
ныхъ таблицъ своихъ, что во время переписи, предпринятой Вес-
нисаномъ и продолженной сыномъ его въ 74 г. по Р. Х., въ вось-
момъ округѣ Италии, занесено было въ списки пятидесятъ четыре
человѣка, объявившихъ себя 100-лѣтними, четыринацать 110, двое
125, четверо 135 или 137, и наконецъ трое 140. Во Франціи еже-
годно умираетъ, среднимъ числомъ, по ста пятидесятъ человѣкъ,
имѣющихъ 100-лѣтній возрастъ.

Но полагаться вполнѣ на слова другихъ несогда удобно и я
увѣренъ, что г. Люка не будетъ сѣтовать на меня, если я укажу на одну
изъ его неудачныхъ цитатъ, которая можетъ подать поводъ къ лож-
ному заключенію; ни одинъ ученый не можетъ избѣжать подоб-
ныхъ погрѣшностей, какъ бы точенъ и добросовѣстенъ онъ ни былъ.
Однъ авторъ, слова которого г. Люка принялъ на вѣру и при-
велъ въ доказательство случайныхъ проблемъ въ дѣйствии за-
кона наслѣдственности, описываетъ сына Катона Утическаго столь
какъ гнуснымъ по своей нравственности, сколько и по трусости. И
въ этомъ случаѣ, онъ утверждаетъ историческую ложь. Что ка-
ется меня, то я скорѣе бы склоненъ принести Катона Утическаго и сына его, насколько послѣдній извѣстенъ мнѣ изъ
исторіи, какъ примѣръ наслѣдственности наклонностей и характера.
Катонъ отецъ былъ одновременно очень страстнымъ и очень извѣжнымъ
человѣкомъ. Стоитъ прочесть въ Плутархѣ о томъ, какъ горячо онъ
юбилъ своего брата и какъ безмѣрно преданія имѣли послѣ его
смерти. Нужно также обратить вниманіе на его заботливость о
друзьяхъ своихъ въ Утиѣ, въ ту минуту когда онъ рѣшился на
самоубійство. Стоицізмъ покорилъ себѣ пламенную природу Ка-
тона, и онъ предался ему всесцѣло, безвозвратно. Предположите
же свойства, безъ противившися стоицизмъ и вы получите объ-
ясненіе бурной и безшутной молодости Катона сына. Но твердость
этаго вспыхиваетъ иль неемъ въ день битвы при Филиппахъ. Видя
гибель своей партии, Катонъ храбро бросается въ ряды непріятелей
и громко называетъ себя, чтобы привлечи на себя удары; онъ

умираетъ также какъ отецъ—онъ не хочетъ пережить гибель своего дѣла.

Г. Люка принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ авторамъ, которыми цѣною долгихъ размышлений и усиленнаго труда создають замѣчательный трудъ, которые любятъ его и которыхъ постоянно поддерживаетъ сила одушевляющей ихъ идеи и цѣль, которая признаетъ стремленія ихъ. Г. Люка не нуженъ лестный отзывъ, который я сдѣлалъ о его трудахъ; но я считаю, что для публики вовсе иначе указать удачно выбранныя задачи, на серьезные труды и на блестящую прощительность, съ какою онъ выводить законы порядка и системы изъ груды фактовъ, которые считались до настоящего времени несомнѣстыми одинъ съ другими.

Наслѣдственность играетъ громадную роль въ судьбахъ всего живущаго; это чрезвычайно могучий агентъ въ дѣлѣ видоизмѣненія формъ, свойствъ, здоровья, болѣзней и характеровъ. Достаточно извѣстно уже насколько умѣли воспользоваться этимъ естественнымъ закономъ для цѣлей усовершенствования породъ домашнихъ животныхъ; при помощи наслѣдственности созданы лошади, быки и овцы съ опредѣленными назначеніями; но такъ какъ человѣкъ самый совершенный организмъ изъ ряда позвоночныхъ, а силы управляющія его существованіемъ тождественны съ тѣми, на которыхъ зависитъ жизнь животныхъ, то неѣ сомнѣнія, что наслѣдственности должно быть отведено почетное мѣсто въ каждомъ благоразумномъ проектѣ, касающемся улучшения народной гигиены. Современные европейскіе общества, эти лучшія представители человѣчества, прилагаютъ всѣ свои усилия на борьбу противъ учрежденій, которыхъ изъ прогрессивныхъ и охранительныхъ, какими они были въ свое время, превратились теперь, отживъ свой вѣкъ въ ретроградныя и стѣснительныя. Никогда борьба не будетъ окончена, пока все что есть паразитнаго въ обществѣ и что служитъ причиной нарушенія порядка его не исчезнетъ; тогда всѣ усилия ума человѣческаго обратятся на разработку вопроса о наилучшемъ употреблении общественныхъ и соціальныхъ силъ; тогда биология, со всѣми происходящими изъ нея науками и прѣемами придется на помощь дѣлу преобразованія тѣхъ установлений относительно грубыхъ, среди которыхъ въ настоящее время проходитъ, наша жизнь.

Гордій, согласно съ убѣждениемъ всего человѣчества древнаго

ира, сказалъ: «Наши отцы были хуже своихъ отцовъ; мы хуже нашихъ отцовъ, а дѣти наши будутъ еще хуже насъ». Обратио съзрѣніе истиннѣе: цивилизациѣ, посредствомъ наслѣдственности разъвиваетъ именно тѣ способности, которыми человѣчество отличается отъ прочихъ животныхъ и подчинаетъ имъ не упичтожая, что впрочемъ невозможно и немыслимо, наиболѣе животныхъ стороны, которыя иногда пробуждаются съ страшной силой по закону атавизма. Утверждать, что природа человѣка все болѣе и болѣе искажается такъ же безсмыслично какъ утверждать, что поколѣнія передаютъ другъ другу чему либо все вѣрѣ и болѣе и болѣе опустошенному, необработанному и одичалому видѣ. Вѣрованія того же рода, какъ и это убѣжденіе, подвигали вѣрѣ вѣковъ до первобытныхъ эпохъ эдемъ и золотой вѣкъ. Вѣрѣ вѣйствительности же, обработанныя поля, разсчищенные лѣса, рѣки сдержаннныя вѣрѣ своихъ берегахъ, осушенныя болота и устья, мосты, дороги, зданія, города, какъ ни изумительны труда и изобрѣтательность, создавшіе ихъ, далеко не составляютъ лучшую часть наслѣдства, которое оставили намъ предшествовавшія намъ поколѣнія. Первое мѣсто между сокровищами, оставленными намъ нашими предшественниками и главнѣмъ поводомъ почтительной благодарности нашей къ предкамъ — есть улучшеніе нашихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

НЕРВНАЯ СИСТЕМА¹⁾.

Лафонтеиъ въ одной изъ своихъ нравоучительныхъ басенъ, въ имствованной изъ старой аиокрифической легенды, разсказываетъ какъ Гипократъ, напѣстивъ одиажды Демокрита, считавшаго сумасшедшимиъ, засталъ философа Абдери за глубокимъ изученiemъ умственной силы животныхъ.

Et voyez, je vous prie,
Quelle rencontre dans la vie
Le sort cause! Hippocrate arriva dans le temps
Que celui qu'on disait n'avoir raison, ni sens
Cherchait dans l'homme et dans la bête,
Quel siège a la raison, soit le coeur, soit la tête.
Sous un ombrage épais, assis près d'un ruisseau,
Les labyrinthes d'un cerveau
L'occupaient. Il avait à ses pieds maint volume
Et ne vit presque pas son ami s'avancer
Attaché selon sa coutume.....

¹⁾ Сравнительная анатомия нервной системы въ связи съ умственными способностями. Леро врача больницы Биссерь, съ приложениемъ атласа съ 33 рисунками in folio, исполненными съ натуры А. М. Шазаль, томъ 1-ый. Второй томъ появился только въ 1857 году, по авторъ его уже не Леро, умершій въ то время, а Грасіоле.

(И что же какие странные случаи бывают на свѣтѣ! Гипократъ вошелъ въ ту минуту, когда тотъ, кому всѣ отказывали въ здравомъ смыслѣ, работалъ надъ изысканіемъ въ сердцѣ, или въ головѣ помѣщается умъ, Подъ густою тѣнью, близъ ручейка изслѣдовалъ онъ лабиринты мозга. Въ ногахъ его лежало множество томовъ и, углубленный по привычкѣ въ свои занятія, онъ не вдругъ замѣтилъ своего друга).

Съ того времени, когда древніе физиологи Греціи пытались разобрать при какихъ условіяхъ проявляется умственная жизнь, и до нашего времени, лабиринты мозга, выражаясь словами Лафонтена, остаются по прежнему предметомъ прилежныхъ исследованій и неутомимаго труда. Было время, когда даже такой замѣчательной анатомѣ, какъ Аристотель, имѣть весьма смутныя представленія о свойствѣ мозга, который въ глазахъ его игралъ ту же неопределенную роль въ экономіи животнаго организма, какую новѣйшия анатомы приписываютъ надпочечнымъ кансуламъ. Современное изученіе путемъ самыхъ точныхъ наблюдений пришло къ заключенію, что всѣ существенные отличія человѣка, способность мыслить и чувствовать, находятся въ тѣсной связи съ мозгомъ. А потому *tota humanitas pendet*, говорить Фонть-Сименъ и слова его подтверждаются ближайшимъ изученіемъ нервной системы. Такъ велико разстояніе отдѣляющее первыя опыты анатоміи, отъ результатовъ, до которыхъ достигла наука въ наше время; книга г. Ларе относится къ этому предмету, который кажется все болѣе и болѣе великимъ чѣмъ болѣе изучаютъ его.

«Существуетъ, говорить авторъ въ своемъ предисловіи, связь между нервной системой и мыслительной способностью — связь несомнѣнная, но свойства и условія которой почти совершенно неизвѣстны. Извѣстно только, что безъ нервной системы неѣтъ проявленій ума, и потому приписываютъ различію въ формахъ, объемѣ и тканяхъ частей составляющихъ эту систему, всѣ различія въ степени, обширности и разнообразіи явлений въ сфере инстинкта, ума и нравственности. Впрочемъ относительно послѣднаго рода явлений до сихъ поръ еще почти не определено окончательно, потому что непрѣвѣстно какія органическія условія необходимы для проявленія тѣхъ или другихъ психическихъ феноменовъ. Первый, можно сказать, единственной способъ подготовить разрѣшеніе этой важ-

ной задачи сравнивать въ каждомъ семействѣ и даже въ каждомъ индивидуумѣ, составляющемъ животную серію, состояніе первої системы съ его умственными способностями, чтобы прийти икъ концу, въ заключенію, совпадаетъ ли известная организація съ известными умственными способностями, или наоборотъ одинъ и тотъ же уровень умственной силы встрѣчается при разныхъ организаціяхъ».

Изъ этого понятно какого плана держится Леро: онъ прежде всего собираетъ факты, одни анатомическіе путемъ изслѣдованія первої системы; другіе психическіе, почерпнутые изъ изученія настроеній, привычекъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей; потомъ сближаетъ собранная свѣдѣнія и старается определить существуетъ ли между ними отношенія и связь. Онъ сначала изслѣдуетъ животныхъ до человѣка исключительно и даетъ отчетъ диссекцій, микроскопи-ческихъ наблюдений, которыхъ невозможно передать въ короткой статьѣ; но я могу, по крайней мѣрѣ, дать большой очеркъ общаго вопроса т. е. вопроса объ отношеніяхъ между умственными и нрав-ственными свойствами и первої системой.

Проявленія ума—я употребляю это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ, потому что я разумѣю подъ словомъ умъ и то что назы-ваютъ пистикомъ—находится ли въ связи съ какимъ нибудь осо-беннымъ веществомъ въ организмѣ, или со всѣми составными час-тями организма? Разумѣется, трудно путать однихъ разсужденій прийти къ какому нибудь выводу; но опытъ и факты разрѣшаютъ вопросъ следующимъ обозомъ: неѣтъ умственныхъ способностей, какъ бы велика или мала ни была степень ихъ, которая не находи-лась бы въ непремѣнной связи съ особымъ веществомъ, называ-емымъ первымъ; какъ только начинаютъ проявляться умственныя способности, мы тотчасъ же видимъ что рядомъ съ ними появляется цѣлая органическая система, которая служитъ ему постояннымъ орудіемъ. Ни одинъ зародокъ ума не можетъ существовать безъ перваго узла, или мозга, который служитъ центромъ ощущеній, безъ первыхъ нитей, которая приводить этотъ центръ въ сношеніе съ виѣшнимъ міромъ. Животное, собственно говоря, только этими центрами и нитями и становится животнымъ. По мѣрѣ того, какъ первая система упрощается и все болѣе и болѣе смигливается съ прочими органами, и отличительныя черты животнаго, съ своей

сторонъ, все болѣе и болѣе изглаживаются и мы доходимъ наконецъ до тѣхъ сомнительныхъ организмовъ, которые стоятъ на границѣ царства животнаго и растительнаго и служатъ переходной ступенью между тѣмъ и другимъ царствомъ. У растительныхъ организмовъ нѣтъ и слѣда нервной системы и дѣятельность ихъ заключается единственно въ питаніи и воспроизведенія. Наконецъ пропадаютъ и послѣдніе признаки какой либо организаціи и мы доходимъ до субстанцій такого рода, которыхъ мы не знаемъ къ какому разряду отнести, къ растительному или минеральному. Изслѣдованія приводятъ насъ къ этому результату, который недопускаетъ исключеній и становится закономъ: что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мы узнаемъ жизнь, нѣтъ умственной и нравственной силы безъ нервной системы.

Я сейчасъ сказалъ, что естественные явленія доступны только наблюденію, а не догадкамъ, и умъ человѣческій не могъ бы найти *a priori* дѣйствительную связь между проявленіемъ умственныхъ способностей и опредѣленнымъ веществомъ. Слѣдовательно положеніе это вѣрно и не подлежитъ измѣненію; но тѣмъ не менѣе оно приводитъ на слѣдующее размышленіе, которымъ патологія не должна пренебречь. Дѣло въ томъ, что когда мы перестанемъ рассматривать первое вещество какъ нѣчто цѣлое, существующее само по себѣ, мы увидимъ, что оно въ свою очередь составлено изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ весь земной шаръ. Слѣдовательно, умственная сила обусловливается по какимъ-нибудь особымъ веществомъ, но особенной комбинаціей данныхъ веществъ. Первая система, какъ и всѣ другія ткани органическихъ тѣлъ, состоитъ изъ кислорода, водорода, азота и углерода; логическая непослѣдовательность мысли не опиравшейся на опытъ, которая признавала отношенія между проявленіемъ умственной силы и тѣмъ или другимъ веществомъ, не повторяется въ природѣ, которая не избрала никакого особенного вещества. Другими словами умъ человѣческій не имѣть основанія предполагать, что умственная сила связана преимущественно съ камнемъ, нежели съ металломъ, исключительно обусловливается кислородомъ, а не водородомъ, такъ какъ въ дѣйствительности природа связала ее съ четырьмя элементами: кислородомъ, водородомъ, азотомъ и углеродомъ, которые, путемъ особыхъ соединеній и организаціи, сдѣлались орудіями ума.

Дѣло решенное, что умственная сила проявляется исключительно посредствомъ первого аппарата, человѣкъ — существо по преимуществу одаренное умомъ, можетъ владѣть этимъ даромъ до той поры, пока этотъ аппаратъ находится въ здоровомъ нормальномъ состояніи и тѣ человѣческие индивидуумы, въ первной системѣ которыхъ, еще въ утробѣ матери произошло какое нибудь аномальное явленіе, съ рожденія лишены умственныхъ способностей, составляющихъ принадлежность человѣческаго рода. Но дѣйствительно ли существуетъ такая страшная связь между тѣмъ и другимъ? Иправда ли, что вездѣ, гдѣ есть первое существо есть и умъ, въ какой бы то ни было степени совершенства. Другими словами животное выше ли чѣмъ нибудь автомата. Многіе держались послѣдняго мнѣнія; въ томъ числѣ и Декартъ. Не въ обиду будь сказано знаменитому философу, сбывающему съ прямаго пути, вслѣдствіе постояннаго желанія систематизировать, стоять только и/or спросить охотникъ, настуховъ, словомъ всѣхъ тѣхъ, кто находился въ ежедневныхъ общеніяхъ съ животными, чтобы убѣдиться что послѣдніе одарены умственными способностями и далеко не походятъ на машину. Споръ по этому предмету, полтора столѣтія тому назадъ, занималъ великаго поэта, строки котораго мы привели въ началѣ статьи, поэта, который любилъ затрагивать самые трудные вопросы. Дафонтенъ описываетъ взглядъ картезіанцевъ на животныхъ:

Que la bête est une machine;
Qu'en elle tout se fait sans choix et par ressorts:
Nul sentiment, point d'âme: en elle tout est corps.
Telle est la montre qui chemine
A pas toujours égal, avangle et sans dessin.
Ouvrez la, lisez dans son sein:
Mainte roue y tient lieu de tout l'esprit du monde;
La premiere y meut la seconde;
Une troisieme suit; elle sonne à la fin.

(Что животное есть машина; что все въ немъ совершается безсознательно и механически: вѣтъ въ немъ ни чувства, ни души, а только одно тѣло. Подобно часамъ идущимъ впередъ равнымъ шагомъ, слѣпно и безцѣльно. Откройте часы, загляните что въ нихъ происходит: колеса замѣняютъ въ нихъ умъ: одно колесо при-

водить въ движение другое; второе точно также действуетъ на третье — идетъ минута за минутой и часы пробили).

На такое воззрѣніе Лафонгентъ отвѣчаетъ слѣдующими стихами:

...Quand aux bois
Le bruit des cors, celui des voix
N'a donné nul relâche à la fuyante proie
Qu'en vain elle a mis ses efforts
A confondre et brouiller la voie,
L'animal chargé d'ans, vieux cerf, et de dix cors,
En suppose un plus jeune, et l'oblige, par force
A présenter aux chiens une nouvelle amorce.
Que de raisonnements pour conserver ses jours;
Le retour sur ses pas, les malices, les tours,
Et le change, et cent stratagemes
Dignes des plus grands chefs, dignes de meilleur sort!

(Когда звуки трубъ и голосовъ не даютъ отдыха преслѣдуемой жертвѣ, когда истощивъ свои усилія сбить охотника съ своихъ слѣдовъ, старый олень, съ десятю рогами, силой заставлять молодаго товарища сдѣлать изъ себя новую приманку для преслѣдующихъ его собакъ. Какая предусмотрительность для спасенія своей жизни; то онъ возвращается на прежнее мѣсто, лукавить и пускаетъ въ ходъ тысячу военныхъ хитростей, достойныхъ великихъ полководцевъ, достойныхъ лучшей участіи.

Нѣмногого дальше, упомянувъ о трудолюбіи бобровъ, онъ прибавляетъ:

Que ces castors ne soient qu'un corps vide d'esprit,
Jamais on ne pourra m'obliger à le croire

(Никто меня не увѣритъ, чтобы бобры были только бездушнымъ тѣломъ, лишенымъ ума).

Наконецъ, онъ резюмируетъ свои воззрѣнія на этотъ предметъ въ слѣдующихъ стихахъ, характеризующихъ умъ животныхъ:

Pour moi, se j'en étais le maître,
Je leur en donnerais aussi bien qu'aux enfants.
Ceux-ci pensent-ils pas des leurs plus jeunes ans?

Quelqu'un pent dout penser, ne se pouvant connaître
Par un exemple tout égal,
J'attribuerais à l'animal,
Non point une raison selon notre manière,
Mais beaucoup plus aussi qu'un aveugle resort.

(Если бы отъ меня зависѣло, я не поставилъ бы умъ животныхъ ниже ума дѣтей. Дѣти съ первыхъ лѣтъ жизни уже мыслятъ Слѣдовательно можно мыслить, не сознавая самого себя. Въ силу этого примѣра я, не приписывая животнымъ ума человѣческаго, — ставлю ихъ гораздо выше иѣмой машины).

Связать различные факты изъ наблюдений надъ умственными способностями животныхъ, разрабатывать далѣе этотъ вопросъ путемъ опыта — составляло задачу уже многихъ тружениковъ, и не смотря на то по сю пору, вопросъ остается вопросомъ. Леро заимствовалъ изъ записокъ Дюро де-ла-Малль, о развитіи умственныхъ способностей дикихъ и домашнихъ животныхъ, два факта, которые я въ свою очередь намѣренъ заимствовать у него, потому что факты эти даютъ мнѣ возможность сличить ихъ съ подобнаго же рода разсказомъ, весьма древняго происхожденія.

Первый фактъ, запечатленный Дюро де-ла-Малль, въ его запискѣ, произошелъ на глазахъ Араго: «Г. Араго, застигнутый грозой, вынужденъ былъ остановиться въ четырехъ лье отъ Монпелье, въ весьма плохой гостинице, где ничего не нашлось для его обѣда, кроме одного цыпленка. Араго приказалъ его изжарить. Цыпленка стали жарить на вертеле, который приводился въ движение посредствомъ собакъ; одна изъ этихъ собакъ находилась въ ту минуту въ кухнѣ; трактирщица хотѣла заставить ее вертѣть вертель, но собака не давалась, скалила зубы и упорно сопротивлялась приказанию хозяина.

«Удивленный Араго спросилъ о причинѣ сопротивленія: ему отвѣчали, что собака не слушается, потому что очередь не ея, а другой собаки. Араго попросилъ сыскать другую собаку; послѣдняя по первому знаку повара встала къ вертель и прокрутила его на продолженіи 10 минутъ. Араго, чтобы окончательно убѣдиться въ своихъ предположеніяхъ, велѣлъ остановить вертель уволить отъ работы собаку и поставить вмѣсто нея первую, проявившую такое

грашное упорство, собаку. Приказание было исполнено и что же? животное само встало на свое место и принялось вертеть вертелъ, «бюютико сознавая, что наступило его очередь трудиться».

Дюро де-ла-Малль приводить другой фактъ: четыре большие щенка вертѣли вертелы въ коллегии ла-Фленгъ, находившейся въ то время подъ управлениемъ юезуитовъ. Эти собаки знали отлично каждая свою очередь и постоянно возмущались, какъ противъ воинющей несправедливости, когда ихъ принуждали не въ очередь отбывать урочную работу, которую должна была отбывать другая.

Подобный же фактъ, относящийся къ другому животному, сообщаетъ Кенези де-Книдъ. У Плутарха въ его сочиненій о ловкости животныхъ мы читаемъ слѣдующее: «Удивительно до какой степени животные усваиваютъ понятіе о числахъ и даже умѣютъ читать. Я хочу разсказать о коровахъ изъ окрестностей Сузы. Ихъ заставляютъ притягивать ведры воды для поливки царскаго лада. Каждую корову заставляли притягивать сто ведеръ воды. Не имѣло никакой возможности принудить ихъ тянуть ведра сверхъ назначенаго числа. Часто въ видѣ опыта пытались принуждать ихъ къ этому. Какъ только корова дотягивала свои сто ведеръ, она отчась начинала прятаться и бѣгать отъ людей. Изъ этого факта можно судить до какой точности сохраняется у животныхъ представление и память о числѣ и количествѣ». Есть факты, которые, если не проливаются новыи свѣтъ на дѣло, то во всякомъ случаѣ, могутъ передать его. Много другихъ наблюдений въ томъ же родѣ ошло до насъ изъ древности о фактѣ сообщенномъ Ктезиемъ; все они подтверждаютъ разсказы Араго и Дюро де ла-Малль. Приведимъ, что обѣ умѣ воловъ не слѣдуетъ судить по тѣмъ воламъ, которые живутъ между нами, такъ какъ мы не принимаемъ на себя никакого труда развивать ихъ; но готтентоты, которые отличаются воимъ уходомъ за быками, такъ искусно дрессируютъ ихъ, что они способны имѣть пастуховъ, водить стада и защищаютъ ихъ какъ дикихъ звѣрей, такъ и отъ постороннихъ людей.

Сравнительная психологія учитъ, что животные и, тѣмъ болѣе, животные хорошо воспитанные проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ большои умъ. Степени этихъ способностей соответствуетъ рядъ различныхъ организацій. Сравнительная анатомія учитъ, что у позво-

иочиныхъ животныхъ есть головной и спинный мозгъ, в узлах различного строения у беспозвоночныхъ животныхъ; исключая животныхъ, стоящихъ на низшей ступени и схожихъ съ растеніями, у тѣхъ не могли найти слѣда никакого первичаго вещества.

Ого, если можно такъ выразиться, составляетъ другую сторону психологіи: съ одной стороны способности и проявленія ихъ на філѣ; съ другой—органы для упражненія этихъ способностей и для выполненія дѣйствій. Чѣмъ разнообразиѣ и сложиѣ по мѣрѣ развитія, начиная отъ низшихъ животныхъ и кончая человѣкомъ, становится умственная дѣятельность, тѣмъ неизбѣжно организаціи первыхъ аппаратовъ становится все сложиѣ и сложиѣ.

Бросьте только взглядъ на прекрасные рисунки, приложенные къ труду Леро и вы убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ. Мозгъ рыбы—небольшая масса, лежащая впереди всѣхъ другихъ частей черепной полости; у пресмыкающихся онъ уже продолжается на сколько болѣе назадъ и покрываетъ переднюю часть зрительныхъ бугровъ; у птицъ онъ иногда совершенно покрываетъ зрительные бугры; у млекопитающихъ мы встрѣчаемъ еще болѣе сильное развитіе и распространеніе назадъ долей большаго мозга. Зрительные бугры почти всегда совершенно покрыты ими, а въ некоторыхъ случаяхъ и мозжечокъ. Анатомическое строеніе организма рыбъ стоитъ всего далѣе отъ млекопитающихъ; и если съ другой стороны вы припомните, что область способностей и дѣйствій рыбъ несравненно тѣснѣе той, которая составляетъ удѣлъ млекопитающихъ, вы признаете въ нихъ низшую ступень анатомического строенія, обусловливающаго низшую ступень психической жизни.

Сдѣлайте шагъ впередъ, возьмите атласъ и разглядите первиую систему без позвоночныхъ животныхъ, отличающихся наибольшой ограниченностью способностей. У нихъ не найдете вы позвоночного столба съ мозговымъ веществомъ, но исколько разбросанныхъ нервныхъ узловъ. и если вы сравните съ этой несовершенной организаціей бѣдную психическую жизнь без позвоночныхъ, то вы убѣдитесь что строеніе это можетъ быть только строеніемъ низшихъ животныхъ. Признаю, что ни одно изъ позвоночныхъ животныхъ не стоитъ такъ мало по умственнымъ способностямъ, какъ послѣднее изъ без позвоночныхъ; и ни одно изъ без позвоночныхъ животныхъ не подни-

мается на ту ступень психической жизни, на которой стоять позвоночные.

Между тѣмъ было бы весьма опрометчиво вывести изъ этого заключеніе такого рода, что позвоночные и беспозвоночные животные составляютъ двѣ серіи явлений, которая непосредственно слѣдуютъ одна за другой, т. е., что самое совершение изъ беспозвоночныхъ ниже послѣдняго изъ позвоночныхъ. Есть факты совершенно уничтожающіе такой выводъ: муравьи и пчелы — животные беспозвоночные, обладающія единственно системой нервныхъ узловъ; однако они проявляютъ большое соображеніе и по своимъ дѣятельностямъ далеко превосходятъ нѣкоторыхъ животныхъ, одаренныхъ изгомъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ принять два разряда животныхъ: позвоночныхъ и беспозвоночныхъ съ одними нервными узлами. До нѣкоторой степени разряды эти пораллельны другъ другу, но только до нѣкоторой степени, потому что животные беспозвоночные никогда не проявляютъ тѣхъ умственныхъ способностей, какими одарены высшія позвоночные; и когда, выражаясь языкомъ Платона, судьба призвала на свѣтъ высшія существа, беспозвоночные уступили имъ первенство, потому ли, что сами по способамъ были къ дальнѣйшему развитію, или, что быть можетъ, сходится къ одному и тому же, потому что система нервныхъ узловъ не совмѣстима съ формацией и питаніемъ костей.

Итакъ, резюмируя въ нѣсколькихъ словахъ окончательный результатъ продолжительныхъ трудовъ и наблюдений Лоре, мы скажемъ: что животные, какъ по своимъ способностямъ, такъ и по строенію, непосредственно связаны одни съ другими. Прибавимъ къ этому, что орудіемъ способностей всегда является нервное вещество, анализъ которого указываетъ, что оно состоитъ изъ соединенія элементовъ, входящихъ также въ составъ воды, земли и воздуха. И на этотъ случай мы приводимъ слова поэта-философа, которого мы уже не разъ цитировали.

Je me suis souvent dit, voyant de quelle sorte
L'homme agit, et qu'il se comporte
En mille occasions, comme les apaches:
Le roi de ces gens-là n'a pas moins de défauts
Que ses sujets; et la Nature

Ainsi dant chaque créature

*Quelque grain d'une masse où puissent les esprits:
J'entends les esprits-corps et pétris de matière.*

Часто, наблюдая за действіями людей мнѣ приходило въ голову, что они поступаютъ, какъ животныя. И въ немъ, владыкѣ животныхъ, не менѣе кроется недостатковъ. Природа вложила въ каждое существо крупицы изъ этой массы, изъ которой черпаютъ всѣ умы; то-есть умы облеченные въ тѣло, созданное изъ матеріи.

Конечно, если бы была известна раньше аналогія мозговой организаціи, никому и въ голову не пришло бы отвергать средство духовной стороны человѣка и животныхъ. Въ древности существовало еще заблужденіе другого рода: иѣкоторымъ животнымъ приписывали высокій умъ, болѣе проницательный и прозрѣвающій въ будущее, чѣмъ умъ человѣка, словомъ то, что, по словамъ Виргилія, давало бы имъ *terram prudentia major*. Существа низшей организаціи не могутъ обладать высшими способностями; сравнительная анатомія сразу убила бы такой исклѣній взглядъ, даже въ томъ случаѣ, если бы путемъ наблюдений не удалось прийти къ тому заключенію, что хотя виѣшнія чувства и извѣстныя способности болѣе развиты у иѣкоторыхъ животныхъ, чѣмъ у человѣка, но за умомъ человѣческимъ всегда остается первенство. Древній міръ не обладалъ еще тою массою познаній и наблюдений, которая составляетъ богатство современныхъ ученыхъ, а всегда, чѣмъ менѣе извѣстны дѣйствительныя чудеса природы, тѣмъ болѣе чудесъ измышляется умъ человѣческій; но эти мишуруны декорациіи падаютъ, когда поднимается завѣса на эти жалкія, скрывающія истину заблужненія истина появляется во всемъ своемъ свѣтѣ.

Наука о животныхъ, въ томъ числѣ и о человѣкѣ, по ихъ существу и способностямъ, кроме специального интереса, который она возбуждаетъ, получить вноскѣдствій огромное соціальное значеніе. Она займетъ не малую роль въ политикѣ, когда политика будетъ управляться тѣми же началами, которыя составляютъ силу и прочность другихъ наукъ; она будетъ для нея источникомъ тѣхъ данныхъ, отсутствие которыхъ и теперь даетъ себѣ чувствовать; мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы всякий физіологъ былъ непремѣнно государственнымъ человѣкомъ, но придетъ время, когда государствен-

ные люди должны будуть основательно изучать существенные условия человѣческой природы, такъ какъ всякое стремление хорошо управлять обществомъ, безъ точнаго знакомства съ упомянутыми словіями — бесплодная попытка прийти къ какимъ-либо практическимъ результатамъ, попытка, разбивающаяся предъ неподѣдимыми препятствіями, представляемыми самою жизнью.

Сверхъ того постояннаго наблюденія и изученіе психической стороны животныхъ и человѣка имѣютъ весьма благотворное вліяніе на мысли и чувства человѣка. Нельзя проникнуть мыслью въ эту область, не обращаясь невольно къ самому себѣ, не сознавая какъ тщетны и несостоительны стремленія идущія дальше законныхъ границъ естественныхъ силъ. Какъ ни могущественъ и ни обширенъ умъ человѣческій, не слѣдуетъ забывать что онъ существуетъ при позѣстнѣхъ отношеніяхъ, которыхъ необходимо узнать. Онъ связанъ близкимъ родствомъ съ умомъ животныхъ, онъ побуждается извѣстными потребностями, которые составляютъ его существенную часть; онъ зависитъ отъ цѣлостности весьма хрупкаго органа плохо защищаемаго штаниной оболочкой отъ всѣхъ виѣшихъ толчковъ, и воинъ не граждаемаго отъ вліянія внутреннихъ болѣзней; онъ приходить въ разстройство отъ нѣсколькихъ капель опіума, алькоголя и т. п. веществъ, которыхъ имѣютъ опасное средство съ нервной системой. Къ какому заключенію слѣдуетъ прийти, развернувъ передъ глазами на правдивую картину, когда силою мысли мы поднимемся надъ полненiemъ и работой этой жизни, которая не сознаетъ себѣ, и которая преслѣдуетъ тщетныя надежды, тревожится тщетнѣмъ страшомъ и борется за нищету и суету. Все, что заставляетъ насъ войти въ самихъ себя, научаетъ насть терпимости, доброты, человѣчности и что можетъ болѣе способствовать этому углубленію въ самихъ себѣ, какъ не изученіе естественныхъ условій нашего существованія?

Астрономъ насчитываетъ одну за другой миллионы звѣздъ, которые на столько отдалены отъ него, что невидимы простому глазу. Натуралистъ самимъ тщательнымъ образомъ описываетъ органы малѣйшихъ червячковъ, чуть замѣтныхъ въ шилѣ; физикъ, слѣдя за паденiemъ луча свѣта, разлагаетъ его на всевозможные оттенки и можетъ береть каплю воды и разлагаетъ ее на два газообразныхъ вещества; археологъ, разрывая развалины жилищъ народовъ уже не существующихъ, нападаетъ на письмена давно пѣмыхъ языковъ,

и воспроизводить цѣлые стертыя страницы истории. Каждый изъ названныхъ тружениковъ гордится своимъ трудомъ, находить въ немъ удовлетвореніе, если только удастся ему дойти до какихъ-нибудь окончательныхъ результатовъ. Какое самоотверженіе строиленіе къ истинѣ! Не тоже ли самое побужденіе заставляетъ изтуриста, поборовъ естественное отвращеніе къ трупу животнаго организма, въ изслѣдованіи его искать отвѣта на любопытные вопросы, касающіеся условій духовной жизни въ животномъ царствѣ?

Кто хочетъ вырвать отъ смерти тайны организма, быстро рѣлагающагося, говоритъ знаменитый врачъ, тотъ не долженъ бояться запачкать себѣ руки.

«Изученіе высшихъ беспозвоночныхъ, продолжаетъ Леро, указываетъ намъ на то, что маленькимъ первымъ узламъ этихъ животныхъ соотвѣтствуютъ столько же ограниченныя умственныя способности, непозволяющія имъ возвыситься надъ материальнымъ миромъ. Взираясь выше по лѣстницѣ животнаго царства, мы видимъ съ большимъ развитіемъ упомянутыхъ узловъ, встрѣчаемъ большее развитіе инстинктовъ и проявленіе способностей высшаго разряда. Случайное совпаденіе заставляетъ ли оба разряда явленія столь различныхъ по своей сущности идти обѣ руку, или между обоями существуютъ необходимыя отношенія. Небольшая доля перваго вещества—и инстинкты не поднимающіеся надъ потребностами питания и воспроизведеній; несолько большая доля его—и въ тѣмъ же инстинктамъ присоединяется хитрость и жестокость; еще большая—и является стремленіе къ общественности, сильныя страсти умъ, нравственныя качества. Непонятный союзъ, вѣчная загадка, которую каждое поколѣніе стремится разрѣшить, которую, несмотря на всѣ усилия, передаетъ послѣдующему поколѣнію, такъ же нергаданною, какъ и получило ее. Непонятный союзъ для человѣческаго ума, который никогда не представилъ бы его себѣ, если бы ему не пришлось сознать его. Вѣчная загадка, которая какъ и во беззопечное притягиваетъ къ себѣ созерцаніе мысли и которая и словамъ итальянскаго поэта:

E'l naufragar in questo mar m'e dolce:

(Любить подвергаться крушениямъ на этомъ обширномъ морѣ)

АНАТОМИЯ*).

Библиографии не часто приходится сообщать о выходѣ въ свѣтъ сочиненій столь интересныхъ, и полезныхъ и заслуживающихъ усѣѣха, какъ «Полный трактатъ анатоміи человѣка». Авторы этого сочиненія гг. Буржери и Жакобъ, одинъ анатомъ, другой художникъ, рѣшили соединить въ одномъ изданіи описание и изображеніе всего что входитъ въ кругъ анатоміи человѣческаго тѣла. Иллюстраціи задуманный ими обширенъ и требуетъ, какъ всѣ великия произведенія, терпѣнія не отступающаго передъ медлительностью работы, усердія не охладѣвающаго съ теченіемъ времени, ясности зрѣнія, не теряющейся среди множества подробностей и развитаго ума, умѣющаго обхватить предметъ въ цѣломъ. Взглѣдѣніе, дѣйствительно, какою задачей задались авторы: въ первой части они даютъ подробнѣю описательную анатомію съ примѣненіями ся къ исторіи органическихъ отправлений и болѣзней. Во второй, они разсматриваютъ хирургическую анатомію, т. е. съ одной стороны анатомическое расположение, съ другой расположение устанавливающее между ними связь; они описываютъ различныя части тѣла и операции производимыя надъ ними хирургами. Третья и послѣдняя часть обнимаетъ общую анатомію или исторію тканей, безъ отно-

*) *Traité complet de l'anatomie de l'homme comprenant la médecine opératoire, par le docteur Bourgery; avec planches lithographiques d'apr s nature par N. H. Jacob.*

шения къ органамъ, и анатомію філософическую или трансценден-
тальную, съ которой соединяется изслѣдованіе законовъ образо-
вания, рассматриваніе различныхъ человѣческихъ расъ и сравненіе
организацій человѣка съ организаціей позвоночныхъ животныхъ.
Задача эта обширна, и сочиненіе это послужить руководствомъ при
изученіи анатоміи и въ мелкихъ подробностяхъ и въ цѣломъ; какъ
докторъ такъ и хирургъ найдутъ въ ней необходимыя для себѣ
указанія; анатомъ найдетъ картишу современного положенія науки,
філософъ свѣдѣнія необходимыя для человѣка занимающагося во-
просами жизни и мысли; и даже свѣтскій человѣкъ почерпнетъ въ
ней понятія объ организаціи, рѣдко извѣстныя даже образованнымъ
людямъ.

При своемъ возникновеніи анатомія была окружена предразсуд-
ками, которые не позволяли бросать святотатственные взгляды на
внутренность человѣческаго тѣла и заставляли предавать землѣ
тѣла немедленно послѣ смерти. Кромѣ того, требовалась немалая
доля мужественной любви къ науцѣ, чтобы побѣдить отвращеніе
внушаемое первымъ знакомствомъ съ анатоміей; не безъ сильнаго
колебанія рѣшались ученые касаться скользелемъ останковъ заклю-
ченыхъ въ могилахъ, останковъ превращаемыхъ смертью въ нечто
неимѣющее, по словамъ Боссюэта, имени ни на одномъ языкѣ.

Религіозныя идеи всего древнаго міра противились разсѣченію
труповъ. Всѣмъ извѣстно какъ асіиане приговорили къ смерти
шестерыхъ полководцевъ, одержавшихъ побѣду, за то что они оста-
вили безъ погребенія тѣла солдатъ павшихъ въ битвѣ. Трудно было
заниматься анатоміей въ виду подобныхъ убѣжденій народа. Въ
средніе вѣка католичество долго преслѣдовало эту науку своимъ
осужденіемъ; предразсудокъ этотъ сохранился до нашего времени
въ иѣкоторыхъ странахъ.

Въ Англіи, напр., дозволялось производить разсѣченія исключи-
тельно надъ одними трупами казненныхъ преступниковъ; это по-
рождало множества злоупотреблений: люди извѣстные подъ именемъ
«сокѣрситетей» вырывали тѣла съ кладбищъ; такимъ образомъ
рабочіе надъ трупами, запрещенныя вслѣдствіе смыслинаго предраз-
судка, производились втайне, сопровождаясь разными непрѣятными
и отвратительными случайностями, вызываемыми необходимостью
всадить въ сѣльки съ людьми посвятившими себя торговлѣ тѣ-

ими. Только въ недавнее время изданы въ Англіи постановленія прекращающія занятія анатоміей.

Древнійшіе анатомы Демокритъ, Гиппократъ, Діоклесъ, даже Аристотель никогда не дѣлали разсѣченій человѣческаго тѣла. Анатомія обязана своими первыми успехами александрийской школѣ, въ правление Птоломеевъ. Александрийскіе врачи Эразистратъ и Гіерофілъ отличились наибольшимъ числомъ открытий. Целый разсказываетъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ древней медицины, что этихъ ученыхъ обвиняли въ разсѣченіи живыхъ преступниковъ, предоставляемыхъ въ ихъ распоряженіе царемъ египетскімъ. «Разрѣзаніе внутренностей живаго человѣка, говорить онъ, вовсе не входитъ въ область искусства занимающагося спасеніемъ больныхъ; ишь врачъ превратившійся въ разбойника (*latrocinantis medici*) можетъ подобною цѣнною покупать возможность заглянуть во внутренность человѣка». Древніе часто обвиняли въ этихъ безчеловѣчныхъ поступкахъ Гіерофіла и Эразистрата; Галенъ упоминаетъ о нихъ, а Тертуліанъ говоритъ въ своей книгѣ «О душѣ»: «Гіерофілъ, этотъ врачъ, или лучше сказать, этотъ налѣтъ, зарѣзавшій столькихъ людей, для произведенія изслѣдований надъ ихъ организаціей, этотъ человѣкъ ставшій врагомъ людей, съ цѣлью ближе ознакомиться съ ними, разѣвъ онъ получиль достовѣрные результаты своихъ изслѣдованій, разѣвъ смерть нанесенія со всею медленностью и изобрѣтательностью искусства разсѣченія не измѣняла всегда живыхъ органовъ?»

Произведенія Гіерофіла и Эразистрата погибли; вся древняя александрийская школа со своими амфитеатрами, библиотеками и учеными, своими царями, жестокими и порочными, но покровителями наукъ и искусствъ, все это исчезло и не даетъ намъ возможности опровергнуть клевету, если дѣйствительно, обвиненіе изводимое на александрийскихъ врачей — клевета. Все зависѣло отъ правовъ известнаго народа; въ тѣ времена жизни людей мало цвѣнила; не сколько позднѣе сотни гладіаторовъ убивались въ циркахъ для развлечения римскаго народа; а Водій Напліонъ, другъ Августа кормилъ муренъ своими рыбами. Что же удивительнаго, если при существованіи подобныхъ правовъ, Гіерофілъ разсѣкалъ живыхъ преступниковъ приговоренныхъ къ казни.

Впрочемъ вотъ достовѣрный фактъ, случившійся въ позднѣйшее

время и почти неуступающий въ жестокости тому въ чёмъ обвиняютъ Гіерофила.

• Великий герцогъ Тосканскій, разсказываетъ Фаллопъ, въ IV главѣ своей книги «Объ опухоляхъ», приказалъ магистрату Ииимъ предоставить въ пате распоряженіе человѣка, котораго мы могли убить какъ хотѣли, съ тѣмъ чтобы разсѣчь трупъ его... Я далъ человѣку, предоставленному такимъ образомъ въ мое распоряженіе, два грана опіума; онъ страдалъ четырехдневною лихорадкою, и наступившій припадокъ помѣшалъ дѣйствію яда. Несчастный, раздаясь своему спасенію просилъ меня дать ему второй приемъ и, не слушаѣ если онъ останется живъ, выхлопотать ему помилованіе у герцога. Я второй разъ далъ ему два грана опіума, не во время припадка, и онъ умеръ». Фаллопъ былъ христіанинъ и жилъ въ XVI вѣкѣ. Но каковы были господствующіе нравы того времени! Судъ напр. подвергалъ пыткѣ какъ невинныхъ такъ и виновныхъ, жегъ на медленномъ огнѣ, ломалъ члены на колесѣ, изобрѣталь самыя утонченныя мученія и относился безъ малѣйшаго уваженія къ жизни людей, безъ малѣйшей жалости къ страданіямъ ихъ. Жестокость господствовала всюду, какъ и во времена Гіерофилы: судья подвергающій пыткѣ и врачъ убивающій преступника для диссекціи дѣти—одного вѣка и одного общества.

Анатомія сдѣлалась въ послѣднее время гораздо болѣе обширною и важною наукой, чѣмъ обыкновенно воображаютъ. Сначала она была чисто описательною и ограничивалась открытиемъ и исследованіемъ частей составляющихъ тѣло животнаго; потомъ, по мѣрѣ того какъ описанія ея изъ царства животныхъ становились точнѣе, она начала сравнивать между собой различные организмы. Она изучала послѣдовательность съ какою постепенно образуются органы ребенка и изъ этого изученія извлекла интересные законы примѣненные ею къ уродствамъ; эти уроды, пугавшіе въ прежнія времена воображеніе народовъ, эта игра природы, казавшееся случайною неправильностью, подведена подъ одинъ уровень съ фактами объяснимыми и вполнѣ правильными. Наконецъ, анатомія занялась объясненіемъизмѣненій вызываемыхъ въ нашихъ органахъ болѣзни и постаралась понять отношеніе между этими измѣненіями и ихъ наружными признаками. Лучи свѣта соединяемые въ одинъ фокусъ помощью стекла даютъ необыкновенно сильный жаръ

и свѣтъ. Точно также и анатомія, направляя къ одному центру разсѣянные лучи исходящіе изъ многихъ отдельныхъ фактъ, пытается создать общее ученіе и найти вѣкоторые изъ законовъ управляющихъ міромъ животныхъ. Эти-то изслѣдованія и положили начало трансцендентальной анатоміи; результатомъ ихъ явилось доказательство того, что всѣ позионы (не исключая и человека) созданы по одному общему плану и что различные органы лишь измѣняются, приспособляясь къ отиравлѣнію животнаго, къ его образу жизни, его инцѣ.

Въ трансцендентальной анатоміи различныя части организма теряютъ свое отдельное значение и приобрѣтаютъ значение болѣе общее. Плечевая кость перестаетъ быть отдельною костью и становится частью тѣла, которой мы даемъ условное название и которая играетъ роль руки у человека, передней ноги у лошади, крыла у голубя, плавника у кита. Чтобы выяснить какъ измѣнилась точка зрѣнія на различные части тѣла, всего лучше сравните ихъ съ алгебраическими знаками, представляющими не то или другое число, а вообще количества въ самой отвлеченної формѣ.

Трансцендентальная анатомія есть настоящая алгебра, где различные части организма разсматриваются съ иной точки зрѣнія; но подобно тому какъ мы при математическомъ анализѣ, употребля сначала алгебраические знаки исключительно для удобства, подъ конецъ нашли въ нихъ особенные свойства и новую науку, такъ и трансцендентальная анатомія, разсматривая эти обобщенные ею элементы, выводить изъ нихъ формулы, которые помогаютъ ей понимать болѣе сложныя отношенія, болѣе высокія истины.

Одинъ изъ величайшихъ анатомовъ древности Галенъ сказалъ: «Практітель и Фидій могутъ отдельывать мраморъ лишь съ наружной стороны, тамъ куда проникаютъ ихъ руки; но внутренность статуи ихъ остается уродливою и грубою, умъ и искусства ничего въ ней не измѣнили, они не могутъ проникнуть глубже поверхности и отдельывать части лежащи подъ нею. Другое дѣло природа; внутри тѣла иѣть ни одной части, которую бы она не распредѣлила, не отдала, не закончила съ полнѣйшимъ совершенствомъ (ки. II «О физическихъ качествахъ»). Дѣйствительно, особенности организаціи замѣчаемыя на поверхности тѣла не мѣнѣя ясно видны и внутри его; нечего удивляться, когда анатомъ

восхищается формою кости, развитіемъ мускуль, расположениемъ артеріи. Все это приобрѣтаетъ значеніе и своеобразную красоту для человека умѣющаго смотрѣть.

Аристотель, желая подвинуть своихъ современниковъ къ изученію анатоміи, написалъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Чужестранцы пришедши посѣтить Гераклита, найдя его въ буточной, гдѣ онъ грѣлся, колебались войти туда. Идите, не стыдитесь, сказалъ имъ философъ, боги присутствуютъ и въ этихъ мѣстахъ. Точно также при изученіи животныхъ необходимо приступать къ каждому изслѣдованію безъ всякаго отвращенія, такъ какъ всюду проявляется природа и красота. Природа творитъ не случайно а съ опредѣленною цѣлью; а цѣль эта, къ которой стремится все созданное, и есть то что мы называемъ красотой».

Такимъ образомъ, по словамъ Аристотеля красота, или говори точнѣе чтобы не отклоняться отъ предмета, анатомическая красота, есть соотвѣтствіе цѣли, для которой существуетъ органъ. Древній философъ считалъ свое опредѣленіе вполнѣ точнымъ и вѣрнымъ, но это несправедливо. Каждый органъ способенъ не только исполнять ту работу, для которой онъ приспособленъ, ему предназначено и другое болѣе высокое и общее значеніе—приспособленіе къ типу общаго плана. Такимъ образомъ, чтобы поддержать мысль Аристотеля, нужно дополнить иѣсколько его опредѣленіе и сказать: прекраснымъ мы называемъ то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли, въ то же время болѣе представляеть форму типа. И мнѣ кажется, что мы должны принять это опредѣленіе, не потому что на немъ можно основать понятіе о пластической красотѣ, но потому что представление цѣлесообразности и общаго плана, ограничивающихъ другъ друга, составляетъ ступень въ иоціманіи красоты интеллектуальной, играющей столь важную роль въ нашемъ идеалѣ.

Идеаль, равнымъ образомъ, есть планъ, типъ стоящій обыкновенно иѣсколько выше, нежели соединеніе всѣхъ частныхъ красотъ, когда-либо видѣнныхъ и изображенныхъ человѣкомъ.

Non delicata res est vivere, сказалъ Сенека, говоря о психической работе, которую требуетъ отъ насъ правственная жизнь; это можетъ быть примѣнено съ одинаковою вѣрностью и къ жизни физиологической. Дѣйствительно, ходъ нашихъ отправлений под-

держивается постоянной работой, громадною тратою силъ. Когда здоровый человѣкъ чувствуетъ себя бодрымъ и веселымъ, онъ и не подозрѣваетъ, если не изучать строения человѣческаго тѣла, какимъ сильнымъ двигателемъ, какому постоянному напряженію обязанъ онъ своею бодростью. Посмотрите, что происходитъ въ немъ во всякую данную минуту жизни. Для обширныхъ потока одинъ центральный, другой венозной крови идутъ въ противоположныхъ направлѣніяхъ и быстро безостановочно проходятъ черезъ всѣ части тѣла. Это движеніе, ни на минуту не прекращающееся, начинается въ моментъ нашего рожденія и кончается только со смертью. Дѣйствія жидкоссті вливаются въ кровеносный потокъ и приносятъ въ тѣ элементы, изъ которыхъ онъ состоитъ: лимфу, собирающуюся повсюду и вливающуюся въ венозную кровь черезъ посредство всіхъ собственныхъ сосудовъ, и млечный сокъ, жидкость составляющуюся изъ продуктовъ питания, для образования которой мы принуждены принимать пищу и которая, пройдя черезъ систему сосудовъ, вливается посредствомъ широкаго канала въ вену съединенную съ сердцемъ. Этого мало: венозная кровь, собирающаяся со всѣхъ частей тѣла и принявшая въ себя послѣ каждой вѣды струю млечнаго сока становится совершенно неспособною поддерживать жизнь, такъ что во избѣжаніе немедленной смерти, она неизрѣдѣно должна подвергнуться измѣненію. Она доходитъ до легкихъ и тамъ, соприкасаясь съ атмосфернымъ воздухомъ, поглощаетъ кислородъ. Всѣдѣль тѣмъ она изъ темнокрасной превращается въ ярко красную и возвращается къ сердцу отсылающему ее обратно для распространенія жизни во всѣхъ органахъ; такимъ образомъ, для поддержания жизни въ теченіе одной минуты необходимо чтобы сердце билось безостановочно, грудь расширялась и сжималась, кровь приливалась легкимъ и поглощала кислородъ.

Въ механикѣ существуетъ законъ, по которому сила не можетъ потерять свое дѣйствіе, пока сопротивленіе не уничтожитъ ее; такъ напр. пуля вылетѣвшая изъ пушки вѣчно продолжала бы свое движение и никогда не остановилась бы, если бы она могла двигаться въ безвоздушномъ пространствѣ и если бы скорость ея не уменьшалась вслѣдствіе сопротивленія окружающей среды. Жизненное начало, составляющее отличие животныхъ, такъ же какъ и сила полета ядра, было бы бѣзконечно и никогда не истощилось бы,

если бы ему не приходилось бороться со средой, въ которой онъ съ трудомъ удерживается, и если бы борьба эта не истощала его подобно тому, какъ сопротивление воздуха истощаетъ силу толчка даниаго пуль. Каждому существу отмѣreno лишь опредѣленное количество этой жизненной силы, количество весьма ограниченнаго, которое дѣйствіе органовъ, необходимыхъ для поддержавія существованія, расходуетъ въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Какъ впезапный толчокъ оказываетъ наиболѣе сильное дѣйствіе тотчасъ послѣ того какъ былъ данъ, такъ и жизнь при началѣ бываетъ особенно дѣятельною. Въ это время она съ наибольшимъ быстротою усваиваетъ тѣ элементы, которые должны принадлежать ей; она неудержимо стремится впередъ и увлекаетъ съ собой подчиненные ей материали. Отъ едва замѣтнаго зародыша до ребенка рождающагося на свѣтѣ, какое значительное увеличеніе объема, во сколько разъ увеличилось микроскопическое тѣльце, чтобы превратиться въ фетуса. Во сколько разъ ростъ его шелъ быстрѣе въ утробѣ матери нежели пойдетъ послѣ рожденія! Въ девять мѣсяцевъ онъ увеличился въ нѣсколько тысячъ разъ; въ 20 лѣтъ онъ увеличится разъ на 20.

Платонъ, который по своимъ счастливымъ выраженіямъ и остроумнымъ мыслямъ можетъ быть названъ величайшимъ прозаикомъ греческой литературы, сравниваетъ человѣческое тѣло «съ рѣкою безпрерывно утекающею». Дѣйствительно, съ самого момента своего появленія на свѣтѣ и до момента распаденія, тѣло постоянно занято работой образованія и разложенія; и подобно тому какъ ложнѣки представляется намъ постоянно наполненнымъ водою, хотя она течетъ безостановочно, такъ и организмъ сохраняется среди этихъ двухъ быстрыхъ движений, изъ которыхъ одно возстановляетъ его по мѣру того, какъ другое разрушаетъ. Съ одной стороны всѣ выдѣленія безостановочно уносятъ частицы, утратившія способность жить; съ другой пищевареніе и дыханіе приносятъ, одно—питательныя вещества, другое—кислородъ, которые вознаграждаются выбылью; равновѣсіе это настолько необходимо, что если бы материали, ставшіе бесполезными, не уносились выдѣленіями, человѣкъ погибъ бы также неизбѣжно, какъ погибъ бы отъ недостатка пищи или воздуха.

Эта непрестанно производительная дѣятельность жизни на-

водить насъ на глубокія мысли. Что можетъ быть удивительнѣе тихъ муравейниковъ существъ всевозможныхъ формъ и объемовъ, этого неумолкаемаго гула поколѣній парождающихся и вымирающихъ, этого огня называемаго жизнью, блуждающаго по поверхности земного шара, то разгораясь, то погасая? Корабль уносимый глою вѣтра движется менѣе быстро нежели улетающіе дни наши; борозда проводимая имъ среди водъ исчезаетъ менѣе быстро, нежели слѣдъ нашего существованія, поглощаемый безбрежнымъ океаномъ бытія. Но среди этого глухаго движения, среди этого безнѣдаднаго вихря нѣть ли возможности, такъ сказать, остановиться и отрѣшиться отъ жизни чтобы бросить бѣглый взглядъ на самую жизнь?

По латыни человѣкъ называется *homo* — слово производное отъ *humerus* — земля. По этому попутію человѣкъ является сыномъ земли, соединеніемъ элементовъ земли, подобно лѣсному дубу; новѣйшая химія доказала справедливость этого воззрѣнія. По иѣнцки человѣкъ называется «*Mensch*», т. е. существо разумное, такъ какъ слово это вмѣстѣ съ латинскимъ «*manus*» проходитъ отъ санскритскаго «*manas*» — разумъ. Эти два простія представленія двухъ древнихъ народовъ даютъ намъ полную идею о человѣчествѣ: земля и духъ. Упомянувъ о древнихъ языкахъ, бросимъ взглядъ и на древность рода человѣческаго. Говорить, что настоящее служить предѣстремъ будущаго; можно съ такимъ же точно правомъ сказать, что оно до нѣкоторой степени помогаетъ намъ понимать прошедшее. Слѣды существовавшаго не на столько изглажены теченіемъ времени и древностью міра, чтобы невозможно было открыть смутный отпечатокъ ихъ. Извѣстно, что дикарямъ американскихъ лѣсовъ достаточно малѣйшаго пришока чтобы, выслѣдить врага на пространствѣ сотенъ верстъ; точно также и наука, помоюю терпѣнія и проницательности, можетъ черезъ пространство вѣковъ прослѣдить и узнать личности и факты, которыемъ не суждено никогда появиться на свѣтѣ.

Новѣйшая анатомія своими инасканиими подновила иѣсколько страницъ исторіи земли, потребленной временемъ. Неизвѣстныя до селѣ, флоры и фауны вышли изъ подъ верхнихъ слоевъ почвы, впрочемъ не на столько неизвѣстныя, что бы нельзя было классифицировать ихъ и отыскать въ нихъ типъ и законы, управляющіе

существующими формами. Какъ въ историческія времена одни и виды смѣняютъ другихъ, такъ въ болѣе отдаленныя эпохи въ теченіе несравненно болѣе продолжительнаго периода времени, одни виды смѣняли другіе; и приложивъ къ нимъ эту мысль, мы видимъ, что они то же имѣли свой предѣлъ.

Въ этой истории земли, истории человѣка можетъ быть въ короткихъ словахъ изложена такъ: онъ есть продуктъ одного изъ переворотовъ измѣнившихъ на землѣ видъ живыхъ существъ. Происхожденіе человѣка не одновременно съ происхожденіемъ земного шара; было время когда его не существовало на землѣ и время это сравнительно не особенно отдаленно, если мы станемъ измѣнять его фазисами пережитыми нашей планетой. Человѣкъ представляется намъ совершенійшимъ изъ животныхъ, такъ какъ его первая система достигла наибольшей степени развитія; и такъ какъ система эта органъ разума, обусловливаетъ въ свою очередь составъ и форму живыхъ существъ, то оказывается, что формы эти совершились тамъ, где она совершилась. Такимъ образомъ, уже по одному строенію своему человѣкъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ животныхъ. Къ этому выводу неизбѣжно приводитъ настѣ анатомія.

Эти отрывочные но реальныя понятія позитивной космогоніи наводятъ насъ на воспоминанія о вымышленныхъ космогоніяхъ древнихъ народовъ. Космогоніи эти представляютъ необыкновенный интересъ для историка, изучающаго попытки человѣческаго ума проникнуть въ тайну начала міра. Мудрецы Этрурии допускали существованіе восьми расъ, отличавшихся другъ отъ друга продолжительностью жизни и нравами, и говорили, что для существованія каждой изъ нихъ, божество опредѣлило известный периодъ, составлявшій одинъ длинный годъ. Греческій мифъ обѣ Уранѣ или Небѣ изображалъ самопроприльное зарожденіе различныхъ существъ въ различныя времена: по словамъ этого мифа, земля есть жена Неба и въ молодости они народили многочисленное потомство растеній и животныхъ лишеннѣй зародышей; но когда эта творческая сила исчезла, то Небо кастрировалось и все стало родиться только посредствомъ сѣяній и обработки.

Овидій, толкователь греческой философіи, говоритъ, что человѣкъ созданъ по образу божества. Какъ это миѳиѳе, такъ и предположе-

и, будто все—и земля и солнце, и отдаленнѣйшія звѣзды были созданы для этого слабаго, ничтожнаго существа, служить доказательствомъ гордости человѣческаго рода, гордости являющейся плодомъ невѣжества. Рядъ позвоночныхъ животныхъ представляеть собраніе существъ построенныхъ по одному и тому же плану, снабженныхъ одинаковыми органами, служащихъ выраженіямъ одной идѣи. Собраніе позвоночныхъ составляетъ одно цѣлое. Черепъ человѣка и черепъ слона, или лошади созданы по одинаковому образу; они дѣлти одной силы, вылиты по одной и той же формѣ. Изученіе отношеній между живыми существами приводить наше къ пониманію законовъ дѣйствующихъ неизмѣнно. Общность плана анатомическаго строенія заставляетъ наше предполагать общность въ физиологическомъ устройствѣ и мы видимъ, что въ умственномъ отношеніи человѣкъ занимаетъ самую высокую ступень въ ряду всѣхъ земныхъ существъ.

«Причина испорченности нравовъ, сказалъ Лактанцій, заключается въ незнаніи себя (hoc pravitalis est causa, ignoratio est).» Это нравственное правило легко перенести въ область анатомии и показать, что анатомія разсѣяла много заблужденій, наделила мнози болѣзней и значительнымъ образомъ содѣйствовала составленію болѣе вѣрныхъ понятій, послужившихъ къ поднятю нравственнаго уровня, такъ какъ она составляетъ необходимое условіе знанія самаго себя, рекомендуемаго Лактанціемъ. Окружающій наше миры устроенъ такъ, что мы видимъ большинство вещей не такими, каковы ониѣ на самомъ дѣлѣ; и намъ необходимо безпрестанно, почастливому выражению Лафоитена: «Раскрывать истинное скрытое подъ наружною оболочкой». Въ дѣйствительности, истина не была такъ глубоко скрыта подъ оболочкой, какъ въ организациіи живыхъ существъ; черезъ какую массу заблужденій долженъ быть пройти человѣческій умъ, прежде чѣмъ усвоить себѣ положительныя понятія! Узнать человѣка съ физической и умственной стороны, а это знаніе необходимо какъ для медика, такъ для моралиста и для политика—невозможно безъ предварительнаго изученія анатомии. Это безъ сомнѣнія, косвенная польза приносящая анатоміей; непосредственную пользу приносятъ они неотрицаемыми фактами показывая намъ, какое мѣсто должны занимать человѣкъ и общемъ планѣ позвоночныхъ. Открытие этого плана, сдѣланнаго однѣмъ изъ ве-

личайшихъ приобрѣтений современной науки, занимаетъ въ учении о жизни то же мѣсто, какое въ учении о космосѣ занимаетъ открытие факта подчиненности земнаго шара планетнымъ законамъ.

Какъ система сосудовъ представляется намъ резервуаромъ, все въ себя принимающимъ и все разносящимъ, такъ и нервная система занимаетъ мѣсто посредствующей цѣни между органами чувствъ сообщающимъ ей виѣшнія впечатлѣнія и мускульную системой, которой она передаетъ повелѣнія воли. Мы считаемъ себя тѣмъ болѣе вправѣ сдѣлать это сравненіе, что нервная и мускульная система тѣсно связаны другъ съ другомъ и что тамъ, гдѣ развита первая изъ нихъ, мы замѣчаемъ и значительное развитіе второй. Сдѣлаемъ скакечъ по лѣстнице организованныхъ существъ и искрѣдемъ отъ человѣка къ рыбѣ. У человѣка мы видимъ значительную массу головнаго мозга весьма сложнаго по своему составу и весьма объемистаго сравнительно со спиннымъ мозгомъ; у рыбы, напротивъ, головной мозгъ сравнительно со спиннымъ малъ, лишенъ множества органовъ находящихся въ человѣческомъ мозгу. Теперь посмотримъ рядомъ съ этимъ совершеннымъ измѣненіемъ нервной системы, какою оказывается у рыбъ сосудистая система. Пріобрѣла ли она болѣе полное развитіе, подобно нѣкоторымъ органамъ развитымъ у животныхъ болѣе нежели у человѣка? Ни мало. Вмѣсто четырехъ полостей сердца, двойнаго кровообращенія и громадной массы крови, характеризующихъ человѣка, мы видимъ у рыбы сердце съ двумя полостями, простое кровообращеніе, и весьма небольшое количество кровяной жидкости соответствующее небольшому объему заключающихъ его сосудовъ. Точно также можно сказать, что чѣмъ выше стоитъ существо въ ряду животныхъ, тѣмъ болѣе жизнь его зависитъ отъ неприкосновенности его сосудистой системы: угорь, у которого вырвать сердце, живетъ долго послѣ того, человѣкъ, сердце которого получаетъ рану или само собой разрывается, умираетъ внезапно, болѣе внезапно нежели отъ поврежденій мозга.

Изображеніе на рисункахъ развѣтвленій венъ и артерій представляли всегда большое затрудненіе для анатомовъ. Для хирургическихъ операций необходимо самое точное опредѣленіе взаимныхъ отношеній различныхъ сосудовъ. Если мы представимъ открытыми путь сосудовъ проходящихъ часто подъ мускулами, подъ су-

ожильями, подъ перепонками, отношения эти останутся для нась исповятными; если наиротивъ мы представимъ части тѣла прикры-
вающія сосуды, эти послѣдніи будутъ изображены не на всѣмъ
своемъ протяженіи; части ихъ прикрыты сосудами можно будетъ,
правда, изобразить пунктиромъ, но тогда нельзѧ будетъ составить
себѣ понятія о томъ, на какой глубинѣ онъ находятся, а это поня-
тие необходимо. Г. Буржери и Жакобъ вышли изъ этого затруднѣ-
нія и достигли цѣли остроумнымъ способомъ, которое они описы-
ваютъ слѣдующимъ образомъ: «Единственное средство состоитъ въ
томъ, чтобы изобразить мускулы и органы въ томъ положеніи, ка-
кое они занимаютъ прорѣзать или разсѣчь ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ
сквозь нихъ проходятъ сосуды. Этотъ способъ соединяетъ всѣ пре-
имущества: 1) онъ даетъ возможность показывать всѣ сколько ни-
будь значительные сосуды; 2) онъ показываетъ ихъ настояще мѣсто
съ обозначеніемъ сравнительной глубины различныхъ точекъ ихъ
пути; 3) онъ даетъ возможность однимъ взглѣдомъ обозрѣть всѣ
главныя развѣтвленія сосудовъ каждого члена, каждой части тѣла и,
такимъ образомъ, указываетъ хирургу на тѣ средства, которыя онъ
можетъ употребить для возстановленія кровообращенія въ данномъ
случаѣ; 4) онъ не измѣняетъ общей формы и сохраниаетъ всѣ отно-
шения частностей».

Предположимъ, что какой нибудь древній анатомъ сталъ бы
вмѣстѣ съ нами разматривать атласъ гг. Буржери и Жакоба, пред-
положимъ что Праксагоръ этотъ древній Александрийскій школы,
первый примѣнившій выслушивание пульса къ наученію болѣзней,
сталъ бы перевертывать вмѣстѣ съ нами листы этой книги и вни-
мателънымъ, удивленнымъ взоромъ разматривать изображенія на
нихъ знакомые и незнакомые предметы; именитый учитель Геро-
филъ, современникъ Аристотеля, привыкшій къ правильному стилю
и строгости рисунка греческихъ художниковъ, похвалилъ бы рисунки
г. Жакоба и, если бы онъ не удивился тому, что къ книгѣ естествен-
ной исторіи приложена книга рисунковъ, — ему уже приходилось ви-
дѣть это въ свое время, — то онъ бѣзъ сомнѣнія удивился той лег-
кости, съ какою новѣйшее искусство порочитъ въ множествѣ
экземпляровъ одни и тѣ же изображенія. Но вскорѣ, забывая пра-
вильность и изящество рисунковъ и обращая вниманіе на самую

суть интересующихъ его фактовъ, онъ постарался бы разсмотретьъ всѣ эти вены, артеріи и лимфатические сосуды. Одного взгляда достаточно будетъ, чтобы убѣдить его въ его сравнительномъ неѣстѣствѣ. Ему придется во-первыхъ согласиться, что артеріи содержатъ кровь, хотя онъ думалъ и училъ что въ нихъ заключался воздухъ; ему покажутъ, что вены сообщаются съ артеріями; онъ замѣтитъ заслонки, которые не даютъ венозной крови возвращаться вслѣствие своей собственной тяжести къ началу венъ, и заслонки, расположенные въ различныхъ частяхъ сердца и своимъ отпираниемъ и запираниемъ способствующія дѣйствию этого чуднаго насоса; онъ прослѣдитъ кровь до легкихъ, увидитъ какъ она возвращается въ сердце и, такъ сказать, онъ осознаетъ весь ходъ кровообращенія, который такъ трудно было понять. Слѣдя за всѣми мелкими развѣтвленіями артерій, онъ безъ труда пойметъ, какимъ образомъ сдѣлать хирургическую операцию вѣрными и безопасными; одинъ взглядъ на картины г. Буржери и Жакоба покажетъ ему, что перевязка берцевой артеріи, путь которой изображенъ такъ ясно, должна вылечить рану или апевризмъ подколѣнной артеріи; онъ, такъ смѣло предлагавшій вскрыть животъ въ случаѣ ущемленія кишечка, съ восторгомъ встрѣтитъ эту точную и разумную анатомію, дающую возможность безошибочно отыскать внутри живота столь важный сосудъ, какъ подвздошная артерія. Когда ему объяснятъ обращеніе соковъ въ лимфатическихъ сосудахъ, онъ узнаетъ что эти сосуды, въ первый разъ угаданные ученикомъ Ираксагора Гіерофіломъ, были открыты только черезъ девятьсотъ лѣтъ послѣ него; онъ проститъ наше научное превосходство, увидѣвъ, какой долгій промежутокъ времени былъ нуженъ для послѣдующихъ поколѣній, чтобы доставить намъ это превосходство.

Придетъ день когда предположеніе, которое я сдѣлалъ для Ираксагора, осуществится и для современной науки; придетъ время, когда внуки наши настолько же обгонятъ насъ, насколько мы обогнали нашихъ предковъ, и когда пройдетъ еще девятьсотъ лѣтъ, когда наука созрѣетъ на эти вѣка, тогда все то, что мы открыли покажется очень несовершеннымъ. Большая прочность книгъ въ иные времена подаетъ намъ надежду, что наши статьи переживутъ этотъ долгій промежутокъ времени, и если тогда какойнибудь

рабочий библиофиль, стражнувъ пыль съ старыхъ книгъ девятнадцатаго вѣка, откроетъ книгу гг. Буржери и Жакоба, онъ, безъ минѣнія, съ удовольствіемъ разсмотритъ древніе рисунки и отдастъ праведливость совершенству древняго искусства; но онъ много разъ будетъ удивляться, какъ могли мы не знать столькихъ вещей, и будетъ говорить о насть какъ мы говоримъ о Праксагорѣ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ПРИМѢНИИ КЪ ФИЗИОЛОГИИ И ТЕРАПИИ ¹⁾).

Примѣнѣе электричества, сдѣланное докторомъ Дюшеномъ, интересно какъ для физиологовъ такъ и для терапевтовъ; физиогамъ оно предоставляетъ возможность дѣлать болѣе точныя и вѣрныя наблюденія надъ мускульными сокращеніями, терапевтамъ она даетъ средство легко пользоваться могучимъ дѣятелемъ, извлекая изъ него новыя нѣвѣдомыя до сихъ поръ силы.

Электричество представляетъ одно изъ общихъ свойствъ матеріи; каждое тѣло обладаетъ имъ; тамъ, где оно находится въ скрытомъ состояніи, достаточно самой незначительной причины, чтобы заставить его проявиться. Треніе, ударъ, измѣненіе температуры, испареніе, сгущеніе, химическое соединеніе, все это вызываетъ появленіе электричества.

И не смотря на все это, мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что это сила сдѣлалась предметомъ научныхъ изслѣдований въ самое послѣднее время. Древній міръ совсѣмъ не зналъ ее; быть можетъ, этруски гадатели умѣли посредствомъ заостренныхъ налокъ производить громъ съ облаковъ; по крайней мѣрѣ такимъ образомъ объясняютъ богослуженіе Юпитера громоверхца, хотя трудно поверить, чтобыничто, исключая названія царя бо-

¹⁾ De l'Electrisation localis  e et de son application   la physiologie et   la th  rapie, par le docteur Duchenne de Baulogne. Un vol. in-8°, Paris 1855.

толь, не указывало на такой интересный фактъ. Во всякомъ случаѣ, человѣчество древняго міра не подозрѣвало, что сила притяженія сообщаемая янтарю посредствомъ тренія и громъ грохочущій въ небесахъ явленія однородныя; такимъ образомъ, человѣкъ, который не можетъ сдѣлать шагу, не можетъ исполнить ни малѣйшей работы, не разъединяя или не приводя въ дѣйствіе разнороднаго электричества, цѣлые вѣка ходилъ какъ слѣпецъ среди силы покрытой отъ глазъ его, недоступной его рукамъ, непрестанно дѣйствовавшей во вселенной и не приносившей ему болѣе пользы тѣмъ остальному міру.

Наконецъ, настало время, когда она должна было приносить ему большую пользу. Онъ заключилъ ее въ свои машины, собралъ се ть свои резервуары, заставилъ ее идти по искусственнымъ путемъ, заставилъ ее оказывать себѣ разнообразныя услуги. Медицина съ раннихъ поръ стремилась съ своей стороны воспользоваться тую новою силою. Извѣстно было, что ударъ молнии можетъ сжечь ту или другую часть тѣла, произвести ослабленіе и параличъ мускуловъ. Извѣстно было, что природа одарила нѣкоторыхъ рыбъ тѣмъ-то въ родѣ электрическаго аппарата, помоцію котораго они приводятъ въ оцѣненіе и останавливаютъ свою добычу; здѣсь природа явилась страшнымъ физикомъ, какъ она явилась страшнымъ химикомъ въ составлениі змѣинаго яда. Наконецъ, что всего важнѣе, открыто было дѣйствіе электричества на мускулы и нервы: группъ казненнаго преступника подъ вліяніемъ электрической машины открылъ глаза, задвигалъ руками и ногами, произвѣлъ движенія вдыханія и выдыханія, однимъ словомъ послѣ смерти выказалъ виѣшнія признаки жизни.

Послѣ этого можно было надѣяться, что сила окказиавшія такое могучіе вліяніе на нервы, лишенные жизни, будетъ дѣйствовать и на болѣнія или разбитыя параличъ части живаго тѣла; но съ одной стороны параличъ вызывается различными причинами; съ другой, электричество является подъ разными формами и оказывается разнообразное дѣйствіе. Это открывало широкое поле для изслѣдований и остроумныхъ изысканий.

Электричество, не то которое даетъ намъ природа изъ тучахъ, и то которое изготавляется изъ лабораторій, является въ трехъ видахъ: въ состояніи статическомъ; въ, электрическихъ машинахъ

и лейденскихъ банкахъ; въ состояніи динамическомъ въ вольт-вомъ столбѣ и въ состояніи индукціи въ аппаратахъ, гдѣ электрическій токъ является при всякомъ отмыканіи и замыканіи наружной спиралі столба. Это индуктивное электричество, открытое зи-менитымъ англійскимъ физикомъ Фаредеемъ, примѣняется врачами при леченіи болѣзней. Первый изъ трехъ видовъ электричества принципиаетъ сотрясенія; второй производитъ теплоту, которая можетъ доходить до сжиганія, и ни тотъ не другой не подлежать точному измѣренію, дѣленію на правильныя дозы. Оба вида были испробованы нѣсколько разъ и при нѣкоторыхъ случаяхъ оказали пользу, какой не оказывали при другихъ, но употребленіе ихъ невозможно было подвести подъ опредѣленныя правила.

Третій видъ электричества, напротивъ, не согрѣваетъ и не дезорганизуетъ ткани; но онъ можетъ производить весьма сильныя дѣйствія и даже, въ случаѣ надобности, рѣзкую боль, не оставляя никакихъ слѣдовъ на кожѣ, черезъ которую проходитъ токъ.

Чтобы дѣйствовать съ полною силою, электричество этого рода непремѣнно должно быть локализовано, т. е. дѣйствовать отдельно или на кожу, или на нервъ, или на мускуль. Но какъ направить на извѣстной органъ путь сплы, дѣйствующей съ такою быстро-тою какъ электричество? Какъ опредѣлить предѣлы, которые оно не должна преступить? Этую то важную и любопытную задачу разрѣшилъ г. Дюшенъ. Вотъ тѣ наблюденія на которыхъ опь основать это разрѣшеніе: 1) Если кожа и разрядники индуктивнаго аппарата совершенно сухи и кожица достаточно толста, электрические токи соединяютсяновъ на поверхности кожицы, не проходя че-резъ кожу (derme): они производятъ искры отличающіяся своеобразнымъ трескомъ, но не возбуждаютъ ощущенія. 2) Если положить на какія-нибудь двѣ точки кожи одинъ сухой и другой влажный разрядникъ, субъектъ, надъ которымъ производится опытъ, почувствуетъ поверхностное ощущеніе, имѣющее мѣсто въ кожѣ. Въ этомъ случаѣ противоположныя электричества вновь соединяются на сухомъ пункѣ кожици не проникая сквозь кожу. 3) Если слегка смочить кожу въ томъ мѣстѣ, гдѣ кожица имѣть значительное утолщеніе, въ тѣхъ нунктахъ, гдѣ находятся сухіе металлическіе разрядники, произойдетъ поверхностное ощущеніе, сравнительно болѣе сильное чѣмъ при предшествующемъ опыте, безъ искръ и безъ треска.

Здесь соединение электрических токовъ происходит въ толщѣ кожи. 4) Если кожа и разрядники очень влажны, то не замѣтно ни искръ, ни треска, ни ощущеній обжога, но за то получается сокращеніе или возбужденіе чувствительности, смотря по тому дѣйствуетъ ли токъ на мускуль или на нервъ. Въ этомъ случаѣ можно сказать что электричество произвело мѣстное дѣйствіе на мускулъ или на нервъ.

Такого рода приспособленія даютъ возможность ограничить индуктивное электричество, направить его на кожу или сосредоточить его дѣйствіе на подкожныхъ органахъ. Извѣстно, что у животныхъ все движенія производятся посредствомъ мускуловъ, одаренныхъ способностью сокращаться или сжиматься, подъ влияніемъ воли и другихъ причинъ виѣшнихъ или внутреннихъ. Весь механизмъ человѣческаго тѣла заключается въ соотношеніи этихъ мускуловъ. Вотъ почему изученіе ихъ движеній составляетъ значительную часть физиологии и анатоміи; они постоянно стремились уяснить себѣ значеніе каждого изъ нихъ. Но изученіе это сопряжено съ большими трудностями: выводы, дѣлаемые изъ наблюденія надъ безжизненнымъ мускуломъ для опредѣленія состоянія мускула живаго, сокращающагося и приводящаго въ движеніе другія части тѣла, часто бываютъ сомнительны и не ясны. Теперь, благодаря мѣстному примѣненію электричества, большая часть этихъ сомнѣній будетъ устранена. Подъ влияніемъ новаго способа примѣненія этой силы, анатомія перестаетъ быть мертвою; она приобрѣтаетъ жизнь. Теперь намъ не нуженъ скальпель, чтобы обнажить мускулы и показать ихъ дѣятельность и ихъ значеніе; намъ не нужно посредствомъ жестокихъ опытовъ обнажать у живаго животнаго органъ, который мы желаемъ изучать. Мы можемъ просто, ни причиняя страданій, прикасаться разрядниками къ кожѣ наблюдаемаго субъекта, и по мѣрѣ движенія разрядниковъ мускулъ, появившись на немъ силы, устраниенный на время отъ господства воли производить свойственныя ему движения. Необыкновенно интересно слѣдить за тѣмъ, какъ подушечки заканчивающія пронодоки аппарата поочередно изображаются на лицѣ, сохраняющемъ изъ цѣломъ спокойный видъ, черты, выражающія самыя противоположныя страсти. Подобный способъ наблюденія имѣть то преимущество, что не нуждается ни въ какихъ коментаріяхъ и дасть прямое отвѣтія. Помощью его

можно провѣрить все, что писали ученые объ игрѣ мускуловъ. Г. Дюшень въспользовался случаемъ первымъ сдѣлать эту провѣрку и, такимъ образомъ, внесъ много поправокъ, много открытий въ области, считавшуюся исключительною собственностью анатоміи.

Примѣненіе индуктивнаго электричества (faradisation) дало возможность узнать путемъ опыта и на живомъ организмѣ функции каждого мускула. Въ сущности, дѣятельность отдѣльного мускула является, по крайней мѣрѣ, въ здоровомъ тѣлѣ чѣмъ-то абстрактнымъ, что до сихъ поръ возможно было только представлять себѣ въ умѣ и что электричество въ первый разъ ясно открывается глазамъ нашимъ.

Каждое движение требуетъ ассоціаціи иѣсколькихъ мускуловъ. Существуетъ древняя аксиома Гиппократа о томъ, что въ нашемъ тѣлѣ все имѣеть связь и соотношеніе. Правило это, справедливо относительно каждой функции, справедливо и относительно мускульныхъ отиравленій; въ настоящую минуту, когда я пишу, когда я быстро двигаю рукою и пальцами, не сознавая ни одного изъ моихъ движений, ни одного изъ совершающихся во мнѣ мускульныхъ сокращеній, параличъ малѣйшаго мускульного пучка могъ бы затруднить или сдѣлать совершенно невозможнымъ для меня этотъ актъ писавья, являющійся результатомъ одновременнаго дѣйствія иѣсколькихъ мускуловъ. Путемъ взаимнаго уравновѣшенія и соподчиненія, мускулы сообщаютъ нашимъ членамъ то или другое положеніе; но когда это равновѣсіе исчезаетъ, когда вслѣдствіе какой-либо причины это соотношеніе уничтожается, мускуль предоставлennий самому себѣ сохраняетъ исключительно собственное движеніе, совершенно отличное отъ его совмѣстнаго движения. Въ верхней части плеча находится сильный мускулъ, называемый анатомами дельтовиднымъ; онъ имѣеть назначеніе удалять руку отъ туловища и поднимать ее. Но вотъ что происходитъ если этотъ дельтовидный мускулъ дѣйствуетъ особнякомъ, безъ инстинктивной помощи другихъ мускуловъ (удлиненіе его достигается путемъ фарадизаціи): плечо, дѣйствуя всей свою тяжестью на наружный уголъ лопатки, заставляетъ ее измѣнить свое положеніе такъ, что нижній уголъ этой кости возвышается, а край лежащій къ позвоночнику удаляется отъ этого послѣдняго и выступаетъ подъ кожей. Явленія эти, происходящія вслѣдствіе искусственнаго сокращенія дель-

тотицнаго мускула, не могутъ быть произведены произвольно такъ какъ невозможно сокращать одинъ этотъ мускулъ независимо отъ другихъ. Дѣйствительно, если мы прикажемъ субъекту, надъ кото-
римъ произведенъ былъ предшествовавшій опытъ, поднять руку такъ, какъ она была поднята за минуту передъ тѣмъ дѣйствіемъ электричества, то мы замѣтимъ, что въ моментъ удаленія плеча отъ груди не происходитъ никакого поворота иль лопаткѣ, которая крѣпко прилежитъ къ ребрамъ. Хотя, въ сущности, для поднятия руки достаточно одного дельтовиднаго мускула, но на самомъ дѣлѣ движение это требуетъ содѣйствія иѣсколькохъ другихъ мускуловъ. Безъ этого содѣйствія движение лишится своей силы и произведетъ неудобное положеніе плечевой кости. Такимъ образомъ и въ дель-
товидномъ, какъ и во всякомъ другомъ мускулѣ, нужно умѣть от-
личать объединенное дѣйствіе его отъ той функции, какую ему пред-
назначено исполнять вмѣстѣ съ другими.

Я сказалъ выше, что эта ассоціація различныхъ мускуловъ инстинктивна; справедливѣе было бы сказать, что она становится инстинктивиою. Стоитъ только наблюдать что происходитъ при обученіи какому нибудь искусству, танцамъ, плаванью, игрѣ на фортепіано, фехтованью и проч. Сначала движения, требуемыя учителемъ, кажутся невозможными, они производятся съ болѣшимъ трудомъ, медленно, неловко; дѣло въ томъ, что приходится разобщать мускулы дѣйствовавшіе прежде за одно и ассоциировать другіе, не находившіеся во взаимодѣйствіи. Мало по маку приобрѣтается плавкъ, ловкость возрастаетъ и движения производятся съ такою легкостью, что дѣлаются какъ бы инстинктивными. То же происходитъ въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе болѣзни или раны одинъ изъ мускуловъ остается безъ употребленія. Въ первое время человѣкъ не умѣетъ обходится помощью оставшихъ мускуловъ и чувствуетъ сильное неудобство. Но вскорѣ посредствомъ упражненій образуются новыя ассоціаціи мускуловъ и хотя движения никогда не могутъ пріобрѣсти прежней полноты, — одна струна все таки порвана, — но другіе мускулы вступаютъ въ новыя комбинаціи и при-
способляются къ новымъ отиравленіямъ, для которыхъ они перво-
начально не были предназначены. Наконецъ, идя далѣе, мы можемъ сказать, что неловкость движений замѣчаемая нами у новорожден-
ныхъ дѣтей, зависитъ главнѣмъ образомъ отъ ихъ неумѣнія ассо-

цировать свои мускулы. Употреблять руки, ходить, говорить—это упражнения, можно сказать, искусства, которымъ ребенокъ изучается постепенно. Поднять руку не совершиенно простое движение, какъ мы сейчасъ видѣли; волѣ не достаточно сократить одинъ щитовидный мускуль, она должна сокращать и другие мускулы, которыедерживаютъ членъ на мѣстѣ и не даютъ плечевой кости склоняться на бокъ. Послѣ того какъ мы вполнѣ выучимся всему этому, движения наши станутъ казаться инстинктивными и вполнѣ подчиненными волѣ.

Физиологическая изслѣдованія мускуловъ, произведенные г. Дюшеномъ, составляютъ пріобрѣтеніе для чистой науки, независимо отъ практическихъ примѣненій ихъ (впрочемъ и практическія примѣненія вѣроятно не заставятъ себя ждать). Нечего заботиться о томъ къ чему послужить истина неизвѣстная доселѣ и открыта путемъ остроумнаго изслѣдованія, нечего хлопотать о томъ можно ли будетъ когданибудь извлечь изъ нее пользу, надо думать только объ одномъ дѣйствительно ли она истина. Человѣчество обладаетъ способностью стремиться къ истинѣ ради ся самой, способностью гораздо менѣе сильной, нежели стремленіе къ удовлетворенію физическихъ и нравственныхъ потребностей, но которая тѣмъ не менѣе во все времена была на столько спльна, что подвигала на продолжительные труды, вызывала могучія усилія, давала прочные результаты. Она создала науку. Дѣйствительно чѣмъ другимъ можемъ мы объяснить все системы умозрительной философіи, имѣвшія, новидимому, сначала одну цѣль—плѣнить умъ истиной, какъ произведенія искусства плѣняютъ его красотой? Безъ сомнѣнія, въ настоящее время научная истина имѣютъ такъ много столь плодотворныхъ примѣненій, что мы часто забываемъ ихъ первоначальное назначение. Это назначение есть истина; полезность является уже вноследствіе. Не должно превращать лучезарную богиню въ смиренную прислужницу.

Живой организмъ не есть иѣчто подчиненное исключительно внутреннимъ силамъ, приводящимъ его въ движение—не одна воля заставляетъ мускулы сокращаться. Электричество, замѣняя собою первую силу, вызываетъ движение независимо отъ воли и даже противъ воли. Иѣкоторые болѣзни имѣютъ свойство уничтожать это дѣйствіе электричества. Люди работающіе на свинцовыхъ за-

водахъ или случайно подвергнутые вліянію этого металла, заболеваютъ очень непріятной болѣзнью, извѣстной подъ названіемъ спин-цовой колики; это первая степень отравленія, вторая проявляется въ параличѣ мускуловъ служащихъ для разжиманія кулака. Если направить дѣйствіе электрическаго тока на парализованные мускулы, они останутся неподвижными подъ вліяніемъ этой силы, какъ и подъ вліяніемъ первої силы. Но вотъ путемъ леченія параличъ устранился; мускулы снова повинуются волѣ и болѣй можетъ свободно шевелить рукой. Подвергнете эти излеченные мускулы дѣйствію электричества: они по прежнему не подчиняются вліянію его; они лишились способности сокращаться отъ дѣйствія силы электричества; они такъ же недоступны вліянію электричества, какъ недоступенъ вліянію осеннеї матеріи человѣкъ уже имѣвшей разъ-натуральную осипу.

Съ другой стороны, возьмемъ одинъ примѣръ изъ тысячи: человѣкъ долго простоялъ въ холдный день въ проходѣ, гдѣ вѣтеръ дулъ ему на правую сторону лица; онъ не чувствуетъ боли; но съ-чертами лица его произошло странное явленіе—мускулы правой стороны лица парализованы; и такъ какъ они не представляютъ болѣе сопротивленія мускуламъ расположеннымъ на другой сторонѣ, то эти послѣдніе стягиваютъ кожу и вызываютъ гримасы. Такимъ образомъ, болѣзньное вліяніе совершиенно устранилось дѣйствіе первовъ на нѣсколько пучковъ мускуловъ; никакое усиленіе боли не можетъ привести ихъ въ сокращеніе. Но поднесите къ нимъ разрядники электрическаго аппарата: мускулы тотчасъ выходятъ изъ своего параличнаго состоянія и правильность лица восстанавливается. Здѣсь мы имѣемъ случай противоположный предыдущему: мускулы не подчиняются волѣ, а повинуются электричеству.

Факты эти вполнѣ могутъ доказать, что не слѣдуетъ смиливать первую силу съ силою электричества. Нѣсколько времени тому назадъ существовало весьма распространеноѣ убѣжденіе, что жизненныя явленія могутъ быть объяснены одною изъ силъ управляющихъ неорганическимъ міромъ.

Слѣдя за исторіей науки о явленіяхъ жизни, мы встрѣчаемъ отъ времени до времени различнія системы, созданныя для объясненія ихъ, попытки, т. е. примѣненія къ нимъ ряда понятій приобрѣтенныхъ при изученіи безжизненныхъ тѣлъ. Чимъ болѣе фак-

товъ открывали физика и химія, чѣмъ болѣе законовъ создавали онѣ, тѣмъ болѣе усиливалась надежда, что системы столь вѣримъ для тѣхъ отношеній, которыя породили ихъ, освѣтивъ отношенія въ силы болѣе и болѣе сложныя, откроются наконецъ тайну жизни. Надежды эти, если можно называть надеждами до сихъ поръ существующія заблужденія, были разрушены дальнѣйшимъ ходомъ жизни. Наука о жизни, освободившись наконецъ отъ системъ, которыми прикрывала ее полу-развитая философія, явилась съ своей собственной системой, недозволяющей смѣшивать ея факты, ее свойства, ея законы ни съ какими другими. Безъ сомнѣнія электричество вызываетъ сокращеніе мускульныхъ волоконъ; но тщательное изученіе легко показываетъ разницу между нимъ и иерархіою силой: гдѣ действуетъ оно, тамъ она безсильна, и наоборотъ.

Въ книгѣ г. Дюшена, приведенъ одинъ случай, о которомъ я упомяну по поводу занимающаго насъ вопроса, потому что случай этотъ касается неосновательного желанія—дать полное объясненіе явленіямъ жизни. Наука о жизни не открывается и не должна открывать причину жизни. Каждая наука останавливается на какомъ-нибудь данномъ первичномъ фактѣ, остающемся безъ объясненія и служащемъ къ объясненію остальныхъ.

Жизнь, электричество, теплородъ, притяжение и проч., являются съ этой точки зрѣнія фактами первичными. Вотъ случай приведенный г. Дюшеною: одинъ больной страдалъ двойнымъ зрѣніемъ, т. е. всѣ предметы двоились у него въ глазахъ; вылеченный внезапно г. Дюшеною, онъ доказалъ успѣхъ лечения воскликнувъ: «У васъ теперь всего одна голова». Больѣнь имѣла для него одно непріятное послѣдствіе, о которомъ читатель быть можетъ не догадывается, она мѣшала ему ходить. Когда онъ стоялъ на совершенно ровной поверхности, какъ напр. на улицѣ или на полу комнаты, его путь всегда представлялся ему раздѣленнымъ на двѣ части, лѣвая шла въ гору, а правая напротивъ спускалась внизъ. Вслѣдствіе этого, шагая, онъ высоко поднималъ лѣвую ногу и она опускалась у него ниже, чѣмъ онъ ожидалъ. Правую ногою, напротивъ, онъ дѣлалъ движеніе какъ-бы спускаясь внизъ; поверхность, по которой онъ шелъ, задерживала это движеніе и онъ испытывалъ непріятный толчокъ. Ничто не могло избавить его отъ этой иллюзіи, и

ны воли, ни ежедневный опыт, и въ концѣ концовъ онъ не можетъ ходить. Воспользуемся этимъ патологическимъ случаемъ при выуждении явленій зрѣнія вообще. Геометрически неопровергимо, то на глазной ретинѣ предметы изображаются въ обратномъ положеніи: то, что въ действительности находится на верху представляется внизу, что въ действительности находится на лѣво представляется на право и наоборотъ. Между тѣмъ мы несомнѣнно видимъ предметы въ ихъ настоящемъ положеніи. Много сдѣлано было попытокъ для объясненія этой странности. Одно изъ этихъ объясненій заключается въ томъ, что мы сначала видимъ предметы въ обратномъ положеніи, и что, впослѣдствіи, сознаніе уничтожаетъ эту иллюзію и мы начинаемъ видѣть ихъ въ настоящемъ положеніи. Выше мы привели примѣръ человѣка видѣвшаго въ теченіе несколькихъ лѣтъ все предметы вдвойнѣ, лишившагося вслѣдствіе этого недостатка возможности ходить и употреблявшаго усилия воли на устраненія этого обмана зрѣнія. И между тѣмъ онъ никакъ не могъ устранить его. Изъ этого мы должны заключить, что тоже бываетъ и съ обыкновеннымъ зрѣніемъ; никакая привычка не могла и заставить насъ сознавать предметы въ настоящемъ положеніи, если бы мы видѣли ихъ въ обратномъ положеніи, какими они отражаются на ретинѣ; напрасно физики стараются физическими законами объяснить явленіе, которое до поры до времени должно оставаться въ области неизѣстнаго.

Благодаря г. Дюшенну, электричество стало сплошь легко управляемой, легко соразмѣряемой, легко прилагаемой къ длину пунку и, такимъ образомъ, заняло опредѣленное мѣсто въ ряду средствъ потребляемыхъ для излеченія или ослабленія болѣзни. Средство это является действительнымъ во многихъ случаяхъ, силу его не удается ограничивать, но главнымъ образомъ оно примѣнено для исцѣленія паралича. Оно действуетъ на него во-первыхъ, непосредственно, во-вторыхъ, коевеніемъ обратомъ. Непосредственное дѣйствіе его состоитъ въ возбудительномъ изѣяніи его на мускулы; оно возстановляетъ возбуждаемость мускуловъ и въ концѣ концовъ подчиняетъ ихъ снова волѣ. Коевеніе дѣйствіе его проявляется въ томъ, что оно устраняетъ атрофию члена или прекращаетъ се, когда она уже началась. Атрофія называется уменьшениемъ въ объемѣ, засыханіе члена вслѣдствіе какой-нибудь болѣзни. Му-

скуль пораженный параличомъ и вслѣдствіе этого неподвижны начинать очень скоро уменьшаться въ объемѣ; мало по малу волокна его обезцвѣчиваются, утоняются, исчезаютъ и если вропе бездѣйствія будетъ продолжительно, мускуль можетъ соверши уничтожиться. Тогда человѣкъ безвозвратно теряетъ способности всѣхъ движений зависѣвшихъ отъ него. Но электричество, дѣйствующа на этотъ мускуль, вызываетъ въ немъ сокращенія, устраняетъ неподвижность и способствуетъ питанію совершающейся въ немъ обычновеннымъ порядкомъ. Или, если атрофія уже значительно развила, не успѣвъ еще уничтожить органа, электричество, возбуждя къ движению здоровыя его части, разовьетъ въ нихъ посредствомъ упражненія болѣе дѣятельное питаніе, которое не замедлитъ восполнить потери понесенные органомъ. Въ книгѣ г. Дюшена приведено много замѣчательныхъ примѣровъ подобнаго постепеннаго возстановленія.

Слово параличъ имѣть общей смыслъ, обозначая потерю движения. Но параличъ можетъ происходить отъ весьма различныхъ причинъ. Одинъ родъ паралича происходитъ вслѣдствіе пораженія головнаго мозга, другой вслѣдствіе болѣзни спиннаго мозга, третій вслѣдствіе нервнаго разстройства; нѣкоторые роды паралича являются слѣдствіемъ отравленія свинцомъ, другіе слѣдствіемъ ревматизма или истерикъ; наконецъ неправильно называютъ параличомъ и тѣ случаи, когда мускульныя волокна перерождаются и замѣняются какою-либо неспособною къ сокращенію тканью. Электричество распредѣляетъ всѣ эти различные роды паралича на два отѣла: параличъ, при которомъ сокращаемость мускуловъ подъ влияніемъ электричества исчезла и параличъ, при которомъ она сохранилась.

Къ первому разряду принадлежать параличи произошедши вслѣдствіе отравленія свинцомъ, вслѣдствіе нервнаго разстройства, вслѣдствіе разстройства спиннаго мозга; ко второму параличи вызванные пораженіемъ головнаго мозга, ревматизмомъ, истериками и прогрессивной атрофіей до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не уничтожила мускульныхъ волоконъ. Фактъ этотъ весьма важный съ точки зрения физиолога или вообще имѣть еще болѣе важное значеніе для медицинскаго діагноза.

Усовершенствованіе діагноза доказываетъ главнымъ образомъ

совершенствование медицины; первое правило врачебного искусства не вредить пациентамъ, правило данное Гиппократомъ и которому Галліенъ тѣмъ болѣе удивлялся, чѣмъ болѣе онъ о немъ смышлялъ. Одинъ только діагнозъ, т. е. точное опредѣленіе болѣзни, даетъ возможность вполнѣ слѣдовать ему. И при діагнозѣ следуетъ отдавать предпочтеніе средствамъ постояннымъ, неоспоримымъ, которые, помогая такту и опытности врача, позволяютъ ему выставлять опредѣленныя мѣнія. Въ электричествѣ мы имѣемъ ту изслѣдующую органы находящіеся внутри тѣла и выставляющую ихъ разрѣшать наши сомнѣнія. Діагнозъ есть истинная основа национальной медицины.

Въ послѣднее время мы встрѣчаемъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ описание болѣзни, которую долго смышивали на общепринятымъ языкомъ съ параличомъ, такъ какъ она вызываетъ потерю движенія. Она не лишаетъ мускулы способности движенія, но онаничтожаетъ ихъ и замѣняетъ веществомъ неспособнымъ сокращаться; она распространяется на нихъ поочередно и постепенно лишаетъ больного всякаго движенія, пока иаконецъ, дойдя до диафрагмы и уничтоживъ возможность дыханія, не причинить ему смерти. Я совсѣмъ внимательно слѣдить за первыми проявленіями той болѣзни; многіе изъ замѣчаній г. Дюшенна доказываютъ, что электричество даетъ въ этомъ случаѣ весьма удачные результаты, если врачъ во время примѣнить его. Онь можетъ путемъ упражненія увеличить объемъ и силу мускуловъ еще не перерожденныхъ, и если его примѣнить слишкомъ поздно, если превращеніе уже совершилось, для погибшаго мускула иѣть болѣе спасенія и можно стараться обѣ одномъ только: сохранить движеніе еще существующимъ мускуламъ. Противъ этой болѣзни можно действовать и, въ некоторыхъ случаяхъ, съ успѣхомъ, благодаря тому, что пока мускульныя волокна не исчезли, они сохраниютъ способность сокращаться подъ вліяніемъ электричества. Такимъ образомъ остается одежда къ спасенію; упражненіе вызываемое электричествомъ производитъ атрофию; и можно по спринцевальности сказать имѣть въ г. Дюшеномъ, что мѣстное дѣйстіе электричества восстанавливаетъ ускользныя волокна.

Иногда случается, что движения парализуются безъ уничтоженія чувствительности, въ другой разъ наоборотъ чувствительность

упичтожается, а движенија не парализуются. Въ этомъ случаѣ элъ тричество оноль даётъ намъ урокъ и оказываетъ услугу. Хотя мы во время движенија не ощущаемъ нашихъ мускуловъ, но не должны считать ихъ безчувственными и думать, что они могутъ безнадѣи заново лишиться чувствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствительность ихъ исчезаетъ мы замѣчаемъ странное явленіе. Нѣкоторые больные (если имъ закрыть глаза или оставить ихъ во тьмнотѣ) теряютъ сознаніе силы своихъ движений, тяжести, сопротивленія; другіе совершенно лишаются способности двигать члены, который они не видятъ; не смотря на всѣ усиленія воли, употребляемыя ими, мускуль, который долженъ бы сокращаться, остается же подвижнымъ; но какъ только возвращается возможность видѣть они получаютъ способность производить движенија. Изъ этого мы заключаемъ, что мускулы обладаютъ особенною имъ свойственномъ чувствительностью, необходимою для полноты отправленія ихъ, и замѣняемою иногда чувствомъ зрѣніи.

Немногіе примѣры приведенны мною далеко не исчерпывають всей книги г. Дюшена. И медикъ, и физиологъ найдутъ въ немъ многое полезнаго для себя. Г. Дюшень принадлежитъ къ разряду людей, умѣющихъ схватывать новые факты и, благодаря своему зрѣлому уму, съ достовѣрностью дѣлать изъ нихъ главнѣйшѣе вѣдомы.

ЖИЛЬ-БЛАЗЬ И АРХИЕПИСКОПЪ ГРЕНАДСКІЙ.

Заглавіе это приводить на память одинъ изъ остроумиѣйшихъ эпизодовъ романа, изобилующаго остроумными разсказами и тонкими очерками характеровъ. Лесажъ хотѣлъ изобразить ить немъ чѣшное тщеславіе автора, который, разъ заслуживъ большой или малый успѣхъ, такъ слѣпоувѣровалъ въ свой талантъ, что не ить смѣха уже и представить себѣ, чтобы онъ могъ когда нибудь произвестъ что нибудь недостойное удивленія. Случается даже, что имъ слабѣе его послѣдніе труды, тѣмъ больше они ему винушаютъ юности; такъ часто мать привязывается и вѣжливо и исключительно къ болѣзенному или уродливому ребенку. Но если трогательно подобное пристрастіе,—плодъ юности есть тому, что паническое нуждается въ ней, за то пристрастіе другаго рода выростающее на общей почвѣ нашихъ этическихъ чувствъ, возбуждается искушенную насмѣшку.

Архіепискошъ Гренацкій сочинялъ проповѣди Господомъ благословенные; онъ трогали сердца грѣшниковъ, заставляя ихъ обращаться внутрь себя и покаяться. Но скитой отецъ не скрывалъ, что у него была еще и другая цель, ить которой совѣсть бесплоднаго упрекала,—это литературный успѣхъ его проповѣдей. Мало того, онъ зналъ, что даже и самые даровитые авторы, продолжая писать до глубокой старости, подъ конецъ, исчинаются и такъ какъ онъ желалъ (говоря словами Лесажа) счастливъ со всею своею

зваменитостью, то онъ и заставилъ Жиль-Блаза дать ему слово, предупредить его тотчасъ, какъ только упадокъ таланта начнетъ обнаруживаться. Онъ увѣрялъ, что онъ приметъ предостереженія этого рода за доказательство искренней преданности, прибавивъ, что если ему случится узнать черезъ когонибудь другого, что его проповѣди не имѣютъ уже обыкновенной силы и что ему пора и покой, то онъ—Жиль-Блазъ—лишится вмѣстѣ съ его расположениемъ и вещественной награды обѣщанной ему.

Все шло отлично. Архіепископъ проповѣдывалъ съ обыкновеннымъ успѣхомъ; Жиль-Блазъ платилъ ему дань удивленія, добросовѣстно подносимую и милостиво принимаемую, какъ впезапно всему положилъ конецъ ударъ. «Въ ту пору когда я пользовался наибольшею милостью, у насть въ епископскомъ дворцѣ случился страшный переполохъ; архіепископъ упалъ, пораженный апоплексіей. Помощь была такъ быстра и лечение такъ успѣшно, что черезъ нѣсколько дней, послѣ этого случая не осталось и слѣда; но умъ его пострадалъ. Я это замѣтилъ съ первой же проповѣди, которая впрочемъ еще не такъ чувствительно отличалась отъ прежнихъ, чтобы привести меня къ несомнѣнному заключенію объ упадкѣ ораторскаго таланта и я подождалъ слѣдующей, чтобы знать ужъ павѣрное что миѣ дѣлать. О! на счетъ этой ошибиться было невозможно; бѣдный владыка, то повторялся, то слишкомъ высоко парилъ, то былъ не въ мѣру уже тривіаленъ. Это было безсвязное разглагольствованіе, пошлое, риторическое фразерство, кануцинада».

Жиль-Блазу, въ эту эпоху его исторіи, недоставало еще житѣской опыта, чтобы смекнуть, что весь стоицъ архіепископа былъ не плюе что какъ шпрма, за которой скрывалось трусливое, авторское тщеславіе. Онъ дался, неоглядываясь въ ловушку, въ которую его же желали поймать и опасаясь быть вычеркнутымъ изъ завѣщанія, если не сдержитъ слово, позволилъ себѣ намекнуть, что послѣдняя проповѣдь показалась ему немногого слабѣе прежнихъ. Владыко отъ этихъ словъ поблѣдѣлъ. Напрасно пытался Жиль-Блазъ исправить свой промахъ и какънибудь замазать дѣло. «Дополню объ этомъ мой сынъ,—сказалъ архіепископъ,—вы слишкомъ молоды чтобы различать ложь отъ истины. Знайте, что мнѣ никакъ еще не удавалось сочинять проповѣди лучше этой, имѣвшей несметное заслужить ваше неодобрение. Мой умъ, благодареніе

Господу не утратилъ еще ни на волосъ прежней силы. Но я буду передъ осмотрительнѣе выбиралъ себѣ повѣренныхъ. Мнѣ нужны люди болѣе вѣрою способные вѣрою судить. Ступайте, продолжалъ онъ, взявъ меня за плечи и вынимая изъ кабинета, ступайте, скажите моему казначею, чтобы онъ выдалъ вамъ сто дукатовъ. И да направитъ Господь ваши стопы ко благу съ этими деньгами. Прощайте, господинъ Жиль-Блазъ, желаю вамъ всякаго благополучия и немножко побольше вкуса».

Урокъ очень миль и пригоденъ для всякаго времени; но мы считаемъ не лишнимъ обсудить его еще съ одной стороны, о которой Лесажъ и не догадывался, со стороны медицинской. Когда статуя поражаетъ насъ граціей или благородствомъ характера, величиемъ или глубиною идеи въ ней выраженнымъ, то я полагаю никто не запретитъ анатому взглянуться въ нее внимательно чтобы решить: есть ли въ этомъ мраморномъ или бронзовомъ тѣлѣ необходимый скелетъ для поддержки частей его, точно ли въ этихъ членахъ и этомъ торсѣ, фиктивные мускулы передаютъ реальный ихъ прототипъ, и наконецъ въ этомъ смиющемся, озабоченномъ, или тревожномъ, или проникнутомъ страстью лицѣ, вѣрою ли уловилъ художникъ черты, какія должны на немъ отпечатываться каждый пучекъ мускуловъ въ его естественной связи съ ощущеніями, испытываемыми въ мозгу. Хотя, конечно, есть вещи прекрасныя, не изпрая на ихъ неправильность, но тѣмъ не менѣе вѣрою, что въ основаніи всякой красоты лежитъ реальная истина и что тѣмъ ближе гений къ идеалу, чѣмъ ближе онъ къ правильности. Подъ правильностью, я разумѣю здѣсь вѣрную передачу природы.

Затѣмъ, въ разсказѣ Лесажа есть крупный промахъ. Для него какъ и для всѣхъ, человѣкъ пораженный аноилексіемъ, послѣ удара, въ нравственномъ отишепіи тотъ же, какимъ онъ и прежде былъ. Но для медика это не такъ. Аноилексія — поражаетъ непосредственно органы мысли и чувствъ, и тѣмъ отличается отъ посредственныхъ процессовъ, могущихъ пройти безслѣдно, что всегда оставляетъ за собой неизгладимые слѣды. Всѣдѣстіе нарушенія питания и измѣненій въ капиллярномъ кровообращеніи, въ мозгу происходитъ кровоподтеканіе. Въ пѣкоторыхъ случаяхъ смерть наступаетъ немедленно, въ другихъ немногого позже. Наконецъ, въ случаяхъ благоприятнаго исхода, начинается процессъ восстановленія: кровь частью вса-

сывается, частью сгущается въ свертокъ, который затѣмъ постепенно сжимается въ меньшій объемъ, образуется рубцовая ткань. Это послѣдніе, однако, не можетъ вполнѣ замѣнить разрушеное въ этомъ мѣстѣ первое вещества, отправление котораго по этому всегда болѣе или менѣе нарушается, что имѣеть всегда послѣдствіемъ болѣе или менѣе важный недостатокъ самаго отправленія.

Все соотвѣтствуетъ этой анатомической картинѣ. Больной цѣшатулся и упалъ. У него отнялась одна сторона. Когда его привели въ чувство, языкъ его плохо дѣйствовалъ; онъ произносилъ съ трудомъ и невнятно, мысли его неясны, онъ сдва сознавалъ то, что съ нимъ случилось. Въздоровленіе несовершенно: человѣкъ остается немощенъ и поврежденъ въ которой нибудь изъ его способностей умственныхъ или нравственныхъ. Даже въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ, если апонлексія была не сильна и больной сохранилъ возможность принимать дѣятельное участіе въ жизни и заниматься своими дѣлами, въ немъ обнаруживается болѣзньная чувствительность; то онъ раздражителенъ и угрюмъ, то онъ волнуется по такимъ поводамъ, которые прежде не волновали бы его и при малѣйшемъ впечатлѣніи, голосъ его дрожитъ, и на глазахъ выступаютъ слезы.

Двадцать два вѣка тому назадъ, процессъ этотъ былъ буквально то же. Гиппократъ говорилъ объ апонлексіи тоже, что говоримъ мы. Тогда какъ и теперь, маленькие сосуды мозгового вещества склонны были къ разрыву, тогда какъ и теперь этотъ разрывъ вредилъ равновѣсію умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, тогда какъ и теперь восстановленіе было невѣрно, медленно, несовершенно. Различіе только въ сравнительномъ значеніи двухъ эпохъ, Гиппократъ зналъ только симптомы болѣзни и онъ изучилъ ихъ тѣмъ совершенствомъ, которое заслужило ему имя отца медицины; но онъ вовсе не зналъ совершающагося внутри, за этими симптомами, и въ особенности совершающагося въ мозгу людей пораженныхъ ударомъ, что собственно и выражается въ словѣ апонлексія. Въ наше время, благодаря диссекціи мозга въ трупахъ погибшихъ отъ этой болѣзни, диссекціи, произведенной по всѣмъ стечениямъ поврежденія, наука успѣла выяснить все сочиняющіе факты, начиная отъ кровоизлѣянія въ мозговомъ веществѣ до захвата сосудовъ, такъ что и діагнозъ и прогнозъ прѣобрѣли

большую определенность. Но въ тоже время, мы можемъ прикоснуться руками къ границамъ науки, определенными границами самой природы; разрывъ будетъ всегда разрывомъ; кровоизлѣяніе будетъ всегда угнетать мозгъ, замкнутый въ порастяжимомъ, костяномъ ящикѣ, рубецъ никогда не востановить разрушенаго. Единственное, что остается доступнымъ для медицины, это второстепенная и вспомогательная работы, клонящіяся къ тому чтобы способствовать къ заживленію, или чтобы отвратить рецидивъ. Судите же послѣ того о небѣжестѣ общества, воображавшаго что апологетиковъ можно поднять на ноги всеністичными словами, манипуляціями магнитезеромъ или тайнами колдуною.

И нечего удивляться тому, что Лесажъ не подумалъ о возвращеніи, которое медицина могла бы сдѣлать на его остроумный разказъ. Въ ту пору когда онъ писалъ, мѣніе богослововъ, оправшееся на ихъ вѣрованія и мѣніе философовъ, психологія которыхъ не отличалась въ сущности отъ богословской, и таконецъ мнѣніе медиковъ еще колебавшихся между наслѣдованіями своего искусства и приговорами католического духовенства, все сходилось къ тому, что причина мысли кроется въ «нечестивой сущности», отличной отъ органовъ, служащихъ ей временною темницей. Какимъ же путемъ литераторы того времени, стараясь олицетворить въ разсказѣ своею иѣкоторыя черты человѣческаго характера, могъ-бы прийти къ догадкѣ, что какое нибудь поврежденіе мозга должно было имѣть значительное влияніе на привычный и умственный характеръ этой «не вещественной сущности» и измѣнить разу, какъ она измѣняется въ глазахъ физиологии, привычную имѣніемъ поступка. А между тѣмъ онъ пишетъ, что аномалія понижаетъ умственныя способности, но онъ пишетъ, что она ослабляетъ тоже и нравственность, и вотъ почему его книга не лишена была одной изъ самыхъ лучшихъ глинъ.

Архіепискомъ Гренадскій проповѣдникъ не былъ таланта, но мѣнію своихъ прихожанъ, человѣкъ иѣзукій, утинающійся добрымъ плодомъ своихъ проповѣдей, тщеславный конечно, но такого рода тщеславіемъ, которое едва сознаетъ себѣ и смягчено иѣкоторыми упреками совѣсти. О человѣкѣ, изображенномъ такими чертами, если бы онъ и опустился ниже своего уровня вѣдѣстіе той безнечности, которую иногда внушаетъ усѣхъ, или какъ мы перѣдко

видимъ вслѣдствіе доведенія до крайности избраннаго рода литературы,—о такомъ человѣкѣ никакъ нельзя съ увѣренностью сказать, что онъ не выслушалъ бы Жиль-Блаза съ болѣею умѣренностью. Онъ вспомнилъ бы обѣщаніе полной искренности, которое онъ самъ потребовалъ; онъ не упустилъ бы совершенно изъ видѣя жестокаго затрудненія, въ которомъ бѣдный его секретарь поставилъ былъ противъ воли, между двумя опасностями: сказать или умолчать. Онъ вспомнилъ бы о случайностяхъ творчества, онъ допросилъ бы самъ себя, или спряталъ бы у постороннихъ. Словомъ, у человѣка здороваго, авторское тщеславіе еще не совсѣмъ безнадежный недугъ; но онъ безнадеженъ у апоилектика, и если бы въ наше время какой нибудь Лесажъ взялся опять за подобную тему, пріятель его физіологъ сказалъ бы ему: остерегитесь, вынустите совсѣмъ апоилексію и унірайте единственно на самонадѣянное дурачество, ослѣпляющее иныхъ писателей, иначе вы не самолюбію ихъ прочтете урокъ, а безразсудству Жиль-Блаза, который дѣйствуетъ такъ, какъ будто апоилексія оставляла все въ прежнемъ видѣ.

Между тысячами другихъ примѣровъ разрушенія, производимаго неумолимымъ недугомъ въ сферѣ умственныхъ силъ, вотъ одинъ рѣдкій и любопытный, о которомъ упоминаетъ знаменитый учёный, Бруссоне. «Всѣ мысли больнаго были, правда вѣрины и здравы; всѣ свѣдѣнія которыя онъ имѣлъ, когда либо, припоминались имъ безъ особой трудности, всѣ люди, которыхъ онъ зналъ, были живы у него въ памяти; языкъ его, хотя дѣйствовавшій съ иѣкоторымъ затрудненіемъ, выговаривалъ однакоже довольно вѣрно всѣ звуки, но по какой-то роковой странности, онъ не могъ назвать ни одного имени существительного и, слѣдовательно, ни одного имени собственнаго. Имена эти впрочемъ, также какъ прилагательныя и какъ глаголы, существовали у него въ памяти, потому что онъ узнавалъ ихъ легко, когда ихъ произносили въ его присутствіи. Онъ могъ читать свободно и понимать безъ труда книги на всѣхъ, когда нибудь знакомыхъ ему языкахъ; но когда онъ пробовалъ самъ писать, буквы, составляющія слова, не приходили болѣе ему на память и онъ бросалъ перо съ какимъ-то отчаяніемъ. Большой создалъ себѣ родъ особаго языка. Такъ взамѣнъ именъ собственныхъ, которая онъ не могъ ни выговаривать, ни написать, онъ

скучивалъ эпитеты: онъ называлъ одного изъ своихъ друзей г. Боска, тотъ котораго я очень люблю; Дефонтана большой добрый скромный» (Де-Кандоль. Похвальное слово о Бруссоне). Требуйте же отъ человѣка въ такомъ положеніи, чтобы онъ отвѣчалъ добродушно Жиль-Блазу, осуждавшему его проповѣди.

Но спрашивается, что-жъ мы выигрываемъ отъ прогресса науки и отъ этого точнаго знанія перемѣнъ, происходящихъ въ мозгу человѣка, котораго поразила апонлексія. Если Жиль-Блазъ скажетъ, что онъ жестокъ, если смолчить, — то онъ угодникъ и льстецъ, Что-же онъ сдѣлаетъ? Онъ смолчить и не станетъ отъ этого ни угодникомъ ни льстецомъ; умудренный медициною онъ долженъ понять, что онъ имѣеть дѣло съ неизлечимымъ недугомъ, а не съ неодолимымъ тщеславиемъ.

Не надъ Жиль-Блазами хотѣлъ нась заставить смѣяться Лесажъ, а надъ архіепископами Гренадскими. Онъ зналъ ихъ не мало.

Только надо оставить въ покоѣ апонлексію; она извиняетъ заранѣе всякий упадокъ, всякую раздражительность и упрямство, нравственныхъ новрежденія, которыя дѣлаетъ неизлечимыми начальчимость новрежденія анатомическаго. И безъ апонлексіи человѣкъ можетъ опуститься нравственно вообще или сдѣлать промахъ въ частномъ случаѣ, и тогда всякий въ правѣ потешаться забавами зрѣлицемъ слѣнаго самолюбія, неспособнаго оглянуться на самаго себя, всегда готоваго взять за илечи и вынуждать изъ кабинета того докучливаго Жиль-Блаза, который зовется общественнымъ мѣшаниемъ.

Лесажъ хотѣлъ заставить смѣяться и онъ успѣлъ въ томъ; хотѣлъ исправлять и тоже успѣлъ, потому что постъ него, архіепископъ Гренадскій остался типомъ незабываемымъ. Исправимость и неисправимость суть нравственныхъ условій, зависящихъ отъ природы лица и въ особенности отъ возраста его. Сиѣть — большой исправительный домъ, гдѣ ежедневные случаи жизни наши учителя. И мы на хорошемъ пути къ самоусовершенствованію, если мы допускаемъ рядомъ съ необходимостью жить и действовать, которая увлекаетъ насъ всѣхъ, идею о поученіи, изложенной наъ явленій жизни и обѣ извѣстной степени исправимости, которую мы одарены. Самообольщеніе не есть исключительный грѣхъ сочинителей или писателей; мы можемъ очень удобно изучать его съ психологической точки, въ послѣдніе годы правления императора Наполеона I, который, по

выражению Сегюра, подавлять своимъ презрѣніемъ военные и политическія события, которыхъ становились понерегъ его дороги и шагалъ отъ осѣнія къ осенію до Москвы, не извлекая урока, изъ 1812 г. для 1813 г. изъ 1813 г. для 1814 г. изъ 1814 г. для 1815 г. Странній Жиль-Блазъ—события, годъ отъ году выталкиваются за двери императорствующимъ архиепископомъ гренадскимъ и это, замѣтимъ, безъ апоплексіи или какого-либо другого равносильного оправданія, кромѣ гордыни опьяненной счастіемъ и деспотической властью.

Сатирическій урокъ Лесажа неприменимъ ко всѣмъ. Есть люди, подобно Корнелю слѣпые самыи невинныи изъ осѣній, не составляющими недостатка душевнаго. Этотъ великий человѣкъ написалъ съ совершеніемъ и, прибавлю, трогательнымъ простодушіемъ, разборъ своихъ собственныхъ письмъ; но также какъ онъ никогда не умѣлъ отличить Виргилія отъ Лукана, также въ его гла-захъ не существовало различія между Сидомъ и Пертаритомъ, между Гораціями и Агезилаемъ. Для него всѣ эти произведенія были равносильны. Въ одномъ посланіи, адресованномъ имъ въ глубокой ста-рости къ Людовику XIV, посланіи, въ которомъ, сказать мимоходомъ есть превосходные стихи, онъ говоритъ, «что достаточно было бы одного взгляда королевской милости, чтобы вновь поставить его на ряду съ его счастливымъ соперникомъ, котораго публика опьяняетъ своимъ одобрѣніемъ, и чтобы заставить эту послѣднюю аппло-дировать какому-нибудь Оттону или Атталѣ не менѣе чѣмъ Бри-танику или Митридату». Дальше мы видимъ его пораженнаго смуще-ніемъ какой-нибудь Беремикой, изъ которой вся грація, нѣжность и вкусъ Расина не въ состояніи были сдѣлать ничего кромѣ рас-тянутой идиотіи. Чѣмъ дальше онъ идетъ, тѣмъ ниже падаетъ; чтобы вновь подняться ему нужна была бы вся зоркость, которая заста-вила Расина въ своей Гоѳоліи создать новаго рода драматиче-скія произведенія. Но Корнель не могъ никогда похвастаться та-кою зоркостью; онъ до конца остался замкнутъ въ кругѣ типовъ, соединившихъ испанскую спесь, римскую гордость и монархиче-скую стану, соединеніе, которое было отраженіемъ жизни того вѣка и привито обществу послѣдняго времени царствованія Людовика XIII со и регентства Анны Австрійской; попытно, что типы эти, не обновлены, находились подъ дряхлѣющей рукой Корнеля. Отъ этихъ

гениальныхъ слѣпцовъ ие требуйте ничего, кромѣ того что они могутъ дать подъ вліяніемъ порыва вдохновенія.

Но гениальные слѣпцы рѣдки: массѣ людей нужны уроки и она не отказывается отъ нихъ. Желчный Вольтеръ исправлялъ и передѣлывалъ свои трагедіи, по малѣйшему замѣчанію своего вѣрнаго д'Аржентала; два знаменитыхъ пріятеля Расинъ и Буало, оказывали другъ другу цензорскія услуги. Однако, и этого оказывалось порой недостаточно. Когда Буало предпринялъ оду, родъ наиболѣе несвойственный генію, то онъ просилъ у Расина критическихъ соѣтovъ и получалъ ихъ; но эти соѣты не измѣнили къ лучшему жалкую работу. Буало сказалъ:

«Влюбленный въ себя и обольщенный собою геній.

Часто не понимаетъ себя, ни своего назначенья.

При всей своей проницательности, онъ тяжело погрѣшилъ противъ правила имъ самимъ преподанного. Онъ столько же неспособенъ былъ сочинять оду, какъ неспособенъ былъ создать эпическую поэму тотъ стихотворецъ, который по собственному его забавному выражению:

Преслѣдуя Монсая въ степи,
Тонетъ въ морскихъ волнахъ съ Фараономъ.

Дворъ, правда, требовалъ отъ поэта этой оды, которую англійскій бардъ такъ жестоко обратилъ противъ него же самого, впослѣдствіе, когда союзники взяли обратно Пампоръ въ руки французской арміи, равно черезъ три года послѣ того, какъ полководцы Людовика XIV-го взяли его въ присутствіи англо-голландскихъ силъ. Буало слѣдовало бы отказаться отъ части написанной ему и уступить ее Расину, который, судя по хорамъ своихъ трагедій, былъ истинный и великий лирикъ. Неужели же Буало не угадывалъ къ какому могущественному полету способенъ былъ другъ его въ случаѣ, если бы слава Малерба искусила его или, вѣриѣ сказать, если бы онъ опередилъ свой вѣкъ, выбился изъ атмосферы двора и узкаго классицизма, чтобы искать идохновенія въ глубинахъ природы или души. Но можно ли опередить свой вѣкъ?

Чтобы не обмануться въ себѣ и сносить назначеныя необходимо устроить себѣ родъ термометра и избрать мѣрой сравненія какой-

нибудь образецъ, наиболѣе подходящій къ роду нашего ума, нашему вкуса и нашихъ занятий. Вольтеръ, какъ поэтъ драматический, чтобы не обмануться въ себѣ, избралъ себѣ такой мѣрой Расина, гармонія, изѣнность, правильность и красота котораго имѣли въ его глазахъ безконечное обаяніе; и какъ имъ живо было его самолюбіе, въ мѣра эта внушила ему искреннее смиреніе. Онъ признается въ этомъ открыто, и передъ этой поэзіей, неутомимо имъ восхвалимо мой, ему не приходитъ и въ голову величаться тѣмъ восторгомъ, который его собственные труды возбуждали на сценѣ. Его современники цѣнили очень высоко его драматическій геній; нашъ вѣкъ понизилъ эту оцѣнку значительно; но надо отдать ему справедливость: онъ не увлекался восхваленіями и никогда не терялъ въ виду того разстоянія, которое отдѣляло его отъ Расина. Онъ далъ себѣ рѣдкій примѣръ ума, способнаго судить ясно въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ собственная оцѣнка, примѣръ совершилъ противоположный архіепископу Гренадскому. Но Вольтеръ не имѣлъ анонекспического припадка, не имѣлъ и припадковъ самообольщенія; онъ до конца сохранилъ ясную голову и полное обладаніе своими силами, которымъ, чѣмъ болѣе онъ приближался къ концу своей жизни, тѣмъ усерднѣе посвящалъ дѣлу общественному, и которыми онъ распоряжался съ такимъ же рѣдкимъ благоразуміемъ какъ и успѣхомъ.

Мудрость предписываетъ слѣдовать добрымъ примѣрамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ себя философіи, и я тоже избралъ себѣ образецъ, служащій миѣ мѣрой сравненія; это великое твореніе Огюста Конта, не на счетъ стиля, — хотя я не одобряю строгости, съ которойю судятъ о немъ люди запуганные философическими нововведеніями и вымѣщающіе свой страхъ на его фразѣ, подъ чьемъ слишкомъ многосложной, но никогда не праздной. Я вѣрятъ его, какъ учителя положительной мысли, первого, подчинившаго ей весь міръ человѣческихъ знаній. Здѣсь я нахожу обширный кругозоръ, могущество комбинацій, связь выводовъ, плодотворность идей; здѣсь я доволенъ, чувствуя себя ученикомъ, вѣнчоромъ поколѣній возрождающимъ ученіе его. Въ членіи этого образца, я каждый разъ почерпаю себѣ урокъ недовѣрія и вѣрѣній, увѣренности, — недовѣріе когда я усматриваю въ его величию, все чѣмъ требуетъ новая философическая работа, увѣренности, — когда

и замѣчаю до какой степени устойчива и надежна приготовленная нами для насъ почва.

Есть и еще термометръ, второстепенный терминъ сравненія которымъ не должно пренебрегать — это перечитывать себя. Дѣло это, повѣчно, если мы имъ занимаемся не ради самоуслажденія, весьма поучительно. Мы узнаемъ изъ него, до какой степени сильно, хотя и незамѣтно, мы измѣняемся. Идеи не представляются уже намъ въ ихъ прежней связи; здѣсь мы желали бы кое-что прибавить, тамъ вычеркнуть: здѣсь мы согласны съ собой, тамъ неѣть; здѣсь мы дивимся, что нами избранъ былъ этотъ способъ развитія идей, такъ что мы не замѣтили пути къ обширнымъ соображеніямъ, вороче, человѣкъ видитъ себя кругомъ измѣнившимся, хотя и тождественнымъ. Остаться вѣрнымъ себѣ въ развитіи — это великое дѣло. Какъ тѣжело и горько должно быть на сердцѣ у человѣка, когда сжигая нѣкогда обожаемые и обожая однажды сожжenoе, онъ разбиваетъ себя самаго и свою интеллектуальную личность, какъ-то сдѣлать на нашей памяти знаменитый Ламенѣ; и напротивъ, какая отрада, какая ясность, какое глубокое счастіе, если въ порядкѣ идей, въ которыми насъ привели, какъ изученіе общества такъ и наше личное изученіе, мы видимъ родственное движение впередъ, которое все расширяетъ, все укрѣпляетъ и дѣлаетъ изъ простаго, свободнаго мыслителя, какимъ я былъ — философа-позитивиста. Сравнивая себя прилежно съ самими собой, мы узнаемъ въ чёмъ мы потеряли, въ чёмъ выиграли, мы держимъ въ рукахъ и хранимъ непрерывную нить собственаго развитія; мы не безъ пользы для себя позуаемъ себя и въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ, если это даетъ намъ возможность не ошибиться въ себѣ подъ старость.

Старость!. Г-жа де-Севиньѣ смотрѣла на приближеніе ея съ ужасомъ, естественнымъ для такой хорошенькой женщины, жаловавшася на законъ природы, осудившей ее, помимо согласія ея, родиться, стариться, умереть и наконецъ, убѣгая отъ этихъ мрачныхъ мыслей, взывала къ волѣ Божіей тономъ, въ которомъ не рѣдко слышны отголоски учений св. Августинія и Янсена¹). Въ сущности,

¹⁾ «Мнѣ кажется, что я насильственно привлечена къ роковой грани, на которой мы вынуждены переносить старость; я вижу ее, она здѣсь и мнѣ бы хо-

старость, какъ впрочемъ и другія явленія жизни ясно доказываютъ, что одни поутомимые законы природы, управляютъ нашей судьбою. Если бы вмѣсто нихъ управляла какая-нибудь благодѣтельная подшебная сила, то еслибы она захотѣла, чтобы мы умирали, она и вѣрою въ тоже время устроила бы, чтобы мы не старились, чтобы мужчины хранили въ себѣ до конца всю полноту своей возможнѣсти, а женщины всю полноту своихъ прелестей. И пусть они не возражаютъ, что законы природы проявляются благодѣтельно, когда заставляютъ насъ стариться, чтобы пріучившись утрачивать, постепенно жизнь, мы наконецъ способны были разстаться съ ней безъ сожалѣнія. Аргументъ имѣлъ бы еще какой-нибудь вѣсъ, тамъ какъ дѣйствительно смерть для человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, тяжелѣ чѣмъ для старика, если бы всѣ достигали до крайнихъ границъ долголѣтія, т. е. до возраста, о которомъ Фонтенель говорить первѣжнѣй сто лѣтъ, что въ немъ чувствуетъ трудность существовать, угасая безъ муки и безъ сожалѣнія. Но старость подобного рода есть удѣлъ немногихъ, избранныхъ; массы людей не достигаютъ ея, и говоря словами Малерба: «сколько свѣтлокудрой молодости склоненой преждевременно, теряетъ въ мукахъ быстрого или медленного угасанія ту жизнь, которая, какъ надѣялись окружающіе, дана не на столь краткій срокъ и не на столь скучное пользованіе».

Оставимъ мечты и взглянемъ на старость дѣйствительную, съ короткимъ срокомъ жизни передъ собой и съ близкой развязкой въ виду. Фенелонъ восхищается старостью и вкладываетъ въ устѣ своихъ молодыхъ людей желаніе перейти какъ можно скорѣе опасный промежутокъ жизни, чтобы достигнуть сразу того великаго возраста, когда угасли страсти и мудрость невозмутимо владычествуетъ надъ человѣкомъ. Ж. Ж. Руссо напротивъ, въ восторгѣ отъ молодости съ ея щедрыми обѣщаніями и въ виду ея цѣнить низко тѣль возрастъ, когда все сжимается и убываетъ. Пусть же

тѣлосъ, покрайней мѣрѣ, устроится такъ, чтобы не идти далѣе по пути недуговъ, страданій, потери памяти, искаженій, грозящихъ меня оскорбить; и вотъ я сплю голосъ, который мнѣ говорить: «надо идти противъ поли, или если не сопротивляться — умереть — крайность противная природѣ. Вотъ участъ всего что заставить слишкомъ далеко впередъ, но возвратъ къ волѣ Божіей и ко всеобщему покончить, искрѣ осуждающему, смиряетъ разумъ и внушаетъ терпѣніе».

старикъ не обольщается Фенелономъ и не отчаявается съ Жанъ-Жакомъ. Онъ никогда не стоитъ молодаго, но если разрушительная рука времени не слишкомъ жестоко съ нимъ обопасла, онъ можетъ еще имѣть свою цѣну и для себя и для другихъ. И въ юности, только цѣною своей для другихъ, старость еще имѣть силу и для себя. Въ области мысли и чувства, сфера безличнаго мыса остается доступна для ней. Тогда, если намъ посчастливилось заинтересоваться какою-нибудь философскою работою, ученою, или соціальною, мы отдаемъ ей свою старость тѣмъ беззаботнѣе и полноѣ, чѣмъ меныши осталость нещѣй способныхъ наслѣдовать отъ нея, и съ тѣмъ большинъ рвениемъ, что не большой статокъ времени, оставшійся намъ можетъ быть употребленъ только на такого рода цѣли. Нужно много усилия и нужна бдительность, чтобы поддерживать себя, насколько то возможно для организма вступившаго въ фазисъ упадка и разрушенія. Нѣкто г. Гераръ изъ Іоннелье доказывалъ, называя это живучестью (буквально нестарѣніе) интелектуальной силы, что разумъ, неподчиненный законамъ ма, не долженъ старѣться. Онъ былъ спиритуалистъ и я понимаю, то это старѣніе интелектуальной силы всегда должно было беспокоить людей, считающихъ умъ атрибутомъ несущественныхъ имъ. Но живучесть чего бы то нибыло въ жизни существъ есть изюргическое заблужденіе. Все общее наблюдение убѣждаетъ, что старикъ постоянно утрачиваетъ не только не приобрѣши, но даже не вознаграждая потери. Съ своей стороны патологическая анатомія доказываетъ, что съ накоплениемъ летъ, въ мозгу совершаются неизбѣжныя перемѣны, которымъ соответствуютъ патческія измѣненія въ объемѣ. Правда, что можетъ какъ органъ изже другихъ достигающей зрѣлости, позже и начиняется старѣться.

И нѣкоторымъ привилегированнымъ патурамъ дѣйствительно цается сберечь до глубокой старости рѣдкую силу. Такъ очень давно еще мы видѣли съ удивленіемъ г. Бю: изъ глубокой старости онъ трудился, писалъ, сочинялъ, расширялъ щедро свою столь рялой уже рукой сокровища своего глубокаго знанія, своей любви къ наукѣ и своего высоко выработанного изощренства. Но исключения эти, къ тому же неиздѣко встрѣченная и въ отношении тѣла крѣпкихъ здоровыхъ старцахъ, скорѣй подтверждаютъ, нежели нарушаютъ правило. Самъ г. Бю подъ старость, не былъ бы

уже способенъ къ великимъ математическимъ и физическимъ работамъ, составившимъ его славу. По этому онъ и отказался отъ подобного рода трудовъ: онъ популяризовалъ, изслѣдовалъ, воинялъ, критиковалъ, — короче онъ освѣщалъ науку, но уже не расширялъ ее. Способность къ зачатію и созданію, вотъ что отъчаетъ человѣка въ полнотѣ зрѣлости отъ старика въ упадкѣ. Но за отсутствіемъ этого, ему остается еще, если судьба благосклонна, помогала ему, и онъ самъ помогалъ судьбѣ, — ему остается миръ душевный, ясность идей, богатство знанія, широта сужденій и инициатива, въ счастливыхъ минутахъ, кое-какія прощальныя улыбки молодости. Если-жъ, напротивъ, судьба и организація не благопріятствовали ему, то, по привычкѣ наблюдать за собой онъ это чувствуетъ, видитъ и поступить какъ знаменитый физикъ Фаредей, просившій у своихъ слушателей отставки. «Постепенное ослабленіе памяти и другихъ способностей даетъ тяжело себя чувствовать, и я долженъ былъ помнить вашу благосклонность, чтобы довести дѣло мое до конца. Если случится, что я засижусь въ роли преподавателя, или неудовлетворю ожиданіямъ, то незабудьте, что вы удержали меня на моемъ мѣстѣ. Я желалъ сойти со сцены, какъ долженъ сдѣлать каждыи чувствующій, что силы его слабѣютъ; но признаюсь, привязанность къ этой залѣ и къ посѣщающимъ ее такъ велика во мнѣ, что мнѣ трудно сознаться, что часъ удаленія на покой пробилъ. И вотъ такимъ образомъ, старикъ, вместо того чтобы быть смѣшнымъ, представляетъ трогательное зрѣлище.

Вольтеръ разсказывалъ, что онъ водилъ на представление «Ворчуна» своего отца, который былъ самъ очень ворчливаго нрава, и тотъ сталъ послѣ этого нѣсколько менѣе ворчать. Подобнымъ же образомъ, благодаря Лесажу, Гренадскій архіепископъ на сценѣ заставляетъ задумываться самолюбивыхъ. Апоплексія здѣсь лишняя: по уроку не лишний, и онъ въ ходу, вошелъ въ поговорку. Авторы получали предостереженіе и публика тоже.

ХОЛЕРА ВЪ ПАРИЖЪ ВЪ 1832 ГОДУ.

Появленіе холеры было бѣдствіемъ слишкомъ ужаснымъ для бѣхъ странъ, въ которыхъ она разразилась; она не могла не присти въ недоумѣніе медицину и не овладѣть всецѣло, хотя и на ремя, вниманіемъ людей.

Начиная отъ береговъ Индійскаго Океана, гдѣ болѣзнь эта первые появилась, вплоть до самой Америки, которой также не чюло отъ нея пощады, вездѣ она наводила страшную тревогу на бѣ народы, которымъ угрожала, и безпредѣльный ужасъ на тѣхъ, реди которыхъ разражалась. Въ Парижѣ, тѣкъ давно уже забытому благодатнымъ своимъ климатомъ, налицоилось уже неякое воспоминаніе о тѣхъ мрачныхъ временахъ, когда чума свирѣпствовала реди населенія его, и мы, гордясь нашей цивилизаціей, забыли и думать о тѣхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ, которыя, отъ временіи до временіи, щепосылаетъ природа человѣческимъ поколѣніямъ. Эти ужасные эпидеміи, появляющіяся внезапно и неизвестно по никакой причинѣ, эти массы умирающихъ людей, падающихъ жертвами зловреднаго чиновенія болѣзни, эти тысячи испостижимыхъ смертей, предметъ всильныхъ гипотезъ для ученыхъ и алойбнющихъ, встрѣчавшихъ для темного люда, все это вмѣстѣ представляетъ одно изъ тѣхъ рѣлищъ, которыя наисегда запечатлѣиваются на памяти и въ истории народовъ. *Sunt lacrymae rerum et mortalia tangunt.*

Невѣжество всегда склонно къ фатализму, — не такова наука.

Медицина тотчасъ припялась за дѣло, чтобы уяснить себѣ сущность этой болѣзни, и если возможно, умѣрить ея опустошніи. Изученія эти продолжаются уже 17 лѣтъ; каковъ былъ ходъ и успѣхи ихъ, мы увидимъ ниже. При первомъ появленіи недуга въ 1817 г., англійскіе и французскіе врачи въ Индіи прежде всего принялись за описание симптомовъ этой болѣзни и старались отыскать какіе нибудь рациональныя основы для лечения. Но работы ихъ, какъ ни достойны онѣ уваженія, оказались слишкомъ неполными; и только въ Россіи, въ Москвѣ, можемъ мы заметить первый шагъ науки впередъ. Здѣсь принимаются за анализъ крови и находятъ въ ней разныя существенныя измѣненія. Химія принимаетъ участіе въ этомъ разъясненіи болѣзни. Второстепенныя пораженія начинаютъ обращать на себя большое вниманіе. Въ Германіи патологическіе наблюденія пріобрѣтаютъ большую точность. Вѣнскіе и берлинскіе доктора открываютъ присутствіе фоликулярной высыпки на кишкахъ, и съ большой отчетливостью описываютъ тѣ болѣзненныя явленія, которыя обыкновенно слѣдуютъ за холерными припадками. Они пробуютъ множество разнообразнѣйшихъ способовъ лечения, между прочимъ прибѣгаютъ даже къ введенію новой крови въ организмъ больнаго, но безуспешно. За то они возстановляютъ методъ холодныхъ обливаній, принятый у персіянъ, и изучаютъ дѣйствіе рвотныхъ въ холерныхъ случаяхъ.

Въ Англіи снова принимаются за химическія работы. Находить что русскіе медики ошибочно приписывали кислотныя свойства крови холерныхъ больныхъ, но за то наблюденіе ихъ относительно уменьшнія кровяной сыворотки оказывается вполнѣ справедливымъ. Кроме того находятъ въ крови недостатокъ нѣкоторыхъ солей, существенно необходимыхъ для ея нормального состоянія. Всѣ эти изслѣдованія бросаютъ свѣтъ па физіологическій механизмъ болѣзни, и отсюда является уангличанъ мысль испробовать новое средство. Они пытаются возвратить крови утраченныя ею соли, давань больному пріемы внутрь разныхъ растворовъ солей, или дѣлать инъекціи изъ подобныхъ же составовъ. Средства эти нерѣдко, имѣютъ успѣхъ.

Въ Франціи снова провѣряютъ и подтверждаютъ эти химическіе опиція, къ этому прибавляютъ изслѣдованіе дыханія больныхъ.

и находятъ, что воздухъ выдыхаемый холерными больными содержитъ болѣе кислорода чѣмъ тѣть, который выдыхается здоровыми людьми,—следовательно у больныхъ происходитъ меньшее поглощеніе кислорода и дыханіе ихъ такимъ образомъ неполно. Пробуютъ поэтому искусственное вдыханіе кислорода, но результаты получаются лишь самые кратковременные. Затѣмъ наука обогащается еще исколькими фактами изъ области патологической анатоміи.

Таковы, вкратцѣ очерченные, главные успѣхи по части изученія холеры. Въ настоящее время болѣанъ эта изнѣстна не менѣе всякой другой относительно своихъ симптомовъ и тѣхъ поврежденій, которыхъ она оставляетъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Если лечение далеко еще не такъ удовлетворительно, какъ можно было бы желать, то никакъ нельзя приписать это недостаточному количеству опытовъ. Все, что только могутъ доказать эмпиризмъ, изученіе симптомовъ, доказаніе патологической анатоміи, химическая излѣданія—все было принято въ соображеніе. И что же оказалось въ результатахъ? Во всѣхъ странахъ синеки умершихъ думть отиѣть, что тотъ медикъ, который потерять хотя немного менѣе половины своихъ больныхъ, не долженъ еще считать свою лѣченіе особенно неудачнымъ.

Холера, опустошившая Парижъ и оказавшая такоѣ губительное вліяніе на его населеніе, представляетъ чрезвычайно богатый материалъ для изслѣдованій. Можно рассматривать ее съ двухъ точекъ зрењія: или изучать саму болѣанъ, съ анатомической характерью, симптомы и разные способы леченія, или же, отбросивъ въ сторону все, что касается собственно такъ именованной патологіи, заняться только вопросами медицинской статистики. Комиссія занялась этой послѣдней цѣлью и разработала имѣющіе эти вопросы въ томъ сочиненіи, окоторомъ задѣсь идетъ рѣчь. Они собрали всевозможныя статистическія свѣдѣнія относительно движенія холерной эпидеміи въ епскомъ департаментѣ. И эти изслѣдованія стоятъ же полезны сколько и любопытны. Въ самомъ дѣлѣ, весьма важно было опредѣлить, какіе именно классы населенія подвергаются всего болѣе губительному вліянію эпидеміи вообще, или, по крайней мѣрѣ, собственно холерной эпидеміи; подвергаются ли болѣе болѣти люди или бѣдные, мужчины или женщины, старики или дѣти, люди профессій требующихъ усидчивости или напротивъ такихъ, которыхъ тре-

буютъ движенија на свѣжемъ воздухѣ; страдаютъ ли отъ нея болѣе улицы и жилища здоровыя, хорошо вентилированныя или, напротивъ, узкія и грязныя? Всѣ эти вопросы имѣютъ весьма существенныи интересъ какъ для науки, такъ и для общественнаго здоровья для науки въ томъ отношеніи, что узнавъ хорошо условія распространенія зла, можно легче доискаться причинъ происхожденія его; для общественнаго здоровья потому, что изъ каждыхъ вѣрныхъ статистическихъ давныхъ всегда можно извлечь полезныи практическіе выводы.

Работы комиссии отличались большой добросовѣстностью и точностью. Она ничѣмъ не иренебрегала чтобы собрать всевозможныи свѣдѣнія и сообщить читателямъ результаты своихъ вычислений. Краткій очеркъ этихъ работъ мы здѣсь представляемъ нашимъ читателямъ. Нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ холеры, относительно которыхъ и сами медики еще колебались высказаться положительно, появилось уже въ февралѣ и мартѣ 1832 г. Но, начиная съ 26 числа этого послѣдняго мѣсяца, появленіе болѣзни, принявшей угрожающій характеръ, вслѣдствіе безпрестанныхъ сношеній съ Англіей, уже зараженной, не подлежало болѣе никакому сомнѣнію. Четыре человѣка занемогли внезапно и умерли черезъ нѣсколько часовъ; первой жертвой былъ поваръ маршалъ Лобо жившій въ улицѣ Мазаринъ; затѣмъ умерла маленькая девочка изъ улицы Haut Moulin (Cité) потомъ уличная торговка изъ улицы des Jardins st. Paul, въ арсенальномъ кварталѣ, и наконецъ торговецъ лицами изъ улицы Mortelleuse въ кварталѣ Ратуши. Съ 31-го марта по 1 апрѣля эпидемія распространилась уже по всему городу; 3 апрѣля число смертныхъ случаевъ доходило уже до ста; девятаго умерло 814 человѣкъ; наконецъ 14-го апрѣля, т. е. черезъ 18 дней послѣ появленія этого ужаснаго бича насчитывало уже отъ 12 до 13,000 больныхъ и до 7,000 умершихъ. Тогда-то распространились въ народѣ тѣ странныя подозрѣнія въ отравлении, которымъ какъ нарочно благопріятствовала еще нелѣпѣшай прокламація полицейской префектуры, и вслѣдствіе этого въ Парижѣ разыгрались точь въ точь такія же сцены, какъ въ Петербургѣ и въ Венгрии. Странное и роковое слѣдствіе человѣческаго неизвѣстства и того помраченія умовъ, которымъ всегда сопровождаются всѣ великии общественные бѣдствія!

Холерная эпидемія въ Парижѣ продолжалась всего 189 дней и 27 недѣль, съ 26-го марта по 30-е сентября. Периодъ усиленія и возрастанія болѣзни продолжался 15 дней, периодъ ослабленія — 11. Замѣчательно, что въ тѣхъ кварталахъ города, гдѣ эпидемія появилась позднѣе, какъ напримѣръ во 2 и 3 округахъ, эпоха той сплошной смертности запоздала на столько-же, на сколько запоздала и самая болѣзнь. Такимъ образомъ, каждый отдельный ручъ представляется какъ бы отдельную полную картину хода эпидеміи и даже въ сельскихъ общинахъ мы находимъ тоже самое. 10 июня холера вдругъ пріобрѣла новую силу; однакоже этотъ рифчный приступъ ея, уже существенно отличавшійся отъ первыхъ своими безпрестанными переходами отъ усиленія къ ослабленію, въ此刻ъ различался еще и другими характеристическими чертами.

Такъ въ первое свое появленіе эпидемія употребила 15 дней на достиженіе максимума своей напряженности; при вторичномъ же приступѣ ея, на достиженіе этого максимума потребовалось болѣе времени (съ 17 июня по 18-е июля), и самый этотъ максимумъ, обозначенный 206 смертными случаями, далеко уступалъ въ силѣ первому, гдѣ число жертвъ доходило до 814. Такимъ образомъ, этотъ рифчный периодъ, при сравненіи его съ первымъ, различается отъ него въ большей продолжительностью и меньшою силой.

Холера похитила у столицы 13,901 жителя, въ первое свое появленіе и 4,501 во второе; всего 18,402 человека. Многие утверждаютъ въ то время и, можетъ быть, думаютъ до сихъ поръ, что эта эпидемія и такъ уже довольно значительная, въ сущности была болѣе и всего умерло отъ 30 до 40,000 человекъ. Но компания употребила всѣ зависанія отъ нея мѣрии, чтобы пропірить действительно ли умерло отъ этой эпидеміи только 18,402 человека.

Для такой пропѣрки существуютъ три источника: гражданскіе писцы, протоколы, посылаемые каждый месяцъ въ префектуру парламента и число погребеній записываемыхъ въ регистрахъ общинъ. Въ гражданскихъ спискахъ, съ 1-го апрѣля по 1-е октября, значится 32,240 умершихъ; въ мѣсячныхъ протоколахъ также 32,240; въ регистрахъ же кладбищъ — 32,478. Небольшой излишекъ замѣчаемый въ последнихъ слѣдуетъ принять какънибудь ошибочнымъ повтореніемъ въ отмѣткахъ госпиталей парія. Изъ этого видно, что всѣ эти три источника пропѣрки

даютъ согласия между собою показанія, и потому можно имѣть довѣріе къ цифре умершихъ отъ холеры. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что обыкновенная смертность не только не уменьшалась, но еще возрасла во время эпидеміи и даже послѣ ея исчезновенія еще долго оставалась усиленной. Всего въ Парижѣ умерло въ 1832 г. 44,199 человѣкъ. Если исключить изъ этого числа 18,400 умершихъ отъ холеры, остается 25,717 смертныхъ случаевъ. Средняя же годичная смертность за послѣдніе нѣсколько лѣтъ стояла на цифре 25,300. Все народонаселеніе Парижа во время появленія эпидеміи состояло изъ 785,862 жителей — слѣдовательно что каждые 100 человѣкъ холера унесла 2,35. Но въ сущности пропорція эта еще далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ весьма нѣятный ужасъ выгналъ изъ Парижа огромное число жителей.

Въ числѣ умершихъ отъ холеры насчитываются 9,170 мужчинъ и 9,232 женщины. Съ первого взгляда пропорція кажется почти равной, но въ сущности такое заключеніе ошибочно, такъ какъ въ общей массѣ народонаселенія состоящаго изъ 782,862 человѣкъ считая въ томъ числѣ гарнизонъ, существуетъ излишокъ 10,640 женщинъ. Если затѣмъ исключить гарнизонъ, нензлечимо болѣыхъ въ госпиталяхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ, оказывается что изъ 368,940 мужчинъ умерло 7,957 т. е. 21,61 изъ тысячи женщинъ же изъ 390,195 умерло 8,597, т. е. 22,03 изъ тысячи. Слѣдовательно женщины болѣе мужчинъ пострадали отъ эпидеміи.

Отношеніе возрастовъ къ смертности вообще, давно уже определено въ Парижѣ. Вліяніе холерной эпидеміи въ этомъ отношеніи слѣдующее: она увеличила на $\frac{1}{6}$ шансы ежегодно грозящей смерти для дѣтей моложе пяти лѣтъ; на $\frac{4}{10}$ для дѣтей отъ 5 до 15 лѣтъ; на $\frac{2}{3}$ для молодыхъ людей отъ 15 до 30 лѣтъ, и болѣѣ чѣмъ удвоила смертность особъ между 30-ю и 60-ю годами; смертность стариковъ тоже почти что удвоилась.

Средняя продолжительность холерныхъ припадковъ, у людей умершихъ отъ той болѣзни, была слѣдующая: 49 часовъ у дѣтей отъ одного года до пяти-лѣтнаго возраста; 52 часа отъ 5 до 10 лѣтнаго, 55 часовъ отъ 10 до 15 лѣтнаго и 64 часа для возрастовъ между 15 и 60 года, наконецъ для людей 60 лѣтъ и старше 60 часовъ. Такимъ образомъ сопротивленіе недугу находилось въ прямомъ отношеніи къ зрѣлости и крѣпости возраста.

Комиссія опредѣлила, что въ Парижѣ измѣненія въ темпера-
турѣ и въ направлении вѣтровъ не имѣли никакого вліянія на ходъ
мерной эпидеміи.

Равнымъ образомъ, она посвятила не мало труда въ изслѣдова-
ніи насколько болѣе или менѣе высокое положеніе кварталовъ и
меньшая или меньшая близость ихъ къ водѣ поклоняется на уси-
лѣніе холеры. Оказывается, что ни то, ни другое никакого замѣтнаго
влияния не имѣютъ. Кажется, какъ будто никакіе улицы пострадали
менѣе высокихъ мѣстностей, и улицы сырьи и узкіи болѣе сухихъ,
и тутъ разница не особенно значительна.

Но въ числѣ элементовъ способствующихъ развитію холеры,
одинъ наиболѣе сильный — это бѣдственное состояніе народо-
населенія. Азіатскій бичъ, проникнувъ въ наши страны, не избѣг-
аетъ подчиненія тѣмъ же законамъ, которые управляютъ и дру-
гими болѣзнями: всѣ онѣ наиболѣе смертельны тамъ, где пищета
шире, где люди скучены въ болѣйшій тѣснотѣ, где воздухъ не-
свѣженнѣе, чистота менѣе соблюдается, где пища малоизыскатель-
на и одежда недостаточна. Поэтому при составленіи медицин-
ской статистики, или при исчислении процента смертности, не стоитъ
обенно останавливаться наѣзъ вопросами: каково положеніе той
и другой мѣстности относительно солнца или вѣтровъ, относитель-
но зелени и воды, или какъ высоко лежитъ мѣстность или
ровнѣнь рѣкъ. Всѣ эти условия, конечно имѣющіе и некоторое зна-
ченіе, но лишь самое ограниченное, окончательно бѣдствуютъ и
пушевываютъ передъ однимъ, самимъ главнымъ условіемъ, отъ
котораго зависятъ все, — передъ большими или меньшими благосо-
стояніемъ населенія. Довольство, достатокъ уменьшаютъ смертность,
аже во время холеры, пищета увеличиваетъ ее. Эти истины вы-
ясняются всѣми тѣми драгоценными документами, которые собраны
коммиссіей и, чтобы увидѣть наглядно полное подтвержденіе этой
истины, стоитъ представить себѣ Парижъ, состоящій изъ двухъ
бывшихъ городовъ, изъ которыхъ одинъ обнимаетъ шесть первыхъ
круговъ, а другой шесть послѣдніхъ. Въ первомъ будетъ 383,390
жителей, немногіе болѣе половины всего народонаселенія Парижа;
изъ нихъ умерло 5,196 человекъ, т. е. почти 1,3 на сто. Во вто-
ромъ, изъ 375,745 жителей умерло 11,376 человекъ, или 3 на 100,
т. е. почти втрое болѣе нежели въ первомъ. Всѣмъ извѣстно что

первые шесть частей заключаютъ въ себѣ кварталы: Шоссе-д'Антен, Тюльери, Лувръ, Нале-Рояль и пр., т. е. все такие кварталы, где благосостояние находится на гораздо высшей ступени сравнительно съ кварталами Сенъ-Марсъ, Сенъ-Жакъ, Ситѣ, Отель - Дьё и пр. Наблюденіе показало также, что вообще смертность въ первыхъ шести округахъ представляетъ ежегодно менѣшія цифры чѣмъ въ шести послѣднихъ; здѣсь умираетъ одинъ изъ тридцати, а тамъ только одинъ изъ сорока.

Этотъ же результатъ можно прослѣдить въ Парижѣ во всѣхъ подробностяхъ его. Кварталъ Сорбонны, начинающійся отъ набережной С. Мишель, и постепенно возвышающійся вплоть до самаго Люксембурга, заключаетъ въ себѣ 11,900 жителей; это почти цѣлая маленькая городокъ. Смертность здѣсь доходила до 288 человѣкъ т. е., изъ каждыхъ 100 человѣкъ умирало почти по два. Распрѣдѣленіе этой смертности было и здѣсь очень неравномѣрно; въ низкой части квартала, гдѣ улицы узкія, народонаселеніе бѣдной тѣсноты страшная, приходился одинъ смертный случай на 32 человѣка — пропорція ужасающая; въ болѣе же высокой части города гдѣ условія совершенно противоположны, приходился одинъ умершій на 103 и 104 человѣка. Подобная разница чрезвычайно разительна и характеристична. Есть города, гдѣ холера свирѣпствовала исключительно только между бѣднѣшими классами, и начнѣлась она положительно вездѣ и всегда съ нихъ.

Расширение улицъ, очищеніе воздуха удаленіе источниковъ вредныхъ испареній, все это конечно будетъ всегда весьма полезно и мѣрой. Представьте себѣ только, на что былъ похожъ Парижъ въ весьма недавнѣе еще время. «Не болѣе какъ лѣтъ 60 тому назадъ говорить комиссія въ своемъ отчетѣ, улицы были вымощены камнемъ плохимъ образомъ, едва освѣщены и перенаполнены грязью, слякотью и всевозможными нечистотами. Дома высокіе, узкіе, мрачные возвышались надъ мостами и набережными. Самая вредная и самая отвратительная по своимъ процессамъ фабрики или ремесла какъ-то дубленіе кожъ, выдѣлка кишечныхъ струнъ, литейни, бойни, изъ которыхъ безпрестанно широкими ручьями вытекала кровь, до отгара иногда самой средины улицы, все это сосредоточивалось и сливалось въ центрѣ города. Даже самая смерть находила тутъ же складочини места для своихъ труповъ; самое обширное изъ нихъ на

называлось «Кладбищемъ Невинныхъ» и находилось въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь рынокъ того же имени. Двадцать приходовъ напротивождали ежедневно своихъ покойниковъ въ этой обширной пропасти, всегда готовой принять ихъ, несмотря на то, что она уже содержала въ себѣ болѣе миллиона труповъ. Въ теплые, сырье зимніе дни, изъ этого ужаснаго гнѣзда заразы поднимались испаренія до того зловреднаго, что они быстро разлагали въ окрестностяхъ всякие сѣйстные принасы и далеко распространяли самыя опаснныя болѣзни. Подъ плитами церкошихъ половъ также всегда страивались могилы и нерѣдко во время службы можно было чувствовать трупный смрадъ, поднимавшійся изъ глубины склеповъ и распространявшійся по всему храму. Госпитали представляли ужасающее зрѣлище; на каждой кровати лежало по нѣскольку человѣкъ больныхъ. Наконецъ внутренность тюремъ была до того отвратительна, что преступники нерѣдко предпочитали смерть пребыванію въ тюремѣ. Дѣйствительно Парижъ того времени не представлялъ особенно привлекательной картины.

Еслибы въ наше время онъ оставался такимъ же какъ тогда, нѣтъ сомнѣнія что дѣйствіе холеры оказалось бы еще болѣе опустошительнымъ. Но нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что всѣ эти мѣры предосторожности, хотя я отнюдь не хочу умалять значенія ихъ, занимаютъ лишь второспешенное мѣсто въ сравненіи съ главнымъ вліяніемъ, вліяніемъ пищеты. Холера, вызвавъ столько изслѣдований, раскрыла множество самыхъ безотраднѣхъ картинъ; ищеніе и бѣдность, которымъ нѣтъ названій, открылись въ разныхъ ужаснѣйшихъ трущобахъ города. Все что дѣлаетъ народъ здоровымъ и крѣпкимъ, имѣетъ прямое вліяніе на уменьшеніе смертности; а при современномъ состояніи цивилизаціи чѣмъ народъ бѣднѣе, тѣмъ здоровье и силы его слабѣю, особенно въ городахъ. И въ этомъ отношеніи смертность — періодическое слѣдствіе индеміи — подчиняется тѣмъ же самимъ законамъ какъ и смертность постоянная въ обыкновенное время.

Очень не лишнимъ было также прослѣдить вліяніе различнаго рода профессій, что и исподила комиссія съ большою обстоятельностью, прида при этомъ къ слѣдующему заключенію: «холера поражала съ наименѣней силой тѣхъ, которымъ профессія ихъ давала возможность защищаться отъ испогоды и разныхъ вліяній воз-

духа, или тѣхъ, которые по своему специальному положенію могли пользоваться иѣкотораго рода комфортомъ, и вообще тѣхъ, кто въ какомъ-нибудь ремеслѣ, въ какомъ-нибудь искусствѣ находилъ средства для безбѣднаго существованія».

Трудъ комиссіи заканчивается наблюденіями надъ движениемъ холерной эпидеміи въ окрестностяхъ Парижа. Здѣсь результаты оказываются такие же какъ и въ городѣ. Усердіе съ какимъ комиссія старалась собирать всевозможныя материалы для своихъ имѣній и сгруппировать ихъ въ рядъ самыхъ ясныхъ и разнѣе стороннихъ картинъ выше всякихъ похвалъ. Къ книгѣ своей она приложила планы всѣхъ кварталовъ Парижа, съ помощью которыхъ легко слѣдить за малѣйшими подробностями движения эпидеміи.

Всѣмъ извѣстно что холера до сихъ поръ еще не совсѣмъ оставила насть. Быть можетъ, не безъинтересно будетъ узнать числъ жертвъ въ первое время послѣ великаго ея нашествія. Всего насчитывается смертныхъ случаевъ еще 714; распределены они слѣдующимъ образомъ: въ 1832 г., въ октябрѣ 62; въ ноябрѣ 8; въ декабрѣ 105; въ 1834 г., въ январѣ 33, въ февралѣ 7; въ мартѣ 2; въ апрѣлѣ 1; въ маѣ 2; въ юнѣ 2; въ юлѣ 0, въ августѣ 3; въ сентябрѣ 100; въ октябрѣ 225; въ ноябрѣ 73; въ декабрѣ 57; въ 1834 г. въ январѣ 3, въ февралѣ 5, въ мартѣ 1; въ апрѣлѣ 0.

Пораженный тѣмъ непроницаемымъ мракомъ, который окружаетъ первоначальную причину болѣзни большей части болѣзней, одинъ знаменитый врачъ, Багиви, выразился слѣдующимъ образомъ: «Илий говоритъ, что причина, по которой мы живемъ, составляетъ для науки тайну; но, по моему, причина по которой мы болѣемъ, составляетъ еще большую тайну». Дѣйствительно, какъ ни изумительно, какъ на таинственно начало жизни, простолюдину не приходитъ въ голову удивляться ему; но когда холера напала на него съ такой яростью, онъ невольно пришелъ въ изумленіе и началъ осматриваться и доискиваться, что могло быть причиной столь необыкновенной болѣзни. Нужно сознаться, что медицина не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Причина холеры до сихъ поръ остается неизвѣстной. Болѣзнь совершенно новая, она впервые разражаетъ на нашихъ глазахъ, на берегахъ Ганга. Но кромѣ этой новизны си, какъ и мѣста происхожденія ея, нельзя сказать о ней ничего.

быть достовѣрного; и что именно зажгло этотъ ужасный пожаръ— то сихъ поръ остается неразгаданнымъ¹⁾.

Выше мы видѣли, какъ велика была смертность, причиненная болѣй въ Парижѣ— смертность дѣйствительно ужасная, но въ сущности она покажется намъ интересной, если мы сравнимъ ее съ той смертностью, которую причинила, напримѣръ, черная чума въ XIV-мъ вѣкѣ. Отъ этой болѣзни погибло во Флоренціи 60,000 человѣкъ; въ Венеціи 100,000; въ Марсели, изъ одинъ мѣсяцъ 16,000; въ Парижѣ 50,000; въ Авиньонѣ 60,000; въ Лондонѣ по крайней мѣрѣ 100,000. И всѣ эти цифры, какъ ни громадны, даютъ еще только слабое понятіе о всѣхъ ужасныхъ опустошеніяхъ, которыхъ она причинила. Во Франціи, во многихъ мѣстахъ изъ 20-ти цитаделей уцѣлѣло только два человѣка. Въ Парижскомъ госпиталѣ Отель-Дьё, умирало въ день по 500 больныхъ; вскорѣ кладбища были совершенно переполнены и множество домовъ остались совершенно заброшенными. Въ Авиньонѣ пана принуждены были прошатать заупокойныя молитвы надъ самой Ропой, чтобы можно было съ замедленіемъ бросать туда труны, за недостаткомъ кладбищъ. Въ Австріи, въ Вѣнѣ, гдѣ некоторое время умирало по 1,200 человѣкъ въ день, погребенія на кладбищахъ были запрещены и было, прыто за городомъ шесть большихъ ямъ, куда складывались труны по тысячѣ въ рядъ. Въ Лондонѣ въ одномъ мѣсяцѣ было зарыто 6,000 труповъ. Италия потеряла до половины своихъ жителей. Холера, какъ бы ни была она ужасна, далеко не можетъ сравниться съ черной чумой XIV столѣтія.

Съ 1832 г. по 1870 годъ, въ который мнѣ перепечатываются здесь всѣ эти свѣдѣнія, теорія холера, хотя искониѣ не подвинулась впередъ по части леченія, все еще ограничивающаюся тѣмъ, что называется указаніями, съ другой стороны сдѣлана иѣсколько усѣѣхъ, имѣющихъ довольно важное значеніе.

Дознаю теперь окончательно, что холера зиризительна подобно

1) Въ послѣднее время распространяется мнѣніе, что холера въѣхала въ Европу изъ Азіи, и что въ Египтѣ, въ которомъ Гиацинта Гонвократа встрѣчается описание болѣзни, поразительно подхожей на индійскую холеру и, можетъ быть, именно эта болѣзнь и попала на берегахъ Европы. Бѣзспорноѣ остается одно то, что изъ 1817 году, изъ первыхъ разъ холера распространялась за такое далекое расстояніе и приобрѣла характеръ систематической.

кори, скарлатинѣ, злокачественной жабѣ, чумѣ и желтой лихорадкѣ. Заразительное начало лежитъ главнымъ образомъ въ изверженіяхъ холерныхъ больныхъ.

До сихъ поръ неизвѣстно ни одной холерной эпидеміи на Землѣ, которой бы не предшествовала подобная же эпидемія въ Индіи.

Это навело на мысль поставить какую-нибудь преграду на пути распространенія холеры изъ Индіи на Западъ. Иправда, когда она уже достигнетъ густо населенныхъ странъ, какъ Россія, Гельштадтъ Германія, Англія, Франція и др., никакіе мѣры предосторожности не въ состояніи уже пресѣчь зло и оно неудержанно продолжаетъ подвигаться своимъ роковымъ путемъ; но въ томъ промежуткѣ, который наскѣтъ отѣдѣляетъ отъ Индіи, какъ со стороны Чернаго моря и Египта, такъ и со стороны Каспійскаго моря и азіатской Россіи, бдительная и строгая гигіена, подъ наблюденіемъ правительства, могла бы воспрепятствовать злу дѣлать такіе успѣхи, какіе оно дѣлало въ то время, когда всеобщее невѣжество и недостатокъ офиціальныхъ средствъ, лишали всякой возможности бороться противъ него. Теперь уже начинаются производиться опыты и въ ближайшемъ будущемъ мы увидимъ, насколько съумѣетъ практика подтвердить справедливость теоріи.

О МЕДИЦИНСКОМЪ УЧЕНИИ

известномъ подъ наявіємъ, учевія объ организаціяхъ (organicisme) ⁴).

Уже одно слово *органицизмъ*, которымъ озаглавлена книга г Ростана, возбуждаетъ въ моемъ умѣ мысль о томъ, какъ трудно говорить въ популярной статьѣ объ отвлеченныхъ вопросахъ медицины. Я говорю отвлеченныхъ, по тѣ изъ читателей, которые не затрудняясь техническимъ словомъ, рѣшатся прочитать мою статью до конца, увидяъ что въ ней есть отвлеченнаго и что какому роду принадлежитъ эта отвлеченностъ. Вопросъ именно въ томъ, чтобы не увлекаись воображеніемъ, обобщить факты весьма положительные; это всегда казалось невозможнымъ прежней философией, а современная призываетъ это свою основною задачею.

Всякая медицинская задача, или, проще сказать, всякая болезнь представляетъ двѣ стороны, тѣсно связанныя между собой, физиологическую и патологическую. Разсмотрѣніе органа и его дѣятельности въ здоровомъ состояніи составляетъ физиологическую часть всякой медицинской задачи; разсмотрѣніе того же органа и его дѣятельности въ болѣзненномъ состояніи составляетъ патологическую часть упомянутой задачи.

И такъ какъ, незная состояніе органа въ нормальномъ состояніи

^{*)} De l'organicisme, précédé de réflexions sur l'irréductibilité en matière générale, par M. le professeur Rostan. *Troisième édition*. Paris 1864.

нельзя получить понятія о разстройствѣ его, физіология имѣть первенство надъ патологіей; какъ ни сложны физіологіческія данныя, патологіческія представляются еще болѣе затрудненія, — въ по-слѣдніемъ случаѣ дѣло усложняется какимъ нибудь постороннимъ обстоятельствомъ, нарушающимъ правильный ходъ отравленій.

Но надо сказать, что развитіе не шло и не могло идти такимъ путемъ: физіологіческія вопросы не предшествовали въ умѣ человѣческому патологическимъ вопросамъ. Нѣтъ, болѣзни, страданія натолкнули людей на медицинскую науку; непобѣдимое желаніе помочь страданіямъ близкихъ, писать по словамъ старого Гомера, успокаивающія лекарства, для облегченія черныхъ недуговъ людскихъ. Обогатившись наблюденіями, логичные умы извлекли изъ нихъ правила для практики и науки. Вотъ какимъ образомъ развилаась древнія медицина; знаменитые люди Гиппократъ, Эразп-стратъ, Гіерофиль, Соранусъ, Галенъ первые стали писать о медицинѣ. Всѣ средства и пособія противъ разлѣчныхъ болѣзней, изобрѣтенные путемъ опыта и размышлений, заносились въ книги и школы.

По мѣрѣ того какъ изучались болѣзни, физіологическая сторона, тѣсно связанныя со патологической, все болѣе и болѣе заявляла о себѣ. Но развитіе ся не шло быстро, она обогащалась медленно, не будучи возведена въ науку, и находясь исключительно въ рукахъ медиковъ, въ глазахъ которыхъ она занимала второстепенное мѣсто. Наконецъ медицина произвела на свѣтъ эту великую науку — науку жизни или біологіи, безъ которой патологія не могла идти впередъ.

Умъ человѣческій такъ устроенъ, что можетъ интересоваться чисто абстрактной птицей, даже не предвидя какую пользу она можетъ принести. Упомянутая способность человѣческаго ума породила науки. Исторія учитъ, что искусства, порожденныя нуждами человѣчества, первыя пробудили способность увлекаться науками; время и соціальные преобразованія расчищали путь наукамъ. Самое большее развитіе получила физіология въ Греціи, тогда какъ въ другихъ странахъ она оставалась на самой первой степени развитіи, на которой осталась у некоторыхъ расъ. Драгоценное наслѣдіе науки выпало па долю западныхъ народовъ, которые одни только въ состояніи были обогатить ее новыми свѣдѣніями

и сдѣлать важнымъ достояніемъ человѣческаго рода. Стремленіе къ истинѣ, безкорыстное стремленіе, безъ всякой практической изнанки, давнымъ давно воодушевляетъ людей науки къ труду. Какъ утѣшительно за человѣчество видѣть то высокое безкорыстіе, то споюческое безпристрастіе, съ которымъ ученые стремятся къ познанію природы. И по мѣрѣ развитія этого стремленія, смиренная и пренебрегаемая дѣйствительность, получала большее и большее значеніе. Какъ скоро признали ее не только источникомъ истинѣ, но и источникомъ великой полызы—предъ владычествомъ ея преклонились не только ученые, но и практическіе умы; такимъ образомъ въ умственномъ и соціальномъ мірѣ современниковъ, стали преобладать тѣ принципы, которые въ прежнее время не имѣли на нихъ никакого вліянія.

Существенные элементы позитивной науки о жизни ясны. Нѣть жизни безъ организованной субстанціи, то есть субстанціи съ извѣстнымъ правильнымъ устройствомъ сложныхъ частей. Кромѣ того во всѣ позѣстнія памъ субстанціи входятъ частицы, изъ которыхъ состоитъ весь миръ земной. Всѣ органическія тѣла разлагаются на кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ и некоторые другія. Эти составные части и въ органическихъ тѣлахъ имѣютъ тѣ же физическія и химическія свойства, какъ и въ другихъ тѣлахъ; такимъ образомъ въ каждомъ живомъ тѣлѣ должны существовать извѣстный планъ, по которому и дѣйствуютъ свойства упомянутыхъ частицъ; безъ этого условія не можетъ быть жизни. Затѣмъ организованная субстанція проявляетъ извѣстное количества свойствъ, которыхъ она единственній источникъ. Я нарочно употребляю это выраженіе, чтобы произнести въ умѣ читателей то убѣжденіе, что всякое отдаленіе жизни отъ организованной субстанціи—есть метафизическое хитросплетеніе, безъ всякаго научнаго значенія.

Много прошло времени прежде чѣмъ дошли до мысли, что жизнь присуща организованной матеріи; въ иныхъ мысль эта стала преобладающей не болѣе 70 лѣтъ, до той поры метафизики искали присутствія жизни въ силахъ инѣихъ, сверхъ естественныхъ; люди, ближе стоявшіе къ дѣйствительности, приписывали ее физикѣ и химіи — единственнымъ матеріальцамъ силамъ, извѣстнымъ въ то время. Нѣчто подобное происходило въ астрономіи до появленія Ньютона: движенію небесныхъ силъ спачала при-

писывали какимъ то духамъ, сверхъестественнымъ силамъ, или полагали, что вихри двигаютъ небесными тѣлами, тогда какъ единственно сила присущая матеріи — тяготѣніе является источникомъ движения. Какъ скоро остановились на томъ, что жизнь тѣсно связана съ организованной субстанціей, послѣдняя сдѣлалась предметомъ изученія во всѣхъ условіяхъ и проявленіяхъ ея. Изученіе привело къ выводамъ, обобщенію ихъ — тому, что называется биологическими законами. Нашъ вѣкъ горячо и плодотворно работаетъ надъ преслѣдованіемъ этой трудной задачи. Упомянемъ кстати о дѣятельномъ порядке или іерархіи, которая существуетъ между науками: такъ напримѣръ биология, какъ наука выше химіи и физики, потому что она болѣе сложна, чѣмъ послѣднія. Слѣдовательно іерархія наукъ не есть исключительно логическое построение изобрѣтено ради удобства изученія; она реальное построение и именно потому, что она реальное построение, она такъ несобѣдимо логична.

Упомянутый переворотъ въ воззрѣніяхъ, поставивший 70 лѣтъ тому назадъ науку жизни на положительныя основанія, отразился и на патологіи. Спустя 30—40 лѣтъ прежнее воззрѣніе на болѣзнь, какъ нечто независимое, признало было несостоительнымъ и на патологію стали смотрѣть, исключительно какъ на видоизмѣненіе физіологии, то есть стали видѣть въ болѣзненномъ измѣненіи тканей или функций органовъ только нарушеніе анатомическихъ и физиологическихъ законовъ. Съ той поры единственно изъ этого положенія стали выводить патологические законы, которые, какъ видно изъ предыдущаго, второстепенны и подчинены физиологическимъ законамъ. Отсюда, само собой очевидно и едва ли нуждается въ подтвержденіи мнѣніе словъ, происходитъ іерархія, которая ставитъ патологію ниже физіологии, которая отводитъ животной жизни высшую степень надъ растительной, и вообще жизни, какъ и растительной такъ и животной, высшую надъ условіями физическими и химическими; эта іерархія направляетъ умъ по вѣрному пути, бросаетъ свѣтъ на связь всего существующаго, на философию и даже на исторію.

Можетъ быть, у когонибудь возникнетъ сомнѣніе, принесутъ ли какуюнибудь пользу все эти высокія соображенія, выводы медицины, цѣль и стремленіе которой излечить болѣзни, уврачевать

раны, облегчить страдания. *Scira potestates perbarum ususque mendendi*, сказалъ латинскій поэтъ, ставя медицину въ узкія рамки пользованія; *contenti febres et ulcere agitate*—говоритьъ искусствій популяризаторъ греческой медицины въ Римѣ. На это сомнѣніе, всего лучше отвѣтить вамъ то, что написать Ростанъ объ успѣхахъ медицины.

Отъ вопроса о связи существующей между биологіей и медициной—прямой переходъ къ *организму*; этимъ словомъ Ростанъ окрестилъ медицинское ученіе, основанное имъ на началѣ своей карьеры и поддерживаемое имъ до послѣднаго времени; ученіе это все выражается въ своихъ двухъ существенныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ одно физиологическое, другое патологическое: первое, что дѣятельность организма есть слѣдствіе анатомическаго стремленія; второе, что всякая болѣзнь зависитъ материально отъ органа и его функций.

Нельзя не отнести съ сочувствіемъ къ логичности Ростана, признавшаго такую тѣсную зависимость патологіи отъ физиологии; понятно почему онъ, разъ пораженный этой мыслью, никогда не покидалъ принципъ, имѣвшій такія огромныя послѣдствія. Но такъ какъ вышеприведенныя положенія Ростана могутъ быть различно истолкованы, посмотримъ какое истолкованіе дастъ имъ авторъ:

«Всѣ явленія, всѣ акты жизни, говоритъ Ростанъ, должны быть обозначены названіемъ органическихъ свойствъ для того, чтобы показать, что физическая и химическая свойства замыкаются въ организмѣ». Чтобы придать болѣе точное определеніе своей мысли г. Ростанъ продолжаетъ: «настанетъ время, когда ученіемъ генеръ физико-химической науки разъяснятъ до соры первоначальное дѣйствіе организаціи.» Не придавая значенія надеждамъ автора, я постараюсь развить его мысли; онъ высказываетъ, что жизненные процессы связанные органическими условиями, находятся въ тѣсной зависимости отъ интервалъ и именно благодаря участію этой послѣдней становится для настъ шагдоціями, первая дѣятельность есть источникъ всѣхъ жизненныхъ свойствъ.

Въ наука я держусь однихъ шагдоцій съ Ростаномъ, но въ данномъ случаѣ я не раздѣляю его вигляда, и по спрашивая его зачѣмъ онъ оставляетъ такой пробѣлъ между интервалъ и остальнымъ, и зачѣмъ онъ не принимаетъ ее за органическое условіе,

которое можетъ въ свое время быть объяснено физико-химическими законами, я передаю, цѣлкомъ его мысль, такъ какъ онъ сказываетъ: что въ живомъ организмѣ единственный источникъ жизненности—первая система, а все остальное въ организмѣ принадлежитъ къ условіямъ органическимъ, разрѣшимъ физико-химическими законами. Но подобное положеніе разбивается слѣдующимъ фактомъ громадной важности: половина живыхъ существъ, я хочу сказать растенія, живутъ безъ нервовъ. Слѣдовательно жизненность есть нечто особенное отъ нервной силы.

Точно также не выдерживаетъ критики его стремленіе уподобить жизненные акты — актамъ физико-химическихъ. Это не болѣе какъ гипотеза; ни одинъ опытъ не подтверждаетъ того, чтобы все жизненные свойства были ничто иное, какъ видоизмѣненія физическихъ и химическихъ. Въ теоріи — это даже не болѣе, какъ идеальная гипотеза—идеальная потому, что стремится разрѣшить посредствомъ иерархіи неразрѣшимыхъ для человѣческаго ума, задаются вопросами: почему? вмѣсто того, чтобы удовлетвориться вопросомъ: какъ? Мало того, гипотеза эта ошибочна, такъ какъ она пытается связать положенія наукъ менѣе сложныхъ съ наукой болѣе сложной—разрѣшить путемъ физико-химическихъ законовъ задачи біологическія, примѣнить къ живому—неживое.

Но несмотря на неѣкоторые ошибочные данные, принципъ Ростана вѣренъ въ своемъ существѣ. Хотя опять скажемъ *организма* или ученіе объ отношеніи органа къ его отправлению не представляетъ достаточно обширнаго основанія для того, чтобы построить на немъ цѣлое ученіе о жизни здоровой и больной. Анализъ строенія или отправлений органа вообще долженъ проникать глубже и тогда, разматривая органы, мы встрѣтимъ въ нихъ элементы или части не разлагаемыя анатомически, а въ отправленияхъ органа найдемъ первичныя свойства присущія этимъ элементамъ. Только путемъ такого анализа можно дойти до основанія, до почвы.

Свойства живой субстанціи, то есть тѣ, которая не могутъ быть выведеной изъ другихъ равно какъ и физико-химическая свойства, слѣдующія: первое — питаніе, присущее столько же животнымъ сколько и растеніямъ, присущее каждой живой частицѣ и составляющее основаніе другихъ свойствъ. Питаніе состоитъ въ молекулярномъ

обмѣнѣ, посредствомъ котораго организмъ принимаетъ въ себя то, что го́дъ для него, и выбрасываетъ то что бесполезно; въ связи съ нимъ стоитъ размноженіе, служащее къ продолженію породы. Торое свойство — сократимость принадлежащее мускуламъ. Третье — первная сила источникъ всѣхъ явлений психической жизни: чувствительности, ума, страсти и воли.

Послѣднія два свойства присущи только животнымъ. Такимъ образомъ, при болѣе глубокомъ анализѣ невозможно выдѣлить дѣятельность первовъ ить общихъ свойствъ организма, а въ этомъ собственно и грѣшно учение объ организаціяхъ.

Короче сказать, все учение о жизни заключается въ понятіи объ извѣстномъ количествѣ существенныхъ свойствъ, соединенныхъ съ извѣстнымъ состояніемъ матеріи, которое мы называемъ организаціей; причемъ не слѣдуетъ забывать, что свойства органическихъ тѣлъ подчинены общимъ законамъ управляющимъ свойствами неорганическихъ иѣтъ. Все учение о болѣзни состоитъ въ знакомствѣ съ разстройствомъ этихъ свойствъ въ этой организаціи, вслѣдствіе какихъ либо причинъ, вызывающихъ болѣзнишія явлений. Болѣзнишее разстройство не порождаетъ ни новыхъ свойствъ, ни новыхъ органическихъ элементовъ.

На пути къ этому учению организмъ составилъ только ступень, ступень, вирочемъ, очень важную, которой мы обязаны превосходной статьей Ростана о размягченіи мозга, которую можно счесть однимъ изъ лучшихъ произведений Парижской медицинской школы. Въ началѣ своей карьеры г. Ростанъ заслужилъ известность одной работой на трудномъ полѣ патологии мозга. Эта гибельная болѣзнь размягченіе мозга не составляетъ страданіе какой либо специальнаой дѣятельности нашихъ умственныхъ способностей; она въ особенности поражаетъ людей приближающихся къ старости. Она часто обрываетъ старинныя привязанности, предостерегая тѣхъ, которые уѣдѣляютъ отъ нея, готовиться встрѣтить ее и не оставлять безъ вниманія ослабленіе и изнанчиваніе своихъ органовъ.

Ученіе объ организаціяхъ способствовало подвинуть медицину на полезный путь диагностики и потому ученыи, создавшій его, пашель нужнымъ вредослать ему исколько строкъ въ защиту дѣятельности медицинскихъ средствъ. Сомнѣнія противъ медицины возникаютъ и весьма естественно, что они возникаютъ: не вѣрь боль-

ные, которых лечатъ медики, выздоравливаютъ и, на оборотъ, многие выздоравливаютъ безъ медицинской помощи. Чѣмъ же докажутъ дѣйствительность медицины? спрашиваютъ скептики. Въ виду такого возраженія, или сомнѣнія въ медицинѣ, которымъ задавался Мольеръ, Жанть-Жакъ Руссо, должно принять одно изъ двухъ положеній: или все то, что дѣлаетъ природа, хорошо и не надо мѣшать дѣйствіямъ ея, или, того хуже, что медицина безсильна надъ ходомъ болѣзни, которой предназначено окончиться выздоровленіемъ или смертью.

Первое изъ приведенныхъ положеній не выдерживаетъ критики. два, три припадка гибельной лихорадки унесли бы въ могилу человѣка и природа распорядилась бы такимъ образомъ, если бы известная доля цѣлебнаго хинина не предотвратила приговоръ ея. Вотъ другой случай такого рода: артерія бедра у извѣстнаго субъекта поражена аневризмомъ. Природа имѣетъ въ своей власти только слабое средство—сгущенія крови, чтобы противопоставить разрыву артеріи, который ведетъ за собой гибельное кровоизлѣніе и смерть, если во время не положить на ткани больнаго сосуда лигатуру и тѣмъ предупредить гибельный исходъ болѣзни. Третій случай: въ организмѣ появляется какое нибудь препятствіе истечепію урины; природа зажигаетъ въ больномъ изнурительную лихорадку, которая мучить больнаго самыми острыми страданіями или, что весьма рѣдко случается, она даетъ исходъ для скопившейся жидкости образованіемъ нарывовъ, которые произведутъ фистулы и оставятъ по себѣ значительныя поврежденія или даже изѣяны. Я прошу не дѣлать крайнихъ выводовъ изъ моихъ словъ и не придавать имъ такого значенія, что природа всегда такъ поступаетъ съ человѣкомъ; было бы слишкомъ долго проводить черту между тѣмъ, что природа можетъ и чего она не можетъ сдѣлать, что она дѣлаетъ хорошаго и что дурнаго. Достаточно знать, что иногда она безсильна безъ медицинской помощи.

Уже тотъ фактъ, что не всякая болѣзнь можетъ быть представлена ходу природы, доказываетъ дѣйствительность медицины. Рассмотримъ подробнѣѣ высказанное нами положеніе. Въ самой глубокой древности Гиппократъ старался рѣшить вопросъ: дѣйствительна ли медицина или нѣтъ, и рѣшилъ его тѣмъ же путемъ, какимъ мы рѣшили его; не смотря на то, что у него не было тѣхъ научныхъ данныхъ, которыхъ накапляются вѣками; и кто бы ни читалъ

Гиппократъ, всакій убѣждается въ справедливости и основательности выводовъ его. Изъ греческихъ медицинскихъ школъ вышли знаменитые практики и есть человѣка, который бы, читая сочиненія Гиппократа, не чувствовалъ довѣрія отдать свое здоровье въ такія опытныя и осторожныя руки. Однако, есть существенная разница между древней и современной медициной: первая могла судить о болѣзни только по симптомамъ; вторая знаетъ въ чёмъ состоитъ болѣзненное измѣненіе. Это приобрѣтеніе науки, имѣть громадную важность; оно дало другое направление исторіи медицины и особенно благотворно отразилось на діагностицѣ, то есть на распознаваніи болѣзни.

Первое условіе для успѣшнаго леченія — всестороннѣе знаніе медицины, и кто же будетъ спорить, что современная медицина лучше знаетъ болѣзни, нежели древняя. Въ наше время при консультациіи врачей не могутъ возникать тѣ разногласія, новодѣя которыемъ подавали различныя истолкованія симптомовъ болѣзней, безъ знанія свойствъ послѣднихъ. Въ настоящее время, за исключеніемъ случаевъ, представляющихъ особенные затрудненія — случаи, которые представляютъ практическія занятія каждой наукой, менѣе сложныхъ нежели патологія — послѣ внимательнаго осмотра тотчасъ востановляется согласіе въ мнѣніяхъ консультантовъ о характерѣ болѣзни.

Тотъ же прогрессъ замѣтенъ и въ самомъ способѣ леченія; точное знаніе свойствъ лекарствъ, умѣніе употреблять ихъ во время — все совершенствуется. Чтобы наглядно показать читателю до чего дошла современная діагностика, я расскажу ему слѣдующій фактъ: одна молодая женщина, вставая утромъ съ постели, почувствовала слабость въ ногахъ и когда пошла, то стала покачиваться; ее особенно тревожило то, что она не могла идти по прямой линии, ее противъ воли все тянуло вълево. Глаза у неї стали коситься и вообще зрѣніе ослабло; но ни умъ, ни чувство не подверглись никакимъ болѣзненнымъ явленіямъ. Эти симптомы удивляли всѣхъ, но врачъ на основаніи точнаго знанія физіологии и патологіи рѣшилъ, что это болѣзнь мозжечка, кровоизлѣченіе въ него, и высказалъ возможность выздоровленія. Больная дѣйствительно вылѣчилась настолько вѣрна была діагностика.

Такимъ образомъ медицина, обогащенная познаніями и на-

блюдениями, усиленно борется съ болѣзнями, предоставляемая природѣ справляться съ ними самой, когда она можетъ, и помоги тамъ, гдѣ медицинская помощь можетъ быть дѣйствительна. Оно предлагаетъ паллиативныя средства тамъ, гдѣ полное излеченіе невозможно, и дѣйствуетъ энергично тамъ, гдѣ искусство ея можетъ справляться со зломъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ сознательно выполняя свою задачу, современная медицина съ каждымъ днемъ подвигается впередъ.

На ряду съ тѣми, которые совершенно не вѣрятъ въ медицину — такихъ не много, встречаются люди чрезмѣро вѣрующіе въ нее; я говорю о тѣхъ, которые, не довольствуясь научными предѣлами медицины, ищутъ воображаемыя средства въ шарлатанствѣ и разной сверхъестественной помощи. Суевѣріе вездѣ царствуетъ, какъ въ послѣдней деревнѣ, такъ и въ богатыхъ хоромахъ.

«Я знавалъ, говорить Ростанъ, умныхъ людей, которые однако твердо вѣрили, что красный шелковый поясъ предохранительное средство отъ холеры; знавалъ и такихъ, которые отъ всѣхъ напастей и болѣзней постоянно носили три каштана въ карманѣ. И пѣктор. М. не вѣрить въ науку, но вѣрить въ бѣлую горчицу; г. Х. точно также скептически относится къ медицинѣ, но вѣрить какому-то Леруа; наконецъ третій вѣрить въ гомеопатію, отвергая медицину» Всё это безспорно вѣрно. Предоставивъ времени и образованію уничтожить мракъ суевѣрія, разсмотримъ тѣ случаи, гдѣ медицина все-сильна, безъ всякаго вмѣшательства шарлатанства и суевѣрія; я разумѣю общественную гигиену. Здѣсь нѣтъ мѣста ни гомеопатіи, ни сомнамбулизму, ни доктору черному или красному, ни спиритизму, однимъ словомъ нѣтъ мѣста иллюзіи; здѣсь нужны дѣйствительныя знанія для оцѣнки мѣръ и условій необходимыхъ для общественного здравія. Подобно тому какъ правительства въ войнахъ употребляютъ артиллерию и пѣхоту, а не ирѣбѣгаютъ къ таинственнымъ силамъ, такъ и для поддержанія здоровья управляемаго имъ народа оно обращается къ точной науки, къ медицинѣ. То или другое изъ частныхъ или правительственныхъ лицъ можетъ вѣрить въ сверхъестественные силы, въ значеніе гомеопатіи и пр.; но правительство не должно придавать значенія подобному вздору.

Между тѣмъ, какъ въ прежнее время теорія медицины была несомнѣко несостоятельна, что почти каждый фактъ изъ практики

инчтожалъ ее, въ настоящее время она въ силу своего подчинения физиологическимъ законамъ, сдѣлалась дѣйствительнымъ оружиемъ изысканий и вѣрны руководствомъ для практики. Она во многихъ случаяхъ пріучила умъ къ синтезу; а, какъ известно, синтезъ — есть мать пространныхъ обобщеній, всегда опасныхъ, когда дѣло касается метафизики и, напротивъ, плодотворныхъ въ положительной науки. Этимъ путемъ діагностика, столь важная сторона медицины, болѣе и болѣе выясняется. Прежде, окончательной цѣлью медицины считали опредѣленіе болѣваго органа и самого болѣзненнаго измѣненія, въ этомъ отношеніи учение объ организаціяхъ, вѣрное своему имени, оказало услугу медицинѣ. Но, теперь очевидно, что невозможно остановиться на немъ, что органы состоятъ изъ элементовъ и что болѣзниенія измѣненія элементовъ занимаютъ первое мѣсто передъ такими же измѣненіями органовъ. Выше говорилось о пользѣ создать министерство общественнаго здравія. Позже та же мысль встрѣтилась мнѣ на страницахъ одного англійского сочиненія. Я вспоминаю объ этомъ совпаденіи, потому что оно подтверждаетъ мою идею.

И дѣйствительно, уже появляются въ наукѣ медицины и въ практикѣ ея драгоцѣнныя указанія, порожденныя болѣе глубокимъ анализомъ.

О ТОКСИКОЛОГИИ ВЪ ИСТОРИИ. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА.

Есть основание полагать, что уже съ давнихъ поръ мысль подвергать изслѣдованию трупы жертвъ, при подозрѣніяхъ въ отравлѣніи и въ нихъ искать ядъ, не была чужда правосудію. «Ядовитое вещество было введено, говорило обвиненіе: что могло быть проще, какъ изслѣдовать, было ли это дѣйствительно такъ на самомъ дѣлѣ, или чрезъ извлеченіе яда доказать защитѣ, что она не права, или же уничтожить обвиненіе, доказавъ, что смерть была естественна?

А между тѣмъ, мысль эта только новидимому такъ проста, въ сущности же она весьма сложна.

Безъ сомнѣнія возможно, хотя и не всегда навѣрно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда поступали на разсмотрѣніе дѣла обѣ отравленіяхъ, приходила мысль искать ядовитое вещество въ тѣлахъ умершихъ; но въ теченіи долгаго времени для разрѣшенія этого вопроса не доставало средствъ.

Напрасно, въ древнія времена, желали бы при обвиненіи въ отравленіи дѣйствовать научнымъ путемъ, равно и представить, какъ-то дѣлается въ наше время, въ очію судьямъ вещественное доказательство преступленія, т. е. то обвинительное иличное, доказавшое изъ внутренностей умершаго, которое или уличитъ убійцу, или опровергнетъ слѣпыя и порожденныя ненавистью обвиненія, отыскавъ въ симптомахъ и поврежденіяхъ организма неопровергимое доказательство внезапной болѣзни.

Но такое изслѣдованіе зачастіе выступаетъ за предѣлы науч-

шаго знанія древнихъ временъ и предполагаетъ развитіе химіи и патологіи, безъ которыхъ задача положительно нераэрѣштима.

Все въ истории *ихъ явленихъ* имѣть связь: для того, чтобы съ достаточнотю временностю отвѣтить на вопросы, предлагаемые правосудіемъ, необходимо съ одной стороны, химически изолировать ядъ, а для этого нужны самыя точныя химіческія познанія; съ другой стороны необходимо знать ходъ естественныхъ болѣзней и тѣхъ, которые происходятъ отъ отравленія, а для этого требуются самыя обширныя патологіческія скѣднія. Между тѣмъ, безъ физики немыслима химія; не говоря уже о дальнѣйшемъ развитіи ея, чѣмъ была бы химія безъ предварительныхъ понятій о теплотѣ, объ электричествѣ, о магнетизмѣ, звуки, свѣтѣ и тяжести? И патологія не могла бы стать на твердую почву, прежде чѣмъ химіческіе законы не легли въ основаніе законовъ жизни: чѣмъ было бы ученіе о живыхъ существахъ при незнакомствѣ съ элементарными началами составовъ и разложеній? Ясно, для того, чтобы суды могъ предложить вопросъ, для того, чтобы врачъ отвѣтилъ на него, наука должна сдѣлать громадные успѣхи, обнімающіе собою всю сумму человѣческаго развитія или исторіи; а между тѣмъ только къ концу послѣдняго столѣтія и въ началѣ нынѣшнаго разработки химіи и науки о жизни подвинулись до некоторой степени удовлетворительности.

Именемъ токсикологіи называютъ сумму понятий, имѣющихъ своимъ предметомъ яды, включая сюда ихъ химіческія свойства, дѣйствіе ихъ на живые организмы, средства, которыми можно имѣть противодѣйствовать имъ, наконецъ, тѣ способы, посредствомъ которыхъ распознаютъ ихъ въ тѣлахъ отравленныхъ. Самый терминъ—токсикология, представляеть собою замѣчательный примеръ того, какимъ превращеніемъ подвергаются слова. Но говоря обѣ окончаніи—синонимъ слова ученіе, происходящемъ отъ греческаго корня, которое означаетъ «срывать, собирать», что служить личнымъ указаниемъ, какъ изъ чисто физической идеи обрашалась идея чисто абстрактная; не говоря уже,—повторяю, обѣ отомъ окончаніи, другая часть «токсико», которое въ греческомъ языке винчить ядъ, имѣть корнемъ греческое же слово, обозначающее лукъ для стрѣльбы *).

*) Logos—ученіе, отъ корня Λογος собираю Τροπіон—ядъ, которымъ называли стрѣлы; корень — Тропос стрѣлометный лукъ. *Прим. перевод.*

Слѣдование мы переносимся въ тѣ времена, когда народы Греции, находясь въ состояніи относительно первобытномъ, какъ и иѣ-которые изъ дикихъ племенъ настоящаго времени, отравляли свои стрѣлы, чтобы убивать дичь или непрѣятеля. Затѣмъ этотъ ядъ, исключительно предназначенный для охоты и войны, сталъ общимъ наименіемъ всѣхъ ядовъ. Наконецъ, перенесенное въ англійскій языкъ слово *intoxication* получило значеніе опьяненія.

Въ этомъ этимологическомъ образчикѣ, отправляясь отъ идеи, заключающейся въ словѣ лукъ, мы доходимъ до понятія отравленія, и такимъ образомъ, можемъ безъ особаго труда прослѣдить всѣ фазисы преобразованія первоначальнаго значенія слова. Такимъ-то процессомъ различныя слова дошли до выраженія одной и той же вещи, или однозначущія слова возвысились до представленія совершенно различныхъ понятій.

Ядомъ можно назвать все то, что оказываясь непрігоднымъ для жизни, будучи какимъ бы то ни было путемъ введеніо въ организмъ, производить болѣе или менѣе опасную болѣзнь. Для отравленія необходимо, чтобы ядовитое вещество проникло въ кровь и соединилось тѣмъ или другимъ способомъ съ однимъ или съ многими элементами, составляющими живое тѣло. Этого одного достаточно, чтобы показать, какая тѣсная граница, по сущности вещей, отдѣляетъ яды отъ лекарствъ. И дѣйствительно, взятое въ своей общности, лекарство заключаетъ въ себѣ множество веществъ весьма разнообразныхъ, связанныхъ между собою общимъ свойствомъ измѣнять болѣй организмъ къ лучшему; по въ болѣе частномъ смыслѣ, какъ вещества, вводимыя въ тѣло и предназначенные производить въ немъ опредѣленное дѣйствіе, лекарства и яды смѣшиваются до такой степени между собою, что ихъ можно различать развѣ только по дозѣ. А иѣкоторые изъ самыхъ сплющихъ ядовъ принадлежать къ числу сильно дѣйствительныхъ лекарствъ. Составимъ себѣ ясное понятіе о положеніи живыхъ существъ среди окружающаго ихъ міра. Невозможно представить ихъ себѣ изолированными; всякое органическое и живое существо (эти два термина синонимы: иѣть жизни есть организацію) предполагаетъ среду его окружающую, которая спабываетъ его питательными веществами, въ которую выбрасываются вещества испорченныя кругообращеніемъ жизни и которыемъ своей реacciей поддерживаетъ ходъ отравленій нашпхъ. Такъ

земля, воздухъ, вода и свойства имъ присущія: теплота, электричество, свѣтъ, химическое средство доставляютъ почву для всего живущаго. Съ другой стороны, развивая до конца эту основную идею, прогрессирующая цивилизациѣ образуетъ еще искусственную среду, все болѣе и болѣе могущественную, создающую для обществъ и индивидуумовъ условія развития, здоровія, болѣзни, которыхъ имѣютъ въ ней всѣ свои корни. Въ этой общей средѣ находятся особыя вещества, оказывающія также особыя дѣйствія на живые организмы: это лекарства и яда. Здѣсь ничто не могло бытъ отгадано; свойства, которыхъ, по справедливости, мы можемъ называть тайными, были открыты опытомъ; до него никакія данины не могли навести на мысль, что опіумъ усиливаетъ, что іодъ дѣйствуетъ на шейный желѣзъ, что мѣркурій производить трясеніе, а свинецъ причиняетъ невыносимыя колики и параличъ членовъ, что белладонна расширяетъ зрачки, и на много другихъ замѣчательныхъ и особенныхъ явленій, которыхъ въ началѣ были открыты какъ бы ощущеніемъ, а потомъ приведены въ систему.

И такъ, для того чтобы дать себѣ ясный отчетъ о положении живаго существа и особенно человѣка, необходимо представить себѣ его въ соотношениѣ не только со всѣю суммой вещей и съ космическими цѣлями, среди которыхъ онъ поставленъ, но и съ множествомъ веществъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ, непосредственно дѣйствующихъ на него. Это-то именно и даетъ человѣку возможность такъ много влиять на свою здоровью, на свое самосохраненіе. Обиція вліяній не въ его распоряженіи: онъ не управляетъ ни теплотою, ни солнцемъ, ни вѣтромъ. Метеорологическія измѣненія, такъ же какъ и бури океана ому не подчинены. Самое большее, что онъ можетъ сдѣлать — это съ помощью разумнаго труда расчищать лѣса, осушать болота, улучшать земледѣліе, и такимъ образомъ ослаблять разрушительные дѣйствующіе причины. Но эти особыя вещества, о которыхъ я говорю, и число ихъ, благодаря химіи, постоянно возрастаютъ — положительныя или вредныя, смотря по ихъ употреблению, отдыши, какъ орудія, въ его распоряженіе — на судъ его ума и виній. Знаменитый врачъ древности, Гіерофиль Александрийскій, писавшій лекарства «руками врача».

Всѣ эти вещества съ своимъ опредѣленнымъ и специальнымъ дѣйствиемъ, можно сказать, тѣ же руки, съ помощью которыхъ до-

стигаютъ при здоровыи его сохраненія, при болѣзненномъ состояніи — его излеченія.

Съ другой стороны, ядъ очень близко подходитъ къ лекарствамъ, это по особенной дѣйствительности, въ силу которой, какъ ядъ, такъ и лекарства, видоизмѣняютъ живыя части. Мы бы составили себѣ ложное понятіе объ этомъ дѣйствіи, еслибы представили его себѣ въ видѣ сильно дѣйствующихъ кислотъ и щелочныхъ солей. Это, такъ сказать, дѣйствіе грубое и уничтожающее; кислота и соль, въ силу своихъ свойствъ, уничтожаютъ связь между элементами живыхъ тканей, усвоиваютъ себѣ нѣкоторые изъ нихъ, и такимъ образомъ, дѣйствуя на нихъ разрушительно, подвергаютъ гангренѣ и смерти. Отсюда ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда смертоносная сила вещества разѣла желудокъ и кишкы, жизнь болѣе невозможна: это уже настоящія раны, — это желѣзо и свинецъ, разрывающіе органы. Но во многихъ случаяхъ бываетъ иначе, бываетъ, что мѣстное поврежденіе ничтожно или весьма незначительно, а между тѣмъ въ организмѣ обнаруживаются самыя серьѣзныя явленія: во всѣхъ отправленіяхъ наступаетъ крайнее разстройство, главнѣйшіе жизненные механизмы или прекратили свое дѣйствіе или разстроены, и все клонится къ катастрофѣ.

Откуда же эти грозныя явленія? Отъ двухъ, взаимно связанныхъ между собою, причинъ: во-первыхъ отъ того, что ядъ своимъ прикосновеніемъ и соединеніемъ производить опредѣленное дѣйствіе на извѣстную часть живаго тѣла; во-вторыхъ, отъ того, что такимъ образомъ видоизмѣненный элементъ, въ свою очередь неизбѣжно видоизмѣняетъ тотъ, съ которымъ имѣть физиологическое соотношеніе, и такъ далѣе, пока весь организмъ не будетъ охваченъ возрастающимъ рядомъ разстройствъ. Какъ только одинъ патоморфологіческій элементъ тѣла подвергся какому бы то ни было измѣненію — тотчасъ же измѣняются и его свойства, и онъ реагируетъ на другіе элементы уже иначе, чѣмъ прежде, а эти въ свою очередь также измѣняются, и такимъ образомъ, вслѣдствіе этого рождаются сдвиги, потому что оно происходитъ отъ присущихъ организму свойствъ, болѣзнь въ такихъ случаяхъ принимаетъ общий характеръ и открывается на всемъ тѣлѣ.

Дѣйствіе лекарства въ сущности того же рода. Измѣнія свойства того или другого элемента, оно точно также порождаетъ цѣ-

лый рядъ измѣненій, полза которыхъ, смотря по болѣзни, признана опытомъ. Поэтому чадо отрывшись отъ того туманного представлениа болѣзни, и ~~внушавшаго~~ весь организмъ извѣстному веществу и подчинявшаго его, такъ сказать, ея власти. Всѣ посредствующія отношенія были опущены; чадо представлялось какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ яда и лекарства, какъ обладающими свойствами, непосредственно дѣйствующими на самую жизнь. Почему одинъ оканчивалъ свое дѣйствіе, а другой подчинялся этому дѣйствію? На эти вопросы не было отвѣта, или вѣрѣнѣе сказать дѣлалось множествомъ самыхъ пустыхъ отговорокъ, исторія которыхъ составила бы добрую чисть медицинскихъ системъ. И тогда только это крайне поганое положеніе было оставлено, когда исходною точкою общаго разстроѣнія организма признали химическія свойства дѣйствующихъ веществъ и жизненная свойства анатомическихъ элементовъ. Словомъ, между дѣйствіемъ лекарства или яда и тѣмъ измѣненіемъ, какое оно производило въ чадѣ, не знали никакого посредствующаго звена; все представлялось непосредственнымъ. А между тѣмъ же дѣйствительности все происходитъ посредственно, и только путемъ послѣдовательныхъ, правда, иногда очень быстрыхъ сдвиговъ, обобщаются дѣйствія.

Тутъ является на помощь важное открытие движеніе токсикологическимъ изысканіямъ: характеръ утилитарности теоретической и вмѣстѣ практической. Имъ обязаны мы Орфию. Можу приносивеніемъ яда къ поверхности пищеварительныхъ органовъ, черезъ которые онъ преимущественно туда проникнетъ, иначъ смертоноснымъ дѣйствіемъ на всю систему, находится большою рѣчью, пробѣль, который предстояло восполнить. Первымъ шагомъ къ тому было признаніе того факта, что ядъ не остается неподвижно въ томъ мѣстѣ, куда его впускаютъ, но всасывается бесчисленными миллиами венами, находящимися во внутренностяхъ, и отсюда разносится повсюду, куда проникаетъ кровь. Второй шагъ былъ сдѣланъ Орфиою, когда опредѣлилось яснѣе это общее всасываніе тѣмъ, ого открытыемъ, что ядовитое вещество не только уносится потокомъ крови, но и во многихъ случаяхъ избираетъ себѣ определенное мѣсто и скапливается въ извѣстныхъ органахъ. Тамъ оно остается до наступленія смерти или до тѣхъ поръ, пока силы и леченіе не извлекутъ оттуда послѣднихъ частицъ его. Исцѣленіе наступаетъ, когда весь ядъ

окончательно изгнанъ путемъ обратнымъ тому, которымъ онъ пропикуль въ экономію организма. И такъ, въ отравлениі, разматриваемомъ во всѣхъ его совокупныхъ явленіяхъ, мы различаемъ и первыхъ, введеніе посторонняго вещества въ организмъ, во вторыхъ, извлеченіе его оттуда, произведенное разлагающею силой этихъ самыхъ тканей. Этихъ двухъ фактовъ, тѣсно связанныхъ между собой, достаточно, чтобы отбросить такъ давно господствовавшія идеи о конечности процессовъ, происходящихъ въ живомъ тѣлѣ. Дѣло совершило ясное — это очевидно слѣдя, или другими словами, необходимая сила, которая гонитъ внутрь ядовитыя вещества. Потому что, еслибъ она не была слѣдя и необходима, еслибъ ей былъ предоставленъ малѣйшій просторъ выбора, она отбросила бы далеко отъ себя то, что черезъ иѣсколько мгновеній ввергнетъ цѣлую систему въ самыя страшныя и ужасныя разстройства. Природа,—употребляя это слово въ томъ ложномъ, метафизическомъ значеніи, какое такъ часто придаютъ ему,—природа поддается во всѣ ловушки которыхъ ставятъ ей. Пусть ей подадутъ самое ядовитое, самое смертоносное вещество, — все равно, она поглотитъ его точно также какъ и самое безвредное или самое здоровое, съ тою только разницей, что въ первомъ случаѣ она тотчасъ же заявляетъ свое возмущеніе болѣзненнымъ разстройствомъ, страшными судорогами, посинѣлостью, блѣдностью, кровотеченіями, различными симптомами, еще усиливющими болѣзнь. Но,—оставляя этотъ языкъ философіи, которая никогда не оказывается болѣе несостоятельною, какъ въ созерцаніи живыхъ существъ,—возмущеніе въ этомъ случаѣ ничто иное, какъ проявленіе новыхъ дѣйствующихъ силъ, точно также слѣдихъ и необходимыхъ.

Было время въ исторіи научнаго развитія человѣчества, когда господствовала телесофія, или ученіе о конечныхъ причинахъ, заключавшее въ себѣ идею о высшемъ порядке, въ которомъ соединились всѣ налпчныя положительныя знанія тогдашняго времени, и который утвердилъ за ними тотъ характеръ рационализма, какого недоставало имъ при ихъ зарожденіи. Сочиненія Галена представляютъ самое замѣчательное и разумное примѣненіе этой идеи; онъ придалъ физиологическимъ изслѣдованіямъ основательность и истинную прелестъ, оставивъ далеко позади себя грубыя и несвязанные

понятія тѣхъ, которые, не желая следовать по открытому въ то время пути конечныхъ причинъ, не имѣли ни точки опоры, ни плана для своего руко' лва. Поэтому, въ эпоху ближайшую къ намъ дѣло Галена продолжалось, по чѣмъ дальше, тѣмъ съ меньшимъ успѣхомъ, такъ какъ не мѣрѣ того какъ накоплялись факты, они болѣе и болѣе становились несовмѣстными съ ученiemъ, возникшимъ не на реальной почвѣ. Оно уступаетъ теперь окончательно иѣстѣ болѣе простому ученію обѣ условіяхъ существованія, открывающее для науки обширную и твердую реальную почву. Теорія, построенная на этой почвѣ вполнѣ основательна, такъ какъ она опирается единственно только на опытѣ, и вполнѣ рациональна, такъ какъ она безизрѣвно систематизируетъ факты, безконечно добываемые опытомъ.

Вопросъ о томъ, можетъ ли медицина исцѣлить болѣзни, во все времена былъ предметомъ спора; и хотя на практикѣ, пользованіе медициною никогда не прекращалось между людьми по многимъ причинамъ; однако, это еще не могло служить достаточнымъ аргументомъ къ разрѣшенію вопроса. Основаніемъ къ сомнѣнію были тѣ случаи, когда больные умирали, хотя ихъ лечили по правиламъ медицины, или когда они выздоравливали, бѣзъ всякихъ медицинскихъ пособій. Такъ какъ каждая болѣзнь, по сущности, можетъ быть названа опытомъ, котораго нельзя повторить, съ цѣлью узнать, не будетъ ли она имѣть другого исхода при иномъ способѣ леченія, то съ этой стороны вопросъ остается открытымъ, представляя невозможность доказать дѣйствительность медицины. Но если мы захотимъ, разбирая понятіе о лахъ, удастъ иль нихъ все что соединяется въ нихъ вредного и разрушающаго, то поймемъ, что ядовитыя вещества служатъ посредствомъ доказательствомъ цѣлебной силы тѣхъ средствъ, посредствомъ которыхъ можно дѣйствовать на животную экономію. Слѣдуетъ только сдѣлать самое широкое обобщеніе этого понятія, и тогда мы увидимъ въ нихъ не одно то, что имѣть вредное дѣйствіе, но и то, что производить какое либо дѣйствіе. Съ этой точки зрения ядъ и лекарство одно и тоже. Да и какое можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различные вещества способны производить не тѣлахъ самые разнообразныя и важныя измѣненія? Скептическіе помышленія относительно возможностей видоизмѣнять въ значительной степени организмъ; они мо-

жеть только подвергнуть вопросу возможность производить разумно и своевременно эти измѣненія. Дѣйствительность этихъ средствъ обладаетъ скорѣе слишкомъ большой, нежели слишкомъ малою, съ лой, доказательство чего мы видимъ на столькихъ ядахъ, самыя ничтожные приемы которыхъ такъ быстро убиваютъ. Нѣтъ ничего легче, какъ произвести какое угодно разстройство въ живомъ существѣ; но иногда дѣйствительно очень трудно обратить эти по-ремѣни въ пользу больнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ въ рукахъ врача должны быть два свѣточка, озаряющіе его путь и указывающіе ему на тѣ полезныя средства, какія находятся въ его распо-ряженіи: это опытъ изслѣдовавшій эти вещества и указавшій слу-чай, приемы и причины; во вторыхъ, это знаніе больнаго тѣла основанное на твердомъ знаніи здороваго тѣла. Вооруженный имъ врачъ дѣлается необыкновенно проницательнымъ, во многихъ слу-чаяхъ какъ бы прозрѣвающъ во внутренность органовъ и видѣть то, что скрыто для простаго глаза. Когда онъ опредѣлилъ болѣзнь, съ которой имѣеть дѣло, тогда онъ смѣло и сознательно употребляетъ мѣры, видопрѣмѣняющія состояніе тканей и органовъ.

Въ практическомъ отношеніи, открытие Орфила имѣло непосред-ственно тотъ результатъ, что расширились въ значительной степени средства распознанія ядовъ и констатированія преступлений. Дѣ-йствительно, до тѣхъ поръ, пока еще было неизвѣстно, что вѣкото-рыя ядовитыя вещества осаждаются внутри вѣкоторыхъ тканей, даже самый опытный химикъ снабженный всѣми орудіями анализа, могъ незамѣтить случаи дѣйствительного отравленія. Жертва, по-гибшая отъ яда, уже предана землѣ, тѣ сосуды, въ которыхъ онъ былъ приготовленъ исчезли, даже внутренность и желудокъ не содер-жать болѣе въ себѣ слѣдовъ его, однакожъ, несмотря на все это еще возможно представить свидѣтелей — обвинителей, могущихъ уличить тайного преступника. Кромѣ того сосуда, гдѣ находился ядъ, за оболочками, въ которыхъ онъ проникъ, мы знаемъ, что онъ осадился въ извѣстные приемники и что онъ явится, какъ только его вызоветъ сила химического средства.

Это одно изъ лучшихъ доказательствъ превосходства новѣйшей медицины надъ древней, и я говорю это не для возвеличенія одно-го поколѣнія людей на счетъ другого, вовсе нѣтъ: никто болѣе меня не убѣждентъ, что если мы значимъ что нибудь, то только

благодаря рабс... нашихъ предковъ, что умершія поколѣнія имѣютъ полное право на нашу признательность. Я хочу этимъ только сказать, что все на... тѣ, благодаря прогрессу цивилизациі, улучшается и развивается; о... тить успѣхъ и на этомъ специальномъ поприщѣ, свидѣтельствующій о законѣ общаго развитія и наконецъ измѣнить ту точку зрѣнія, съ которой всегда смотрѣть на древность. Она— пора юности человѣчества, а мы стари сравнительно съ нею, но и мы, въ свою очередь, будемъ казаться юными для нашихъ правнуковъ, которые будутъ обязаны намъ частью своего усовершенствованія и своей цивилизацией. Еслиъ самому искусному врачу Греціи или Рима предложили разрѣшить вопросъ, было ли въ данномъ случаѣ отравление, или иѣть, то онъ могъ бы отвѣтить на него самыи неопределленнымъ образомъ, такъ какъ въ его рукахъ вмѣсто фактовъ, какъ и въ рукахъ большинства людей, были одни только нравственныя доказательства. Въ то время ничего не было известно ему о вскрытии труповъ, ни объ анатомическихъ поврежденіяхъ причиняемыхъ болѣзнями, никто не былъ знакомъ ни съ симптомами отравленій различного рода, ни съ диагностикой, ни съ химическимъ опредѣленіемъ ядовитыхъ веществъ. А иѣтъ этомъ именно и заключается вопросъ отравленія. Какъ было разрешить его, не имѣя необходимыхъ свѣдѣній. Отравленіе составляло для нашихъ предшественниковъ неразрѣшимую задачу. Необходимо было распутать множество предварительныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію ея. Умственное могущество коллективнаго человѣка растетъ вмѣстѣ съ его материальной силой, и то что, не дается ему въ известную эпоху, дѣлается доступнымъ, когда онъ зашлѣсъ логическими орудіями лучшаго качества сравнительно съ тѣми, которыя онъ имѣлъ прежде въ своемъ распоряженіи.

Орфила, своими специальными изысканіями о частныхъ ядахъ и своимъ сочиненіемъ о токсикологии, далъ сильный толчокъ изслѣдованіямъ, которыми занимались съ соревнованіемъ врачи и химики. Сильная борьба закипѣла въ ихъ средѣ, поднялся споръ усложнившій это ученіе до такой степени, что одно время его готовы были считать бесполезнымъ, по крайней мѣрѣ, изъ его судебныхъ примѣненіяхъ. Это было въ то время, когда сдѣлили открытие, что человѣческое тѣло, въ которомъ, какъ известно, находится значительное количество желѣза, содержитъ или можетъ содержать въ себѣ иѣ-

которые металлические ядовитые вещества. Каким же образомъ и даниомъ случаѣ отличить, находится ли это вещество въ тѣлѣ вслѣдствіе преступленія, или въ его нормальномъ составѣ? Орфилъ употребилъ всѣ усилия, чтобы разсѣять сомнѣнія, возникшія отъ этого неожиданного усложненія вопроса. Затѣмъ, нужно было изслѣдоватъ почву кладбищъ, которая сама была нерѣдко пропитана ядовитыми металлами. А эти металлы могутъ проникать въ тѣла, въ ней погребенные и потомъ вырытыя. Отмѣтивъ всѣ эти случаи дающіе поводъ къ ошибкамъ и заблужденіямъ и разъяснивъ ихъ, Орфилъ оставилъ токсикологію на болѣе прочныхъ основаніяхъ чѣмъ тѣ, при какихъ онъ засталъ ее. Познанія древнихъ были только въ своемъ зародышѣ, а потому и причины, которыми они объясняли это явленіе, были самыя химерическія. Такъ они придавали большое значение пятнамъ и посинѣлостямъ; они предполагали, что сердце этойъ существенный органъ, должно было сохранять слѣды наспѣхъ разрушившаго жизнь, въ той увѣренности, что на немъ или выступятъ пятна, или что онъ сдѣлается несгораемъ въ пламени костра. Что сказать о такихъ доводахъ? Какое значение могли бы они имѣть передъ судомъ? И если имъ давали какую нибудь вѣру, то сколько породили они заблужденій! На этой степени развитія медицины, была совершенно безсильна освѣтить путь правосудію; теперь она служитъ ему этимъ свѣтомъ и это различіе свидѣтельствуетъ, како значительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ съ тѣхъ поръ. Нѣсколько примѣровъ того, что дѣжалось и говорилось по этому поводу въ древніе времена выставить этотъ фактъ еще ярче.

Послѣ смерти Александра разнеслись, какъ извѣстно, слухи обѣ отравленіи его. Тѣ, которые думали, что смерть его была естественная, приводили въ доказательство что на тѣлѣ его, оставленномъ по случаю раздоровъ между полководцами его нѣсколько дней безъ всякой попеченія, не было никакихъ слѣдовъ отравленія, хотя оно и было выставлено въ тепломъ и удушливомъ мѣстѣ. Это доказываетъ только, что историки, выражавшіе подобныя мнѣнія, были подъ вліяніемъ предразсудка, заставившаго долгое время людей вѣрить, что отравленное тѣло подвергается скорѣе гніенію. Наука въ синихъ наблюденіяхъ опровергла подобныя предвзятые мнѣнія. Разумѣю, неизбѣжно совершающееся во всякомъ организмѣ пораженіемъ смертью и подвергнутомъ дѣйствію химическихъ процес-

совъ, можетъ наступить очень быстро въ тѣхъ случаяхъ, когда не было никакой отравы и, наоборотъ, она можетъ наступить, смотря по обстоятельствамъ, аздо позже, даже тогда, когда смерть была причинена ядомъ. Рѣчъ сказать, что тѣло Александра осталось въ порчи, среди жары и сырости, можно только раздѣляя тѣ хи-
ческія понятія, которыя поднимали въмкнхъ людей выше челове-
чества и даже надѣляли ихъ остатки способності перислагаемости.

Мнѣнія древнихъ историковъ раздѣлились на счетъ того, былъ ли Александръ жертвою тайныхъ козней. Когда этотъ царь, побѣ-
дитель Азіи, скончался въ Вавилонѣ на тридцать третьемъ году
жизни, то неудивительно, что начались толки на счетъ такой преж-
девременной смерти. Грандиозные планы занѣмали этого дѣятель-
наго и честолюбиваго человека, една нереступиниша возрастъ мо-
лодости. Депутаціи изъ далекихъ странъ явились ему представиться
въ древнемъ городѣ Бела; онъ собирался объѣхать Аравію и
никто не можетъ сказать, гдѣ бы онъ остановился, еслибы смерть
незадачно не прервала эту кипучую дѣятельность. Трудно иѣрилось
тѣмъ, чтобы одна случайность смерти похитила человека, отъ котораго
зависѣла такая великая будущность. Вирочемъ, были и подозрѣнія, были и факты находившіе мысль на шту дорогу. Въ про-
долженіи своихъ походовъ, которые привели Александра до Инда
и средѣ самыхъ приближенійъ ему офицеровъ, появилось мно-
го ненависти, потому ли, что онъ слишкомъ легко поддавался по-
тозрѣніямъ, или потому что дѣятельно существовали противъ
него заговоры: дѣло въ томъ что Александръ несолько разъ поступилъ
кестоко. Всѣдѣствіе этихъ причинъ придворною ого были люди, на
которыхъ нельзя было положиться. Дворъ его былъ усыпшъ подвод-
ными камнями и ничего не было бы удивительнаго иѣ томъ, если бы
долго тлѣвшій вокругъ него огнь испакшиупъ.

Когда разразилась катастрофа, одинъ человекъ въ особенности
находился въ опасномъ положеніи и, съдовѣстливо сѧть могъ быть
ему опаснымъ,—то былъ Антиатеръ командиръ иѣ Македоніи. Боль-
шая побѣда одержаная имъ надъ Лакодомонянами, которые сдѣлали
шансную диверсю въ то время, когда Александръ былъ въ глубинѣ
Азіи, возвысила его славу и могущество. Полягали, что его заслуги
завлекли на него, вмѣсто милости, ненависть и подозрѣніе; къ тому
же, мать короля, которая постоянно враждовала съ Антиатромъ,

не переставала возстановлять своего сына противъ этого полководца; понятно послѣ того, что народная молва обвишила его въ смерти Александра.

Къ этимъ общимъ предположеніямъ, прибавлены были болѣе точные подробности. На первыхъ порахъ, говоритъ лутархъ, мысль объ отравленіи никому не приходила на умъ. Но, всказываютъ, что на шестомъ году послѣ него, Олимпія умертвила у ^{на} народа, что она велѣла вырыть тѣло Іола, который умеръ въ смерти Александра, какъ отравителя царя. Лица утверждающія, что Аристотель пословѣтовалъ Антиатеру совершить это преступленіе, что Антиатеръ велѣлъ подать ядъ Александру, опираются на слова нѣкоего Агнотемиса, который говорилъ, что онъ это слышалъ отъ царя Антигона, а Антигонъ былъ, какъ известно, одинъ изъ полководцевъ, оспаривавшихъ другъ у друга государство и впослѣдствіи раздѣлившихъ его между собою. Есть даже основаніе полагать, что въ Афинахъ многие повѣрили отравленію, потому что, когда послѣ смерти Александра, городъ этотъ пытался освободиться изъ подъ власти Македоніи, и эту послѣднюю борьбу свою за свободу, увѣнчалъ нѣсколькими славными подвигами, Гиперидъ, который вмѣстѣ съ Демосѳеномъ былъ противникомъ македонской партіи, предложилъ, говорятъ, декретъ о томъ, чтобы почести были отданы Іолѣ, освободившему Грецію отъ ея страшнаго притѣснителя. Эта вѣра въ отравленіе проникла глубоко въ общественное мнѣніе. Сивилла книги анонтическія и древнія, представляя какъ имѣющія совершившися въ будущемъ события, происшедшія въ давнія времена, говорятъ, что Пелейскій Марсъ преданный своимъ невѣрными сопартицами, найдетъ конецъ своей судьбы и по возвращеніи его изъ Индіи жестокая смерть норазитъ его въ Вавилонѣ, посреди ширшествъ.

На этомъ не остановились, по указали и средства, посредствомъ которыхъ отравленіе было исполнено. Мы здѣсь имѣемъ дѣло, какъ увидимъ сейчасъ, и съ народнымъ сказаніемъ и съ легендою. Въ Аркадіи, возлѣ мѣстности, названной Ноакрисъ, находится очень холодный источникъ, гдѣ, по мнѣнію аркадцевъ, текла вода Спикса. Нѣть основанія полагать, чтобы во времена Геродота этой водѣ приписывали ядовитыя свойства, такъ какъ говоря о ней, онъ пишетъ ее струей воды, падающей со скалы въ бассейнъ, обложеній камнемъ. Но, впослѣдствіи страшные слухи стали ходить

объ этой таинственной водѣ: полагали, что, лишенная запаха и вкуса, она тѣмъ не менѣе составляла очень тонкій ядъ, производящій на внутренности спиртуующее дѣйствіе. Говорили еще, что вода эта не можетъ быть заключена въ какомъ бы то ни было сосудѣ; что будто бы она разбивала стекло, кристаль, металлы и чтобы переносить ее, не имѣли другого средства кромѣ лошадиаго копыта. О такихъ, очевидно баснословныхъ, свойствахъ рассказываютъ Вятрубій, Сенека, Пліній, Павшій. Это та чудесная вода, была выбрана для отравленія Александра, и пимъ понятно теперь, какимъ образомъ Аристотель тутъ замѣнилъ: по словамъ народной легенды, только философъ, знаніе которого доставило ему такую же громкую славу, какъ побѣда ученику его, могъ указать на этотъ тонкій и вѣрно дѣйствующей ядъ.

Ядъ, такимъ образомъ приготовленный, былъ переданъ Кассандромъ сыномъ Антиатра, двумъ братьямъ своимъ Филиппу и Голу, которые были виноверными царя. Но спрашивается, если они обязаны были пробовать кушанья и напитки царя, то какимъ образомъ случилось, что сами они не были отравлены?

Юстинъ, который избрать изъ отравленія римлянами, что дѣло было устроено слѣдующимъ образомъ: Филиппъ и Голъ действительно отвѣдали напитокъ, предписаніемъ Александрѣ и заѣмъ только прибавили къ нему ядъ, который они держали въ холодной водѣ. Та же самая хитрость, какъ мы увидимъ дальше, была пущена въ ходъ для отравленія Пританію.

Все это, очевидно, баснословная сказка. Но можно бы случиться, что, хотя средства, которыми было совершено преступленіе, принадлежали къ вымысламъ народной фантазіи, но отравленіе оставалось бы все-таки фактомъ. Лица, избранные изъ этого отравленія замѣтили, что Кассандъ, даже своими поступками, обнаружилъ свою ненависть къ Александру и, такимъ образомъ, самъ выдалъ себя за убийцу царя. Внѣслѣдствіе, когда первокоренная власть перешла въ его руки, онъ выказалъ свои пріаждебные чувства ко всему что относилось къ его прежнему властелину тѣмъ, что задушилъ Олимпію, оставилъ тѣло ея безъ погребенія и иной выстроилъ городъ Оивы, разрушенный Александромъ.

Подробности эти доказываютъ то, о чёмъ, вирочемъ, свидѣтельствуетъ исторія этихъ смутныхъ временъ, что правила нравствен-

ности не удержали бы отъ преступленийъ всѣхъ этихъ могущественныхъ людей, оспаривавшихъ другъ у друга власть. Имъ ничего не стоило убить или отравить. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти вѣроятности не даютъ намъ никакого права утверждать, что Александръ умеръ не отъ болѣзни, но отъ яда, и потомуologie прибавляютъ, что въ ту минуту, когда онъ осушилъ чашу, поданную ему Юломъ, онъ почувствовалъ острую боль. Внезапно, говорятъ, одоръ, какъ бы отъ сильного нанесенного ему удара, онъ зѣональ, и сталъ громко кричать, такъ что друзья его перенесли его на рукахъ. Юстинъ прибавляетъ, что боли его были такъ сильны, что онъ просилъ чтобы ему дали мечъ, которымъ онъ бы могъ лишить себя жизни и что онъ боялся малѣйшаго прикосновенія окружающихъ его лицъ. Однако разсказы Діодора и Юстина нисколько не подтверждаются официальнымъ описаніемъ болѣзни Александра, находящимся у насъ въ рукахъ. При Александрѣ было два исторіографа: Евменій изъ Кордіи и Діодоръ изъ Эристрии, записывавшіе день за день события того времени. Записки эти были напечатаны въ видѣ сборника и въ древности были извѣстны подъ названіемъ «Царскихъ Эфемеридъ». Въ нихъ, между прочимъ, находили подробности, лишенныя всякаго серьезнаго значенія, такъ напр. о томъ, что не разъ царь Македонскій, будучи пьянъ спалъ два дня и двѣ ночи сряду. Послѣдняя болѣзнь его была также описана въ Эфемерідахъ, а выписки изъ нея сохранены Арріаномъ и Плутархомъ, согласны между собой. Вотъ, что они говорятъ:

«Александръ пилъ у Медіуса, гдѣ онъ игралъ: затѣмъ онъ всталъ изъ-за стола, взялъ ванну и заснуль, вечеромъ онъ ужиналъ у Медіуса и снова пилъ далеко за полночь. Это было 17 числа мѣсяца doesius.

«Выйдя оттуда (это было 18 числа), онъ взялъ ванну, послѣ ванны онъ поѣлъ немнога и тутъ же заснуль, такъ какъ у него была уже лихорадка. Онъ велѣлъ перенести себя на кровати для жертвоприношенія, — обрядъ который онъ, согласно обычая, ежедневно исполнялъ.

«Послѣ жертвоприношенія онъ легъ на мужской половинѣ. Здѣсь онъ отдалъ офицерамъ приказаніе относительно предстоящей сухопутной и морской экспедиціи; велѣлъ тѣмъ, которые должны были отправиться сушою, быть готовыми къ четвертому дню, а тѣмъ,

которые должны были състь съ нимъ па корабль—къ пятому. Оттюда онъ приказалъ перенести себя на кровати къ рѣкѣ, гдѣ онъ сѣлъ на лодку и отправился въ царскій садъ, находившійся на другомъ берегу. Тамъ онъ снова взялъ ванну и отдохнулъ.

«На другой день онъ опять взялъ ванну и исполнить предписанный обрядъ жертвоприношения. Придя въ свою комнату, онъ, лежа весь день игралъ съ Медіемъ и кости. Онъ приказалъ офицерамъ явиться къ нему на другой день, рано утромъ; затѣмъ вечеромъ, онъ взялъ ванну, привезъ жертвоприношено богамъ, поѣхъ немного и велѣлъ перенести себя въ свою комнату; всю эту ночь, безъ перерыва, его уже била лихорадка.

«На другой день, онъ взялъ ванну и затѣмъ исполнить обрядъ жертвоприношения. Лежа въ комнатѣ, гдѣ стояли воины, онъ провелъ время съ офицерами, прѣхавшими изъ Неарка, слушая ихъ разсказы о мореплаваніи и о великому морѣ.

«На слѣдующій день онъ опять взялъ ванну и исполнить обрядъ жертвоприношения. Лихорадка не оставляла его болѣе и лихорадочный жаръ усилился. Не смотря на это, онъ позывалъ къ себѣ офицеровъ и велѣлъ имъ быть на готовѣ къ морской экспедиціи. Къ вечеру онъ взялъ ванну, но послѣ нея, ему стало уже очень плохо и ночь была мучительна.

«На слѣдующій день его перенесли въ домъ, находившійся около большого бассейна; исполнилъ, по обыкновенію, обрядъ жертвоприношения, онъ былъ въ сильномъ лихорадочномъ состояніи. Онъ не вставалъ съ постели, по это не помѣшало ему говорить съ своими полководцами о тѣхъ войскахъ, которые были лишены своихъ начальниковъ, о чмъ онъ приказалъ имъ пошботиться.

«На слѣдующій день, его съ трудомъ перенесли на мѣсто жертвоприношения. Не смотря на это, онъ исполнилъ обычный обрядъ, но уже никакихъ приказаний своимъ генераламъ относительно мореплаванія не отдавалъ.

«На слѣдующій день онъ, въ сильной лихорадкѣ, исталь для жертвоприношения. Онъ велѣлъ главнымъ изъ своихъ полководцевъ провести ночь на дворѣ, а низшимъ офицерамъ—передъ воротами. На слѣдующій затѣмъ день его перенесли изъ царскаго сада во дворецъ, онъ спалъ немного, но лихорадка не уменьшалась: когда вошли полководцы, онъ увидѣлъ ихъ, но не сказалъ имъ

ничего; онъ не могъ говорить и ночь пролежалъ въ сильной лихорадкѣ.

«На слѣдующій день лихорадка усилила еще болѣе. Македоняне считали его умершимъ: они пришли, грохнувшись, къ воротамъ и своими угрозами, заставили теперь открыть ихъ. Когда ворота были открыты, они, въ простыхъ туникахъ, окровавлены и кровать.

«На слѣдующій день царь былъ въ томъ же положеніи, а на другой день, къ вечеру, умеръ».

Вотъ подлинный разсказъ. Есть ли какая-либо возможность объяснить его съ точки зрѣнія медицины?

Прежде всего замѣтимъ, что во всемъ этомъ разсказѣ, идетъ рѣчь только о лихорадочномъ состояніи царя, и кромѣ лихорадки, ни о какомъ другомъ симптомѣ не упоминается. Ничего не сказано ни о какой-нибудь боли въ той или другой части тѣла, ни о затрудненіи дыханія, ни о кашлѣ, однимъ словомъ, ни о чёмъ, чтобы могло указать на мѣстное воспаленіе. Слѣдовательно, у Александра была лихорадка. Въ приведенномъ нами описаніи сохранилось достаточно данныхъ, по которымъ можно хотя ретроспективно, сдѣлать діагнозъ болѣзни, погубившей Александра. Здѣсь характеристично ея перемежающееся состояніе въ началѣ. Лихорадка, которая длится 11 дней, въ первомъ своемъ періодѣ является перемежающейся, а въ послѣднемъ становится непрерывною; есть болѣзнь очень обыкновенная въ жаркихъ странахъ: многие врачи Алжира называли ее ложно-непрерывной.

Два врача сдѣлали уже попытку опредѣлить болѣзнь Александра; но, опираясь на дурно истолкованное мѣсто Юстіана, они помогали, что болѣзнь царя длилась всего только шесть дней; къ тому же они не составили себѣ точнаго отчета о ея продолжительности по «Царскімъ Эфемеридамъ»; тѣмъ не менѣе этотъ перемежающейся характеръ поразилъ ихъ. И такъ, Александръ умеръ отъ одной изъ тѣхъ лихорадокъ, которая такъ обыкновенна въ Алжирѣ, въ Греціи, въ Индіи, которая и въ настоящее время свидѣствуетъ вѣроятно, на берегахъ Ефрата. Такимъ образомъ разрѣшается вопросъ объ отравленіи: если доказано, что болѣзнь Александра была лихорадка, то этимъ самымъ доказывается и то, что ядъ, и еще можно пода Стикса, могли быть причиной его смерти.

Мининъ, въ своей книгѣ о погребеніи Александра и Эфестіона

приписываетъ смерть Александра излишеству въ употреблениі вина. «Протей, македонянинъ, говоритьъ онъ, былъ большой пьяница; не смотря на это, онъ пользовался хорошимъ здоровьемъ, такъ какъ привыкъ нить. Александръ, потребовалъ большую чашу, осушилъ ее прежде Протея; этотъ послѣдній взялъ чашу, въ громкихъ выраженіяхъ похвалилъ короля и желая заслужить одобреніе всѣхъ гостей, въ свою очередь, выпилъ изъ нея. Немного спустя, Протей, потребовалъ ту самую чашу, снова осушилъ ее. Александръ смѣло послѣдовалъ его примѣру; но это излишество оказалось ему не по силамъ: онъ упалъ на подушку и чаша выскользнула изъ его рукъ. Этимъ началась его болѣзнь, отъ которой онъ умеръ,— болѣзнь ниспосланаая ему гневомъ Бахуса за то, что онъ завладѣлъ городомъ Оивы, мѣстомъ родины этого бога».

Но мы должны сложить съ Бахуса всякую вину въ болѣзни царя. Дѣйствительно, излишства въ употреблениі вина, нарушая экономію, могутъ сдѣлать организмъ болѣе восприимчивымъ къ болѣзнямъ; но Александръ жилъ въ мѣстности, где очень могущественны причины, объясняющія появленіе перемежающихся лихорадокъ. Онъ только что совершилъ съ несколькими судьями экспедицію по болотамъ, образуемымъ Ефратомъ, ниже Вавилона и тамъ-то онъ встрѣтилъ врага, противъ которого оказались безсильными его непобѣдимая фата и его победы, но отъ которого спась бы его, можетъ быть, искусный и виргинацкій врачъ.

Какія мѣры были приняты, чтобы уничтожить болѣзнь? Въ «Царскихъ Эфемерідахъ», по крайней мѣрѣ въ выпискахъ, сохранившихъ Арріеномъ и Плутархомъ, ничего не упоминается о врачахъ и о врачебной помощи; въ нихъ говорится только объ обрядахъ жертвоприношениія, которые аккуратно исполнялъ Александръ и о вапиахъ, которыхъ онъ бралъ, пока силы ему это позволяли, съ неменьшею аккуратностью. Религіозные обряды имѣютъ нравственное вліяніе, которое въ некоторыхъ случаяхъ можетъ быть благотворно. Но на многихъ болѣзняхъ и между прочимъ на лихорадку, они не могутъ оканчить никакого дѣйствія. Огъ всѣхъ жертвоприношений у Александра остались только физическая усталость; всякая же усталость, всякое движеніе, всякое напряженіе влечетъ за собою увеличеніе болѣзни; отдыхъ и спокойствіе,—вотъ

но мвѣнію медиковъ лісавшихъ обѣ этихъ лихорадкахъ, необходимыя условія для спѣшаго лечения ихъ. Александръ исполнилъ обрядъ жертвоприношенія въ первый, во второй, въ третій, даже въ четвертый день своей болѣзни, когда положеніе его было уже опасно; въ пятый день его съ трудомъ принесли на мѣсто жертвы приношенія, въ шестой, онъ еще разъ исполнилъ этотъ обрядъ, не смотря на то, что чувствовалъ себя очень плохо, и тогда только прекратилъ эти жертвоприношенія, когда силы его были до послѣдней крайности истощены. Можно сказать съ увѣренностью, что при его лихорадочномъ состояніи, это ежедневное напряженіе силъ не могло оставаться безнаказаннымъ и что, исполняя предписанные обряды, онъ этимъ еще болѣе усиливалъ ту опасность, которая грозила ему сама болѣзнь. Не меньшему осужденію подлежать тѣ ванны, которыхъ онъ съ такимъ постоянствомъ бралъ въ теченіе первыхъ шести дней своей болѣзни; ванны не принадлежатъ къ числу средствъ, употребляемыхъ современными врачами въ лихорадкахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь; есть основаніе полагать, что въ подобныхъ случаяхъ ихъ не употребляли и древніе врачи. Гиппократъ, по крѣйней мѣрѣ, не совѣтуетъ прибѣгать къ нимъ въ опасныхъ лихорадкахъ.

Одинъ Диодоръ Сицилійскій упоминаетъ о врачахъ, но онъ говоритъ только, что они были призваны къ царю, но не могли оказать ему никакой помощи. Намъ извѣстно, какія средства они употребили, но не подлежитъ сомнѣнію, что образъ жизни, который велъ Александръ въ послѣдней своей болѣзни, способствовалъ увеличенію дурныхъ шансовъ и дѣлалъ болѣе неизбѣжною роковую развязку ея. Острая болѣзнь всегда очень опасна; необходимо, чтобы больной не ухудшалъ своего состоянія ошибками и чтобы врачъ искусно пользовался бы такими данными и средствами, которые доставляетъ ему искусство. Хорошій англійскій или французскій докторъ, привыкшій лечить болѣзни жаркихъ странъ, предписалъ бы въ началѣ кровопусканіе, если только того бы потребовало общее состояніе больнаго, или затѣмъ онъ бы прибѣгнулъ къ слабительнымъ и къ сѣрнокислому хинину и легко могъ бы вылечить своего пациента. Хорошій врачъ временъ Гиппократа, употребилъ бы тѣ же самыя лекарства, кромѣ сѣрнокислаго хинина, и принесъ бы также пользу, хотя не въ такой степени, какъ

современный медикъ. Царь же македонскій, исключительно руково-димый, въ своей опасной болѣзни, сонѣтами, въ основѣ которыхъ лежало суетѣrie, умеръ, не смотря на свою молодость и свой крѣп-кій организмъ.

Подозрѣнія, возбужденныя смертью Александра — подозрѣнія, опровергнутыя, впрочемъ, патологію, не выходили никогда за предѣлы народной молвы и не послужили поводомъ къ какому бы то ни было разслѣдованію. Тоже самое нельзя сказать о другой, преждевременной смерти, которую общественное мнѣніе приписало яду,—я говорю о смерти Германика. Дѣло разбиралось въ сенатѣ. Обвиненный, прежде чѣмъ быть произнесенъ приговоръ, лишился себя жизни. Германикъ былъ посланъ на востокъ. Въ тоже время Пизонъ получилъ управление Сиріей. Поведеніе этого губернатора въ отношеніи къ Германику отличалось грубостью и неповиновѣніемъ, доходившими до послѣдней крайности. Жена его, Иланцина не отставала отъ своего мужа и когда Германикъ палъ, Пионъ и Иланцина выказали самую гиусную радость; первый приказалъ спо-пмъ ликторамъ выбросить воинъ изъ Антіохійскаго храма иѣръ-твы, иринесенія для спасенія жизни молодаго царя, а вторая при первомъ извѣстіи о случившейся катастрофѣ, поспѣшила снять трауръ, который носила по сестрѣ. Немудрено, что въ виду подоб-наго поведенія, столь же странаго, сколько и преступнаго, весь Римъ заговорилъ объ отравленіи Германика, и конечно при этомъ не останавливались на Пизонѣ, а заходили дальше, предполагая, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ лишь по инущеніямъ Тиверія, завидовавшаго тому особенному расположенню, которому Германикъ пользовался среди римлянъ. Дѣйствительно, посѣдѣстия показали, до чего доходила ненависть Тиверія. Гордая и добродѣтельная супруга Германика, Агриніана, погибла въ начоченіи на островѣ, предварительно лишившись глаза, который лишилъ ей ударомъ палки центурионъ. Изъ двухъ старшихъ сыновей ея, одинъ, Неронъ, погибъ также на островѣ, одна ли ей голодной смертью, и въ своей погибели увлекъ за собой не только многихъ знатныхъ лицъ, но даже и невольниковъ ихъ. Такимъ образомъ былъ каз-ненъ Титъ Сабиній вмѣстѣ со всей своей супругой; тѣла казненныхъ были брошены на самомъ мѣстѣ казни и на этотъ разъ взорамъ собравшейся толпы представилось столь же оригинальное, сколько

трогательнос зрелице: собака одного изъ невольниковъ, погибшихъ лашь за то, что господинъ ихъ былъ другомъ сына Германика, не захотѣла разстаться съ трупомъ своего несчастнаго господина и вмѣстѣ съ нимъ исчезла въ волнахъ Тибра, когда волны эти понесли безжизненное тѣло. Каково было то общество, въ которомъ трупы несчастныхъ казненныхъ бросались въ ту самую рѣку, которая протекаетъ въ самой срединѣ славнаго и многолюднѣйшаго города міра. Второй сынъ, Друзій, умеръ также отъ голода въ одномъ изъ тайниковъ дворца. Прибавимъ къ этому, что когда Пизонъ, уже послѣ своей смерти, былъ приговоренъ сенатомъ, Тиверій постарался на сколько возможно смягчить приговоръ, а Планцину и совершилъ избавилъ отъ всѣхъ послѣствій этого приговора.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти жестокости, направленныя противъ несчастнаго семейства, не доказывали еще неизбѣжно, что глава его погибъ по повелѣнію Тиверія. Вникая въ подробности дѣла находимъ, что дворецъ, гдѣ лежалъ больной Германикъ, былъ наполненъ разнаго рода орудіями колдовства, которымъ суевѣrie того времени приписывало сплу сокращать жизнь. Все это доказывало большую ненависть со стороны враговъ Германика; колдовство, при всей безвредности своихъ средствъ, дѣйствуетъ на воображеніе и, кажется, что именно такимъ образомъ, здоровье Германика пострадало отъ враговъ. Одинъ изъ его лейтепантовъ отправилъ въ Римъ, для показаній при процессѣ, одну знаменитую колдунью, извѣстную своими злодѣйствами и своими отравленіями; женщина эта дорогой умерла и на Пизона нало обвиненіе, что онъ постарался отдѣлаться отъ нея. Вителлій, одинъ изъ обвинителей, приводилъ въ доказательство отравленіе Германика тотъ фактъ, что сердце его осталось не сгорѣвшимъ среди пламени костра. Справедливости этого факта вѣрить трудно; иритомъ если и дѣйствительно сердце не сгорѣло, то приписать это можно лишь какой нибудь случайности въ направленіи пламени, а самый вопросъ объ отравленіи отъ этогоничуть не разъясняется. Ко довершенню всего никто изъ обвинителей не могъ сказать, когда именно и какимъ образомъ было совершено отравленіе. Правда они утверждали, что во время одного изъ обѣдовъ, Пизонъ, возложившій возлѣ Германика (известно, что римляне обѣдали лѣжа) собственноручно под-

мѣшаль ядъ въ кушанье припца; но подобный поступокъ показался всѣмъ слишкомъ невѣроятнымъ, при такомъ множествѣ чужихъ слугъ и въ присутствіи самого Германника и столькихъ гостей.

Защита приводила въ оправданіе характеръ болѣзни, отъ которой погибъ молодой Германникъ; но всѣмъ вѣроятіемъ она указывала на продолжительность болѣзни, на временно-наставшее улучшеніе и на всѣ тѣ несходства, какія можно было замѣтить между симптомами и обыкновенными признаками отравленія. Но въ этомъ случаѣ достойно вниманія то, что сенатъ не паничъ нужнымъ призвать ни одного доктора для выраженія своего мнѣнія по этому предмету. Какъ бы то ни было, самъ Германникъ, вправдѣ обладавшій своей болѣзни, и жена, какъ и всѣ друзья его были убѣждены что онъ погибаетъ жертвою отравленія. Онъ потребовалъ отъ нихъ обѣщанія преслѣдовать виновниковъ его смерти и отмстить за нее; но когда дѣло это дошло до сената, то оказался недостатокъ въ положительныхъ доказательствахъ. Обвиненному удалось опровергнуть показаніе и въ настоящее время, такъ какъ до настъ не дошло никакихъ подробностей о самой болѣзни, невозможно произнести какое-либо сужденіе по этому предмету и сколько нибудь разсказать, или подтвердить подозрѣнія, начавшія на Низона и его жену.

Все то, что доходитъ до настъ изъ жизни этого древнаго общества, отдѣленного отъ настъ такимъ громаднымъ промежуткомъ времени, приводитъ къ заключенію, что тамъ существовали особенные лабораторіи для приготовленія ядовъ, иначеъ, тѣсно связанныя съ колдовствомъ и магіей, которымъ такъ усердно предавалось втайне римское суевіе. Несомнѣнно также что, несмотря на полное незнакомство съ химіей, мастерски эти умѣли производить чрезвычайно дѣйствительные яды. Сенека, изъ однѣхъ изъ своихъ весьма Ѣдкихъ отзывовъ о нравахъ того времени, называетъ этихъ приготовителей ядовъ великими артистами и говорить, что ихъ мистеріи не чувствительны ни для обонянія, ни для вкуса. Сила же ихъ дѣйствій доказывается изгѣстіемъ отравленіемъ, не подверженнымъ уже никакому сомнѣнію, именно отравленіемъ Британника.

Римлане имѣли обыкновеніе нить отъ времени до времени стаканъ теплой воды. Обычай этотъ, составившій неизѣнную при-

надлежность ихъ дѣты, показываетъ намъ, насколько измѣняются вкусы и обычай перехода изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного народа на другой. Довести эту воду до той степени теплоты, которая была бы пріятна для питья, составляло немаловажную задачу для слугъ, и Арріенъ, въ своихъ правилахъ нравственности, между прочимъ ставить въ обязанность хозяину не предаваться порывамъ гибва противъ невольниковъ, которымъ случится подать воду для питья слишкомъ теплой или слишкомъ холодной. Благодаря этому обычаю удалось отравить Британника, не повредивъ въ тоже время тому, кто былъ обязанъ пробовать питье. Дѣти императорской дома вмѣстѣ съ другими дѣтьми нѣкоторыхъ знатныхъ римскихъ семействъ обѣдали всегда сидя, за отдельнымъ маленькимъ столомъ; родители ихъ обѣдали лежа, за большимъ столомъ. Слуга подносилъ Британнику воду, которая оказалась слишкомъ согрѣтой; тотъ отолкнулъ сосудъ, и когда ему подлили холодной, заранѣе уже отравленной воды, несчастный, при первомъ глоткѣ, упалъ безъ голоса и безъ дыханья. Зрѣлище это поразило ужасомъ Агриппину также какъ и Октавію, сестру несчастной жертвы. Неронъ произнесъ тѣ самые слова, которыя и Расинъ вложилъ въ его уста: но что всего трагичнѣе во всей этой трагедіи, что обрисовываетъ всего ярче весь упадокъ этого глубоко испорченного двора, такъ это именно то, что послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія обѣд продолжался съ прежнею, повидимому, веселостью и все пошло своимъ чередомъ, какъ будто ничего и не случилось. Разумѣется, Британникъ былъ немедленно унесенъ и пока другіе кончали обѣдать, онъ кончилъ свою жизнь. Изъ этого видно, какъ страшно быстро было дѣйствіе яда, если юноша немедленно потерялъ сознаніе. Но изъ чего состояли эти ядовитыя снадобья, которыя съ такою быстротою подтачивали всѣ пружины жизни? Уже въ царствованіе Тиверія имѣли случай видѣть, какъ одинъ римскій всадникъ, обвиненный въ оскорблѣніи величества, посреди самаго сената принялъ ядъ и тутъ же упалъ въ смертельныхъ судорогахъ къ ногамъ сенаторовъ. Ликторы поспѣшили подхватить его и унести въ тюрьму; но когда хотѣли приступить къ казни, въ рукахъ него оказался уже одинъ безжизненный трупъ. Изъ числа извѣстныхъ ядовъ только весьма немногіе способны причинять такую быструю смерть; притомъ большинство ихъ получается изъ

странъ, неимѣвшихъ тогда никакихъ сношений съ римской имперіей, такъ что остается одна сицилийская кислота, на которую могло настѣть подозрѣніе. Весьма многія ядра фруктовъ содержать ее, такъ что великимъ артистамъ, о которыхъ говорить Сенека, не трудно было, при ихъ разнообразныхъ манипуляціяхъ, настѣть на шѣкоторыя изъ смертоносныхъ соединеній этой кислоты. Такимъ же точно случайнымъ образомъ и алхимики среди своихъ новѣковъ, плавленій и различныхъ комбинацій, нашли на открытие многихъ дѣйствительно полезныхъ и даже драгоценныхъ веществъ, какъ-то спиртъ, иѣкоторыя сицилийская кислоты, фосфоръ и т. д. Наконецъ стоитъ припомнить и все находки дикихъ племенъ по части ядовъ.

Но это только еще одна изъ сторонъ римского общества во времена первыхъ императоровъ. Рядомъ съ такой привычкой прибѣгать къ ядамъ, и съ легкостью ихъ употребленія, мы видимъ полнѣйшую невозможность открыть какіе-либо слѣды присутствія яда, и тѣмъ обличить преступленіе. И эти два явленія связанны между собой не простою случайностью—одновременность ихъ существованія имѣть основу болѣе глубокую,—она есть слѣдствіе необходимости, слѣдствіе самихъ законовъ истории; другими словами каждая ступень человѣческаго развитія имѣть соотвѣтствующей, опредѣленную ступень, на которой исполнено должно стоять и административное правосудіе.

Въ иѣкоторыя эпохи, отмѣченныя дурно перевиенной артиллерией, въ большомъ ходу были теоріи, состоянія въ томъ, что народы древняго міра обладали самыми обширными научными познаніями, которые теперь новѣйшія поколѣнія стремятся только мало по малу возвратить. Разсматривая этотъ вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, безъ всякой провѣрки, конечно, но трудно вообразить себѣ существованіе такихъ древнихъ народовъ, которые настойчивыми трудами, подобными нашимъ, достигли той же, если еще не высшей ступени образованія, и имѣть какіе нибудь перевороты въ природѣ въ родѣ потоповъ, катализмовъ, погруженія материковъ и перемѣщенія морей, или что нибудь въ родѣ чумы, несравненно болѣе свирѣпой, чѣмъ шапиційский холера, или даже чѣмъ средневѣковая черная смерть, уничтожили до тѣлъ эту цивилизацию и снова низвели родъ человѣческій до состоянія дикарей во мы не находимъ решительно ничего въ исторіи для подтвер-

жденія подобного предположенія—все это оказывается одной игрой воображенія, а какъ только обращаемъ къ фактамъ, то рѣшительно ничего не встрѣчаемъ, кромѣ общезнѣстной исторической постепенности, начиная отъ древнѣйшихъ эпохъ египетской истории вплоть до нашихъ временъ. Теперь если бы кто нибудь вздумалъ на какой нибудь точкѣ этого развитія помѣстить подобное высокое состояніе науки, сейчасъ же является препятствіе именно въ томъ, что такое состояніе науки непремѣнно требуетъ совсѣмъ другого порядка вещей, нежели тотъ, среди которого думаютъ дать ему мѣсто. Пусть приписываютъ сколько угодно египтянамъ временъ пастушескихъ или даже еще болѣе древнихъ временъ фараоновъ, полное знаніе системы мірозданія, тяготѣнія вселенной и формы земли—стоитъ только задать себѣ вопросъ при какихъ условіяхъ возможны были такія знанія и окажется, что для этого необходимы были и всѣ успѣхи математики, включая и интегральное и диференціальное счисление, всѣ работы, относящіяся до силы притяженія и наблюденія маятника подъ экваторомъ. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что послѣ такихъ работъ, умы достаточно любознательные и достаточно проницательные, чтобы найти уже такъ далеко въ открытияхъ тайнъ мірозданія, распространили бы павѣрь по своимъ изысканіямъ и въ области химіи и біологіи, равно и соціальной науки; и въсемъ бы отозвалось это общее движеніе впередъ различныхъ знаній, и что нибудь подобное нынѣшней нашей цивилизациіи непремѣнно возникло бы въ эти древнія времена. Но такъ какъ ничего подобного мы тамъ не встрѣчаемъ, то и остается, перебирая звено за звеномъ цѣпи различныхъ знаній, придти къ заключенію, что и состояніе познаній по части астрономіи и математики, не могло перейти той границы, которая опредѣляется общимъ состояніемъ общественнаго строя.

Подобныя соотношенія—результаты тѣхъ самыхъ условій, которыя пзъ общества образуютъ одно великое цѣлое и не допускаютъ развитія какой нибудь одной его части, безъ совмѣстнаго развитія и всѣхъ остальныхъ. Чѣмъ болѣе все это будетъ приниматься во вниманіе, тѣмъ прочнѣе и плодотворнѣе будетъ знаніе. Исторія сдѣлала значительный шагъ впередъ, включивъ въ число своихъ доктринъ это великое понятіе о соотношеніяхъ и совмѣстномъ существованіи. И вслѣдствіе весьма естественной связи, то, что приз-

шно справедливымъ въ отношении науки, не менѣе справедливо и въ отношении нравственного міра. Въ этой области есть также свои необходимыя соотношенія, свои постепенные уровни; конечно, здѣсь идти не обѣ индивидуальнымъ дѣйствіяхъ—безъ сомнѣнія по міру и во всѣ времена встречались поступки и самые геройскіе и самые преступные — тутъ нужно принимать въ разсчетъ, такъ казать, коллективную нравственность, то общественное мѣсто, которое запрещаетъ или разрѣшаетъ. Эта-то общественная нравственность и находится въ несомнѣнной зависимости отъ совокупности соціальныхъ явлений; она не можетъ быть одна и та же и во времена греко-римского паганизма и въ тѣ вѣка, когда господствовали церковь и феодализмъ и, наконецъ, въ періодъ революціонныхъ переворотовъ, которые потрясли зданіе среднихъ вѣковъ. Понѣтно тому, какъ развивающаяся наука усиливаетъ преобладаніе бѣдныхъ идей, такъ и развивающаяся нравственность ведетъ къ преобладанію общихъ интересовъ, и кто захочетъ прослѣдить всѣ переходы отъ древняго міра къ міру римско-католическому и наконецъ къ новѣйшимъ временамъ, тотъ увидитъ, что таковъ дѣятельно ходъ историческаго развитія.

Природа — мать столькихъ полезныхъ вещей, производить въ же время не мало и вредныхъ; такъ напримѣръ, въ жестокомъ юбиліи распространены въ ней яды всѣхъ родовъ. Царство минеральное доставляетъ громадное количество ихъ; множество растѣй ядовиты; даже иѣкоторыя изъ животныхъ снабжены весьма опаснымъ ядовитымъ веществомъ; во многихъ болѣзняхъ наимѣнѣе соки обращаются въ средства производить сильнѣйшее отравленіе; наконецъ, и самое броженіе и гниеніе, дѣйствующія въ природѣ непрерывно, составляютъ источники самыхъ смертоносныхъ испареній. Тоже самое мы видимъ и въ пристрастіи мірѣ — есть такое же обиліе вредныхъ влияний, какъ то дурнія наклонности, пороки и преступленія. Но подобно тому, какъ разумная изобрѣтательность стремится обуздѣть вредныя силы, изобилующія въ природѣ, такъ точно и разумная пристрастіность старается подавить личныя наклонности и усилить преобладаніе общественныхъ интересовъ. Нечего и прибавлять что усилѣи, какъ тобъ такъ и дружи, зависятъ отъ одной главной работницы — науки.

Медицина, составляющая иныѣ такою могущественное оружіе въ укахъ правосудія, достигла своего настоящаго положенія лишь

вследствие громадныхъ работъ и самыхъ трудныхъ открытій, и то работы, эти открытія были долгое время запрещаемы ей обществою и мнѣніемъ. Въ древности она была лишена самого главнаго пособія—возможности разсѣкать мертвыхъ тѣла и дѣлать искыданія тѣхъ поврежденій, которыя причинили смерть. Бдито и ие и строгіе предразсудки ревниво оберегали бренные останки и защищали ихъ отъ научныхъ изслѣдованій, которыя казались однімъ пустымъ и преступнымъ любопытствомъ. Правда, династія греческихъ королей въ Египтѣ рѣшилась дать дозволеніе, замѣчательное по своей дѣятельности, Александрийской школѣ наложить руку на трупы умершихъ людей; но эта аномалія, это возмущеніе противъ общественнаго мнѣнія удержались не долго, такъ что знаменитый Галліенъ, оставившій по анатоміи замѣчательный сводъ всѣго, что было въ древнемъ мірѣ известно по этому предмету, долженъ былъ всю жизнь ограничиваться работами на трупахъ обезъянъ. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о томъ чтобы отыскать слѣды введенаго яда, и потому послѣ смерти Германника, тѣ самыя личности, которыя были всего болѣе увѣрены въ его отравленіи, жена и друзья его распорядились сами сжечь тѣло молодаго вождя и тѣмъ уничтожили всякие слѣды преступленія. Но кому же и могло тогда прийти въ голову чтобы могла существовать такая наука, такое искусство, которыя были бы въ состояніи отыскать въ организмѣ мельчайшія частицы ядовитаго вещества? И кто же въ настоящее время, можетъ не видѣть той замѣчательной тѣсной связи, которая существуетъ между различными частями соціальной жизни. Пока теологическія доктрины патанізма запрещали прикасаться къ мертвымъ тѣламъ, до тѣхъ поръ и наука не была въ состояніи извлечь какую либо пользу изъ подобныхъ изслѣдованій, будь они даже разрѣшены; такъ что въ сущности и подобное запрещеніе и безсиліе науки были не только одновременными фактами, но и слѣдствіями одного и того же природа вещей.

Не далѣе какъ въ средніе вѣка, въ XIV столѣтіи, наконецъ иниции пренебрѣгли древними предразсудками и разрѣшили дисекцію труповъ. Такимъ образомъ средніе вѣка, во второй своей половинѣ, приобрѣли наконецъ то, чего такъ недоставало языческой пропагандѣ, именно возможность изучать, безъ угрозеній совѣсти и бои опасности для изслѣдователя, человѣческое строеніе самому

мловѣкѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ эти же времена развилося прастное увлеченіе алхиміей, той алхиміей, которой несмотря на всю химеричность ея погони за разными всесицѣляющими элексирами и превращеніями матеріи, мы обязаны столькими замѣчательными открытиями, столькими полезными веществами. Алхимія, разматриваемая съ философской точки зреінія, есть одно изъ самыхъ характеристичныхъ явлений среднихъ вѣковъ—одно изъ тѣхъ явлений, въ которыхъ выразилась вся сила прогрессивнаго движения.

XVI столѣтія, съ Везаліемъ во главѣ, снова принимается за шатомію и, такимъ образомъ, медицина мало по малу подвигается къ тому моменту, когда ей возможно будетъ приняться за величайшую задачу токсикологіи (наука о ядахъ). Въ самомъ дѣлѣ вслѣдъ за настоящей анатоміей развивается такъ называемая анатомія патологическая, т. е. изученіе тѣхъ слѣдовъ, которые оставляютъ въ организмѣ болѣзнь и тѣхъ поврежденій, которыя сдѣлали органы способными къ дальнѣйшему отправленію своихъ функций. Въ ряду тихъ изслѣдованій заняло свое мѣсто и изслѣдованіе дѣйствій ядовъ; оказалось, что большинство ихъ измѣняетъ во всѣхъ отношеніяхъ свойства живыхъ тканей. Еслиъ затѣмъ въ этихъ измѣненіяхъ удалось подмѣтить какую-нибудь особенную характеристичность, задача была бы совершенно решена; медицина тогда не имѣла бы подобности прибѣгать ни къ какой посторонней помощи, тобъ объявить, было ли въ томъ или другомъ случаѣ отравленіе ли неѣтъ. Къ сожалѣнію, дѣло оказывается не такъ просто; существуетъ много внутреннихъ болѣзней производящихъ въ органахъ змѣненія до того сходныя съ тѣми, которыя причиняютъ дѣйствіе да, что медицина не имѣетъ возможности различить ихъ и это обстоятельство дѣлаетъ заключенія ея чисто логическими, что мы съ имѣемъ достаточно права, основать на нихъ приговоръ жизни ли смерти.

Пока медицина шла такимъ образомъ своей дорогой, алхимія, ядомъ постепенныхъ преобразованій, описывать которыя здѣсь неѣтъ, превратилась мало по малу въ химию, доказавшую нигляднымъ и неоспоримымъ образомъ, что ни одинъ предметъ матеріи въ природѣ не исчезаетъ и что въ каждомъ составномъ тѣлѣ можно тщательно всѣ элементы его составляющіе. Не лишнее и здѣсь братить вниманіе на тѣ необходимыя совпаденія, которыя постоянно представляютъ намъ историческое развитіе; въ теченіе XVII, а

главнымъ образомъ въ половинѣ XVIII вѣка организовалась вполнѣ химія; къ тому же самому времени и медицина настолько подвинулась, что оказалась въ состояніи воспользоваться неожиданной помощью, которую она встрѣтила въ новой наукѣ. Можно сказать, что еще ни разу въ теченіе всего своего постепенного развитія, она не встрѣчала ничего, до такой степени облегчающаго ея собственныя изысканія, и этой новой помощью она поспѣшила воспользоваться для того, чтобы прослѣдить путь, которымъ ядъ проходитъ въ организмѣ. Такимъ образомъ то, что въ древности считалось до такой степени невозможнымъ, что и самая мысль о такихъ изысканіяхъ не могла зародиться въ умахъ того времени, теперь стало представляться какъ весьма разрѣшимая задача, за которую немедленно и принялись.

Рѣшеніе этой задачи уже достигнуто, и оно вполнѣ удовлетворительно, относительно минеральныхъ ядовъ. Металлъ, не будучи способенъ къ дальнѣйшему разложенію, отыскивается и находится въ организмѣ, въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ онъ былъ введенъ въ него, несмотря на то, что ему пришлось перемѣшаться и съ пищею и съ питьемъ и съ жидкостями самого тѣла, и циркулируя вмѣстѣ съ кровью проникать въ самую глубь организма. Не то бываетъ съ ядами органическими, т. е. такими, которые доставляются растеніями и животными; эти яды обыкновенно вещества составные и иногда до чрезвычайности сложныя, элементы ихъ весьма легко разлагаются — отсюда недостатокъ той устойчивости, той прочности, которая въ металлическихъ ядахъ такъ облегчаетъ работу изслѣдователя. Но химія не остановилась въ бездѣйствіи и передъ этой новой трудностью, и въ настоящее время способъ открытия нѣкоторыхъ растительныхъ ядовъ уже найденъ, но конечно еще далеко до открытия всѣхъ ядовъ и во многихъ еще случаяхъ вместо достовѣрныхъ указаний, она можетъ представить судѣѣ лишь одни догадки и предположенія свои.

Здѣсь мы прослѣдили постепенное развитіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей медицины, нарочно останавливаясь при этомъ на нѣкоторыхъ эпизодахъ, оставляемыхъ обыкновенно безъ вниманія учеными историками. Въ древнія времена, когда наука была еще, что симомъ младенческимъ состояніи, въ глазахъ ея ядъ имѣлъ како то непосредственное дѣйствіе на жизненную силу организма, и разъ принятый онъ убивалъ человѣка всей совокупностью сво-

имъ свойствъ, прекращая разомъ всѣ жизненные процессы. Позднѣе когда наслѣдованія сдѣлали уже шагъ впередъ, стали замѣтить что во многихъ случаяхъ ткани, воспринявшія ядъ, потерпѣли значительныя измѣненія въ своемъ строеніи. Еще позднѣе нашли, что смертоносное вещество поглощается и проникаетъ въ кровь. Наконецъ, на послѣдней ступени, на которой стоитъ современное зна-
ніе, уже найдено средство прослѣдить ядъ на всемъ пути его до-
вѣхъ самыхъ сокровенныхъ уголковъ, гдѣ онъ гнѣздится по пре-
имуществу, или залегаетъ окончательно. Таковы плоды медицин-
скихъ трудовъ: причины, симптомы, измѣненіе тканей, лечение въ
границахъ возможности, все изслѣдовано, изучено, опредѣлено. Какъ
только всѣ эти медицинскія работы приведутъ къ положитель-
нымъ результатамъ, тотчасъ же вліяніе ихъ распространяется
и на отрасль, съ виду имъ совершенно чуждую, въ дѣлахъ сущес-
твенной важности они сдѣлаются источникомъ свѣта для право-
судія. Отдавая всю должную справедливость заслугамъ физіо-
логовъ и медиковъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что на ютому
поприщѣ они ничего не могли бы сдѣлать безъ помощи другой
науки — химіи, такъ какъ она одна дала средоточіе прослѣдить
весь путь вводимыхъ веществъ и выдѣлить икъ изъ соединеній.
Уже одинъ этотъ фактъ, почерпнутый изъ исторіи науки, окончательно подрываетъ всякую вѣру въ обширныя познанія древнихъ
вѣковъ по части токсикологии и особенно въ дѣлѣ открытия ядовъ;
такимъ образомъ, въ то время какъ съ одной стороны апили-
тируютъ кислоты и щелочи, собираютъ газы, изымаютъ убыль
и прибыль, выработывая такимъ путемъ понятие о соединеніяхъ и
разложеніяхъ, этой вѣчной молекулярной работѣ природы, какъ
съ другой стороны любопытныи глазомъ погружаются въ изслѣ-
дованіе труповъ, разрѣзываютъ жилы, сдѣлать ак-движеніемъ жид-
костей, стремясь вывести изъ всего этого систему понятій относи-
тельно условій жизни — въ то же самое время эти изслѣдованія,
чисто спекулятивныи, являются яркимъ свѣтильникомъ въ рукахъ
правосудія. Таково могучее и характеристичное свойство отвлечен-
ной истины. Стоитъ начать искать ее ради ся самой, и икъ числа
тѣмъ ожиданнымъ и неожиданнымъ практическимъ результатамъ,
которые повлечетъ за собой подобной работы.

БЫЛА ЛИ ОТРАВЛЕНА ГЕРЦОГИНА ОРЛЕАНСКАЯ НЕВѢСТКА ЛЮДОВИКА XIV.

Слѣдуетъ ли дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Первымъ побужденiemъ къ труду, заглавie которого вы здѣсь читаете, было внушено мнѣ любовью къ литературнымъ занятіямъ и желаніемъ вполнѣ насладиться прекраснымъ произведеніемъ. Всякому извѣстны тѣ подозрѣнія, которыя возбудила внезапная смерть герцогини; всякий тоже помнить печальное и трогательное воскликаніе Боссюэта: «О бѣдственная ночь! о ужасная ночь! въ которую вдругъ, подобно громовому удару, раздалось это поражающее извѣстіе: герцогиня умираеть, герцогиня умерла! Кто изъ насъ не былъ пораженъ этимъ ударомъ такъ же сильно, какъ будто ужасное несчастіе разразилось надъ его собственною семьей!» Каждый разъ, перечитывая погребальную рѣчь на смерть Генріетты - Анны английской, герцогини орлеанской, я останавливался на томъ мѣстѣ, которое вызвало столько рыданій подъ сводами церкви Сенъ-Дени и которое даже теперь мы не можемъ читать безъ волненія, и чувствовать, какъ во мнѣ возникаль глухой ропотъ, примѣшивавшійся къ этому торжественному плачу, что - то несогласное съ нимъ. Я думалъ, вотъ очаровательная женщина, еще молодая, исполненная прелести и кротости, пользующаяся полнымъ расположеніемъ своего брата и сына, двухъ могущественныхъ королей Великобританіи и Франціи, подвергается, вслѣдствіе печального оборота медали, инородческимъ, ругательствамъ и, быть можетъ, рукамъ убийцъ.

любимцевъ своего мужа; вотъ она умираеть отъ болѣзни столь же внезапной, какъ и неизвѣстной; всѣ говорятъ объ ядѣ; называютъ даже отравителя, кавалера де-Лоррена, недавно сосланнаго королемъ по просьбѣ герцогини, къ сильному неудовольствію герцога. Невозможно, чтобъ Боссюэтъ не зналъ этихъ слуховъ. Они были слишкомъ распространены въ обществѣ; но онъ, не обращая вниманія справедливы ли они или нѣтъ, съ презрѣніемъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ и отдастся своему удивительному краснорѣчію, иллюжающемуся въ трогательныхъ выраженіяхъ и печали, покорности и вѣры; это родъ христіанской элегіи, свободной отъ всякой мрачной тѣни. Но мы, читающіе эту рѣчъ, не можемъ оставить безъ вниманія ни слуховъ, ни мрачныхъ тѣней. Кажется, что холодъ отравы проникаеть въ наше сердце; что-то ядовитое, оскорбляющее насъ, кроется въ ней; и мы невольно задумываемся передъ этимъ образцовымъ произведеніемъ: прекрасный слогъ, великолѣпные образы, безконечное искусство; но, принимая за текстъ своей рѣчи, уeta суетъ и все суета, великий ораторъ взялъ изъ предмета, о которомъ онъ хотѣлъ говорить, только то, что въ немъ было сущаго и поверхностнаго. Все же серьезное, глубокое заключается въ мрачной драмѣ преступленія, совершеннаго на ступеняхъ трона; если Боссюэтъ не могъ, не долженъ былъ касаться подобныхъ аинъ, то ужасающая дѣйствительность, вставшая возлѣ него, просаеть тѣнь на его краснорѣчіе, которое кажется намъ только звучной риторикой.

Напротивъ, предположимъ, что мифніе обѣ отравленіи не имѣть основанія; предположимъ, что эта столь скоропостижная и таинственная для современниковъ смерть, естественна; въ такомъ случаѣ краснорѣчіе Боссюэта, очищенное отъ вѣковаго подопрѣнія, вновь принимаетъ все свое величественное спокойствіе. Онъ не могъ сказать ничего другого, какъ только то, что онъ скажетъ. «Оплакиваясь одномъ несчастіи всѣ бѣдствія человѣческаго рода и показываясь одной смерти смерть и ничтожество земнаго величія». Моя душа свободно предается увлечению этой рѣчи, говорящей о илачевной кончинѣ, а не о гибели преступленіи; величие христіанского міра открывается въ этихъ страницахъ, подобно тому, какъ величіе глыбическаго міра открывалось въ иленихъ Гомера.

Подъ этими-то впечатлѣніями я совершилъ послѣднія изслѣдо-

вания по предмету, о которомъ очень долго размышлялъ и разрѣ-
шеніе котораго я уже давно, какъ мнѣ казалось, предвидѣлъ. Но
изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я заранѣе, съ предвзятой цѣлью
искать только то, что мнѣ нужно было и въ то же время желалъ
снять съ двора Людовика XIV обвиненіе въ преступлѣніи, а въ
краснорѣчія Боссюэта обвиненіе въ неискренности. Напротивъ,
твѣрдо рѣшился, въ случаѣ если бы изслѣдованія не удовлетворили
бы меня, оставить во всей его силѣ страшное обвиненіе, заключающе-
щееся въ мемуарахъ Сен-Симона, или же ждать, пока чья нибудь
болѣе счастливая рука найдетъ доказательства, ускользнувшія отъ
меня. Но если читатель найдетъ достаточно убѣдительными мои
доказыванія о несчастливости смерти герцогини, то я буду вдвойне
доволенъ, что рѣшеніе, которое я сперва искалъ только изъ ува-
жения къ красотамъ погребальной рѣчи, изглаживаетъ изъ исторіи
подозрѣніе въ преступлѣніи. Гомеръ и Боссюэты! я называлъ ихъ
одного рядомъ съ другимъ и не отрекаюсь отъ этого. Великая про-
за не уступаетъ великой поэзіи въ красотѣ, прелесті и могуществѣ.
Никогда не испытывалъ я этого такъ сильно, какъ читая произве-
денія Боссюэта. Подобно поэзіи, которая, по счастливой аллегоріи
Греціи, обитаетъ на гордыхъ возвышенностяхъ Парнаса и Гелі-
кона, орель любитъ парить въ теологическихъ высотахъ, съ кото-
рыхъ онъ созерцаетъ ничтожество человѣка и двойственное дѣло
руль Божіихъ, исполненныхъ одна гнѣвомъ, другая милосердіемъ.
Тогда, чтобы каждый, способный только па это, могъ раздѣлить
восторгъ и содроганіе, испытываемые имъ при видѣ этого сверхъ-
естественного міра, онъ разражается въ выраженіяхъ, равняющихся
по своему совершенству самому совершенству въ области умствен-
ной красоты. Для его величественнаго языка достаточно самыхъ про-
стыхъ словъ: онъ призываетъ ихъ и они пришпимаютъ подъ его рукою
необыкновенный свѣтъ; онъ располагаетъ ихъ и выходятъ картины
величественныхъ и чудесныхъ образовъ; онъ ударяетъ по нимъ и
они издаютъ глубокую и величавую гармонію. Этими строками, такъ
несовершенно выражавшими мои чувства, я пытаюсь по крайней
мерѣ заплатить старый долгъ благодарности великому писателю.
Сколько часовъ моей молодости были очарованы имъ; сколько разъ
излился я съ нимъ къ идеалу, правда чуждому для меня, но къ

которому легко присоединяются величие историй и прелесть прошедшего.

Погребальная речь говорить о смерти, а смерть о трупѣ. Это отвратительное слово Боссюэ вставил въ свою речь; я привожу здесь этотъ отрывокъ, не смотря на его всеобщую извѣстность: «Она спустится въ эти мрачныя страны, въ эти, подземныя жилища, чтобы почить тамъ въ прахѣ съ великими міра сего, съ умершими королями и князьями, между которыми, какъ говорить Іовъ, гѣ трудомъ можно помѣстить ее, такъ густы ихъ ряды, такъ быстро смерть наполняетъ эти мѣста! Но здѣсь онять пане изображеніе обманываетъ насъ; смерть не оставляетъ намъ тѣла, способнаго занимать извѣстное пространство, остаются лишь гроба. Скоро са-мый характеръ нашей плоти измѣняется, наше тѣло принимаетъ новое название—трупа; но и это название, какъ говоритъ Терту-ланъ, не долго остается за нимъ, такъ какъ трупъ сохраняетъ еще некоторыя человѣческія формы; скоро тѣло дѣлается чѣмъ-то не имѣющимъ названія ни на какомъ языкѣ, все въ немъ умираетъ, даже печальныя названія его пѣчастныхъ останковъ!»

Въ свою очередь въ слѣдующихъ страницахъ, я проделываю пятнадцать листовъ трупъ, но не тотъ, который подъ досками гроба опускается въ нѣдро земли, а другой, неусѣвшиі еще покойдѣть и лежащій на постели, на которой онъ испустилъ послѣднее дыханіе. Медицина, дѣло которой изученіе и помощь, рассматриваетъ и прикасается къ тому, что оскорбляетъ зрѣніе и осязаніе. *Infringere sunt manus*, сказъ одинъ знаменитый докторъ, должно осквернять себѣ руки и не бояться покупать такою цѣною полевыя и точныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ гнѣздятся болѣзни, и о способахъ распознавать ихъ, угадывать ихъ исходъ и успѣшно лечить ихъ. Подъ прикрытиемъ медицины, я оиншу пѣдьи болѣзни, случившуюся около двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ специальныхъ сочиненіяхъ; при этомъ я буду оценивать всѣ признаки болѣзни, вскрывать тѣло, вымѣчать внутреннія повреждения и только на основаніи всего этого пронанссусу приговоръ о болѣзни, похитившей въ девятъ часовъ міту женщину и въ то же время принцессу могущественнаго Государства у величія міра, «въ который она, по выражению Боссюэ, была бы инвергнута». Но это еще не все; Боссюэ католикъ, а я послѣдователь положитель-

ной философи. Изъ того, что я могу смиренно преклоняться предъ великимъ ораторомъ, не слѣдуетъ, чтобы я смирялся передъ философомъ; въ послѣдствіе я приведу ученіе, которое онъ не могъ предвидѣть даже въ то время, когда предугадывалъ существованіе людей, которые «не будучи въ состояніи сознать величіе католицизма раздираемаго столькими сектами, будутъ искать гибельнаго нюха и совершенной независимости въ религіозномъ индифферентизмѣ или въ атеизмѣ». (Погребальная рѣчь на смерть английской королевы).

Но приступимъ къ дѣлу и начнемъ съ указанія фактovъ, возбуждившихъ подозрѣнія въ отравленіи; прежде всего они возникли у самой больной. Вскрѣ послѣ того, какъ ей сдѣлалось дурно, она подумала, что се отравили. Вотъ что говоритъ госпожа Лафайетъ, другъ принцессы, неоставлявшая ее ни на минуту послѣ выпитаго стакана цикорной воды до самой печальной кончины ея: «Вдругъ т. е. около полу-часа послѣ первыхъ припадковъ, герцогиня велѣла осмотрѣть воду, которую она пила, говоря, что должно быть по ошибкѣ взяли одну бутылку вместо другой, что она отравлена, что она увѣрена въ этомъ и чтобы ей дали противоядіе. Я стояла въ проходѣ подлѣ герцога и хотя считала его неспособнымъ на такое преступлѣніе, но любопытство и злоба, свойственная человѣческой природѣ заставили меня внимательно наблюдать за нимъ: онъ не былъ ни взволнованъ, ни смущенъ мнѣніемъ, высказаннымъ герцогинею; онъ приказалъ только дать выпить этой воды собакѣ *), и

*) Мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ Боссюэта: «Вскрытие тѣла было явнымъ доказательствомъ противнаго, т. е. того, что принцесса не была отравлена, такъ какъ только желудокъ и сердце, были найдены здоровыми, а эти части бываютъ прежде всего поражены ядомъ. Къ этому должно прибавить, что герцогъ для успокоенія герцогини, давалъ пить воду изъ бутылки госпожѣ Меккельбургъ, а остальную самъ выпилъ; герцогиня совершенно успокоилась и упомянула о ядѣ только въ разговорѣ съ маршаломъ де-Граммономъ, которому сказала, что ей сначала казалось, что се отравили». Письмо Боссюэта и показанія госпожи Лафайетъ представляютъ разногласіе относительно лицъ, которымъ пили цикорную воду для того, чтобы убѣдить герцогиню въ невозможности отравленія. Въ этомъ случаѣ Боссюэтъ заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ госпожа Лафайетъ, ни на минуту не покидавшая принцессу. Къ тому же изъ словъ госпожи Лафайетъ въ английского посланника видно, что мысль объ ядѣ не покинула совершенно герцогиню, какъ утверждаетъ Боссюэтъ. Что касается до мнѣнія, что ядъ преиму-

согласился, по желанию герцогини, послать за масломъ и противоядіемъ, чтобы избавить ее отъ этихъ мучительныхъ подозрений. Дебордъ, первая горничная герцогини, совершиенно преданная ей увѣряла герцогиню, что она сама приготовляла воду и пробовала ее, но герцогиня настоятельно требовала, чтобы ей принесли масло и противоядіе; ей дали и того и другого. Сент-Фуа, первый камердинеръ герцога, принесъ порошокъ охиды; герцогиня сказала, что принимаетъ порошокъ изъ его руць, потому что довѣряетъ ему. Герцогиню заставили принять, еще нѣсколько противоядій, которая быть можетъ, принесли ей больше вреда чѣмъ пользы. Казалось, она была совершенно убѣждена въ предстоявшей ей смерти и рѣшилась спокойно покориться ей. Но всѣмъ дѣроятіямъ мысль объ отравленіи утвердилась въ ея умѣ, и, видя, что всѣ средства напрасны, она не думала болѣе о жизни, а старалась только терпѣливо выносить страданія. Гесленъ, за которымъ посыпали въ Парижъ, прѣѣхалъ съ Г. Валэ, за которымъ посыпали въ Версаль. Какъ только герцогиня увидѣла Геслена, пользоцвившагося полнымъ довѣріемъ, она сказала ему, что рада видѣть его, что ее отравили и просила лечить ее сообразно съ этимъ. Маршаль де-Граммонъ подошелъ къ ея кровати; герцогиня сказала ему, что она терпѣть въ ней вѣрнаго друга, что она умираетъ и что ей казалось сначала, что ее отравили, по ошибкѣ. Она имѣла спокойный видъ, несмотря на увѣренность въ неизбѣжной смерти, на подозрѣніи въ отравленіи и жестокіи страданія.

Прѣѣхалъ англійскій посланникъ. Опѣраторъ герцогиню отравлена ли она; не знаю, отвѣтила ли она ему утвердительно, но я хорошо слышала какъ она говорила ему, что не слѣдуетъ увѣдомлять объ этомъ короля, ся брата, чтобы не усилить его горя, и въ особенности, чтобы не заставить его мстить за ся смерть, что король Франціи не виноватъ и потому не должно обвинять его. Все это она говорила она по англійски, а такъ какъ слова

щественно поражаетъ сердце, какъ будто бы существовать одинъ только ядъ, а не множество различныхъ, то оно доказало только виноватіе, какъ старинное медицинское суевѣріе и какъ свидѣтельство о виноватости докторовъ и непосвященныхъ въ медицину происшествіи сужденіе о случаяхъ действительного или мнимаго отравленія.

«ядъ» одинаково произнесяется во французскомъ и англійскомъ языкахъ, то Фелье ся духовникъ, услышавъ его, прекратилъ разговоръ, говоря, что «нужно жертвовать Богу своей жизнью и не думать о постороннихъ предметахъ».

Историки, вѣривши въ отравление, принимали слова г. Фелье выраженіе человѣка, чувствовавшаго всю опасность откровенія для того, чтобы угодить другимъ, или изъ желанія уничтожить бѣдствія, которыя могло бы произойти отъ этого: онъ прерываетъ жалобы и заглушаетъ ихъ. Дѣло въ томъ, что слово ядъ раздавалось въ его ушахъ и положеніе дѣлалось человѣкомъ. Должно объяснять въ хорошую сторону то, чего не имѣешь основанія объяснить въ дурную, и видѣть въ новелѣпіи г. Фелье герцогинѣ только призывъ къ безграницной и не допускающей исключенія покорности; но тѣмъ не менѣе повелѣніе его было жестоко¹⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ подозрѣнія соотечественниковъ герцогинѣ, англичанъ. Графъ Арлингтонъ министръ Карла II, написалъ кавалеру дю Танпль, английскому посланнику въ Гагѣ, слѣдующее письмо, напечатанное въ книгѣ дела-Файеть: «Ея скоропостижная смерть и сплетни прислуги заставили насъ сначала подумать, что герцогиня была отравлена; но наши подозрѣнія были совершенно уничтожены, когда мы узнали съ какою заботливостью было освидѣтельствовано тѣло и какъ относится къ этому дѣлу его величество, въ интересѣ котораго основательно разобрать его: онъ совершенно убѣжденъ, что герцогиня умерла естественною смертью. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. маршалъ де Беллефонъ, который, какъ я узнаю, пріѣхалъ съ порученіемъ представить королю особый отчетъ объ этомъ несчастномъ происшествіи и привезъ письменное донесеніе о смерти принцессы и вскрытии тѣла ея, подпи-

¹⁾ Дѣйствительно, его жестокость была чрезвычайна. Когда герцогиня, измученная страданіями, воскликнула: «Господи, скоро ли будетъ конецъ этимъ сильнымъ страданіямъ?» Г. Фелье сказалъ: «Что! Герцогиня, вы забываетесь. Сколько лѣтъ вы оскорбляете Бога и только еще шесть часовъ приносите за нихъ покаяніе воскликните лучше со святымъ Августиномъ: Господи! рѣжь, руши, рашѣтай.» Не будучи католикомъ, я никогда не призываю то что имъ кажется чиршишъ, но высокая и человѣчна мораль, которой держатся теперь люди не позволяла бы такъ безжалостно къ страданіямъ и не стала бы призывать такимъ образомъ къ покорности.

санное главными докторами и хирургами Парижа, совершенно убѣдить нась въ томъ, что должно оплакивать только потерю этой удивительной принцессы, не сопровождавшуюся никакими гнусными обстоятельствами, которыхъ могли бы еще болѣе усилить наше горе.»

Та же книга г-жи де ла-Файетъ содержитъ еще по этому предмету письмо г. Монтею, бывшаго въ то время англійскимъ посланникомъ въ Парижъ. Слѣдующее письмо, адресованное графу Арлингтону, согласуется съ показаніями г-жи де ла-Файетъ: «Я думаю, что маршалъ де Веллефонъ уже прѣѣхалъ въ Лондонъ. Мне кажется, что его прѣѣздъ, кромѣ передачи королю обычныхъ соболѣзнованій, имѣетъ еще цѣлью уничтожить подозрѣніи двора въ отравленіи герцогини; по ему не удастся разубѣдить въ этомъ ни дворъ, ни народъ. Такъ какъ принцессы во время сильныхъ страданій нѣсколько разъ жаловалась, что ее отравили, то это обстоятельство, понятно, еще болѣе укрѣпляло народъ въ его убѣжденіи. Всякій разъ, когда я позволялъ себѣ спросить герцогиню по отравили ли ее, она не отвѣчала, должно быть иною боязни усилить горе короля, нашего господина. Но этой же причинѣ я не упоминалъ о своихъ подозрѣніяхъ въ первомъ письмѣ; къ тому же мои сѣдѣнія въ медицинѣ недостаточны, чтобы самому опредѣлить, была ли принцесса отравлена. Здѣсь меня хотѣтъ выдать въ причину распространявшихся слуховъ, иѣріиѣ сказать отого жалуетъ герцогъ; онъ не доволенъ мною и обвиняетъ меня въ желаніи уничтожить согласіе, установившееся между двумя державами».

Слѣдующее письмо, написанное г. Монтею королю Карлу II, содержитъ разсказъ о г. Фолье: «И имѣть честь довольно долго разговаривать съ герцогиной пъ субботу, ~~на кончины~~ въ смерти; она мнѣ сказала, что ей невозможно быть счастливой съ герцогомъ, который два дня тому назадъ въ Версалѣ разсорился на несильнѣе чѣмъ когда либо за то, что ~~нашелъ~~ ей въ тайномъ соглашеніи съ королемъ о дѣлахъ, которыхъ не сочли нужнымъ сообщить ему, дѣло шло о союзѣ противъ Голландіи. Я помолилъ себѣ спросить герцогиню, предполагаетъ ли она, что ~~онъ~~ отравили; ея духовникъ, присутствовавшій при этомъ, услышавъ слово ядъ, скандалъ ей: герцогиня, не обвиняйте никого и присоите вашу смерть въ жертву Богу. Это помѣшало ей отвѣтить и несмотря на то, что я повтори-

риль и несколько разъ свой вопросъ, она отвѣчала мнѣ только под-
няться и лечь».

Вотъ другое письмо г. Монтею къ лорду Арлингтону, относящееся къ слухамъ объ отравлениі. «Послѣ смерти герцогини, какъ это часто бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ распространялись различные слухи. Наиболѣе общее мнѣніе то, что она была отравлена; это въ высшей степени беспокойтъ короля и министровъ. Я былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что долго не могъ выходить; слухъ объ отравлениі въ соединеніи съ распространившимся по городу слухами, что король, нашъ господинъ, до такой степени раздраженъ гнуснымъ преступлениемъ, что не хотѣлъ принять письма герцога и вѣль миѣ удалиться, приводить ихъ къ заключенію, что король, нашъ господинъ не доволенъ французскимъ дворомъ».

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ къ лорду Арлингтону, Монтею жалуется на то, что кавалера де Лоррена возвратили изъ ссылки: „Я пишу теперь только для того чтобы увѣдомить ваше сіятельство о томъ, что должно быть уже извѣстно вамъ.

«Кавалеру Лоррену позволили вернуться ко двору служить при арміи въ чинѣ генералъ-маюра.

«Если герцогиня была дѣйствительно отравлена, какъ думаетъ большинство, то вся Франція считаетъ его отравителемъ и справедливо удивляется недостатку уваженія, который король Франціи выказалъ королю, нашему господину, позволивъ кавалеру вернуться ко двору, въ особенности, если принять во вниманіе обычную наглость его поведенія по отношенію къ принцессѣ во время ея жизни».

Если разсказъ Сенъ-Симона, справедливъ, то достовѣрно также, что король зналъ объ отравлениі герцогини кавалеромъ де Лорреномъ. Въ такомъ случаѣ милость, оказанная такому преступнику, болѣе чѣмъ капризъ со стороны Людовика XIV; это былъ бы гнусный поступокъ, соучастіе въ преступленіи, тѣмъ болѣе достойное осужденія, что во время краткой болѣзни герцогини, король, какъ известно, выказывалъ ей самое иѣжное участіе. И такъ Боссюэть дѣйствительно ничего не преувеличилъ говоря: «Король, королева, герцогъ, весь дворъ, весь народъ, всѣ приведены въ уныніе, всѣ въ отчаяніи, мнѣ кажется, что я вижу исполненіе словъ пророка:

•Король заплачетъ, князь будеть въ отчаяніи, руки народа опускаться отъ горя и изумленія.»

Но тщетно стонали князья и народъ; тщетно герцогъ, тщетно даже самъ король сжимали герцогиню въ своихъ объятіяхъ. Они могли сказать тогда другъ другу, подобно св. Амбродію: «Я все еще сжималъ объятія, но ужъ потерялъ то, что держалъ въ нихъ. Среди этихъ нѣжныхъ объятій принцесса оставляла ихъ; могущественная смерть похищала ее изъ царскихъ рукъ».

Изъ этого отрывка рѣчи Боссюэта должно бы отбросить то, что говориться о печали герцога: она была очень незначительна; приписывая ей такую силу, ораторъ болѣе держится приличій чѣмъ истины. Но въ особенности я не могу пропустить этихъ словъ: «Тщетно герцогъ; тщетно даже самъ король...» О! великий епископъ, какъ могло попасться эта *даже* подъ ваше перо? Какимъ образомъ король имѣлъ больше власти удержать погасающую жизнь, чѣмъ герцогъ или всякий другой? Какая надежда на спасеніе заключалась въ томъ, что король нѣжно, но тщетно склонялся надъ неизлѣчимыми страданіями? Оиміамъ, который со всѣхъ сторонъ курился передъ версальскимъ идоломъ, ослѣнилъ письма съ себѣ; предаваясь вашему суетному обожанію, вы, такъ сказать, удивились, когда смерть грубо отстранила королевскія руки. Боссюэть льстецъ, не стыдящійся самого себя, такъ омерзительна атмосфера двора.

Что несогласія герцога и герцогини вспоминались въ эти грустныя минуты, видно изъ слѣдующихъ строкъ г-жи де ла-Файеть: «Около половины десятаго г. Валье уѣхалъ изъ Версаль, и мы остались разговаривать у кровати больной, предполагая, что она виѣ опасности. Надѣясь, что болѣзнь послужитъ къ ся примиренію съ герцогомъ, мы на половину уѣхали, изъ вынесенныхъ ею страданіяхъ; казалось, герцогъ былъ тронутъ; г-жа д'Эпернонъ и я, слышавшія все сказанное герцогинею, старались обратить его вниманіе на значеніе ся словъ». Надо привести здѣсь иѣсколько словъ второй жены герцога, по какъ свидѣтельство о фактахъ, происшедшихъ за иѣсколько лѣтъ до прѣѣзда ся ко двору Людовика XVI, а какъ отголосокъ слуховъ, поутихавшихъ еще долго послѣ самыхъ событий.

Въ письмѣ отъ 26 августа, 1639 года она пишетъ: «Вы, должно

быть, знаете, что г. д'Эффа обвиняютъ въ томъ, что онъ далъ покойной герцогинѣ ядъ, присланный ему, какъ говорятъ, изъ Рима капитаномъ де Лорреномъ черезъ Мореля». Этотъ Морель при- надлежалъ къ шайкѣ д'Эффа и кавалера де-Лоррена, которой об- щественныи молва принисывала самые отвратительные нравы.

Семнадцать лѣтъ спустя 13 июля, 1706 года принцесса опять возвращается къ этому предмету: „Она (герцогиня) хотѣла удалить кавалера де-Лоррена и достигла своей цѣли; но онъ не про- пустилъ ей этого даромъ. Онъ прислалъ изъ Италии ядъ черезъ провансальского дворяниня Мореля, которого въ награду сдѣлалъ своимъ первымъ дворецкимъ. Д'Эффа отравилъ чашку герцогини, а не цикорную воду; это было хорошо придумано, такъ какъ дру- гіе пили цикорную воду, но никто не могъ пить изъ этой чашки».

Эти слова не лишены значенія въ разбирательствѣ, которое мы начнемъ. Дѣйствительно было известно, что одна особа, г-жа Деззбордъ, а можетъ быть и двѣ, пили ту же цикорную воду и остались здоровы. Это свидѣтельствовало противъ отравленія. Въ письмѣ же, отрывокъ которого я приводилъ, и говорится, что была отравлена не самая вода, а чашка, изъ которой герцогиня пила ее; и такъ должно предположить, или что особа, наливавшая воду для герцогини, не замѣтила порошка на днѣ чашки, или же, что стѣнки и края чашки были намазаны какимъ нибудь ядомъ.

Еслибъ Гриньянъ, въ минуту смерти герцогини орлеанской, бы- ла въ Провансѣ, а не въ Парижѣ, то письма госпожи Севинье до- ставили бы намъ много свѣденій. Но при настоящихъ обстоятель- ствахъ, они заключаются только въ слѣдующемъ: «Эта бѣдная испанская королева (дочь герцогини) умерла, однимъ только годомъ старше матери, подобно ей, страннымъ образомъ; 10 числа этого мѣсяца съ ней сдѣлалась такая сильная и жестокая рвота, что ни- какія средства не могли спасти ее; у ней не было ни минуты от- дыха до самой смерти; она умерла 12 числа въ полдень... Умирая, она говорила королю что не жалѣть жизни, что умираетъ естест- венное смертью; но при началѣ болѣзни, подобно матери, гово- рила другое, а потомъ, подобно ей раскаялась. Вообще не гово- ритъ объ ядѣ; это слово запрещено въ Версалѣ и во всей Фран- ціи, по бѣдной принцесса умера»... (Письмо къ г-жѣ Гриньянѣ 23 февраля 1680 года).

Нѣть ничего невозможнаго въ томъ, чтобы дочь герцогини умерла отъ той же болѣзни, какъ и мать; по моему мнѣнію, болѣзнь эта, потому должно наконецъ сказать настоящее слово, ни что иное, какъ то, что доктора называютъ простой *) язвой желудка или раззѣдающей. Дѣйствительно, форма этой болѣзни, сопровождаемая, какъ у испанской королевы, сильнѣйшей рвотой, встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ та, образецъ которой мы найдемъ въ описаніи болѣзни герцогини; но она также существуетъ. Внезапное начало болѣзни, скоропостижная смерть, подозрѣнія въ отравлениі, быть можетъ наслѣдственность, все это заставляетъ меня предполагать, что въ обоихъ случаяхъ новрѣжденіе одно и то же. Нельзя сказать ничего болѣе о дочери, о болѣзни же матери существуетъ множество документовъ.

Понятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при извѣстной обстановкѣ, эти внезапные припадки, когда особа повидимому была совершенно здорова, ужасныя страданія и скоропостижная смерть возбуждали мысль объ отравленіи; это случалось не только при дворѣ Людовика XIV, но и въ другихъ мѣстахъ. Я заимствовалъ слѣдующій простодушный разсказъ о подобномъ случаѣ отъ германскаго доктора, писавшаго о болѣзни, о которой идѣетъ дѣло (Ludwig Mueller, das corrosive Geshwür im Magen).

Онъ былъ призванъ къ больному, который быстро скончался отъ сильнаго воспаленія брюшны, происшедшаго вслѣдствіе прорѣденія желудка язвой. Родственники умершаго, говорятъ они, и все окружавшіе, какъ люди мало обрѣзанные, не могли объяснить себѣ этой болѣзни, такъ быстро кончавшейся, и приписывали ее отравленію. Когда я пришелъ осмотрѣть тѣло, меня встрѣтили ругательствами, то же самое повторилось при моемъ уходѣ. На этомъ еще не кончилась моя история. Имъ было, и это въ дѣйствительности было, что послѣ каждого приема бѣлыхъ порошковъ (сѣроокислого морфина), страданія усиливались, бодкай вскрикивались, метался и кромѣ того сѣ пить чѣмъ-либо рвота. Post

*) Тѣ, которые не знаютъ медицины могутъ спросить, почему болѣзни этого рода называютъ простой язвой: для того, чтобы отличить ее отъ рака въ желудкѣ, болѣзни, имѣющей совершенно другие признаки, другой ходъ и совершенно другую патологическую анатомію.

hos, ergo propter hos — преступление было доказано. На следующий день я получил письмо от санитарного начальства, в котором мне объяснялось, что доктору округа поручено допросить меня о случившемся. Этот допрос объяснил и покончил дело. Моя практика не пострадала; но что было бы, если бы это случилось при начале моей карьеры? К чему послужило бы мне, что я искрино определил болезнь и употребил тѣ средства, которыми следовало? Санитарное начальство было бы удовлетворено, но я безъ сомнѣнія, принужденъ бы взяться за посохъ странника».

Чтобы закончить рядъ подозрѣній въ отравленіи и обвиненій противъ кавалера де-Лоррена и г. д'Эффа, я приведу разсказъ Сенъ-Симона. (Мемуары, глава XCIV). Онъ явился позднѣе другихъ свидѣтельствъ объ отравленіи, но несмотря на то, онъ едва ли не самый важный изъ всѣхъ. Это очень подробный и точный разсказъ о томъ, какимъ образомъ ядъ, присланный изъ Италии, былъ данъ герцогинѣ; всѣ дѣйствующія лица этой трагедіи названы и все это утверждается человѣкомъ, которому они довѣряли свои тайны и который открылъ свою самому Людовику XIV.

«Я не могу покончить съ герцогомъ не разсказавъ анекдота, изъ вѣстнаго очень немногимъ, о смерти герцогини; она, какъ никто въ этомъ не сомнѣвался, была отравлена и притомъ самимъ группомъ образомъ. Ея легкомысленное поведеніе возбуждало ревность герцога. Совершенно противоположныя склонности герцога приводили герцогиню въ негодованіе. Кавалеръ де-Лорренъ былъ тогда во всей силѣ молодости и красоты, онъ родился въ 1643 году, имѣть очень сильное вліяніе на герцога и даваль чувствовать свою власть герцогинѣ и всему дому. Герцогиня, которая была прелестна и только годомъ моложе его, не могла по многимъ причинамъ выносить этого господства; она пользовалась полнымъ расположениемъ иуважениемъ короля и потому ей удалось убѣдить его сослать кавалера де-Лоррена. Узнавъ объ этомъ, герцогъ упалъ въ обморокъ, а потомъ сталъ рыдать. Главный шталмейстеръ короля, д'Эффа, человѣкъ очень смѣлый, и графъ де-Бѣронъ находились въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ кавалеромъ де-Лорреномъ, отсутствие которого очень вредило ихъ дѣламъ; графъ де-Бѣронъ былъ человѣкъ очень кроткій и податливый, но хотѣлъ

непремѣнно пріобрѣсти значеніе въ глазахъ герцога, при которомъ онъ служилъ капитаномъ гвардіи, а въ особенности желалъ разбогатѣть, такъ какъ подобно всѣмъ младшимъ сыновьямъ въ Нормандіи былъ очень бѣденъ. Герцогиня обладала очень хорошимъ здоровьемъ и потому они не могли надѣяться на скорое возвращеніе кавалера де-Лоррена; этотъ послѣдній отправился въ Римъ и въ Италію разсѣвать свою досаду. Не знаю кому изъ трехъ первому пришла мысль объ отравлѣніи, мнѣ извѣстно только, что кавалеръ де-Лорренъ послалъ своимъ двумъ друзьямъ черезъ нарочнаго, который, быть можетъ, самъ не зналъ что везъ, вѣрно и быстро дѣйствующій ядъ.

«Герцогиня жила въ Сенъ-Клу и съ нѣкотораго времени пила для подкрѣпленія каждый день, въ семь часовъ вечера, стаканъ цикорной воды. Одному изъ ея лакеевъ было поручено приготавливать воду; онъ ставить ее вмѣстѣ съ чашкой въ шкафъ одной изъ прихожихъ герцогини. Цикорную воду держали въ фаянсовой или фарфоровой вазѣ, возлѣ которой всегда стояла чистая вода, чтобы разбавлять цикорную, въ случаѣ если герцогиня найдетъ ее слишкомъ горькою. Эта передняя служила общимъ проходомъ къ герцогинѣ, то такъ какъ было нѣсколько переднихъ, то въ ней рѣдко находился кто нибудь. Все это было выдано маркизомъ д'Оффіа. 29 июня, 1670 года, когда онъ проходилъ черезъ переднюю, ему представился удобный случай, въ ней никого не было и никто не слѣдовалъ за нимъ, чтобы пройти къ герцогинѣ; онъ оборачивается идетъ къ нікафу, отворяетъ его и вливаетъ ядъ; потомъ, слыша, что кто-то идетъ, беретъ другой сосудъ съ обыкновенной водой и тавитъ его опять на мѣсто какъ разъ въ ту минуту, когда входитъ слуга, приготавливший цикорную воду. Слуга бросается къ нему и грубо спрашиваетъ, что ему надо въ нікафѣ д'Оффіа, никакъ не смущаясь, отвѣтствуетъ, что онъ умирилъ отъ жажды и шая, что въ шкафѣ есть вода, при этомъ онъ показываетъ на сосудъ съ обыкновенною водой, не могъ противиться искушенію выпить е. Лакей все еще ворчалъ, а д'Оффіа, усмоконная его и извиняясь, юшелъ къ герцогинѣ и, не показывая ни малѣйшаго волненія, вступилъ въ разговоръ подобно другимъ придворнымъ. То, что слушлось часъ спустя, не относится къ предмету моего сочиненія и же безъ того надѣлало довольно шума по всей Европѣ.

• Герцогиня умерла на следующий день 30 июня, въ три часа утра. Король былъ глубоко огорченъ ея смертью. Должно быть люди не скрывали случившагося, такъ что въ этотъ же день до короля дошли изъкоторые слухи; ему также стало известно, что Пюрионъ, первый дворецкій герцогини, участвовалъ въ заговорѣ, такъ какъ, несмотря на свое невысокое положеніе, находился въ очень короткихъ отношеніяхъ съ д'Эффіа. Король, который ужъ легъ, встать, послалъ за Бриссакомъ, служившимъ тогда въ гвардіи короля и пользовавшимся его довѣріемъ, приказалъ ему выбрать изъ гвардіи шесть вѣрныхъ и молчаливыхъ солдатъ, взять Пюриона и привести его въ кабинетъ черезъ задній ходъ. Все это было исполнено до утра. Какъ только король увидѣлъ Пюриона, онъ тотъ часъ же велѣлъ удалиться Бриссаку и своему первому камердинеру, принялъ самое грозное выраженіе лица и сказалъ, осматривая Пюриона съ ногъ до головы: «Выслушайте меня внимательно: если вы сознаетесь миѣ во всемъ и будете откровенно отвѣтывать на все мои вопросы, то, что бы вы тамъ ни сдѣлали, я прошу васъ никогда обѣ этомъ не будетъ болѣе и помину; но берегитесь, если скроете отъ меня даже малѣйшее, въ такомъ случаѣ вы будете убиты прежде нежели оставите эту комнату. Была ли отравлена герцогиня?»—Да, ваше величество, отвѣчалъ Пюрионъ. «А кто отравилъ ее, спросилъ король, и какъ это было сдѣлано?» Онь отвѣчалъ, что кавалеръ де-Лорренъ послалъ ядъ Беврону и д'Эффіа и рассказалъ все уже написанное мною. Тогда король, удвоивъ обѣщанія помилованія и угрозы предать смерти, спросилъ: «А знали обѣ этомъ мой братъ?»—Нѣтъ, ваше величество, никто изъ насъ троихъ не былъ такъ глупъ сказать ему: герцогъ не умѣетъ хранить тайны и погубилъ бы всѣхъ насъ. При этомъ известіи король вздохнулъ, подобно человѣку, который вдругъ избавляется отъ болѣйшой тяжести, давившей его. «Вотъ все, что миѣ надо знать, сказалъ онъ, по дѣйствительно ли это такъ?» Онь позвалъ Бриссака и велѣлъ ему увести Пюриона и тотчасъ же отпустить его на свободу. Самъ Пюрионъ рассказалъ это генеральному прокурору парламента г. Жюли-де-Флѣри, который въ свою очередь передалъ миѣ этотъ анекдотъ.

• Когда мы снова случилось говорить съ тѣмъ же сановникомъ объ этомъ предметѣ, онъ разсказалъ мнѣ то, чего не говорилъ въ

первый разъ, а именно: пѣсколько дней послѣ второй свадьбы герцога, король, оставшись наединѣ съ герцогинею, рассказалъ ейъ это мѣсто происшествіи съ тѣмъ, чтобы совершенно успокоить ее и не заставить герцога и самого себя; онъ былъ настолько честенъ, что не допустилъ бы ея свадьбы съ герцогомъ, еслибы тотъ былъ способенъ на такое преступленіе. Герцогиня извлекла пользу изъ этого объясненія. Пюрионъ оставилъ ей первымъ дворецкимъ. Мало по малу она стала дѣлать видъ, что желаетъ сама заниматься расходами по дому, заставила согласиться на это герцога и стала такъ придираться къ Пюриону, что тотъ приужденъ былъ уйти; онъ продалъ свою должность Морелю-де-Волону въ концѣ 1677 года».

Замѣтимъ сперва, что отравленіе герцогини, такъ, какъ оно передано потомству, не представляетъ ничего нравственно невозможнаго. Въ дѣйствительности существовали, выражаясь словами юссиюэта (погребальная рѣчь на смерть Леттелье), «дерзновенные, несчастная сила которыхъ и чрезвычайный умъ отваживались на все и умѣли для всего находить исполнителей». Самъ Сенъ-Сююнъ говорилъ, что дворъ Людовика XIV самый опасный изъ всѣхъ дворовъ. Развѣ мы не имѣемъ передъ глазами примѣра престанта изъ кѣлѣзной маскѣ, котораго держали въ тюрьмѣ и который умеръ, окруженный вспропицаемой тайной. Развѣ мы не видѣли мрачнѣихъ исторій отравленія, въ которыхъ были замѣшаны самыя лѣтніе мужчины и женщины. Развѣ мы не знаемъ, что герцогъ Бурбонъ-Карлъ, котораго считали наследникомъ престола, единѣ сдѣлился первою интригой безчеловѣчнаго заговора? Наконецъ, изъ ботѣнъ мизкую къ намъ эпоху, заговоры, умышленные противъ короля Маріи-Антуанетты, причинили ей неизгладимое зло и предали ее совершенно компрометированную революціоннѣю страстию. Итакъ, мы не имѣемъ никакого основанія отвергнуть этотъ разсказъ во имя нравственныхъ предубѣждений.

Онъ можетъ быть отвергнутъ только по ими основательныхъ єдицинскихъ доказательствъ. Миѣ кажется, что я нашелъ ихъ;ъ такомъ случаѣ ложность разсказа доказывается уже тѣмъ, что будь устраненъ самый фактъ отравленія. Однако, разсказъ за неимѣніемъ этихъ доказательствъ, которыхъ не существовало до настоящаго времени, разсказать самъ по себѣ заслуживалъ то довѣріе, которое

онъ внушилъ иѣкоторымъ историкамъ; не заключалъ ли онъ несъобразностей, побуждающихъ прѣстановить свой приговоръ и разматривать его просто, какъ одинъ изъ документовъ процесса, не какъ рѣшительное доказательство отравленія? Мы не имѣемъ возможности допросить г. Жоли-де-Флери или Пюrnона и получить отъ нихъ желаемыя объясненія; приходится принимать разсказъ такъ, какъ онъ есть, ничего не измѣняя въ немъ. Согласно онъ имъ самъ д'Эффіа влилъ ядъ въ цикорную воду, а Пюrnонъ былъ совершенно чуждъ материальной стороны отравленія. Какимъ же образомъ Людовикъ XIV призываетъ Пюrnона, чтобы разъяснить свои мучительныя сомнѣнія? Предвидя это возраженіе и желая предупредить его, въ разсказѣ говорится, что лакей должно быть разсказалъ о сценѣ при шкафѣ и назвалъ д'Эффіа, а что отъ д'Эффіа дошли до Пюrnона, который, не смотря на свое низкое положеніе, находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ д'Эффіа. Замѣтьте это: должно быть; не знаютъ даже говорилъ ли лакей о случившемся.

Судя по разсказу, цѣль короля не въ томъ, чтобы справедливо наказать преступниковъ, онъ желаетъ только узнать, участвовалъ ли его братъ въ преступленіи. До сихъ поръ ему известно только то, что д'Эффіа отворялъ шкафъ. Значитъ онъ будетъ допрашивать д'Эффіа? Нисколько, онъ призываетъ Пюrnона, хотя легко могло случиться, что тотъ ничего не зналъ объ этомъ, и еслибъ и зналъ что нибудь, то, не совершивъ ничего предосудительного, могъ бы не пожелать дѣлать такого признанія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ Пюrnонъ говорить такъ увѣренно о факѣ отравленія. Не прошло еще полныхъ сутокъ послѣ смерти герцогини, когда онъ былъ приведенъ къ королю, следовательно д'Эффіа долженъ былъ, или разсказать ему до преступленія, какъ онъ его совершилъ, или же послѣ преступленія какимъ образомъ онъ его совершилъ. Д'Эффіа не могъ этого сдѣлать до преступленія, такъ какъ все зависѣло отъ обстоятельствъ, онъ даже самъ чуть не попался на мѣстѣ преступленія; но невѣроятно также, чтобы тотчасъ же послѣ преступленія,ничѣмъ непринуждаемый къ этому, д'Эффіа сталъ повѣрять эту опасную тайну подчиненному.

Если д'Эффіа дѣйствительно отворялъ шкафъ, содержащий цикорную воду, и былъ замѣченъ лакеемъ, то этотъ послѣдній, увѣ-

навъ о подозрѣніяхъ герцогини, что она отравлена этой водой, весьма естественно быль бы пораженъ ужасомъ и подъ этимъ впечатлѣніемъ или сохранилъ случившееся въ глубокой тайнѣ изъ боязни быть заподозрѣннымъ въ сообщничествѣ, или же все разсказалъ бы и назвалъ д'Эффіа. Въ первомъ предположеніи Людовикъ XIV ничего бы не узналъ и не призвалъ бы ни д'Эффіа, ни Пюриона; во второмъ онъ призвалъ бы д'Эффія, единственнаго виновнаго, единственнаго человѣка, который могъ бы представить вѣрнѣя свѣдѣнія о соучастіи его брата въ преступленіи.

Наконецъ, непостижимо, какимъ образомъ Людовикъ XIV призвалъ Пюриона, если одинъ д'Эффіа влилъ ядъ въ цикориеву воду. Прибавимъ еще, что въ этомъ разсказѣ Людовикъ XIV играетъ роль недостойную короля. Я согласенъ, что онъ долженъ быль сдержать слово, данное Пюриону, но вѣдь онъ ничего не обѣщалъ д'Эффіа; и если изъ уваженія къ брату онъ заглушилъ дѣло своимъ королевскимъ полномочіемъ, то въ силу того же полномочія онъ могъ заключить виновнаго въ одну изъ тѣхъ крѣностей, которыя ужъ поглотили Желѣзную Москву.

Вы видите, что вся обстановка чрезвычайно подозрительна. Но кромѣ того: разсказъ не согласуется съ вѣрными свидѣтельствомъ о фактѣ, чрезвычайно важномъ въ подобномъ случаѣ. Цикориеву воду приготавлялъ не лакей, а госпожа Дебордъ, первая горничная герцогини.

Въ разсказѣ говорится, что король сообщилъ второй женѣ герцога всѣ подробности отравленія. Но мы видѣли выше, какъ принцесса выражается обѣ этомъ предметѣ въ инсамахъ, которая будучи секретными, избавили ее отъ всякой необходимости скрывать чтобы то ни было: «обвиняютъ... какъ говорить...» Она не выражалась бы съ такимъ сомнѣніемъ, если бы этотъ фактъ быль известенъ ей изъ устъ самого короля. Очевидно, она говорить подобно всѣмъ; а она не говорила бы такъ, еслибы разсказать быль справедливъ. Другая странность: положимъ, что г. Жоли-де-Флери обладалъ довѣріемъ Пюриона; но для того, чтобы знать то, что Людовикъ XIV сообщилъ герцогинѣ оны отравленіи, онъ долженъ быль бы пользоваться довѣріемъ короля или герцогини. Но какимъ образомъ? по какому праву? и что за странная случайность, быть съ одной стороны повѣрениемъ дворецкаго, а съ другой царскихъ особъ.

Наконецъ, самое рѣшительное опроверженіе то, что ио разсыпку ядъ было влитъ въ цикорную воду, а это очевидно ложно, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, еще одна особа пила эту воду и осталася здорова. Ниже, послѣ описанія болѣзни герцогини, я замѣчу, что никакой ядъ не могъ произвести указанныхъ припадковъ. И такъ же разсказъ, который Сенъ-Симонъ, по увѣренію г. Жоли-де-Флери, измѣстилъ въ свои мемуары, остается легендою, возникшемъ подъ вліяніемъ общественной вѣры въ преступленіе заговорщиковъ.

Ядъ, привезенный изъ Италии, классической страны ядовъ, по мнѣнію XVI и XVII вѣковъ, роль трехъ сообщниковъ, появленіе лакея, который показывается только для того, чтобы составить звено къ королю, вмѣшательство Людовика XIV, угрожающаго своимъ гнѣвомъ несчастному дворецкому и оставляющаго въ то же время всѣхъ другихъ виновныхъ безнаказанными, потому что никакого не преслѣдовали; наконецъ самая насмѣшка надъ болтливостью герцога, котораго называли самой неспособной женщиной при дворѣ, обо всемъ этомъ не говорится въ исторіи.

Если достовѣрно, что г. Жоли-де-Флери, какъ говорить Сенъ-Симонъ, узналъ этотъ разсказъ отъ самого Шюронна, то должно предположить, что Шюроннъ воспользовался этой легендой, чтобы похвастаться, при помощи неопаснаго обмана, ролью, которой онъ никогда не игралъ.

Хотя большинство обвиняло въ отравленіи герцогини кавалера де-Лоррена и д'Эффа, но были и другие слухи; вотъ что пишетъ г-жа де-Севинье 26 июня 1674 года: «Г-жа де-Фьевиль говорила мнѣ, что ее извѣстили о томъ, что ла-Бренвилье обвиняетъ многихъ въ отравленіи герцогини и называетъ между прочими кавалера Б., госпожу С. и госпожу Г.; мнѣ кажется, что все это несправедливо, но непрѣятно даже оправдываться въ подобныхъ обвиненіяхъ».

Женщина въ двѣстѣ восемьдесятъ, говоритъ М. Мюллеръ жалуется, что съ пѣкотораго времени аппетитъ ея испортился, что иногда, большую частью, послѣ обѣда, она чувствуетъ тяжесть или даже боли въ желудкѣ, къ чему по временамъ присоединяются отрыжка и тошнота. Но такъ какъ больная, повидимому, здорова и въ привычномъ этихъ принадковъ, чувствуетъ себя совершенно

хорошо, то на жалобы ея не обращаютъ особеннаго вниманія ни въ близкіе, ни докторъ, ни она сама; ея припадки объясняютъ дурнымъ пищевареніемъ, и для подкѣщенія желудка, ей предписываютъ лекарства, которыя, однако, никакъ не помогаютъ. Однажды, послѣ обѣда, больная наклонившись случайно или сдѣлавъ какое-то сильное движеніе, вдругъ вскрикиваетъ, надаетъ отъ страшной боли въ полости желудка, то не можетъ говорить отъ страданій, то жалуется со стонами, что она почувствовала какъ у нея что то оборвалось во внутренности. Иногда у нее начинается сильная рвота, иногда же все ограничивается простой, постоянной дурнотою съ позывами ко рвотѣ. Боли все усиливаются и распространяются во всемъ желудкѣ, который начинаетъ пучиться. Ужасное томленіе и страданіе выражаются на лицѣ больной. Она со стонами молитъ о помощи, въ которой сама скоро отчаявается. Предчувствіе близкой смерти овладѣваетъ несчастной. Никакое лекарство не приноситъ ей облегченія, и въ полномъ присутствіи ума, она умираетъ, прострадавъ отъ восьми до тридцати часовъ послѣ проболенія.

Прочтите со вниманіемъ это описание и затѣмъ прочтите также внимательно нижеслѣдующее ноказаніе, извлеченное изъ книги г-жи де-Лафайеттъ. «Въ Воскресеніе, она (герцогиня орлеанская) кушала какъ всегда; послѣ обѣда она легла на паркетъ, что дѣлала довольно часто, когда не было никого передъ кѣмъ бы она стѣснялась. Она заставила меня расположиться возлѣ себѣ, такъ что ся голова почти лежала на миѣ... она заснула. Во время ся сна, въ лицѣ ея произошла значительная перемѣна; я долго глядѣла на нее и эта перемѣна меня удивила. Я подумали, что должно быть умъ я придаетъ много прелести ся лицу, если во время ся бодрствованія въ немъ такъ много пріятности, и такъ мало ся въ то время когда она спить. Но я была не права, разсуждая такимъ образомъ, такъ какъ я нѣсколько разъ уже видѣла ее синицю и никогда не находила менѣе привлекательною.

Проснувшись, она поднялась, по съ липомъ, до того болѣзненнаго что оно поразила герцога орлеанскаго, и онъ обратилъ мое вниманіе на ея нездоровыи видъ. Она ушла въ гостиную, гдѣ некоторое время ходила съ Байфрономъ, какимъ-то герцогомъ, и говоря съ нимъ, жаловалась нѣсколько разъ на боль въ боку. Герцогиня

оставила Байфрана и подошла къ госпожѣ Мекельбургъ; когда она говорила съ ней, госпожа де-Гамашъ принесла ей какъ и мнѣ стаканъ цикорной воды, о чмъ она просила ее еще раньше. Ея камарифрау госпожа де-Гурдонъ подала ей воду; она выпила ее и поставивъ одной рукой чашку на блюдечко, другою схватилась за бокъ и голосомъ въ которомъ выражалось много страданія сказала: «Ахъ, какое колотье! Какая боль! Это невыносимо!» Она покраснѣла, произнося эти слова, но минуту спустя, лицо ея покрылось мертвенною блѣдностью, поразившею всѣхъ насть; она продолжала кричать и просила чтобы ее унесли, такъ какъ она не въ состояніи держаться на ногахъ.

Мы ее взяли подъ руки; она еле шла, вся сгорбившись. Въ одну минуту ее раздѣли. Я ее поддерживала, пока ее расшнуровывали. Она продолжала жаловаться, и я замѣтила, что на глазахъ ея были слезы; это меня удивило и тронуло, такъ какъ я знала, что она была какъ нельзя болѣе терпѣлива. Цѣлуя руку ея, которую я держала, я сказала ей, что должно быть, она сильно страдаетъ; на это она отвѣчала мнѣ, что не понимаетъ, что такое съ ней. Ее уложили въ постель; она стала кричать еще болѣе прежняго и металась съ бокъ какъ бы въ нестерпимыхъ мученіяхъ. Сей часъ послали за ея главнымъ докторомъ Еспри; онъ пришелъ, сказъ, что это желудочные спазмы и предписалъ лекарства, которыя обыкновенно даются въ этихъ случаяхъ. Однако боли были невообразимы. Герцогиня сказала, что болѣзнь ея болѣе серьезна чѣмъ думаютъ, что она умираетъ и просила послать за ея исповѣдника.

Все описанное мною, произошло менѣе чѣмъ въ полчаса; герцогиня продолжала кричать и жаловаться на ужасную боль подъ ложечкою. Лекарство, которое ей дали, вызвало рвоту; она уже передъ тѣмъ нѣсколько разъ чувствовала позывъ къ рвотѣ, по ее еще не рвало ни разу какъ слѣдуетъ; она извергала только мокроту и частъ принятой ею пищи. Сильное дѣйствіе лекарствъ и черепно-мозговая испытываемая ею боли довели ее до изнеможенія, которому мы приняли за розды болѣзни: но она намъ сказала, чтобы мы не обманывали себя, что страданія ея все тѣ же, что она не въ силахъ болѣе кричать и что для нее нѣтъ никакого спасенія. Около 9 часовъ вечера, на слова наши, что ей кажется лучше и что мы

сь нетерпѣніемъ ждемъ дѣйствія лекарства, она отвѣчала: улучшеніе такъ мало возможно, что не будь она христіанка, она бы убила себя—такъ велики ея страданія. «Не слѣдуетъ никому желать зла» прибавила она, но я бы хотѣла чтобы кто нибудь на минуту испыталъ то что я терплю, чтобы имѣть понятіе о моихъ страданіяхъ». Ей подали бульону, такъ какъ она съ обѣда ничего не имѣла въ рту, но только что она проглотила его, боли удвоились и стали такъ же жестоки какъ и послѣ цикорной воды. Смерть изобразилась на ея лицѣ (около 11 часовъ вечера). Агонія продолжалась одну минуту, и послѣ двухъ или трехъ судорожныхъ движений рта, она скончалась въ $2\frac{1}{2}$ часа утра и черезъ восемь часовъ послѣ того какъ ей сдѣлалось дурно»...

Этотъ одръ страданій и смерти, па которомъ лежала распострѣтая герцогиня, внушая Боссюэту слова, тронувшія аудиторію достойную его и которая и теперь производятъ такое же потрясающее дѣйствіе, какъ въ ту минуту, когда они раздавались подъ сводами большаго собора. Надо понять ихъ во всей ихъ красотѣ и следовать за ними покорно къ тому идеалу къ которому они наскѣ увлекаютъ. Покорно, говорю я, потому что еслибы мы вдумали противиться, еслибы мы мысленно не представили себѣ на мѣстѣ слушателей Боссюэта—людей XVII-го столѣтія, тогда все изблѣнило бы и вмѣсто той осязаемой дѣйствительности, какою каждый вѣкъ представляется въ ряду другихъ и стоять во главѣ своихъ твореній, осталось бы иѣчто мионическое, способно возбудить въ наскѣ пыла, ни восторга.

Гомеръ, величайшій поэтъ, потому что онъ дышитъ другихъ отстоить отъ наскѣ и потому что бессмертнѣй, на смотря на три тысячи лѣтъ, Гомеръ постигаетъ и изображаетъ мѣръ по никакъ посѣщаемый богами, которые въ своемъ пониманіи о смертныхъ, то спускаются изъ высшей обители, то снова посходятъ въ нее. Когда Ахиллесъ вынимаетъ свой мечъ противъ Агамемнона, Минерва мгновенно является, чтобы удержать его руку. Никакой границы между небомъ и землею, между человѣческимъ и божественнымъ: люди являются сынами боговъ и по словамъ поэта, вдохновленаго тою же мыслью:

*Ille deum vitam accipiet divosque videbit
Permixtos heros, et ipso videbitur illis.*

Все это, проникнутое высокою поэзиею и облеченое въ прекрасную форму, полно высокой красоты, по эту красоту мы оцѣнимъ только подъ тѣмъ условiemъ, чтобы мы на минуту стали современниками этого героического вѣка и побратались съ его богами и героями. Осторожемся приблизить это отдаленное время къ настоящему и разнести этотъ миражъ. Разрушивъ его, мы не увидѣли бы ничего болѣе кромѣ того, что христіанинъ Лактанцій такъ неуважительно видѣлъ въ великихъ произведеніяхъ Фидія и Праксителя, т. е. большія куклы, и намъ не понравилось бы что Юнона преслѣдуется неукротимою ненавистью Пріама и его народъ, и что Юпитеръ хотя и жалѣя о нихъ, не спасаетъ ихъ.

Разумѣется, слушатели Боссюэта гораздо ближе къ нашей эпохѣ и къ нашимъ понятіямъ, но тѣмъ не менѣе намъ нужно перенестись воображениемъ въ ту эпоху, чтобы понять вполнѣ слова Боссюэта, о томъ, что Богъ собственно для того чтобы научить маленькихъ людей поражаетъ смертью сильныхъ міра. «Обратите вниманіе милостивыя государи, говорить Боссюэтъ, на эти могущественные лица, на которыхъ мы смотримъ снизу вверхъ. Въ минуту, когда мы трепещемъ передъ ихъ могуществомъ, Богъ, чтобы предостеречь насъ, поражаетъ ихъ. Причиною тому — ихъ высокое положеніе, и Господь, такъ мало ихъ щадить, что не боится пріести ихъ въ жертву для поученія остальныхъ людей». Намъ не можетъ нравится также и то мѣсто проповѣди Боссюэта, гдѣ онъ говоритъ, что Богъ, желая обратить Генріетту англійскую въ католическую вѣру, предаетъ Англію на жертву революціи. «Какъ эти два главные момента проявленія благости Божіей были славно отмѣчены тѣми чудесами, которыхъ Богъ совершилъ для вѣчнаго спасенія Генріетты англійской. Чтобы даровать ее церкви, нужно было низвергнуть цѣлое великое государство. Величие рода, изъ котораго она происходила еще сильнѣе обязывало ее придерживаться ереси ея предковъ, — скажемъ ея ближайшихъ предковъ, такъ какъ всѣ предшествовавши имъ начиная отъ самыхъ дальнихъ временъ, были благочестивыми католиками. Но, если законы государства противятся имъ вѣчному спасенію, Богъ, чтобы освободить ее отъ этихъ законовъ, сокрушає цѣлое государство. Такою цѣною онъ спасаетъ душу... Ударъ неожиданный и близкій къ чуду освободилъ принесшую имъ руки мятежниковъ, не смотря на бури океана и еще бо-

и ве ужасныя потрясенія земли, Богъ, подобо орлу, который переноситъ на крыльяхъ своихъ дѣтонышай, перенесъ ее на своихъ въ это государство, и самъ передалъ ее на грудь королевы ея матери, или вѣрнѣ сказать, на лоно католической церкви».

Какъ божествененъ этотъ языкъ и какъ достоинъ божественныхъ мыслей! Но для того чтобы мы могли вполнѣ насладиться ими, нужно чтобы мы усвоили тотъ богословскій духъ VII вѣка, которому, по всему нашему развитію мы стали такъ чужды. Какъ только мы перестанемъ уподобляться тѣмъ образамъ, напечатаннымъ въ памятникахъ прошедшаго, разладъ, дѣйствительно существующій между послѣдовательными вѣками, обнаружится вполнѣ. Пусть тѣ, которые сохранили образъ мыслей временъ Воссюэта признаютъ что необходимо было потрясти Англію, чтобы спасти одну душу; мы же, съ своей стороны, станемъ искать въ созерцаніи законовъ природы и исторіи того свѣта, который расширяетъ знаніе, вызываетъ чувство. Мы, современные люди, занимавшіе болѣе привилегированное мѣсто въ исторіи, мы, собственно говоря, обладаюмы двумя душами, одной обращенной къ прошедшему и исльздающейся всѣмъ тѣмъ, что сюдано въ немъ самаго великаго и прекраснаго, другой, обращенной къ будущему и стремящейся увидѣть передъ собою болѣе широкія перспективы и горизонты.

Теперь, имѣя уже въ виду описание болѣвши гордогини орлеанской, сдѣланное достопрѣдѣніемъ очевидцемъ, сравнимъ ого съ переведеннымъ мною очеркомъ пѣменскаго врача, прибавляя однако, такъ какъ это очень важно, что по словамъ госпожи де-Лифайетъ, въ теченіе вѣсколькихъ дній, предшествовавшихъ ея смерти, принцесса жаловалась на боль въ боку и на страданія изъ жалудкѣ, которымъ она была подвержена. Эти первыя боли мы находимъ и у знакомой уже нашимъ читателямъ типической больной. Подобно нашей типической больной, принцесса, кроме того легкаго, повидимому, разстройства, казалась здоровью, такъ по крайней мѣрѣ полагали ея приближенные, ея дружины и сестры она. И вдругъ, въ одинъ день, послѣ обѣда, не вслѣдствіе какого-либо напряженія, но вслѣдствіе простаго глотанія дикорной воды, принцесса подобно типической больной, жалуется на сильнѣйшую боль, дѣлается мертвенно-блѣдною и черезъ минуту она поражена болѣнью въ такой степени, что ее нужно было нести на рукахъ чтобы уложить въ кровать.

Какъ и гиническая больная принцесса испытываетъ ужасную боль подъ ложечкою, ею также овладѣваетъ предчувствіе смерти и че-
респѣль сколько часовъ она умираетъ въ полномъ обладаніи умст-
венныхъ способностей. Этого чрезвычайного сходства двухъ описан-
ныхъ картинъ, достаточно чтобы доказать, что въ обоихъ случаяхъ,
мы имѣемъ дѣло съ одной и той же болѣзнью.

Винкнемъ подробно въ діагностику. Чрезвычайная чувствитель-
ность, распространенная во всемъ желудкѣ, позывы къ рвотѣ, не-
выразимыя страданія, пульсъ скрывающійся, какъ его называли въ
то время, охлажденіе оконечностей, все это вмѣстѣ составляетъ
неосомнѣнно признаки острого воспаленія брюшины. То же самое
скажетъ всякий врачъ имѣющій дѣло съ больнымъ въ этотъ со-
стояніи.

Еслибъ профессоръ Крювелье, первый установившій діагности-
ку и прогностику страшной язвы въ желудкѣ, о которой здѣсь
идетъ рѣчь, былъ бы призванъ къ герцогинѣ орлеанской, то, вѣ-
роятно, принимая во вниманіе жестокость болей, которая она по-
чувствовала внезапно, ея прежнее разстройство желудка и обнару-
жившееся у нея наконецъ воспаленіе брюшины, онъ не колеблясь
сказалъ бы, что въ одномъ мѣстѣ желудка уже нѣсколько дней об-
разовалась круглая язва и что вслѣдствіе ея произошло прободеніе
желудка. Онъ бы предупредилъ лицъ, окружающихъ принцессу, что
язва смертельна.

Въ цѣломъ, діагнозъ резюмируется слѣдующимъ образомъ: обы-
кновеная язва въ желудкѣ, первые симптомы которой обнаружи-
лись въ неправильностяхъ пищеваренія и въ гастрическихъ страда-
нияхъ, продолжавшихся довольно долго, до 29 июня, наконецъ,
прободеніе желудка язвой послѣ того, какъ принцесса проглотила
шитье, и какъ слѣдствіе прободенія — острое воспаленіе брюшины.
Объ этомъ столь быстрымъ разрушеніемъ Боссюэтъ говоритъ слѣдующее:
«Такъ какъ Богъ не хотѣлъ долѣе подвергать мірскимъ заблужде-
ніямъ чувства столь искренняго католицизма,—онъ поспѣшилъ по-
разить ее». И дѣйствительно, какая поспѣшность. Въ девять ча-
совъ дѣло было сдѣлано. Онъ поспѣшилъ вырвать ее изъ среды
бизионія. Но, увы, при бѣдственныхъ условіяхъ человѣчества, не-
рѣдкость, чтобы смерть въ нѣсколько минутъ сдѣлала свое дѣло.
Ангина, апоплексические удары, разрывы сердца или большихъ со-

судовъ, злокачественные лихорадки, припадки разнаго рода и уда-
ры, оканчивающіеся смертью также быстро, прерываютъ жизнь и
превращаютъ въ одинъ и тотъ же прахъ.

Врачъ, знающій, что воздухъ скрываетъ въ себѣ предательскіе
плазмы, или замѣчающій въ нашихъ тканяхъ подготавливающееся
разложеніе, видѣтъ во всемъ этомъ общую связь. Фагонъ—мѣдикъ
Людовика XIV, предъугадывавъ эти правильные законы, не прек-
стенно свершающіе свое хорошее и дурное, полезное и вредное,
животворящее и смертельное дѣло; удрученный старостью и страд-
аніями онъ говорилъ: «Я слишкомъ хороший физикъ, чтобы воз-
мущаться противъ природы».

Изложивъ, анализировавъ и обсудивъ всѣ симптомы, испытанные
принцессою, я позволяю себѣ, въ подкрайненіе моихъ доводовъ, ска-
зать, что никакой ядъ не производитъ всѣ вышеописанныя явленія
въ совокупности. Въ дѣйствительности для этого нуженъ былъ ядъ,
который, причиняя сильнѣйшую боль въ желудкѣ, не оказалъ бы
никакого дѣйствія на ротъ и горло и который, поражая мгновен-
но больного, оставилъ бы его вмѣстѣ съ тѣмъ до тѣхъ поръ жи-
вымъ, пока не обнаружилось бы воспаленіе брюшины. Такого яда
не существуетъ. Яды, причиняющіе очень сильную желудочную
боль, такъ напримѣръ кислоты и концентрированныя щелочи про-
жгли бы переходя въ желудокъ инцидентные пути, а ничего подобнаго не случилось. Мышиакъ и фосфоръ, воспаляя и прободая
желудокъ, не вызываютъ никакой мгновенной боли, ни того быст-
рого упадка силъ, который слѣдуетъ за прободеніемъ его отъ
круглой язвы. Наконецъ, тѣ быстрые яды, напечатанный примѣръ
которыхъ мы видѣли на смерти Британника, убившіиъ въ несколь-
ко минутъ, не производя ни сильныхъ, ни продолжительныхъ страд-
аній, ни воспаленій брюшины. Итакъ, когда положительные до-
воды—всегда наилучше—доказываютъ, что смерть была естествен-
на, отрицательные приносятъ для свидѣданія пособія своего рода,
которыми тоже не слѣдуетъ пренебрегать.

Что сдѣлали доктора? Роль ихъ была довольно жалкая. Поло-
жимъ ихъ целью было упрекнуть въ томъ, что они не открыли
прободенія желудка; болѣзнь эта не была еще въ то время ни описа-
на, ни изслѣдована на живыхъ въ мертвыхъ. Нельзя упрекнуть
и въ томъ, что они не обратили вниманія на острое воспаленіе

брюшину; воспаление брюшины не было въ то время известно въ ряду болѣзней брюшной полости и только спустя много лѣтъ послѣ ихъ смерти, стали опредѣлять характеръ и симптомы ея. Нельзя тоже приписать роковой исходъ ихъ неумѣлости или небрежности; для излеченія язвы этого рода не было средства въ ихъ искусствѣ: его неѣть и въ нашемъ. Тѣмъ не менѣе, на докторѣ лежитъ, даже въ такихъ отчаянныхъ случаяхъ, обязанность, хотя и второстепенная, но не лишенная значенія и заключающаяся въ томъ, чтобы предвидѣть исходъ болѣзни. Обязанность эту врачи герцогини орлеанской отнюдь не исполнили. Они замѣтили опасность только въ послѣднюю минуту. Это видно изъ слѣдующихъ строкъ госпожи де-Лафайетъ. «Геслинъ совѣщался съ Вале и Еспри, и послѣ довольно долгаго совѣщенія они всѣ трое явились къ герцогу и собственnoю жизнью ручались ему, что неѣть никакой опасности... Король отвелъ ихъ въ сторону и спросилъ, что они думаютъ. Тѣ же самыe доктора, которые два часа передъ тѣмъ головою ручались за жизнь герцогини и которые находили, что охлажденіе оконечностей есть только слѣдствіе желудочныхъ спазмъ, стали теперь утверждать, что больная безнадежна и что этотъ холодъ, этотъ скрѣтый, какъ они говорили, пульсъ — признаки гангрены, и что принцессу нужно причастить... Явился отличный врачъ Брээръ; онъ сначала не отчаявался въ спасеніи больной и сталъ совѣщаться съ другими докторами. Герцогиня велѣла позвать ихъ къ себѣ, они попросили, чтобы ихъ оставили нѣсколько минутъ однихъ, но она вторично послала за ними. Они подошли къ ея кровати. Говорили о кровопусканиі «Если вы хотите пустить мнѣ кровь, сказала она, то не теряйте времени, мысли мои путаются и желудокъ переполняется». Врачи были удивлены такою великою твердостью; видя, что она настаиваетъ на кровопусканиі, они исполнили ея желаніе, но кровь не пошла и при первомъ кровопусканиі вышло очень мало крови. Герцогиня думала, что умираетъ, когда ноги ея стояли въ водѣ».

Когда диагностика и прогностика не установлены, лечение идетъ на удачу. Правда, въ подобныхъ случаяхъ прободенія, не существуетъ никакихъ средствъ, кроме наркотическихъ для облегченія, если то возможно, страданій; но это должно быть известно доктору. Прячи же, лечившие принцессу, пробовали на удачу разныхъ

средства, какъ будто бы они знали, что нужно дѣлать или могли бы помочь. Спокойные сначала, они, когда смерть стала приближаться, растерялись совершенно. «Король, говоритъ госпожа де-Лафайеттъ, нашель меня въ отчаяніи, что доктора не даютъ ей (больной) никакихъ лекарствъ, особенно рвотныхъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь сказать, что они растерялись, что они не знаютъ, что дѣлаютъ, что онъ постарается заставить ихъ опамятоваться. Онъ поговорилъ съ ними, подошелъ къ кровати герцогини и сказалъ ей, что хотя онъ не врачъ, но что предложитъ докторамъ тридцать средствъ. Они отвѣчали, что нужно подождать. Герцогиня тогда вставила слово и сказала что нужно умереть по формѣ».

Тридцать средствъ! О добродушная благонамѣренность королевскаго невѣжества! Если г. Крювелье, составившій себѣ, какъ я уже сказалъ, имя въ исторіи лечения язвы желудка, и о которомъ я никогда не вспоминаю безъ чувства признательности за то, что сорокъ лѣтъ тому паздѣ онъ меня экзаменовалъ и принялъ въ практическую школу, если — говорю я, — Крювелье присутствовалъ бы при совѣщаніи, онъ избавилъ бы короля отъ подобного заплѣнія, почтительно, но твердо объявивъ ему, что смертельно пораженной принцессѣ ни природа, ни искусство не можетъ оказать никакой помощи.

Доктора объявили, что герцогиня не была отравлена. Общественное мнѣніе того времени опровергло ихъ, и современная медицина оправдала. Но дѣло въ томъ, что по подостаточности своихъ свѣдѣній, они сказали гораздо болѣе чѣмъ имѣли. Чтобы утверждать, что какой-нибудь человѣкъ умеръ не отравленнымъ, нужно или доказать, что онъ не умеръ отъ такой-то болѣзни и въ точности опредѣлить родъ ея и ходъ. Этого они не сдѣлали, они не могли этого сдѣлать и когда объявили, что причиной смерти было слишкомъ большое излѣженіе желчи, то проносили изъ патологическомъ смыслѣ вздоръ. Они должны были подвергнуть чѣмъ химическому изслѣдованию и доказать, что ни одинъ реактивъ не обнаруживаетъ въ немъ присутствія какого-нибудь ядовитаго вещества. Въ другомъ трудахъ моемъ, я говорю, что и доказати (подъ отрывомъ словомъ я подразумѣваю и иѣкъ Лоджинъ XIV) по умѣніи юридически доказать фактъ отравленія. Для этого нужно было знать химію, а химія еще не родилась въ то время.

Чтобы окончить наше медицинское изслѣдованіе, намъ остается еще вскрыть 1-ло герцогини. Отмѣтимъ сначала все то, что должно было бы было искать въ немъ, еслибы діагнозъ былъ вѣренъ: нужно было искать слѣды остраго брюшнаго воспаленія и сквозную рану въ желудкѣ. Въ національной библіотекѣ, въ французскихъ рукописяхъ за № 17052-мъ, находится старая рукопись, носящая слѣдующее заглавіе: «Мемуары хирурга англійскаго короля, который присутствовалъ при вскрытии тѣла принцессы».

Статья эта имѣеть важное значеніе въ нашемъ изслѣдованіи. Вотъ она. «Когда былъ сдѣланъ надрѣзъ, чтобы вскрыть животъ изъ него вышелъ зловонный паръ. Въ разрѣзанномъ животѣ нашли слѣдующее: сальникъ былъ размягченъ и зараженъ гангреною; кишкіи очень обезцвѣченныя, начинали также размягчаться и портиться; печень сѣро-желтоватаго цвѣта была вся пережжена, такъ что при прикосновеніи къ ней, она въ мелкихъ крошкахъ распадалась между пальцами безъ всякихъ признаковъ крови; желчный пузырь наполненъ яркаго цвѣта желчью, которая изливалась, придавала, повидимому, такой же цвѣтъ другимъ сосѣднимъ частямъ; селезенка была нормального цвѣта и нормальной величины; лѣвое ребро, снаружи иѣсколько слабѣе и мягче, было въ внутреннемъ сопоставлѣніи нормально; правое ребро въ очень хорошемъ состояніи; вся полость нижней части желудка была полна сукровичной, гнилой, желтоватой, водянистой и жирной какъ масло жидкостью, животъ судя по наружному виду его, казался въ хорошемъ состояніи, но внутри былъ раздуть до самаго пищеваровода окрашенъ прожженіемъ желчью, которую легко было снимать пальцами. Начиная сверху съ зѣва, до самой нижней части желудка, послѣ тщательнаго осмотра, я не нашелъ никакого поврежденія, только въ средней и передней части, замѣтилъ маленькую дыру, которую вѣроятно хирургъ, разрѣзая животъ, нечаянно просверлилъ, на что я одинъ только обратилъ вниманіе; но разсмотрѣвъ животъ тщательнѣе вблизи я не нашелъ ни на одной части его ни ссадины, ни поврежденія, ни затвердѣнія, ни пятна, ни раны; легкое, прилегающее къ ребрамъ лѣвой стороны было наполнено пѣнистою жидкостью; правое легкое въ лучшемъ, но далеко не удовлетворительномъ состояніи, сердце ожирѣло, было заключено въ жидкости сердечной оболочки, которая имѣла свой естественной видъ: все же, вообще,

части носили признаки полнѣйшаго малокровія. Ни голова, ни кишки не были вскрыты, такъ какъ причина смерти была найдена и заключалась, какъ полагали, въ слишкомъ болыномъ изліяніи желчи».

Въ тѣ времена вскрытие тѣлъ было очень несовершенно; это послѣднее, однако, даетъ намъ, съ помощью нѣкоторыхъ разсужденій, объясненія, которыхъ намъ необходимы, чтобы кончить наше изслѣдованіе.

У меня въ настоящую минуту передъ глазами множество описаній прободеній желудка и все, что я утверждаю было проверено мною на образцѣ и типѣ этого рода болѣзни. Въ новѣйшихъ наблюденіяхъ, какъ и въ приведенномъ мною описаніи, упоминается о томъ, что при разрѣзѣ, вышелъ зловонный паръ; и здѣсь равнымъ образомъ указано на то, что полость нижней части желудка наполнена значительнымъ количествомъ мутной и вонючей жидкости, признаки воспаленія брюшины опредѣлены. Когда же нашъ авторъ говоритъ, что сальникъ былъ размягченъ и зараженъ гангреною, что кишки начинали также разлагаться и портиться, то иѣть сомнѣнія, что въ этомъ описаніи, какъ ни ясно оно, идетъ рѣчь о признакахъ остраго воспаленія брюшины. Присоедините къ этому острому воспаленію брюшины мгновенную, жестокую боль и вы скажете, что несомнѣнно произошло прободеніе, хотя собственно говоря, отверстіе образующееся вслѣдствіе прободенія и не является въ описаніи вскрытия. Маленькая дыра, говоритъ нашъ авторъ. И дѣйствительно, «о маленькихъ дырахъ» често упоминается и въ новѣйшихъ наблюденіяхъ. Но нашъ авторъ приближается, что замѣченная имъ дыра была начищено сдѣланна хирургомъ, который вскрывалъ животъ.

Такъ ли это? Онь самъ сомнѣвается и отомъ, потому что говоритъ, что онъ одинъ обратилъ на это внимание и самъ убѣдился въ этомъ предположеніи только тогда, когда послѣ тщательнаго изслѣдованія желудка, не нашелъ въ немъ никакого другого поврежденія, кроме этой «маленькой дыры». Въ исконныхъ наблюденіяхъ, которыми я руководствуюсь, упоминается, что отверстіе, образующееся послѣ прободенія желудка якои имѣетъ видъ отверстія сдѣланнаго острымъ орудіемъ, какъ бы ровно и вдругъ выхваталившимъ часть поверхности желудка и, когда ивна особенно остраго свойства и

быстро развивается, то случается что внутренняя сторона желудка кажется вполне здоровой и нормальной на всемъ остальномъ спо-сомъ протяженіи. Дѣйствительно, нашъ хирургъ нашелъ внутреннюю сторону желудка нормальною во всѣхъ частяхъ, кромѣ этой маленькой дыры. Итакъ какъ ему хотѣлось отыскать поврежденія, ко-торыя могъ бы произвести ядъ, то не найдя ихъ, онъ объявилъ, что по его мнѣнію, найденное отверстіе произошло совершенно случайно. Но мы съ своей стороны, не можемъ присоединиться къ его мнѣнію: всѣ симптомы при жизни принцессы и слѣды воспаленія брюшины послѣ смерти ея доказываютъ намъ противное.

Наконецъ, если мало логическихъ доказательствъ, а нужно фак-тическое, чтобы удостовѣриться въ томъ, что отверстіе найденное въ желудкѣ герцогини орлеанской было произведено внезапнымъ прибоденіемъ, а не нечаяннымъ надрѣзомъ, то достаточно всѣ мнить, что герцогиня пила прованское масло какъ противоядіе; масло это, въ случаѣ прободенія желудка, должно было бы пройти въ нижнюю часть живота. И дѣйствительно хирургъ говоритъ, что жидкость, найденная въ нижней части живота была жирна какъ масло. Въ одномъ изъ наблюденій, служащихъ мнѣ руководствомъ, разсказывается что одинъ больной выпилъ рициновое масло, кото-рое было найдено въ нижней части его живота; это случай пар-къ рассматриваемому нами случаю.

Въ интересныхъ мемурахъ, прибавленіи къ исторіи Франціи Понсе де - Грава, стр. 417 т. IV находится: „Описаніе болѣзни, смерть и вскрытие тѣла герцогини орлеанской, принадлежащее перу аб-бата и доктора Бурдело“. Во время разсѣченія трупа, говоритъ онъ, нечаянно случилось, что кончикомъ хирургического ножа было сдѣлано отверстіе въ верхней части брюшной полости; отверстіе это возбудило удивленіе многихъ и подняло вопросъ откуда яви-тось. Хирургъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ его нечаянно, и г. Валлѣ утверждалъ, что онъ видѣлъ какъ это случилось. Бурдело показалъ, что отверстіе это не было ни прижжено, ни воспалено, что вены окружавшей кожи не были налиты, припухши, какъ замѣчается при рялыхъ сдѣланныхъ живымъ субъектамъ. Очевидно отверстіе это обратило на себя серьезное вниманіе докторовъ. Не зная, что индивидуальное поврежденіе можетъ произойти безъ дѣйствія яда, они старались внимательно рассматривать отверстіе и замѣтили

что края его не были ни прижжены, ни воспалены, ип утолщены ио то что они сочли положительнымъ доказательствомъ, никакъ; не могло имъ быть, потому что мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ встрѣтился одинъ случай подобной болѣзни, когда язва находилась на малой кривизнѣ желудка, имѣла рѣзко обрѣзанные края, безъ утолщений въ сосѣднихъ частяхъ (Людовигъ Мюллерь, стр. 241). Предполагаемый нечаянный надрѣзъ не былъ замѣченъ во время вскрытия; если бы хирургъ замѣтилъ неосторожность свою въ ту же минуту, то не могло бы быть бы повода спорить, или говорить объ отсутствіи прижженности, воспаленія, утолщенія краевъ надрѣза. Прибавимъ ко всему сказанному, что если легко сдѣлать случайно насѣчку бистуреемъ, то это отнюдь не легко сдѣлать ножницами на перепонкахъ, которая не находится въ растяженномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что нужно было найти причину отверстія и ее нашли: въ противномъ же случаѣ, въ виду этихъ трехъ фактовъ — мгновенного развитія болѣзни, воспаленія брюшины и присутствія провансаго масла въ нижней части желудка живота, всякий споръ былъ бы прекращенъ.

Послѣ вскрытия тѣла, доктора объявили, что больна умерла отъ холеры—cholera morbus—подлинное пхъ выраженіе. Подобное заявленіе, о которомъ не было и рѣчи при жизни принцессы, заставляетъ сомнѣваться въ ихъ добросовѣстности, или даже въ ихъ отосительномъ знаніи. Въ самомъ дѣлѣ cholera - morbus, холера, которую исѣдѣуетъ смѣшивать съ азіатской холерою, не принадлежитъ къ числу болѣзней неизѣстныхъ въ медицинѣ того времени, какъ неизѣстны были мгновенное прободеніе желудка и воспаленіе брюшины. Еще задолго до этого времени, съ большой точностью были описаны характеристические признаки этой холеры, проявляющіеся по крайней мѣрѣ въ началѣ ея—ригота и неизѣвольная испражненія. Произнося громкое слово холера, доктора или хотѣли этимъ положить конецъ толкамъ, и въ такомъ случаѣ иѣ думѣ ихъ оставалось иѣкоторое сомнѣніе отосительно поражившой пхъ дыры въ желудкѣ, или же, они сдѣлали заявленіе свое совершенно чистосердочно; если это такъ, то они по имѣли понятія о холерѣ, говорили о томъ чего не знали, не были даже виакомы съ описаніями, содержащимися въ ихъ книгахъ.

Легко понять, отчего заявленіе ихъ не положило конецъ подо-

аргументъ. Въ наше время, въ подобномъ случаѣ болѣзни, діагнозъ до смерти и поврежденія, найденные послѣ смерти при вскрытии обезпечили бы протоколамъ полную достовѣрность. Но что касается до герцогини, въ ея болѣзни былъ одинъ темный пунктъ, который доктора не могли ничѣмъ объяснить, допуская или нѣть холеру, а именно, какимъ образомъ, герцогиня, послѣ стакана простой цикорной воды, была поражена какъ громомъ невыносимой болью?

Пока медицина не могла объяснить это странное явленіе, мракъ не былъ разсѣянъ. Но современная медицина даетъ это объясненіе, и оно вполнѣ достаточно, чтобы окончательно уничтожить всяческое подозрѣніе въ отравленіи.

Мое изслѣдованіе приближается къ концу. Я резюмирую сказанное выше. Существуетъ болѣзнь, очень точно описанная современной медициной, простая желудочная язва. Больной, страдающей этой болѣзни, мгновенно испытываетъ жестокою боль въ брюшной полости; послѣ какого либо напряженія или послѣ глотанія, онъ совершенно ослабѣваетъ, представлять всѣ признаки остраго воспаленія брюшины, сохраняетъ полное присутствіе ума п черезъ нѣсколько часовъ умираетъ; послѣ вскрытия тѣла, въ нижней части желудка, замѣчается значительное взліяніе и прободеніе. Герцогиня орлеанская, выпивъ стаканъ цикорной воды, почувствовала вдругъ невыносимую желудочную боль и такъ мгновенно ослабѣла, что ее нужно было взять на руки чтобы уложить въ постель; у нея обнаружилось сильное воспаленіе брюшины и черезъ девять часовъ она, въ полной памяти, умерла; въ тѣлѣ ея нашли слѣды брюшаго воспаленія, значительное взліяніе и отверстіе въ желудкѣ, — отверстіе, по поводу котораго было много споровъ, но относительно котораго мы болѣе спорить не станемъ, если вспомнимъ, что принцесса выпила какъ противоядіе прованское масло и что при вскрытии была дѣйствительно найдена жидкость жирная какъ масло. И такъ медицина, съ полнымъ знаніемъ дѣла объявляется, что герцогиня не была отравлена. Въ смыслѣ обратнаго доказательства и эквивалента химическихъ изслѣдований служитъ известный изъ достовѣрныхъ источниковъ фактъ, что одна особа, и можетъ быть и двѣ, выпили ту же самую цикорную воду безъ никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Нерѣдко приходится, по поводу тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ безсиліе медицины такъ явно обнаруживается, слышать отъ людей свѣтскихъ не имѣющихъ понятія о медицинѣ и исторіи ея, что съ древнихъ временъ она не сдѣлала никакихъ, сколько нибудь значущихъ, успѣховъ и что въ настоящее время люди умираютъ какъ и въ старину. Да, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но я не хочу пропустить этотъ случай, безъ того чтобы на одномъ фактѣ не показать какіе существенные и значительные успѣхи сдѣлала медицина, благодаря методу руководящему въ настоящее время всѣми науками.

Еслибъ самый плохой врачъ, учившійся въ нашихъ школахъ и нашихъ госпиталяхъ быль бы призванъ къ принцессѣ то для него было бы ясно, что у нея прободеніе желудка, воспаленіе брюшины и что смерть неизбѣжна; онъ не мучилъ бы больную безполезными лекарствами и не обманывалъ бы близкихъ ея пустыми фразами. Да, скажутъ миѣ, пожалуй, въ отвѣтъ, ио онъ не спасъ бы ее отъ смерти какъ не снасъ Есипи, Геслинъ и другіе. Не должно спѣшить съ преждевременнымъ рѣшеніемъ: призванный во-время и до рокового прободенія, онъ послѣ внимательнаго изученія симптомовъ болѣзни предугадалъ, разсознанъ бы тайное зло, угрожавшее столь ужасной опасностью жизни герцогини, и пропильнымъ лечениемъ—опо въ настоящее время спасаетъ такъ многихъ—быть можетъ, сохранилъ бы жизнь герцогини, по словамъ Боссюэта, для того великаго положенія, которое она такъ хорошо винимала.

Слова эти взяты изъ надгробной рѣчи Боссюэта, красотами кото-
рого я могу теперь восхищаться безъ того, чтобы бѣдный призракъ отравленія не примѣшивалъ къ нему свой таинственный ужасъ. Но и на этихъ высяхъ ораторскаго искусства, какъ и на высокихъ красотахъ Гомера, я вижу только блестящее отраженіе идеи, которая руководили человѣчествомъ: вдохновляли и облагораживали его, но которая человѣчество въ виду новой дѣятительности начинаетъ забывать, признавая за ними меньшое значеніе.

Въ то время, когда Боссюэтъ иѣ начинѣніи смерти столь любимой принцессы, видѣть только полю, которая сокращаетъ срокъ искушенія вмѣстѣ съ жизнью герцогини, и исхиненіе ея рукой смерти у блеска и славы, или же возмущается противъ нашей гордости и обращаетъ ее въ прахъ, мы въ этомъ событии видимъ безко-

нечшую связь естественныхъ законовъ то благодѣтельныхъ, то разру-
шительныхъ, но всегда и одинаково очевидныхъ и правильныхъ, какъ
и въ тѣхъ случаяхъ, когда они способствуютъ или вредятъ нашимъ
минутнымъ затѣямъ, такъ и когда двигаютъ солнцами въ безко-
ничномъ пространствѣ.

Привожу здѣсь въ видѣ замѣтки краткое разсужденіе по поводу
смерти Генриха I, которая была дѣйствительно странна. Вотъ какъ
о ней разсказываетъ Ордерикусъ Виталь: *Anno ab incarnationis Do-
mini M^lX, indict. XIII, Henricus, rex Francorum, post multas pro-
bitates, quibus in regno glorioste vignit, potionem a Johanne me-
dico Carnotensi, qui ex oventu surdus cognominabatur spe, longioris
et sanioris vita accepit. Sed quia voto suo magis quam praecepto
archiatri obsecundavit, et aquam, dum veneno rimanti interiora ni-
mis angeretur, elm a cubiculario sitiens popociut, medico que igno-
rante ante purgationem babit, proh dolor! in crastinum cum mag-
no multorum moerore obiit.*»

Вотъ очень гибельное послѣдствіе слабительнаго, даннаго изъ
предосторожности. И вотъ архіатръ ¹⁾), который отсутствуетъ очень
не кстати! Этотъ Іоаннъ де Шатръ говоритъ лѣтописецъ, былъ
послѣ этого события прозванъ глухимъ, вѣроятно потому что онъ
не слыхалъ жалобъ своего царскаго пациента и что не пришелъ
къ нему на помощь.

Лѣтописецъ приписываетъ смерть короля его неосторожности,
и именно тому что, мучимый сильной жаждою, онъ до дѣйствія ле-
карства и безъ вѣдома своего доктора, выпилъ воду, поданную
ему камергеромъ. Эта неосторожность, по мнѣнію лѣтописца, сни-
маетъ вскую ответственность съ архіатра; очень вѣроятно, что
онъ ее не выдумалъ, но что архіатръ заявилъ о ней тотчасъ какъ
обнаружились смертельные припадки.

Но можемъ ли мы, подобно Ордерику Виталю, принять ее за
фактъ? Для того чтобы вода, выпитая до дѣйствія слабительнаго
могла бы вызывать припадки столь опасные, что они вскорѣ стали
смертельными, нужно чтобы слабительное было такого свойства,

¹⁾ Раковинный врачъ.

что разложившееся, оно отдалило бы быстро действующий ядъ. Такого слабительного, заключаеть ли оно въ себѣ соли или нѣтъ, чистаго или смѣшанного съ другими веществами, не существуетъ. И большой въ подобномъ случаѣ, если почувствуетъ жажду, можетъ безъ всякаго вреда для себя, выпить воду. Главный врачъ прикрылъ ложнымъ извинениемъ сдѣланную имъ неосторожность, жертвою которой вскорѣ палъ король; но виновато ли въ этомъ его невѣжество или его недобросовѣстность, мы не беремся решить.

Хотя это описание, неимѣющее медицинскаго характера не полно, однако въ немъ заключается лучшее объясненіе чѣмъ то, которое намъ даетъ неосторожный и нерадивый главный врачъ. Большой принявъ слабительное, тотчасъ почувствовалъ дѣйствіе его (*veneno rimante interiore*) и вмѣстѣ съ тѣмъ сильное томленіе (*nimas angeretur*). Принимая это во вниманіе равно какъ и быстрый роковой исходъ, можно дополнить описание; слабительное было сильное и потому жажда и томленіе стали очень мучительны; вышли ли испражненія, — о чѣмъ лѣтописецъ не говорить или нѣтъ — но у короля обнаружилось внутреннее воспаленіе и онъ умеръ отъ дѣйствія слабительного. Онъ точно также умеръ бы, если бы не выпилъ воду и не сдѣлалъ того, чѣмъ его упрекали. Къ счастью для главнаго врача; эта минимал неосторожность его пациента, которой всѣ вѣрили, послужила ему оправданіемъ. Спрашивается теперь какого свойства было принятое лекарство? Была ли ошибка въ дозѣ, или король былъ особенно чувствителенъ къ дѣйствію его? На этотъ-то вопросъ и невозможно отвѣтить. Въ собраніи книгъ Гиппократа находится описание случаевъ, которые по своему сходству съ болѣзняю Генриха I объясняютъ ее. «Здоровая женщина, говорится въ V книгѣ объ *эндеміяхъ* т. V стр. 233, вслѣдствіе слабительного, которое она приняла, почувствовала боли въ желудкѣ, схватки въ кишкахъ; она опухла и стала дышать съ трудомъ, но не смотря на дурноту и боли, ее не рвало; она пять разъ казалась совершенно мертвою, такъ что думали, что она скончалась. Рвота холодной водой несколько облегчила ея удушье, даже въ минуты самого сильнаго страданія. Ей вылили на тѣло около тридцати амфоръ холодной воды и это, казалось, помогло ей. Она выздоровѣла».

Да, она пытала, но какъ близко была она къ смерти. Другой не быть такъ счастливъ. „Антаръ, посѣтъ слабительного не почувствовать, сначала ничего кромѣ боли въ мочевомъ пузырѣ, тогдѣ моча вышла въ большомъ количествѣ; въ полдень жесто кая болѣ обнаружилась въ желудкѣ, удушье, тошнота и беспокойный сонъ, все это измучило больнаго; его начало рвать, но ничего не выходило изъомъ; онъ страдалъ всю ночь и провелъ ее безъ сна. На другой день испражненія были значительныя, подъ конецъ они стали кровяными и онъ умеръ (т. V *ibid*). Одинъ писатель приналежащий къ эпохѣ Гиппократа говорить (т. VI стр. 241), что съ выгоняющими желчь и слизистыми испражненіями начиналася опасность и обвиненія противъ доктора. Дѣло въ томъ что въ древности и, вѣроятно, въ среднія вѣка аптекаря не умѣли хорошо размѣрить количество сильныхъ веществъ, которыя входили въ составъ лекарствъ.

О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ САМОУБІЙСТВѢ *).

Чтеніе сочиненія Г. Дезъ-Этанга о политическомъ самоубийствѣ произвело на меня глубокое впечатлѣніе, не считаю нужнымъ скрывать этого. Какимъ бы хладнокровіемъ ни былъ проникнуть человѣкъ изучающій исторію, но когда историческая события принимаютъ колоритъ домашней трагедіи и постоянно сливаютъ неумолимый ходъ причинъ и послѣдствій съ величайшими страданіями личной жизни, то трудно оставаться холоднымъ и беспрѣстаннымъ зрителемъ и удержаться отъ щемящаго чувства, которое мало по малу охватываетъ душу читателя, когда подъ его рукой переворачиваются страницы горестной новѣти. Сколько горя въ революціи и самоубийствѣ, являющихся рука объ руку въ разсказѣ историка, какъ они шли и въ дѣйствительности! Сколько сожалѣній расточено надъ самыми блестящими и надъ самыми неизвѣстными долями! Какое страшное броженіе должно было произойти, чтобы вызвать эти необычайные замѣненія въ человѣческихъ отношеніяхъ и чувствахъ, поднимавшихъ одну противъ другой партии, преданныя безъ сомнѣнія великимъ идеямъ, но состоящія изъ людей тѣмъ не менѣе ослѣпленныхъ и жестокихъ.

«Un malheur inconnu glisse parmi les hommes», сказалъ Ма-

*) *Etudes sur la mort volontaire. Du suicide politique en France depuis 1789 jusqu'à nos jours*, par M. A. Des-Etangs, docteur en medecine.

дербъ иъ профрицкой строфѣ, посвященной характеристицѣ страшнѣйшаго времениъ его времени, т. е. религіозныхъ войнъ. Пoэтъ объяснилъ ужасомъ прорицѣль то таинственное горе, тотъ роковой обновленіи порывъ, который является въ минуты, когда новыи миѳы становятся достаточно сильными, чтобы начать борьбу со старыми понятіями; другими словами, когда великия соціальныи перевороты, медленно созрѣвши, вспыхиваютъ паконецъ.

Книга доктора Дезъ-Этана—исторія отраженіе политическихъ видѣній на тѣхъ, кого они обрекли искать себѣ смерти. Въ этой книгѣ, какъ и въ книгахъ медицины, описывается рядъ катастрофъ, которая находятся постоянно въ прямомъ отношеніи съ разстройствомъ общественнаго. Въ подобномъ сочиненіи такъ важномъ по своимъ отношеніямъ, такъ мрачномъ по своимъ подробностямъ—стиль и форма значать много. Что же касается меня, то я долженъ сказать, что встрѣтъ я въ немъ фразерство, малѣйшее пристрастіе или увлеченіе словомъ, которое не знаетъ себѣ мѣры, или декламацію дурнаго вкуса, которая нашла бы себѣ такой удобный предлогъ въ такихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ, то книга эта произвела бы на меня несравненно слабѣйшее впечатлѣніе; но чтеніе этой книги расшевелило во мнѣ всѣ впечатлѣнія; ея строгій слогъ, ея сдержаній тонъ, что вовсе не означаетъ холоднаго тона, строгая умѣренность языка, показывающая все уваженіе автора къ своему предмету съ тѣмъ, можно сказать, благоговѣніемъ, которое передается отъ автора читателю. Впечатлѣніе произведено и цѣль книги достигнута; авторъ волнуя сердца читателей картинами страшной повѣсти, врѣзаетъ въ умъ его тѣ уроки, которые она несетъ съ собой. „Я начинаю, говоритъ Тацитъ, повѣствование о времени, богатомъ печальными событиями и означеніи смутиами», желая окончательно охарактеризовать его, онъ съ свойственной ему манерой, прибавляетъ: *Ipsa etiam rase vocum, гибельное даже во время мира. Многія черты этой имперіческой и знаменитой рѣчи, могутъ быть приложены къ революціонной бурѣ: катастрофы были громадны и распри непримиримы; но послѣдняя черта, та, которая составляетъ главную черту миссии Тацита не подходитъ къ этой эпохѣ. Военные возмущенія, имѣвшіе императоровъ, перемежались лишь кратковременными періодами мира или скорѣе перемирий, лишенныхъ настоящаго bla-*

годельного спокойствия; это состояние было схоже съ удушливой и разслабляющей атмосферой, которая не превращаясь въ грозу грозить надъ землей и надъ обитателями ся, не освѣжая ихъ. Гацітъ ощущалъ это и съумѣлъ выразить. Помѣстительно въ революціонную эпоху бывастъ наоборотъ—страданія могутъ быть столь же велики, потрясенія столь же жестоки; но слѣдующія за ними мирныя періоды плодотворны, потому что научный и умственный прогрессъ, а слѣдовательно, чтобы о томъ ни говорили, и нравственный прогрессъ не останавливался; это существенное различие въ непрерывной цѣнѣ, составляющей исторію, и его нельзя обходить молчаніемъ. Потрясенія римской имперіи не имѣли иныхъ причинъ кромѣ неопредѣленного недовольства и другихъ цѣлей кромѣ замѣны Гальбы Оттономъ, Оттона Вителіемъ, или же Вителія Веспасіаномъ, т. е. избранія способнаго вождя взамѣнъ неспособнаго. Потрясенія революціонной эпохи въ своемъ источнике были чисты отъ всякихъ личныхъ мотивовъ, причина ихъ лежала въ сознательномъ недовольствѣ, проистекавшемъ отъ неудовлетворительныхъ учрежденій и стремленіе ихъ было осуществить на практикѣ идеалы, уже властовавшіе надъ умомъ и сердцемъ.

Но гдѣ же тутъ связь между революціей и самоубійствомъ, спросить многіе? они увидятъ эту связь и согласятся съ мнѣніемъ г. Дезъ-Этанга, если потрудятся вспомнить, что между самоубійствами существуетъ цѣлая группа, имѣющая основной причиной желаніе избѣгнуть смерти, которую многіе считали позорной.

Докторамъ, завѣдывающимъ домами для умалищенныхъ, нерѣдко приходится видѣть самоубійство своихъ пациентовъ; но въ этихъ случаяхъ самоубійство очевидно представляется результатомъ умопомѣшательства и находится въ связи съ остальными патологическими явленіями, испытываемыми больнымъ, а слѣдовательно самый поступокъ лежитъ виѣ свободной воли субъекта. Бываютъ и другие случаи, виѣ всякаго умопомѣшательства, когда человѣкъ, находящійся въ полномъ здравомъ разсудѣ, чувствуетъ винзанное отвращеніе къ жизни, неодолимое и неоправдываемое никакими виѣшними условіями; это отвращеніе, причина самоубійства, должно быть отнесено къ болѣзнямъ явленіемъ и принадлежать медіцинѣ. Но здѣсь и находится граница области медіка. Когда человѣкъ ясно излагаетъ причины мѣшающія ему жить, когда эти

причины реальны, а не вымышлены, на чемъ можно основать право отрицать въ немъ сознаніе, которое каждый изъ насъ признаетъ въ самомъ себѣ? Что называемъ мы сознательнымъ поступкомъ, какъ не дѣйствие хорошо понятое самимъ дѣйствующимъ лицомъ и соответствующее съ вызвавшими его обстоятельствами? Слѣдовательно, справедливо будетъ признать, что въкоторое количество самоубийствъ не принадлежитъ къ категоріи умопомѣшательства, и должно быть объяснено совершенно другимъ рядомъ вліяній. Отъ той минуты когда самоубийство не исключительно патологическое явленіе, онъ уже болѣе не поступокъ исключительно зависящій отъ личности человѣка, который наложилъ на себя руки; съ той минуты когда въ основаніи его лежитъ не исключительно умственное разстройство, оно должно быть приписано виѣшнимъ условіямъ, насильственно повліавшимъ на него и которая, съ его точки зреінія, вынуждаютъ его предпочтеть смерть жизни.

Пожалуй возразятъ, что выраженія: *насильственно вліять, вынуждать* доказываютъ подавленную дѣятельность свободной воли и низводятъ самоубийство до разряда автоматическихъ поступковъ умопомѣшательства. Далеко не такъ; если богачъ, потерявши состояніе по своей или по чужой винѣ, хочетъ удовлетворить своихъ кредиторовъ и *насилиуетъ* себя, продавая свои помѣстія, или бываетъ *вынужденъ* измѣнить свои привычки, онъ въ этомъ случаѣ, если хотите, тоже вынужденъ виѣшними условіями; но покоряясь и жертвуя собой онъ не перестаетъ пользоваться какъ свободной воли, такъ и разсудкомъ. Тоже самое повторяется и съ самоубийцами, о которыхъ я веду рѣчь; съ какой бы стороны ни смотрѣли на ихъ поступокъ, онъ совершенъ въ здравомъ разсудкѣ и подъ руководствомъ того, что называется свободной волею. Очевидна вѣдь есть доля принужденія, но она идетъ отъ виѣшнихъ, а не отъ внутреннихъ причинъ. Гдѣ же искать причину, побуждающую страдательное лицо взвѣшивать и выбирать извѣстный исходъ, какъ не въ окружающихъ его условіяхъ, въ средѣ, въ которой онъ живѣтъ, въ политическихъ событияхъ, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, въ судьбахъ того класса, къ которому онъ принадлежитъ, и еще болѣе въ семейныхъ отношеніяхъ, которыми онъ связанъ? И такъ, всякий разъ когда самоубийство не представляетъ патологического явленія, оно будетъ результатомъ или семейныхъ или

социальныхъ условій, или говоря словами д-ра Дезъ-Этаннга: "личность тутъ не болѣе какъ форма, въ которой проявляются семейства или общественные страданія; она служить мѣриломъ силы давленія виѣшнихъ вліяній и силы сопротивленія души отдѣльной личности, посреди этихъ колебаній и вспышекъ жажды жизни, которая по трогательному выражению Ла-Фонтена, составляютъ страданіе умирающихъ и отъ которыхъ не избавляется самое безвыходное отчаяніе. Крайній примѣръ насилия виѣшнихъ обстоятельствъ надъ личностью представляютъ намъ случаи самоубійства не по собственному побужденію, т. е., когда человѣкъ приговоренъ къ казни убиваетъ себя, чтобы умереть иначе, нежели какъ то предписываютъ ему, побѣдители его—его судьи и палачи. Этотъ видъ самоубійства, во времена первой революціи былъ не раздѣльнымъ спутникомъ смерти, на которую партии обрекали другъ друга съ невыразимой жестокостью. Ни одна партія не избѣгла этой доли: роялисты, жирондисты, монтаньяры, бабуисты, конспираторы всевозможныхъ оттѣнковъ поочередно налагали сами на себя руки, чтобы не умереть отъ руки врага. И то не было спокойнымъ самоубійствомъ Катона, который положивъ подъ изголовье кинжалъ, перечитывалъ разговоры Платона о бессмертіи души и заставлялъ друзей своихъ уходить; то было самоубійствомъ посреди смертельныхъ мукъ, ожесточенныхъ преслѣдований, у подножія трибунала, въ толпѣ соглядатаевъ жандармовъ; средствомъ къ нему былъ гвоздь, пстунившійся ножъ, или капля смертоноснаго яда, заботливо прибереженаго на крайній случай необходимости. Г. Дезъ-Этангъ не вставляетъ ни единаго слова отъ себя въ эти печальные повѣствованія; онъ уступаетъ рѣчъ неопровергнутымъ, официальными документами того времени; и конечно краснорѣчіе ихъ достаточно сильно; они рисуютъ съ равной ясностью тяжкія условия того времени, ожесточеніе борьбы и рѣшимость тѣхъ, кто хотѣлъ сохранить даже въ смерти свою свободу и независимость, или считалъ себя обязанными, ради чести своего відамени не предаваться въ окровавленія руки побѣдителя.

Послѣдніе отдѣлы пореєнски Вольтера изобилуютъ не только предвѣщаніями, но и сочувствіемъ къ приближавшейся революціи; они поздравляютъ друзей своихъ, которые моложе ого годами съ тѣмъ, что они доживутъ до временъ, которыхъ они не увидятъ, по которымъ

онъ нетривиальныи надеждой и желаніемъ и наступленію которыхъ онъ не чуждъ. Но противность оракулу Макбета, который исполнилъ букву линнаго обѣцанія, но измѣнилъ смыслу его и обманулъ ожиданіе, революція исполнила то что обѣщало ожиданіе, исполнила и смыслъ, но обманула ближайшія надежды. Благо заключавшееся въ ней, и ради которого жертвовали собой, не имѣя другихъ цѣлей кромѣ жажды увидѣть его, предназначалось для будущаго, испытанія же принесенные ею съ собой были для настоящаго, и они были безмѣрныя. Нужно было пережить ихъ, и слѣдуетъ сказатьъ правду, друзья Вольтера или говоря точнѣе, замѣчательныи люди вдохновенные идеями своего вѣка и въ свою очередь вдохновившие его, не ослабѣли во время бури. Они, не поступили ни чѣмъ, ни вѣрой въ свое дѣло, ни преданностью, ни любовью къ наукѣ и литературѣ, ни уваженіемъ ко всѣмъ лучшимъ свойствамъ человѣчества. Это всего яснѣе доказываетъ, насколько эта эпоха, несмотря на все свое легкомысліе и распущенность, почерпнула величія, силы, геройства и добродѣтели въ обновляющемъ потокѣ, поднявшемъ въ своемъ теченіи сначала Францію, а затѣмъ и всю Европу и въ нравственномъ и умственномъ повышеніи общаго уровня, которымъ ознаменовалась эта эпоха. *Neque adeo sterile virtutum fuit soeculum, quin et bona exempla prodiderit*, скажалъ Тацитъ, выражая недовольство своимъ вѣкомъ и міромъ. На противъ того, XIII столѣtie было до того богато юными силами что въ то время, какъ оно умѣло встрѣчать смерть съ стоицізмомъ, равнымъ стоицизму древняго Рима, оно было относительне порождаемаго имъ будущаго полно надеждъ и энтузіазма. Впрочемъ, XIII вѣкъ весь вылился въ одинъ идеальный типъ, который издавна возбуждаетъ мое глубочайшее уваженіе: я говорю о Кондорсо. Въ немъ воплотились жизнь и духъ вѣка; когда наступилъ конунъ великаго кризиса, онъ встрѣтилъ его съ восторгомъ; когда ему предстоялъ образъ дѣйствій, котораго онъ не могъ одобрить онъ вызывалъ противъ себя приговоръ изгнанія; скитаясь изгнаникомъ, скрываясь отъ враговъ, когда смерть ежедневно грозила ему, онъ писалъ свой *«Esquisse des progrès de l'esprit humain»* и не писалъ бы у себя, въ кабинетѣ; когда возмутительный законъ привинтилъ къ осужденному каждого укрывателя, онъ отказался отъ подніодушнаго гостепріимства женщины, оберегавшей его

цизнь; и паконецъ открытый, благодаря звѣрскому усердію одного членыщица, члена революціоннаго комитета Кламара, онъ пропотилъ давно заготовленный имъ ядъ, написавъ въ своемъ завѣщаніи:

«Я не хочу чтобы внушали моей дочери чувство личнаго миценія; пусть эта просьба будетъ передана ей отъ моего имени; я прошу избѣгнуть ей, что месть была всегда чужда мнѣ». Свѣтлая и сильная душа его, преданная человѣчеству доказала своимъ чуднымъ римѣромъ всю силу той новой нравственности, которую помимо всякой вѣнчаней опоры, человѣческая совѣсть находитъ въ самой себѣ.

Въ древности, пасколько извѣстно, законодательство не занималось самоубійствомъ; философы порицали его; религія отводила му място въ загробной жизни, среднее между елисейскими полями и тартаромъ, място занимаемое тѣми:

*Qui sibi lethum
Inzontes peperere manu, lucemque perosi
Projcere animas...*

Католичество усугубило это осужденіе; оно своимъ вліяніемъ извало вмѣшательство закона, предписывавшее подвергать порушенію тѣла лицъ окончившихъ жизнь самоубійствомъ, волочить лицомъ по землѣ трупъ и вѣшать за ноги; имена самоубійцъ превратить позору, а состояніе конфисковать, къ печали семьи о потерѣ орогаго члена присоединять грабежъ и разореніе. Медицина по тому вопросу, какъ и по многимъ другимъ, научила людей гладѣть а вещи съ болѣе правильной и гуманной точки зреенія. Также акъ ей удалось спасти бѣсноватыхъ отъ пытокъ изгнанія бѣсовъ, одуновъ отъ костра и сумасшедшихъ отъ истязаній и заключеній, но вырвала и самоубійцу у карательной системы, которая соотѣствовала средневѣковой цивилизациѣ, но по идеямъ болѣе прошеннной эпохи; медицина указали на путаницу понятій происходившую отъ несовершенства знанія въ области патологіи мозга, объяснила, что значительная часть самоубійствъ должна разматриваться какъ слѣдствіе умопомѣшательства и слѣдоматерно, что не можетъ быть вмѣшано личности, и есть поступокъ не подлежащий отвѣтственности. Чуже касается до другой группы, о

которой говорено выше, тамъ гдѣ невозможно отрицать участия сознания, она взглянула на этотъ страшный шагъ съ естественнымъ чувствомъ печали сожалѣнія и осужденія; но вскорѣ увидѣла что имѣтъ дѣло съ весьма сложнымъ явленіемъ. Призываю къ суду жертву самоубийства она увидѣла, что во многихъ случаяхъ, если самоубийца самъ причина своей смерти, то онъ причина не исключительная и что для справедливаго приговора каждое самоубийство должно быть подвергнуто изслѣдованию, какъ и всякое смертоубийство.

Чѣмъ болѣе медицина развивается и обогащается, тѣмъ болѣе цѣнной и необходимой совѣтницей становится для решения масс административныхъ и общественныхъ вопросовъ.

По одному этому уже можно судить, независимо отъ другихъ доказательствъ, насколько велики и плодотворны успѣхи ея. Въ былые времена, ся голоса вовсе не спрашивали по всемъ этимъ предметамъ, и дѣйствительно она не могла бы дать въ отвѣтъ ничего кроме неизмѣнившихъ значенія гипотезъ, незаслуживающихъ вниманія правителей. Но, въ настоящее время, когда и въ этой отрасли знанія, равно какъ и въ остальной области умственныхъ приобрѣтеній, традиція накопила труды замѣчательныхъ людей и сложилась въ доктрину, такъ же твердую по своимъ основамъ закрѣпленнымъ сапкціей многолѣтняго опыта, какъ и способную расширяться и совершенствоваться, правительства почерпаютъ изъ нея свѣдѣнія и руководства, и они уступаютъ безъ сожалѣнія течению, которое всюду вноситъ реальное значеніе вещей, оставляя гипотезы и эмпирические взгляды, которые по необходимости, преобладали при основаніи и первоначальномъ развитіи общественныхъ учрежденій.

Когда мы привыкнемъ смотрѣть на исторію какъ на развивающееся движение, не позволяя себѣ, прилагать требованія научныхъ къ понятіямъ начаточнаго периода общественности, мы, не теряя сочувствія ко всему развивающемуся, будемъ въ состояніи отдать должную справедливость и къ началамъ, которымъ жило прошлое. Но это необходимо безпристрастіе, безъ котораго исторія представлялась бы намъ какъ хаосъ, а не безпрерывная цѣнь, не должно, однокоже, стѣснить въ данныхъ границахъ дѣйствіе здравой критики, которую требуетъ нравственность, вѣчно присущая и въ то же время развивающаяся послѣдовательно и измѣняющаяся.

Въ особенности, когда мы коснемся границы, на которой то что было въ свое время законнымъ становится жестокимъ, несправедливымъ, дикимъ, чудовищнымъ, выступаетъ множество фактовъ, противъ которыхъ духъ времени возмущается вполнѣ законно, противъ традиціонныхъ постановлений, которыхъ оскорбляютъ еще немногие избранные умы. Однимъ изъ такихъ фактовъ, непростительныхъ въ наше время, оказывается старое французское законноположеніе о самоубійцахъ. Не только конфисковали имущество самоубійцъ (по крайней мѣрѣ то былъ законъ, *dura lex, sed lex*), но отобранныя имѣнія раздавались лицамъ, которыхъ желали отличить и, очень чисто, даже весьма высоко-поставленнымъ особамъ. «Нѣкій Вельхъ¹⁾» говоритъ Вольтеръ, съ свойственнымъ ему отвращеніемъ ко всему что подло и дико: какой нибудь Вельхъ вздумаетъ отрѣшить свою душу отъ узъ бренного тѣла; и вотъ въ утѣшеніе сына его, все имущество его отдаютъ королю, который съ своей стороны, почти всегда даруешь половину изъ него первой попавшейся перной дѣвкѣ, домескнувшейся подать о томъ прошеніе черезъ одного изъ своихъ любовниковъ; вторая половина по праву достается откущицамъ».

Въ этомъ отрывкѣ, который д-ръ Дезъ-Этангъ не преминулъ цитировать, «первая оперная дѣвка» является подъ перомъ Вольтера съ исключительной цѣлью заклеймить грубою безцеремоніюю рѣчи всю гнусность административной мѣри. Въ дѣйствительности, самоубійство было доходной статьей далеко не для однихъ первыхъ корифеекъ. Да и въ своихъ мемуарахъ рассказывается: Сегодня король преодолеетъ ея высочеству дофинѣю человека убившаго самого себя; она надѣется выручить съ него много денегъ—глѣдовательно, здѣсь и очень знатная лада, и, какъ то слѣдуетъ по титулу, порядочная женщина, вычисляетъ или предоставляетъ вычислять за себя, сколько она получитъ прибыли отъ наследства, погнанаго у разореннаго семейства, не боясь запачкать себѣ руки кровавую добычу несчастнаго и о наследство вдовы и спротъ. Кто же изъ насъ, въ какомъ бы скромномъ достаткѣ онъ ни жилъ, не отвергъ бы съ отвращеніемъ подобныи под��окъ и не почелъ

¹⁾ *Velche* отъ имени народа прідковъ Галлоиъ, употребляется говоря въ юридическомъ смыслѣ о французыахъ.

были оскорбление, предложение положить такие деньги въ свой кошельки? А между тѣмъ, въ тѣ времена, король дарилъ, а наследники престола принимала эту позорную лепту! Конечно, я не наимѣренъ напечь здѣсь апологію моего времени; но пусть тоже не рѣстинуть ставить намъ въ примѣръ семнадцатое столѣтіе и короли имъ намъ глаза. Какъ бы я и были справедливы упреки, которые разумъ нашего времени дѣлаетъ девятнадцатому вѣку; какъ бы мы были справедливо, которое онъ сдѣлаетъ ему въ будущемъ, неоспоримо что уровень нравственности поднялся и, хотя люди остаются въ сущности такими же, какими и всегда были, но совокупность общественныхъ условій ведетъ къ подавленію въ отдельной личности вредныхъ побужденій и способствуетъ развитіи хорошихъ.

Невѣжественный народъ, выросшій подъ жестокой дисциплиной среднихъ вѣковъ, разумѣется, не могъ получать человѣческое воспитаніе. Пытки, истязанія, смертная казнь, звѣрство этихъ послѣднихъ, какъ единичныхъ, такъ и коллективныхъ: напр. эти вѣшанья на деревьяхъ торговцевъ контрабандой солью или поголовная избѣгнія несчастныхъ британцевъ, о которыхъ говоритъ г-жа де Севинье были воспитательными мѣрами народа и бѣдственнымъ предзнакомованіемъ того времени, когда власть перейдетъ въ другія руки и придастъ свою силу грозному смѣшенію самыхъ благородныхъ стремленій и самыхъ бѣшеныхъ страстей. Байронъ въ своемъ Донъ-Жуанѣ изобразилъ разбитый корабль, предоставленный па произволъ морскихъ волнъ, безпощадный какъ и произволъ людей во времена междоусобныхъ войнъ.

At mercy of the waves, whose mercies are
Like human beings during civil war.

Да, междоусобные раздоры были безпощадными и сложили цѣля гекатомбы человѣческихъ жертвъ. Не помню у кого изъ английскихъ писателей случилось мнѣ прочесть, что въ числѣ главныхъ подвиговъ совершенныхъ англійской націей, которая впрочемъ по словамъ автора насчитываетъ за собой немногихъ поступковъ, должно считать самымъ важнымъ убійство Іоанны-д'Аркъ шоницца, военной плѣнницы. Дѣйствительно эта смерть пятно на чести Англіи; не входя въ разборъ, насколько справедливъ этотъ

отзывъ и дѣйствительно ли въ исторіи англичанъ рѣже встрѣчаются злодѣянія, мы должны признать что въ числѣ ужаснѣйшихъ преступленій французской націи занимаютъ первыя мѣста Вареоломеевская ночь и терроръ, включая сопровождавшія и послѣдовавшія за нимъ реакціи. Въ подобныхъ событияхъ, гдѣ такую важную роль играетъ общественная совѣсть, недостаточно сосредоточивать все негодованіе на нѣсколькихъ лицахъ извѣдомо бывшихъ двигателями или орудіями совершенія; справедливость требуетъ сложить всю отвѣтственность на коллектическое существо — націю, чтобы имѣть возможность писать, безъ лести, ея истинную биографію, указать на ошибки ея рядомъ заслугами ея, предостеречь ее отъ увлечений, которые уже не разъ влагали въ ея руку книжалъ или топоръ, ей необходимо выслушивать уроки исторіи.

Къ числу народныхъ преступленій я причисляю, чего обыкновенно не дѣлаютъ, несправедливыя войны; я вовсе не забываю притомъ, что война часто бываетъ затруднительнымъ вопросомъ для национальной совѣсти, какъ напримѣръ въ войнѣ вызванной революціей. Здѣсь нельзя не признать съ одной стороны права новой Франціи и нельзя отрицать также что и другой стороны т. е. у роялистской старой Франціи и у Европы были права, за которыхъ она стояла. За то, когда безъ всякаго сомнѣнія война представляетъ воиновъ несправедливость, чего примѣромъ возьмемъ испанскую войну 1808 г., то приходится признать ее такимъ же позоромъ для націи давшей на нее свое согласіе, какимъ считается Вареоломеевская ночь и терроръ; и что значитъ кровь пролитая въ обѣ эти эпохи въ сравненіи съ шестью годами сраженій, стычекъ, отчаянныхъ нападеній, отчаянныхъ и ожесточенныхъ обороны, взятыми приступомъ городами, изнасилованными женщинами, зарѣзанными ранеными, подожженными госпиталями. Съ другой стороны какъ ничтожны побудительныя причины всѣхъ этихъ за воевателныхъ хищничествъ, особенно на ряду съ великими общественными движеніями, которыхъ подъ именемъ католицизма, протестанства или революціи овладѣвали людьми, во имя нравственныхъ интересовъ и общихъ принциповъ. Въ великихъ национальныхъ злодѣяніяхъ замѣчательнѣе всего — и это выставляетъ въ истинномъ свѣтѣ это преходящее увлечение и преступность — что

они никогда не измѣняли никакихъ убѣжденій. Измѣническое и громадное избиеніе варфоломеевской ночи не поколебало вѣры ни въ одномъ католикѣ. Кровь пролитая терроромъ не возвратила на лено церкви и монархическихъ началь ни одного революціонера. Ни одна партія не соглашалась признать себя виновной въ этихъ неніюющихъ оскорбленіяхъ человѣчности и въ сущности это было справедливо; но такъ какъ отвѣтственность всегда должна лежать на дѣйствительно виноватой, то въ этомъ случаѣ она падаетъ на націю. Таже нація, которую вожди ея могли направить измѣнически противъ гугенотовъ на всемъ пространствѣ Франціи, отказалась однажде отъ признания Генриха IV королемъ, до тѣхъ поръ пока онъ не принялъ католичества; религіозная совѣсть оказалась тверда и непоколебима въ то время и, когда общественная совѣсть оставалась глуха и иѣма передъ убийствами.

Таже нація, которая давала, не колеблясь, свою санкцію режиму террора, заставила реставрированныхъ Бурбоновъ признать и узаконить революцію; политическое сознаніе болѣе чуткое нежели нравственное не допустило разрушить великія дѣла революціи. Это доказываетъ, что нравственное сознаніе далеко не имѣть той всеобщности и силы, которая составляли принадлежность религіозной совѣсти временъ Карла IX и Генриха IV и политической совѣсти временъ революціи и Бурбоновъ. Обществомъ будетъ сдѣлать большой шагъ впередъ, когда эта всеобщность и сила перейдутъ на сторону нравственного сознанія. Всльдствіе печального и естественного побужденія, религіозныя и политическія партіи склонны видѣть другъ въ другѣ нарушителей всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ; и когда онѣ въ изступленіи терзаютъ другъ друга, то онѣ дѣлаютъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, что они защищаютъ небо и добродѣтель. Чѣмъ былъ въ глазахъ католика протестантъ? Чѣмъ былъ якобинецъ въ глазахъ роялиста? что видѣлъ монтаньяръ въ жирондистѣ?

Лучше всего можно одѣнить эту степень пристрастія, познакомившись съ грубо-наивными судебными протоколами, составленными некоторыми муниципальными трибуналами, о преслѣдованіи и смерти жирондистовъ, на которыхъ были тогда устроены настоящіе облаки. Съ исторической точки зрења общественные потрясensiя, изъ которыхъ сказывается прогрессивное движеніе, имѣютъ

сторону выкупашую ихъ, которую не имѣютъ войны; французская революція представляетъ тому самый яркій примѣръ, въ то время когда ее мрачилъ терроръ, надъ ней сияли самые чистые лучи свѣта, ее увлекали самыя высокія стремленія. Но тѣмъ не менѣе истина требуетъ сказать, что біографія вацій не состоитъ исключительно изъ перечня того, что онѣ сдѣлали прекраснаго и высокаго.

Г. Дезъ-Этанъ не посѣтуетъ на меня конечно за мои историческія коментаріи; я не теряю изъ виду его труда, и слѣдую за нимъ по нити, по которой и самъ онъ идетъ, изслѣдуя избранный имъ предметъ. Всѣдѣ за самоубійствами, вызванными желаніемъ избавиться отъ руки палача, идутъ другія, болѣе произвольно, но одинаково вытекающія изъ политическихъ событій. Одинъ убиваетъ себя, не желая пережить ниспровергнутую форму правленія, которой онъ былъ преданъ; другой, обманутый въ своихъ надеждахъ на торжество своей партии, ищетъ въ смерти спасенія отъ отчаянія и мукъ ожиданія. Многіе, менѣе глубоко проникнутые политическими идеями, менѣе сильно волнуются пораженіемъ или торжествомъ ихъ, за то болѣе волнуются общественными потрясеніями; они или черезъ мѣру тревожатся, или печалляться и ищутъ исхода въ самоубійствѣ. Посреди такого бурнаго столкновенія и такихъ страшныхъ волиеній не могутъ не появиться умы нылкіе, робкіе, отчаявающіеся, въ которыхъ подобныя потрясенія отрываются всѣ связи съ жизнью.

Предпринимая свой трудъ, г. Дезъ-Этанъ не мало рѣлся въ хранилищахъ, гдѣ сберегаются отчеты полицейскихъ комиссаровъ о самоубійцахъ и документы, когда таконые находились, писанные рукою самихъ жертвъ, въ которыхъ онѣ напили свои послѣдніе помыслы. Эти печальные документы необходимы. Равно, какъ невозможно написать исторію болѣзни, не собравъ у кровати больныхъ точныхъ показаній касательно каждого отдельнаго случая, съ помощью которыхъ и составляется общая картина, точно также нельзя составить исторію самоубійства, не собравъ и не сравнивъ всего того, что самоубійцы говорили о самихъ себѣ. Слова ихъ служатъ указаніемъ для изысканій; ихъ нельзя игнорировать, какъ было бы неправильно оставить безъ вниманія какую либо группу важныхъ симптомовъ. Въ изученіи самоубійства первымъ вопросомъ является

си: где следуешь искать мотива, руководившего волею и заставившего пренебречь чувствомъ самосохраненія? Слѣдовательно прежде всего необходимо разсмотрѣть выраженія этой воли. Ея дѣло прослѣпить путь, какъ посредствомъ того, что она заявляетъ о самой себѣ, такъ и посредствомъ формы, въ которой она дѣлаетъ свое заявленіе. Изъ этихъ документовъ мы видимъ, въ какой моментъ рѣшеніе умереть перевѣсило; когда именно кончилась послѣдняя борьба съ каждой жизнью, борьба, описанная съ такимъ мрачнымъ хладнокровiemъ и глубокимъ чувствомъ Карелемъ, въ его знаменитомъ очеркѣ объ одномъ самоубійцѣ; когда одна за другой обрываются всѣ нити жизни; когда тысячи неумышленныхъ мелочей толкаютъ человѣка къ самопроизвольной смерти, и мы видимъ, что никакое чувство, какъ бы сплошь оно ни было, не можетъ быть противувѣсомъ роковому стремленію. Ни съновная привязанность, ни любовь къ женѣ, дѣтамъ, ни христианская религія не въ сплакъ удержать руки самоубійцы, они молятся о прощеніи у покидаемыхъ ими, у оскорблennаго божества, и тѣмъ не менѣе приводятъ въ исполненіе надъ собой задуманный и постановленный приговоръ. Изучать какимъ путемъ мысль о самоубийствѣ беретъ преобладаніе надъ другими мыслями—это задача психологіи, которую нельзя решить съ помощью документовъ, писанныхъ самими покойниками. Сборникъ такихъ документовъ необходимо долженъ находиться въ приложении ко всякому сочиненію, разработывающему вопросъ о самоубийствѣ. Г. Дезъ-Этапъ такъ и поступилъ; всякий мыслящий читатель будетъ ему благодаренъ за это. Читая его книгу, я вѣсколько разъ возвращался къ одному документу, который неотразимо привлекалъ мое вниманіе, такъ что я не могу не привести его цѣликомъ. Дѣло пдеть объ одномъ рабочемъ, у которого утонилась дочь и который, требуя вещи, оставшися послѣ смерти несчастной пишетъ:

«Милостивый Государь!

Вы извините меня, что я беспокою васъ моимъ письмомъ. Нужно заставлять меня сдѣлать это. Я долженъ прежде всего сказать Ihnenъ, что я овдовѣлъ девять мѣсяцевъ тому назадъ и на рукахъ моихъ осталось четверо дѣтей, изъ которыхъ меньшій еще у корынинъ, такъ какъ рожденіе его и было причиной смерти матери его. На настоящую минуту у меня уже всего трое дѣтей; не ус-

пѣль я оправиться отъ первого, постигшаго меня горя, какъ случилось второе. Старшая дочь моя, едва достигшая шестнадцати лѣтняго возраста, возъимѣла преступную мысль лишить себя жизни, бросившись въ каналъ С. Мартенъ, вслѣдствіе угрозы хозяйки, у которой она находилась въ обученіи, пригрозившей выгнать ее. Она рѣшилась на такое дѣло изъ страха обременить меня, такъ какъ положеніе рабочихъ течерь не завидное, вы это знаете. У меня нѣтъ работы, я получаю только 8 франковъ въ недѣлю отъ правительства, которое настолько милостиво, что пожелало выдавать намъ эту сумму. Надо надѣяться, что это останется безъ послѣдствій. Итакъ, м. г., обращаюсь къ вамъ съ просьбой возвратить миѣ вещи, пайденія на трупѣ моей дочери, которыхъ, какъ я слышалъ, находятся въ палатѣ Пале-дѣ-Жюстисъ. При моемъ положеніи приходится хвататься за все, конечно за все, на что имѣешь какоенибудь право. Бездѣлицы, составлявшія собственность моей дочери, слѣдующія: пара серегъ, старый ключъ, отмыкающій мою комнату, и панерстокъ. Сколько слышится грусти подъ этими простыми словами, сколько тяжкой нужды въ этой сдержанности, какъ забота о настоящемъ подавляетъ душевныя страданія и какъ ничтожна просьба при такомъ великому горю. Сердце замираетъ при мысли о такомъ несчастьи, замираютъ и невольно руки на страницѣ.

Г. Дезъ-Этанъ разсматриваетъ самоубійство не только съ медицинской и нравственій точекъ зрѣнія, но и съ соціальной. И это необходимо. Медицина, очистивши вопросъ отъ всѣхъ примѣсей, освободила самоубійство отъ карательныхъ мѣръ. Нравственность отвлеченно порицаетъ самоубійство, но доходя до корня вла, который какъ и множество другихъ нарушеній поридка, таится въ самой общественной средѣ. Слѣдовательно, надлежитъ изучать эту среду въ связи съ тѣмъ зломъ, которое насытъ занимаетъ. Нравственность, чтобы сдѣлать еще шагъ впередъ отъ той точки, на которую поднялась она, обязана положить на основаніе своихъ принциповъ знаніе соціологическихъ наукъ, съ цѣлью присоединить къ той индивидуальной силѣ, которую имѣеть она и колективную силу общественныхъ улучшеній. Это выводъ изъ книги г. Дезъ-Этана, это и мой выводъ.

ЦЕЛЬСІЙ.

Самая древняя, дошедшая до насъ книги о медицине, носятъ имя Гиппократа; онъ относится къ патому вѣку до христіанской эры. Послѣ Гиппократа наступилъ пробѣлъ почти четырехъ столѣтій, въ продолженіи которыхъ мы имѣли только рѣдкіе отрывки. Причиною тому не прекращеніе произведеній по части медицины; напротивъ она пріобрѣла необыкновенное развитіе и александрийская школа въ числѣ прочихъ ознаменовалась важными открытиями. Но пропасть, отдѣляющая древнюю эпоху отъ новѣйшей, поглотила, въ числѣ такъ многихъ памятниковъ науки, и литературу медицины гиппократовскихъ временъ; одни имена дошли до насъ. Въ концѣ этого длиннаго пробѣла мы находимъ Цельсія и его книгу. Авторъ—человѣкъ умѣющій распознавать истину, практикъ, но позволяющій себѣ увлечься теоріями, умъ ясный и точный, не способный впасть въ нелѣпости слѣпого эмпіризма, писатель, обладающій тономъ настолько изящнымъ, что онъ не будетъ пятымъ ил вѣкѣ Августа. Книга его есть ясный, изящный сводъ наблюдений и изначеній, которыя составляли область медицины въ началь христіанской эры. Обладать яснымъ умомъ, основательными поняніями и, сверхъ того, быть почти единственнымъ представителемъ цѣлой эпохи—неоспоримая пріава на вниманіе потомковъ.

Эти пріавы передаются и переводчику; они заранѣе оправдываютъ его трудъ. Но есть и другія, вполнѣ личныя, которыя онъ

долженъ самъ пріобрѣсть и которая составляютъ его личную заслугу, заслугу трудную, потому что число хорошихъ переводовъ очень невелико. Во первыхъ необходимо полное пониманіе: но понять писателя такой далекой древности, во всѣхъ его частностяхъ и оттѣнкахъ, дѣло далеко не легкое. Во вторыхъ, нужно умѣть передать, т. е. то, что въ оригиналахъ ясно, послѣдовательно, согласно, изящно не должно быть въ переводаѣ темно, невѣрно, вяло, и несвязно. Удовлетворилъ ли вполнѣ этимъ требованіямъ г. Дезъ-Этанъ новый переводчикъ Цельсія? Я выскажу на этотъ счетъ свое мнѣніе послѣ нѣсколькихъ цитатъ.

«Человѣкъ,—говоритъ Цельсій,—обладающій здоровьемъ вмѣстѣ съ свободой движений, не долженъ принуждать себя ни къ какой діѣтѣ и можетъ обходится безъ медика, равно какъ и безъ ятрапента **). Онъ будетъ разнообразить свой образъ жизни, то въ деревнѣ, то въ городѣ и всего чаще въ деревнѣ; онъ долженъ путешествовать по водѣ, охотиться, иногда предаваться отдыху, но постоянно упражнять свои силы; праздность разслабляетъ тѣло, которое укрѣпляетъ работа; одна вызываетъ раннюю дряхлость, другая длить молодость. Онъ можетъ тоже купаться въ теплой или холодной водѣ, употреблять втирания или пренебрегать ими, не отвергать ни одинъ изъ родовъ пищи, употребляемыхъ народомъ, принимать участіе въ ширшествахъ или воздерживаться отъ нихъ, есть съ излишествомъ или съ умѣренностью, дѣлать двѣ трапезы въ день и даже изобильныя, если только пищевареніе совершаются правильно. Этотъ образъ жизни и упражненія силъ столько же необходимъ для здоровья, какъ образъ жизни атлетовъ былъ неразуменъ; потому что, когда требования гражданскихъ дѣлъ нарушаютъ порядокъ ихъ упражнений, здоровье ихъ раинстрируется и тѣ, которые держатъ себя на діѣтѣ атлетовъ, быстро дряхлѣютъ и легко впадаютъ въ болѣзни... Но для людей иѣжнаго сложенія, въ числѣ которыхъ я считаю большую часть городскихъ жителей и почти всѣхъ литераторовъ, необходимо болѣе беречь себя. Они должны наверстывать заботами о здоровыи то, что слабость сложенія

*) *Traité de la médecine.* Traduction par Charles Des Etangs en 8 livres.

**) Ятрапентами назывались люди, профессіей которыхъ было патирать масломъ и мазями больныхъ и аглотовъ.

родъ, занятій, или нездоровость мѣста жительства заставляетъ ихъ утрачивать... Тѣ, которые должны по обязанностямъ гражданскимъ или частнымъ заниматься цѣлый день, должны тѣмъ не менѣе удѣлять нѣсколько минутъ на поддержаніе своего здоровья. На первомъ мѣстѣ должно стоять упражненіе, дѣлаемое постоянно передъ юдой; оно будетъ сильнѣе, если занятія были умѣренны и пищевареніе легко, слабѣе, если уже ощущается усталость и пищевареніе не было вполнѣ совершенно. Въ числѣ здоровыхъ упражненій слѣдуетъ считать: чтеніе вслухъ, фехтованіе, игру шарами, бѣгъ и прогулку. Послѣдняя представляеть болѣе выгода на неровной мѣстности, нежели на гладкой, потому что вызываетъ больше разнообразій движеній; но необходимо, чтобы субъектъ не былъ слишкомъ слабъ. Они, равнымъ образомъ, полезнѣе на открытомъ воздухѣ нежели подъ портиками, на солнцѣ, нежели въ тѣни, если только голова можетъ перенести его. Лучше гулять въ тѣни стѣнъ и листвы и идти въ прямомъ направлениі, нежели извилистымъ путемъ. Предѣлъ упражненія будетъ въ общемъ указанъ выступающимъ потомъ, или ощущеніемъ утомленія, которое, однако, не должно переходить въ усталость. Въ этомъ отношеніи мѣра будетъ болѣе или менѣе велика и не должно какъ атлеты, налагать на себя опредѣленныя правила, или неумѣренныя усиленія. Упражненіе должно быть сопровождаемо, или втираниемъ на солнцѣ или передъ огнемъ, или ванной, которую должно брать въ высокой, просторной и хорошо освѣщенной комнатѣ. Нѣть необходимости постоянно заставлять себя принимать эти предосторожности, но всегда можно прибѣгать къ той или другой, смотря по расположению тѣла, и затѣмъ отдохнуть въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Относительно пищи, излишество никогда не можетъ быть полезнымъ, а чрезмѣрное воздержаніе часто вредно».

Каждый, кто хотя немного размышлялъ объ условіяхъ сохраняющихъ здоровье, увидѣть сколько истины въ совѣтахъ данныхъ Цельлемъ и съумѣеть воспользоваться ими. Однако читая этотъ отрывокъ, мы видимъ, что онъ принадлежитъ отдаленному времени и говорить о привычкахъ, которыхъ намъ чужды. Во первыхъ истина поражаетъ совѣтъ не жить по опредѣленной діетѣ, какъ жили древніе атлеты: тѣ были, дѣйствительно принуждены соблюдать очень строгія правила и составляли особый классъ людей,

подобного которому мы не найдемъ въ современномъ человѣчествѣ. Атлеты не только предавались упражненіямъ извѣстнаго рода и приобрѣтали въ нихъ необыкновенную ловкость, какъ то замѣчается и въ наше время у учителей фехтованья, чайзниковъ, и т. п., но сверхъ того и весь образъ жизни ихъ былъ разсчитанъ на то чтобы развивать въ нихъ наибольшее количество силы. Всего лучшее сравнить ихъ съ лошадьми назначаемыми для скачекъ, которыхъ гоняютъ извѣстный срокъ для того чтобы они были въ состояніи выигрывать призы. Атлеты были подвержены постоянной дресировкѣ подобнаго рода и эмпиризмъ научилъ учителей гимнастовъ что посредствомъ разсчитанной комбинаціи пиши и упражненій, человѣкъ могъ достичь изумительной степени силы и выносливости. Равнымъ образомъ эмпиризмъ указалъ и для лошадей искусство выработать въ нихъ быстроту въ требуемый срокъ.

Здѣсь представляется любопытный и вполне неожиданный контрастъ. Въ эпоху, когда солдаты защищали тѣло броней и латами, когда металлические снаряды имѣли мало силы, и сраженія рѣшались въ схваткахъ и битвахъ на мечахъ или пикахъ, казалось бы что атлеты, какъ борцы одаренные невѣроятной силой, необыкновенной прыткостью, должны были играть въ войнѣ важную роль и образовать непобѣдимые баталіоны. Теорія могла бы все это предвидѣть, но практика дала рѣшительное опровергненіе. Атлеты были неспособны къ военной службѣ, они могли сохранять свое превосходство только съ непремѣннымъ условиемъ неизмѣнаго пользованія тѣмъ же родомъ пищи и сохраненія правильности своихъ упражненій; сдѣла они отступали на шагъ отъ своего образа жизни, вся сила ихъ исчезала. Они не могли выносить голодъ, жажду, усиленные походы, ночи бѣгъ сна, непогоды, всѣ трудности и лишенія воинской жизни. Эти мощныя тѣла, сила которыхъ была такъ поразительна когда они боролись въ олимпійскомъ циркѣ или на коринтскомъ паренойкѣ при всѣхъ условіяхъ успѣха, быстро слабѣли подъ influenceмъ разныхъ случайностей. То были, какъ ни покажется страннымъ это выраженіе въ отношеніи атлетовъ, очень чѣжныя натуры, равногѣсіе которыхъ могла нарушить бездѣлица, произведенія искусства, которыхъ одно искусство могло поддержать; такъ чолѣнъ посаженный на лошадей

дрессированныхъ для скачекъ, сдѣлаеть, безъ сомнѣнія, очень короткій походъ. Греки, кромѣ того, замѣтили что діета атлетовъ была очень неблагопріятна продолжительности жизни, прочности здоровья и развитию умственныхъ способностей. Очень жаль, что до насъ не дошли выводы познаній древности по этому предмету, равно какъ и по многимъ другимъ. Въ то время производились въ широкихъ размѣрахъ опыты, о которыхъ мы не можемъ имѣть понятія. Какое нибудь сочиненіе объ образѣ жизни атлетовъ, о физическихъ и нравственныхъ послѣдствіяхъ его, было бы очень интереснымъ материаломъ для антропологии. Человѣчества древняго міра представляло всѣ элементы для антропологии; практика врачей его существовала въ продолженіи многихъ вѣковъ, но намъ отъ всего опыта ихъ осталось только немнога указаний, которыхъ случайно уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ. Наравнѣ съ исторіей атлетовъ намъ слѣдуетъ сожалѣть и объ исторіи гладіаторовъ людей, обреченныхъ на смерть для потѣхи и въ средѣ которыхъ было развито странное понятіе о чести, заключавшейся въ томъ, чтобы побѣжденный, не смигнувъ, подставлялъ горло подъ ножъ, который долженъ быть нанести ему смертельный ударъ. Какой гладіаторъ, даже самый посредственный не съумѣеть умереть съ пріятностью, говоритъ Цицеронъ. И однако, такова особенность нравственныхъ привычекъ, что тѣ же самые люди, которые въ циркѣ въ кровавыхъ битвахъ наносили и принимали смерть съ такимъ хладнокровіемъ, не могли оказывать тѣ же услуги въ открытомъ полѣ, когда дѣло шло о сраженіи съ легіонами. Гладіаторы, говорить Тацитъ, не обладаютъ такою стойкостью (constitutio) какъ солдаты. Театръ битвы измѣнился; поле сраженія открытое случаемъ не походило на арену приготовляемую для бравшихъ лѣтъ; не было публики съ ея кликами и рукоплесканіями. Но когда нужно было дать зарѣзать себя, чтобы задать праздникъ римлянамъ, тогда гладіаторъ выступалъ такимъ, какимъ описалъ его Байронъ; распостертый у ногъ зрителя, опираясь одной рукой на землю, онъ мужественно встрѣчалъ добровольную смерть торжествую надъ агоніей, когда его ослабѣвшая голова медленно склонялась къ землѣ.

I see before me the gladiator lie.

He leans upon his hand; his manly brow

Consents to death, but conquers agony.
And his droop'd head sinks gradually low.

Все что показываетъ намъ, сколько власти имѣть надъ человѣкомъ воспитаніе и среда, въ которой онъ живеть, поучительно въ высшей степени. Не можетъ быть сомнѣнія, что выработывая атлетовъ и гладіаторовъ, производили людей искалеченныхъ какъ нравственно такъ и физически. Но если опыты подобнаго рода уже были дѣланы, то слѣдуетъ сожалѣть, что исторія ихъ утрачена, потому что они, показывая намъ на сколько человѣкъ способенъ примѣняться, учать насъ употреблять способность эту для лучшихъ цѣлей; а для насъ, которые все болѣе и болѣе сознаемъ необходимость не предоставлять ходъ вещей произвольному течению его и исправлять недостатки природы, всегда большая потеря, когда уничтожается возможность полезныхъ наблюдений.

Греки были на столько развиты, что немогли не воспользоваться замѣчательнымъ вліяніемъ которое производила гимнастика на атлетовъ; они ввели какъ въ гигиену такъ и въ лечение многихъ болѣзней разные пріемы, имѣвшіе цѣлью сохранять тѣло здоровыи и измѣнять въ лучшему болѣвое. Люди древняго міра умѣли, посреди исѣхъ своихъ обязанностей, какъ гражданина такъ и частнаго человѣка, удѣлять нѣсколько миутъ на поддерживанье здоровья, какъ говорить Цельсій. Можно привести въ дополненіе отрывки изъ латинскаго врача, письмо Плия младшаго, въ которомъ онъ описываетъ какъ онъ проводитъ время въ деревнѣ. Упомянувъ о томъ, что онъ поутру остается на постельѣ чтобы сочинить и диктовать, онъ продолжаетъ; и посль болѣе или менѣе продолжительнаго срока посвященнаго работѣ, я удаляюсь въ закрытый портикъ и тамъ еще я размножаю или диктую. Потомъ сажусь въ колесницу или на лошадь и во время прогулки, продолжаю дѣлать тоже, что дѣлалъ ходя, или лежа въ постели, умственная работа продолжается освѣженіемъ и возобновленіемъ перемѣнной движенія. Я дѣлаю короткій раздѣлъ и потомъ снова прогуливаюсь. Вскорѣ потомъ и читаю вслухъ и старательно греческую или латинскую рѣчи, болѣе для того чтобы укрѣпить свой желудокъ, нежели голосъ, однако и послѣдній отъ того выигрываетъ. Я снова прогуливаюсь, дѣлаю итиркія въ тѣло, гимнастическія упражненія и беру ванну». Въ этомъ описаніи я вижу ра-

зумный образъ жизни, указанный искусствомъ. Не случайно и не по чистой прихоти соблюдались эти привычки и порядокъ. Врачи и учителя гимнасты опредѣлили, благодаря разумному эмпиризму, правила о полезности гимнастическихъ упражненій, ванны, втира-
ний, равно и мѣру, въ которой слѣдовало употреблять ихъ. Обще-
ственные учрежденія, расположение строеній, устройство самыхъ
городовъ, все способствовало этимъ обычаямъ и привычкамъ жи-
телей. И дѣйствительно, въ то время какъ люди древняго міра,
свободные по своему происхожденію, могли устраивать свои города
сообразно съ своимъ вкусомъ и привычками, мы люди послѣдняго
вѣка, рабы, вчера освободившіеся, мы еще не успѣли приспособо-
бить мѣсто нашего жительства къ требованіямъ удобства и раз-
ума. Въ средніе вѣка только одинъ феодальный замокъ и мона-
стыры, принадлежавшіе властелинамъ общества, были устроены
сообразно потребностямъ обитавшихъ въ нихъ людей; города, жи-
лища освобожденныхъ, не представляли ничего для обществен-
наго пользованія, *et adhuc remanent vestigia ruris*. Внимательно
изслѣдуя цивилизацию древняго міра, мы видимъ въ ней не одно
условіе, которое слѣдуетъ снова занести въ современную цивили-
зацию.

Далѣе Цельсій дѣлая обзоръ преобладавшимъ въ его время ме-
дикинскимъ системамъ, говоритъ: «такъ какъ мы встрѣчаемъ при
самомъ началѣ различіе мнѣній, изъ которыхъ одни признаются
только авторитетъ фактовъ, тогда какъ въ глазахъ другихъ опытъ
недостаточенъ, если не присоединить къ нему подробное знаніе
тѣла и естественныхъ вещей, то мы изложимъ главные доводы,
приводимые съ обѣихъ сторонъ, чтобы быть въ состояніи удобнѣе
высказать наше личное мнѣніе. Сторонники рациональной медицины
ставятъ принципомъ, что врачъ долженъ знать тайны и ближайшія
причины, затѣмъ очевидныя причины болѣзни; далѣе знать есте-
ственныя дѣйствія и, наконецъ, устройство внутреннихъ органовъ.
Они называютъ тайными причинами, причины ведущія къ изыска-
нию основныхъ законовъ тѣла и того что составляетъ его здоровье
или болѣзнь; потому что они считаютъ невозможнымъ опредѣлить
родъ леченія сообразный съ болѣзнью, источникъ который имъ
исповѣденъ. Равнымъ образомъ невозможно сомнѣваться въ томъ,
что родъ леченія измѣняется сообразно тому, что причина болѣзни,

какъ то указывали нѣкоторые философы, будетъ недостатокъ или излишество четырехъ элементовъ. Оно будетъ различнымъ, если мы происхожденіе болѣзней припишемъ вмѣстѣ съ Гіерофлѣмъ мокротамъ, или жизненному духу какъ Гиппократъ; различно если кровь какъ говоритьъ Эразистратъ, издиваясь въ вены назначенія для принятія духовъ, развиваетъ воспаленіе; наконецъ оно будетъ совершенно инымъ если, по мнѣнію Асклепіада, атомы круговращающіеся въ тѣлѣ останавливаются въ невидимыхъ глазу порахъ тѣла и произведутъ завалы. Тотъ больной вѣрнѣе будетъ излеченъ на счетъ происхожденія болѣзни котораго не ошиблись врачи. Необходимость опыта равно призывается догматиками, только они утверждаютъ, что этого можно достигнуть путемъ умозрѣній... Въ тѣхъ случаяхъ болѣзни, которые они зовутъ очевидными, они хотятъ знать чому именно слѣдуетъ приписать болѣзнь: жару или холоду, излишству или воздержанію, или какому другому подобному обстоятельству; они утверждаютъ, что если удалось дойти до источника болѣзни, то легко отвратить послѣдствія ея. Они обозначаютъ именемъ естественныхъ дѣйствій тѣла, явленія дыханія, глотанія, питанія. Они желали бы узнать еще по какой причинѣ пульсъ и артеріи поднимаются и опускаются непрестанно и какая причина порождаетъ сонъ и бдѣніе. Но незнанію этихъ причинъ, они подлагаются, что никто не имѣетъ силу отвратить или излечить болѣзни, которыя породили опѣ... Болѣе, такъ какъ страданія и разнаго рода болѣзни могутъ поразить наши внутренніе органы, они не видятъ никакого средства возстановить снова здоровое состояніе ихъ, пока строеніе ихъ неизвѣстно. Необходимо заняться вскрытиемъ труповъ, чтобы изслѣдовать внутренности и кишкі. При внутренней боли, невозможно опредѣлить мѣста болѣзни, если неизвѣстно положеніе кишечка и органовъ находящихся во внутренности тѣла. Какъ же можно лечить больной органъ, если мы не имѣемъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

Тѣ, которые зовутъ себя эмпириками, потому что они отвѣряются на ощѣть, считаютъ необходимымъ знать очевидныхъ причинъ; но они утверждаютъ, что бессознанно поднимать вопросъ о тайныхъ причинахъ и дѣйствіяхъ тѣла, потому что тайны природы непостижимы; доказательствомъ этой непостижимости служить разногласіе мнѣній, потому что ни философы, ни врачи не могли

никогда прийти къ одному мнѣнію по этому вопросу. И дѣйствительно, какой мы имѣемъ поводъ отдать преимущество мнѣнію Гиппократа передъ мнѣніемъ Гіерофила, Гіерофила передъ мнѣніемъ Асклепіада. Если мы будемъ смотрѣть со стороны умозрѣнія то неѣ они равно вѣроятны; если смотрѣть со стороны излеченія то неѣ врачи возвращали больнымъ здоровье. Вотъ почему невозможно отвергнуть ни возраженія, ни авторитетъ тѣхъ и другихъ. Если бы искусство разсуждать создавало врачей, то величайшими врачами были бы философы; но они обладаютъ въ излишествѣ только наукой словъ, а не обладаютъ той, которая исцѣляетъ... Лучше не знать какимъ образомъ происходитъ пищевареніе и знать какой родъ пищи удобоваримѣе, какимъ бы способомъ ни отправлялась эта функция, претвореніемъ или простымъ разложеніемъ. Вмѣсто того чтобы изучать причины дыханія, разумѣе искать средства облегчить его стѣсненіе и медлепноту; вмѣсто того чтобы вопрошать, отъ чего приходитъ бѣсѣ артерій, приличнѣе изучить значеніе признаковъ, обнаруживаемыхъ измѣненіями пульса. Это понятія пріобрѣтаются однимъ опытомъ. Причины того же рода заставляютъ насъ считать бесполезнымъ разсѣченіе труповъ. Это разсѣченіе, безъ сомнѣнія, нельзя назвать жестокимъ, но оно отвратительно, и всего чаще показываетъ намъ органы измѣненные смертью, тогда какъ практика леченія учитъ насъ тому, что возможно узнать въ живомъ тѣлѣ».

Идеи нашего времени настолько созрѣли, что было бы излишнимъ указывать что истинно и что должно въ этихъ словахъ. Хотя мы сами едва освободились отъ системы созданной съ большимъ шумомъ человѣкомъ сильного ума, но тѣмъ не менѣе мы можемъ сказать, что владычеству системъ положенъ конецъ въ медицинѣ. Это станетъ понятнымъ, лишь только мы обратимъ вниманіе на историческій ходъ вещей. Пока физіология еще не сложилась совершенно въ науку, оставались проблемы, черезъ которые могли найти доступъ гипотезы. Она сложилась теперь, такъ сказать у насъ подъ глазами, и одно это уже заранѣе подрываетъ какую то ни было медицинскую систему. Вообще, въ науцѣ, возможность создавать системы, которыхъ остроумно объясняя все, увлекаютъ умы, подсказываетъ что основы этой науки еще не найдены и что воображенію есть просторъ для его роли. Мало по малу всѣ науки

освобождаются отъ этихъ пеленъ, физика послѣ астрономіи, химія послѣ физики и, наконецъ, физіология послѣ хімії. Теперь одна соціальная наука, по крайней мѣрѣ для того, кто не открывалъ книги Августа Конта, остается полемъ для мечтательныхъ дедукцій, которая, по незнанію дѣйствительности, принимаютъ за точку отправленія какую нибудь идеи a priori. Позитивизмъ осушаетъ источники, которые были такъ изобильны вымыслами и иллюзіями.

Приходится иногда слышать мнѣнія, будто медицина не сдѣлала никакого прогресса съ древнихъ временъ и что въ наше время не болѣе вылечиваются людей, нежели во время Гиппократа и Галлена. Простаго изложенія фактовъ достаточно, чтобы обратить въ ничто подобныхъ утверждевія. Въ наше время знаютъ несравненно лучшіе признаки болѣзней. Одно это уже составляетъ неоцѣнную выгоду и способствуетъ правильности терапевтики даже въ томъ случаѣ, еслибы у насть не было въ распоряженіи новыхъ и дѣйствительныхъ средствъ. Гіерофілъ говорилъ, что лекарства руки врача; но эти руки значительно размножились въ настоящее время.

Древній міръ не зналъ ни хинина, ни прививную оспу, ни алкоголь, ни юдъ, ни ипекакуану, ни антимонія, ни стрихніна, ни злектичества, ни большей части составовъ мышьяка или меркурія, ни наконецъ другихъ средствъ, которая было бы слишкомъ долго исчислять. Прибавьте къ этому всѣ открытия сдѣланныя по части хирургіи. И такъ терапевтическія средства посредствомъ значительнѣе и въ тоже время умѣютъ прилагать ихъ съ большей осмотрительностью и цѣлесообразностью.

Каждый разъ когда размышляешь о происхожденіи искусства, невольно останавливаешься пораженніемъ громадными трудностями, которая приходилось преодолѣвать. Возьмемъ медицину въ примѣръ: все было въ ней неизвѣстно, болѣйной субъектъ столько же какъ и средства излеченія его. Когда лихорадочный жаръ изсушалъ кожу, дыханіе становилось затруднительно, ноги дрожали, чemu нужно было приписать эти явленія? Какъ отличить что такое то растеніе рвотное, а такое то слабительное? Какъ опредѣлить пріемы? Какъ узнать что кровопускание помогаетъ, что кубки и банки облегчаютъ боли, что прижиганіе уничтожаетъ скопленія соковъ. Нужда diris urgens in rebus egestas была иѣнчимъ стимуломъ, заставлявшимъ все испытывать. Можно встрѣтить у многихъ древ-

нихъ писателей, въ томъ число и у Иллія, первоютое собраніе, речеють самыя невѣрныхъ, странныхъ, нелѣпыхъ, чудовищныхъ, отвратительныхъ.

Мы видимъ въ немъ, хотя оно, безъ сомнѣнія, далеко не полно, перечень попытокъ, которыя были сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ чтобы опредѣлить свойства различныхъ веществъ въ пользу, которую можно извлечь изъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія это безобразное собраніе нелѣпца представляеть извѣстнаго рода интересъ, какъ указание па средства, какими человѣкъ мало по малу сознастъ свою природу въ первобытномъ хаосѣ.

Въ то время это блужданье ощущало, когда не было открыто никакого другаго пути, было оправдано; но оно давно уже лишилось всѣхъ правъ на оправданіе, потому что подобные способы леченія въ наше время—подонки, которые шарлатанства и медицинское суевѣріе приводятъ въ броженіе. Просвѣщеніе сще такъ неравно распространено въ нашемъ обществѣ. Когда врача постигнетъ серіозная или даже непрѣлечимая болѣзнь, онъ не пойдетъ за излеченіемъ въ лавочки лекарственныхъ снадобьевъ, открытыя повсюду; онъ слишкомъ хорошо знаетъ средства природы и средства искусства медицины, чтобы ожидать помощи отъ нелѣпыхъ средствъ. Фоганъ престарѣлый и больной, говорилъ: я слишкомъ хороший врачъ, чтобы возмущаться противъ природы; и Трусс, умиравшій отъ неизлечимой болѣзни не шелъ совѣтоваться ни къ японидацѣ, ни къ вертящимся столамъ, ни къ доктору лечащему уриной, ни къ зиахарю, ни къ цѣлителю зуаву. Не то бываетъ съ другими; безграницное легковѣріе руководитъ ими. Оно до извѣстной степени сще можетъ быть объяснено у слабыхъ и невѣжественныхъ женщинъ; но даже мужчины, во многихъ отношеніяхъ очень образованные, даютъ примѣры подобнаго легковѣрія настолько часты, что доказываютъ тѣмъ существованіе радикального недостатка въ общемъ воспитаніи. Самыя грубыя средства въ этомъ родѣ имѣютъ большой успѣхъ и не нужно обладать особыннмъ искусствомъ, чтобы составить себѣ состояніе ими; доказательствомъ тому служитъ намъ тотъ шарлатанъ, о которомъ говорить Гизо-Патентъ (я беру примѣръ изъ семнадцатаго столѣтія, хотя и въ нашемъѣ имѣть недостатка въ примѣрахъ); онъ продавалъ бутылку сирии, въ которой былъ распущенъ александрийскій листъ по

жю за бутылку и въ короткос время разбогатѣлъ, — сидѣть былъ въ то время мало извѣстенъ въ Парижѣ.

Цельсій отличается своюю сжатостью, изящной простотой, вполнѣ отвѣчающей дидактическому предмету его сочиненій. Однако, когда мѣстами встрѣчается удобный случай дать болѣе живой оборотъ фразѣ, онъ умѣеть пользоваться имъ и тѣмъ показываетъ, что если онъ не расточителенъ на украшенія, то онъ имѣеть на то свое основанія. Я приведу отрывокъ его о сознаніи въ ошибкахъ, знаменитый отрывокъ и для латинистовъ и для медиковъ. Гиппократъ съ простотою свойственной великимъ людямъ, созиающимъ что они созданы для великихъ дѣлъ, занесъ въ свое сочиненія разсказъ о той ошибкѣ, въ которую ввели его швы черепа: умы посредственные, которые не имѣютъ ничего своего, всегда опасаются умалить свое значеніе; но великимъ геніямъ, богатымъ истиинами, присуществуетъ простодушно сознаваться въ своихъ ошибкахъ, тѣмъ болѣе когда это сознаніе, переданное потомству, имѣеть цѣлью предохранить тѣхъ, которые станутъ заниматься тѣмъ же искусствомъ, отъ тѣхъ же ошибокъ». Въ текстѣ: *congenit etions simplex veri erroris confessio*; мнѣ кажется, что *veri erroris* выражение недостойное Цельсія и что слѣдуетъ читать: *simplex veri confessio*. Вѣроятно какой нибудь комментаторъ, желая объяснить слово *veri*, поставилъ на поляхъ *erroris*; затѣмъ переписчикъ вписалъ въ текстъ замѣтку на поляхъ. Подобная вписыванія очень часты въ рукописяхъ.

Стоитъ привести слѣдующее описание хирурга по Цельсію: «Нужно чтобы хирургъ былъ молодъ или не далекъ отъ молодости; онъ долженъ имѣть привычную твердую руку, никогда дрожащую; онъ долженъ владѣть такъ же свободно лѣвой рукой, какъ и правой. Зрѣніе его должно быть ясно и проницательно, сердце недоступно страху; жалость его къ больному, должна проявляться въ желаніи излечить его и онъ не долженъ дозволить крикамъ больного поколебать себя до того, чтобы выказать болѣе беспѣшности, нежели сколько того требуетъ болѣзнь, отрѣзать менѣе нежели сколько необходимо; онъ долженъ вести свою операцию, какъ будто крики больного не доходили до его слуха». Рядомъ съ этимъ сжатымъ и сильнымъ описаниемъ поставилъ сонѣты, которые знаменитый практикъ среднихъ вѣковъ, Гюй де Шолакъ, дасть хирургу: «Будь

смѣхъ иъ извѣшахъ случаюхъ, боязливъ въ опасныхъ, избѣгай дур-
ныхъ методовъ или прѣсновъ леченья; будь обходителенъ съ больными,
принимай съ товарищами, мудръ въ євоихъ предсказаніяхъ; будь
иѣнокуренъ,держанъ, безкорыстенъ, не вымогай деньги, по-
принимай умѣренную плату сообразно съ трудомъ, состояніемъ
больного, родомъ болѣзни и исхода ея, и съ собственнымъ достоин-
ствомъ». Ни разу со временемъ Гиппократа медицина не говорила
такимъ благороднымъ языкомъ, выражившимъ такъ многое въ та-
кихъ немногихъ словахъ.

Какой-бы обыденный потокъ жизни ни увлекалъ врача, ему
необходимо, если опь хорошо понимаетъ требованія гигиены ума,
удѣлять отъ своихъ занятій время для чтенія, такъ для гигиены
тѣла необходимо удѣлять время для попеченія о здоровье. Это не-
обходимо если мы не хотимъ остатся чуждыми прогрессу въ наукахъ
и искусствѣ; это необходимо еще когда мы захотимъ, по выраже-
нію Цельсія, *non contenti febreset ulceragitate agitare* размышлять объ
исторіи медицины и понять развитіе ея. И дѣйствительно, ничто
такъ не просвѣщаетъ и не укрѣпляетъ современную мысль, какъ
зрѣлище неудачи и успѣховъ мысли прошедшихъ вѣковъ. Цельсій
занимаетъ почетное мѣсто въ этой цѣнной традиції и, слѣдовательно,
вполнѣ достоинъ чтобы его переводили и искали въ немъ указаний.

МАЖЕНДИ.

І.

Медицина, фізіологія, біологія.

Маженди, докторъ пользовавшійся извѣстностью, гораздо болѣе обязалъ и приобрѣтеній имъ славой своимъ работамъ по фізіологіи, чѣмъ трудамъ по медицинѣ. Свѣдѣнія, относящіяся до изученія живаго организма, слишкомъ мало распространены даже посреди образованной и просвѣщенной части общества, а потому не лишнимъ считаю упомянуть въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу: докторъ, фізіологъ и біологъ.

Медицина, теряясь во мракѣ временъ, восходились до періода мифологического. Греки, отъ которыхъ мы заимствовали ее, и восточные народы, передавши ей грекамъ, приписываютъ открытие медицины богамъ и сыновьямъ боговъ, изобрѣтателямъ лекарствъ «изъляющихъ черные недуги» говоря, языкомъ Гомера. И здесь, какъ вездѣ, искусство опередило науку и привело къ ней человѣчество; лишь долгое время спустя наука, скрывавшаяся въ зародыши подъ эмпирическими процессами, въ свою очередь подчинила себѣ искусство и содѣлалась руководительницей его, такъ что наука, существующая, казалось бы, по законамъ логики, занимать первое мѣсто, по законамъ историческимъ — занимаетъ второе. Это нарушение порядка есть общий законъ; однажды признанный онъ бросаетъ яр-

кій силы на историческое развитие и на умственные потребности, ищети искать человечество должноствовать такъ, а не иначе. Что же имеется, собственно медицины, то страданіе требовавшее облегчения и съѣость, съ какой люди пробовали всякия средства ведущіе къ этой цѣли, подали первую мысль о лекарствахъ: изъ нихъ одни были полезны, другія вредны, третьи наконецъ не приносили ни пользы ни вреда. Мало по малу разумъ, работая надъ этой массой неразобранныхъ фактовъ, опредѣлилъ отдѣльные случаи съ большей точностью и сообщилъ первобытному эмпиризму значительную долю увѣренности. Въ такомъ, приблизительно, состояніи оставилъ Гиппократъ медицину за четыре вѣка до христіанской эры. Никто лучшее его не понималъ что медицина — искусство; никто живѣе не сознавалъ что вся эта практическая традиція должна быть подвергнута строгому обсужденію; никто искуснѣе его не умѣлъ отсѣвать доброе съмѣ отъ дурнаго. Тѣмъ не менѣе ему никогда не пришло на мысль поискать виѣ медицины какой либо основы могущей её поддержать, теоріи могущей ее оправдать. Научныя условія его времени не дозволяли даже такому великому уму провидѣть все то, чему было суждено дальнѣйшее движеніе въ будущемъ этой науки.

И дѣйствительно, когда наступило время этого послѣдующаго развитія представился вопросъ, и каждый просвѣщенный человѣкъ не преминеть задать его себѣ, имѣеть ли медицинская практика какую-либо основу кромѣ самой себя? Есть ли медицина болѣе или менѣе осмыслиенный эмпирізмъ, или же виѣ ея существуютъ правила служащія ей руководствомъ? Неужели докторъ, стоя у постели больнаго, производя діагнозъ той или другой болѣзни, рекомендуя тотъ или другой способъ лечения, лишь перебираетъ въ памяти тождественные съ даннымъ случаи, соображаясь съ одной аналогіей; или же кромѣ этихъ тождественныхъ случаевъ и аналогіи есть у него свѣточь, ученіе исходящее изъ другой области знанія и руководящее его умомъ? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ при помощи призыва.

Медицина древности полагала, что сердце не подвержено страданіямъ. Она считала сердце средоточіемъ теплоты и думала, что живущій огонь сообщаетъ органу, служащему ему вмѣстилищемъ, подобную непрѣндиаемость. Она имѣла на то и другія причины:

знакомая съ различными сосудами, составляющими принадлежность сердца и легкихъ, она предполагала что сердце только однимъ этимъ путемъ втягиваетъ въ себя воздухъ поддерживающей жизненный огонь; зная, что артеріи мертваго животнаго не наполнены кровью, она заключала что они не наполнены ею и у животнаго не мертваго, вслѣдствіе чего и приписывала правильное біеніе сердца особой, этому лишь органу свойственной силѣ. Этаъ рядъ гипотезъ, относительно предмета мало извѣстнаго, набрасывалъ покрывало на дѣйствительность, и препятствовалъ всякому знанію болѣзней сердца. Страданія его ничего не говорили медику. Напрасно сердце, съ поврежденными тканями, съ неправильной дѣятельностью обнаруживало совершенно иные явленія, чѣмъ тѣ, какія наблюдаются въ немъ при здоровомъ состояніи организма; такъ какъ послѣднія были неизвѣстны медикамъ, то и первыя проходили незамѣченными. И тогда какъ теперь люди страдали болѣзнями сердца, но его воображаемая дѣятельность скрывала отъ глазъ дѣятельность дѣйствительную, и мнѣніе, будто сердце не подвержено никакимъ измѣненіямъ, продолжало существовать. Положеніе дѣла совершенно измѣнилось послѣ того, какъ Гарвей открылъ кровообращеніе. Онъ доказалъ, что сердце представляетъ изъ себя двойной насосъ — всасывающей и давящей, что правый насосъ втягиваетъ въ себя венозную кровь и посыаетъ ее въ легкія, гдѣ эта кровь, отъ соприкосновенія съ воздухомъ, изъ темно-красной превращается въ ярко-красную и возвращается въ сердце; тогда уже лѣвый насосъ посыаетъ кровь во всѣ части тѣла, біеніе же артерій есть ничто иное какъ передача каждого удара этого непрерывно дѣйствующаго насоса. Какъ только эти положенія выяснились, страданія сердца перестали быть скрытыми, они обнаружились при помощи различныхъ признаковъ, находящихся въ зависимости отъ его дѣятельности. Неправильное біеніе артерій, измѣненіе звуковъ издаваемыхъ сердцемъ при сжатіи его, увеличение въ объемѣ, стѣненіе производимое имъ при дыханіи, замедленіе въ общемъ кровообращеніи и водяная болѣзнь, какъ послѣдствіе этого замедленія, — всѣ эти явленія послужили признаками понраженій совершенно неизвѣстныхъ древнимъ. Знакомство съ правильной дѣятельностью органа помогаетъ намъ опредѣлять его неправильную дѣятельность т. е. болѣзнь.

И такъ въ медициной стѣдуетъ наука руководящая ею, ~~въ~~ ~~наука~~ физиология. Подъ этимъ же словомъ древнє-греческіе философы, извѣстно это въ употребленіе разумѣли изученіе природы; въ наше время опредѣленіе ея значительно съузилось — физиология обнимаетъ собою различная дѣйствія происходящія въ живыхъ организмахъ. И дѣйствительно, въ организмахъ совершаются дѣйствія многочисленныя, разнообразныя, тѣсно между собою связанныя, когда эти дѣйствія правильны — организмъ здоровъ, когда они нарушены — онъ боленъ, когда они прерваны — онъ умираетъ. Жить значитъ обладать двумя великими способностями: питаніемъ и чувствительности. Первая не обусловливаетъ второй, но вторая естественно предполагаетъ первую. Это подраздѣленіе соответствуетъ двумъ категоріямъ живыхъ существъ — растеніямъ и животнымъ: растенія только питаются, животныя, сверхъ того, чувствуютъ. Наблюдайте за растеніемъ въ ту минуту, когда оно выходитъ изъ своего зимняго сна, и вы увидите какая дѣятельная лабораторія скрывается подъ покрывающей его оболочкой. Вещества пригодныя для питанія почерпаются имъ изъ недръ земли, въ видѣ жидкостей, и восходятъ въ непрерывномъ приливѣ до вершины, до самыхъ нѣжныхъ листочковъ. Въ свою очередь, и земные органы распространяющіеся подъ пебомъ не остаются праздными, они поглощаютъ воздухъ, свѣтъ, теплоту; этимъ путемъ и вырабатывается сокъ растеній, а потому естественно все растетъ, все распускается, все цвѣтетъ, все приноситъ плодъ. Процессъ этотъ значительно усложняется въ животномъ организмѣ; чтобы питаніе было возможно сокъ (употребляю тоже выраженіе для обозначенія жидкости, питающей животное) долженъ постоянно со-прикасаться съ воздухомъ; тутъ дѣйствуютъ нѣсколько аппаратовъ: одинъ растираетъ и перевариваетъ пищу, другой поглощаетъ ее, третій, иаконецъ, несетъ ее на встрѣчу воздуху. Другая часть процесса совершается дыханіемъ, которое никогда не простоянавливается. На этомъ кончаются всѣ предварительныя работы, и сплющій мускуль мощнымъ толчкомъ посыпаетъ во всѣ стороны кровь; съ ея же помощью все растетъ, все цвѣтетъ, все приноситъ плодъ. Если бы дѣло на этомъ и остановилось, мы имѣли бы передъ собой одно растеніе; животное же, вынуждаемое питаться, чтобы жить питается лишь съ назначеніемъ совершить рядъ болѣе высокихъ

актовъ; его мускулы сокращаются, кости движутся подобно рычагамъ; оно приводится въ соприкосновеніе съ предметами виѣшняго міра при помощи своихъ чувствъ, этого физического аппарата поддерживаемаго питаніемъ въ исправномъ состояніи, посредствомъ непрестанного возобновленія. Наконецъ, движение, прекращающееся лишь при наступлении сна, передаѣтъ, при посредствѣ первовъ, впечатлѣнія мозгу, и дѣйствія воли—мускуламъ, самъ же мозгъ постоянно руководить жизнью животнаго, согласно съ законами, свойственными каждой отдельной породѣ, пока наконецъ, въ представителяхъ высшей породы, служащей какъ бы иѣнцомъ всѣхъ остальныхъ, эта работа мозга не превратится въ умъ, выходящій изъ узкаго круга личныхъ интересовъ и способный возвыситься до общихъ понятій истины и справедливости. Конечно, рядомъ съ правильной дѣятельностью различныхъ органовъ стоять и условія, ее нарушающія. Подобно тому, какъ въ день битвы смерть и раны лежатъ повсюду, такъ точно и въ продолженіи краткаго дня, предназначенаго для существованія всего живущаго, носятся повсюду элементы разрушенія и страданія, благополучно минуя одного и безжалостно поражая другого. Вѣтеръ, минуту назадъ легкий и умѣренный, превращается въ рѣзкій сѣверный и распространяетъ повсюду внезапный и до костей пронизывающій холодъ. Тотчасъ же многія жертвы страданія и лихорадки приковываются къ одру болѣзни, и инымъ даже не суждено встать съ него.

Или же тонкія міазмы, возникшіе изъ разложенія и столкновенія живыхъ и мертвыхъ организмовъ, распространяются повсюду подобно пожару, поражая растенія, животныхъ и родъ человѣческій. Здоровье и болѣзнь — ничто иное, какъ непрерывный рядъ переворотовъ и явлений въ организмѣ совершающихся, и потому, какъ то такъ и другое входить въ область физиологии, причемъ слѣдуетъ только различать въ ней два отдельна: физиологію явлений нормальныхъ и физиологію болѣзненныхъ признаковъ.

Какъ ни обширна область науки, известной подъ именемъ биологии, въ ней всего одинъ отдельн. Биология занимается изученіемъ живыхъ существъ, въ ихъ совокупности и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Существа эти неисчислимы и разнообразны до безконечности. Всякій, желающій классифицировать ихъ по естественной системѣ, долженъ предварительно съ ними ознакомиться. Сколь-

ко попытка соперничь человѣкъ, какое множество искусственныхъ системъ испробовалъ онъ прежде, нежели началь на систему ~~вс~~твѣщую, прежде нежели хотя какой нибудь свѣтъ озарилъ ~~и~~жущія хносы. А хаось действительно былъ только ~~кажды~~ицѣи только научный анализъ коснулся его, тотчасъ главнѣйшимъ группы отдѣлились одна отъ другой, существующія между ~~ними~~ соотношенія обнаружились, и всякому стало ясно, что это бевчис-ленное множество существъ, разсѣянныхъ на поверхности земли, въ водахъ и въ воздухѣ, что эти разнообразнѣйшіе организмы по-очереди согрѣваемы лучами общаго солнца, что всѣ эти свойства выражаются во многихъ тысячахъ различныхъ дѣйствій, что всѣ эти явленія, говорю я, связанныя между собой тѣсными узами, при-чемъ величайшимъ заблужденіемъ было бы видѣть въ каждомъ изъ нихъ лишь отдѣльный образецъ безконечно новыхъ элементовъ. Два рѣшающія условія, два высшіе закона, двѣ идеи, ~~которыя~~ можно сравнить съ идеями Платона, если мы захотимъ ввести въ логическія умозрѣнія положительныя данныя опыта — комбинація, которая въ сущности есть истинная философія — двѣ идеи резю-мируютъ эту длинную серію изслѣдованій: пзвѣстный основный типъ преобладаетъ во всемъ живущемъ и проявляется столько же строеніемъ, сколько и дѣйствіемъ; этотъ типъ все болѣе и болѣе усложняется какъ въ строеніи, такъ и въ дѣйствіи отъ рас-тенія до человѣка. Было бы ошибкой предположить, что съ біоло-гической точки зрѣнія, между растеніемъ и животнымъ проведена рѣзкая грань, вполнѣ отдѣляющая ихъ другъ отъ друга.

Три ряда явленій общіи всѣмъ: растительная ткань, питаніе и размноженіе.

Въ то время, какъ умъ обнимаетъ въ одну общую систему всю серію живущаго, онъ стремится обнять и весь ходъ развитія каж-даго предмета, начиная отъ его зачаточнаго состоянія—клѣточ-ки, до его полнаго развитія и окончательнаго, рокового разрушенія. Esta двойная исторія общаго и частнаго развитія представляется какъ бы элементарной книгой, изъ которой можно получить понятіе о томъ, что такое развитіе, и научиться постигать громадный и сложный фономенъ, пзвѣстный подъ именемъ: развитія обществъ. Умствен-ныи приобрѣтенія, какъ это всегда бываетъ бросаютъ свѣтъ на прошлое, и въ данномъ случаѣ, что представляетъ это прошлое?

Разрушенія творенія, уничтоженія формъ, исчезнувшія племена, причемъ послѣднія равно подчиненія общимъ законамъ типа, равно доступны изученію и классификації. Весьма возможно, что земля, въ теченіи вѣковъ, предшествовавшихъ нашему была совсѣмъ не та, что теперь; температура, расположение горныхъ хребтовъ, распределеніе морской и пресной воды — все могло измѣниться. Тѣмъ не менѣе, жизнь животныхъ и растеній, какъ только она стала возможна на поверхности земли, проявилась подъ совершенными же условіями, какія дѣйствуютъ и понынѣ (я говорю о тканяхъ и самой дѣятельности организма). Оно и понятно: жизнь животныхъ и растеній не есть нечто изолированное отъ всего остального міра, и независимое отъ среды ее окружающей. Растеніе корнями, животное оконечностями своими касаются этой среды — земли, они почерпаютъ изъ неї себѣ пищу, воспринимаютъ ея глубокое вліяніе, и въ свою очередь дѣйствуютъ на среду, которая видоизмѣняясь вносятъ въ послѣдствіи способы, способствуетъ и ихъ видоизмѣненію, дѣйствія и воздѣйствія, которые идутъ непрерывнымъ сцѣпленіемъ и тѣмъ сильнѣе представляются, чѣмъ дѣятельнѣе жизнь. Чтобы определить общія понятія, остается сказать, что біология не можетъ существовать безъ изученія неорганическаго міра: и точно, возможно ли изучать существо живое, если мы незнакомы съ средой, элементы которой образовали его и поддерживаютъ его существованіе? Съ другой стороны, біология необходима при изученіи исторіи обществъ, потому что какимъ же образомъ станемъ мы изучать эту исторію, не имѣя понятія о живыхъ существахъ, ея составныхъ частяхъ и дѣятеляхъ. Все сказанное приводить къ слѣдующему выводу, что біология, въ обще-философской системѣ знаній является какъ бы посредницей между явленіями міра органическаго, и явленіями міра соціального.

Изъ этой обширной задачи, изъ этого труда, раздѣляемаго между цѣлымъ поколѣніемъ ученыхъ, на долю Маженди досталась фізіология, а въ фізіологии, преимущественно, опытная исследованія. Настоящія опытная наука, собственно говоря, физика и химія; элементы, приводимые тутъ въ соприкосновеніе, будучи неорганическими, подвергаются лишь тѣмъ видоизмѣненіямъ, какія производить надъ ними опыты; тѣмъ и ограничивается дѣло. Въ фізіологии же элементы, приводимые въ соприкосновеніе органическіе,

и потому въ видоизмѣненіи въ нихъ происходящія распространяются въ організмѣ, по всемъ направленимъ, и получаемый выводъ не можетъ быть единственный, однородный, какъ въ физикѣ или химії, но сложный и разнообразный. Тѣмъ не менѣе, не взирая на такіе крайнія усложненія, опытное изслѣдованіе всегда оказывало и ежедневно оказываетъ физіологии величайшіи услуги. Въ прошломъ столѣтіи между физіологами возникъ длинный споръ клонившійся разрѣшенію вопроса: чувствительны-ли связи? Одни утверждали, и основательно, что иѣть; другіе защищали противуположное мнѣніе; реальный же фактъ оставался непонятнымъ, частью вслѣдствіе невозможности для тогдашнихъ физіологовъ не приписывать связкамъ того страданія, какое испытывало животное, во время производимыхъ надъ нимъ опытовъ, въ ту минуту, когда дѣлался подрывъ; частью же и потому, что воспаленіе, быстро развивающееся въ связкѣ, вызывало въ этомъ органѣ крайнюю чувствительность. Приведенный случай одинъ изъ простѣйшихъ; когда же приходитъ подвергать изслѣдованію вопросы болѣе сложные, то одно послѣдствіе цѣпляется за другое, такъ что изслѣдователю ежеминутно грозитъ опасность упустить изъ виду главное, погнавшись за второстепеннымъ.

Вопрошаемый живой организмъ не есть машина, между колесами которой иѣть иного отношенія, кромѣ толчковъ, передаваемыхъ отъ одного колеса къ другому; здѣсь же, напротивъ, каждое колесо, способствуя общей жизни организма, имѣетъ и свою отдельную жизнь, причемъ эта жизнь видоизмѣняется вслѣдствіе видоизмѣненій, происшедшихъ въ наиболѣе отдаленномъ изъ всѣхъ колесъ. Парализованный мускуль малу по малу измѣняетъ положеніе и движенія всей мускульной системы. Булавочный уколъ, воспаливший палецъ, вызываетъ лихорадку, возвышаетъ температуру тѣла, производитъ непріятное чувство усталости, парушаетъ правильность испражненій. Производить надъ организмомъ опытъ, значить искусственно вызывать въ немъ болѣзни; и наоборотъ, на всякую случайную болѣзнь должно смотрѣть, какъ на опытъ, требующій объясненій. Объясненіе медика заключается въ изслѣдованіи характера самой болѣзни, пораженного органа, въ опредѣленіи большей или меньшей вѣроятности того или другого исхода, наконецъ, самого вида леченія; объясненіе физіолога въ изслѣдованіи нормальной дѣя-

тельности, въ различеніи и вѣрномъ опредѣлениі функций—повреждениями, нормальной дѣятельности — не нормальной, здоровья — болѣзнью. Вотъ почему всѣ сборники, въ которые медики заносятъ свои наблюденія, чтобы выяснить практику на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и расширить поле наблюденій, усердно и постоянно читаются физиологами, ищущими въ такихъ сборникахъ повѣрки своихъ теорій, а равно и опытовъ производимыхъ въ стѣнахъ ихъ лабораторій.

Байронъ, описывая одно изъ сраженій испанской войны, столкновеніе трехъ армій французской, англійской и испанской, блескъ стали, огонь пушекъ, развѣвающіеся по вѣтру знамена, все это оживленное движеніе борьбы, побѣды, пораженія, восклицаетъ: «То было чудное зрѣлище для всякаго у кого между воинами, не было ни друга, ни брата!» Тоже самое можно сказать и про битву называемую жизнью; чтобы созерцать ее въ качествѣ зрителя, и чтобы сдѣлать изъ нея предметъ наблюденій, открыть условія и причины ея, наконецъ найти въ этой жизни матеріалъ для глубокихъ умозрѣній и ученыхъ теорій—слѣдуетъ умѣть на время отрѣшаться отъ плоти и крови, не видѣть того что есть въ мірѣ жизнь, чувство, удовольствіе, страданіе, страсть, радость, муки. Разумна и здорова та твердость съ какою, не поддаваясь винушеніямъ рабкой чувствительности, умъ отдается наукѣ о всемъ что живетъ и умираетъ, о всемъ что чувствуетъ и трепещетъ. Съ первого взгляда кажется будто человѣкъ наступаетъ жестко, безчеловѣчно выбирая подобный предметъ для своихъ изслѣдованій. Обманчиво это «поп-видимому», нашъ умъ безсиленъ найти даже въ своихъ самыхъ отвлеченныхъ стремленіяхъ то безстрасгіе, которое ему такъ легко сохранять, когда рѣчь идетъ о движении небесныхъ свѣтиль, объ электричествѣ вырывающемся изъ тучь, или о свѣтѣ пронизывающемъ пространство. Я полагаю не существуетъ болѣе тяжкаго чувства, нежели чувство овладѣвающее сердцемъ человѣка, когда онъ, озаренный холоднымъ и неумолимымъ сѣйтомъ имъ же открытыхъ законовъ, заранѣе предвидитъ разрушеніе грозящее существованію, сохраненіе котораго драгоцѣнно.

Ignoscenda quiedem, scirent si ignoscere possent.

Не существуетъ и болѣе тяжкой пытки какъ быть свидѣтелемъ

роконного разрушения жизни, съ которою связана наша собственная; попытка же еще усиливается, если дѣло касается существа намъ особенно дорогаго. Таковы тяжелыя условія знанія—этой силы издавна покрывающей покровы первобытнаго невѣжества; тяжесть ихъ, впрочемъ, искунается и вознаграждается возможностью приносить пользу, познавать истину и сознательно покориться неизбѣжному.

Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ Маженди занимался опытными изслѣдованіями, научными сочиненіями, профессурой. Рано добившись извѣстности, получивъ доступъ въ академію наукъ, обладая притомъ умомъ независимымъ, не принимавшемъ на вѣру ни словъ учителя, ни даже воззрѣній цѣлой школы, смѣлый въ своихъ попыткахъ, способный искусно обставить каждый опытъ, Маженди имѣлъ сильное вліяніе на всю систему преподаванія. Его твердая рука тотчасъ отыскивала сосудъ, первое волокно, словомъ—органъ подлежащій изслѣдованію; трудности подобнаго рода были въ глазахъ его дѣломъ шуточнымъ, и если только вопросъ былъ вѣрно поставленъ и можно было надѣяться получить точный отвѣтъ, Маженди вѣль дѣло такъ успѣшно, что очевидность результата бросалась въ глаза всѣмъ и каждому. Въ продолженіе своихъ многолѣтнихъ опытныхъ изслѣдованій, Маженди коснулся многихъ вопросовъ, какъ крайне важныхъ, такъ и менѣе существенныхъ, то касаясь затруднительныхъ вопросовъ высшей области науки, то наоборотъ, разсыпая щедрой рукой мелкую монету своего неустаннаго труда. Маженди не преслѣдовалъ никакой идеи, торжеству которой онъ посвятилъ бы всѣ свои силы, но онъ неизмѣнно въ своихъ попыткахъ руководился однимъ направлениемъ. Хорошо ли оно было или дурно, правильно и законно, или узко и исключительно, (я попыткаюсь опредѣлить его) это направлѣніе породило тѣ изслѣдованія, которыхъ отличили Маженди, и дали ему по крайней мѣрѣ нѣкоторыя законныя права на извѣстность.

Каждому извѣстно, что если подъ верхнюю кожицу покрывающую тѣло животнаго или человѣка проникнетъ какое-либо вещество, то оно не останется въ той части тѣла, куда его ввели, а распространится по всему организму. Пока перепонка нетронута, никакое испытываніе—такъ называется это явленіе,—не можетъ имѣть мѣста. Но стоитъ удалить эту слабую преграду, всякое вещество пронеденное въ соприкосновеніе съ тканью, полезное оно

или вредное, все равно, тотчасъ же проникнетъ во внутрь организма. Предположимъ что на поверхности кожи лежитъ сильнѣйшій ядъ, напримѣръ змѣиный, пожалуй ядъ наиболѣе страшной изъ всѣхъ змѣй; пока онъ находится на поверхности—онъ безвреденъ, какъ только проникнетъ подъ кожу—его смертоносныя свойства не замедлятъ обнаружиться; самосохраненіе организма не идетъ далѣе и оказывается тщетнымъ и такой легкой преградой; какъ скоро она пройдена, организмъ смѣло воспринимаетъ все что бы въ него введено.

Всасыванію открыты два пути: венозная система и система лимфатическихъ сосудовъ; всѣ эти каналы идутъ отъ окружности къ центру, и слѣдовательно могутъ ввести во внутренность организма вещества взятые извнѣ. Не слѣдуетъ также думать, будто вещество попавшее въ желудокъ тѣмъ самымъ проникло въ организмъ, оно въ дѣйствительности не болѣе проникло въ него какъ вещество находящейся на поверхности кожи. Нельзя равнымъ образомъ сказать, что всякое постороннее тѣло проникшее въ наши ткани напр., пуля или заноза перешли въ вещество составляющее живой организмъ; оно только мѣстами порвало ткани, но не проникло въ составъ ихъ. Чтобы проникнуть въ самыя ткани необходимо одно условіе: проникнуть въ кровь и уже при посредствѣ ея прийти въ соприкосновеніе съ каждой артеріей, съ каждой молекулой. Вены же содержать кровь, а лимфатические сосуды сообщаются съ венами. Древняя наука, незнакомая съ лимфатической системой, видя какъ питательное вещество проникаетъ въ кровь, полагала, что всасываніе происходитъ въ венахъ; убѣжденіе это было ошибочно именно по отношенію къ этому питательному веществу. Позднѣе, когда ученые открыли существование лимфатическихъ сосудовъ, когда узнали что часть ихъ должна была всасывать продукты пищеваренія, то возникло предположеніе, что всасываніе происходитъ исключительно посредствомъ лимфатическихъ сосудовъ. Это было новое заблужденіе, не слѣдовало смѣшивать общее всасываніе съ всасываніемъ частнымъ, ежедневно возвратающимъ наши силы посредствомъ пищи. Этотъ важный и трудный вопросъ окончательно разрѣшенъ Маженди. При помощи цѣлаго ряда рѣшительныхъ опытовъ, ему удалось доказать, что какъ скоро вена проходящая черезъ какой-либо членъ ската, всякое всасываніе прекращается,

какъ скоро они свободна, всасываніе возобновляется; одной уцѣлѣвшей вены достаточно для исполненія этой обязанности, если же ее уничтожить, то ничто не можетъ замѣнить ее. Съ поры этого открытия доказано, что вены открытый путь, которымъ все пронищаютъ въ организмъ.

Физиология какъ наука, разъясняющая свойства нашего бытія изобуждаетъ въ насъ болѣе живой интересъ, нежели другія науки имѣющія къ намъ болѣе далекія отношенія. Въ настоящую минуту пишу; перо которое я держу въ рукѣ не только двигается по моей волѣ, но еще производитъ извѣстнаго рода впечатлѣніе производящее наше понятіе что это перо существуетъ. Въ данномъ случаѣ, мы видимъ передачу импульса воли пальцамъ, ощущенія мозгу. Эта двойная работа находится въ зависимости отъ нерва, со прикасающагося съ рукой и мозгомъ, этотъ же нервъ развѣтвляясь на мускулахъ и кожѣ, первымъ сообщаетъ движеніе, во второй вызываетъ чувствительность. Если же нервъ, какимъ бы то ни было способомъ, уничтоженъ, двойная дѣятельность его мгновенно прекращается, и я уже болѣе не въ силахъ что-либо чувствовать, чѣмъ либо двинуть. Но все ли этимъ сказано? Можетъ ли одинъ и тотъ же нервъ служить орудіемъ для передачи двухъ силь центробѣжной и центростремительной, можетъ ли онъ служить проводникомъ особаго дѣйствія идущаго отъ мозга къ поверхности тѣла, и отъ поверхности тѣла къ мозгу? Предположеніе это не представляетъ прѣятствія и въ дѣйствительности ничего подобнаго произойти не можетъ; строеніе нервной системы этого не допускаетъ, ощущеніе передается тѣмъ путемъ, какимъ передается воля? Разъясненіемъ этой плодотворной истины мы обязаны Маженди. Только съ первого взгляда можетъ показаться будто бы одинъ и тотъ же нервъ служитъ для передачи ощущенія и импульса воли, въ сущности же онъ прикрепленъ къ таѣ называемой первной оси при помощи двухъ корешковъ, которые соединяются вмѣстѣ. Ихъ считали тождественными, но они различны. Помощью этого раздвоенія разъясняется двойная дѣятельность заключающаяся въ нервѣ; задній корешокъ передаетъ впечатлѣнія чувствъ, а передній импульсъ воли. Если уничтоженъ передній корешокъ импульсъ воли не передается мускуламъ; если, наоборотъ, уничтоженъ задній — впечатлѣнія чувствъ не передадутся мозгу. Это открытие озарило новымъ свѣтъ.

тому какъ теорію такъ и практику: теорію—доказавъ что органическая матерія не есть грубая масса приводимая въ движение посторонней силой, какъ то предполагали, но тонкая ткань, имѣющая особыя свойства для каждого отиравленія; практику—уяснивъ почему въ пныхъ болѣзняхъ болной членъ теряетъ способность движения, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ ощущенія, или наоборотъ теряетъ способность ощущенія, не теряя способность движения. Одинъ англійскій ученый пользовавшійся заслуженій извѣстностью — Чарльзъ Бель далъ объясненіе этого факта, съ помощью индуктивнаго метода и опытовъ, но ему не удалось сдѣлать его вполнѣ доказательнымъ. Мажепди окончательно разъяснилъ его, и ввелъ его въ кругъ научныхъ истинъ, такъ что, собственно говоря, съ этимъ великимъ открытиемъ, связаны имена двухъ ученыхъ.

II.

Опытъ и теорія.

Въ послѣдующихъ строкахъ я попытаюсь доказать всю несостоятельность метода основаннаго исключительно на опыте, а между тѣмъ и въ моихъ глазахъ опытъ — такое орудіе, безъ котораго не можетъ обойтись физіология. Впрочемъ я и не нападаю на опытъ далеко нѣтъ, напротивъ, стремясь выяснить его роль, опредѣлить границы ему назначенные, я желаю только выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ все значение его.

Въ древнія времена возникъ между докторами, тянувшійся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, споръ о томъ: какое мѣсто должно быть отведено теоріи, и какое опыту? Одни, такъ называемые догматики полагали, что одинъ опытъ недостаточенъ, необходимо также ознакомиться съ неизвѣстными и ближайшими причинами болѣзней, съ дѣятельностью организма, наконецъ съ строеніемъ внутреннихъ органовъ. Другіе же, напротивъ, такъ называемые эмпірики придавали значеніе однимъ фактамъ; еслибъ искусство разсуждать, говорили они, создавало докторовъ, то величайшими медиками міра были бы философы; философы же обладаютъ, въ высшей степени, искусствомъ играть словами, но отнюдь не лечить. Чѣмъ доискиваться до причинъ дыханія, говорили они, го-

ридо лучше изыскывать средства помочь тѣмъ, у кого дыханіе ме-
дленно и несвободно, чѣмъ задавать вопросомъ: отъ чего зави-
ситъ болѣе прегрѣй, гораздо целесообразнѣе изучать измѣненія
иульса, и по нимъ судить о значеніи различныхъ признаковъ.

Таковъ былъ споръ между догматиками и эмпириками, между
обобщеніемъ и фактомъ. Замѣтимъ, здѣсь насколько измѣнилас-
сама почва спора. Древніе эмпирики отказывались подвергать изслѣ-
дованию строеніе внутреннихъ органовъ, причину дыханія, назпа-
ченіе бывающихъ артерій, а древніе догматики надѣялись достигнуть
раціональныхъ результатовъ лишь съ помощью этихъ знаній. Со-
временные же эмпирики, наоборотъ, запираются всѣмъ тѣмъ, что
составляло предметъ отдаленныхъ стремленій древнихъ догмати-
ковъ, а современные догматики пытаются создать теорію, которая
бы разомъ уяснила причину всѣхъ вещей, и причину ума. Понятія
обѣихъ партій поднялись на цѣлую ступень. Кромѣ того слѣдуетъ
замѣтить, что въ древнія времена споръ этотъ былъ неразрѣшимъ,
уже только потому, что люди, называвшіе и почитавшіе себя дог-
матиками, въ сущности жадно гонялись не за теоріями, а за фак-
тами. Вопросъ былъ невѣрно поставленъ; въ наше время онъ по-
ставленъ вѣрно; можно надѣяться на разрѣшеніе его, причемъ слѣ-
дуетъ замѣтить что духъ обобщенія окончательно сталъ выше
духа частныхъ изслѣдований.

Нѣсколько примѣровъ могутъ лучше уяснить намъ дѣло. Жизнь
животнаго поддерживается при помощи разнообразныхъ и сложныхъ
процессовъ. Оно питается, грудь его поднимается и опускается,
втягивая и выгоняя изъ себя воздухъ; кровь обращается въ арте-
рияхъ и венахъ, мускулы переносятъ его съ мѣста на мѣсто но
произволу, схватываютъ или отталкиваютъ предметы, смотря по-
тому нуждается ли оно въ нихъ, или они причиняютъ ему боль;
чувства приводятъ его въ соприкосновеніе съ предметами виѣш-
ниаго мира; умъ, разумѣется въ той мѣрѣ, въ какой природа надѣ-
лила имъ животное, стремится удовлетворить требованіямъ собствен-
наго организма и виѣшняго міра. Ясно, что при изученіи столь
тѣсно между собой связанныхъ явлений, совсѣмъ не все равно съ
чего начать; на первомъ же шагу возникаетъ вопросъ о выборѣ
метода, и пренебречь имъ могутъ одни поверхностные умы, потому
что вопросъ о методѣ, какъ вопросъ общій, отличается глубокимъ

и обширнымъ интересомъ. Галленъ, одинъ изъ главныхъ представителей древней науки, написалъ сочинение озаглавленное: «О пользѣ частей», въ которомъ излагаетъ почему каждая часть наплучше приспособлена для того назначенія, которое она исполняетъ. Книга эта—обширный и прекрасный трудъ; авторъ изучившій всѣ науки своего времени, обладалъ умомъ философа энциклопедиста, тѣмъ не менѣе въ его трактатѣ нельзя найти и слѣда какого либо метода, все въ немъ построено на искусственной системѣ,ничѣмъ не связанной съ основными данными разработываемаго предмета, а потому и небросающей на него даже слабаго свѣта. Автора не слѣдуетъ винить въ томъ; должно только признать, что состояніе науки, въ его время, не позволяло уловить истинное соотношеніе между различными явленіями, происходящими въ животномъ организмѣ. Нельзя того же сказать въ оправданіе Маженди и направление его совсѣмъ иное: онъ такой же эмпирікъ какъ Галленъ догматикъ, а между тѣмъ онъ не обратилъ никакого вниманія на порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ изучать эти явленія, и въ своей физиологии началъ съ дѣятельности нервной системы, съ объясненія чувствительности, а закончилъ — питаніемъ.

Подобное распределеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Общее правило —ходить отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, отъ того что поддерживаетъ зданіе къ тому что вѣнчаетъ его. Въ данномъ случаѣ менѣе сложное — все относящееся до питанія живаго существа, болѣе сложное — все относящееся до проявленія его чувствительности и его ума. Основу зданія составляетъ общая картина процессовъ питанія, или, выражаясь технически: растительная жизнь, предшествующая всегда дальнѣйшему развитію, въ свою очередь немыслимому безъ нее; вѣнецъ — дѣятельность нервной системы, чувства,— силы нравственныя и умственныя; на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы, образуемой живыми существами, силы эти ничтожны, ничтожны они и въ первыхъ проявленіяхъ индивидуальной жизни, но каковы бы они ни были — имъ не проявиться иначе какъ подъ условиемъ прочно организованной системы питанія. И точно природа, иѣ своимъ развитіемъ, только повторяетъ великие законы управляющіе ею. Это подчиненіе чувствительности нервовъ питанію, иѣ отдельномъ организмѣ лишь воспроизводитъ отношеніе существующее между царствомъ расте-

и въ шириномъ животныхъ. Царство растительное по отношениі къ паренхимѣ животному, тоже что система питанія по отношению къ первої системѣ: какъ животныя не могутъ существовать безъ растеній, такъ же точно дѣятельность чувствъ и разума немыслимы безъ членности органовъ питанія. Логика, учащая настъ познанію отношений существующихъ между нашимъ умомъ и предметомъ ивиціяго міра, требуетъ чтобы мы, въ данномъ случаѣ, правильно и постепенно шли отъ изученія того, что поддерживаетъ жизнь и составляетъ питаніе живаго существа къ изученію того, что составляє высшее развитіе и проявленіе его жизни — его умъ. Этотъ путь согласенъ съ методомъ, потому что методъ требуетъ, чтобы переходили отъ менѣе труднаго къ болѣе трудному, отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному; начинали изученіемъ, какимъ образомъ организмъ для поддержанія своего существованія безпрестанно теряетъ свои составные части и немедленно вознаграждаетъ свои потери, что собственно и называется питаніемъ, и окончить изученіемъ того какъ организмъ сознаетъ себя, дѣйствуетъ, мысля, чувствуя и желая. Исходять отъ менѣе труднаго къ болѣе трудному, потому что всѣ процессы питанія выходятъ изъ явлений физическихъ и химическихъ и кончаются ими же, а явленія физическая и химическая, сравнительно говоря, хорошо извѣстны и служатъ твердой основой; тогда какъ функции чувствительныхъ нервовъ, не выходя изъ этихъ явлений и не оканчиваясь ими, не могутъ быть ими объяснены. Поступая такимъ образомъ, мы пойдемъ и отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, потому что чувствительность первовъ, вліяя на процессы питанія, въ свою очередь находится подъ вліяніемъ ихъ. Кромѣ того нервы живутъ и своей жизнью. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, достаточно сравнить познанія, какія мы имѣемъ относительно органовъ питанія, съ тѣмъ, что мы знаемъ объ органахъ чувствительности. Легкіе, сердце, желудокъ, желѣзы и другіе органы питанія, или хорошо извѣстны или окружены не особенно глубокимъ мракомъ. Нервная же система исполняющая функцию чувствительности организма извѣстна очень несопрѣшенно; только съ весьма недавняго времени удалось выяснить существование двухъ отличныхъ другъ отъ друга корешковъ нервовъ, передающихъ по назначенію чувство и движение; въ мозгу же одни начинаютъ различать особые части, имѣющія специальный на-

значенія. Тогда какъ органы питанія ясно и рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, первы—эти органы отношеній къ виѣшнему міру—представляются еще въ такомъ запутанномъ видѣ, распутать который еще въ настоящее время нѣтъ надежды. И такъ все заставляетъ насъ держаться опредѣленного порядка, установить настоящую іерархію при изученіи физіологіи и функцій организма.

Я сказалъ выше, что процессы питанія объясняются явленіями физическими и химическими; но этимъ я не хотѣлъ выразить, что эти процессы, сами по себѣ, явленія физической и химической. Это требуетъ объясненій. Наука долго взвѣшивала вопросъ: есть-ли жизнь, — я употребляю самый краткій способъ выраженія, нѣчто отдѣльное отъ различныхъ силъ неорганическаго міра, или же она сливается съ ними? Всякій, хотя сколько нибудь знакомый съ исторіей развитія науки пойметъ, что послѣднее изъ этихъ двухъ мнѣній должно было быть первымъ по времени. Первоначальная научная теорія имѣла основаніемъ математику, астрономію, явленія физической и химической; изученіе живыхъ организмовъ по ихъ сложности, представляло слишкомъ большія затрудненія и не давало возможности создать стройную самостоятельную систему идей; живые организмы, для ученыхъ того времени не бросали свѣтъ на законы жизни, по за то они всегда готовы были отражать свѣтъ заимствованный извѣ. Вотъ почему въ теченіе многихъ вѣковъ не было сдѣлано ни одного сколько-нибудь значительного открытия въ физикѣ или химії, безъ того чтобы его totчасъ не старались обратить въ ключь къ теоріи явленій жизни. Такъ электрическій токъ,—эта въ сущности логическая уловка, измышленная физиками, желавшими съ помощью ея связать свои разрозненные положенія и объяснить явленія, перешелъ въ физіологію подъ именемъ перваго тока; но такъ какъ у него не было тѣхъ же причинъ удержаться въ физиологии, по какимъ онъ удержался въ физикѣ, то это создало отвлеченнаго мышленія, такъ некстати введенное въ совершенно ому чуждую науку, не замедлило погибнуть подобно растопію бечь корней и исчезло изъ ряда положительныхъ понятій о жизни. Попытка слить воедино жизненные процессы съ процессами міра неорганическаго долго была тѣмъ блуждающимъ огонькомъ, который сбивалъ съ пути спекулятивные умы; каждый разъ имъ казалось, что они настигаютъ его и каждый разъ онъ удалялся, оставляя еще больший мракъ, тамъ гдѣ

живетъ блеснуть сиѣть. Тѣмъ не менѣе эта надежда была все-таки временной оворою; и преслѣдуя воображаемую цѣль, дѣйствительно подвигались впередъ, такъ какъ постоянное развитіе другихъ наукъ способствовало возвышенню общаго уровня интеллигенти, постепенно освобождая человѣческій умъ изъ подъ вліянія элементарныхъ понятій и поднимая его до понятій транценден-тическихъ. Я скажу, опредѣляя эти термины не самими вещами, но ходомъ исторіи, научные понятія элементарны до конца среднихъ вѣковъ; съ этого же времени они принимаютъ транцендентальный характеръ. Когда переходомъ отъ индукціи къ индукціи выяснили положительнымъ образомъ, что наука о жизни или биологія не сводится ни къ какому физическому или химическому явлению, то это положеніе было понятіемъ транцендентальнымъ. Истинна эта успѣла уже утвердиться на слишкомъ прочныхъ основаніяхъ до появленія Маженди, чтобы онъ счѣлъ возможнымъ прямо оспаривать ее, но онъ о говорилъ о ней какъ-то нерѣшительно. При самомъ началѣ своихъ лекцій: о физическихъ явленіяхъ жизни, онъ говорилъ о явленіяхъ вообще обозначаемыхъ названіемъ жизненныхъ явлений, не пытаясь связать ихъ съ законами управляющими тѣлами неорганическими, замѣчая даже что невозможно установить хотя какое-бы то ни было соотношеніе между сжимаемостью мускула и простой эластичностью неорганическихъ тѣлъ. Говорить это—значить проводить рѣзкую грань между ученіемъ о томъ, что одарено жизнью, и ученіемъ о томъ, что лишено ея. Заявляя далѣе о своемъ намѣреніи связать законы, управляющіе дѣйствіями нашихъ органовъ, съ подобными же законами, управляющими неорганическими веществами, онъ говоритъ: «Думать будто жизненные явленія совершенно отличны отъ прочихъ явлений природы, значитъ распространять важное заблужденіе и противиться дальнѣйшему развитію науки.» Еще немного далѣе онъ вполнѣ ясно выражаетъ мысль, что полагать будто каждое живое существо, растеніе или животное, все равно, подчинено законамъ не находящимся въ зависимости отъ законовъ управляющихъ другими тѣлами природы, значитъ распространять одинъ изъ печальнѣйшихъ предразсудковъ когда либо преобладавшихъ и донынѣ еще преобладающихъ въ медицинѣ. Человѣку, принимающему эти слова въ ихъ строгомъ и прямомъ смыслѣ, можетъ броситься въ глаза противорѣчіе между ними и той

фразой Маженди, которою онъ утверждаетъ, будто нѣть даже малѣйшаго отношенія между сжимаемостью органовъ и эластичностью неорганическихъ тѣлъ. Не станемъ объяснять этихъ противорѣчій въ дурную сторону, скажемъ лучше что они заключаются въ выраженіяхъ, а не въ понятияхъ; что Маженди просто думалъ сказать, что рядомъ съ жизненными явленіями, стоять явленія физическая и химическая, что рядомъ съ законами управляющими жизнью дѣйствуютъ законы управляющіе неорганическими веществами. Тѣмъ не менѣе приходится сознаться, что Маженди употребляетъ здѣсь темный и неопредѣленный языкъ; изъ него можно вывести заключеніе, что и мысль не отличалась ясностью и опредѣленностью, и что въ умѣ Маженди не было выяснено то, что онъ допускалъ и что, допуская существованіе законовъ жизни, онъ всегда готовъ былъ вѣять назадъ только что сдѣланную уступку.

Онъ самъ объясняетъ намъ причину своего темнаго изложенія: «Мы разсмотрѣли, говоритъ онъ, главнѣйшія жизненные явленія, ареной которымъ служитъ тѣло человѣческое, но мы могли только констатировать факты путемъ опыта, что же касается до объясненій ихъ, то я вынужденъ громко сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Если я знаю въ силу какого механизма плева смачивается жидкостью, за то я тщетно стану доискиваться причины сокращаемости мускульныхъ волоконъ, или чувствительности нерва». Онъ поступаетъ весьма похвально, сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ, только это невѣжество не случайное, не временное, оно неизбѣжное и постоянное. Физіологъ, по отношенію къ силѣ заставляющей мускуль сокращаться и нервѣ передавать ощущеніе, находится совершенно въ другомъ положеніи, нежели физикъ по отношенію къ силѣ сообщающей наэлектризованнымъ веществу притяженіе, свѣтъ и теплоту. Не простое невѣжество, а невозможность что-либо узнать одинаковы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Маженди не признаетъ посредствующей ступени между отдѣльными фактами, составляющими предметъ его наблюденій и этими конечными силами, свойства которыхъ нельзѧ вывести изъ другихъ, для него выйтти изъ одной области значиѣ перейти въ другую. Но область науки, и заключаются именно между этими фактами и конечными свойствами. Конечные свойства не выводятся изъ другихъ; они обусловливаютъ почему любая наука

именно та и не другая, почему она имѣеть свою определенную область отдаленно же факты снабжаютъ науку материаломъ для ея теоріи. Отдаленіе вдаваться въ химерическую объясненія конечныхъ силъ иною разумно, но вообразить будто нельзѧ выйтти изъ области частныхъ фактovъ—безъ того чтобы тотчасъ не попасть въ область химеръ, есть отреченіе отъ всякаго спекулятивнаго мышленія.

Какъ скоро мы перестанемъ заниматься жизненными явленіями, говоритъ Маженди, и обратимся къ явленіямъ, хотя и въ живыхъ организмахъ совершающихся, но подчиненныхъ общимъ законамъ физики, то они тотчасъ становятся доступны нашимъ объясненіямъ. Такъ и чувствуешьъ, что Маженди дышется вольнѣе на этой почвѣ; ему было неловко посреди явленій и дѣйствій, которымъ онъ не можетъ пріискать объясненій, ибо они необъяснимы, которыхъ кромѣ того и не хотѣть разъяснять хорошо, и безъ малѣйшаго колебанія сознавая, что то была бы попытка лже-науки, — выхода-же изъ этой альтернативы ему не оставалось никакого. Не говоря уже о фізіологіи въ ея цѣломъ, ограничиваясь излюбленнымъ Маженди полемъ изслѣдований, мы смѣло можемъ сказать, что этотъ ученый никогда не имѣть яснаго понятія и точнаго свѣденія о соотношеніяхъ существующихъ между явленіями физическими и химическими, и явленіями жизненными. Безъ всякаго сомнѣнія, жизнь находится въ полной зависимости отъ законовъ управляющихъ веществами неорганическими, потому что органическія тѣла образованы изъ той-же матеріи, со всѣми ея непремѣнными условіями каковы: форма, тяжесть, теплота, эластичность, электричество, свѣтъ; но за то и явленія фізическія и химическія въ живыхъ организмахъ происходящія, въ свою очередь, зависятъ отъ жизни. Приведу въ примѣръ дыханіе. При вдыханіи въ груди образуется пустота; воздухъ проникая въ нее приходитъ въ соприкосновеніе съ кровью, кровь при каждомъ сжиманіи праваго желудочка прогоняется въ легкія. При этомъ соприкосновеніи тотчасъ-же происходитъ соединеніе и разложеніе; съ помощью ихъ кислородъ соединяется съ кровью, газы выдѣляются изъ крови, сама-же кровь изъ темно-красной становится ярко-красной. Это именіе чисто-химическое, и всякий разъ какъ кровь и воздухъ придутъ въ соприкосновеніе, вышеописанное соединеніе и разло-

жение будуть имѣть мѣсто. Но оно также и жизненное явление, потому что этотъ рядъ дѣйствій въ состояніи произвести одна кровь—вещество органическое; словомъ, вещество, которому виѣ живыхъ организмовъ вѣтъ подобнаго, производить дѣйствіе, правда химическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое, котораго нигдѣ болѣе воспроизвести невозможно. Напрасно пытались-бы химія создать кровь, тщетно было-бы ея желаніе произвести такую комбинацію которая будучи приведена въ соприкосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ, производила бы непрестанный обмѣнъ съ этимъ газомъ. Наука всегда потерпѣтъ неудачу, такъ какъ она совершенно неспособна ввести въ дѣло, при помощи всѣхъ свойственныхъ ей соображеній, силу дѣйствующую здѣсь, называемую жизнью. Жизнь правда, находится въ зависимости отъ всѣхъ силъ, какъ физическихъ такъ и химическихъ, потому что можетъ проявиться при помощи одной матеріи, испытывающей на себѣ огромное влияніе этихъ силъ, а между тѣмъ жизнь выше ихъ, она заставляетъ ихъ видоизмѣняться согласно съ ея собственными условіями. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній мы снова возвращаемся къ методу, къ іерархіи наукъ, требующей чтобы учение о мірѣ неорганическомъ предшествовало учению о жизненныхъ явленіяхъ, къ этой іерархіи столь необходимой для всякой истинной и могучей философіи.

И такъ: виѣ и превыше всего стоитъ въ физиологии отдѣль обнимающей собой цѣлый рядъ силъ, соответствующій цѣлому же ряду тканей. Необходимо, разумѣется, изучить съ величайшимъ тщаніемъ все, что происходитъ въ этомъ отдѣль по части явленій физическихъ и химическихъ, но не менѣе того необходимо смотрѣть на все дѣло съ точки зрѣнія этихъ самыхъ тканей и силъ могущихъ уяснить намъ характеръ и ходъ развитія науки. Этотъ отдѣль одинъ изъ существенныхъ въ физиологии; никогда не удалось Маженду дойти до него; никогда не проводилъ онъ цѣлой системы идей, стоящей на полѣ-пути между констатируемыми имъ жизненными явленіями и явленіями физическими и химическими, системы не теряющейся ни въ бесплодныхъ гипотезахъ о первоначальной причинѣ жизни, ни въ разысканіяхъ будто-бы положительныхъ, а въ сущности принадлежащихъ къ числу понятій низшаго рода.

Читателю, безъ всякаго сомнѣнія, покажется будто я ставлю

методъ, иже почтенній правильнымъ, между двухъ крайностей, и укимиши ии два подводныхъ камня говорю: *In medio tutissimus ille.* Ничего подобнаго я не дѣлаю: стараться постигнуть первоначальнуу причину жизни, или силиться иззвести жизненныя явленія до уровня явленій физическихъ и химическихъ не значитъ выбирать одинъ изъ крайнихъ путей. Оба эти пути—первоначальные, и относятся къ тому времени, когда наука пробовала свои первыя шаги. Первый изъ этихъ путей, какъ древнѣйший, относится къ тому времени, когда духу научно-философскаго изслѣдованія представлялось, будто онъ ничего знать не будетъ, если не познаетъ сокровенной сущности вещей; не будучи же въ состояніи добраться до нея законными путями, духъ изслѣдованія надѣялся достичь своей цѣли при содѣйствіи смѣлыхъ и остроумныхъ гипотезъ, всю ошибочность которыхъ онъ, по своей недозрѣлости, видѣть не могъ. Второй путь болѣе современныи; идущіе по немъ идетутся, прихрамывая по слѣдамъ физики и химіи, наукъ менѣе сложныхъ, болѣе легкихъ, способныхъ стать во главѣ всѣхъ блестящихъ открытій, а также по мнѣнію изслѣдователей, и объяснить научнымъ образомъ явленія относящіяся къ совершенно другому разряду понятій. Истинный же методъ оставляетъ позади себя оба эти взгляда, какъ устарѣлые, спокойнымъ взоромъ обнимая жизнь въ ея цѣломъ; жизнь не есть электричество или теплота, сама по себѣ она объяснима не болѣе этихъ свойствъ вещества, а между тѣмъ эта самая жизнь, составляетъ предметъ вполнѣ независимаго ученія, обнимающаго какъ видопрѣмененія производимыя жизненными силой въ явленіяхъ физическихъ и химическихъ, такъ и дѣйствія присущія одной этой силѣ. Тусклый свѣтъ даютъ звѣзды, сказалъ въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ стиховъ старикъ Корнель. Тусклый же свѣтъ падаетъ съ неба науки при началѣ изслѣдованій; но мало по малу онъ возрастаетъ, какъ и при наступлении настоящаго дня, съ тою лишь разницею, что міровое солнце, встающее для цѣлой системы планетъ и ихъ спутниковъ, не находится въ зависимости отъ насъ, тогда какъ солнце науки, предназначеное освѣщать путь человѣчества, стремящагося къ развитію и усовѣршенствованію, раскрываетъ свое сіяніе и возносится надъ горизонтомъ, лишь благодаря величайшимъ усилиямъ могущественнѣйшаго умовъ.

Маженди скорѣе опровергалъ Бишъ чѣмъ продолжалъ его, тогда какъ истинной задачей физиологии было: исправивъ труды Бишъ, продолжать ихъ. Легко было, наимѣръ доказать что Бишъ не-правъ, полагая будто въ тканяхъ скрыта органическая способность всасывать и выдѣлять; предположеніе это можетъ стать на ряду съ тайными свойствами, которыхъ донскивались врачи древности и вполнѣ заслуживаетъ быть изгнаннымъ изъ науки. Въ древности, въ среднія вѣка, много времени спустя всѣ науки были переполнены знаменитыми тайными свойствами; но тогдашихъ ученыхъ должно винить не за самую идею, очевидно необходимую въ свое время, а за примѣненіе ея. Почему артеріи бываютъ? спрашивали нѣкогда. Въ силу способности биться, отвѣчали спрашивающимъ. Ни чутъ не бывало: причину явленія должно искать въ сокращеніяхъ сердца и въ толчѣ, какой эти сокращенія ему сообщаютъ. Почему вода въ началѣ не подымается выше тридцати двухъ футовъ? Потому что природа боится пустоты. Опять таки ничуть не бывало. Вода не подымается просто потому, что столбъ воды вышиною въ тридцать два фута равенъ по вѣсу всему воздушному столбу. Если же намъ предложить вопросы другого рода, напримѣръ, почему во всякой ткани, составляющей часть живаго организма происходит непрестанный обмѣнъ веществъ? почему каждый мускулъ одаренъ способностью сжиматься? каждый нервъ, способностью чувствовать? то при всемъ желаніи отвѣтить на нихъ мы можемъ и должны сослаться только на питаніе живыхъ тканей, на сократимость мускуловъ, на чувствительность нервовъ; словомъ искать причину явленія въ немъ самомъ, подобно тому какъ физики на вопросъ: почему такое то вещество испускаетъ изъ себя теплоту? отвѣчаютъ: въ слѣдствіе содержимаго въ немъ теплорода. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ тайныя свойства или лучше сказать: свойства конечныя; тайныя слѣдуетъ называть лишь такія, которымъ можно дать невѣрное преходящее объясненіе; конечными же — свойства постоянныя, непреходящія, представляющія задачу для науки. Бишъ первый отдалъ ихъ другъ отъ друга. До него въ физиологии были одни тайныя свойства, послѣ него, покрайней мѣрѣ, послѣ того какъ сочиненія его исправлены согласно съ его собственными указаніями, существуютъ одни конечныя свойства; свойства эти представляютъ задачу для науки,

видиму постную съ какой бы стороны мы ихъ ни рассматривали со стороны ихъ отвлеченной, со стороны ли видоизмѣнений производимыхъ ими въ явленияхъ физическихъ и химическихъ, или же иначе, со стороны видоизмѣнений производимыхъ въ нихъ явлениями физическими и химическими, все въ тѣхъ же конечныхъ свойствахъ.

На древнихъ храмахъ постоянно лилась кровь животныхъ. Жертвенное приношения совершались съ цѣлью исполнить данный обѣтъ или умилостивить боговъ; жрецы разматривали внутренности животныхъ, стараясь прочесть въ нихъ будущее. Такъ человѣкъ или отвращенія своихъ опасеній, для оживленія своихъ надеждъ жертвовать тысячими жизнами. Физіология такъ же божество, кото-
рому постоянно приносится въ жертву не одна жизнь; въ лабораторіяхъ разматриваются внутренности животныхъ не съ цѣлью угадать по нимъ будущее, но дабы научиться знать и предвидѣть.

Состраданіе доведенное до крайности, несомнѣнное съ естественнымъ порядкомъ вещей, но должно имѣть здѣсь мѣста. Законъ разрушенія царствуетъ повсюду. Животные истребляютъ другъ друга и не могутъ не истреблять.

Кровожадность природы обнаруживается со всѣхъ сторонъ въ этой средѣ убийствъ и рѣзни; а она также искусно приспособила зубы тигра для растерзанія «корткихъ и невинныхъ жертвъ» по словамъ поэта, какъ глазъ для зрѣнія. Ради удовольствія доставляемаго охотой, мы съ ожесточеніемъ преслѣдуемъ дрожащаго оленя; ради наслажденія гастрономическаго, заставляемъ годныхъ для иппи животныхъ испытывать жесточайшія муки. Что же послѣ этого удивительного въ томъ что физіологъ, стремящійся къ раскрытию тайнъ живаго организма, подвергаетъ своимъ разрушительнымъ опытамъ живыя существа? Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что между жестокостью, издѣвающейся надъ страданіями, и желаніемъ, чтобы ни одно живое существо не погибло насильственной смертью, есть средина, которой надобно держаться. Человѣческій разумъ обязанъ вступиться въ дѣло и низвести до тѣснѣшихъ предѣловъ это неназѣбѣжное и роковое истребленіе. Наука, требующая для своихъ опытовъ принесенія въ жертву животныхъ, болѣе всякой другой обязана не проливать кровь по произволу, не расточать повсюду страданія. Прекрасное зрѣлище представляетъ человѣкъ,

сердце которое не сохранило свои права, тогда какъ умъ усвоилъ ясное понятіе о роковой необходимости, способствующей уничтоженію всего существующаго. Физіологія производить свои опыты надъ животными, пользуется болѣзнями человѣка, чтобы приобрѣсти новыя познанія и пролить новый свѣтъ на медицину. Читателю должно быть ясно что мы вступили въ область жизни и смерти, наслажденія и страданія; очевидно, что тотъ кому выпадала па долю обязанность испытывать подобныя тайны, долженъ обладать возвышенными умомъ, великодушными сердцемъ, незащищанными руками.

Какъ и слѣдовало ожидать Маженди чуждался исторіи, даже врѣмдѣцо относилъ къ ней. Научныя системы проиглаго, способъ разсужденій, способъ опытныхъ изслѣдований, стремленія — все казалось ему недостойнымъ вниманія человѣка серьезнаго. Для него наука не имѣла своего корня въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Недостатокъ общицъ иѣмъ умамъ замкнувшимся въ своей специальности, это наклонность заботиться лишь о настоящей минутѣ, о той пользѣ, какую онъ сейчасъ принести можетъ, словомъ о своемъ краткомъ днѣ по выражению Шекспира; не подозрѣваютъ эти умы самого существованія какой либо связи соединяющей отдельныя науки съ общимъ сводомъ знаній, съ прошедшимъ и даже, скажу безъ колебаній, съ будущимъ. Маженди не удалось избѣгнуть общаго недостатка; получивъ кафедру древней медицины въ College de France, онъ тотчасъ превратилъ ее въ кафедру опытной физіологии съ полнымъ впрочемъ основаніемъ, такъ какъ способность его производить опыты была весьма значительна, способности же излагать историческія теоріи онъ положительно не имѣлъ. Съ тѣхъ поръ эта кафедра, ставши свободной, не возвратилась къ своему первоначальному назначенію; она досталась па долю человѣка, прославившагося замѣчательными открытиями, и стѣумѣвшаго въ значительно высшей мѣрѣ, чѣмъ то сдѣлалъ Маженди, соединить въ лицѣ своемъ физіолога съ физикомъ и химикомъ. И такъ я не сожалѣю вовсе о томъ, что кафедра досталась на долю Бернара, но не могу пожалѣть глубоко о томъ, что ни въ одномъ изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не существуетъ кафедры исторіи наукъ, и даже College de France допустилъ преданія подобнаго рода до погибели. Мы вправѣ жаловаться на это, не только во имя каждой отдельной науки, но во имя науки общей, во имя высшаго знанія.

Тогда какъ ~~штат~~ въ политической постоянной ~~развитие~~ об-
живается не особенно ясно и даже многими оспаривается, въ
рѣ наукъ оно проявляется въ полномъ блескѣ. Словомъ, въ
мы усматриваемъ постоянную связь, сдѣланные, преемственны
прогрессъ, который есть основание философіи.
